

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Асаад Хаиан, Головкин Р.Б. Направления развития правовых инструментов реализации «цифровой дипломатии» в Сирии 6

Баранцева Е.Л. Выявление факторов преемственности ценностей правовой культуры российского общества 9

Кутькова С.С. Дополнительная (субсидиарная) ответственность поручителей: какой характер ей был присущ – договорный или обязательственный? (сравнительно-правовой анализ норм и положений проектов Гражданского Уложения 1814 г. и 1882–1910 гг. и тома X Свода законов Российской Империи) ... 13

Смирнов В.А. Эволюция содержания категории правовой культуры личности 17

Тоготин В.В. Религиозная тайна: практика правоприменения, правовая защита 20

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Бердюгина Ю.М., Курьякова В.Ф. Влияние регулирования сохранения объектов культурного наследия на социально-экономическое развитие крупных городов 25

Бычик Ю.А. Значение ведомственного контроля в обеспечении законности правоприменительной деятельности таможенных органов 30

Губанова О.А., Ильина И.М., Османов Ш.А., Завьялов Д.Е. Социальная гарантия сотрудников ГПС МЧС России 34

Зубарев Д.С. Электронные доказательства как независимый элемент доказывания в производстве по делам об административных правонарушениях 39

Исаков И.Н. Федеральное законодательство – основополагающий уровень отраслевого и комплексного правового регулирования в системе российского права 44

Кандрина Е.Г. О субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в правовой системе обеспечения интересов кредиторов и третьих лиц 51

Краснов А.В. Правовое регулирование профилактической деятельности органов внутренних дел в области противодействия семейно-бытовому насилию 56

Охлопков Г.Н. Совершенствование правового института главы муниципального образования 63

Учредитель: ООО «Издательство КНОРУС»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-74313 выдано 23.11.2018
ISSN 2220-5500

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: jurscience@mail.ru Сайт: www.jurnauka.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Ашмарина Елена Михайловна, д-р юрид. наук, проф., Российский государственный университет правосудия; **Багреева Елена Геннадиевна**, д-р юрид. наук, проф., Финансовый университет при Правительстве РФ; **Барабанова Светлана Васильевна**, д-р юрид. наук, доц., Казанский национальный исследовательский технологический университет; **Бирюков Павел Николаевич**, д-р юрид. наук, проф., Воронежский государственный университет; **Галушкин Александр Александрович**, кандидат юридических наук, доц., Академик РАЕН, Российская академия естественных наук; **Казачкова Земфира Мухарбиевна**, д-р юрид. наук, проф., Всероссийский государственный университет юстиции; **Калиниченко Пауль Алексеевич**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Кожанков Антон Юрьевич**, кандидат юридических наук, Московский государственный институт международных отношений (университет); **Липатов Эдуард Георгиевич**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Липски Станислав Андреевич**, д-р экон. наук, доц., Государственный университет по землеустройству; **Малько Александр Васильевич**, д-р юрид. наук, проф., Поволжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции; **Мамитова Наталия Викторовна**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Махтаев Махтай Шапиевич**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; **Мещерякова Ольга Михайловна**, д-р юрид. наук, доц., Российский университет дружбы народов; **Панченко Владислав Юрьевич**, д-р юрид. наук, проф., Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России); **Рузакова Ольга Александровна**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный институт международных отношений (университет); **Сангаджиев Бадма Владимирович**, д-р юрид. наук, доц., Российский университет дружбы народов; **Степанян Армен Жоресович**, кандидат юридических наук, доц., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Цареградская Юлия Константиновна**, д-р юрид. наук, доц., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чаннов Сергей Евгеньевич**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Четвериков Артем Олегович**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чихладзе Леван Теймуразович**, д-р юрид. наук, проф., Российский университет дружбы народов; **Шохин Сергей Олегович**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный институт международных отношений (университет); **Щукина Татьяна Владимировна**, д-р юрид. наук, доц., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Павликов Сергей Герасимович**, д-р юрид. наук, проф. кафедры правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ; **Скитович Виктор Викторович**, доктор юридических наук, проф., проф. кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «РЭУ имени Г.В. Плеханова»; **Шагиева Розалина Васильевна**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Джинджолия Рауль Сергеевич**, д-р юрид. наук, проф., Российский новый университет; **Стойко Николай Геннадьевич**, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский государственный университет

Главный редактор:

Кашкин Сергей Юрьевич, доктор юридических наук, профессор
Заместитель главного редактора:

Коровяковский Денис Геннадьевич, канд. юрид. наук, доц.

Отпечатано в типографии ООО «Издательство «КноРус»,
117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
Тираж 300 экз. Формат А4. Подписано в печать: 29.02.2024

Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»

<i>Парфенцев К.А.</i> Правовое регулирование реализации государственных программ: аспекты поддержки малого бизнеса.....	69
<i>Подколзина Т.И.</i> Роль и место землеустройства в создании единого информационного источника о земле и недвижимости: правовой аспект	75
<i>Потапова Л.В.</i> К вопросу о правотворческой деятельности прокуратуры Российской Федерации	80
<i>Рогожина А.С.</i> Определение ненормативных правовых актов как элемента правового пространства	83
<i>Сербиненко Е.Ю.</i> Правовое регулирование применения информационных технологий в государственном управлении: на примере таможенных органов	87
<i>Степанов И.Н.</i> Проблемы законодательного регулирования процесса самовыдвижения кандидатов в президенты Российской Федерации	91
<i>Чернякова С.А.</i> Актуальные проблемы правовой составляющей внедрения цифрового рубля	96
<i>Шинкарьук Д.В.</i> Конституционно-правовой статус детей, оставшихся без попечения родителей	101

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

<i>Абдуллина Л.Ф.</i> Развитие правового регулирования института предпринимательства в сельской местности	105
<i>Антонов А.Г.</i> Преюдициальное значение решений судов при пересмотре дел об административных правонарушениях в арбитражном процессе	110
<i>Баймухаметов Б.В.</i> Правоотношения по предупреждению причинения вреда: определение места в системе гражданских правоотношений	116
<i>Губайдуллина Э.Х., Барабощкина А.А.</i> Искусственный интеллект в судебной деятельности	121
<i>Ермакова Е.П., Пухарт А.А.</i> Внедрение цифровых технологий в гражданском судопроизводстве ЕС: на примере реализации положений Регламента и Директивы о цифровизации трансграничного судебного сотрудничества и доступа к правосудию.....	124
<i>Лончакова Ю.А.</i> Регулирование мультимодальной перевозки грузов в международном праве.....	131
<i>Находкин А.А.</i> Правовая природа договора на разработку программного обеспечения для ЭВМ: аспекты защиты интересов заказчика.....	136
<i>Первалов А.Г.</i> Соотношения действия общего трудового законодательства о порядке введения электронного документооборота со специальными нормами правового регулирования труда занятых на микропредприятиях	140
<i>Федорова Ю.А.</i> Соотношение понятий возмещений вреда за незаконные действия и компенсации ущерба за правомерные действия ОВД.....	145
<i>Чулков И.К.</i> Стандартизация, как одна из функций саморегулирования, на примере частной космической деятельности	151

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Агафонов А.В., Худоиев Д.А.</i> Наркотики: проблемные вопросы определения понятия и основных признаков (согласно законодательству Российской Федерации и Республики Таджикистан).....	154
<i>Боев Д.В.</i> Декриминализация в правоприменении причинения вреда сотрудниками правоохранительных органов при выполнении должностных обязанностей	161
<i>Труш В.М., Гомонов Н.Д., Тимохов В.П.</i> Анализ характерологии делинквентного поведения: лингвокультурологический и концептологический подходы	167
<i>Емельянцева К.О.</i> Обстоятельства, подлежащие установлению по делам о хулиганстве.....	171
<i>Зацепин М.Н., Зацепин А.М., Камнева К.К.</i> Коррупция в Российской Федерации: криминологический анализ.....	177
<i>Варламова А.А., Зашляпин Л.А.</i> Допустимость показаний несовершеннолетнего свидетеля в уголовном судопроизводстве.....	184
<i>Крюков А.В.</i> Вопросы возмещения материального ущерба, причиненного при задержании.....	190
<i>Косарева Б.П.</i> О формировании допустимости косвенных доказательств в делах о налоговых преступлениях.....	193
<i>Крылова Н.А.</i> Проверка и оценка доказательств, как стадии процесса доказывания в досудебном уголовном судопроизводстве по уголовным делам, возбужденным по ст. 327 УК РФ	198
<i>Крюков А.В.</i> Критерии квалификации хулиганства на транспорте как уголовного преступления	204
<i>Левандовская М.Г.</i> Установление уголовной ответственности за организацию онлайн-проституции	208
<i>Милаева М.Ю.</i> Обоснование критериев отнесения состава преступлений к коррупционным	212
<i>Пикалов С.В.</i> Уголовно-правовая характеристика вменения квалифицирующего признака «использование служебного положения»	217
<i>Сенцов А.С., Волколупова В.В.</i> К вопросу об уголовно-правовой оценке причинной связи как признака объективной стороны в составах неосторожных ятрогенных преступлений.....	223
<i>Милаева М.Ю.</i> Уголовно-правовая характеристика государственной измены: сопоставление институтов привлечения к уголовной ответственности в России и зарубежных странах	229
<i>Трусова Е.А.</i> Принудительные меры медицинского характера в системе уголовного права России	233
<i>Щеглов М.И.</i> Правовой статус взаимодействия с гражданами посредством электронных каналов связи в уголовном судопроизводстве	238

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Кардэн В.А.</i> Правовые инструменты возврата культурных ценностей России из бывших республик СССР.....	242
<i>Мишин Д.А., Куровский С.В., Сижажев А.Х.</i> Понятие юрисдикции в национальном и международно-правовом аспектах.....	247

<i>Стрельченя Д.М.</i> Милитаризация космоса как угроза международной безопасности	252
<i>Чикунев М.А.</i> Институт признания недействительными несправедливых условий договора в немецком праве	256
<i>Эйтсма О.Н.</i> Правовая характеристика заключения международного договора купли-продажи	261

TABLE OF CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

<i>Asaad Hayan, Golovkin R.B.</i> Directions for the development of legal instruments for the implementation of “digital diplomacy” in Syria	6
<i>Barantseva E.L.</i> Identification of factors of continuity of values of the legal culture of Russian society	9
<i>Kutkova S.S.</i> Additional (subsidiary) liability of guarantors: what character was inherent in it – contractual or obligatory? (comparative legal analysis of the norms and provisions of the Draft Civil Code of 1814 and 1882–1910 and Volume X of the Code of Laws of the Russian Empire)	13
<i>Smirnov V.A.</i> Evolution of the content of the category of legal culture of the individual	17
<i>Togotin V.V.</i> Religious secret: prevention, law enforcement practice, legal protection.....	20

PUBLIC LAW (STATE LEGAL) SCIENCES

<i>Berdyugina Yu.M., Kuryakova V.F.</i> The impact of regulation of the conservation of cultural heritage sites on the socio-economic development of large cities.....	25
<i>Bychik Yu.A.</i> The importance of departmental control in ensuring the legality of law enforcement activities of customs authorities	30
<i>Gubanova O.A., Ilyina I.M., Osmanov Sh.A., Zavyalov D.E.</i> Social guarantee for employees of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia	34
<i>Zubarev D.S.</i> Electronic evidence as an independent element of proof in proceedings on administrative offenses	39
<i>Isakov I.N.</i> Federal legislation is the fundamental level of sectoral and complex legal regulation in the system of Russian law.....	44
<i>Kandrina E.G.</i> Subsidiary liability of persons controlling the debtor in the legal system for securing the interests of creditors and third persons.....	51
<i>Krasnov A.V.</i> Legal regulation of preventive activities of internal affairs bodies in the field of combating domestic violence	56
<i>Okhlopkov G.N.</i> Improving the legal institution of the head of a municipal entity.....	63
<i>Parfentsev K.A.</i> Legal regulation of the implementation of government programs: aspects of small business support ...	69
<i>Podkolzina T.I.</i> The function and position of land management in the establishment of a centralised information source concerning land and real estate: legal aspect	75
<i>Potapova L.V.</i> On the Issue of Law-Making Activities of the Prosecutor’s Office of the Russian Federation	80
<i>Rogozhina A.S.</i> Definition of non-normative legal acts as an element of the legal space	83
<i>Serbinnenko E.Yu.</i> Legal regulation of the use of information technologies in public administration: the example of customs authorities	87

<i>Stepanov I.N.</i> Problems of legislative regulation of the process of self-nomination of candidates for president of the Russian Federation	91
<i>Chernyakova S.A.</i> Current problems of the legal component of the implementation of the digital ruble	96
<i>Shinkariuk D.V.</i> Constitutional and legal status of children left without parental care	101

PRIVATE LEGAL (CIVILITY) SCIENCES

<i>Abdullina L.F.</i> Development of legal regulation of the institution of entrepreneurship in rural areas	105
<i>Antonov A.G.</i> Prejudicial significance of court decisions when reviewing cases of administrative offenses in the arbitration process.....	110
<i>Baymukhametov B.V.</i> Legal relations to prevent harm: determining its place in the system of civil legal relations... ..	116
<i>Gubaidullina E.Kh., Baraboshkina A.A.</i> Artificial Intelligence in Judicial Activities	121
<i>Ermakova E.P., Pukhart A.A.</i> Introduction of digital technologies in EU civil proceedings: the example of the implementation of the provisions of the Regulation and Directive on the digitalization of cross-border judicial cooperation and access to justice.....	124
<i>Lonchakova Yu.A.</i> Regulation of Multimodal Transport of Goods in International Law	131
<i>Nakhodkin A.A.</i> Legal nature of the contract for the development of computer software: aspects of protecting the interests of the customer	136
<i>Perevalov A.G.</i> The relationship between the operation of general labor legislation on the procedure for introducing electronic document management and special norms of legal regulation of labor employed in micro-enterprises.....	140
<i>Fedorova Yu.A.</i> The relationship between the concepts of compensation for harm for illegal actions and compensation for damage for lawful actions of the Department of Internal Affairs.....	145
<i>Chulkov I.K.</i> Standardization as one of the functions of self-regulation, using the example of private space activities.....	151

CRIMINAL LEGAL SCIENCES

<i>Agafonov A.V., Khudoiev D.A.</i> Drugs: the concept and main (features according to the legislation of the Russian Federation and Republic of Tajikistan)	154
<i>Boev D.V.</i> Decriminalization in law enforcement of causing harm by law enforcement officers in the performance of official duties	161
<i>Trush V.M., Gomonov N.D., Timokhov V.P.</i> Analysis of the characterology of delinquent behavior: linguocultural and conceptual approaches	167
<i>Emelyantseva K.O.</i> Circumstances to be established in cases of hooliganism	171
<i>Zatsepin M.N., Zatsepin A.M., Kamneva K.K.</i> Corruption in the Russian Federation: criminological analysis	177

<i>Varlamova A.A., Zashlyapin L.A.</i> Admissibility of testimony minor witness in criminal proceedings	184
<i>Kryukov A.W.</i> Issues of compensation for material damage caused during detention	190
<i>Kosareva B.P.</i> About the formation of admissibility circumstantion evidence in tax crimes.....	193
<i>Krylova N.A.</i> Verification and evaluation of evidence as a stage of the evidentiary process in pre-trial criminal proceedings in criminal cases initiated under art. 327 of the criminal code of the russian federation	198
<i>Kryukov A.W.</i> Criteria for the qualification of hooliganism in transport as a criminal offense	204
<i>Levandovskaya M.G.</i> Establishing criminal liability for organizing online prostitution	208
<i>Milaeva M.Yu.</i> Justification of the criteria for classifying crimes as corruption	212
<i>Pikalov S.V.</i> Criminal legal characteristics of the imputation of the qualifying characteristic "use of official position"	217
<i>Sentsov A.S., Volkolupova V.V.</i> On the issue of criminal law assessment of causation as a sign of an objective side in the composition of reckless iatrogenic crimes	223

<i>Milaeva M.Yu.</i> Criminal legal characteristics of high treason: comparison of institutions of criminal prosecution in Russia and foreign countries.....	229
<i>Trusova E.A.</i> Compulsory medical measures in the Russian criminal law system	233
<i>Shcheglov M.I.</i> Legal status of interaction with citizens through electronic communication channels in criminal proceedings	238

INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES

<i>Karden V.A.</i> Legal instruments for the return of cultural property to Russia from the former republics of the USSR	242
<i>Mishin D.A., Kurovsky S.V., Sizhazhev A.H.</i> The concept of jurisdiction in national and international legal aspects	247
<i>Strelchenya D.M.</i> Militarization of outer space as a threat to international security	252
<i>Chikunov M.A.</i> The institution of invalidation of unfair contract terms in German law	256
<i>Ijtsma O.N.</i> Legal characteristics of the conclusion of an international contract of sale	261

Направления развития правовых инструментов реализации «цифровой дипломатии» в Сирии

Асаад Хаиан,

аспирант, Юридический институт ФГБОУ ВО «ВлГУ»,
E-mail: hayanassad089@gmail.com

Головкин Роман Борисович

профессор кафедры ТИГП, доктор юридических наук,
профессор, Юридический институт ФГБОУ ВО «ВлГУ»
E-mail: golovkinrombor@mail.ru

В статье представлен анализ средств цифровой дипломатии, используемых в Сирии. Важность исследования обусловлена несколькими факторами, в том числе: отсутствием исследований цифровой дипломатии в арабском регионе в целом. Поскольку тема цифровой дипломатии – новая и актуальная тема и одно из требований власти в эпоху новых медиа и коммуникаций четвертого поколения.

В статье исследованию главных методов реализации цифровой дипломатии в Сирийской Арабской Республике. Так как в сложившейся картине мира представляется неосуществимым воплощение каких-то действий в международной общности без использования глобальной информационной сети, также и при реализации наружной политики стран. Отталкиваясь от этого, необыкновенную значимость в обеспечении гос политики получило внедрение этого понятия, как цифровая дипломатия, призванного содействовать решению определенного ряда дипломатических задач.

Эта статья открывает новую область, которая требует внимания к сфере цифровой дипломатии и начала формирования стратегической политики по использованию этой технологии в качестве инструмента продвижения идей и ценностей.

Ключевые слова: информационная политика, цифровая дипломатия, Сирия, арабский язык, интернет, социальные сети.

Публичная дипломатия считается одним из важнейших элементов мягкой силы, которую страны используют для продвижения своих ценностей и идей. Интерес к ней возрос в исследовательских и академических кругах, а также в официальных политических кругах в области публичной дипломатии, особенно после сентябрьских событий, за которыми последовало множество напряжений в мире [3]. Публичная дипломатия определяется как разнообразная и перекрывающаяся группа мероприятий, осуществляемых странами для управления своими международными отношениями, наводить мосты между народами и нациями и создавать пространство для взаимопонимания и диалога, разработки своей внешней политики и достижения своих интересов.

С революцией цифровых медиа и ростом роли социальных сетей и приложений для смартфонов эти сети стали одним из наиболее важных средств публичной дипломатии, поскольку человек, проводящий публичную дипломатию, может напрямую обращаться к миллионам людей через это неограниченное пространство. Многие страны прибегают к созданию специализированных отделов цифровой дипломатии в министерствах иностранных дел, канцеляриях президентов и других сферах.

Первое десятилетие XXI века ознаменовалось появлением цифровой публичной дипломатии, которая означает использование Интернета и современных коммуникационных технологий для общения с внешней аудиторией с целью создания благоприятной среды для внешней политики страны благодаря цифровым платформам, которые представляют новая нервная система для мира [6]. Стало возможным мгновенно общаться с «интернет-сообществами», которые представляют собой все более важную политическую силу в процессе принятия внешнеполитических решений в своих странах, что требует от стран Совета сотрудничества стран Персидского залива интеграции цифровой публичной дипломатии в процесс принятия внешнеполитических решений.

Страны с активной внешней политикой осознали важность интеграции цифровой публичной дипломатии в процесс принятия внешнеполитических решений, поскольку цифровая публичная дипломатия способствует расширению возможностей внешней политики, донося ее до внешней аудитории.

Цифровая дипломатия, похоже, находится не в лучшей форме по объективным причинам. Си-

рийским властям очень сложно подражать успешным моделям в сфере цифровой дипломатии, учитывая общий контекст ситуации и проблемы, возникшие в результате кризиса и его влияние на общую ситуацию в Сирии. Неудивительно, что Сирия отстает на лестнице цифровой дипломатии. Это подтвердил исследователь цифровых медиа Аммар Джамхур, который увидел, что цифровая дипломатия в сирийской дипломатической работе еще не появилась в своей первой форме по сравнению с другим опытом арабского мира, таким как опыт ОАЭ [1]. Джамхур добавляет: «Многие сирийские дипломаты не знают о цифровой дипломатии, ее важности и важности».

Сирия стала фактором для утонченного развития способов агитации, которые в ряде всевозможных случаев различаются от схемы, использованной в остальных государствах во время «арабской весны». Конкретно данный фактор мотивировал наш изучение новых подходов в информационном противоборстве, которое наблюдается вокруг Сирии.

Сочетание гражданской и цифровой дипломатии создало мощный феномен, благодаря которому обычные граждане теперь могут делиться своей борьбой со всем миром в режиме реального времени. Слияние гражданской и цифровой дипломатии является особенностью жизни в Сирии.

С фактической точки зрения, компонентом цифровизации в интернациональных отношениях, получившим величайшее распределение, считается цифровая дипломатия. А именно, парадокс цифровизации наружной политики связан с термином «цифровая дипломатия» – элементом общественной дипломатии и одним из главных инструментов «мягенькой силы».

Убыстрение процесса цифровизации вызвало стремительную приспособление муниципальных ведомств к новоиспеченным вызовам и задачам, а еще привела к происхождению новейших веяний в сфере числовой дипломатии [4]. Цифровизация дипломатии как итог воздействия цифровизации на международные дела завлекла интерес большого количества изыскателей-международников, потому есть надобность систематизации огромного концептуального агрегата для описания необыкновенностей данного парадокса.

Посол Великобритании в Ливане Том Флетчер говорит, что социальные сети стали незаменимыми в современной дипломатической работе и что нельзя игнорировать интернет-граждан, которые стали участниками внешнеполитических дискуссий. Томас Фридман, известный журналист *New York Times*, добавляет, что социальные сети вынудили большинство политиков вступить в двусторонний диалог с иностранной аудиторией.

Государству также следует на уровне дипломатической практики активизировать цифровую публичную дипломатию путем интеграции сетевых технологий, в профессиональные «инструменты» дипломатов таким образом, чтобы это служило целям свою внешнюю политику [2]. Для Министерства иностранных дел важно углубить свою привержен-

ность использованию этих технологий, которые представляют собой платформы для интерактивного диалога. Углубление этого обязательства выражается в принятии мер, включая создание органа цифровой публичной дипломатии, который разработает для него комплексную стратегию таким образом, чтобы обеспечить координацию между правительственными и полуправительственными агентствами, занимающимися внедрением цифровой публичной дипломатии, четкую связь между целями и средствами реализации и содержанием цифровой публичной дипломатии, а также разработка соответствующей организационной структуры и руководящих принципов [8]. Всеобщее использование социальных сетей и новых коммуникационных технологий, привлечение сотрудников, свободно владеющих языками и культурой. Местных сообществ, в которых они работают, обучая дипломатов перед их отправкой за границу, поощряя их использовать сетевые технологии и разрабатывая качественные и количественные показатели для оценки эффективности дипломатов в области цифровой публичной дипломатии. Известные методологические правила формирования программ цифровой дипломатии и оптимального использования финансовых и человеческих ресурсов. На уровне сообщения или содержания следует рассмотреть возможность участия в двустороннем диалоге в режиме реального времени и нахождения необходимого баланса между интересной информацией, вызывающей интерес целевой аудитории, и информацией, которую пытаются донести министерства иностранных дел. Донести до этой аудитории. Сообщение, не привлекающее внимания, не будет подхвачено целевой аудиторией, а значит, не будет услышано, что требует снижения степени «контроля» над содержанием медиасообщения в соответствии с изменением информационной среды [7].

Суть в том, что активная внешняя политика требует активной цифровой публичной дипломатии, и Сирия должна интегрировать цифровую общественную дипломатию в процесс принятия и реализации внешнеполитических решений, иначе она рискует обнаружить свои внешнеполитические приоритеты и рамки интерпретации вне контекста, особенно среди интернет-поколения, чье значение в выработке политики растет.

Данное исследование представляет собой скромную попытку диагностировать состояние сирийской цифровой дипломатии, определить уровень ее эффективности и дать объяснения этой эффективности. Из вышесказанного ясно, что цифровой дипломатии предстоит многое сделать для достижения главной цели – общения с миром посредством использования этого современного и недорогого продукта, представленного различными цифровыми платформами, важнейшими из которых являются цифровые медиа и социальные сети. СМИ. Сети и приложения для смартфонов меняют нации и поколения, и нынешнее поколение граждан мира, похоже, доминирует в цифровом мире [5]. Поэтому необходимо реагировать на эти пе-

ременные, используя средства, соответствующие эпохе, а официальные сирийские институты должны иметь убежденность и волю в важности цифровой дипломатии как одного из инструментов «мягкой силы». Скорее, это одна из форм национальной борьбы, соответствующая событиям времени, с одной стороны, и интегрированная с другими методами борьбы для достижения желаемой цели. Для запуска процесса цифровой дипломатии необходимо предпринять ряд шагов, в том числе:

Разработка стратегического видения сирийской цифровой дипломатии, чтобы она была включена в число приоритетов сирийской дипломатической работы в качестве одного из инструментов «мягкой силы» в борьбе за завоевание сердец и умов. Рассказывать миру сирийские истории в позитивном ключе, используя огромный потенциал цифровых технологий, которые стали неотъемлемой частью жизни миллионов людей во всем мире [2].

Разработка планов действий в соответствии с четкими спецификациями для удовлетворения потребностей сирийских официальных и политических институтов путем использования материальных и человеческих возможностей деятельности цифровой дипломатии на официальном уровне. В связи с этим необходимо создать в Министерстве иностранных дел специализированный отдел цифровой дипломатии со стимулами и оперативными задачами по обеспечению хорошей практики цифровой дипломатии.

Использование существующего международного опыта путем участия в международных конференциях, исследовательских центрах и исследованиях по цифровой дипломатии, а также в специальных ежегодных отчетах по цифровой дипломатии, что позволяет нам идти в ногу с новейшими разработками в цифровой сфере.

Обучение и квалификация рабочей силы с помощью специализированных и точных курсов, которые позволят им конкурировать в цифровом мире. Речь идет не только о сотрудниках МИД, но и о сотрудниках сирийских посольств и консульств по всему миру[3].

Подготовка руководства пользователя для цифровых платформ, предназначенного для послов, консулов и должностных лиц, особенно тех, кто не говорит по-арабски, при условии, что руководство включает в себя основные элементы использования социальных сетей и приложений для смартфонов, а также механизмы их использования, включая присутствие, присутствие, содержание, персонализация и уровень взаимодействия.

Литература

1. Алешкина Н.С. «Цифровая дипломатия»: новые инструменты «мягкой силы» // Вестник ПАГС. 2018. № 1. – С. 143–151.
2. Чжан, Цзюань. 2013 «Подход стратегического управления проблемами (SIM) к использованию социальных сетей в публичной дипломатии», *American Behavior Scientist* 57 (9). Салех

Сулейман. 2015. СМИ и общественная дипломатия. Каир, Дар-эль-Фикр. *The American Financial Times* с Дональдом Трампом по ссылке URL: <https://goo.gl/v3qhML> (дата обращения: 02.09.2017 г.)

3. Министерство иностранных дел Российской Федерации [Официальный сайт]. URL: www.mid.ru/bdomp/sitemap.nsf (дата обращения: 21.08.2014).
4. Робертс, В. Р. 2007 «Что такое публичная дипломатия? Прошлые практики, нынешнее поведение, возможное будущее», *Mediterranean Quarterly*.
5. Цветкова Н.А. Феномен цифровой дипломатии в международных отношениях и методология его изучения // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения.», 2020 – № 2. – С. 3747.\
6. Министерство информации (Сирия), URL: <http://www.moi.gov.sy> (дата обращения: 17.10.2017).
7. Олубукола С. Внешняя политика в эпоху цифровой дипломатии // *Cogent Social Sciences*, 2017. – Том. 3. – С. 113.

DIRECTIONS FOR THE DEVELOPMENT OF LEGAL INSTRUMENTS FOR THE IMPLEMENTATION OF “DIGITAL DIPLOMACY” IN SYRIA

Asaad Hayan, Golovkin R.B.
VISU

The article presents an analysis of the means of digital diplomacy used in Syria. The importance of the study is due to several factors, including: the lack of research on digital diplomacy in the Arab region as a whole. Since the topic of digital diplomacy is a new and relevant topic and one of the demands of the authorities in the era of new media and fourth-generation communications.

The article examines the main methods of implementing digital diplomacy in the Syrian Arab Republic, since in the current picture of the world it seems impossible to implement any actions in the international community without using the global information network, also in the implementation of foreign policy of countries. Based on this, the introduction of this concept as digital diplomacy, designed to facilitate the solution of a certain number of diplomatic tasks, has received extraordinary significance in ensuring state policy.

This article opens a new area that requires attention to the field of digital diplomacy and the beginning of the formation of strategic policies to use this technology as a tool for promoting ideas and values.

Keywords: Information policy, digital diplomacy, Syria, Arabic, Internet, social networks.

References

1. Aleshkina N.S. “Digital diplomacy”: new tools of “soft power” // *PAGS Bulletin*. 2018. No. 1. – pp. 143–151.
2. Zhang, Juyan. 2013 “A Strategic Issue Management (SIM) Approach to Social Media Use in Public Diplomacy,” *American Behavior Scientist* 57 (9). (accessed: 07.02.2017).
3. Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation [Official website]. URL: www.mid.ru/bdomp/sitemap.nsf (accessed: 21.08.2014).
4. Roberts, W. R. 2007 “What is public diplomacy? Past practices, present conduct, possible future,” *Mediterranean Quarterly*.
5. Tsvetkova N.A. The phenomenon of digital diplomacy in international relations and the methodology of its study // *Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series “Political Science. Story. International relations.”*, 2020 – No. 2. – P. 3747.
6. Ministry of Information (Syria), URL: <http://www.moi.gov.sy> (accessed 17.10.2017)
7. Olubukola S. Foreign policy in an era of digital diplomacy // *Cogent Social Sciences*, 2017. – Vol. 3. – P. 113.

Выявление факторов преемственности ценностей правовой культуры российского общества

Баранцева Елена Леонидовна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
E-mail: lbarantseva@msalkirov.ru

Развитие современного цивилизованного общества невозможно без развития должного уровня правовой культуры, которая отражает степень организованности общества в решении ряда социально-значимых задач. Целью написания статьи явился некоторый анализ взглядов на процесс развития идей о праве, о его роли в социальном регулировании, о факторах влияющих на развитие национальной правовой системы России. На основе сравнения идей дореволюционных, советских и современных правоведов, а также анализа и сравнения отдельных конституционных норм делается попытка приблизиться к выделению факторов, определяющих содержание права. Ставится вопрос о возможности разрыва в преемственности ценностей, если в правовой системе государства признается принцип приоритета политических начал в регулировании. Автор настаивает, что в развитии национальной правовой системы прослеживается преемственность ценностей.

Ключевые слова: национальная правовая система, правовые ценности, правовая культура, правообразование, правовое регулирование, механизм правового регулирования.

Важным показателем развития современного общества выступает уровень его культуры, уровень его цивилизованности. Иными словами, «цивилизованное общество» это состояние, которое оценивается как общество с высоким уровнем культуры. Категория «цивилизация» имеет несколько значений: во-первых, рассматривается как замкнутая локальная система, отличающаяся общностью религиозных, психологических, географических и иных признаков (А. Тойнби); во-вторых, рассматривается и как синоним слова культура (О. Шпенглер); в третьих, данная категория происходит от латинского *civilis* – гражданский, государственный. В философских, культурологических, исторических работах выделяют и иные значения. В контексте статьи для нас наиболее важными выступает понимание цивилизации как определенной качественной характеристики культуры.

Посредством как индивидуального, так и нормативного регулирования субъект достигает своих целей, удовлетворяет свои потребности. И эффективность такого регулирования обеспечивается высоким уровнем состояния правовой культуры. Правовая культура отражает степень организованности общества в решении социально-значимых задач, она выступает той основой, которая обеспечивает эффективность взаимодействия государства и общества.

Изначально стоит уточнить грани рассматриваемого явления через процессы образования права. Методологически уместно оттолкнуться от особенностей правопонимания, Вопрос о понятии права, во все времена, – исходный, ключевой и в зависимости от его решения понимаются и трактуются все иные правовые явления.

Современный российский правовед С.С. Алексеев рассматривал в рамках институциональной концепции право в трех аспектах: общеобязательные нормы, законы, деятельность судебных и других юридических учреждений; особое сложное социальное образование, наряду с государством, моралью, искусством; явление мирозданческого порядка. Особая роль здесь отводится именно идее, которая является объединяющей основой, отражающей ценностные ориентиры [1].

Базовым является то, что выступает в качестве источника правообразования. Право структурируется, как минимум, на трех уровнях – нормы, идеи и отношения. Этот взгляд на право представлен и в трудах Р.З. Лившица. «Право – писал он – сложное явление. Оно охватывает как бы три слоя, три элемента. Первый слой – правовые идеи, правовое сознание, второй – правовые нормы и тре-

тий – общественные отношения, которые регулируются этими нормами» [2, с. 3]. По мнению ученого, важнейшей составляющей выступает норма.

Л.С. Явич отмечал, что специфика правового регулирования состоит именно в том, что это такое воздействие на общественные отношения, которое связано с установлением юридических прав и обязанностей их участников, с использованием таких прав и выполнением этих обязанностей. Помимо осуществления права (объективного и субъективного) нет правового регулирования. В основе регулирования исходит не столько от государства, сколько от воли субъектов (граждан, организаций и в целом от общества) [3].

Через сравнительно-правовое восприятие механизма правового регулирования в национальной правовой системе, которое складывалось на различных исторических этапах, приобретает определенную форму положение о преемственности ценностей в правовом регулировании.

В трудах дореволюционных правоведов мы находим отражение идей как об источниках образования права, так и специфике реализации через механизм права, то есть проявление права через «идею-закон (норму) -общественные отношения». Это те же самые образы права.

Право – результат деятельности человека и общества. «Право есть продукт постепенного исторического развития направленной к тому деятельности человечества» [4, с. 238].

Процесс образования права обусловлен объективно, определяется потребностями общественного развития. «...для нормального развития государственной деятельности очень важно, чтобы она определялась устойчивыми общими началами, чтобы приходящие потребности данной минуты ... не приносили в жертву эти общие начала» [5, с. 298].

Эти позиции в сочетании мы прослеживаем и во взглядах Г.Ф. Шершеневича. Право выражает модели общежития, поддерживаемые государством. Именно через государственную деятельность, оно находит свое закрепление. «Законодатель берет на себя разработку содержания тех норм, которые принудительно направляют общественную жизнь» [6, с. 329].

Преемственность в развитии правовой системы, следует связывать через восприятие обществом, каждым его новым поколением, передаваемых ценностей, социальных норм поведения, характерных для предшествующих исторически правовых реалий.

Аспекты преемственности прослеживаются через механизм правового регулирования, который объективно обусловлен социальными, экономическими и политическими факторами. При этом само правовое регулирование осуществляется как на общенормативном, так и на индивидуальном уровнях. Нормативным называется регулирование общественных отношений на основе нормы права (макронормы), созданной в результате правотворческой деятельности, как правила, органа законо-

дательной ветви власти государства. Индивидуальное регулирование заключается в регулировании общественных отношений на основе микронормы, созданной правоприменителем в процессе применения макронормы. Каждый уровень имеет своим основанием ценностные ориентиры, включенные в качестве основополагающего элемента правовой культуры, как государства, так и отдельного гражданина [7].

Все вышеизложенное позволяет сделать некоторые выводы: а) в основе стабильности и упорядочивания общественных отношений находится воля (как общества, государства, так и отдельной личности); б) реализация чаще всего осуществляется в рамках правоотношения; в) от активности субъектов зависит качество правового регулирования.

Объективным фактором, определяющим структуру правового регулирования, является и механизм современного государства. Одним из принципов которого выступает принцип разделения властей. Разделение власти осуществляется как горизонтально (что определено статьей 10 Конституции Российской Федерации), так и вертикально, что предусматривает федеративное устройство государства. С учетом этого можно выделить нормативный уровень регулирования, который охватывает федеральное регулирование, регулирование на уровне субъектов Российской Федерации, муниципальное регулирование и локальное регулирование. Следовательно, от уровня правотворческих органов, от их профессионализма будет зависеть качество правового регулирования.

Как было указано выше, правовая культура является особым элементом правового регулирования, который объективно обуславливает эффективность воздействия на всех уровнях. Такая постановка вопроса позволяет выделять правовую культуру государства и общества (макроуровень) и правовую культуру личности (микроуровень).

Качество первого уровня зависит от уровня развития правовой культуры субъектов правотворческой деятельности и идеологии государства, качество микроуровня зависит от сформированности правовых ценностей личности и правоприменителя

В 2009 году в Послании Президента РФ был взят курс на построение информационного общества. Данный вектор развития получил свое подкрепление и в «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы», которая основывается на международных принципах, закрепленных в Окинавской хартии глобального информационного общества (2000 г.). Интересным является то, что среди демократических ценностей, связанных с активностью гражданского общества, в то же время прослеживается закономерность в воспитании граждан стран как потребителей.

В рамках данного взаимодействия государства и гражданского общества и проявляется конфликт между традиционными национальными ценностями и наднациональными ценностями.

Уровень правовой культуры – прежде всего, показывает место и роль права в жизни общества. Правовая культура государства характеризуется высоким уровнем развития всей правовой деятельности, качеством правовых актов, а также правовой идеологии и правовой науки, а правовая культура личности включает уважение к праву, правовую информированность людей, знание ими законов, готовность соблюдать и выполнять законы. В качестве правовой культуры находят отражение историческое развитие страны и народа. «Поэтому для каждой страны характерен свой уровень, в нем сочетаются правовые нормы вчерашнего и сегодняшнего дня и одновременно закладывается завтрашний день развития права» [8, с. 82–88].

Приоритет в советском, а также и российском обществе политической точки зрения над юридической, обусловил особенности национальной правовой системы. В Декрете о судах от 12 декабря 1917 г. было определено, что Революционные Трибуналы создаются для борьбы против контрреволюционных сил [9]. В «Отчете о деятельности Вятского Губернского Революционного Трибунала» (1918 г.), отмечалось: «деятельность Вятского Губернского Революционного трибунала определяется классовым характером октябрьской революции и характеризуется в каждый данный момент – реальной политической ситуацией ... Чем ярче Россия раскалывалась на два стана, тем ожесточеннее становилась борьба и тем суровее бывали постановления трибунала» [10].

В регулировании социальных конфликтов именно политическому интересу отдавался приоритет, который, можно охарактеризовать словами Н.М. Коркунова как «приходящие потребности данной минуты». Политикам и правоведам в рассматриваемый период требовалось обосновать необходимость применения власти насилия. Политическое толкование, определяется работами видных политических деятелей. Н.И. Бухарин в работе «Экономика переходного периода» (1920 г.) писал, что пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является как ни парадоксально, это звучит методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала коммунистической эпохи [11]. Юридическое толкование было предложено в работе Я.М. Магазинера «Общая теория права на основе советского законодательства» (1924 г), в которой подчеркивалось, что легитимность власти устанавливается не за счет проведения всеобщего плебисцита, а за счет всеобщего повиновения, даже если это будет продиктовано страхом [12].

Можно ли здесь согласиться с мнением С.С. Алексеева, который обращал внимание на разрыв в передаче ценностей в советский период, «...основополагающие правовые ценности – устои правопорядка-безоговорочно преданы анафеме» [13, с. 311]

В переходный период построения основ советского государства и права, не только обосновы-

валась позиция о необходимости силовой природы власти, что было указано выше, но и находили свое закрепление базовые социальные ценности. Основные идеологические положения закрепляются в важнейших документах государства. Потребность в новой конституции возникает тогда, когда происходят коренные изменения в строительстве государства, изменения, которые касаются отношений государства и личности. В ряде статей по вопросу принятия новой Конституции СССР (1924 г.) Д.И. Курский указывал на одну из важнейших ценностей, которая во много влияет на повышения уровня культуры всего общества. «Принципиальные изменения в общих положениях Конституции заключаются в трех моментах. Во-первых, расширена база пролетарской демократии, ...а в ст. 8... новый текст говорит об обеспечении доступа к знанию для всех трудящихся» [14, с. 10]. Эти принципы находят отражение в деятельности государственных органов. Так в газете «Вятская Правда» в 1927 году опубликована статья о работе прокуратуры в деревне: «Прокуратура с 1925 года по директиве НКЮ ведет системную работу по двум направлениям: обследование низовых органов власти, правовая пропаганда на крестьянских собраниях» [15, с. 3].

В преамбуле Конституции СССР 1977 года указывается, что в СССР построено развитое социалистическое общество. В качестве ценностей провозглашались: патриотизм, интернационализм, ответственность общества за благо каждого и забота каждого о благе всех.

При построении системы ценностей необходимо учитывать, что человек выступает в трех качествах: 1) как личность, характеризуемая полом, возрастом, биологическими особенностями, менталитетом, уровнем сознания и т.д.; 2) как член гражданского общества, наделен социальным положением, родом занятий, и т.п.; 3) и как гражданин, В качестве первого уровня человек руководствуется нормами культуры, этики, социального общежития; в качестве второго уровня – правосознание, права человека, в качестве третьего уровня – нормами, изданными или санкционированными государством.

В этом и состоит задача государства при оформлении национальной правовой системы не должны утрачиваться собственные национальные, духовно-идеологические начала, они важны для каждого уровня.

«Любая национальная правовая система стабильна и эффективна только тогда, если в своих принципах, базовых нормах она является юридическим оформлением исторически сложившихся политических, экономических, социальных, культурных, духовно-нравственных ценностей конкретной страны, нации.» [16].

Таким образом, правовая культура – это состояние цивилизованности правовой жизни общества, выраженное в высоком уровне правовой действительности, правосознания, правового развития

субъекта, а основу, которой должны составлять традиционные ценности.

Литература

1. Алексеев С.С. Теория права .- М.: Издательство БЕК, 1985
2. Лившиц Р.З. Теория права. Учебник для студентов юридических высших учебных заведений. – М.: Издательство: БЕК – 1994.
3. Явич Л.С. Общая теория права. / Л.С. Явич – Л.: Изд-во ЛГУ, 1976
4. Муромцев С.А. Очерки общей теории гражданского права. Часть первая. – Москва. Типография А.П. Мамонтова и К, 1877.
5. Коркунов Н.М. Указ и закон. – С.-Петербург. Типография М.М. Стасюлевича, 1894.
6. Шершеневич Г.Ф. Избранное. В 6 т. Т. 4 включая Общую теорию права. /Всуп. слово, сост. П.В. Крашенинников. – М.: Статут, 2016.
7. Решетов Ю.С. Нормативное и индивидуальное правовое регулирование / Ю.С. Решетов // Вестник Пермского университета. Юридические науки – 2013. – № 2. – С. 17–22.
8. Лившиц Р.З. Теория права. Учебник для студентов юридических высших учебных заведений. – Издательство: БЕК, Москва – 1994
9. СУ – 1917 – № 4 – ст. 50
10. Документы ГА КО, Ф.Р. 875. Оп. 1. Д. 152
11. Бухарин Н.И. Экономика переходного периода. Ч. 1. Общая теория трансформации процесса /Н.И. Бухарин – М.: Гос. изд-во, 1920. – (Труды Социалистической академии общественных наук)
12. Магазинер Я.М. Избранные труды по общей теории права / Я.М. Магазинер. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006.
13. Алексеев С.С. Теория права .- М.: Издательство БЕК, 1985
14. Курский Д.И. На путях развития советского права. Статьи и речи. 1919–1926. –М.: Юридическое издательство НКЮ РСФСР, 1927.
15. Горохов В. Прокуратура в деревне// Вятская Правда –1927 –№ 181.
16. Валентина Матвиенко: правовая система страны должна опираться на национальные традиции и ценности.// Парламентская газета –12.08.2016.

IDENTIFICATION OF FACTORS OF CONTINUITY OF VALUES OF THE LEGAL CULTURE OF RUSSIAN SOCIETY

Barantseva E.L.

Volga-Vyatsk Institute (branch) of the University named by O.E. Kutafin (MSAL)

The aim of writing the article was such a kind of analysis of views on the process of developing ideas about law, its role in social regulation, and factors influencing on the development of the legal Russian system. Based on the comparison of pre-revolutionary, Soviet and modern legislators and the analysis and comparison of separate constitutional norms, there is an attempt to get closer to highlighting factors determining the content of law. The question is set about the opportunity of a gap in continuity of values, if the principle of priority of political beginnings in regulation is recognized in the state legal system. The author insists that continuity of values is traced to the development of the national legal system.

Keywords: national legal system, legal values, legal culture, legal education, legal regulation, mechanism of legal regulation.

References

1. Alekseev S.S. Theory of law. – М.: BEK Publishing House, 1985
2. Livshits R.Z. Theory of law. Textbook for law students of higher educational institutions. – М.: Publishing House: BECK – 1994.
3. Yavich L.S. General theory of law. / L.S. Yavich – L.: Publishing House of LSU, 1976
4. Muromtsev S.A. Essays on the general theory of civil law. Part one. – Moscow. Printing house of A.P. Mamontov and K, 1877.
5. Korkunov N.M. Decree and law. – St. Petersburg. Printing house of M.M. Stasyulevich, 1894.
6. Shershenovich G.F. Favorites. In 6 vols. 4 including the General Theory of Law. /Vsup. slovo, comp. P.V. Krasheninnikov. – М.: Statute, 2016.
7. Reshetov Yu.S. Normative and individual legal regulation / Yu.S. Reshetov // Bulletin of the Perm University. Legal Sciences – 2013. – No.2. – pp.17–22.
8. Livshits R.Z. Theory of law. Textbook for law students of higher educational institutions. – Publishing house: BECK, Moscow – 1994
9. SU – 1917 – No. 4 – Article 50
10. Documents of GA KO, F.R. 875. Op. 1. D. 152
11. Bukharin N.I. Economics of the transition period. Part 1. General theory of transformation of the process /N.I. Bukharin – М.: State Publishing House, 1920. – (Proceedings of the Socialist Academy of Social Sciences)
12. Magaziner Ya.M. Selected works on the general theory of law / Ya.M. Magaziner. – St. Petersburg: Publishing house of R. Aslanov “Law Center Press”, 2006.
13. Alekseev S.S. Theory of law .- М.: Publishing house BECK, 1985
14. Kursky D.I. On the ways of development of Soviet law. Articles and speeches. 1919–1926. – М.: Legal Publishing House of the NKYU RSFSR, 1927.
15. Gorokhov V. Prosecutor’s office in the village// Vyatka Pravda –1927 –No.181.
16. Valentina Matvienko: the country’s legal system should be based on national traditions and values.// Parliamentary Gazette – 08/12/2016.

Дополнительная (субсидиарная) ответственность поручителей: какой характер ей был присущ – договорный или обязательственный? (сравнительно-правовой анализ норм и положений проектов Гражданского Уложения 1814 г. и 1882–1910 гг. и тома X Свода законов Российской Империи)

Кутькова Светлана Сергеевна,

аспирант кафедры гражданского права, Саратовская государственная юридическая академия

Актуальность темы заключается в необходимости определения характера, который был присущ дополнительной (субсидиарной) ответственности поручителей в процессе ее развития на протяжении XIX – начала XX вв.: договорного или обязательственного, который оказал определяющее воздействие в будущем уже на развитие советского гражданского права и законодательства. *Цель:* выяснить, какие нормы и положения о дополнительной (субсидиарной) ответственности поручителей содержались в Проектах Гражданского Уложения 1814 г. и 1882–1910 гг. и томе X Свода законов Российской Империи, и какой ее характер был в них отражен. *Методологическая основа:* сравнительно-правовой метод анализа норм российского гражданского законодательства XIX – начала XX вв. о дополнительной (субсидиарной) ответственности поручителей, а также совокупность диалектического, системного и структурно-функционального методов исследования. *Результаты:* аргументирована авторская позиция относительно характера дополнительной (субсидиарной) ответственности поручителей в гражданско-правовых актах Российской Империи XIX – начала XX вв. *Выводы:* 1) в Проекте 1814 дополнительная (субсидиарная) ответственность поручителей носила договорный характер (проистекала из условий договора); 2) в Своде выше-названная ответственность приобрела: в первую очередь – договорный и во вторую очередь – обязательственный характер; 3) в Проекте 1882–1910 законодателем было подтверждено, что дополнительной (субсидиарной) ответственности поручителей был присущ договорный характер; вместе с тем, в основании договора наличествовало обязательство поручителя перед кредитором, которое реализовывалось в случае неисполнения обязательства его должником.

Ключевые слова: поручительство, обязательство, ответственность поручителя, Проект Гражданского Уложения 1814 г., том X Свода законов Российской Империи, Проект Гражданского Уложения 1882–1910 гг.

Во времена царствования Александра I имела место активная его реформаторская деятельность, которая затронула непосредственно и российское право: в частности, в гражданском праве нормы о поручительстве были систематизированы, упорядочены и отражены в главе XII части III (о договорах) Проекта кодифицированного правового акта – Гражданского Уложения 1814 г. [1] (далее – Проект 1814). Охарактеризуем содержательно-конструкционные нормы и положения, имеющие непосредственное отношение к дополнительной (субсидиарной) ответственности поручителей: 1) было сформулировано определение понятия «поручительство»: а) это – договор; б) стороны договора – обязанное лицо и поручитель; в) предмет договора – обязанность (обязательство) поручителя; г) содержание договора – несение поручителем личной («отвечать») и материальной («удовлетворить») ответственности в случае неисправности обязанного лица (отделение первое, § 281); 2) поручительство оформлялось в письменной форме и заверялось в суде, у нотариуса или в присутственном месте (§ 282); 3) регламентировались те действия («платёж» и «исполнение»), за которые мог ручаться поручитель. Вместе с тем, поручительство допускалось полное или частичное, срочное или бессрочное (§ 283); 4) в целях избежания преждевременной ответственности поручителя «несостояние» (т.е. неспособность к удовлетворению материального обязательства) должника должно было быть доказано в судебном порядке или «свидетельством» (отделение второе, § 284); 5) при срочном поручительстве, в случае неисполнения договорного обязательства в оговоренный срок, на поручителя с должником возлагалась солидарная ответственность (§ 285); 6) поручитель нес материальную ответственность только за определённую сумму или за ту часть долга, которая обеспечивалась его поручительством (§ 286): здесь ответственность – не солидарная, а долевая; 7) при бессрочном поручительстве ответственность сопоручителей носила корреальный характер (§ 287); 8) при срочном поручительстве ответственность сопоручителей носила долевой характер (§ 289) [2, с. 258–259]; 9) в том случае, если поручитель не обеспечивал явку обязанного лица в суд, то на него возлагалась материальная ответственность за обязательство последнего (§ 291).

Таким образом, можно констатировать отображение в Проекте Гражданского Уложения 1814 г. гражданско-правовых норм и положений об ответственности поручителей, которая могла носить: солидарный, долевой, корреальный и субсидиарный характер.

На протяжении первой половины XIX в. развитие отечественного гражданского права (и законодательства) шло поступательно: в том X Свода законов Российской Империи [3] (далее – Свод) были в той или иной степени включены нормы и положения предыдущих нормативных правовых актов (например, Соборного Уложения 1649 г.) о поручительстве, характере обязательства и дополнительной (субсидиарной) ответственности поручителя. Далее акцентируем внимание на следующих из них: 1. Термин «поручительство». В Своде законодателем он так и не был сформулирован. Хотя, исходя из содержания ст. 1554, это – один из способов обеспечения [исполнения] договоров и обязательств. Формирование определения вышеназванного понятия складывалось по: 1) практической линии – в решениях по судебным делам: а) это – дополнительная сделка между кредитором и третьим лицом; б) это – договор, по которому одно или несколько лиц обязались нести ответственность за обязанного лица [4]; в) это – договор, обеспечивавший надлежащее исполнение обязанным лицом принятого на себя обязательства; г) это – договор, в силу которого одно или несколько лиц поручаются за исполнение материального обязательства вместо обязанного лица [2, с. 11–12]. Как видим, в определениях поручительства, содержащихся в законодательстве и судебных прецедентах, дополнительная (субсидиарная) ответственность поручителей носит договорный (в первую очередь) и обязательственный (во вторую очередь) характер; 2) теоретической линии – в трудах авторитетных юристов-цивилистов: а) по Д.И. Мейеру, это – юридическое отношение [правоотношение], в котором одно или несколько лиц [поручители] возлагали на себя обязанность исполнить обязательство вместо обязанного лица [должника] перед верителем [кредитором] [5, с. 544]; б) по Г.Ф. Шершеневичу, это – договорное отношение, основание которого составляло присоединённое к обязательству должника дополнительное условие об его исполнении поручителем в случае неисправности должника [6, с. 295]; в) по К.П. Победоносцеву, это – не самостоятельное, по предмету, а дополнительное обязательство поручителя (вместо должника) перед кредитором [7, с. 287]; г) по В.Л. Исаченко, это – правовое отношение, в основании которого – возложение на поручителя ответственности перед кредитором в случае неисполнения своего обязательства должником [8, с. 16]. Как видим, учёные солидарны в том, что ответственность поручителей носила дополнительный (субсидиарный) характер; 2. Виды поручительства (ст. 1557). Первый – в платеже суммы (бессрочное): поручитель гарантирует факт удовлетворения требований кредитора. Второй – в платеже суммы на срок

(срочное): поручитель гарантирует кредитору, что его требования будут удовлетворены в предусмотренный обязательством (договором) определённый срок; 3. Характер обязательства и ответственности поручителя в бессрочном поручительстве (ст. 1558). Обязательство носило не основной, а акцессорный характер: подлежало исполнению только с того момента, когда в отношении должника завершался судебный процесс о его несостоятельности, имущество его обращалось на удовлетворение требований кредиторов и выяснялось, что оно покрывало убытки последних лишь в какой-либо части или вовсе отсутствовало [7, с. 287; 9, с. 135]. Ответственность носила субсидиарный характер, поскольку наступала только после безуспешных попыток кредитора получить полное материальное удовлетворение от должника; 4. Характер обязательства и ответственности поручителя в срочном поручительстве (ст. 1560). Обязательство носило как бы основной, солидарный характер: подлежало исполнению с того момента, как должник не исполнил взятое на себя обязательство в установленный договором срок, при этом, поручитель [например, по договору займа] уплачивал кредитору не только сумму займа, но и проценты на него. Ответственность носила солидарный характер: в ст. 1560 Свода говорилось, что поручитель отвечает, как и сам должник; вместе с тем, в случае неисполнения должником обязательства в установленный срок кредитор обладал правом прямого взыскания с поручителя, без обращения к должнику [2, с. 37; 7, с. 303]. Как видим, дополнительная (субсидиарная) ответственность поручителей имела более обязательственный, чем договорный, характер. Добавим также, что в бессрочном поручительстве вышеназванная ответственность была субсидиарной, в срочном поручительстве – солидарной.

Охарактеризованные выше нормы и положения о поручительстве, обязательстве и дополнительной (субсидиарной) ответственности поручителя, содержащиеся в томе X Свода законов Российской Империи, действовали вплоть до октябрьских событий 1917 года.

Развитие гражданского права и законодательства Российской Империи во второй половине XIX в. характеризовалось совершенствованием отдельных норм, положений и институтов. В начале царствования Александра III значительно активизировалась работа по созданию нового Гражданского Уложения. Охарактеризуем те нововведения, которые были внесены в его Проект [10] (далее – Проект 1882–1910) (а именно – в книгу Пятую, раздел II): 1. Поручительство было выделено отдельной главой XXIV, что свидетельствовало о приобретении данным институтом договорного, а не обязательственного – как ранее, характера; 2. В ст. 2548 было чётко закреплено: поручительство – это договор, в основании которого – обязательство поручителя перед другим лицом [кредитором], реализующееся в случае неисполнения обязательства его должником [11, с. 163]; 3. Ключевым термином

в поручительстве становилось обязательство [как таковое, должника]; 4. Если поручитель возлагал на себя обязанность по исполнению заведомо недействительного обязательства должника, то он всё равно нёс ответственность за его исполнение (ст. 2550); 5. Касательно частичного или полного поручительства, прослеживается содержательная аналогия статей 2551 Проекта ГУ 1882–1910 гг. и 1556 Свода законов 1832 г.; 6. В ст. 2551 было закреплено положение о том, что ответственность поручителя по обязательству не должна превышать ответственности должника по тому же обязательству; 7. В ст. 2552 чётко обозначены критерии двух видов поручительства – простого и срочного; 8. Договор поручительства должен быть составлен в письменной форме (ст. 2554); 9. Границы ответственности поручителя за неисполнение обязательства должником были значительно расширены: он теперь отвечал не только за само обязательство, но и за последствия вины и просрочки (ст. 2555) (вот только чьих – своих или должника – в Проекте ГУ не уточнялось); 10. Ответственность простого поручителя наступала только в двух случаях: а) объявление должника несостоятельным (и доказывание данного факта в судебном порядке); б) безуспешность удовлетворения кредитором своих требований посредством обращения взыскания на имущество должника (ст. 2557) (здесь законодатель признавал субсидиарный характер ответственности поручителя); 11. При неисполнении должником обязательства в установленный договором срок в срочном поручительстве поручитель нёс солидарную ответственность (становясь, как бы, «дополнительным должником») (ст. 2559) [11, с. 167]; 12. В очередной раз законодателем было подтверждено, что в случае неисполнения должником обеспеченного им обязательства ответственность поручителя носила дополнительный (субсидиарный) характер.

По нашему мнению, следует признать охарактеризованные выше нововведения достаточно прогрессивными нормами о поручительстве, характере обязательства и ответственности поручителя в Проекте Гражданского Уложения Российской Империи 1882–1910 гг. Как известно, их не удалось реализовать в полной мере на практике в связи с участием государства в Первой Мировой войне и последовавшей в октябре 1917 г. смене государственного строя.

В заключение, можно сформулировать следующие итоговые выводы: 1) в Проекте 1814 дополнительная (субсидиарная) ответственность поручителей носила договорный характер (проистекала из условий договора); 2) в Своде вышеназванная ответственность приобрела: в первую очередь – договорный и во вторую очередь – обязательственный характер; 3) в Проекте 1882–1910 законодателем было подтверждено, что дополнительной (субсидиарной) ответственности поручителей был присущ договорный характер; вместе с тем, в основании договора наличествовало обязательство поручителя перед кредитором, которое реализовыв-

валось в случае неисполнения обязательства его должником. На наш взгляд, исходя из проведенного анализа, дополнительная (субсидиарная) ответственность поручителей носила, все же, смешанный – договорно-обязательственный – характер.

Теоретическая и практическая значимость определения характера дополнительной (субсидиарной) ответственности поручителей заключается в том, что в первые годы становления Советского государства развитие дополнительной (субсидиарной) ответственности поручителя (а также институтов поручительства и обязательства) осуществлялось в русле традиций дореволюционного гражданского права и законодательства: многие положения были заимствованы из Проекта Гражданского Уложения Российской Империи 1882–1910 гг.

Литература

1. Проект Государственного Уложения Российской Империи. – СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1814. – 248, XXXXVIII с.
2. Учение о поручительстве по римскому праву и новейшим законодательствам. Сочинение Бар. А. Нолькена. Том первый. – СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1884. – 371 с.
3. Свод законов Российской Империи, повелением Государя Императора Николая Первого составленный. Том десятый. – СПб.: Типография Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1857. – 604 с.
4. Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената за 1869 г. – № 504.
5. Мейер Д.И. Русское гражданское право. – М.: Статут, 2021. – 846 с.
6. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.) / Вступ. ст. Е.А. Суханов. – М.: Фирма «СПАРК», 1995. – 556 с.
7. Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Часть третья: Договоры и обязательства. – М.: «Статут», 2003. – 622 с.
8. Обязательства по договорам: Опыт практ. коммент. рус. гражд. законов: Коммент. на 4 кн. 1 ч. 10 т. Св. зак. / Сост. В.Л. Исаченко, В.В. Исаченко. – СПб.: тип. М. Меркушева, 1914. – Том 1: Общая часть. Том 1. – [4], 728 с.
9. Дорохов А.И. Соотношение кумулятивного принятия долга и поручительства // Опыты цивилистического исследования: сборник статей / А.Е. Агеенко, И.И. Акимова, В.А. Волгина и др.; рук. авт. кол. и отв. ред. А.М. Ширвиндт, Н.Б. Щербаков. – М.: Статут, 2018. – Вып. 2. – С. 102–161.
10. Гражданское Уложение. Проект Высочайше учрежденной Редакционной Комиссии по составлению Гражданского Уложения. (С объяснениями, извлеченными из трудов Редакцион-

ной Комиссии). Том первый / Под ред. И.М. Тютрюмова. – СПб.: Издание книжного магазина «Законоведение», 1910. – 606 с.

11. Звекова И.Л. Развитие института поручительства в российском праве // Актуальные проблемы гражданского права. Выпуск второй: Сборник статей под ред. М.И. Брагинского. – М.: «Статут», 2000. – С. 141–192.

ADDITIONAL (SUBSIDIARY) LIABILITY OF GUARANTORS: WHAT CHARACTER WAS INHERENT IN IT – CONTRACTUAL OR OBLIGATORY? (COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE NORMS AND PROVISIONS OF THE DRAFT CIVIL CODE OF 1814 AND 1882–1910 AND VOLUME X OF THE CODE OF LAWS OF THE RUSSIAN EMPIRE)

Kutkova S.S.

Saratov state Academy of law

The relevance of the topic lies in the need to determine the nature that was inherent in the additional (subsidiary) liability of guarantors in the process of its development during the 19th – early 20th centuries: contractual or obligational, which had a decisive impact in the future already on the development of Soviet civil law and legislation. *The purpose* of the study is to find out what norms and provisions on additional (subsidiary) liability of guarantors were contained in the Draft Civil Code of 1814 and 1882–1910. and Volume X of the Code of Laws of the Russian Empire, and what its character was reflected in them. *The methodological basis* of the work amounted to a comparative legal method for analyzing the norms of Russian civil legislation in the 19th – early 20th centuries on additional (subsidiary) liability of guarantors, as well as a combination of dialectical, systemic and structural-functional research methods. *Results*: the author's position on the nature of the additional (subsidiary) liability of guarantors in civil law acts of the Russian Empire in the 19th – early 20th centuries is argued. *Conclusions*: 1) in Project 1814, additional (subsidiary) liability of guarantors was of a contractual nature (stemmed from the terms of the contract); 2) in the Code, the above-mentioned liability acquired: first of all – a contractual and secondly – an obligation character; 3) in the Draft 1882–1910, the legislator confirmed that the additional (subsidiary) liability of guarantors was inherent in a contractual nature; at the same time, at the basis of the

agreement, there was an obligation of the guarantor to the creditor, which was realized in the event of default by the debtor.

Keywords: guarantee, obligation, responsibility of the guarantor, Draft Civil Code of 1814, volume X of the Code of Laws of the Russian Empire, Draft Civil Code of 1882–1910.

References

1. Draft State Code of the Russian Empire. – St. Petersburg: Printing House of the Governing Senate, 1814. – 248, XXXXVIII p.
2. The doctrine of suretyship according to Roman law and the latest legislation. Composition Bar. A. Nolken. Volume one. – St. Petersburg: Printing house of the Imperial Academy of Sciences, 1884. – 371 p.
3. Code of Laws of the Russian Empire, drawn up by the order of Sovereign Emperor Nicholas I. Volume 10. – St. Petersburg: Printing House of the Second Department of His Own Imperial Majesty's Chancellery, 1857. – 604 p.
4. Decisions of the Civil Cassation Department of the Governing Senate for 1869 – No. 504.
5. Meyer D.I. Russian civil law. – М.: Statute, 2021. – 846 p.
6. Shershenevich G.F. Textbook of Russian civil law (according to the edition of 1907) / Introduction. Art. E.A. Sukhanov. – М.: Firm "SPARK", 1995. – 556 p.
7. Pobedonostsev K.P. Civil law course. Part three: Contracts and obligations. – М.: "Statut", 2003. – 622 p.
8. Obligations under contracts: Experience pract. comments Russian civil laws: Comment. for 4 books. 1 h. 10 t. St. order. / Comp. V.L. Isachenko, V.V. Isachenko. – St. Petersburg: type. M. Merkusheva, 1914. – Volume 1: General part. Volume 1. – [4], 728 p.
9. Dorokhov A.I. The ratio of cumulative acceptance of debt and suretyship // Experiences of civil research: collection of articles / A.E. Ageenko, I.I. Akimova, V.A. Volgina and others; hands ed. count and resp. ed. A.M. Shirvindt, N.B. Shcherbakov. – М.: Statute, 2018. – Issue. 2. – S. 102–161.
10. Civil Code. Draft of the Supremely Established Editorial Commission for the drafting of the Civil Code. (With explanations drawn from the writings of the Editorial Commission). Volume One / Ed. I.M. Tyutryumov. – St. Petersburg: Publication of the bookstore "Law", 1910. – 606 p.
11. Zvekova I.L. Development of the institute of guarantee in Russian law // Actual problems of civil law. Issue two: Collection of articles, ed. M.I. Braginsky. – М.: "Statut", 2000. – S. 141–192.

Смирнов Владимир Александрович,

аспирант кафедры теории государства и права,
Образовательное частное учреждение высшего образования
"Московский университет имени А.С. Грибоедова"
E-mail: ladimirus1981@yandex.ru

В представленной статье рассматривается понятие правовой культуры личности, а также история развития данного понятия через призму анализа основных элементов. Отмечается, что на современном этапе развития в юридической литературе нет единства в понимании указанного термина, однако было определено, что ее основными элементами являются правосознание, правовое поведение и правовые знания. Формулируется вывод о том, что правовая культура является обязательным элементом текущей деятельности юриста, но не меньшей значимостью она обладает и для иных граждан, которые подчиняют свое поведение требованиям, которые содержатся в действующем законодательстве. Также в представленной статье детально рассматриваются сущностные характеристики отдельных элементов правовой культуры личности, в частности, структура правосознания, выступающего в качестве важнейшего элемента правовой культуры.

Ключевые слова: правовая культура, правовое сознание, правовая система, правовая деятельность, правовые отношения.

Актуальность понимания правовой культуры, сущность ее структурных элементов обуславливается необходимостью совершенствования правоохранительной деятельности, обеспечения правопорядка и законности как обязательных условий поступательного развития Российского общества.

Термин «Правовая культура» был введен в научный оборот отцом-основателем американской науки о социуме и праве Лоуренсом Фридманом в 1975 году, чтобы подчеркнуть тот факт, что право лучше всего понимать и трактовать как систему.

Концептуальная разработка данного понятия была проведена в восьмидесятых-девяностых годах XX века в рамках бихевиористической философской школы. Именно в ее рамках впервые было определено то, что все правовые системы современности существенно различаются между собой, причем отличия имеют место быть не только в правовых нормах, но и в правовой культуре личности и всего общества, что образует собой один из структурных элементов правовой системы [1, с. 66].

Один из наиболее видных ученых в области теории Государства и права Оксфордский В.В. рассматривал правовую систему через призму объективно сформированной и исторически обусловленной совокупности различных правовых институтов, явлений и процессов, которые закрепляют и поддерживают стабильные отношения в государственном образовании [3, с. 261]. Полагаем, что в структуру правовой системы в обязательном порядке входит и правовая культура.

Важно отметить, что разработка понятия правовая культура осуществляется в современной юридической науке с прикладных позиций. Именно поэтому делается акцент на профессионально-правовую культуру должностных лиц. Правовая культура личности, с этой точки зрения, выражается, на наш взгляд, в субъективно освоенном индивидом уровне норм права в своей профессиональной деятельности, а также в правовом сознании личности, выражающим её отношение к праву, которое существует в обществе и всей правовой деятельности, что отражает, кроме прочего, правосознание человека в рамках профессиональной деятельности. Стоит отметить, что именно с указанной позиции термин «правовая культура» сегодня рассматривается в правовой науке.

В современной научной литературе, правовая культура рассматривается в различных её дефинициях многочисленных разработчиков этого понятия. Певцова Е.В. полагает, что в современной юриспруденции дано около 250 определений правовой культуры [4, с. 76].

Все они, так или иначе, на наш взгляд, представляют правовую культуру в одном из следующих её проявлений: во-первых, в качестве весьма широкого спектра правовых ценностей, которые выработаны человечеством и отражают правовое и прогрессивное развитие общества на современном этапе его развития; во-вторых, как спектр умений, а также знаний и навыков человека в сфере применения правовой культуры для обеспечения в обществе правопорядка и законности; в-третьих, в качестве весьма широкого спектра различных компонентов позитивной направленности и входящих в структуру правовой деятельности в её фактическом функционировании, отражающая все достижения правовой мысли, равно как юридической практики и техники; в-четвертых, правовая система, состоящая из таких структурных элементов, как система норм, право, все правоотношения, правовые учреждения, правосознание, правовое поведение личности; в-пятых, это некое состояние индивидуального, равно как общественного и группового сознания. Отметим, что в рамках данного определения профессиональная культура также включает в себя правовые ценности и знания, оценки, ценности, которые отражают отношение граждан к праву и готовность соблюдать нормы права на практике. Кроме того, анализ юридической литературы показывает, что существует также и такая точка зрения, в соответствии с которой, под правовой культурой стоит понимать результат, а также процесс творчества человека в правовой сфере, который характеризуется утверждением и созданием различного рода правовых ценностей.

Одновременно с этим, полагаем, что наиболее оптимальным образом данное понятие определил В.В. Гриб, так как в соответствии с позицией этого автора, понимать под правовой культурой стоит правовую образованность личности, которая включает в себя правосознание, равно как навыки и умения пользоваться правом, подчинять свое поведение всем тем нормам, которые отражены в праве [2, с. 274].

Суммируя многочисленные понятия правовой культуры, мы выделили следующие существенные элементы её структуры [5, с. 221]:

1. Правовое сознание, которое рассматривается современной наукой, как одна из форм общественного сознания, отражающая отношения общества и индивида в целом. Право в данном случае выступает регулятором этих отношений и правового поведения личности. Правовое сознание интегрирует в единое целое теоретический, обыденный и практический уровень сознания. Оно представляет собой типичные, устоявшиеся для той или иной социальной группы или личности компоненты правовых представлений, убеждений, установок, ориентаций, чувств, эмоций и традиций, включённых в правовую деятельность. Рассмотрим эти компоненты правового сознания в отдельности:
  - Правовые представления. Это образцы правовых объектов, которые формируются в созна-

нии человека под воздействием правовой коммуникации.

- Правовые убеждения. Это осознанные потребности индивида, которые толкают его на определённые правовые (не правовые) действия.
- Правовые установки. Это склонность индивида к определённым формам активности в области права, его правовые ориентации, которые базируются на системном представлении человека о целях, способах осуществления правовых действий.
- Правовые традиции-это нормативные образцы правового поведения, которые исторически сложились и передаются из поколения в поколение.
- Правовые ценности, играющие доминирующую роль в правовом сознании индивида, прежде всего это приоритетные ценности в юриспруденции, такие как Законность, Справедливость, Равенство перед законом. Эти ценности определяют цели и задачи и в правоохранительной деятельности. Все правовые ценности прописаны в самих правовых нормах. В данном случае, исходя из двух составляющих понятия правовой культуры: право и культура, мы можем определить этот структурный элемент правовой культуры – как культура правового сознания.

2. Правовое поведение (культура правового поведения) – это совокупность:

- типичных для индивида или общества норм, образцов правового участия в жизни страны;
- уровень проявления правового сознания в их деятельности;
- формы участия в обсуждении, исполнении принятых государством правовых норм;
- деятельность правовых институтов общество и участие в них индивидов.

Именно в правовой деятельности, как элементе правовой культуры, фиксируется уровень развития правосознания личности.

3. Уровень совершенства всей действующей системы юридических актов различного рода, в которых свое закрепление нашли свободы и права личности человека.

Несомненно, что именно правосознание выступает в качестве основного структурного элемента правовой культуры на современном этапе развития. Отметим, что в научной литературе выделяют разные структурные элементы правосознания, однако почти все ученые говорят о том, что к этим элементам в обязательном порядке стоит отнести правовую психологию и правовую идеологию.

Правовая идеология, это прежде всего, система знания индивида о праве, его природе, сущности, социальном предназначении. В неё входят идеи, концепции, ценности, представления, установки, ориентации, цели и задачи принятия правовых актов.

Правовая психология – это реакция субъектов права на правовые действия. Она проявляется в виде чувств, переживаний, эмоций настроения

индивидов. Она включает в себя: общественные интересы, мотивацию, чувства, эмоции, тип темперамента, тип характера и психические свойства личности.

Приходим к выводу, что правовая культура выступает в качестве ключевого элемента профессиональной культуры юриста, которая занимает место в одном ряду с политической и нравственной культурой. В указанном аспекте, правовую культуру личности стоит рассматривать через призму одного из важнейших структурных элементов правовой системы общества. В результате проведенного исследования было определено, что вся правовая культура включает в себя такие элементы, как правовое поведение, правовое сознание и совокупность юридических норм, которые действуют в обществе на том или ином этапе его функционирования и развития. Как следствие, правовая культура личности представляет собой нечто иное, как важный элемент профессиональной правовой культуры юриста, а основным элементом правовой культуры личности в данном аспекте вполне может являться уровень развития его правосознания.

Литература

1. Борбенчук, Е.А. Правовая культура как базовый элемент деятельности организационной правовой культуры /Е.А. Борбенчук // Аллея науки. – 2019. – Т. 2. – № 4(31). – С. 64–67.
2. Гриб, В.В. Теория государства и права: учебник. – М.: Юрист, 2021. – 768 с.
3. Оксамытный, В.В. Государственно-правовая карта современного мира: монография. – Брянск: БГУ, 2016. – 362 с.
4. Певцова, Е.В. Современные дефинитивные подходы к правовой культуре и правовому воспитанию /Е.В. Певцова // Журнал российского права. – 2004. – № 3(87). – С. 70–81.

5. Семенова, М.В. Проблемы соотношения понятий «культура», «правовая культура» и «европейская правовая культура» /М.В. Семенова // Закон. Право. Государство. – 2020. – № 4–1(28). – С. 217–224.

EVOLUTION OF THE CONTENT OF THE CATEGORY OF LEGAL CULTURE OF THE INDIVIDUAL

Smirnov V.A.

Moscow University named after A.S. Griboyedov

The presented article examines the concept of legal culture of an individual, as well as the history of the development of this concept through the prism of analysis of the main elements. It is noted that at the present stage of development in the legal literature there is no unity in the understanding of this term, however, it has been determined that its main elements are legal awareness, legal behavior and legal knowledge. The conclusion is formulated that legal culture is an obligatory element of the current activity of a lawyer, but it is no less important for other citizens who subordinate their behavior to the requirements contained in the current legislation. Also, the presented article examines in detail the essential characteristics of individual elements of a person's legal culture, in particular, the structure of legal consciousness, which acts as the most important element of legal culture.

Keywords: legal culture, legal consciousness, legal system, legal activity, legal relations.

References

1. Borbenchuk, E.A. Legal culture as a basic element of the activity of organizational legal culture / E.A. Borbenchuk // Alley of Science. – 2019. – T.2. – No. 4(31). – P. 64–67.
2. Grib, V.V. Theory of state and law: textbook. – M.: Lawyer, 2021. – 768 p.
3. Oksamytny, V.V. State-legal map of the modern world: monograph. – Bryansk: BSU, 2016. – 362 p.
4. Pevtsova, E.V. Modern definitional approaches to legal culture and legal education /E.V. Pevtsova // Journal of Russian Law. – 2004. – No. 3(87). – P. 70–81.
5. Semenova, M.V. Problems of the relationship between the concepts of “culture”, “legal culture” and “European legal culture” / M.V. Semenova // Law. Right. State. – 2020. – No. 4–1(28). – P. 217–224.

Тоготин Владимир Владимирович,
соискатель ОЦАД им. свв. Кирилла и Мефодия
E-mail: prokimen@inbox.ru

Статья посвящена изучению института религиозной тайны в контексте проблемы нарушения и правовой защиты. Автором обозначена актуальность и практическая значимость темы исследования. Приводятся аргументы в пользу того, что информация о религиозных убеждениях является важной в рамках уголовно-процессуальной деятельности. Проводится аналитический обзор судебной практики (российской и зарубежной), иллюстрирующей позицию правоприменителей о целесообразности/легальности нарушения тайны исповеди для целей предварительного расследования. Затрагивается проблема «коллизии» норм канонического и российского конституционного права. Заключается о необходимости дополнительного законодательного урегулирования вопроса (статуса) о свидетельском иммунитете священнослужителей, для целей исключения таких «коллизий», и, в целом, согласования соответствующих норм с канонами исповедания.

Ключевые слова: религиозная тайна, тайна исповеди, уголовный процесс, предварительное расследование, свидетельский иммунитет.

Религиозное воспитание и вера представляют собой важный элемент формирования и регуляции социального поведения, что обуславливает его учет и практическое применение органами прокуратуры и органами внутренних дел на различных стадиях уголовного процесса, в первую очередь на этапе **предварительного расследования**. В данном контексте следует говорить по крайней мере о двух направлениях: первое связано с формированием портрета личности преступника, как в рамках судебно-психологической экспертизы, так и за ее пределами. Так, следователю представляется возможность понять положение деликвента в обществе, мотивы и цели совершения им противоправных действий, особенно, если имел место религиозный мотив. Например, у Ч.Н. Назаркуловой описывается метод моделирования лица неизвестного преступника, который применялся еще в доцифровую эпоху. При ее использовании учитывается не только общая информация, пол, возраст, род занятий и проч., но и религиозные убеждений субъекта [8]. Второе направление непосредственно связано с проблемой согласования отдельных процессуальных действий, прямо или косвенно затрагивающих аспект вероисповедания.

Следует отметить, что в отечественной судебной практике отсутствует в той или иной мере существенная база, иллюстрирующая тренд оспаривания **неприкосновенности тайны исповеди**; это не подтверждает, однако позволяет предположить, что публичными органами учитываются нормы церковного права, а также положения Федерального закона от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях». Отдельные моменты обнаруживаются в судебной практике зарубежных стран. Можно привести один пример из Постановления следственного судьи Херсонского городского суда Херсонской области (в настоящее время является субъектом Российской Федерации) по делу № 766/599/20 от 07.07.2020 относительно ходатайства прокурора о продлении срока содержания под стражей. В данном деле защитник попросил изменить меру пресечения подозреваемого (мусульманина) с содержания под стражей на домашний арест, так как в существующих условиях он не мог совершать ежедневные ритуалы (мотива наедине – в камере находилось еще восемь человек – и омовения). Суд принял заявление защитника к сведению, однако, проанализировав риски, в просьбе отказал [12].

Еще одним аргументом в пользу того, что информация о религиозных убеждениях является важной в рамках уголовно-процессуальной деятельности является практика подготовки и актуализация доказательных методических рекоменда-

даций, описывающих механизм расследования незаконной миграции (незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации, организация незаконной миграции и проч.) [5,7]. К примеру, учеными разрабатывается тактика допроса иностранных граждан, указывается на необходимость изучения его личности, сведений о стране его происхождения, ее культуре и религиозных особенностях.

В настоящее время особый научный интерес, в связи с вышесказанным, вызываются темы исповеди и **тайны исповеди**. Согласно положениям п. 3 ч. 3 ст. 56 УАК России, не подлежат допросу в качестве свидетелей священнослужители – об обстоятельствах, ставших ему известными из исповеди. Исповедь, в широком смысле, является действием, направленным на открытие перед Богом своих грехов в присутствии священника, выступающим, таким образом, связующим звеном между исповедующимся и Богом. У А.В. Пчелинцева читаем следующее определение термина «тайна исповеди»: «это сведения, ставшие известными священнослужителю во время таинства покаяния, и которые защищены от разглашения законом и внутренними установлениями религиозным объединений» [10, с. 46]. Интересно заметить, что ученый характеризует тайну исповеди в терминах «профессиональная – религиозная». В данном контексте по-прежнему дискуссионным остается вопрос о целесообразности и, в целом, уместности (как с законодательной, так и общесоциальной точек зрения) **охраны тайны исповеди** в современном светском обществе.

Дискуссия заключается, в целом, в следующем: с одной стороны, Таинство Исповеди является одной из древнейших установлений христианской церкви. Кроме того, логично предположить, что при открытии тайны исповеди последняя уже не является тайной. С другой стороны, полагают ученые-правоведы, сокрытие информации о готовящемся или совершенном преступлении, помимо априорного наличия признаков противоправного действия (ст. 205.6 УК России), является общественно опасным действием (бездействием). Диссонанс в позициях (в том числе, представителей правоприменительного сообщества) происходит вследствие секуляризации общества и непонимания природы данного явления, а также слабости доказательности (научного обоснования) идеи тайны исповеди в институциональном контексте.

Вышесказанное объясняет желание и стремление, в первую очередь, органов правотворчества, внести соответствующую нормативную конкретику. В пример можно привести громкие дела о надругательствах над несовершеннолетними, происходивших внутри религиозных учреждений ряда зарубежных государств. Проблема заключается в том, что церковнослужители были осведомлены о случаях насилия, однако, «не могли заявить, ведь во время исповеди преступник каялся Богу, а не им» [14,17], говорится в одном из интервью. Как следствие, например, в Ирландии, был принят

закон «О правах детей», который, помимо прочего, обязывает священников католической церкви сообщать о противоправных действиях в отношении детей. Аналогичная практика имеется в отдельных (28) штатах Америки [6]. Пастор Элисон Кот полагает, что в настоящее время назрела необходимость в реформировании традиционных устоев католической церкви, включая концепцию тайны исповеди [15]. «Кара должна постичь тех, кто будет обижать младше себя ...», цитирует пастор Священное Писание. По его мнению, церковь не должна быть «прибежищем преступников». С этим постулатом трудно согласиться, т.к. христианская церковь и есть прибежище грешников, а пастора Элисона Кота вполне можно обвинить в ложном толковании Священного Писания и непонимании отрицательных последствий для всего общества, в случае размывания традиционных правил христианства.

Следующий пример иллюстрирует обратную позицию. В газете The Times-Picayune of Greater New Orleans была опубликована серия статей, освещающая ход дела против священника Фреда Байхи и католической церкви Батон Руж. В одном из номеров (июль 2014 г.) была рассказана история, согласно которой двенадцатилетняя девочка, состоявшая в принудительной интимной связи со взрослым мужчиной, рассказала об этом на исповеди Байхи. Священник порекомендовал сохранить происходящее в тайне, во избежание «неприятных» последствий для этого мужчины и его семьи. Впоследствии семья девочки обо всем узнала и в рамках рассмотрения гражданского дела Верховным судом штата Луизиана потребовала пастора подтвердить слова девочки, сказанные на исповеди. Важно отметить, что, как и сама пострадавшая, так и члены ее семьи дали официальное согласие на раскрытие «тайны» исповеди. Однако, апелляционная инстанция, в которую обратилась епархия Батон Руж, признала запрос родителей неправомерным и отклонила требование Верховного Суда штата Луизиана. Автор статьи, о которой идет речь, рассуждая на тему законности решений, принятых обеими сторонами, указал, что решение, принятое гражданским судом, прямо противоречит Конституции США, а значит, даже учитывая согласие исповедуемого лица на раскрытие определенных сведений, факт преступления не может стать поводом для нарушения тайны исповеди [16]. Здесь, с одной стороны, можно поддержать решение гражданского суда, т.к. суд встал на защиту религиозной тайны, с другой стороны, можно было бы посоветовать священнослужителю, принимающего исповедь у девочки, настойчиво посоветовать девочке рассказать о происшедшем родителям, с целью наказания виновного. В этом случае тайна перестала бы быть тайной, и священник не оказался бы в столь затруднительном положении.

Стоит также сказать, что особое значение для американского прецедентного права по вопросу о правомерности разглашения священнослужителем сведений, сообщенных ему по время испо-

веди, имеет решение Апелляционного суда штата Нью-Йорк от 08.05.1979 по делу «Джон Ф. Кинан против Луиса Р. Джиганте» [18], одно среди многих [3]. Согласно тексту документа, позиция судебного органа заключается в том, что «общее право США не предусматривает права священнослужителя не разглашать в суде сведения, сообщенные кающимся, в отличие от статутного, устанавливающего, что признание или конфиденциальное сообщение, сделанные священнослужителю в силу характера его профессиональной деятельности как духовного наставника, не подлежат разглашению, только если лицо, делающее указанное признание или сообщение, не отказывается от судебного иммунитета для его общения со священнослужителем» [3, с. 132]. В контексте положений Первой поправки Конституции США, таким образом, сформулировался судебный прецедент, устанавливающий ограничения в раскрытии информации, полученной в ходе исповеди священнослужителем, равно как и иной, содержащейся в документации религиозного учреждения.

В данном контексте также интерес представляет решение Апелляционного суда пятого округа штата Техас по делу «Центр помощи Церкви «Слово веры» против Моралеса» (1992) [13, р. 114]. Суд квалифицировал изъятие церковной документации генеральным прокурором для целей расследования незаконным, поскольку противоречит соответствующим положениям Конституции США. В качестве аргумента, он указал, что допущения могут в последующем привести к тотализации (усилению) контроля со стороны публичной власти религиозных организаций.

Российская судебная практика также является источником норм конституционного права в изучаемом контексте. Так, согласно Определению Конституционного Суда России от 06.03.2003 № 108-О «По жалобе гражданина Цицкишвили Гиви Важевича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 части третьей статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [1], следствием абсолютного запрета допроса лиц, обладающих свидетельским иммунитетом, включая священнослужителей, может стать нарушение права на судебную защиту. В Постановлении от 29.06.2004 № 13-П [2], Конституционный Суд уточняет, что священнослужители, как субъекты, обладающие таким иммунитетом, вправе использовать сведения, полученные ими или ставшие известными им в процессе исполнения своей профессиональной деятельности, однако, в случае, если эти сведения непосредственно касаются лица, чьи законные права и интересы могут быть нарушены. Отметим, к сожалению, что многие ученые-правоведы сходятся во мнении о том, что священнослужитель вправе по своему усмотрению нарушить тайну исповеди для целей уголовного судопроизводства [11].

Однако, такое видение, несмотря на кажущуюся полезность с позиции юридической науки и практики правоохранительства, вступает в противо-

речие с нормами канонического права и внутренними установлениями религиозных учреждений, иными словами оно – неприемлемо. Так, согласно 120 правилу Номоканона при Большом Требнике, «за открытие греха исповедовавшегося духовный отец запрещается на три года в служении, и каждый день должен класть сто поклонов» [9]. В свою очередь, согласно позиции Церковного суда РПЦ, по его решению, за нарушение тайны исповеди священник «может быть подвергнут в зависимости от тяжести нанесенного ущерба исповедовавшемуся лицу и круга лиц, которым эта тайна была распространена, отлучению от сана. [4]. Однако, поскольку российским законодателем перечисленное не регламентируется, и Церковь является самостоятельным, отделенным от государства институтом (то есть оно не вмешивается во внутренние установления церкви), привлечение священнослужителя к ответственности за нарушение тайны исповеди не представляется возможным.

Проведенное исследование позволяет нам заключить следующее: во-первых, религиозная тайна, в том числе, тайна исповеди, гарантируется гражданам Российской Федерации и ряда других стран на уровне Конституции, а, следовательно, непосредственное отражение в национальном, а также международном праве. Во-вторых, исповедание определенной религии влияет на сознание и нравственность человека, его принципы и моральные качества, участвует в процессе формирования личности, как следствие, для многих людей выполнение религиозной дисциплины и охрана религиозной тайны являются важной частью их жизни. В этой связи существует необходимость в урегулировании вопроса о свидетельском иммунитете священнослужителей, в том числе в контексте согласования соответствующих норм с нормами канонического права, а также, в целом, традициями исповедания.

Литература

1. Священное Писание. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М.: Изд-во «Сретенский ставропигиальный мужской монастырь», 2022. – 1536 с.
2. Определение Конституционного Суда РФ от 06.03.2003 № 108-О «По жалобе гражданина Цицкишвили Гиви Важевича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 части третьей статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 27. Ст. 2804.

4. Андреев К.М. Понятие и особенности религиозной тайны в рамках реализации конституционной свободы вероисповедания: монография. – М.: Юриспруденция, 2015. – 227 с.
5. База решений Церковного суда РПЦ // Русская Православная Церковь. Официальный сайт Московского Патриарха. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/document/3556033/> (дата обращения: 10.01.2024)
6. Горяинов А.В. Методика расследования «незаконного пересечения Государственной границы Российской Федерации» в пунктах пропуска через Государственную границу Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 20.02.03. – Москва, 2005. – 23 с.
7. Закон и тайна исповеди: можно ли обязать священников доносить о педофилии? – 15.08.2017 // BBC. Русская служба. – URL: <https://www.bbc.com/russian/features-40938574> (дата обращения: 10.01.2024)
8. Ларионов И.А. Совершенствование методики расследования преступлений в сфере организации незаконной миграции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.12. – Ростов-на-Дону, 2022. – 25 с.
9. Назаркулова Ч.Н. Участие специалиста в следственных действиях при расследовании преступлений, совершенных по мотиву национальной, расовой, религиозной или межрегиональной ненависти или вражды // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 3 (71). С. 124–129.
10. Номоканон при большом требнике: Его история и тексты, греч. и слав., с объясн. и критич. примеч.: Опыт науч. разрешения вопр. об этом сб., возникавших в прошлом столетии в Святейшем правительствующем синоде / [Соч.] А. Павлова, заслуж. орд. проф. Моск. ун-та. – Новое изд., от начала до конца перераб. – М.: тип. Г. Лисснера и А. Гешеля, преемн. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1897. – 520 с.
11. Пчелинцев А.В. Свобода вероисповедания и религиозные объединения в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование: автореферат дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.02. – Москва, 2012. – 57 с.
12. Шинкевич В.Е., Логинова Н.Г., Гришин В.С. К вопросу о правовой оценке данных о совершенном или готовящемся преступлении, ставших известными священнослужителю на исповеди, как законного повода для возбуждения уголовного дела // Философия права. 2020. № 3 (94). С. 162–167.
13. Ухвала Херсонського міського суду Херсонської області від 7 липня 2020 р., справа № 766/599/20 // Єдиний Єдиний державний реєстр судових рішень. – URL: <http://www.reyestr.court.gov.ua/Review/90606948> (дата обращения: 10.01.2024)
14. Anglim C.T. Encyclopedia of religion and the Law in America. – Amenia (NY, USA): Grey House Publishing, Inc., 2009. – 847 p.
15. Australia's Catholic Church rejects use of confessionals as evidence // Deutsche Welle. – URL: <https://www.dw.com/en/australias-catholic-church-rejects-use-of-confessionals-as-evidence/a-45300111> (дата обращения: 10.01.2024)
16. Father Richard Umbers. The Seal Cannot Be Broken: Priestly Identity and the Sacrament of Confession. – 27.08.2014 // ABC. – URL: <https://www.abc.net.au/religion/the-seal-cannot-be-broken-priestly-identity-and-the-sacrament-of/10099054> (дата обращения: 10.01.2024)
17. Fisher S. Some Questions about the Seal of Confession. – 08.07.2014 // National Catholic Register. – URL: <https://www.ncregister.com/blog/some-questions-about-the-seal-of-confession> (дата обращения: 10.01.2024)
18. Grundy T. Top Anglican calls for lifting seal of confessional in child abuse cases. – 23.12.2014 // Religion News Service. – URL: <https://religionnews.com/2014/10/23/top-anglican-calls-lifting-seal-confessional-child-abuse-cases/> (дата обращения: 10.01.2024)
19. Matter of John F. Keenan, Deputy Attorney-General, as Special State Prosecutor, Respondent, v. Louis R. Gigante, Appellant / Decision of Court of Appeals of the State of New York of 08.05.1979

RELIGIOUS SECRET: PREVENTION, LAW ENFORCEMENT PRACTICE, LEGAL PROTECTION

Togotin V.V.

St. Cyril and Methodius OCAD

The article is devoted to the study of the institution of religious secrecy in the context of the problem of violation and legal protection. The author indicates the relevance and practical significance of the research topic. Arguments are given in favor of the fact that information about religious beliefs is important in criminal proceedings. An analytical review of judicial practice (Russian and foreign) is carried out, illustrating the position of law enforcement officials on the appropriateness/legality of violating the secrecy of confession for the purposes of the preliminary investigation. The problem of “collision” of the norms of Russian canonical and constitutional law is touched upon. The conclusion is about the need for additional legislative regulation of the issue (status) of witness immunity of clergy, for the purpose of eliminating such “collisions”, and, in general, harmonizing the relevant norms with the canons of confession.

Keywords: religious secret, secret of confession, criminal process, preliminary investigation, witness immunity.

References

1. Holy Scripture. Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments. – М.: Publishing house “Sretensky Stavropegial Monastery”, 2022. – 1536 p.
2. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation dated March 6, 2003 No. 108-О “On the complaint of citizen Tsitskishvili Givi Vazhevich about the violation of his constitutional rights by paragraph 2 of part three of Article 56 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation” // SPS Consultant Plus
3. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated June 29, 2004 No. 13-П “On the case of verifying the constitutionality of certain provisions of Articles 7, 15, 107, 234 and 450 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with a request from a group of deputies of the State Duma” // Meeting legislation of the Russian Federation. 2004. No. 27. Art. 2804.

4. Andreev K.M. The concept and features of religious secrets within the framework of the implementation of constitutional freedom of religion: monograph. – M.: Jurisprudence, 2015. – 227 p.
5. Base of decisions of the Church Court of the Russian Orthodox Church // Russian Orthodox Church. Official website of the Moscow Patriarch. – ULR: <http://www.patriarchia.ru/db/document/3556033/> (access date: 01/10/2024)
6. Goryainov A.V. Methodology for investigating “illegal crossing of the State Border of the Russian Federation” at checkpoints across the State Border of the Russian Federation: abstract. dis. ...cand. legal Sciences: 02.20.03. – Moscow, 2005. – 23 p.
7. Law and the secret of confession: is it possible to oblige priests to report pedophilia? – 08/15/2017 // BBC. Russian service. – ULR: <https://www.bbc.com/russian/features-40938574> (access date: 01/10/2024)
8. Larionov I.A. Improving the methodology for investigating crimes in the field of organizing illegal migration: abstract of thesis. dis. ...cand. legal Sciences: 12.00.12. – Rostov-on-Don, 2022. – 25 p.
9. Nazarkulova Ch.N. Participation of a specialist in investigative actions during the investigation of crimes committed based on national, racial, religious or interregional hatred or enmity // Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. No. 3 (71). pp. 124–129.
10. Nomocanon at the great breviary: Its history and texts, Greek. and glory., with explanation. and critical note: Scientific experience. resolution of the issue about this collection that arose in the last century in the Holy Governing Synod / [Oc.] A. Pavlova, honored. hord. prof. Moscow un-ta. – New edition, revised from start to finish. – M.: type. G. Lissner and A. Heschel, successor. E. Lissner and Y. Roman, 1897. – 520 p.
11. Pchelintsev A.V. Freedom of religion and religious associations in the Russian Federation: constitutional and legal research: abstract of thesis. ... doc. legal Sciences: 12.00.02. – Moscow, 2012. – 57 p.
12. Shinkevich V.E., Loginova N.G., Grishin V.S. On the issue of the legal assessment of data about a committed or impending crime, which became known to a clergyman during confession, as a legal reason for initiating a criminal case // Philosophy of Law. 2020. No. 3 (94). pp. 162–167.
13. Praise to the Kherson Municipal Court of the Kherson region dated June 7, 2020, on the right No. 766/599/20 // Unified Unified State Register of Court Decisions. – ULR: <http://www.reyestr.court.gov.ua/Review/90606948> (access date: 01/10/2024)
14. Anglim C.T. Encyclopedia of religion and the Law in America. – America (NY, USA): Gray House Publishing, Inc., 2009. – 847 p.
15. Australia’s Catholic Church rejects the use of confessionals as evidence // Deutsche Welle. – ULR: <https://www.dw.com/en/australias-catholic-church-rejects-use-of-confessionals-as-evidence/a-45300111> (access date: 01/10/2024)
16. Father Richard Umbers. The Seal Cannot Be Broken: Priestly Identity and the Sacrament of Confession. – 08/27/2014 // ABC. – ULR: <https://www.abc.net.au/religion/the-seal-cannot-be-broken-priestly-identity-and-the-sacrament-of/10099054> (accessed: 01/10/2024)
17. Fisher S. Some Questions about the Seal of Confession. – 07/08/2014 // National Catholic Register. – ULR: <https://www.ncregister.com/blog/some-questions-about-the-seal-of-confession> (date of access: 01/10/2024)
18. Grundy T. Top Anglican calls for lifting seal of confessional in child abuse cases. – 12/23/2014 // Religion News Service. – ULR: <https://religionnews.com/2014/10/23/top-anglican-calls-lifting-seal-confessional-child-abuse-cases/> (date accessed: 01/10/2024)
19. Matter of John F. Keenan, Deputy Attorney-General, as Special State Prosecutor, Respondent, v. Louis R. Gigante, Appellant / Decision of Court of Appeals of the State of New York of 05/08/1979

Влияние регулирования сохранения объектов культурного наследия на социально-экономическое развитие крупных городов

Бердюгина Юлия Маликовна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры земельного, градостроительного и экологического права, Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева
E-mail: berd_julia@mail.ru

Курьякова Венера Фердинандовна,

преподаватель кафедры земельного, градостроительного и экологического права, Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева
E-mail: kuriakova.vf@yandex.ru

В статье освещены вопросы сохранения объектов культурного наследия (ОКН) и влияния норм действующего законодательства на развитие крупных городов. Авторы анализируют существующие категории ОКН, определения и значение таких понятий, как «защитная зона», «зона охраны» и другие, в контексте законодательства РФ. Рассматривается порядок внесения информации о границах территорий ОКН, зонах охраны, защитных зонах в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (ЕГРОКН). Изучены риски, связанные с изменением режима охраняемых зон, и их влиянием на сохранность культурно-исторической ценности. Проведенный анализ законодательных норм выявил проблемные аспекты в регулировании сохранности ОКН и предложен ряд усовершенствований для оптимизации процессов сохранения культурного наследия в городской среде.

Ключевые слова: объекты культурного наследия, ОКН, защитная зона, сохранение культурного наследия, культурно-историческая ценность, ЕГРН, ЕГРОКН.

В России значимость вопросов, касающихся сохранности объектов культурного наследия (ОКН), рассматривается с позиции преемственности гуманитарных ценностей и традиций, так как они являются частью истории и политической жизни государства. Общественно-политический характер ОКН тесно связан с духовной идентичностью и этнической составляющей общества, что определяет ключевую связь современного общества с его исторической ментальностью.

На законодательном уровне под «объектами культурного значения» подразумеваются объекты, наделенные «историко-архитектурной, художественной, научной и мемориальной ценностью и имеющие историческую значимость» [2].

В рамках действующего российского законодательства на территории страны выделяется три уровня историко-культурного значения ОКН: а) федерального значения (имеющие значение для истории и культуры РФ); б) регионального значения (когда ценность ОКН имеет значение для конкретного региона РФ); в) муниципального значения (ценность объекта культурного наследия определяется для конкретного муниципального образования).

По мнению ряда специалистов, вопросы, связанные с сохранностью объектов культурного наследия в крупных городах Российской Федерации, не теряют своей актуальности, что обусловлено стремительным ростом научно-технического прогресса и высокими темпами застройки территорий крупных городов [18].

Современные специалисты рассматривают понятие «сохранность объектов культурного наследия» как «комплексные мероприятия по обеспечению физической целостности ОКН» [17]. Процесс сохранения ОКН обеспечивается методами консервации, реставрации и использованием их дополнительных приспособлений. Вместе с тем, обязанность сохранять ОКН на территории Российской Федерации закреплена ч. 3 ст. 44 Конституции РФ [1], а обеспечение неприкосновенности таких объектов возложено на специализированные государственные структуры, отвечающие за культурное наследие в соответствии с действующим законодательством.

Сохранение объектов культурного наследия России обеспечивается требованиями ФЗ от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного

наследия...». В рамках данного закона определены отношения в области сохранения ОКН, особенности владения объектами культурного наследия, их использованием и распоряжением, а также устанавливается порядок их регистрации и базовые принципы сохранения.

Вместе с тем, на территории страны влияние на сохранность ОКН оказывают Распоряжения и ПП РФ, определяющие: а) порядок проведения государственной историко-культурной экспертизы (ГИКЭ) [2]; б) критерии состояния ОКН [3]; в) порядок разработки и введение в действие проектов зон охраны и объединенных зон охраны ОКН, требования к режимам использования земель и общие принципы установления требований к градостроительным регламентам в границах территорий указанных зон [4].

Отдельные вопросы законодательства в сфере сохранения ОКН регламентируются Приказами Минкультуры РФ, ГОСТами Р, Национальными стандартами, в которых отражены состав и содержание научно-проектной документации, осуществление руководства и надзора за сохранностью ОКН [5, 6, 7].

Как следствие необходимости сохранения объектов культурного наследия, регламент зон с особыми условиями использования территорий в сфере сохранения наследия несколько ужесточился. Изначально ФЗ № 73-ФЗ предполагал создание проектов зон охраны, устанавливающих регламенты использования территории вокруг памятника:

а) охранный зона – территория сохранности ОКН в рамках его исторического ландшафтного окружения. На такой зоне действует особый режим использования земель: установлены ограничения хозяйственной деятельности и запрещается ведение строительства;

б) территория, подпадающая под специальные правила использования земли, где действуют ограничения по проведению строительных работ и ведению хозяйственных операций, и установлен набор критериев, которым должны соответствовать работы по модернизации уже находящихся на этой территории объектов инфраструктуры.

в) зона охраняемого природного ландшафта – территория с определенным сочетанием рельефа земли (горы, долина и т.д.) и растительного мира, в т.ч. и открытые пространства, имеющие непосредственную связь с ОКН, на которой ведение строительной и хозяйственной деятельности либо запрещено, либо ограничено.

Однако низкая эффективность защиты наследия посредством зон охраны (часто такие зоны отсутствовали) впоследствии привела к появлению в законе новых механизмов – установлению защитных зон. В 2016 году в ФЗ № 73 была добавлена ст. 34.1 «Защитные зоны ОКН». В рамках данной статьи под «защитной зоной ОКН» признается прилегающая к ОКН территория, на которой запрещается ведение строительства капитальных объектов и их реконструкции. Протяженность таких территорий в населенных пунктах: для памят-

ников составляет 100 м, для ансамблей – 150 м от их внешних границ, вне населенных пунктов: для памятников – 200 м, для ансамблей – 250 м от их внешних границ.

Практика показала, что применение данных норм вызывает ряд сложностей и порой невозможности их применения [9]. Так, например, плотная историческая застройка зданий в городских населенных пунктах требует установления иных, отличных от установленных законом территориальных границ. Решение данного вопроса в современной практике достигается исключительно путем проведения государственной историко-культурной экспертизы (ч. 5 ст. 34.1 ФЗ № 73), что существенно растягивает во времени сроки создания защитных зон памятников истории и культуры. При наличии специфики историко-градостроительного и ландшафтного окружения ОКН, обоснованного заключением ГИКЭ, допускается уточнение границ в утвержденном законом порядке.

Так, например, А.Ю. Андреева и И.А. Халикова (2021) указывают на невозможность применения п. 3 и 4 ст. 34.1 ФЗ № 73, т.к. установленные расстояния «защитных зон» в крупных городах затрагивают объекты капитального строительства, а изменение границ защитных зон допускается лишь после проведения ГИКЭ. Поэтому на практике режим защитных зон устанавливается не с момента регистрации памятника в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (ЕГРОКН) (ч. 1 ст. 34.1 ФЗ № 73), а лишь после проведения ГИКЭ и вынесения соответствующего решения региональным органом [9].

Кроме того, анализ режимов зон охраны и защитной зоны показал, что ограничения по ведению градостроительной и хозяйственной деятельности на территории защитных зон гораздо существеннее, чем в зонах охраны. Если на территории защитных зон предусмотрен безоговорочный запрет, то в зонах охраны ОКН политика ведения градостроительной и хозяйственной деятельности более гибкая, т.к. предполагает не только запрет, но и ограничения, т.е. в зонах охраны ОКН допускается ведение определенных работ с соблюдением установленного законом порядка. Характерной особенностью режима защитной зоны является то, что он начинает действовать с момента внесения ОКН в ЕГРОКН и автоматически прекращает свое действие после разработки зоны охраны и внесения сведений о ней в ЕГРН, что предусмотрено ПП РФ от 12 сентября 2015 года № 972.

Очевидно, что режим «защитных зон» является менее эффективным по сравнению с режимом «зон охраны», так как на практике он приводит к замораживанию работ (хозяйственных, строительных и других). Следовательно, при решении проблем в области сохранения объектов культурного наследия (ОКН) в качестве выхода из проблемных ситуаций было найдено еще менее продуктивное решение, то есть, по сути, проблему не решили, а лишь усугубили. Однако вместе с тем специалисты отмечают, что появление в правовом

регулировании сферы сохранения ОКН механизма «защитных зон» способствовало активизации процессов утверждения «зон охраны».

Постановка на учет ОКН, их территорий, а также защитных и охранных зон является приоритетной задачей государственных органов. Уполномоченные органы в сфере охраны памятников культуры предоставляют необходимую информацию в Федеральную службу государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр). Установление, изменение, прекращение существования проектов зон охраны ОКН регламентируется статьей 106 Земельного кодекса РФ от 25 октября 2001 года № 136-ФЗ. Порядок отражения защитных зон, границ территории, проектов зон охраны в правила землепользования и застройки определен статьей 33 Градостроительного кодекса РФ от 29 декабря 2004 года № 190-ФЗ.

Практика показала, что процедура по внесению ОКН в ЕГРОКН может растянуться на год, что крайне неэффективно. Прежде всего, речь идет об усилении естественного разрушения памятников архитектуры, а также о негативном влиянии хозяйственной деятельности частных компаний и градостроительной деятельности в местах, где расположены ОКН, которые ждут своей очереди на внесение их в государственный реестр, ежедневно подвергаются рискам разрушения и сноса. Обеспечить сохранность таких объектов призваны изменения в пункте 10 статьи 16.1 Федерального закона № 73, которые вступают в силу 15 апреля 2024 года. Согласно новой редакции данной нормы закона под запрет попадают не только выявленные объекты культурного значения, но и имеющие признаки ОКН в соответствии со статьей 3 Федерального закона № 73.

В связи с активным развитием городов-миллионников, поддержкой создания агломераций этот ракурс вопросы сохранения объектов культурного наследия в рамках городского пространства приобретают актуальный характер. Так, например, В.В. Ознамец (2018), исследуя проблемы устойчивого развития городских территорий, пришел к выводу, что их приоритетными показателями являются: социальный и экономический прогресс, темп динамики развития, потребности этих территории и т.д. [13]. По мнению Ю.Е. Семенова и С.С. Беломестных (2020) такие понятия «развития» и «потребностей» являются источниками противоречий между сохранением объектов культурного наследия и устойчивым развитием городской территории [14].

Изначально закон нацелен на сохранность объектов культурного назначения, но что делать, если они попадают в «дорожную карту» градостроительства и в силу своих правовых, функциональных, архитектурных и конструктивных норм ОКН создают определенные трудности для реализации проектов по развитию городских территорий.

Ряд авторов предлагают обратить внимание на механизм объединенной охранной зоны. Законом допускается объединение нескольких зон ох-

раны в единую зону охраны (ч. 3, п. 1, ст. 34 ФЗ № 73), состав которых определяется соответствующими Проектами, накладывающими режим использования соответствующих земель. Порядок разработки таких Проектов определен Положением от 12 сентября 2015 г. N 972.

В настоящее время действующее законодательство предполагает согласование проекта нормативного правового акта об утверждении объединенной зоны охраны объектов культурного наследия с Министерством культуры РФ, что значительно увеличивает сроки утверждения таких объединенных зон охраны ОКН.

При этом объединенные зоны охраны позволяют выработать единые требования к возможному использованию территории в муниципальных образованиях и избежать коллизий, возникающих при наложении нескольких зон охраны отдельных памятников на одну территорию, что негативно влияет на инвестиционный климат.

Таким образом, по мнению специалистов, введение объединенных охранных зон способствовало бы созданию единой схемы регулирования застройки и хозяйственной деятельности вокруг ОКН. Передача полномочий по управлению охраняемыми зонами в отношении объектов культурного наследия регионального и местного (муниципального) значения на уровень субъектов Российской Федерации, за исключением случаев, когда речь идет об ОКН федерального значения, упростит процесс внесения изменений и повысит эффективность реализации мероприятий по охране наследия.

Для обеспечения роста и повышения качества жилищно-коммунальных услуг, сдерживания роста тарифов и снижения барьеров в строительстве предлагается при строительстве, реконструкции, капитальном ремонте линейных объектов (электроснабжения, связи), расположенных на территории муниципальных образований и выполняемых подземным способом, исключить разработку разделов об обеспечении сохранности указанного объекта культурного наследия или археологических исследований, а также исключить согласование с региональным органом охраны объектов культурного наследия данных разделов. Предлагаемые изменения обусловлены также тем, что существующие технические нормы и правила позволяют обеспечить сохранность расположенных рядом объектов, а в случае обнаружения археологического наследия существующий закон о том, что заказчик указанных работ, технический заказчик (застройщик) объекта капитального строительства, лицо, проводящее указанные работы, обязаны незамедлительно приостановить указанные работы и в течение трех дней со дня обнаружения такого объекта направить в региональный орган охраны объектов культурного наследия письменное заявление об обнаруженном объекте культурного наследия.

Резюмируя вышесказанное, считаем целесообразным:

1. Увеличить число объединенных охранных зон для установления единого регулирования.

2. Передать полномочия по охранным зонам ОКН на уровень субъекта, за исключением зон для особо ценных ОКН.

3. Рассмотреть возможность исключения процедуры согласования проекта нормативного правового акта «Об утверждении объединенной зоны охраны ОКН» из полномочий Министерства культуры РФ в отношении объектов культурного наследия регионального и местного (муниципального) значения, закрепив принятие окончательного решения в этой части за органом государственной власти субъекта РФ.

4. Уменьшит количество разрабатываемых документов при проведении работ, связанных с размещением сетей электроснабжения, связи, выполняемых подземным способом.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 06.12.2023).
2. Постановление Правительства Российской Федерации от 15.07.2009 № 569 «Об утверждении Положения о государственной историко-культурной экспертизе» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 06.12.2023).
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 29.06.2015 № 646 «Об утверждении критериев отнесения объектов культурного наследия, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, к объектам культурного наследия, находящимся в неудовлетворительном состоянии» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 06.12.2023).
4. Постановление Правительства Российской Федерации от 12.09.2015 № 972 «Об утверждении Положения о зонах охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений нормативных правовых актов Правительства Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 06.12.2023).
5. ГОСТ Р 55528–2013 «Сохранение объектов культурного наследия от биопоражений. Классификация, методы защиты и ликвидации последствий. Общие требования» (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 11.02.2022 г. N 63-ст) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/70665928/> (дата обращения 06.12.2023).
6. ГОСТ Р 70005–2022 «Сохранение объектов культурного наследия. Технологические процессы подготовки раздела научно-проектной документации. Предварительные работы» (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 12.12.2023 N 1566-ст) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/70795426/> (дата обращения 06.12.2023).
7. ГОСТ Р 70633–2023 «Сохранение объектов культурного наследия. Технологические процессы подготовки раздела научно-проектной документации. Научный отчет» (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 12.12.2023 N 1570-ст) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/407050634/> (дата обращения 06.12.2023).
8. Айнуллина К. Н., Кряхтунов А.В. Процедура установления зон охраны объектов культурного наследия // International Agricultural Journal. – 2020. – № 5. – С. 115–125
9. Андреева А.Ю. Проблемы установления и существования защитных зон объектов культурного наследия / А.Ю. Андреева, М.А. Халиков // Культурное наследие России, 2021. – № 2. – С. 16–21
10. Берлизов, М.П. К вопросу о зонах охраны объектов археологического наследия народов Российской Федерации / М.П. Берлизов // Административное и муниципальное право, 2016. – № 6. – С. 520–524.
11. Епифанов, С.В. Особые случаи приспособления объектов культурного наследия / С.В. Епифанов // Академический вестник УралНИИ-проект РААСН, 2015. – № 4. – С. 64–69.
12. Лебедев, А.И. проблемы и перспективы сохранения и рационального использования объектов культурного наследия местного (муниципального) значения / А.И. Лебедев, Т.А. Пушкарева, С.Ю. Самоходова // Административное и муниципальное право, 2021. – № 2. – С. 25–37.
13. Ознамец В.В. Проблемы устойчивого развития территории // The State Counsellor, 2018. – № 2. – С. 11–19.
14. Семенов, Ю.Е. Потенциал объектов культурного наследия в устойчивом развитии городских территорий / Ю.Е. Семенов, С.С. Беломестных // Ноэма, 2020. – № 2 (5). – С. 22–32.
15. Трофимова, М.С. Зона охраны и защитная зона объекта культурного наследия в российском законодательстве, и буферная зона в нормах международного права: к вопросу о соотношении категорий / М.С. Трофимов // ВЕМЕ-ИСГОМ, 2020. – № 3 (36). – С. 55–57.
16. Чертилов А. Деревянная застройка в центре Иркутска: обуза или невостребованный туристический маршрут? / А. Чертилов, А. Кушкова // Проект Байкал, 2015. – № 46. – С. 95–98.
17. Чесницкий, И.И. Об обязанностях собственников объектов культурного наследия и ответственности за их нарушение [Электронный ре-

сурс], 2023. – Режим доступа: <http://pravo.khv.ru/node/3722> (дата обращения 06.12.2023).

18. Официальный сайт Совета Федерации РФ [Электронный ресурс], 2023. – Режим доступа: <http://council.gov.ru/activity/activities/roundtables/144243/> (дата обращения 06.12.2023).
19. Официальный сайт Министерства Культуры Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://culture.gov.ru/> (дата обращения 06.12.2023).

THE IMPACT OF REGULATION OF THE CONSERVATION OF CULTURAL HERITAGE SITES ON THE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF LARGE CITIES

Berdyugina Yu.M., Kuryakova V.F.

V.F. Yakovlev Ural State Law University

The article highlights the issues of preservation of cultural heritage sites and the impact of the current legislation on the development of large cities. The authors analyze the existing categories of windows, definitions and meaning of such concepts as “protective zone”, “protection zone” and others in the context of the legislation of the Russian Federation. The procedure for entering information about the boundaries of the OKN territories, protection zones, and protective zones into the Unified State Register of Real Estate (EGRN) is being considered. The risks associated with changing the regime of protected areas and their impact on the preservation of cultural and historical value have been studied. The analysis of legislative norms revealed problematic aspects in regulating the preservation of windows and proposed a number of improvements to optimize the processes of preserving cultural heritage in the urban environment.

Keywords: objects of cultural heritage, window, protective zone, preservation of cultural heritage, cultural and historical value, Unified State Register of Real Estate, EGRN, EGROKN

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020) [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.consultant.ru/> (date of application 06.12.2023).
2. Resolution of the Government of the Russian Federation dated 07/15/2009 No. 569 “On approval of the Regulations on State Historical and Cultural Expertise” [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.consultant.ru/> (accessed 06.12.2023).
3. Resolution of the Government of the Russian Federation dated 06/29/2015 No. 646 “On Approval of Criteria for Classifying Cultural Heritage Objects Included in the Unified State Register of Cultural Heritage Objects (Historical and Cultural Monuments) of the Peoples of the Russian Federation as Cultural heritage objects in unsatisfactory condition” [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.consultant.ru/> (accessed 06.12.2023).
4. Resolution of the Government of the Russian Federation dated 12.09.2015 No. 972 “On Approval of the Regulations on the Zones of protection of cultural Heritage objects (historical and Cultural monuments) of the Peoples of the Russian Federation and on Invalidation of Certain Provisions of regulatory legal acts of the Government of the Russian Federation” [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.consultant.ru/> (accessed 06.12.2023).
5. GOST R 55528–2013 “Preservation of cultural heritage sites from biological contamination. Classification, methods of protection and elimination of consequences. General requirements” (approved and put into effect by the Order of Rosstandart dated 02/11/2022 N 63-st) [Electronic resource]. – Access mode: <https://base.garant.ru/70665928/> (accessed 06.12.2023).
6. GOST R 70005–2022 “Preservation of cultural heritage sites. Technological processes of preparation of the section of scientific and design documentation. Preliminary work” (approved and put into effect by the Order of Rosstandart dated 12.12.2023 N 1566-st) [Electronic resource]. – Access mode: <https://base.garant.ru/70795426/> (accessed 06.12.2023).
7. GOST R 70633–2023 “Preservation of cultural heritage sites. Technological processes of preparation of the section of scientific and design documentation. Scientific report” (approved and put into effect by the Order of Rosstandart dated 12.12.2023 N 1570-st) [Electronic resource]. – Access mode: <https://base.garant.ru/407050634/> (date of appeal 06.12.2023).
8. Ainullina K. N., Kryakhtunov A.V. The procedure for establishing zones for the protection of cultural heritage objects // International Agricultural Journal. – 2020. – No. 5. – pp. 115–125
9. Andreeva A. Yu. Problems of establishment and existence of protective zones of cultural heritage objects / A. Yu. Andreeva, M.A. Khalikov // Cultural heritage of Russia, 2021. – No. 2. – pp. 16–21
10. Berlizov, M.P. On the issue of zones of protection of objects of archaeological heritage of the peoples of the Russian Federation / M.P. Berlizov // Administrative and Municipal Law, 2016. – No. 6. – pp. 520–524.
11. Epifanov, S.V. Special cases of adaptation of cultural heritage objects / S.V. Epifantsov // Academic Bulletin of UralNIIProekt RAASN, 2015. – No. 4. – pp. 64–69.
12. Lebedev, A.I. problems and prospects of preservation and rational use of cultural heritage objects of local (municipal) significance / A.I. Lebedev, T.A. Pushkareva, S. Yu. Samokhodova // Administrative and municipal law, 2021. – No. 2. – pp.25–37.
13. Oznamets V.V. Problems of sustainable development territories // The State Counselor, 2018. – No.2. – pp. 11–19.
14. Semenov, Yu.E. The potential of cultural heritage sites in the sustainable development of urban areas / Yu.E. Semenov, S.S. Belomestnykh // Noema, 2020. – No 2 (5). – Pp. 22–32.
15. Trofimova, M.S. The zone of protection and the protective zone of an object of cultural heritage in Russian legislation, and the buffer zone in the norms of international law: on the question of the ratio of categories / M.S. Trofimov // VEMEISGOM, 2020. – № 3 (36). – Pp. 55–57.
16. Chertilov A. Wooden building in the center Irkutsk: a burden or an unclaimed tourist route? / A. Chertilov, A. Kushkova // Baikal Project, 2015. – No.46. – pp. 95–98.
17. Chesnitsky, I.I. On the duties of owners of cultural heritage objects and responsibility for their violation [Electronic resource], 2023. – Access mode: <http://pravo.khv.ru/node/3722> (accessed 06.12.2023).
18. Official website of the Federation Council of the Russian Federation [Electronic resource], 2023. – Access mode: <http://council.gov.ru/activity/activities/roundtables/144243/> (date of request 06.12.2023).
19. Official website of the Ministry of Culture of the Russian Federation [Electronic resource]. – Access mode: <https://culture.gov.ru/> (accessed 06.12.2023).

Значение ведомственного контроля в обеспечении законности правоприменительной деятельности таможенных органов

Бычик Юлия Александровна,

аспирант заочной формы обучения, кафедра таможенного права Государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Российская таможенная академия»

E-mail: miss.bychick@yandex.ru

В статье приводятся позиции различных авторов в отношении понятий контроль, ведомственный контроль; рассматривается вопрос о значимости ведомственного контроля в таможенных органах; исследована нормативно-правовая база регулирования ведомственного контроля в таможенных органах; выяснены задачи, поводы, цели проведения ведомственного контроля в таможенных органах; раскрыты сущность ведомственного контроля в таможенных органах, отдельные аспекты практического применения ведомственного контроля в таможенных органах; автором статьи рассмотрены ключевые задачи, стоящие на сегодняшний день перед ведомственным контролем в таможенных органах Российской Федерации, названы ключевой критерий классификации контроля в научном сообществе, а также значимое условие обеспечения законности в действиях, реализуемых таможенными органами Российской Федерации, определены субъект и объект ведомственного контроля в отечественных таможенных органах, представлена актуальная нормативно-правовая база, регулирующая организацию ведомственного контроля, сформулированы понятия контроля, ведомственного контроля в таможенных органах.

Ключевые слова: таможенные органы Российской Федерации, ведомственный контроль, контроль, законность, обеспечение законности, ведомственный контроль в таможенных органах.

В последние годы в Российской Федерации огромное внимание уделяется соблюдению и обеспечению законности, её укреплению, увеличению уровня ответственности государственных служащих (должностных лиц) всех уровней в различных органах государственной власти. Федеральная таможенная служба Российской Федерации.

ФТС России исключением не является. В последние годы появилось много научных работ, посвященных теме мониторинга деятельности отечественных таможенных органов, что говорит о повышенном интересе к данной проблематике. Деятельность ФТС России находится под пристальным вниманием средств массовой информации и всего общества, что способствует наличию разнообразной критики в адрес таможенных органов Российской Федерации.

Но, для того, чтобы избежать критики, нужно ничего не делать, что невозможно для ФТС России, поэтому в данной статье пойдет речь о ведомственном контроле, реализуемом в современных российских таможенных органах. Но для начала рассмотрим, что же такое контроль.

В настоящее время в юридической науке имеется немало трудов, посвященных контрольной деятельности государственных органов. Это говорит о высокой актуальности данного направления в науке.

Однако, стоит отметить, что в сфере науки различные точки зрения авторов относительно сущности данного концепта существуют.

Тихомиров Ю.А. пишет о том, что благодаря контролю возможно своевременно вносить коррективы в процесс управленческой деятельности, для исправления недочетов в деятельности управленческих звеньев и должностных лиц, а также для предотвращения «отклонений» от поставленных целей [1].

Другая группа авторов, включая Д.Н. Бахраха, Росинского Б.В. и Старилова Ю.Н. [2], анализирует контроль с точки зрения его осуществления мониторинга целесообразности и законности деятельности, ее научной, политической, правовой, организационной и социальной оценки.

Ерицян А.Е. определяет контроль в качестве правовой процедуры, ориентированной на выявление возможных нарушений, которая включает стадии сбора данных, юридической оценки, принятия решения [3].

Беляев В.П. пишет о том, что суть контроля заключается в следующем: субъект управления проверяет лишь то, насколько его требования управляемый объект соблюдает [4].

Л.А. Галанина отмечает, что контроль чаще всего представляет собой отношения подчиненности или подведомственности, причем объектом контроля выступает законность, а в редких случаях также целесообразность действий контролируемого; контролирующий субъект вправе применять меры воздействия в ответ на допущенные правонарушения или обращаться за поддержкой к компетентным органам [3].

Как видится из представленных определений, понятие «контроль» может звучать следующим образом: властная управленческая деятельность, осуществляемая путём проведения проверок за соблюдением установленных требований, данное правовое явление необходимо рассматривать в качестве неотъемлемой функции управленческого процесса. Специфика контроля-гарантия законности.

Комплексное исследование такого деятельности как контроль в науке предполагает, соответственно, выделение его видов.

Один из ключевых критериев классификации контроля в научном сообществе – это отношение контролирующего субъекта к объекту контроля.

По этому признаку такие авторы, как Шорина Е.М., Ноздрачев А.В., и Бурцев В.В., выделяют две основные категории контроля:

- внутриведомственный или внутренний;
- надведомственный (вневедомственный) или внешний.

В свою очередь, В.И. Рохлин предлагает различать межведомственный и ведомственный контроль.

Надлежащая организация ведомственного (внутриведомственного) контроля за правоприменением – значимое условие обеспечения в действиях, реализуемых правоприменителем, законности.

Тарасов А.М. пишет о том, что главная цель любого контроля заключается в сопоставлении реальной ситуации в подконтрольных организациях (органах) и требуемой [5].

Это подразумевает ревизию того, насколько своевременно и полно выполняются различные требования правовых актов, соблюдаются в рамках административной деятельности такие критерии, как целесообразность и законность.

А.А. Мамонтов определил внутриведомственный контроль в качестве системы установленных нормативно методов (средств, инструментов) наблюдения (ревизии) результатов, а также процессов деятельности, реализуемой подконтрольным субъектом, для выявления их соответствия актуальному законодательству, эффективности, изменений, отклонений и последующей организации их ликвидации.

Контролирующий субъект наделен широким перечнем полномочий, включая возможность применения различных административных мер [6].

Внутриведомственный контроль, как пишет А.А. Мамонтов, характеризуется общими признаками всех разновидностей контроля (например,

наличие властного, системного и информативного характера, увеличение эффективности и др.).

Не является исключением и ведомственный контроль, реализуемый в российских таможенных органах. Именно на рассмотрении указанного вида контроля хотелось бы сосредоточиться в данной статье.

Итак, в современных отечественных таможенных органах нормативно-правовыми документами, регулирующими организацию процедуры ведомственного контроля, выступают следующие:

- Приказ Минфина России N 91н от 23.06.2021;
- ФЗ РФ N 289 от 3 августа 2018 года;
- Приказ ФТС России N 1310 от 1 июля 2016 г.

В отечественных таможенных органах ведомственный контроль реализуется по вопросу соответствия актуальным требованиям законодательства РФ в области таможенного дела, а также положениям права ЕАЭС [7].

Под ним следует понимать деятельность отечественных таможенных органов, ориентированную на ликвидацию нарушений правовых требований ЕАЭС и актуального законодательства России в сфере таможенного дела, которые реализуют таможенные органы (должностные лица) в рамках выполнения задач.

Так как п. 1 первого раздела Порядка ведомственного контроля за решениями, действиями (или бездействием) в сфере таможенного дела указано, что в соответствии с регламентом ведомственного контроля в любой момент таможенный орган (должностное лицо) имеет право изменить либо отменить решение, которое не соответствует актуальным правовым требованиям ЕАЭС и РФ в сфере таможенного дела.

Помимо этого, данный орган (должностное лицо) может признать незаконным бездействие или действие нижестоящего органа (должностного лица) в сфере таможенного дела.

Таким образом, в современных отечественных таможенных органах в качестве субъекта анализируемого ведомственного контроля может выступать только должностное лицо – сотрудник вышестоящего органа, которое обладает полномочием вынесения от имени органа таможенных решений. Объект ведомственного контроля – действие или решение таможенного органа (должностного лица), реализуемое в области таможенного дела.

Ни один таможенный орган осуществлять ведомственный контроль собственного принятия решений или осуществления действий (или бездействия) в сфере таможенного дела не может.

Далее рассмотрим ключевые задачи, которые сегодня стоят перед ведомственным контролем в российских таможенных органах:

- восстановление законных интересов и прав органов власти и юридических (физических) лиц, которые были нарушены вследствие неправомερных действий (решений, бездействия), реализуемых в сфере таможенного дела, а также не соответствующих актуальным требованиям законодательства РФ и ЕАЭС;

– обнаружение и ликвидаций нарушений норм права ЕАЭС и актуального законодательства России в сфере таможенного дела при осуществлении действий (принятии решений, бездействии) в анализируемом направлении таможенными органами (должностными лицами).

В области таможенного права с целью инициирования контроля принятия решений, действий (бездействия) использоваться могут:

- поступившие из органов прокуратуры и иных государственных органов в органы таможенной сферы обращения;
- обращения от граждан и организаций;
- исковые заявления;
- документы органов судебной системы, в частности определения, связанные с процедурой обжалования действий таможенных органов (должностных лиц).

Наряду с вышесказанным, поводом могут выступать и различные обстоятельства, подтверждающие нарушения, допущенные должностными лицами, работающими в таможенных органах, а также обнаруженные, например, в рамках таможенного контроля либо реализации в области таможенного дела законных решений после реализации таможенных проверок, при осуществлении различных разновидностей проверок (комплексных, служебных, функциональных и др.), административных (уголовных) производств, анализа (мониторинга) БД и ресурсов ЕАИС таможенных органов.

На наш взгляд, сущность организуемого в современных отечественных таможенных органах ведомственного контроля, состоит в следующем: субъект контроля осуществляет в пределах собственных законных полномочий ревизию того, как определенные законодательством федерального уровня РФ в сфере таможенного дела выполняет объект, подконтрольный ему, установленные подзаконными внутренними актами требования, указания, проверяя при этом законность и целесообразность действий и вынесенных правовых актов подконтрольным ему объектом, принимает меры, направленные на ликвидацию правонарушений и привлечению виновных лиц к ответственности в их совершении, а так же предотвращению подобных нарушений и восстановлению нарушенных прав объекта проводимого ведомственного контроля.

Целями данного вида контроля являются обеспечение соответствия правовых норм, принимаемых таможенными органами, принципам и положениям, закрепленным в Конституции Российской Федерации.

Это также включает обеспечение защиты прав и свобод участников внешнеэкономической деятельности, повышение эффективности государственного управления и создание условий для осуществления должностными лицами современных отечественных таможенных органов деятельности в строгом соответствии с законом.

Основной задачей такого контроля является соблюдение законности в действиях таможенных

должностных лиц при выполнении своих служебных обязанностей.

Ведомственной контрольной деятельности таможенных органов свойственна непрерывность информации, которая обеспечивает её актуальность, полноту и всесторонность. Данное обстоятельство позволяет сделать объективный вывод, своевременно и в нужном ключе отреагировать на допущенные нарушения.

Сегодня в свете часто изменяющегося таможенного законодательства, имеющейся сложной политической обстановки, в связи с необходимостью обеспечения прав участников внешнеэкономической деятельности и соблюдения законности в работе таможенных структур, возникает актуальная потребность в повышении эффективности ведомственного контроля в этих органах, поскольку данный вид контроля в таможенных органах является важным направлением деятельности указанного государственного органа, позволяющий, в результате успешной его реализации, обеспечить законность действий таможенных органов, восстановить нарушенные права участников внешнеэкономической деятельности без бумажной волокиты и длительного, порой затяжного, хождения по судам.

Согласно анализу правоохранительной деятельности, реализуемой отечественными таможенными органами в I полугодии 2023 г., комиссией ФТС России в рамках ведомственного контроля была проведена плановая комплексная инспекторская проверка правоохранительной деятельности Центральной энергетической таможни, выявлены нарушения, связанные с затягиванием сроков административного производства, не возбуждением в отношении должностных лиц административных дел.

По результатам проверки должностные лица предупреждены о строгом соблюдении дисциплины. По результатам служебных проверок в Пулковской и Карельских таможнях были установлены факты необоснованного возбуждения в отношении участников внешней экономической деятельности административных дел.

К виновным должностным лицам применены такие меры дисциплинарной ответственности, как замечание, меры материального характера.

В первом полугодии 2023 года Северо-Кавказским таможенным управлением (далее-СКТУ) вынесено 16 решений о признании противоречащим требованиям права ЕАЭС и РФ в сфере таможенного дела. 39 решений региональных таможенных органов были аннулированы.

Российскими таможенными органами за I полугодие 2023 г. по результатам в порядке 30 главы КоАП РФ пересмотра постановлений в области административных дел вынесено 736 решений по жалобам лиц [8].

Число жалоб уменьшилось в Управление таможенных расследований и дознания ФТС России (с 286 до 158) и в большинстве регионов страны: в Южном (со 122 до 65), Северо-Западном (с 85 до 19), Центральном 9 с 39 до 31), Приволжском (с

33-до 14), Северо-Кавказском (с 29 до 6), возросло на Дальнем Востоке (с 56 до 155), в Сибири (с 39 до 133) и на Урале (с 7 до 35) за счёт «серийных» дел в отношении одного лица. В целом по стране произошло снижение объёмов обжалования [8].

Несомненно, ведомственный контроль в таможенных органах является сложным правовым явлением.

Основываясь на выше изложенном, можно сформулировать определение понятия ведомственного контроля в таможенных органах следующим образом: в современных отечественных таможенных органах под ведомственным контролем следует понимать деятельность юридического характера вышестоящего таможенного органа, ориентированную на реагирование на незаконные действия должностных лиц нижестоящих таможенных структур, с другой стороны, он также служит инструментом обеспечения соблюдения законности, путем выявления и устранения недостатков в работе контролируемых должностных лиц таможенных органов и применения мер к их дальнейшему недопущению.

Литература

1. Тихомиров Ю.А. Административное право и процесс. М., 2005. С. 687.
2. Бахрах Д.Н., Росинский Б.В., Старилов Ю.Н. Административное право М., 2007. С. 239.
3. Беляев В.П., Умарова М.А. Судебный контроль в системе государственного контроля: общетеоретический формат. Монография. М.: Юрлитинформ, 2021. С. 12–19.
4. Беляев В.П. Контроль и надзор в российском государстве М., 2005. С. 51.
5. Тарасов А.М. Технология государственного (президентского) контроля: элементы эффективности // Политика и право. 2001. N 12. С. 55.
6. Мамонтов А.А. Современные подходы к определению понятия внутриведомственный контроль // Вестник экономической безопасности. – 2017. – N 2. С. 68–70.
7. Приказ N 1310 ФТС России от 1.07.2016 «Об утверждении Порядка проведения ведомственного контроля решений, действий (бездействия) в области таможенного дела». URL: <https://docs.cntd.ru/document/456048236?marker=6580IP> (дата обращения 19.01.2024).

8. Информационно-аналитический обзор правоохранительной деятельности таможенных органов РФ (за I полугодие 2023 г.). М., 2023. С. 24–43.

THE IMPORTANCE OF DEPARTMENTAL CONTROL IN ENSURING THE LEGALITY OF LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES OF CUSTOMS AUTHORITIES

Bychik Yu.A.

Russian Customs Academy

The article presents the positions of various authors regarding the concepts of control, departmental control; examines the importance of departmental control in customs authorities; examines the regulatory framework for regulating departmental control in customs authorities; clarifies the tasks, reasons, goals of departmental control in customs authorities; reveals the essence of departmental control in customs authorities, certain aspects of practical application of departmental control in customs authorities; the author of the article considers the key tasks currently facing departmental control in the customs authorities of the Russian Federation, the key criterion for the classification of control in the scientific community is named, as well as a significant condition for ensuring legality in actions carried out by the customs authorities of the Russian Federation, the subject and object of departmental control in domestic customs authorities are identified, the current regulatory framework governing the organization of departmental control is presented, the concepts of control, departmental control in customs authorities are formulated.

Keywords: customs authorities of the Russian Federation, departmental control, control, legality, ensuring legality, departmental control in customs authorities

References

1. Tikhomirov Yu.A. Administrative law and process: a complete course. M., 2005. P. 687.
2. Bakhrah D.N., Rosinsky B.V., Starilov Yu.N. Administrative law M., 2007. P. 239.
3. Belyaev V.P., Umarova M.A. Judicial control in the system of state control: a general theoretical format. Monograph. M.: YurLitinform, 2021. P. 12–19.
4. Belyaev V.P. Control and supervision in the Russian state M., 2005. P. 51.
5. Tarasov A.M. Technology of state (presidential) control: elements of efficiency // Politics and Law. 2001 No. 12. P. 55.
6. Mamontov A.A. Modern approaches to defining the concept of intradepartmental control // Bulletin of Economic Security. – 2017. – No. 2. P. 68–70. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-podhody-k-opredeleniyu-ponyatiya-vnutrivedomstvennyy-kontrol/viewer> (access date 01/16/2024).
7. Order of the Federal Customs Service of Russia dated July 1, 2016 No. 1310 (as amended as of December 21, 2017) “On approval of the Procedure for conducting departmental control of decisions, actions (inactions) in the field of customs affairs.” URL: <https://docs.cntd.ru/document/456048236?marker=6580IP> (access date 01/19/2024).
8. Information and analytical review of law enforcement activities of the customs authorities of the Russian Federation (data for the first half of 2023). Moscow, 2023. pp. 24–43.

Губанова Ольга Александровна,

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры переподготовки и повышения квалификации специалистов, Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева
E-mail: gubanova-olga@mail.ru

Ильина Ирина Михайловна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры трудового права, Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева
E-mail: ilyina.i@igps.ru

Османов Шамиль Абубакарович,

заместитель начальника отдела планирования, организации и координации научных исследований центра организации научно-исследовательской и редакционной деятельности, Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева
E-mail: sh.osmanov@igps.ru

Завьялов Дмитрий Евгеньевич,

кандидат технических наук, ведущий научный сотрудник отдела информационного обеспечения, населения и технологий информационной поддержки РСЧС и пожарной безопасности центра организации научно-исследовательской и редакционной деятельности, Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева
E-mail: zavialov@igps.ru

В статье изучена одна из гарантий сотрудникам ГПС МЧС России: право на отпуск. Рассмотрено достаточно большое количество различных отпусков, гарантированных сотрудникам данного ведомства Федеральными Законами Российской Федерации. Подробно проанализированы различные виды отпусков и прописаны основания для предоставления данной гарантии со стороны руководителя организации. Изучены произошедшие изменения в данной гарантии для сотрудников ГПС МЧС России, в соответствии с вступлением в силу новых Федеральных законов РФ (ФЗ-141 от 23.05.2016, ФЗ-283 от 30.12.2012), регламентирующие эти преобразования, которые в основном были сохранены. Достаточно подробно описаны все необходимые условия данные сотруднику ГПС МЧС России для оформления данных видов отпусков. В статье также приведен подсчет отпуска, предусмотренного для данной категории.

Ключевые слова: социально-правовые гарантии, отпуск, кадровые подразделения, график отпусков, календарные дни, расчет отпуска.

Введение

Федеральными законами РФ (ФЗ-69 от 21.12.1994, 283-ФЗ от 30.12.2012, 141-ФЗ от 23.05.2016) сотрудникам ГПС МЧС России определены различные социально-правовые гарантии (оплата труда, отпуска, страхование, медицинское и пенсионное обеспечение и др.) [1,2,3,4,5,6,7,8,9,10]

Еще одной важной гарантией является право на обучение и профессиональное развитие. Сотрудники ГПС МЧС России имеют возможность проходить специальную подготовку, повышать свою квалификацию и получать дополнительные профессиональные навыки. Это позволяет им наиболее эффективно выполнять свои служебные обязанности, тем самым способствуя повышению уровня безопасности и защиты населения. [11,12,13,14,15,16]

Сотрудники ГПС МЧС России также обладают правом на защиту своих прав и интересов. В случае нарушения их прав, как со стороны работодателя, так и со стороны третьих лиц, они имеют возможность обратиться в правоохранительные органы и судебные инстанции, чтобы защитить свои законные интересы.

Правовые гарантии сотрудников ГПС МЧС России играют важную роль в обеспечении стабильности, эффективности и надежности службы. Они способствуют укреплению профессионального духа сотрудников и повышению их ответственности перед обществом.

Основная часть

В данной статье мы обсудим право на оплачиваемые отпуска сотрудникам ГПС МЧС России.

Для сотрудников определены оплачиваемые отпуска, такие как: основной, дополнительные за стаж службы, ненормированный рабочий день и т.д. В соответствии с положениями закона и корпоративной политики, сотрудникам ГПС МЧС России предоставляются оплачиваемые ежегодные отпуска. Они являются неотъемлемой частью трудовых прав и обязанностей сотрудников и максимально учитываются при планировании служебного графика.

Продолжительность отпуска зависит от стажа службы сотрудника и определена в соответствии с законодательством РФ. С целью обеспечения бесперебойной и непрерывной работы МЧС России, отпуска планируются заранее и утверждаются в соответствии с планами работы подразделения. Каждый сотрудник имеет возможность выбора удобного времени для отпуска в пределах соответствующего графика.

Кадровые подразделения внимательно следят за соблюдением правил оформления и учета отпусков, чтобы гарантировать объективность и справедливость в их предоставлении. Благодаря этому, сотрудники МЧС России могут планировать свое личное время и отдых с уверенностью в том, что их права будут соблюдены и уважены, в то время как обеспечивается постоянная оперативность и готовность к реагированию на происшествия.

Отпуск сотрудников ГПС МЧС России – это не только заслуженный отдых, но и ключевой элемент поддержания здоровья, обновления энергии и повышения мотивации для успешного выполнения служебных обязанностей. Министерство признает и ценит вклад каждого сотрудника и гарантируем полное соблюдение их прав на отпуск. Давайте детально это рассмотрим:

Очередной ежегодный отпуск должен быть предоставлен на основании графика отпусков, который утверждается ежегодно к 1 января руководителем организации. Его длительность – 30 календарных дней, без учета праздничных и нерабочих дней (в сумме не более 10), к отпуску добавляется время для проезда к месту отпуска и обратно. Для сотрудников, проходящих службу в условиях Крайнего Севера и других регионах с неблагоприятными климатическими и экологическими условиями (где имеются районные коэффициенты) – 45 календарных дней.

В году поступления на службу длительность отпуска определяется умножением 1/12 части основного и дополнительных отпусков, установленных сотруднику, на число полных отработанных месяцев в течение года. Если продолжительность отпуска меньше десяти календарных дней, то он присоединяется к основному отпуску за следующий год.

Основной и дополнительные отпуска могут суммироваться по просьбе сотрудника, учитывая, что сумма непрерывного отпуска не должна превышать 60 дней (не включая время на проезд).

Данное условие, не распространяется на сотрудников, проходящих службу в районах Крайнего Севера, приравненных к ним местностях (с районными коэффициентами), их соединенные отпуска могут быть более 60 дней. Кроме того, для них сохранилась оплата билетов к месту проведения основного отпуска и обратно, один раз в год на сотрудника и одного члена его семьи по территории РФ.

Рассмотрим пример расчета очередного ежегодного отпуска в 2024 году:

Сотрудник оформляет основной отпуск, без выезда с 02.01.2024. Считаем – 30 календарных дней, получается с 02.01. по 31.01.2024. В данном периоде – 7 нерабочих праздничных дней (с 02.01 по 08.01) + 6 выходных (14,15,20,21,27,28 января). Сумма выходных и праздничных дней – 13, но можно учитывать не более 10, следовательно получается отпуск 40 календарных дней, с 02.01. по 10.02.2024.

Если сотрудник не смог уйти в основной отпуск по графику, ему предоставляется возможность его использовать в удобное для него время в текущем

или следующем году. Также сотрудник может разделить основной отпуск на 2 части с условием, что одна из этих частей должна быть не менее 14 календарных дней. Это право может быть выгодно для тех, кто намеревается разделить время отпуска на разные периоды. В этом случае, время на проезд к месту отпуска и обратно будет предоставлено только один раз.

При увольнении сотрудника, который не использовал в году увольнения очередной отпуск, ему выплачивается компенсация, которая оговаривается в приказе при увольнении сотрудника. В зависимости от статьи увольнения это будет либо количество календарных дней в зависимости от количества полных отработанных месяцев либо компенсация за неиспользованный отпуск полностью.

Рассмотрим на примере, сотрудник ГПС МЧС России, увольняется по собственной инициативе 4 марта 2024. Он не использовал свой очередной ежегодный отпуск. Отпуск у сотрудника 30 календарных дней. 30 делим на 12 (количество месяцев в году), получаем 2,5 дня за каждый полный месяц. В нашем примере сотрудник полностью отработал 4 месяца, 4 умножаем на 2,5 дня, получается 10 календарных дней. В приказе по личному составу сотруднику прописывается компенсация за неиспользованных очередной ежегодный отпуск в количестве 10 календарных дней.

Если же статьи увольнения иные: с правом выхода на пенсию, по здоровью или сокращению штатов, достижении предельного возраста – то сотруднику выплачивается компенсация за неиспользованный отпуск полностью – 30 календарных дней.

Для урегулирования крайне необходимых социально – бытовых вопросов, осуществления родственного долга, в случае серьезного заболевания или смерти близкого родственника, пожара или другого стихийного бедствия и в других чрезвычайных ситуациях, которые могут потребовать немедленного вмешательства сотрудника, по решению руководителя организации предоставляется отпуск по личным обстоятельствам. В течение календарного года количество этих отпусков не ограничено. Т.е. если есть причины для получения этого отпуска сотрудник в течении года может его использовать несколько раз.

Курсантам, слушателям, которые обучающимся в высших учебных заведениях МЧС России (очно), полагаются каникулярные отпуска, которые предоставляются в календарных днях: зимний отпуск – 14, летний отпуск – 30 (включая время проезда к месту его проведения и обратно).

Отпуск по окончании обучения в высших учебных заведениях МЧС России (очное обучение), предоставляется сотруднику – 30 календарных дней (включая время проезда к месту его проведения).

Дополнительный отпуск за стаж службы в ГПС предоставляется в календарном исчислении, в зависимости от стажа в календарных днях: от 10 до 15 лет службы – 5; от 15 до 20 лет службы – 10; более 20 лет службы – 15.

Дополнительный отпуск является важным механизмом стимулирования сотрудников ГПС. Поэтому важно знать, какие периоды входят в стаж для расчета дополнительного отпуска.

Данные периоды устанавливает статья 38 ФЗ-141 от 23.05.2016, кроме службы в ВС, силовых структурах, это:

- испытательный срок при поступлении на службу в ГПС;
- период работы в ГПС, предшествующий назначению на аттестованную должность в ГПС.

Дополнительный отпуск за выполнение служебных обязанностей во вредных и (или) опасных условиях – не менее 10 календарных дней.

Дополнительный отпуск за выполнение служебных обязанностей в особых условиях – до 10 календарных дней.

Дополнительный отпуск за ненормированный служебный день – от 7 до 10 календарных дней предоставляется сотрудникам ГПС, в зависимости от должности на которую они назначены.

Сотруднику ГПС, имеющему стаж службы в календарном исчислении 20 и более лет в любой из последних трех лет до достижения сотрудником предельного возраста, может быть предоставлен данный отпуск либо сотрудник может его использовать после продления предельного возраста. Он может быть предоставлен сотруднику в год увольнения со службы, если сотрудник увольняется по здоровью или сокращению штата. Его продолжительность – 30 календарных дней. Данный отпуск полагается сотруднику единожды за весь период службы.

В соответствии с ТК РФ сотрудники ГПС женщины имеют право на отпуск по беременности и родам – 140 календарных дней. Когда беременность является многоплодной или при наличии осложнений во время родов, женщине предоставляется возможность отпуска продолжительностью 194 или 156 календарных дней соответственно. Стоит заметить, что в этот период женщина получает все обязательные выплаты, в том числе премии, поскольку она находится на больничном. Данные дополнительные сроки отпуска обусловлены необходимостью дополнительного времени для восстановления здоровья после сложных родов и ухода за несколькими детьми одновременно.

Право на отпуск по уходу за ребенком до достижения им возраста 3 лет не ограничивается сотрудницами ГПС, оно также распространяется на сотрудников, являющихся отцами, усыновителями или попечителями и воспитывающими ребенка без матери. Данный период оплачивается частично: до 1,5 лет – 40% средней заработной платы за последние два года, а с 1,5 до 3 лет – не оплачивается. У каждого сотрудника есть право выйти из данного отпуска ранее 3 лет, предварительно уведомив об этом руководителя организации.

Следует учесть, что на период отпуска по уходу за ребенком может по быть назначен другой сотрудник, по контракту. Но все права по данной должности будут на стороне первого назначенного

сотрудника, на период отпуска по уходу за ребенком за ним сохраняется его должность. В данном случае, при выходе сотрудника из отпуска на службу, сотруднику, назначенному по контракту на период отпуска по уходу за ребенком, должны быть предложены вакантные должности, которые существуют в организации и соответствующие его образованию. Если сотрудник отказывается или вакансий не существует, его увольняют по окончании контракта.

Стоит упомянуть, что для сотрудников МЧС России данный отпуск засчитывается в стаж службы, в этот период сотрудники получают все звания которые им полагаются по выслуге и в зависимости от своей штатной категории. [17]

Данный отпуск является важной социальной мерой, которая позволяет родителям посвятить больше времени и внимания своим детям.

Также сотрудникам предоставляются творческие отпуска, на основании решения ученого совета высшего учебного заведения МЧС России, для окончания работы над кандидатской или докторской диссертацией.

Все вышеперечисленные оплачиваемые отпуска для сотрудников ГПС МЧС России являются не только правом, но и гарантией сохранения и повышения их работоспособности. Они стимулируют сотрудников получать новые знания и навыки и возвращаться после отпуска отдохнувшими и более мотивированными, что приводит к улучшению результатов работы и созданию благоприятной атмосферы в подразделении. В итоге, это улучшает достижения служебной деятельности, что, безусловно, является взаимно выгодным для всех сторон трудового процесса.

Заключение

Реформы, которые продолжают в социальном обеспечении жителей России желают реализовать благоденствие, как каждого отдельного гражданина, так и всего общества. Эти реформы – это долгосрочная стратегия развития страны, которая содействует процветанию и укреплению общества.

Ведь не зря основным ключевым вопросом государственной политики Президент РФ В.В. Путин определил существенное повышение качества жизни граждан.

Литература

1. Воробейчикова О.П., Губанова О.А. Правовые аспекты социальных гарантий сотрудников Федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы МЧС России// Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2013 № 2(19) С. 58–63
2. Федеральный закон от 21.12.1994 N 69-ФЗ «О пожарной безопасности.» Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

3. Федеральный закон от 30.12.2012 N 283-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации.» Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 23.05.2016 N 141-ФЗ «О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации.» Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Губанова О.А. История и реформирование пенсионного обеспечения в России // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. 2018 № 2 (39). С. 79–82
6. Губанова О.А. Реформирование пенсионной системы в Российской Федерации // Тезисы междунар. конф. // СПбУГПС 2019. СПб., 2019. С. 212–215
7. Губанова О.А. Зарубежный опыт подготовки пожарных. Науч.-аналит. журн. «Вестник С.-Петерб. ун-та ГПС МЧС России». 2018 № 2. С. 169–174
8. Бородин М.П., Губанова О.А. Исторические этапы срочной службы в России. Журнал «Казачество». 2021 № 55 (5). С. 51–55
9. Губанова О.А., Бруевич М.Ю. Право на вторую пенсию // Закон и власть. 2023. № 1. С. 26–28.
10. Воробейчикова О.П., Губанова О.А. Технологии по работе с резервом кадров в Санкт-Петербургском университете ГПС МЧС России. Науч.-аналит. журн. «Вестник С.-Петерб. ун-та ГПС МЧС России». 2010 № 2. С. 62–70
11. Губанова О.А., Бородин М.П., Алибеков А.А. Применение электронного учебно-методического комплекса при дистанционном освоении слушателями курса повышения квалификации // Педагогический журнал. 2021. № 5–1. С. 412–418.
12. Михайлов В.А., Михайлова В.В., Киселева В.С. Сознательный оптимизм как искусство жить и умение мыслить // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. 2023. № 3 (60). С. 26–32.
13. Михайлов В.А., Михайлова В.В. Особенности адаптации молодых преподавателей образовательных организаций высшего образования МЧС России к профессиональной деятельности в области пожарной безопасности / Актуальные проблемы обеспечения пожарной безопасности защиты от чрезвычайных ситуаций. Железногорск. 2021. С. 649–652.
14. Губанова О.А. Модульное обучение в образовательной деятельности вуза // Педагогический журнал. 2022. № 1–1. С. 313–318.
15. Губанова О.А. Информационно-педагогические технологии в системе дополнительного профессионального образования слушателей МЧС России: монография. СПб.:

Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, 2022. 176 с.

16. Лобжа М.Т., Романенко Н.В., Губанова О.А., Багреев С.Р. Модульный подход к формированию программ дополнительного профессионального образования // Актуальные проблемы физической и специальной подготовки силовых структур. 2022. № 4. С. 42–47.
17. Губанова О.А. Демография в России // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. 2020. № 3 (48). С. 53–56.

SOCIAL GUARANTEE FOR EMPLOYEES OF THE STATE FIRE SERVICE OF THE MINISTRY OF EMERGENCY SITUATIONS OF RUSSIA

Gubanova O.A., Ilyina I.M., Osmanov Sh.A., Zavyalov D.E.

St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia named after Hero of the Russian Federation General of the Army E.N. Zinichev

The article examines one of the guarantees for employees of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia: the right to leave. A fairly large number of different vacations guaranteed to employees of this department by the Federal Laws of the Russian Federation have been considered. Various types of leave are analyzed in detail and the grounds for providing this guarantee by the head of the organization are spelled out. The changes that have occurred in this guarantee for employees of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia have been studied, in accordance with the entry into force of new Federal laws of the Russian Federation (FZ-141 of May 23, 2016, FZ-283 of December 30, 2012), regulating these transformations, which were largely preserved. All the necessary conditions given to an employee of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia for processing these types of leaves are described in sufficient detail. The article also provides a calculation of the leave provided for this category.

Keywords: Social and legal guarantees, vacation, personnel departments, vacation schedule, calendar days, vacation calculation.

References

1. Vorobeychikova O.P., Gubanova O.A. Legal aspects of social guarantees for employees of the Federal Fire Service of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia // Law. Safety. Emergencies. 2013 No. 2(19) P. 58–63
2. Federal Law of December 21, 1994 N 69-FZ "On Fire Safety." Access from the reference legal system "ConsultantPlus".
3. Federal Law of December 30, 2012 N 283-FZ "On social guarantees for employees of certain federal executive authorities and amendments to certain legislative acts of the Russian Federation." Access from the reference legal system "ConsultantPlus".
4. Federal Law of May 23, 2016 N 141-FZ "On service in the federal fire service of the State Fire Service and amendments to certain legislative acts of the Russian Federation." Access from the reference legal system "ConsultantPlus".
5. Gubanova O.A. History and reform of pension provision in Russia // Psychological and pedagogical problems of human and social security. 2018 No. 2 (39). P. 79–82
6. Gubanova O.A. Reforming the pension system in the Russian Federation // Abstracts of the international. conf. // SPbUGPS 2019. SPb., 2019. P. 212–215
7. Gubanova O.A. Foreign experience in training firefighters. Scientific analyst magazine "Bulletin of St. Petersburg. State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia". 2018 No. 2. P. 169–174
8. Borodin M.P., Gubanova O.A. Historical stages of military service in Russia. Magazine "Cossacks". 2021 No. 55 (5). P. 51–55
9. Gubanova O.A., Bruevich M. Yu. The right to a second pension // Law and power. 2023. No. 1. P. 26–28.

10. Vorobeychikova O.P., Gubanova O.A. Technologies for working with the personnel reserve at the St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia. Scientific analyst magazine "Bulletin of St. Petersburg. State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia". 2010 No. 2. P. 62–70
11. Gubanova O.A., Borodin M.P., Alibekov A.A. Application of electronic educational and methodological complex for distance learning students of the advanced training course // Pedagogical Journal. 2021. No. 5–1. pp. 412–418.
12. Mikhailov V.A., Mikhailova V.V., Kiseleva V.S. Conscious optimism as the art of living and the ability to think // Psychological and pedagogical problems of human and society safety. 2023. No. 3 (60). pp. 26–32.
13. Mikhailov V.A., Mikhailova V.V. Features of adaptation of young teachers of educational institutions of higher education of the Ministry of Emergency Situations Russia to professional activities in the field of fire safety / Current problems of ensuring fire safety and protection from emergency situations. Zheleznogorsk 2021, pp. 649–652.
14. Gubanova O.A. Modular training in the educational activities of a university // Pedagogical Journal. 2022. No. 1–1. pp. 313–318.
15. Gubanova O.A. Information and pedagogical technologies in the system of additional professional education of students of the Ministry of Emergency Situations of Russia: monograph. St. Petersburg: St. Petersburg University State Fire Service EMERCOM of Russia, 2022. 176 p.
16. Lobzha M.T., Romanenko N.V., Gubanova O.A., Bagreev S.R. Modular approach to the formation of programs of additional professional education // Current problems of physical and special training of power structures. 2022. No. 4. P. 42–47.
17. Gubanova O.A. Demography in Russia // Psychological and pedagogical problems of human and social security. 2020. No. 3 (48). pp. 53–56.

Электронные доказательства как независимый элемент доказывания в производстве по делам об административных правонарушениях

Зубарев Даниил Сергеевич,

адъюнкт адъюнктуры, Санкт-Петербургский университет МВД России

E-mail: zubar2.0@yandex.ru

Статья посвящена изучению и внедрению Концепции «электронных доказательств» в производство по делам об административных правонарушениях в рамках административного законодательства. Для рассмотрения и последующего анализа в работе описываются мнения различных ученых относительно решения вопроса о признании электронных доказательств самостоятельным элементом в производстве по делам об административных правонарушениях и последующем включении данного понятия в действующий «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях». Исследуется проблема применения электронных доказательств в различных смежных производствах по делам об административных правонарушениях отраслях права. В статье рассмотрены и обобщены отличия электронного доказательства от вещественных доказательств (иных документов). Сформулированы специфические признаки электронных доказательств в производстве по делам об административных правонарушениях. Дано определение понятия электронного доказательства в производстве по делам об административных правонарушениях соответствующее современным реалиям. В современных условиях модернизации административного правонарушения и перенесения его в информационную плоскость возникает необходимость нововведения, а именно включения в имеющуюся систему вещественных доказательств в производстве по делам об административных правонарушениях самостоятельного вида доказательств – электронных доказательств.

Ключевые слова: электронные доказательства, производство по делам об административных правонарушениях, концепция электронных доказательств, специфические признаки электронных доказательств, вещественные доказательства, электронный носитель информации.

Для правильного решения проблемы внедрения электронных доказательств в производство по делам об административных правонарушениях в первую очередь важно сосредоточиться на понимании доказательств и (или) их источников в качестве основных средств доказывания. Другие ученые под средствами доказывания понимают процессуальные приемы, связанные с накоплением, исследованием и проверкой указанных активов [17].

Следуя дословному содержанию ч. 2 ст. 26.2 КоАП РФ, в котором сказано, что «эти данные устанавливаются протоколом об административном правонарушении ...», можно утверждать, что речь идет о средствах доказывания. В проекте Процессуального кодекса РФ об административных правонарушениях наряду с доказательствами используются средства доказывания.

Концепцию «электронных доказательств» в российском законодательстве следует воспринимать через призму и других отраслей права, где использование электронных доказательств в практической плоскости также проходит свои этапы. Обобщение результатов каждой отрасли права, предоставит возможность сформировать единый механизм применения электронных доказательств в практической деятельности.

В связи со схожими условиями применения уголовного процесса и производства по делам об административных правонарушениях взаимосвязь является наиболее прямой, так как, часто в правоохранительной практике возникают ситуации, когда административно-правовой материал в отношении лица, подлежащего административной ответственности в связи новыми обстоятельствами, переквалифицируется в материал уголовного дела (ст. 7.27 ч. 2, 7.27 ч. 3).

Кроме того, заслуживают особого внимания и достижения иных процессуальных отраслей права – гражданского, арбитражного по рассматриваемому вопросу.

Обобщая сложившиеся среди правоприменителей и представителей уголовно-процессуального научного сообщества точки зрения относительно электронных доказательств в уголовном процесс, их можно объединить в две позиции.

Сторонники первой позиции уверены что уголовно-процессуальная форма доказательств в современном виде полностью соответствует системе доказывания, именно поэтому она должна остаться без видимых изменений, это подтверждено тем что, «сведения, содержащиеся на электронных носителях, вполне укладываются в предусмотренные ст. 84 УПК РФ иные документы или веще-

ственные доказательства, если обладают признаками, указанными в ст. 81 УПК РФ.» [18].

Нецелесообразность введения рассматриваемого понятия также обуславливается сторонниками указанного подхода тем, что в нормативно-правовых актах уже закреплено достаточное количество доказательств. Копирование положений принятого законодательства о работе с электронными носителя информации, не имеет правовой необходимости.

Поясним, термин «электронный носитель информации» – «который представляет собой техническое средство, конструктивно предназначенное для хранения информации в электронно-цифровой форме, доступной для обработки с использованием средств вычислительной техники». Данный термин введен Федеральным законом от 28.07. 2012 г. № 143 – ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [3]. Данный структурный элемент доказательной базы не упоминается в КоАП РФ.

Следующим шагом использования электронного носителя информации как частицы доказательной доктрины послужил принятый ФЗ от 27 декабря 2018 № 533-ФЗ «О внесении изменений в статьи 76.1 и 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [4], в соответствии с которым разрешено изымать электронный носитель информации в ходе производства следственных действий с участием специалиста, а также в присутствии понятых с изымаемых электронных носителей информации осуществлять копирование информации.

Вторая позиция, основана на диаметрально противоположном подходе, ее сторонники придерживаются мнения законодательного закрепления электронных доказательств. Данная точка зрения находит все больше сторонников.

Так, ранее в докторской диссертации П.С. Пастухов писал, что «не следует вводить нового вида «электронного доказательства» или нового источника «электронного носителя информации» ввиду того, что электронная информация вполне способна восприниматься в одном из традиционных доказательств: вещественном, заключении эксперта, специалиста, документе (протоколе)» [15]. Со временем взгляды ученого изменились под влиянием теоретических и практических проблем, возникающих в процессе внедрения в уголовное судопроизводство информационных технологий в условиях цифровизации общества и правоприменительной практики. Теперь электронное доказательство указанный автор связывает с электронным уголовным делом. Понимает под ним «зафиксированную электронным способом и представленную в электронной форме юридически значимую информацию в соответствии с уголовно-процессуальными требованиями, предъявляемыми к доказательствам, в целях разрешения уголовного дела» [14].

Электронные доказательства также определяют как «любые сведения, сообщения, представлен-

ные в электронном виде [8], «информацию, содержащуюся на электронном носителе» [9], «совокупность информационных объектов в виртуальном пространстве» [11], «электронный носитель информации» [19] и др.

Электронные доказательства, существуют на базе информационно-технологического механизма восприятия действительности, где выступают в качестве объектов в информационном поле, хранящие электронную информацию, полученную путем специальных компьютерных операций, с помощью профессиональных технических средств.

Таким образом, обобщая приведенные точки зрения специалистов уголовного, гражданского, арбитражного процессов, можно сделать общий вывод о том, что процессуальной доктрине сложились различные подходы к трактовке понятия «электронного доказательства»: от отрицания целесообразности введения такового и достаточности существующих процессуальных форм для использования информации в электронном виде до признания важности его правовой регламентации.

В административно-процессуальной доктрине подходы к трактовке понятия «электронного доказательства» только формируются.

Анализ изученных нами судебных постановлений, решений по жалобам на постановление по делу об административных правонарушениях (ч. 2 и 2 ст. 5.61; ч. 1.1 ст. 6.13; ст. 6.13.1, 6.17; 6.21; ч. 3 и 4 ст. 20.1 и др. КоАП РФ) показал, что в 90% случаях сведения, содержащаяся в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», формировались в материалы дела об административном правонарушении как вещественные доказательства, в 10% – как иные документы.

В то же время, такое отнесение весьма условно, поскольку электронная информация не нуждается в специальных реквизитах, характерных для документа. Благодаря условиям происхождения электронная информация зачастую меняет свой носитель, тогда как для вещественного доказательства это невозможно, потому что он уникален и другого такого нет.

Для того, чтобы выделить электронные доказательства в самостоятельную процессуальную форму (вид), необходимо обосновать значимость, спрогнозировать прикладную ценность, а также отграничить электронные доказательства от *иных документов и вещественных доказательств*.

Будем также учитывать точку зрения А.В. Кудрявцевой, отмечающей, что «введение нового источника (вида), средства доказывания должно быть обусловлено двумя критериями, действующими одновременно:

1. механизм формирования информации в том или ином источнике (именно проверка механизма дает представление об адекватности информации, отраженной доказательством);
2. способ превращения этой информации с помощью процессуальных действий удостоверительного характера в доказательство» [13].

Разграничим между собой вещественное и электронное доказательство.

Понятие вещественного доказательства регламентировано в ч. 1 ст. 26.6 КоАП РФ, является идентичным понятию, закрепленному в проекте ПКоАП РФ (ст. 3.13).

Первый признак, по которому мы разграничиваем вещественное доказательство от электронного доказательства, – **«независимость»**. На данный признак в свое время указывал М.С. Строгович [16]. Фактическая составляющая данного признака, определяется тем, что предметов настоящей действительности, абсолютно схожих между собой структурно не существует. Вещественные доказательства поэтому и являются самостоятельными, так как обладают своей индивидуальностью и незаменимостью, именно поэтому они не могут заменить электронные доказательства, встречающиеся в цифровой среде, изменения, возникающие с носителем, влияет на вещественные доказательства. Электронные же доказательства, приспособляются к изменяющемуся носителю, так как он может быть замещен другим. Однако в этой ситуации, следует соблюдать идентичность файла, его хранящего, и тождество реквизитов.

Второй разграничивающий признак – признак **среды существования**. Вещественное доказательство напрямую зависит от предмета материального мира и связанного с этой средой явлений, в которой происходили правонарушения и установленными событиями, которые вносили существенные изменения. Как точно заметила Зигура Н.А. «Аналоговая среда существования – система субъектов (людей), взаимодействующих на основе установленных обществом неформальных (язык, традиции, обычаи) и формализованных (нормативно-законодательная база) правил обработки, хранения, передачи информации, представленной в образной форме. Электронная среда существования – система объектов (технических и программных средств вычислительной техники) взаимодействующих на основе формальных, базирующихся на объективных логических законах (языки программирования, архитектура, стандарты и др.» [10]

В качестве третьего признака выделим особенности **механизма образования и восприятия доказательства**. Если для вещественных доказательств характерно элементарное отражение фактов, то механизм формирования электронного доказательства задан человеком – разработчиком программы. Электронное доказательство неизменно устанавливается, зависит от электронного носителя информации, виртуальной среды. А благодаря техническим средствам информации, электронное доказательство становится доступным для обозрения, а за рамками информационной сферы, теряет свою идентичность. Что не является существенным условием существования для вещественного доказательства.

Теперь рассмотрим основные отличия электронного доказательства от иных документов.

Электронным средствам доказывания присуща информационная природа существования, что означает что информация, содержащаяся в них, имеет особую форму, представленную в бинарной системе счисления, использующих для передачи систему электрических импульсов, не уловимых человеком без специфического оборудования. Информация, имеющаяся на электронных средствах доказывания, способна претерпевать изменения, она может быть удалена, изменена, а также модифицирована, так что попытка обнаружения постороннего незаконного вмешательства на электронных носителях информации, будет связана с необходимостью использования специальных технических средств, которых зачастую нет в пользовании сотрудников, обеспечивающих сбор, оценку и проверку доказательств.

Первый признак, по которому следует разграничить *иной документ* от электронного доказательства – **привязку к носителю**. Электронный документ в связи с непричастностью к объектам материального мира, не имеет строгой привязанности к носителю. Иной документ неразрывно связан с материальным носителем. На различных носителях информации возможно существование идентичных по своей структуре документов, например, на жестких магнитных дисках компьютера, в сети интернет, в качестве электромагнитных колебаний (при передаче электронных документов), при этом он сохраняет **аутентичность**. Цифровая информация обладает большей мобильностью, что приводит к способности ее молниеносного перемещения, копирования, распространении по различным канал связи, что позволяет передавать электронный документ на бесконечное количество всевозможных устройств.

Еще одной особенностью электронных доказательств остается тот факт, что информацию, переданную с помощью цифровых технологий, невозможно ощутить органами чувств человека, так как электронные данные передаются в особой электронно-цифровой форме. И конечно материальный носитель информации, играет свою роль, однако, расположение электронной информации на нем, оказывается бесполезным, если нет соответствующих программно-аппаратных средств, благодаря которым станет возможным ее извлечь.

Исходя из вышеизложенных соображений, считаем важным выделить специфические признаки, присущие только электронным доказательствам. Среди них выделяют: неповторимую форму электронного доказательства; способность с помощью электронных доказательств установить истину по делу; специфический носитель информации, выраженный в виде цифровой информации, находящейся в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» или на другом электронном носителе; особый порядок получения, хранения, и использования электронных доказательств, исключительно с помощью специфических программно-технических средств; индивидуальный способ создания, изменения, уничтожения электронных дока-

зательств и другие [12]. Из перечисленного, такой признак как «уникальность электронного доказательства» (незаменимость) присущ вещественному доказательству.

Критически оценим и такой признак, как «возможность при помощи доказательств установления истины по делу», выражающийся в том, что рассматриваемый вид доказательства приобретает значение лишь в том случае, если он содержит сведения об обстоятельствах, имеющих значение для рассмотрения и разрешения дела, считаем общим признаком, характерным для любого вида доказательства.

Завершая анализ признаков электронных доказательств в производстве по делам об административных правонарушениях, сформулируем ряд обобщающих выводов:

Специфическими признаками электронных доказательств в производстве по делам об административных правонарушениях являются следующие:

1. Особая форма существования – нахождения на электронном носителе (дисках, флешках, серверах) или в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».
2. Особый порядок создания, изменения и уничтожения электронных доказательств. Данный процессуальный порядок будет нами разработан во второй главе исследования. Кроме того, требуется выработка нового подхода к критериям оценки электронных доказательств.
3. Особый способ восприятия содержания электронных доказательств (только при использовании технических средств).

С учетом отличительных признаков, которые присущи электронным доказательствам по делу об административном правонарушении, таковыми являются сведения о фактах, содержащиеся на электронных носителях информации, в том числе электронные документы, текстовые, голосовые сообщения, базы данных, показания специальных технических средств и другие данные в электронной форме, а также размещенная в компьютерной сети Интернет информация, на основании которых судья, орган, должностное лицо, в производстве которых находится дело, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.01.2024).
3. Федеральный закон от 28.07.2012 № 143-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-

процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета, № 174, 01.08.2012.

4. Федеральный закон от 27.12.2018 № 533-ФЗ «О внесении изменений в статьи 76.1 и 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета, № 295, 29.12.2018.
5. Федеральный закон от 24.07.2023 № 349-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации» // Российская газета, № 167, 31.07.2023.
6. Федеральный закон от 23.06.2016 № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти» // Российская газета, № 140, 29.06.2016.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» // Российская газета, № 297, 29.12.2017.
8. Вехов В.Б. Электронные доказательства: проблемы теории и практики // Правопорядок: история, теория, практика. 2016. № 4. С. 47.
9. Замула Д.В. Понятие электронных доказательств // Вестник современных исследований. 2018 № 8.4. (23). С. 187.
10. Зигура Н.А. Компьютерная информация как вид доказательств в уголовном процессе России: дисс. ...канд. юрид. наук. Челябинск. 2010.
11. Количенко А.А. Доктринальный подход к определению термина «электронные доказательства» в уголовном процессе // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 3 (55). С. 136–140).
12. Количенко А.А. Доктринальный подход к определению термина «электронные доказательства» в уголовном процессе // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 3 (55). С. 20).
13. Кудрявцева А.В. Концепция теории доказывания в свете проблемы единства процесса // Актуальные проблемы права России стран СНГ –2006 г. Материалы международной научно-практической конференции. – Челябинск, 2006.
14. Пастухов П.С. Форма электронных доказательств в уголовном процессе. Государственное и муниципальное управление в России: состояние, проблемы и перспективы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Сборник статей. Пермь. 2021. С. 93.
15. Пастухов П.С. Модернизация уголовно-процессуального доказывания в условиях информационного общества: автореферат дис. ... доктора юридических наук: 12.00.09. М., 2015. С. 16.

16. Строгович М.С. Курс советского процесса. Т. 1. М., 1968. С. 454.
17. Фаткуллин Ф.Н. Общие проблемы процессуального доказывания. 2 – е издание Казань: Казанский госуниверситет, 1976. С. 92.
18. Химичева О.В. Развитие уголовно-процессуального доказывания в условиях цифровой трансформации // Цифровизация уголовного судопроизводства – не основание смещения его с иными видами деятельности. Государственная научно-техническая политика в сфере с иными видами деятельности. Государственная научно-техническая в сфере криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности: сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции «64-е ежегодные криминалистические чтения» (Москва, 26 мая 2023 г.): в 2 ч. / ред. Ю.В. Гаврилина, Б.Я. Гаврилова, В.О. Лапина, Ю.В. Шпагиной – Москва: Академия управления МВД России, 2023. Ч. 2. С. 189.
19. Собираение электронных доказательств по уголовным делам на территории России и зарубежных стран: опыт и проблемы: монография (под общ. науч. ред. С.П. Щербы). «Проспект», 2022, С. 126.
2. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses” dated December 30, 2001 N 195-FZ (as amended on December 25, 2023) (as amended and supplemented, entered into force on January 5, 2024).
3. Federal Law of July 28, 2012, No. 143-FZ “On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation” // Rossiyskaya Gazeta, No. 174, 01.08.2012.
4. Federal Law of December 27, 2018, No. 533-FZ “On Amendments to Articles 76.1 and 145.1 of the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation” // Rossiyskaya Gazeta, No. 295, 12/29/2018.
5. Federal Law No. 349-FZ of July 24, 2023 “On Amendments to the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation” // Rossiyskaya Gazeta, No. 167, 07.31.2023.
6. Federal Law of June 23, 2016, No. 220-FZ “On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation regarding the use of electronic documents in the activities of judicial authorities” // Rossiyskaya Gazeta, No. 140, 06.29.2016.
7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 26, 2017, No. 57 “On some issues of application of legislation regulating the use of documents in electronic form in the activities of courts of general jurisdiction and arbitration courts” // Rossiyskaya Gazeta, No. 297, 12/29/2017.
8. Vekhov V.B. Electronic evidence: problems of theory and practice // Legal order: history, theory, practice. 2016. No. 4. P. 47.
9. Zamula D.V. The concept of electronic evidence // Bulletin of modern research. 2018 No. 8.4. (23). P. 187.
10. Zigura N.A. Computer information as a type of evidence in criminal proceedings in Russia: dissertation. ...cand. legal Sci. Chelyabinsk. 2010.
11. Kolichenko A.A. Doctrinal approach to the definition of the term “electronic evidence” in criminal proceedings // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 3 (55). pp. 136–140).
12. Kolichenko A.A. Doctrinal approach to the definition of the term “electronic evidence” in criminal proceedings // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 3 (55). P. 20).
13. Kudryavtseva A.V. The concept of the theory of evidence in the light of the problem of unity of process // Current problems of Russian law from the CIS countries – 2006. Materials of the international scientific and practical conference. – Chelyabinsk, 2006.
14. Pastukhov P.S. Form of electronic evidence in criminal proceedings. State and municipal management in Russia: status, problems and prospects. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Digest of articles. Permian. 2021. P. 93.
15. Pastukhov P.S. Modernization of criminal procedural evidence in the conditions of the information society: abstract of thesis. ... Doctor of Law: 12.00.09. M, 2015. P. 16.
16. Strogovich M.S. The course of the Soviet process. T. 1. M., 1968. P. 454.
17. Fatkullin F.N. General problems of procedural evidence. 2nd edition Kazan: Kazan State University, 1976. P. 92.
18. Khimicheva O.V. Development of criminal procedural evidence in the context of digital transformation // Digitalization of criminal proceedings is not the basis for mixing it with other types of activities. State scientific and technical policy in the field of other types of activities. State scientific and technical in the field of forensic support for law enforcement: a collection of scientific articles based on the materials of the International scientific and practical conference “64th annual forensic readings” (Moscow, May 26, 2023): in 2 hours / ed. Yu.V. Gavrilina, B. Ya. Gavrilova, V.O. Lapina, Yu.V. Shpagina – Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023. Part 2. P. 189.
19. Collection of electronic evidence in criminal cases in Russia and foreign countries: experience and problems: monograph (under the general scientific editorship of S.P. Shcherba). “Prospect”, 2022, p. 126.

ELECTRONIC EVIDENCE AS AN INDEPENDENT ELEMENT OF PROOF IN PROCEEDINGS ON ADMINISTRATIVE OFFENSES

Zubarev D.S.

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article is devoted to the study and implementation of the concept of “electronic evidence” in proceedings in cases of administrative offenses within the framework of administrative legislation. For consideration and subsequent analysis, the work describes the opinions of various scientists regarding the issue of recognizing electronic evidence as an independent element in proceedings in cases of administrative offenses and the subsequent inclusion of this concept in the current “Code of the Russian Federation on Administrative Offenses”. The problem of using electronic evidence in various related branches of law in cases of administrative offenses is explored. The article examines and summarizes the differences between electronic evidence and physical evidence (other documents). Specific features of electronic evidence in proceedings in cases of administrative offenses are formulated. A definition of the concept of electronic evidence in administrative offense proceedings is given that corresponds to modern realities. In modern conditions of modernizing an administrative offense and transferring it to the information plane, there is a need for innovation, namely, the inclusion of an independent type of evidence – electronic evidence – in the existing system of material evidence in administrative offense proceedings.

Keywords: electronic evidence, proceedings in cases of administrative offenses, the concept of electronic evidence, specific features of electronic evidence, physical evidence, electronic storage media.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020).

Федеральное законодательство – основополагающий уровень отраслевого и комплексного правового регулирования в системе российского права

Исаков Игорь Николаевич,

кандидат юридический наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники»
E-mail: iin22@mail.ru

В соответствии с предметом настоящей статьи обосновывается, что общие правовые нормы, обретая законодательную форму, выступают в роли *первичного звена* перевода конституционных установлений на уровень федерального законодательного регулирования. В результате образуется основополагающий уровень законодательного регулирования. Его суть заключается в воплощении смысла конституционных положений посредством системного установления основ правового регулирования с учётом предметов и целей, реализуемых в отраслевом и комплексном законодательстве. В этих условиях законодательные нормы и правоприменительные решения являются не только законными, но и остаются в конституционном поле. Такой подход представляется актуальным и практически значимым. Делается вывод, что нормы федерального законодательства, выступая первичными носителями сущностных конституционных положений, образуют первичный (федеральный) уровень правового регулирования, обеспечивающий органичное сочетание, единство и непротиворечивость конституционных положений, норм федеральных законов и правоприменительных решений, что способствует повышению качества правового регулирования. Этим определяется вклад автора в исследование названных проблем.

Область применения. Результаты исследования могут использоваться в законотворческой и правотворческой деятельности, практическими работниками органов исполнительной власти, преподавателями ВУЗОВ, аспирантами, обучающимися на юридических факультетах.

Ключевые слова: система права, федеральное законодательство, первичное правовое регулирование, форма правового регулирования, уровень правового регулирования, отраслевое и комплексное законодательство, подзаконные акты.

Введение

Демократизация российского общества, социальная ориентированность государства, направленная на реализацию принципа равноправия в конкретных отношениях, осуществляются сегодня на фоне осложнения межнациональных отношений на международном уровне, дошедших до прямых военных действий на Украине. Наблюдаемое при этом стремительное возрастание динамизма внутринациональных общественных отношений, подтверждает незыблемость жизненно важных ценностей – демократизм, равноправие, социальность, целостность государства и его суверенитет, что требует новых подходов к реализации законодательной формы правового регулирования в системе российского права.

В этой связи представляется оправданным рассмотреть общие нормы федерального законодательства Российской Федерации в качестве первичного носителя сущностной основы конституционных установлений и первичного звена перевода положений Конституции на уровень отраслевого и комплексного правового регулирования. Представляется, что такой подход к роли законодательной формы в правовом регулировании актуализирует положение, высказанное основоположником учения о чистом праве, австрийским юристом Г. Кельзеном о том, что «следующей за конституцией ступенью является ступень *общих норм*, созданных в результате законодательного процесса... Обретающее *законодательную форму* (курсив мой ИИ) право есть как материальное, так и формальное (процессуальное) право»¹. Развивая это положение, В.М. Сырых отмечает, что законодательные нормы являются действительными лишь в той мере, в какой они соответствуют принципам объективного права и прежде всего равенства и справедливости. При несоответствии такие нормы являются результатом субъективной воли правотворческого органа и представляют собой «превращённую форму действительного права»².

Методологическую основу настоящей статьи составляют всеобщие и общеобязательные методы – диалектический, логический, социологический, системный, а также частно-научные и специальные методы – сравнительно-правовой, формально-юридический, статистический и др.

¹ Кельзен Г. Чистое учение о праве: введение в проблематику науки о праве // Чистое учение о праве, справедливость и естественное право. СПб. 2015. С. 175–176.

² Сырых В.М. Основы материалистической теории права. В 4-х томах. Т. II. Технология теоретико-правовых исследований. Методология. М. 2023. С. 279–280.

Целью статьи является, во-первых, обоснование, что общие нормы федерального законодательства как первичный носитель сущностной основы конституционных положений образуют основополагающий федеральный уровень отраслевого и комплексного правового регулирования, благодаря которому системно устанавливаются основы первичного правового регулирования на всех его уровнях, обеспечивается единство конституционных положений и норм федеральных законов, непротиворечивость подзаконных актов Конституции РФ и федеральным законам. Во-вторых, показать, что объединение в рамках понятия «законодательный уровень правового регулирования» законов и подзаконных актов противоречит Конституции РФ, снижает качество законодательного регулирования. В-третьих, дать авторское определение понятию «законодательство».

О нормативных актах, охватываемых понятием «законодательство»

Характеризуя федеральное законодательство как первичное звено перевода конституционных установлений на уровень отраслевого и комплексного правового регулирования в системе российского права, обращает на себя внимание то обстоятельство, что совокупность актов, охватываемых понятием «законодательство» по сей день, является дискуссионным. Даже на уровне федерального законодателя в этом вопросе нет единого подхода. Так, согласно ст. 3 ГК РФ, гражданское законодательство состоит из Гражданского кодекса и принятых в соответствие с ним иных федеральных законов, регулирующих отношения по предмету данной отрасли права. В ст. 4 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» термин «законодательство» имеет более широкое значение, определяется как совокупность федеральных законов, иных нормативных правовых актов Российской Федерации, законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, содержащих нормы, регулирующие отношения в сфере образования. Характерно, что широкое понимание законодательства содержалось и в ст. 3 проекта федерального закона «О нормативных правовых актах Российской Федерации», отклонённого постановлением Государственной Думы ещё в 2004 году. Эту позицию подробно рассматривают А.В. Малько, Я.В. Гайворонская и другие авторы¹.

Так, о важности «корреляции закона и подзаконных актов», их «иерархичности» пишет Ю.А. Тихомиров. Автор говорит о «противоречивом наличии законодательных пустот и заполнении их подзаконными актами... Иногда законы «мельчат», ибо посвящены узкоспециальным проблемам. К этому

лучше приспособлены подзаконные акты разных уровней»².

Как нам представляется, попытки включить в объём понятия «федеральное законодательство» всю совокупность действующих нормативных правовых актов, как законов, так и подзаконных актов противоречит Конституции РФ, закрепившей принцип разделения властей и последовательно дифференцирующей, принимаемые акты на: 1) законы; 2) иные нормативные правовые акты (ч. 3 ст. 15, ч. 1 ст. 72, ч. 2 ст. 125 и др.). Необходимость чёткого и последовательного обособления законов от иных нормативных правовых актов объясняется тем, что последние не обладают высшей юридической силой, присущей законам, и обязаны им соответствовать. В ст. 76 Конституции установлено, что в случае противоречия между федеральным законом и иным актом, изданным в Российской Федерации, действует федеральный закон. Как видим, своими установлениями Конституция различает понятия «законы» и «иные нормативные правовые акты». Объединяя в один класс «федерального законодательства» законы и подзаконные нормативные правовые акты, мы тем самым невольно распространяем на последние качества законов, что имело место в Советском Союзе, когда постановления общесоюзных и союзно-республиканских органов исполнительной власти зачастую подменяли законы³.

Таким образом, в соответствии с Конституцией РФ федеральное законодательство состоит только из федеральных законов, принятых Государственной Думой, подписанных Президентом РФ и опубликованных в источниках официального опубликования⁴.

С этих позиций принципиально важно подчеркнуть, что нормативные акты органов исполнительной власти не наделены правом принятия норм первичного правового регулирования. Обязанные следовать федеральным законам, названные акты можно рассматривать в качестве вторичного, дополнительного компонента федерального законодательства, призванного обеспечить конкретизацию законов. Такой статус нормативных актов органов исполнительной власти, обуславливает правомерность их вхождения в уровень законодательного регулирования на правах *субэлемента*, как нормативного образования, необходимо связанного с основным, главным элементом, но не обладающим всеми его сущностными признаками.

Между тем практика показывает, что в федеральных законах сохраняется тенденция необосно-

² Тихомиров Ю.А. Государственно-правовое регулирование: основание, пределы // Журнал российского права. № 9. 2017. С. 9.

³ Тихомиров Ю.А. Закон: притязания, стабильность, коллизии. М., 2002. С. 13.

⁴ Федеральные законы действуют в форме федеральных конституционных законов, поимённо определённых Конституцией РФ, и обыкновенных федеральных законов, которые в свою очередь подразделяются на кодексы и текущие законы. Отдельные федеральные законы могут приниматься по итогам всероссийского референдума.

¹ Малько А.В., Гайворонская Я.В. О роли федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» в правотворческой политике // Государство и право. 2015 № 11. С. 24–32.

ванно широкого установления сфер подзаконного регулирования (законодательство о государственной гражданской службе, бюджетное законодательство и др.), а также практика невыполнения Правительством РФ предписаний законов, касающихся своевременного подзаконного регулирования.

Сущностные признаки нормативных актов, образующих законодательную форму

В этой связи вполне резонно возникает вопрос о том, какими сущностными признаками должны обладать нормативные правовые акты, обретающие законодательную форму?

В учебной и научной юридической литературе закон чаще всего понимается в качестве нормативного правового акта наибольшей юридической силы, принятый законодательным органом государственной власти в установленном порядке и направленный на регулирование социально значимых общественных отношений¹, либо выражающий государственную волю по ключевым вопросам регулирования общественной и государственной жизни². При этом выделение предмета правового регулирования в качестве квалифицирующего признака закона, в общем, является правомерным.

В то же время, как нам представляется, названные оценочные понятия раскрывают предмет правового регулирования весьма абстрактно и недостаточно определённо. Более того, указы Президента РФ, нормативные акты Правительства РФ неизменно пересекаются по предметам правового регулирования с федеральными законами, поскольку их значительная часть принимается в целях конкретизации и развития федеральных законов. Поэтому предмет правового регулирования, представленный в качестве сущностного признака федеральных законов, не позволяет чётко и последовательно отличать законы от иных нормативных правовых актов. Эту задачу удаётся успешно решить посредством другого, более точного признака – *первичности норм*, содержащихся в федеральных законах. Характеризуя суть такого признака С.С. Алексеев, отмечал, что закон – это «нормативный акт, содержащий первичные юридические нормы, т.е. нормы, которых раньше в правовой системе не было»³. Далее в понимании С.С. Алексеева «закон предстаёт в качестве нормативного юридического акта высшего государственного органа или непосредственно народа, обладающего высшей юридической силой и содержащего первичные (изначальные) правовые нормы страны»⁴.

¹ См., напр., Иванников И.А. Теория государства и права. Ростов-на-Дону. 2016. С. 169; Общая теория права. Под ред. А.С. Пиголкина. М., 1996. С. 171; Сырых В.М. Теория государства и права. М. 2012. С. 205.

² Общая теория государства и права. Под ред. В.В. Лазарева. М., 1994. С. 30.

³ Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. М. 1999. С. 82.

⁴ Алексеев С.С. Указ. соч. Там же.

Разделяя изложенные С.С. Алексеевым положения, считаем всё же необходимым уточнить их с учётом действующих установлений Конституции РФ, поскольку современный законодательный процесс заметно усложнён. Принятие закона Государственной Думой ещё не завершает законодательного процесса, а выступает лишь его первой стадией. Принятый закон подлежит одобрению другой палатой Федерального Собрания РФ – Советом Федерации, а затем подписанию Президентом РФ.

Из этого следует, что характеристика федерального закона как «акта высшего государственного органа», сегодня не соответствует Конституции РФ, поскольку закон принимает лишь одна палата Федерального Собрания РФ, а не представительный орган в целом. Кроме того, в законотворческий процесс необходимо входит Президент РФ, выступая в роли гаранта Конституции. Однако, даже подписанный Президентом РФ закон, не может вступить в действие ранее того, как он будет обнародован в источниках официального опубликования. Соответственно, признак федерального закона, характеризующий его в качестве реально действующего акта, как нам представляется, имеет иное содержание и понимается как «нормативный правовой акт, *принятый* Государственной Думой, *одобренный* Советом Федерации, *подписанный* Президентом РФ и *опубликованный* в источнике официального опубликования».

Но даже, названные признаки, не исчерпывают содержание понятия «федеральный закон», а, следовательно и понятия «федеральный уровень законодательного регулирования». Дело в том, что, изложенные процедуры придания законопроекту силы и авторитета закона, в равной мере присущи, как действительным законам, соответствующим Конституции РФ, так и законам, предписания которых полностью или частично противоречат ей, т.е. содержат неправо, представляют собой его «превращённую форму»⁵. Такие нормы и законы подлежат признанию Конституционным Судом РФ недействующими и подлежащими отмене. С нашей точки зрения, признак «*соответствие Конституции*» является необходимым признаком содержания понятия «федеральный закон», позволяющий исключить из системы действительных законов нормы, не соответствующие Конституции РФ.

Помимо того, сомнение вызывает сведение С.С. Алексеевым первичности норм закона к новизне, т.е. появлению норм права, «которых раньше в правовой системе не было». Однако, по нашему представлению, первичность в форме новизны, т.е. появление норм, «которых ранее не было», присуща не только законам, но и всем остальным нормативным правовым актам, вплоть до локальных, содержащих новые нормы, которых ранее не было.

С учётом изложенного, федеральное законодательство предлагается определить как *совокупность нормативных правовых актов, принятых Государственной Думой, одобренных Советом Фе-*

⁵ См.: Сырых В.М. Указ. соч. С. 279.

дерации, подписанных Президентом РФ и опубликованных в источниках официального опубликования, обладающих высшей юридической силой, закрепляющих на основе и в развитие Конституции РФ первичное регулирование на уровне отраслей российского права и комплексных отраслей законодательства.

Первичный характер федеральных законов в правовом регулировании

Как уже отмечалось, первичный характер общих норм федеральных законов определяется не столько их новизной, сколько тем, что они обеспечивают системное установление основ первичного правового регулирования по предметам отраслевого и комплексного законодательства либо совокупности правовых институтов в пределах соответствующей отрасли права. Чаще всего первичный характер федеральных законов, как первичных носителей основ правового регулирования, проявляется на уровне отраслевых кодексов.

Например, Трудовой кодекс РФ, состоящий из 6 частей, 14 разделов, 62 глав и 424 статей, закрепляет основы правового регулирования по всему предмету трудового права. Его общая часть содержит основные понятия, принципы, цели и задачи трудового права, закрепляет отношения социального партнёрства в сфере труда, устанавливает ответственность работодателя за нарушение или невыполнение коллективного договора и др. В особенной части ТК конкретизируется правовое положение отдельных категорий работников, определяется порядок разрешения трудовых споров, применения ответственности за нарушение трудового законодательства и др.

В этом контексте можно отметить, что первичные нормы по предмету трудового права, устанавливаются и другими федеральными законами. Например, законы о занятости населения, о профсоюзах, о государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, и др. Однако, дополненный и конкретизированный другими федеральными законами, ТК РФ закрепляет *первичные нормы* по всем отношениям, входящим в предмет трудового законодательства. Но, при этом, ст. 5 содержит специальные нормы, закрепляющие статус ТК РФ в качестве акта, устанавливающего первичные нормы правового регулирования в сфере трудовых отношений. В частности, устанавливается, во-первых, приоритет анализируемого Кодекса перед нормами трудового права, содержащимися в иных законах. При наличии коллизий между Трудовым кодексом и иными федеральными законами по вопросам трудового права предписывается применять нормы Кодекса. Во-вторых, во всех подзаконных нормативных правовых актах запрещается содержать предписания, противоречащие ТК РФ. Но при этом механизм разрешения и снятия различного рода коллизий в Трудовом кодексе отсутствует, что, без-

условно, осложняет правовое регулирование трудовых отношений.

Функции законодательного акта, закрепляющего результаты первичного регулирования, выполняют и другие отраслевые кодексы, в частности, гражданский, семейный, земельный, уголовный и др. Как обоснованно полагает Т.Н. Рахманина, «кодификация всегда направлена на совершенствование нормативного регулирования важных общественных отношений, затрагивает наиболее существенные стороны (аспекты) государственной и общественной жизни... Отсюда и социальная цель кодификации – по возможности более адекватно отразить социальные интересы, юридически оформить (закрепить) наиболее принципиальные, устойчивые общественные отношения»¹. Такие кодексы закрепляют исходные первичные нормы соответствующей отрасли права, устанавливают не только общие принципы, положения, но и конкретные нормы, регулирующие отношения по предмету данной отрасли. При этом, одновременно, с определением прав и обязанностей участников правоотношений, кодексы устанавливают действенные механизмы реализации норм права в конкретных правоотношениях, включая охрану и защиту от нарушений. В результате создаётся полноценная система норм права, закрепляющая правовой режим, действующий на территории страны.

Первичное регулирование, установленное нормами *комплексных отраслей* (сельскохозяйственное, торговое, хозяйственное и др.) осуществляется по «признаку функционального назначения либо применительно к сферам государственного управления»². Предметы комплексных отраслей права, обретают конкретное первичное регулирование, также как и отрасли права, на уровне кодифицированных актов. При этом комплексные отрасли законодательства существенно дополняются и регулируются на уровне первичных норм федеральных законов об образовании, об основах охраны здоровья граждан и др.

Особенности предметов правового регулирования отраслевого и комплексного законодательства

В своей совокупности система федеральных законов образует развитый массив норм первичного регулирования, конкретизирующих общие конституционные принципы и положения применительно к специфике предметов отраслей права и комплексных законодательных предписаний. Особенность таких норм состоит в том, что они обладают высшей юридической силой по отношению к федеральным подзаконным нормативным правовым актам, а так-

¹ Рахманина Т.Н. Кодификация законодательства. М. 2005. С. 20.

² См., напр., Баранов В.М. Поленина С.В. Система права и систематизация законодательства в правовой системе России. Нижний Новгород. 2002. С. 51.

же законам и иным нормативным правовым актам субъектов РФ, принятым по предметам ведения Российской Федерации и совместного ведения Федерации и её субъектов.

Если в этом контексте исходить из того, что федеральные законы выступают первичным звеном перевода положений Конституции на уровень отраслевого и комплексного законодательного регулирования, то логически следует вывод о том, что предметы правового регулирования Конституции и федеральных законов, в общем и целом, совпадают. Однако, исследование показывает, что конкретное соотношение названных правовых регуляторов носит более сложный характер.

Во-первых, имеются конституционные положения, которые не могут быть конкретизированы на уровне законов, например, нормы закрепляющие полномочия Президента РФ и др. Во-вторых, согласно ч. 4 ст. 76 Конституции РФ, субъекты РФ правомочны осуществлять собственное правовое регулирование, включая принятие законов и иных нормативных правовых актов вне пределов ведения Российской Федерации и совместного ведения Федерации и её субъектов. При этом федеральные законы в подобных случаях не действуют, что прямо предписано в ч. 6 ст. 76 Конституции РФ. При наличии противоречия между федеральным законом и нормативным правовым актом субъекта Российской Федерации, изданным за пределами ведения РФ, действует нормативный правовой акт субъекта Российской Федерации. В-третьих, конституционные основы отдельных сфер общества и государства не были закреплены в действующей Конституции РФ, например, избирательное право, бюджетное право, нормы относительно герба, флага, столицы Российской Федерации и др. Конституционные пробелы в этих случаях восполнялись на уровне федерального законодательства, что является не лучшим законодательным решением. В этом контексте нам представляется, что вопросы по предмету конституционного регулирования надлежит решать на уровне Конституции страны, не отдавая их на откуп законодателя.

Несмотря на отмеченные несоответствия предметов правового регулирования Конституции РФ и федерального законодательства, последнее в своей основной массе находится в соответствии с Конституцией РФ и представляет собой весьма развитый уровень правового регулирования, благодаря которому всеобщие конституционные положения органически сочетаются с особенными, общими и конкретизированными органами исполнительной власти нормами отраслевого и комплексного законодательства¹.

В этом контексте обратим внимание на то, что отмечаемые в докладах Совета Федерации характерные недостатки: сохранение юридических коллизий между нормами одного закона, норма-

¹ См.: Зорькин В.Д. Конституция живет в законах. Резервы повышения качества российского законодательства // Журнал конституционного правосудия. М.: Юрист. 2015. № 3 (45). С. 1–5.

ми разных законов, законами и подзаконными актами; необоснованное введение новых терминов; несвоевременное признание утратившими силу правовых актов, которые фактически не действуют; ошибки в определении условий, необходимых для подготовки к вступлению законов в юридическую силу (наличие правовых, финансовых, организационных и иных ресурсов, обеспечивающих реализацию закона); ослабление контроля за деятельностью органов исполнительной власти по подготовке к реализации законов и др., в целом активно устраняются.

В то же время некоторые из отмеченных недостатков сохраняются по настоящее время. В число наиболее значимых, например, входит то, что право законодательной инициативы, достаточно активно используемое депутатами Государственной Думы за период с 2011 по 2016 годы, в результате оказалось невысоким, поскольку каждый третий законопроект был отклонён². Судьбу более 2000 законопроектов решала Государственная Дума VII созыва (2016–2021).

Между тем высокой результативностью обладают законодательные инициативы Президента РФ и Правительства РФ, большая часть которых реализуются в короткие сроки.

Что касается инициативы представительных органов субъектов РФ, то их законопроекты рассматривались достаточно медленно и значительную их часть Государственная Дума VII созыва отклонила³.

На характерные недостатки в федеральном законодательстве указывается и в юридической литературе. В частности, по мнению ряда авторов, нередко в законодательстве закрепляются нереализуемые права и обязанности, а также нормы права, опережающие реальные возможности государства и общества⁴. Некоторые правоприменители испытывают затруднения в уяснении изменений и дополнений законов. В этом контексте Л.В. Бертовский отмечает, что в условиях появления высокотехнологичного права имеются необходимые условия для того, чтобы все изменения, дополнения текстов федеральных законов давались с приведением официального текста изменённой, дополненной статьи. Внедрение подобного порядка официального опубликования текстов изменённых и дополненных законов, в том числе с помощью высоких технологий, повышает доступность феде-

² Госдума VI созыва приняла 15% законопроектов из предложенных депутатами // <https://www.interfax.ru/russia/503486/> (Дата обращения 17.01.2024 г.).

³ Гаганов А.А. Итоги работы последней сессии Государственной Думы шестого созыва // <http://rusrand.ru/analytics/itogiraboty-posledney-sessii-gosudarstvennoy-dumy-shestogo-sozyva/> (Дата обращения 17.01.2024 г.).

⁴ Занина М.А. Дефекты современного законодательства: причины и пути их преодоления // Правотворчество в РФ: проблемы теории и практики. М. 2010. С. 258. См. также Тихомиров Ю.А. Эффективность закона: от цели к результату // Журнал российского права. 2009. № 4; Москалькова Т.Н. Законотворческие ошибки: понятие, виды и пути противодействия // <https://www.zakonia.ru/site/131477/1649/> (Дата обращения 17.01.2024 г.).

ральных законов, облегчает путь уяснения и толкования действительной воли законодателя¹.

Устранению проблем правового регулирования на уровне федерального законодательства способствует образование развитого первичного уровня правового регулирования, обеспечивающего единство и непротиворечивость конституционных положений, норм федеральных законов и правоприменительных решений.

Заключение

1. Первичность федеральных законов как носителей сущностной основы конституционных установлений проявляется в системном установлении основ правового регулирования по предметам отраслевого и комплексного законодательства. При этом правовые нормы, обретающие законодательную форму и традиционно выступающие основополагающим уровнем отраслевого и комплексного правового регулирования, не могут допускать объединения в рамках понятия «федеральное законодательство» законов и подзаконных нормативных правовых актов.

2. Более точным квалифицирующим признаком федерального закона выступает не столько предмет правового регулирования, сколько первичность норм, закреплённых законами. Предмет правового регулирования не всегда позволяет отличить нормы закона от норм иных правовых актов, что осложняет первичное правовое регулирование.

3. Практическая значимость первичности общих норм федеральных законов состоит в том, что они, во-первых, обеспечивают органичное сочетание всеобщих конституционных положений с общими и особенными нормами отраслевого и комплексного законодательства. Во-вторых, конкретизируют общие конституционные принципы и положения применительно к специфике предметов названного уровня законодательства. В-третьих, закрепляют системное, целостное отраслевое и комплексное законодательное регулирование, благодаря которому образуется развитый уровень правового регулирования, позволяющий устанавливать силу и авторитет федерального закона, что повышает уровень восприятия конституционных установлений.

4. Федеральное законодательство конкретизируется нормами федеральных органов исполнительной власти, имеющими статус вторичного уровня правового регулирования, что обуславливает правомерность их вхождения в законодательный уровень правового регулирования на правах субэлемента.

5. Предлагается к числу признаков, характеризующих понятие «федеральный закон» добавить признак «соответствие Конституции РФ», что по-

¹ См.: Бертовский Л.В. Высотехнологичное право: понятие, генезис и перспективы // Государство и право в современном мире. Вестник РУДН. Серия юридические науки. 2021. С. 735–749.

зволяет исключить из системы действительных законов нормы, несоответствующие Конституции РФ.

Литература

1. Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. – 712 с.
2. Баранов В.М., Поленина С.В. Система права и систематизация законодательства в правовой системе России. Изд-во: Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2002. – 239 с.
3. Бертовский Л.В. Высотехнологичное право: понятие, генезис и перспективы // Государство и право в современном мире. Вестник РУДН. Серия юридические науки. 2021. С. 735–749.
4. Занина М.А. Дефекты современного законодательства: причины и пути их преодоления // Правотворчество в РФ: проблемы теории и практики. Российская академия правосудия. М. 2010. С. 253–263.
5. Зорькин В.Д. Конституция живет в законах. Резервы повышения качества российского законодательства // Журнал конституционного правосудия. М.: Юрист. 2015. № 3 (45). С. 1–5.
6. Иванников И.А. Теория государства и права. Ростов-на-Дону. ДГТУ, 2016. – 402 с.
7. Кельзен Г. Чистое учение о праве: введение в проблематику науки о праве // Чистое учение о праве, справедливость и естественное право. СПб. 2015. – 540 с.
8. Малько А.В., Гайворонская Я.В. О роли федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» в правотворческой политике // Государство и право. 2015 № 11. С. 24–32.
9. Общая теория государства и права. Под ред. В.В. Лазарева. М.: Юрист. 1994. – 360 с.
10. Общая теория права. Под ред. А.С. Пиголкина. М.: Изд-во МГТУ им. Баумана, 1996. – 384 с.
11. Рахманина Т.Н. Кодификация законодательства. Москва: Юристъ, 2005. – 141 с.
12. Сырых В.М. Теория государства и права. М.: ЗАО Юстицинформ, 2012–704 с.
13. Сырых В.М. Основы материалистической теории права. В 4-х томах. Т. II. Технология теоретико-правовых исследований. Методология. М. 2023. – 576 с.
14. Тихомиров Ю.А. Государственно-правовое регулирование: основание, пределы // Журнал российского права. № 9. 2017. С. 5–16.
15. Тихомиров Ю.А. Закон: притязания, стабильность, коллизии // Законодательство России в XXI веке. По материалам научно-практической конференции. Москва, 17 октября 2000 г. – М.: Городец-издат, 2002. С. 8–14.
16. Тихомиров Ю.А. Эффективность закона: от цели к результату // Журнал российского права. 2009. № 4. С. 3–9.

FEDERAL LEGISLATION IS THE FUNDAMENTAL LEVEL OF SECTORAL AND COMPLEX LEGAL REGULATION IN THE SYSTEM OF RUSSIAN LAW

Isakov I.N.

National Research University "Moscow Institute of Electronic Technology"

In accordance with the subject of this article, it is substantiated that general legal norms, acquiring legislative form, act as the primary link in the transfer of constitutional provisions to the level of federal legislative regulation. As a result, a fundamental level of legislative regulation is formed. Its essence is to embody the meaning of constitutional provisions by systematically establishing the foundations of legal regulation, taking into account the subjects and goals implemented in sectoral and complex legislation. In these circumstances, legislative norms and law enforcement decisions are not only legitimate, but also remain in the constitutional field. This approach seems relevant and practically significant. It is concluded that the norms of federal legislation, acting as the primary bearers of essential constitutional provisions, form the primary (federal) level of legal regulation, ensuring an organic combination, unity and consistency of constitutional provisions, norms of federal laws and law enforcement decisions, which contributes to improving the quality of legal regulation. This determines the contribution of the author to the study of these problems.

Keywords: legal system, federal legislation, primary legal regulation, legislative form of legal regulation, level of legal regulation, sectoral and complex legislation, by-laws.

References

1. Alekseev S.S. Law: ABC – theory – philosophy: The experience of a comprehensive study. M.: Statute, 1999. – 712 p.
2. Baranov V.M., Polenina S.V. System of law and systematization of legislation in the legal system of Russia. Publishing house: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2002. – 239 p.
3. Bertovsky L.V. High-tech law: concept, genesis and prospects // State and law in the modern world. Bulletin of the RUDN. The series of legal sciences. 2021. pp. 735–749.
4. Zanina M.A. Defects of modern legislation: causes and ways to overcome them // Lawmaking in the Russian Federation: problems of theory and practice. The Russian Academy of Justice. M. 2010. pp. 253–263.
5. Zorkin V.D. The Constitution lives in the laws. Reserves for improving the quality of Russian legislation // Journal of Constitutional Justice. Moscow: Yurist. 2015. No.3 (45). pp. 1–5.
6. Ivannikov I.A. Theory of State and law. Rostov-on-Don. DSTU, 2016. – 402 p.
7. Kelsen G. Pure doctrine of law: an introduction to the problems of the science of law // Pure doctrine of law, justice and natural law. St. Petersburg, 2015. – 540 p.
8. Malko A.V., Gaivoronskaya Ya.V. On the role of the federal law "On normative legal acts in the Russian Federation" in law-making policy // State and Law. 2015 No.11. pp. 24–32.
9. General theory of State and law. Edited by V.V. Lazarev. M.: Lawyer. 1994. – 360 p.
10. General theory of law. Edited by A.S. Pigolkin. M.: Publishing House of Bauman Moscow State Technical University, 1996. – 384 p.
11. Rachmanina T.N. Codification of legislation. Moscow: Yurist, 2005. 141 p.
12. Srykh V.M. Theory of state and law. Moscow: CJSC Justicinform, 2012–704 p.
13. Srykh V.M. Fundamentals of the materialistic theory of law. In 4 volumes. Vol. II. Technology of theoretical and legal research. Methodology. M. 2023. – 576 p.
14. Tikhomirov Yu.A. State legal regulation: the basis, limits // Journal of Russian Law. No.9. 2017. pp. 5–16.
15. Tikhomirov Yu.A. Law: claims, stability, conflicts // Legislation of Russia in the XXI century. Based on the materials of the scientific and practical conference. Moscow, October 17, 2000 – Moscow: Gorodets-izdat, 2002. pp. 8–14.
16. Tikhomirov Yu.A. Effectiveness of the law: from goal to result // Journal of Russian Law. 2009. No. 4. pp. 3–9.

О субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в правовой системе обеспечения интересов кредиторов и третьих лиц

Кандрин Елена Геннадьевна,

аспирант кафедры гражданского права, ФГБУ ВО
«Российского государственного университета правосудия»
E-mail: keg1707@rambler.ru

Институт субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц находится на текущий момент на стадии активных преобразований. Субсидиарная ответственность контролирующих лиц должника реализуется за счет зафиксированного в законодательстве механизма, направленного на восстановление нарушенных прав кредиторов в процедурах банкротства. В статье представлены подходы к определению субсидиарной ответственности контролирующих лиц должника. Определены условия привлечения контролирующих лиц должника к субсидиарной ответственности. Выявлен круг проблем, связанных с определением круга лиц, контролирующих должника. Обозначены признаки, позволяющие констатировать статус лица как контролирующего. Одной из важнейших проблем в рассматриваемой нами предметной области выступает дифференциация номинального и реального контролирующего лица. Обозначена необходимость модернизации законодательных положений, регламентирующих функционирование института банкротства.

Ключевые слова: субсидиарная ответственность, должник, кредитор, банкротство, контролирующее должника лицо.

Институт субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц находится на текущий момент на стадии активных преобразований. В 2017 г. отечественный законодательный массив был расширен новыми положениями, регламентирующими различные аспекты процедур банкротства в целом и привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника – в частности [1, с. 128]. Данная реформа обусловила широкое развитие судебной практики по данному вопросу, но, при этом, далеко не все проблемы данной области были разрешены. Сегодня вопросы, связанные с привлечением к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц, до сих пор являются предметом научных дискуссий. На повестке юридического сообщества – пути улучшения законодательных положений, регламентирующих функционирование института банкротства.

Интерпретации категории «субсидиарная ответственность контролирующих лиц должника»

Рассмотрим дефиниции и ключевые сущностные параметры субсидиарной ответственности контролирующих лиц должника.

А.И. Долгорукий указывает: субсидиарная ответственность контролирующего должника лица может наступить как в ситуации фактической процедуры банкротства, так и при отсутствии дела о банкротстве – при юридическом прекращении деятельности общества [3, с. 34].

О.В. Мариничева говорит о том, что в общем виде субсидиарная ответственность обозначает «право требования долгов с контролирующего лица, если должник не может самостоятельно погасить долг», а в контексте процедур банкротства субсидиарная ответственность представляет собой один из видов ответственности руководителя должника и иных контролирующих лиц [5, с. 261].

В.Ф. Попондопуло и Е.В. Силина предлагают определять субсидиарную ответственность лиц, контролирующих должника, как «виновную ответственность этих лиц по долгам должника – стороны охранительного обязательства <...> если имущества должника недостаточно для полного удовлетворения требований кредиторов – другой стороны такого обязательства» [7].

Г.Ф. Цельникер и А.А. Ремесленникова предлагают следующую дефиницию субсидиарной ответственности контролирующих лиц должника: «механизм по восстановлению нарушенных прав конкурс-

ных кредиторов», реализуемый на финальном этапе процедуры банкротства должника. Субсидиарная ответственность наступает в ситуации, когда процедура банкротства должника не привела к удовлетворению требований кредиторов, и неисполненные требования должника исполняются, таким образом, субсидиарными ответчиками [11, с. 38].

А.А. Хайбуллин отмечает: по мере развития института банкротства в стране субсидирование ответственности становится все более эффективным и распространенным методом удовлетворения требований кредиторов. Субсидиарная ответственность, по мнению автора, вводится для защиты интересов кредиторов, а ее сущность состоит в идентификации, помимо основного должника, дополнительного должника, несущего ответственность перед кредитором [10, с. 298].

Несмотря на обилие авторских дефиниций и описаний субсидиарной ответственности контролирующих лиц должника, четкого понимания правовой природы, параметров и места данного вида ответственности в системе иных видов субсидиарной ответственности пока нет. Согласно мнению Судебной коллегии по Экономическим спорам Верховного суда, субсидиарная ответственность по обязательствам должника возникает по причине причинения имущественного вреда кредиторам. Из этого следует, что субсидиарная ответственность имеет деликтный характер. Данное умозаключение, безусловно, порождает множество правовых последствий (так, к примеру, деликтный характер ответственности позволяет включить долги контролирующего должника лица в наследственную массу) [1, с. 129]. С другой стороны, как справедливо отмечают В.Ф. Попондопуло и Е.В. Силина, тот факт, что кредиторы имеют возможность на основаниях, прописанных в Законе о банкротстве, обращаться за удовле-

нием своих требований к контролирующим лицам, чьими действиями был причинен вред, указывает не на деликтную, а на договорную природу ответственности лиц, контролирующих должника [7].

По мнению Судебной коллегии по Экономическим спорам Верховного суда, субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц должна считаться самостоятельным, а не дополнительным видом ответственности. Аргументом в пользу данного тезиса выступает тот факт, что рассмотрение субсидиарной ответственности контролирующих лиц должника в качестве дополнительной предоставит имуществу иммунитет от притязаний кредиторов. При этом есть основания полагать, что подобное имущество было приобретено неправомерными действиями недобросовестного контролирующего лица [1, с. 129].

Условия привлечения контролирующих лиц должника к субсидиарной ответственности

Вопросы, связанные с субсидиарной ответственностью контролирующих лиц должника, регламентированы Гражданским Кодексом Российской Федерации [2], Федеральным законом от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [9], Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» [8] и некоторыми другими актами законодательства и подзаконными актами [5, с. 261].

Обобщив научную литературу в рассматриваемой нами предметной области, можно представить следующий перечень условия привлечения контролирующих лиц должника к субсидиарной ответственности (Таблица 1).

Таблица 1. Условия привлечения контролирующих лиц должника к субсидиарной ответственности

Условие	Содержание
Надлежащий субъект ответственности	Требуется наличие лица, имеющего право давать обязательные для исполнения указания или иным образом управлять действиями юридического лица-банкрота. Согласно положениям Гражданского кодекса (п. 2 ч. 2 ст. 56), в перечень субъектов субсидиарной ответственности следует включать: учредителей юридического лица, собственников имущества юридического лица и любых лиц, которые осуществляли фактическое управление компанией. П. 5 ст. 10 Закона N 127-ФЗ устанавливает, что субъектом ответственности в любом случае выступает также руководитель должника.
Факт банкротства	Идентификация и привлечение к ответственности лиц, контролирующих должника, осуществляется после признания статуса банкрота юридического лица – т.е. с момента вступления в силу соответствующего решения суда.
Причинно-следственная связь	Привлечение к субсидиарной ответственности требует доказывания того, что действия или бездействие контролирующих лиц должника стали причиной банкротства. Причинно-следственная связь между действиями субъекта субсидиарной ответственности и банкротством должника фиксируется на основании анализа финансовой отчетности и не задокументированных финансовых операций, проводимых при участии должника.
Виновность субъектов субсидиарной ответственности	После доказательства наличия причинно-следственной связи требуется доказать виновность. Аргументом в пользу признания контролирующего лица виновным может стать невыполнение им своих обязательств по соблюдению прав третьих лиц, по соблюдению надлежащей степени разумности и осмотрительности. Принимаются во внимание признаки, указывающие на умысел или небрежность контролирующего лица при управлении компанией-банкротом.

Примечание: собственная разработка на основании материалов [10, с. 299], [3, с. 36], [9], [8] и др.

Многие исследователи [4], [10, с. 299], [3, с. 36] и др. указывают на то, что российский законодатель не предусмотрел четкую последовательность действий по идентификации контролирующего лица и привлечению его к субсидиарной ответственности. С одной стороны, отмечает А.И. Долгорукий, институт субсидиарной ответственности является необходимой правовой конструкцией, обеспечивающей де юре защиту прав и интересов кредиторов, но с другой стороны – де факто механизм, лежащий в основе данного института, реализуется малоэффективно [3, с. 36].

Проблемные аспекты определения круга лиц, контролирующих должника

Целью введения в законодательный массив категории «контролирующее должника лицо» выступает определение виновных в доведении компании до банкротства, в невозможности удовлетворения требований кредиторов, в манипуляции информацией о фактическом финансовом состоянии компании-должника, в т.ч. в ситуации несвоевременной подачи заявления о банкротстве. Закон о банкротстве предлагает определять контролирующее должника лицо следующим образом: физическое или юридическое лицо, которое, во-первых, обладало правом давать обязательные для исполнения должником указания или определять действия должника, в том числе при заключении сделок, и, во-вторых, лицо которое

однократно или несколько раз воспользовалось эти правом в течение трехлетнего периода, предшествовавшего возникновению признаков банкротства [9].

Таким образом, прежде чем привлечь лицо к субсидиарной ответственности, требуется в обязательном порядке установить его статус как контролирующего лица. В ситуации, когда доказать подобное невозможно, у суда не будет законных оснований для привлечения гражданина к субсидиарной ответственности. Следовательно, определение контролирующего должника лица по искам о привлечении к субсидиарной ответственности имеет первоочередное значение.

Идентификация контролирующего лица определяет такие ключевые аспекты привлечения к субсидиарной ответственности, как установление правовых оснований для привлечения к субсидиарной ответственности, выявление причинно-следственной связи между действиями контролирующего должника лиц и наступившими последствиями, и, что особенно важно, определение объема субсидиарной ответственности [11, с. 38].

Проанализировав законодательный массив, изучив разъяснения судебных органов и коллегий, а также положения, накопленные в современной научной юридической литературе, мы выделим следующий перечень первичных и вторичных признаков, позволяющих констатировать статус контролирующего лица и на этом основании привлечь его к субсидиарной ответственности (Таблица 2).

Таблица 2. Признаки, позволяющие констатировать статус лица как контролирующего

Признаки	
Основные	<p>Лицо занимало должность руководителя компании-банкрота или ее управляющей компании.</p> <p>Лицо занимало позицию члена исполнительного органа компании-банкрота.</p> <p>Лицо выполняло роль ликвидатора должника или члена ликвидационной комиссии;</p> <p>Лицо обладало правом (и воспользовалось им) самостоятельно либо совместно с заинтересованными лицами распоряжаться 50 и более % голосующих акций акционерного общества, или долей уставного капитала в 50 и более % общества, или более чем половиной голосов в общем собрании участников юридического лица.</p> <p>Лицо имело право назначать руководителя компании-банкрота.</p> <p>Лицо имело полномочия заключать сделки от имени компании-банкрота – полномочия на основании доверенности, нормативного правового акта и др.</p> <p>Лицо замещало ответственного работника компании-банкрота – главного бухгалтера, финансового директора или иного работника, который обладал полномочиями определять действия компании-банкрота.</p>
Дополнительные	<p>Лицо являлось бенефициаром – выгодополучателем – незаконных действий лиц, которые обладали полномочиями определять действия компании-банкрота.</p> <p>Лицо находилось в отношениях родства или свойства с руководителем или управляющих лиц компании-банкрота.</p> <p>Лицо являлось контролирующим в силу принуждения руководителя или управляющих лиц компании-банкрота.</p> <p>На иных основаниях, определенных органами суда.</p>

Примечание: источник – собственная разработка с использованием материалов [9], [4], [11] и др.

Фактический vs номинальный контроль как основание для наступления субсидиарной ответственности

Одной из важнейших проблем в рассматриваемой нами предметной области выступает дифференци-

ация номинального и реального контролирующего лица. В тексте Постановления Пленума Верховного Суда № 53 от 21.12.2017 г. [8] отмечается, что преваляющим условием для констатации факта контроля и отнесения лица к контролирующим должны выступать не документальное, а фактиче-

ское управление компанией-должником. В реальной практике, при этом, нередки случаи, когда реальное положение дел расходится с тем, что представлено в учредительных документах и финансовой отчетности компании-должника.

Таким образом, реализация функций управления может происходить и при отсутствии формальных признаков ее обретения. В данной связи возникает вопрос о рассмотрении родственников управляющего лица в качестве потенциально аффилированных лиц и, соответственно, включении их в перечень контролирующих лиц должника.

Отечественная судебная практика накопила немало примеров того, что родственники были признаны контролируемыми лицами. Привлечение к субсидиарной ответственности родственника или лица, близкого к собственнику компании-должника, происходит при установлении нескольких критериев. Во-первых, это лицо имело возможность определять действия должника и использовало эту возможность, во-вторых, это лицо должно было получать выгоду от незаконных действий компании-банкрота [6]. Безусловно, субсидиарная ответственность не может распространяться на то или иное лицо лишь на основании того, что оно состоит в отношениях родства или иных близких отношений с управляющим или собственником компании-банкрота.

В связи с вышеизложенным возникает вопрос о том, снимается ли субсидиарная ответственность с лица, которое было признано контролирующим лишь формально [12, с. 20]. По нормам законодательства, такое лицо сохраняет за собой статус контролирующего, так как отсутствие практики фактического управления не тождественно утрате возможности оказания влияния на должника и не освобождает формального руководителя от реализации им функции управления (что следует, в частности, из положений п. 3 ст. 53 Гражданского Кодекса).

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам:

1. Субсидиарная ответственность контролирующих лиц должника реализуется за счет зафиксированного в законодательстве механизма, направленного на восстановление нарушенных прав кредиторов в процедурах банкротства. В ситуации, когда процедура банкротства должника не привела к удовлетворению требований кредиторов, неисполненные требования должника исполняются субсидиарными ответчиками.
2. Существует перечень условий, на основании которых возможно привлечение контролирующих лиц должника к субсидиарной ответственности: факт банкротства, наличие надлежащего субъекта ответственности, наличие причинно-следственной связи между действиями контролирующего лица и ухудшением финансового положения компании, приведшего к банкротству, виновность субъекта субсидиарной ответственности.

3. В вопросах субсидиарной ответственности существует ряд проблемных аспектов. В частности, трудности возникают в определении круга контролирующих лиц. В данной связи были выработаны признаки, позволяющие констатировать статус лица как контролирующего.
4. В реальной практике важнейшей проблемой выступает дифференциация номинального и реального контролирующего лица и распределение ответственности между номинальными руководителями, лицами, которые осуществляли фактическое управление, а также разного рода аффилированными лицами, включая родственников и знакомых руководителя компании-банкрота.

Литература

1. Гвоздев, А.П. Субсидиарная ответственность наследников контролирующих должника лиц / А.П. Гвоздев // SAF. – 2021. – № 21. – С. 127–132.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) 30 ноября 1994 года N 51-ФЗ // Консультант Плюс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ – Дата доступа: 25.01.2024.
3. Долгорукий, А.И. Теоретико-правовые основы субсидиарной ответственности контролирующего должника лица / А.И. Долгорукий // Юридическая наука. – 2021. – № 5. – С. 34–38.
4. Зиневич, И. Контролирующее должника лицо / И. Зиневич // Издательская группа «Закон». – 2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2023/09/11/kontroliruyuschee_dolzhnika_lico. – Дата доступа: 25.01.2024.
5. Мариничева, О.В. Субсидиарная ответственность контролирующих лиц должника в процедурах банкротства / О.В. Мариничева // Образование и право. – 2021. – № 2. – С. 261–263.
6. Момзикова, М. Контролирующее должника лицо: кто ответит по долгам компании? / М. Момзикова // Журнал «Юридический справочник руководителя». – 2021. – № 2. / 2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://delo-press.ru/journals/law/korporativnyevoprosy/57891-kontroliruyushchee-dolzhnika-litso-kto-otvetit-po-dolgam-kompanii/>. – Дата доступа: 25.01.2024.
7. Попондопуло, В.Ф. Ответственность руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве / В.Ф. Попондопуло, Е.В. Силина (Слепченко) // 2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/98131-otvetstvennost-rukovoditelya-dolzhnika-inykh-dele-bankrotstve-popondopulo>. – Дата доступа: 25.01.2024.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкрот-

- стве» // Консультант Плюс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286130/. – Дата доступа: 25.01.2024.
9. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 N 127-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/ – Дата доступа: 25.01.2024.
  10. Хайбуллин, А.А. Особенности субсидиарной ответственности, контролирующих лиц должника / А.А. Хайбуллин // E-Scio. – 2020. – № 6 (45). – С. 295–300.
  11. Цельникер, Г.Ф. Привлечение контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности / Г.Ф. Цельникер, А.А. Ремесленникова // Достижения науки и образования. – 2021. – № 4 (76). – С. 38–41.
  12. Шиткина, И. Субсидиарная ответственность контролирующих лиц: новые возможности / И. Шиткина // ЖУРНАЛ «ЗАКОН». – № 8 АВГУСТ. – 2017 – С. 18–33

SUBSIDIARY LIABILITY OF PERSONS CONTROLLING THE DEBTOR IN THE LEGAL SYSTEM FOR SECURING THE INTERESTS OF CREDITORS AND THIRD PERSONS

Kandrina E.G.

“Russian State University of Justice”

The institution of subsidiary liability of persons controlling the debtor is currently at the stage of active transformation. The subsidiary liability of the debtor's controlling persons is implemented through a mechanism established in legislation aimed at restoring the violated rights of creditors in bankruptcy proceedings. The article presents approaches to determining the subsidiary liability of the controlling persons of the debtor. The conditions for bringing the controlling persons of the debtor to subsidiary liability have been determined. A range of problems related to determining the circle of persons controlling the debtor has been identified. Signs are identified that allow one to establish the status of a person as a controller. One of the most important problems in the subject area we are considering is the differentiation of a nominal and a real controlling person. The need to modernize the legislative provisions regulating the functioning of the bankruptcy institution is outlined.

Keywords: subsidiary liability, debtor, creditor, bankruptcy, person controlling the debtor.

References

1. Gvozdev, A.P. Subsidiary liability of the heirs of the persons controlling the debtor / A.P. Gvozdev // SAF. – 2021. – No. 21. – pp. 127–132.
2. Civil Code of the Russian Federation (Civil Code of the Russian Federation) November 30, 1994 N 51-FZ // Consultant Plus. [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ – Access date: 01/25/2024.
3. Dolgoruky, A.I. Theoretical and legal foundations of subsidiary liability of the controlling debtor of the person / A.I. Dolgoruky // Legal science. – 2021. – No. 5. – P. 34–38.
4. Zinevich, I. Person controlling the debtor / I. Zinevich // Publishing group “Zakon”. – 2023 [Electronic resource]. – Access mode: https://zakon.ru/blog/2023/09/11/kontroliruyushee_dolzhnika_lico. – Access date: 01/25/2024.
5. Marinicheva, O.V. Subsidiary liability of the debtor's controlling persons in bankruptcy proceedings / O.V. Marinicheva // Education and Law. – 2021. – No. 2. – pp. 261–263.
6. Momzikova, M. The person controlling the debtor: who will be responsible for the company's debts? / M. Momziikova // Journal “Legal Directory of the Leader”. – 2021. – No. 2. / 2021 [Electronic resource]. – Access mode: <https://delo-press.ru/journals/law/korporativnye-voprosy/57891-kontroliruyushchee-dolzhnika-litso-kto-otvetit-po-dolgam-kompanii/>. – Access date: 01/25/2024.
7. Popondopulo, V.F. Responsibility of the debtor's manager and other persons in a bankruptcy case / V.F. Popondopulo, E.V. Silina (Slepchenko) // 2021 [Electronic resource]. – Access mode: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/98131-otvetstvennost-rukovoditelya-dolzhnika-inykh-dele-bankrotstve-popondopulo>. – Access date: 01/25/2024.
8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 21, 2017 No. 53 “On some issues related to holding persons controlling the debtor liable in bankruptcy” // Consultant Plus. [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286130/. – Access date: 01/25/2024.
9. Federal Law “On Insolvency (Bankruptcy)” dated October 26, 2002 N 127-FZ (latest edition) [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/ – Access date: 01/25/2024.
10. Khaibullin, A.A. Features of subsidiary liability, controlling persons of the debtor / A.A. Khaibullin // E-Scio. – 2020. – No. 6 (45). – pp. 295–300.
11. Tselniker, G.F. Attracting persons controlling the debtor to subsidiary liability / G.F. Tselniker, A.A. Remeslennikova // Achievements of science and education. – 2021. – No. 4 (76). – pp. 38–41.
12. Shitkina, I. Subsidiary liability of controlling persons: new opportunities / I. Shitkina // MAGAZINE “LAW”. – No. 8 AUGUST. – 2017 – pp. 18–33

Правовое регулирование профилактической деятельности органов внутренних дел в области противодействия семейно-бытовому насилию

Краснов Александр Валерьевич,

аспирант, Московский финансово-юридический университет
МФЮА

E-mail: alex.mos409@gmail.com

Проблематика административно-правового противодействия семейно-бытовому насилию приобретает особую актуальность в свете предпринимаемых законодателем попыток по разработке и принятию специализированного правового акта, предметом регулирования которого выступают общественные отношения в обозначенной сфере. До настоящего момента времени данные попытки не увенчались успехом, однако доктринальная полемика по проблеме административной профилактики семейно-бытового насилия заставляет вновь обращаться к данному вопросу. В юридической доктрине существует консенсус относительно неэффективности работы правоохранительных органов по борьбе с проявлениями насилия в семье. В статье поднимается ряд проблем в правовом регулировании данного направления профилактической деятельности органов внутренних дел. Преимущественно существующие проблемы правотворчества и правоприменения в сфере противодействия семейно-бытовому насилию связаны со столкновением различных общественных интересов, требующих согласования индивидуальной защиты жертв домашнего насилия с необходимостью поддержания и укрепления традиционных семейных ценностей. Доминирование консервативного подхода к сфере семейной жизни выступает фактором, ограничивающим возможности органов внутренних дел по вторжению в сферу частной жизни. На основании методологии формально-юридического анализа с статье раскрываются проблемные аспекты дебатированного законопроекта о профилактике семейно-бытового насилия, а также отдельных инструментов административной профилактики. Отмечается несовершенство предлагаемых формулировок и правовых пределов применения конкретных инструментов административной профилактики. Особо выделяется фигура участкового уполномоченного полиции как должностного лица, наиболее приближенного к населению и вовлеченного в процесс профилактического противодействия семейно-бытовому насилию. Сделан вывод о необходимости совершенствования организационного и правового инструментария, используемого органами внутренних дел, при административно-профилактической работе с правонарушителями в сфере семейно-бытового насилия.

Ключевые слова: семейно-бытовое насилие, жертва, профилактическая работа, правонарушение, сотрудник полиции.

Административная профилактика, представляя собой «деятельность по применению предусмотренных законодательством мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению административных правонарушений, предупреждению их совершения» [9, с. 136], является значимым компонентом административной политики государства по противодействию семейно-бытовому насилию. В соответствии с требованиями административной политики действия ее субъектов должны быть направлены на достижение ключевых, общественно ценных многопрофильных и многоуровневых целей при выполнении конкретных задач. Ключевым направлением совершенствования административно-деликтной политики выступает деятельность по предупреждению и профилактике административных правонарушений [7, с. 41].

Осуществление административной профилактики правонарушений в сфере семейно-бытового насилия требует наличия надлежащей правовой основы деятельности для органов внутренних дел. Анализ норм Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [3] (далее – КоАП РФ) в их совокупности, а также правоприменительной практики доказывает, что в качестве приоритетного выбирается принцип оперативности, и часто в ущерб другим. В таких условиях есть вероятность неверно квалифицировать административное правонарушение, привлечь к административной ответственности путем слишком мягкого или строго административного наказания, а то и вовсе не виновное лицо. Применяемый в данном случае принцип «цель оправдывает средства» (где первое – максимальная реализация принципа неотвратимости, второе – как можно быстрее рассмотреть все поступившие дела об административных правонарушениях) релевантен далеко не всегда. Наибольшего эффекта профилактическая работа достигает в том случае, когда речь идет о ее адресности, именно поэтому важным является определение обязательных групп лиц, в отношении которых будет осуществляться индивидуальная профилактическая работа [10, с. 272].

В ноябре 2019 года Совет Федерации России опубликовал законопроект о профилактике насилия в семье. Уже было предпринято более 40 попыток принять специализированное законодательство против насилия в семье, и это последнее предложение вновь вызвало волну протестов и общественных дебатов. Проект вызвал резкую критику

со стороны женских и правозащитных организаций и экспертов-юристов, а также со стороны Русской Православной Церкви и других защитников традиционных ценностей – хотя и по совсем другим причинам. Первые указывают на отсутствие надлежащей защиты жертв, особенно женщин и детей, и неспособность предусмотреть комплексные программы профилактики и повышения осведомленности, в то время как вторые предостерегают от чрезмерного вмешательства государства в семейные дела.

В России уже давно ведутся дебаты о надлежащем правовом, социальном и политическом реагировании на насилие в семье. Основным предметом разногласий всегда был вопрос о том, когда и при каких обстоятельствах вмешательство государства в семейные дела оправдано. До 2016 года насилие в семье наказывалось так же, как и любая другая форма причинения вреда здоровью. Декриминализация первичных или разовых побоев вызвала резкую критику со стороны правозащитных организаций и международных наблюдателей, поскольку законодатель устранил одну из немногих форм защиты, доступных жертвам на ранних стадиях проявления домашнего насилия, и подвергал риску постоянной агрессии со стороны преступника из-за минимальных наказаний и отсутствия мер поддержки.

В 2018 году резонансное дело сестер Хачатурян стало предметом интенсивных общественных дебатов. Сестрам было предъявлено обвинение в убийстве их отца, который, по их словам, годами подвергал их серьезному психологическому и сексуальному насилию. В результате этого и других широко освещаемых случаев и растущего числа жалоб в международные органы была создана новая рабочая группа, которой было поручено разработать закон о предотвращении насилия в семье. В ноябре 2019 года Совет Федерации начал общественные консультации по версии текста рабочей группы, хотя и значительно измененной. Проект изобилует проблемами, так как в нем не учитывается физическое насилие, поскольку оно предположительно подпадает под действие уголовного закона, применяется исключительно к супругам и направлено в первую очередь на сохранение семьи, а не на защиту жертв.

С момента начала обсуждений законопроекта представители Русской Православной Церкви (далее – РПЦ) предупреждали об опасности произвольного вмешательства в семейные дела. В нем неоднократно подчеркивалось, что, хотя РПЦ, конечно, выступает против любого неоправданного насилия в семье, однако крайние случаи такого рода уже подпадают под действие общего уголовного законодательства. Поэтому в новом законодательстве не было необходимости. Более того, как утверждалось, инициативы показали семью в негативном свете – как место опасности, а не как безопасную среду, описанную в официальной доктрине семейной политике [6, с. 164]. Следовательно, эти законы были «враждебны семье»; таких терминов,

как «насилие в семье», следует принципиально избегать. Строго иерархический и патриархальный взгляд на семью, конечно, вступает в противоречие с попытками обеспечить индивидуальную защиту личности. Однако сегодня разводы и аборты являются обычным явлением, а более 70% жертв домашнего насилия составляют женщины. Опросы о распространенности насилия в семье показывают, что домашнее насилие по-прежнему в значительной степени является табуированной темой, и реальные показатели, вероятно, намного выше.

Для организаций, выступающих в защиту жертв домашнего насилия, главной проблемой является отсутствие надлежащих правовых гарантий защиты жертв. Для работы правоохранительных органов характерно относительно лояльное отношение к случаям семейно-бытового насилия, в результате его значительное количество заявлений о нем отзывается впоследствии самими жертвами. Предложенный законопроект рискует усилить эту тенденцию, подчинив индивидуальную потребность в защите интересам сплоченности семьи. Таким образом, подлинная помощь доступна жертвам семейно-бытового насилия только от организаций гражданского общества и от церковных центров поддержки, которые ставят защиту женщин и детей в центр внимания своей работы. Однако, не имея элементарной правовой основы для своей деятельности, эти центры могут оказывать лишь временную поддержку и подвергаться критике.

Проект закона о противодействии насилию в семье был разработан активистами по защите прав женщин, включая парламентария Оксану Пушкину, совместно с женскими и правозащитными группами и юристами. Более 70 групп, включая «Центр сестер» и правозащитную группу «Агора», выступили с совместным заявлением, призывающим к принятию всеобъемлющего закона, основанного на принципах безопасности личности. Организация «Равенство сейчас» поддержала кампанию заявлениями в адрес Думы и Совета Федерации об особом внимании, которое необходимо уделять вопросам и последствиям сексуального насилия в рамках борьбы с насилием в семье. Активисты движения за права женщин увидели в этом законодательном изменении возможность обеспечить соответствие российского законодательства международным стандартам в области прав человека, однако этого не произошло. Действующий законопроект был существенно изменен после обсуждений в Совете Федерации и утратил некоторые из своих ключевых положений, которые важны для эффективной защиты жертв.

Сохранение семьи является руководящим принципом закона (статья 4 Законопроекта) наряду с «защитой прав и свобод граждан». Безопасность отдельных лиц и защита их прав и свобод должны быть руководящим принципом закона, который не должен быть отвергнут интересами сохранения целостности семьи. Виды насилия не были определены в проекте закона. Все виды насилия – физического, сексуального, психологического и эконо-

мического – должны быть четко определены для эффективного административно-правового воздействия.

Законопроект одержит проблемную дефиницию семейно-бытового насилия, поскольку она не дает ясности в отношении того, что именно будет охватываться данным законом. Например, в нем не дается определения того, что будет представлять собой «физическое насилие» или характер насилия, которое причинит «психические страдания». Охранные приказы и системы профилактики и поддержки, предусмотренные в проекте, должны применяться ко всем формам насилия в семье. Действие законопроекта распространяется только на супругов, бывших супругов, лиц, имеющих общего ребенка (или детей), близких родственников, а также совместно проживающих и других владельцев домашнего хозяйства/иных лиц и родственников, связанных с имуществом. Большое количество людей, которые могут подвергнуться насилию в семье, не подпадает под действие законопроекта. Это особенно явно в отношении сожителей. Поскольку закон не имеет обратной силы, он не будет распространяться примерно на множество супружеских пар в России, которые жили вместе до вступления в брак, у большинства из которых до брака не было детей. Определение также не включает женщин, которых преследуют мужчины, которые не являются их нынешними или бывшими партнерами, и с которыми они ранее сожительствовали.

Очевидно, что государство обязаны принять необходимые законодательные меры для обеспечения жертвам доступа к правосудию и защиты от любого дальнейшего насилия. В дополнение к конкретным средствам правовой защиты, таким как охранные ордера, государство должно также обеспечить наиболее строгую форму юридической ответственности за все формы домашнего насилия и насилия по признаку пола (гендерное насилие). В настоящее время Уголовный кодекс Российской Федерации [1] предусматривает ответственность только за определенные виды телесных повреждений (причинение вреда здоровью). Другие формы насилия, такие как психологическое насилие (регулярные оскорбления, шантаж, унижение) и преследование, не криминализованы. Это противоречит международным стандартам в области прав человека.

Для обеспечения надлежащей защиты жертв от насилия важно, чтобы для всех форм домашнего и гендерного насилия, независимо от их тяжести, были доступны различные административные средства правовой защиты и средства защиты. Это потребовало бы от России также обеспечить явную криминализацию насилия в семье. Примирение не должно применяться ни для прекращения уголовного расследования, ни для лишения жертвы гарантий, предусмотренных законом о насилии в семье. В рамках работы по предотвращению насилия в семье общественные объединения и другие некоммерческие организации имеют право

в соответствии с законопроектом «содействовать примирению лиц, подвергшихся насилию в семье, с виновником» (статья 16 Законопроекта). Хотя прохождение процедуры примирения не является обязательным, учитывая распространенность и характер насилия в семье, это вообще не должно быть вариантом решения проблемы, поскольку эта мера оказывает давление на жертву, а также позволяет виновным продолжать жестокое обращение без какой-либо ответственности.

Хотя введение приказов о чрезвычайной защите (статья 24 Законопроекта) имеет важное значение, поскольку они обеспечивают немедленную защиту жертв, судебные запретительные приказы (статья 25 Законопроекта) могут быть вынесены в отношении правонарушителя только при наличии доказательств того, что у него имеется иное место для проживания. Это ставит права преступника выше права на безопасность жертвы и противоречит международным стандартам в области прав человека. Ответственность за нарушение приказов либо неясна, либо недостаточна. Законопроект за нарушение судебного запрета предусматривает только административную ответственность, и уголовная ответственность за повторное нарушение судебного запрета отсутствует. Таким образом, эта мера не может оказать значительного сдерживающего эффекта.

Использование охранных приказов требует от государств соблюдения баланса между правами жертвы (право на жизнь, право на физическую неприкосновенность, право на частную и семейную жизнь) и правами правонарушителя, которого временно выселяют из его дома (право на частную и семейную жизнь, право на личную собственность). Международная практика и прецедентное право определили несколько стандартов того, как должны осуществляться меры защиты. Во-первых, меры по исправлению положения должны избегать наложения чрезмерного финансового, бюрократического или личного бремени на жертв. Бремя доказывания, требуемое для получения охранных ордера, должно быть «облегчено» в соответствии с антидискриминационными стандартами, которые применяются к делам о семейно-бытовом насилии. По этой причине процедура выдачи охранных ордера обычно регулируется административным законодательством.

Во-вторых, применение охранных ордера должно быть направлено на обеспечение безопасности и личной неприкосновенности женщин и детей, что является основным императивом, обуславливающим характер вводимых им правоограничений. Действие охранных приказов как основания ограничения права собственности, опеки над детьми, права на личное общение и проч. подчиняется необходимости соблюдения этого императива.

В-третьих, правовые гарантии и принцип пропорциональности являются важными компонентами выполнения охранных приказов. Таким образом, механизм судебного приказа должен быть четко прописан в законе, с системой судебного

надзора и защиты прав правонарушителя на надлежащую правовую процедуру. Органы власти, компетентные издавать охранные приказы (например, полиция, прокуроры, судьи), должны пройти специализированную подготовку, которая включает руководство по изданию таких приказов и стандартизированный процесс оценки непосредственных рисков опасности для жертвы, детей или других соответствующих членов семьи.

Действующее российское законодательство не предусматривает механизма выдачи защитных ордеров жертвам домашнего насилия, соответствующего международным стандартам. Жертвы семейно-бытового насилия нуждаются в немедленных мерах, обеспечивающих их безопасность, не требуя от них кардинальных изменений в личной жизни, работе или идентичности. Более того, порог по закону высок – чтобы получить защиту свидетеля, жертва должна представить достаточные доказательства реальной и непосредственной опасности для ее жизни или безопасности, или ее собственности, исключительно в связи с ее участием в уголовном процессе.

В 2018 году в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [2] были внесены поправки, предусматривающие новую меру пресечения – «запрет определенных действий» (статья 105.1). Судья уполномочен налагать определенные обязательства на подозреваемого или обвиняемого. Запрещенные действия могут включать, например, покидание места жительства в определенные часы, посещение определенных мест, участие в определенных мероприятиях; подозреваемый или обвиняемый может быть обязан держаться на определенном расстоянии от некоторых мест или может иметь ограниченное общение либо не общаться с определенными людьми. Эта превентивная мера может теоретически применяться во всех уголовных делах, включая дела частного обвинения. До сих пор не было практики использования судебного усмотрения для ограничения действий лица, совершившего насилие в семье. Кроме того, «запрет определенных действий» является превентивной мерой, которая неприменима вне уголовного судопроизводства [4, с. 201].

Несмотря на то, что преступления выходят за рамки данного законопроекта, в ситуациях домашнего насилия защита жертв и предоставление им поддержки (социальной, психологической и т.д.) особенно важны в период, когда жертвы подают жалобы на правонарушение, а также во время проверки этих заявлений. Законопроект не предусматривает никакой социальной, психологической или иной поддержки жертвы во время подачи иска или в любое время вплоть до судебного заседания. Если вопрос касается административного нарушения, до судебного слушания могут пройти месяцы, и жертвы не защищены в этот опасный период.

Координация вовлеченных учреждений четко очерчена в проекте закона. Необходим целостный подход, ориентированный на интересы жертв, включающий создание комплексных систем на-

правления и межсекторальных скоординированных подходов, которые предполагают сотрудничество между учреждениями внутри секторов и между ними. Хотя программы для правонарушителей, предусмотренные в проекте закона (статья 23 Законопроекта), могут сыграть свою роль, следует приложить больше усилий, в частности, для изменения социальных и культурных моделей, которые оправдывают насилие в отношении женщин, и больше внимания необходимо уделять подходу, ориентированному на потерпевших, и удовлетворению потребностей потерпевших. Насилие в семье связано не с гневом, а с властью и контролем. Таким образом, мероприятия по изменению поведения и государственные кампании по оспариванию вредных гендерных норм в долгосрочной перспективе более эффективны, чем курсы по управлению гневом для преступников.

Меры по ограничению пандемии COVID-19 изменили политический дискурс о насилии в отношении женщин. Уже в апреле 2020 года Организация Объединенных Наций охарактеризовала рост насилия в семье во всем мире как «теневую пандемию» наряду с COVID-19 [8, с. 91]. Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации Т. Москалькова объявила, что число случаев насилия в семье увеличилось как минимум в два раза. Комитет Министерства внутренних дел по предупреждению преступности выпустил специальные инструкции о том, как бороться и предотвращать «преступления в семье», адресованные всем государственным учреждениям 31 марта 2020 г.

Эти меры включали дополнительную поддержку кризисных центров (или, при отсутствии таковых, неправительственных организаций, оказывающих услуги поддержки жертвам домашнего насилия), создание горячих линий и прямой приказ полиции возбудить дело о домашнем насилии в соответствии со статьей 116 Уголовного кодекса Российской Федерации. Тем не менее, такие традиционные способы борьбы с насилием в семье создали основу для управления кризисными ситуациями, которая все еще действует и позволяет создавать новые сети для поддержки жертв насилия в семье. Государственная Дума вернулась к законопроекту о домашнем насилии в мае 2020 года. Однако в ходе этих обсуждений абсолютное большинство депутатов и сенаторов признали важность закона и, в частности, введение охранных ордеров. В совокупности эти правовые изменения проложили путь к повторному внесению в российский парламент закона о предотвращении насилия в семье – и на этот раз возродили надежду на его успех.

В Российской Федерации участковые уполномоченные полиции (далее – участковый) осуществляют полицейскую работу на низовом уровне, наиболее приближенном к населению, из-за чего чаще всего они занимаются делами о домашнем насилии. Участковые не специализируются на работе с домашним насилии, но одной из их конкретных обязанностей является проведение профилакти-

ческой работы с лицами, совершившими правонарушения в семейной сфере [11, с. 52]. Районная полиция уполномочена регистрировать людей, которые считаются нарушителями общественного порядка, в том числе лиц, совершивших акт семейного насилия, в рамках мер профилактического контроля (профилактический учет) в течение одного года. Нарушитель вносится в базу данных, и сотрудник обязан проводить профилактические беседы (профилактическая беседа) с зарегистрированным лицом, контролировать его поведение и контакты, опрашивать его родственников или соседей и применять административные санкции в случае дальнейшего нарушения закона. Если больше не поступает жалоб и сотрудник полиции определяет, что зарегистрированное лицо больше не представляет угрозы, оно удаляется из списка. Если лицо не подчиняется, может быть инициировано уголовное производство.

Эта система характеризуется как профилактическая работа, и основное внимание в действиях полиции уделяется поведению преступника. Нет никаких правил, касающихся того, как полиция должна оценивать безопасность жертвы или управлять ею в контексте случаев семейно-бытового насилия.

Деятельность в этом направлении сталкивается с рядом проблем, включая пробелы в регистрации правонарушений и отсутствие постоянного контакта с лицами, имеющими склонность к домашнему насилию. Одним из основных факторов, способствующих недостаточной активности полицейских в профилактике такого рода насилия, является высокая загрузка сотрудников. Участковые, ответственные за обеспечение общественного порядка и безопасности на своих территориях, зачастую перегружены текущими задачами, что не позволяет уделять достаточное внимание профилактике. Дополнительно проблема усугубляется не всегда четко определёнными приоритетами работы, из-за чего дела, связанные с домашним насилием, могут оставаться в тени более острых и экстренных ситуаций.

Наиболее проблемными, распространенными и в связи с этим приоритетными направлениями деятельности участковых уполномоченных полиции являются предупреждение правонарушений, совершаемых на бытовой почве, в сфере семейно-бытовых отношений, в состоянии опьянения, повторных правонарушений, а также профилактическая работа с лицами, ранее совершавшими правонарушения. Непрерывное выявление лиц, подлежащих постановке на профилактический учет органов внутренних дел Российской Федерации, и проведение с ними индивидуальной профилактической работы является одним из эффективных методов предупреждения тяжких правонарушений. Однако возможности постановки на профучет лиц в большинстве субъектов Российской Федерации используются не в полной мере, что может способствовать совершению ими правонарушений на бытовой почве [5, с. 71].

Повышение осведомленности служит нескольким целям, одной из наиболее важных является развеивание стереотипов и мифов, окружающих сферу семейно-бытового насилия. Здесь под повышением осведомленности понимаются информационные кампании, ориентированные на широкую общественность. Правовую пропаганду следует рассматривать в качестве эффективного административного средства профилактики семейно-бытового насилия. Инициативы по повышению осведомленности проводились на специальной основе как государственными учреждениями, так и, чаще, неправительственными организациями. Например, районные отделения полиции в различных городах России проводили кампании против домашнего насилия или принимали в них участие. Кризисные центры по оказанию помощи женщинам и детям, а также другие государственные учреждения проводят акции в рамках дней активной борьбы против гендерного насилия. Однако нет постоянной поддержки (ни организационной, ни финансовой) для проводимых под руководством правительства кампаний на общенациональной основе.

Оценка риска является важнейшей частью комплексных ответных мер государства. Это тем более важно, когда речь идет о насилии в семье, поскольку преступник и жертва состоят или имели интимные отношения, могут иметь общих детей и, как правило, продолжают жить вместе даже после подачи официальных жалоб или инициирования развода. Существует несколько профессионально проверенных и широко используемых методологий оценки риска, которые сочетают в себе рекомендации и факторы риска (связанные с лицом, совершившим насилие), а иногда также факторы «уязвимости» (связанные с жертвой). Хотя сотрудники правоохранительных органов могут пройти подготовку по общей информации о факторах риска, имеющих отношение к случаям домашнего насилия (например, наличие огнестрельного оружия в доме), или могут полагаться на личный опыт, в России не существует единой методологии оценки риска, используемой правоохранительными органами или другими заинтересованными сторонами. В соответствии с механизмом профилактического контроля, применяемым к правонарушителям, полиция оценивает, продолжает ли зарегистрированное лицо представлять угрозу по прошествии одного года. Однако на практике неясно, какие критерии или руководящие принципы могут быть применены сотрудниками полиции при принятии этого решения, а также то, как они (переоценивают) риск в течение предыдущего года.

Можно сделать вывод, что меры профилактического контроля, используемые полицией, являются средством осуществления надзора за людьми, совершившими правонарушения в семейной сфере. Однако этот механизм односторонен в своем подходе. Оно работает для мониторинга действий правонарушителей, одновременно не предлагая механизма защиты жертв или других людей, подверга-

ющихся риску. Учитывая масштабы бытового насилия в России, крайне важно, чтобы российские законодатели совместно с гражданским обществом приняли комплексные меры по предотвращению бытового насилия, защите жертв и привлечению виновных к ответственности в соответствии с международными стандартами в области прав человека по защите граждан от бытового насилия.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 14.04.2023) // Российская газета. № 82. 17.04.2023.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 14.04.2023) // Российская газета. № 82. 17.04.2023.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 14.04.2023) // Российская газета. № 82. 17.04.2023.
4. Варпаховская Е.М. Насколько в России возможна защита прав жертв домашнего насилия уголовно-процессуальными средствами // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2022. № 2 (22). С. 193–205.
5. Давыдов М.В. Проблемы нормативно-правового характера организации профилактической работы участкового уполномоченного полиции в отношении лиц, допускающих правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9. № 5. С. 68–76.
6. Казун А.П., Карпушкина А.А., Курихина Д.В., Савунова М.С. Бьет – значит любит? Стратегии депроблематизации домашнего насилия в российских СМИ // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 5 (171). С. 149–171.
7. Ладутко В.К. Административная деликтология как основа формирования и совершенствования административно-деликтной политики государства // Право.by. 2022. № 1 (75). С. 40–45.
8. Моисеева И.А. Влияние пандемии Covid-19 на преступность в мире // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 4. Правоведение. 2022. Т. 12. № 2. С. 88–95.
9. Новохатский А.Г., Редкоус В.М. Понятие и правовая основа профилактики административных правонарушений, подведомственных органам государственной безопасности // Закон и право. 2019. № 3. С. 134–137.
10. Павлова Е.В. Профилактическая работа участкового уполномоченного полиции как фактор обеспечения правопорядка // Современный ученый. 2021. № 5. С. 272–276.
11. Фролов А.Н., Соколов Д.В. Тактические особенности деятельности участковых уполномо-

ченных полиции по предупреждению правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2021. № 2 (45). С. 51–58.

LEGAL REGULATION OF PREVENTIVE ACTIVITIES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES IN THE FIELD OF COMBATING DOMESTIC VIOLENCE

Krasnov A.V.

Moscow University of Finance and Law

The problems of administrative and legal counteraction to family and domestic violence are of particular relevance in the light of the attempts made by the legislator to develop and adopt a specialized legal act, the subject of regulation of which are public relations in the designated area. To date, these attempts have not been successful, but the doctrinal controversy on the problem of administrative prevention of domestic violence forces us to revisit this issue. There is a consensus in the legal doctrine regarding the ineffectiveness of the work of law enforcement agencies to combat manifestations of domestic violence. The article raises a number of problems in the legal regulation of this area of preventive activity of internal affairs bodies. Predominantly, the existing problems of law-making and law enforcement in the field of countering domestic violence are associated with the clash of various social interests that require the coordination of individual protection of victims of domestic violence with the need to maintain and strengthen traditional family values. The dominance of a conservative approach to the sphere of family life acts as a factor limiting the ability of internal affairs bodies to invade the sphere of private life. Based on the methodology of formal legal analysis, the article reveals the problematic aspects of the debated draft law on the prevention of domestic violence, as well as specific tools for administrative prevention. The imperfection of the proposed formulations and the legal limits of the use of specific administrative prevention tools is noted. The figure of the district police commissioner stands out as an official who is closest to the population and involved in the process of preventive counteraction to domestic violence. The conclusion is made about the need to improve the organizational and legal tools used by the internal affairs bodies in administrative and preventive work with offenders in the field of domestic violence.

Keywords: domestic violence, victim, preventive work, offense, police officer.

Reference

1. Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of 13.06.1996 (ed. of 14.04.2023) // Rossiyskaya Gazeta. No. 82. 17.04.2023.
2. Criminal Procedure Code of the Russian Federation No. 174-FZ of 18.12.2001 (ed. of 14.04.2023) // Rossiyskaya Gazeta. No. 82. 17.04.2023.
3. The Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of 30.12.2001 No. 195-FZ (ed. of 14.04.2023) // Rossiyskaya Gazeta. No. 82. 17.04.2023.
4. Varpakhovskaya E.M. How possible is it in Russia to protect the rights of victims of domestic violence by criminal procedural means // Criminalistics: yesterday, today, tomorrow. 2022. No. 2 (22). pp. 193–205.
5. Davydov M.V. Problems of the regulatory nature of the organization of preventive work of the district police commissioner in relation to persons committing offenses in the field of family and household relations // Proceedings of the Southwestern State University. Series: History and Law. 2019. Vol. 9. No. 5. pp. 68–76.
6. Kazun A.P., Karpushkina A.A., Kurikhina D.V., Savunova M.S. Beats – does it mean he loves? Strategies of deproblematization of domestic violence in the Russian media // Monitoring of public opinion: economic and social changes. 2022. No. 5 (171). pp. 149–171.
7. Ladutko V.K. Administrative delictology as the basis for the formation and improvement of the administrative-tort policy of the state // Право.by. 2022. No. 1 (75). pp. 40–45.

8. Moiseeva I.A. The impact of the Covid-19 pandemic on crime in the world // Bulletin of the Yanka Kupala Grodno State University. Series 4. Jurisprudence. 2022. Vol. 12. No. 2. pp. 88–95.
9. Novokhatsky A.G., Redkous V.M. The concept and legal basis for the prevention of administrative offenses subordinated to state security agencies // Law and Law. 2019. No. 3. pp. 134–137.
10. Pavlova E.V. Preventive work of the district police commissioner as a factor of law enforcement // A modern scientist. 2021. No. 5. pp. 272–276.
11. Frolov A.N., Sokolov D.V. Tactical features of the activities of district police commissioners for the prevention of offenses in the field of family and household relations // Vector of Science of Togliatti State University. Series: Legal Sciences. 2021. No. 2 (45). pp. 51–58.

Совершенствование правового института главы муниципального образования

Охлопков Георгий Нюргунович,

студент, Институт государственной службы и управления

E-mail: ohlopkov9812@gmail.com

В статье выполняется рассмотрение особенностей в правовом статусе, который имеет глава муниципального образования, спектр его полномочий, закрепленный законодательно. Особое внимание обращается на проблемы, существующие в нормативно-правовом регулировании деятельности главы муниципального образования, предлагаются пути решения казуальных и конфликтных аспектов. Подробно рассматриваются функциональные сущности главы муниципального образования, направления совершенствования и развития его деятельности. Изучаются особенности профессиональных компетенций и должностных качеств лица на должности главы соответствующего муниципального образования. В процессе анализа содержания отдельно взятых норм ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ. предлагаются меры для улучшения качества работы института главы с точки зрения взаимодействия с населением, результативности, принятия нормативных актов и совершения руководящих действий.

Ключевые слова: муниципальное образование, глава, законодательство, должностное лицо, нормативные правовые акты, местное самоуправление.

Введение

Современные тенденции социального и экономического развития общества обусловили коренные изменения на всех уровнях жизни, в частности в области организации и функционирования публичной власти на местном, региональном, федеральном уровнях.

Нормативная правовая база, регулирующая деятельность муниципальной власти, на данном этапе является не до конца сформированной. Вопросы правового статуса главы муниципального образования, его ответственности и полномочий вызывают дискуссии и в настоящее время.

Актуальные проблемы данного института, а также аспекты его совершенствования можно рассматривать в двух направлениях: развитие навыков и компетенций главы муниципального образования в его профессиональной деятельности и улучшение взаимодействия главы муниципального образования с населением.

В правовой науке и литературе сформировалась широкая база исследования, но исследование деятельности, выполняемой институтом главы российского муниципального образования – актуальное, обоснованное в настоящем, поскольку не все положения находят «отклик» в позициях современных ученых-правоведов.

Анализ существующей по данной теме литературы является, формулирование собственных выводов являются шагом к развитию и совершенствованию системы местного самоуправления в практическом, теоретическом аспектах. Основная цель проводимого исследования – изучение проблемных вопросов функционирования исследуемого института, предложение положений, направленных на совершенствование его деятельности, в настоящее время.

Литературный обзор

В процессе работы были использованы труды ряда юристов и ученых-правоведов, среди которых Васильев В.И., Дегтярь Е.В., Пронина Е.Г., Сергеев А.А., Шарафутдинова Э.Р., Шошиш Д.О. Основной источник информации в нормативно-правовой базе – ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» от 06.10.2003 № 131-ФЗ.

Материалы и методы

В большей степени данное исследование построено на применении общенаучных методов исследования, среди которых особое место заняли анализ

и синтез. Для изучения отдельных вопросов использовались сравнительно-правовой метод и метод обобщения.

Результаты

Проанализировав правовое положение, которое имеет в системе власти глава муниципального образования, в системе органов самоуправления местного уровня, изучив ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» от 06.10.2003 № 131-ФЗ, можно сделать выводы:

1. Предлагается дополнить ст. 37 вышеуказанного ФЗ № 131-ФЗ положением по временному исполнению обязанностей главы при длительном временном его отсутствии.
2. Предлагается дополнить ч. 6 ст. 36 ФЗ положением по досрочному прекращению полномочий главы, который был избран из состава действующего представительного органа в соответствии с решением данного представительного органа.
3. Предлагается расширить норму, установленную ч. 36 Федерального закона, включением положения о том, что полномочия его прекращаются при присвоении ему статуса «подозреваемого» по уголовному делу.
4. Важным фактором совершенствования системы местного самоуправления является привлечение населения в процесс развития муниципалитета, поддержание взаимодействия между населением и органами местной власти.
5. Основные проблемы, с которыми сталкивается глава муниципального образования при осуществлении своей деятельности, можно разделить на группы: социальные, экономические, управленческо-организационные.
6. Требования, которые предъявляются к главе российского муниципального образования, подразделяются на группы: профессионализм и компетентность; лидерские качества; этичность и «прозрачность» деятельности.

Обсуждение

По ст. 36 ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» от 06.10.2003 № 131-ФЗ в качестве высшего должностного лица муниципального образования с собственными полномочиями для решения вопросов, обладающих местным значением, которыми наделяется по уставу соответствующего муниципального образования выступает его глава [3].

Ранее, до принятия данного закона, т.е. до реформирования системы самоуправления местного уровня, наблюдалось значительное нарастание власти указанного должностного лица, отвечающего и организующего всю местную власть.

Для проработанного исследования деятельности главы муниципального образования требуется выполнить анализ его полномочий. В ч. 4 ст. 36 говорится, что глава является представителем му-

ниципального образования при взаимодействии с представителями иными муниципальных образований, органов власти, юридических, физических лиц.

Он выполняет действия без договоренности от лица данного образования, подписание, обнародование в законном порядке принятых нормативных актов. Также он издает правовые акты, имеет право требовать созыв внеочередного заседания с участием представительного органа.

Глава обеспечивает выполнение органами самоуправления местного уровня полномочий, чтобы решать местные вопросы, а также отдельные государственные полномочия для органов местного самоуправления федеральными и региональными законами [3].

Противоположные мнения по имеющемуся у главы правовому статусу:

1. Обоснование статуса в виде «титула» без правовых реальных полномочий. А.А. Сергеев указывает, что полномочия определены конкретной должностью, должностью главы местной администрации [5, с. 225]. Данная точка зрения видится довольно противоречивой, поскольку федеральный закон, служащий фундаментом организации местной власти, прямо закрепляет полномочия главы муниципального образования. Законодательное закрепление определяет истинность их практической реализации.
2. разделение полномочий главы на общие и специальные. В соответствии с указанным мнением, в ч. 4 ст. 36 ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» указаны общие полномочия. Полномочия же специального характера зафиксированы в ч. 6 ст. 37 данного федерального закона. Полномочия специального характера отличаются своей исключительностью, то есть никакое другое должностное лицо таких полномочий не имеет.

В соответствии с данной нормой на должность главы администрации местного уровня лицо назначается представительным органом непосредственно из муниципального образования из кандидатов, которые представлены конкурсной комиссией в соответствии с результатами конкурса. Среди таких полномочий можно выделить следующие: право на заключение контракта с главой администрации.

В основу указанного мнения входит то, что глава целого муниципального образования имеет приоритетные полномочия, если сравнивать их с полномочиями иных должностных лиц самоуправления местного уровня.

Отдельная дискуссионная тема – вопрос по досрочному прекращению полномочий главы, исполнению всех его обязанностей. По ч. 6 ст. 36 среди оснований прекращения полномочий, можно выделить следующие: смерть главы, отрешение от должности; удаление в отставку; признание судом ограничено дееспособным или недееспособным или объявление умершим/безвестно отсутствующим; выезд за пределы РФ на ПМЖ; вступление к нему судебного обвинительного приго-

вора; неспособности по состоянию его здоровья выполнять полномочия; преобразование, упразднение муниципального образования; прекращение гражданства РФ или страны-члена международного договора РФ, предоставляющего иностранному гражданину право находиться на данной должности; отзыв избирателями; утрата поселением такого статуса, как: муниципальное образование из-за его объединения с городским округом; рост количества избирателей на 25% и более из-за изменения площади территории или объединения поселения и городского округа [3].

При досрочном прекращении полномочий его полномочия будут исполняться определенный период времени должностным лицом местного самоуправления или депутатом представительного органа соответствующего муниципального образования, которые определяются по уставу данного муниципального образования, что выступает в качестве единственного основания для временного исполнения его обязанностей, что значительно сужает и ограничивает организационную и политическую деятельность всего муниципалитета [7, с. 3].

Постоянное функционирование исследуемого института объединяет, стабилизирует органы местного самоуправления. Требуется увеличить количество оснований непосредственно для временного исполнения всех обязанностей главы, дополнив ч. 7 ст. 36 ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» основанием: длительное отсутствие и невозможность исполнять обязанности.

Срок данного отсутствия может являться единым, либо предусматриваться отдельно в каждом регионе (например, три года) [8, с. 43]. Это позволит обеспечить исполнение обязанностей главы муниципального образования и исключить приостановление осуществления и функционирования местной власти.

В правовой литературе высказывается мнение, согласно которому ч. 7 ст. 36 ФЗ актуальна при избрании главы во время муниципальных выборов по уставу соответствующего муниципального образования. При избрании представительным органом, то досрочное прекращение полномочий не повлечет сложности в избрании новой главы, что наблюдается при реализации муниципальных выборов.

Получается, что первое рациональное, целесообразное нововведение – дополнение данной части положением по временному исполнению обязанностей при длительном отсутствии.

Еще 1 пробел в законодательстве – закрытый список оснований для досрочного прекращения главой исполнять свои полномочия.

Бытует мнение, что указанное решение основано на соображении выполнить обеспечение стабильности персонального состава местных органов самоуправления, желанием предоставить некоторые гарантии должностному лицу вне зависимости от политических обстоятельств [4, с. 55].

В законодательстве не предусмотрены ситуации лишения полномочий главой без его желания, сохранив статус депутата. В данном случае наблюдается нарушение принципа подконтрольности главы представительному органу, что отображено в ч. 5 ст. 36 ФЗ.

А.А. Сергеев указывает о необходимости предоставления представительному органу возможности прекращения всех полномочий главы в досрочном порядке. Более того, он считает, что данный порядок должен являться на столько же простым, что и порядок по его избранию на должность [5, с. 315].

Требуется внести дополнения в ч. 6 ст. 36 ФЗ, выраженные положением по досрочному прекращению полномочий главы, который избирался из представительного органа по решению его.

В.И. Васильев указывает, что ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» закрепляется статус должностного выборного лица самоуправления местного уровня «слишком кратко, лаконично» [1, с. 12], с чем нельзя не согласиться.

Возвращаясь к основаниям досрочного прекращения полномочий главы муниципального образования, особое внимание следует обратить на п. 6 ч. 6 ст. 36 Федерального закона, согласно которому, полномочия главы муниципального образования прекращаются досрочно «при вступлении в отношении его в законную силу обвинительного приговора суда».

Считаем, что указанное основание является слишком узким, поскольку не всегда следствие по уголовному делу заканчивается обвинительным приговором.

Порой, дело закрывают, например, ввиду недостаточности доказательств, но это совсем не говорит о «невиновности» лица. Данную норму можно расширить путем включения положения о том, что полномочия главы муниципального образования также прекращаются в случае присвоения ему статуса «подозреваемого» по уголовному делу.

На первый взгляд, может показаться, что указанное предложение противоречит установленной в области права презумпции невиновности. Но здесь речь идет о должностном лице, от деятельности которого зависит функционирование и развитие муниципалитета. Возможность «перестраховаться» служит дополнительной гарантией порядочности и прозрачности осуществления местной власти.

Среди полномочий главы муниципального образования предусмотрено издание правовых актов в пределах его полномочий.

Установленная ст. 74 изучаемого Федерального закона норма предусматривает основания ответственности главы муниципального образования, среди которых есть следующее положение: «издание указанным должностным лицом местного самоуправления нормативного правового акта, противоречащего Конституции Российской Федерации, федеральным конституционным законам,

федеральным законам, конституции (уставу), закону субъекта Российской Федерации, уставу муниципального образования, если такие противоречия установления соответствующим судом, а это должностное лицо в течение двух месяцев со дня вступления в силу решения суда либо в течение иного предусмотренного решением суда срока не приняло в пределах своих полномочий мер по исполнению решения суда».

Данная норма не содержит положения об ответственности за регулярное издание незаконных нормативных актов, которые впоследствии было своевременно отменены. Считаю целесообразным внести дополнение о прекращении полномочий главы муниципального образования в случае регулярного издания подобных нормативных правовых актов. «Регулярность» может быть различной.

Объективной и рациональной цифрой, на наш взгляд, является издание противоречащих установленному законодательству нормативных правовых актов более трех раз.

Должность главы муниципального образования во всей структуре местного самоуправления занимает немаловажное место.

Глава муниципального образования организует и координирует деятельность всех структурных подразделений органов местного самоуправления, принимает решения по регулированию вопросов местного значения, представляет муниципалитет на федеральной «арене».

Органы и должностные лица местного самоуправления несут перед населением ответственность за принимаемые решения и издаваемые нормативные правовые акты [2, с. 244]. Важным фактором совершенствования системы местного самоуправления является привлечение населения в процесс развития муниципалитета, поддержание взаимодействия между населением и органами местной власти.

В этой связи могут быть практически реализованы некоторые предлагаемые положения:

1. Опубликование на всех информационных ресурсах сведений о ближайших заседаниях представительного органа с указанием места и времени его проведения, а также тематики «собраний». Это позволит гражданам муниципалитета быть ближе к деятельности, осуществляемой органами местного самоуправления, а, значит, закрепит в их правовом сознании положение о доступности информации, касающейся руководства и управления муниципалитетом.
2. Формирование ежегодного отчета о проделанной работе, с подробным изложением всех принимаемых в течение установленного периода изменений, с указанием причины таких изменений и их целевого назначения.
3. Рассмотрение обращений граждан, содержащих замечания, жалобы и предложения касательно деятельности главы муниципального

образования и органов местного самоуправления в целом.

4. Взаимодействие с общественными группами и общественными объединениями, а также органами территориального общественного самоуправления, заинтересованными в совершенствовании деятельности муниципального образования.
5. Проведение встреч с представителями органов территориального общественного самоуправления.
6. Ознакомление населения муниципалитета с содержанием устава муниципального образования.
7. Организация общественных приемных при муниципалитете для оказания бесплатной юридической помощи населению по вопросам местного значения, разъяснения положений уставов муниципальных образований и принимаемых в области организации деятельности местного самоуправления нормативных правовых актов.
8. Регулярное ведение сайта муниципального образования с постоянным обновлением актуальных сведений, онлайн-записью на прием в администрацию муниципального образования; «живой» чат для общения с населением.

Указанные выше меры позволят увеличить доступность, «прозрачность» деятельности органов местного самоуправления, в т.ч. главы муниципального образования. Они повысят уровень эффективности взаимодействия муниципального образования и населения.

Основные проблемы, с которыми сталкивается глава муниципального образования при осуществлении своей деятельности, можно разделить на группы: социальные, экономические, управленческо-организационные.

Социальные проблемы, прежде всего, связаны с развитием социально-культурной жизни населения муниципального образования. Безработица, низкий уровень жизни, социальная дифференция – вопросы, которые каждодневно нужно решать главе муниципального образования при осуществлении своих полномочий.

Для решения вышеуказанных проблем предлагаются следующие меры: разработка и реализация программ социальной поддержки малоимущих граждан и слоев населения; улучшение качества жизни населения; создание новых рабочих мест.

Экономические проблемы связаны, прежде всего, с финансовыми ограничениями на ведение деятельности. Местный бюджет имеет определенные ограничения, в связи с чем финансирование отдельных проектов и их реализация кажутся затруднительными.

Решить экономические проблемы помогут следующие меры: рациональное и целесообразное распределение имеющихся денежных ресурсов; поиск дополнительных источников финансирования деятельности муниципального образования, в частности источников инвестирования.

Управленческо-организационные проблемы можно рассматриваться с двух позиций.

Во-первых, это проблемы непосредственно управленческой деятельности, такие как коррупция, взяточничество, бюрократия, «сватовство». В одиночку главе муниципального образования справиться с такими негативными явлениями не под силу.

Только командная честная и «прозрачная» работа всей структуры органов местного самоуправления поможет снизить процент существования бюрократии в муниципальных образованиях и, в итоге, искоренить ее навсегда.

Во-вторых, это проблемы организации «жизни» муниципалитета. Например, экологические. Загрязнение воздуха, водного и воздушного пространства не должны оставаться незамеченными главой муниципального образования и его командой.

Для решения экологических проблем можно реализовывать программы по созданию очистных сооружений, сотрудничать с местными экологическими организациями. Будучи заинтересованным в проблемах муниципалитета, глава муниципального образования располагает к себе население [6]. Помимо экологических сюда можно отнести и проблемы инфраструктуры: плохое состояние дорог, пробки, недостаток общественного транспорта и т.д. Обеспечение удобства и безопасности жизни населения является одной из функций главы муниципального образования и достигается, в том числе, путем разработки и реализации планов развития инфраструктуры муниципального образования.

Спектр проблем, с которыми сталкивается глава муниципального образования в процессе осуществления своей деятельности, достаточно широк и разнообразен, но профессиональный подход и разработка мер по улучшению функционирования всей внутренней системы муниципалитета смогут помочь в их решении.

Современный уровень развития органов местного самоуправления диктует свои требования, которые предъявляются к главе. Подразумеваются его профессионализм, компетентность в области государственного и муниципального управления. Сюда входят и хорошая теоретическая база, и знание законодательства, умение его толковать и применять на практике, и осведомленность о проблемных аспектах развития своего муниципального образования.

Следующим «компонентом» требований к главе муниципального образования является его лидерские качества.

Речь идет о желании и способности «управлять» немаленьким количеством людей, принимать важные стратегические решения, касающиеся вопросов развития муниципалитета и жизни населения, выстраивать взаимодействие с гражданами на доверительной и честной основе.

Другой стороной личных качеств главы муниципального образования, безусловно, выступа-

ют честность и этичность. Соблюдение принципа «прозрачности» при принятии управленческих и организационных решений, при общении с населением позволят главе муниципального образования укрепить свой статус не только на политическом уровне, но и на социальном, построенном на доверии общества.

Заключение

Правовой и политической статус главы муниципального образования обуславливает высокий спрос по стороны вышестоящих органов власти, населения, которое проживает на территории муниципального образования.

Процесс по формированию организационной оптимальной структуры органа управления данным муниципальным образованием, структурированность деятельности главы муниципального образования, «прозрачность», четкость и справедливость в принятии решение, поддержание взаимодействия с населением смогут повысить качество деятельности главы муниципального образования и увеличить эффективность такой деятельности.

Литература

1. Васильев В.И. О некоторых приоритетах правового регулирования местного самоуправления//Журнал российского права. – 2016. – № 3. – С. 5–18. Текст: электронный. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-prioritetah-pravovogo-regulirovaniya-mestnogo-samoupravleniya/viewer> (дата обращения: 22.01.2024).
2. Дегтярь Е.В. Совершенствование деятельности главы муниципального образования//Молодой ученый. – 2022. – № 43 (438). – С. 244–246. Текст: электронный. URL: <https://moluch.ru/archive/438/95727/> (дата обращения: 23.01.2024).
3. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 25.12.2023)//СПС «КонсультантПлюс». Текст: электронный. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения: 22.01.2024).
4. Пронина Е.Г. Правовой статус главы местного самоуправления//Магистерская диссертация. – Тольятти. – 2017. – 99 с. Текст: непосредственный.
5. Сергеев А.А. Местное самоуправление в Российской Федерации: проблемы правового регулирования. учебник. М.: Проспект. – 2014. 432 с. Текст: электронный. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002950800> (дата обращения: 22.01.2024).
6. Совершенствование деятельности главы муниципального образования. Текст: электронный. URL: https://spravochnick.ru/gosudarstvennoe_i_municipalnoe_upravlenie/sovershenstvo

vanie_deyatelnosti_glavy_municipalnogo_obrazovaniya/ (дата обращения: 23.01.2024).

7. Шарафутдинова Э.Р. Проблемы правового статуса главы муниципального образования// Научно-практический электронный журнал «Аллея Науки». – 2017. – № 16. – С. 1–6. Текст: электронный. URL: https://www.e-notabene.ru/ammag/article_21530.html (дата обращения: 23.01.2024).
8. Шошин Д.О. Правовые основы деятельности и ответственности главы муниципального образования: современное состояние, проблемы и перспективы совершенствования//Вестник Пензенского государственного университета. – 2021. – № 1. – С. 42–45. Текст: электронный. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osnovy-deyatelnosti-i-otvetstvennosti-glavy-munitsipalnogo-obrazovaniya-sovremennoe-sostoyanie-problemy-i-perspektivy> (дата обращения: 22.01.2024).

IMPROVING THE LEGAL INSTITUTION OF THE HEAD OF A MUNICIPAL ENTITY

Okhlopov G.N.

Institute of Public Service and Management

This article examines the peculiarities in the legal status that the head of a municipality has, the range of his powers, fixed by law. Special attention is paid to the problems existing in the regulatory and legal regulation of the activities of the head of the municipality, and ways to solve casual and conflict aspects are proposed. The functional essence of the head of the municipality, the directions of improvement and development of its activities are considered in detail. The features of professional competencies and official qualities of a person in the position of the head of the relevant municipality are studied. In the process of analyzing the content of individual norms of the Federal Law "On General Principles of the organization of local Self-government in the Russian Federation" dated 06.10.2003 No. 131-FZ. Measures are proposed to improve the

quality of the work of the Institute of the head in terms of interaction with the population, effectiveness, adoption of regulations and implementation of leadership actions.

Keywords: municipality, head, legislation, official, regulatory legal acts, local government

References

1. Vasiliev V.I. On some priorities of legal regulation of local self-government//Journal of Russian Law. – 2016. – No. 3. – P. 5–18. Text: electronic. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-prioritetah-pravovogo-regulirovaniya-mestnogo-samoupravleniya/viewer> (access date: 01/22/2024).
2. Degtyar E.V. Improving the activities of the head of a municipality//Young scientist. – 2022. – No. 43 (438). – pp. 244–246. Text: electronic. URL: <https://moluch.ru/archive/438/95727/> (date of access: 01/23/2024).
3. On the general principles of organizing local self-government in the Russian Federation: Federal Law dated October 6, 2003 No. 131-FZ (as amended on December 25, 2023) // SPS "ConsultantPlus". Text: electronic. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (date of access: 01/22/2024).
4. Pronina E.G. Legal status of the head of local government//Master's thesis. – Tolyatti. – 2017. – 99 p. Text: direct.
5. Sergeev A.A. Local self-government in the Russian Federation: problems of legal regulation. textbook. M.: Prospekt. – 2014. 432 p. Text: electronic. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002950800> (access date: 01/22/2024).
6. Improving the activities of the head of the municipality. Text: electronic. URL: https://spravochnick.ru/gosudarstvennoe_i_municipalnoe_upravlenie/sovershenstvovanie_deyatelnosti_glavy_municipalnogo_obrazovaniya/ (access date: 01/23/2024).
7. Sharafutdinova E.R. Problems of the legal status of the head of a municipality//Scientific and practical electronic journal "Alley of Science". – 2017. – No. 16. – P. 1–6. Text: electronic. URL: https://www.e-notabene.ru/ammag/article_21530.html (access date: 01/23/2024).
8. Shoshin D.O. Legal basis for the activities and responsibilities of the head of a municipality: current state, problems and prospects for improvement // Bulletin of Penza State University. – 2021. – No. 1. – P. 42–45. Text: electronic. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osnovy-deyatelnosti-i-otvetstvennosti-glavy-munitsipalnogo-obrazovaniya-sovremennoe-sostoyanie-problemy-i-perspektivy> (date of access: 01/22/2024).

Правовое регулирование реализации государственных программ: аспекты поддержки малого бизнеса

Парфенцев Константин Алексеевич,

аспирант, ФГАОУ ВО «Московский Государственный Юридический Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
E-mail: costasparfen@mail.ru

В статье рассматривается юридическая сущность государственных программ с точки зрения их соответствия критериям нормативности и их роль в системе государственной поддержки малого предпринимательства. Авторы анализируют дефиниции и структуру нормы права, основываясь на трактовках известных юристов и официальных разъяснений Верховного Суда РФ. Особое внимание уделяется обсуждению статуса федеральных целевых программ, их правовой природы и места в иерархии нормативных документов. Приводится мнение исследователей о значимости таких программ в контексте государственного управления и правоприменительной практики. Также рассматривается вопрос о правах и обязанностях, установленных через нормативно-правовые акты, на примере закона о развитии малого и среднего предпринимательства.

Ключевые слова: нормативные правовые акты, норма права, государственная программа, юридическая сущность, государственное управление, правоприменительная практика, права и обязанности, малое и среднее предпринимательство, Верховный Суд РФ.

В последние годы вопрос поддержки малого предпринимательства приобретает особую актуальность, особенно на фоне глобальных вызовов, таких как экономические санкции и необходимость цифровизации. Государственные программы, одобренные и принимаемые Правительством Российской Федерации, играют ключевую роль в стимулировании развития данного сектора экономики. Такие программы не только определяют направления поддержки, но и устанавливают конкретные инструменты и условия для предпринимателей, способствуя росту и инновационному развитию их бизнеса. В этой связи, рассмотрение принципов создания, юридической природы и практического воздействия государственных программ на малый и средний бизнес становится важным аспектом анализа современной экономической политики России.

Дебаты о юридической сущности государственных программ ведутся в академическом сообществе уже многие годы, и до настоящего времени юристы не достигли консенсуса касательно трактовки этих документов: рассматривать ли их как основания права или как инструкции для применения законодательных положений.

В этом контексте некоторые авторы категорически заявляют о том, что такие государственные программы имеют статус нормативных документов [22]. С этой позицией согласна Т.Н. Бициева, считающая, что, хотя федеральные программы и обладают меньшей юридической мощью по сравнению с другими правовыми актами, в контексте реформирования и улучшения государственного управления они приобретают значительную правовую весомость. Их положения носят обязательный характер, поскольку они основываются на законодательстве; программа, разработанная как методика реализации закона, фактически является его расширением [18].

Существует и противоположная точка зрения, которая утверждает, что различные программы (целевые, правовые, политические) не могут рассматриваться как источники права. Вместо этого, они рассматриваются как уникальная, «необычная» форма правового регулирования, способная трансформировать нормативно-правовой акт из фазы регулирования и установления в фазу непосредственного выполнения. В содержании программного документа находит своё отражение уровень карательного потенциала нормативно-правового акта. Эту позицию разделяет большинство теоретиков и практиков в области права [20].

Разногласия в подходах к определению возникают из-за отсутствия универсального и признан-

ного всех определения «нормативного правового акта» как в юридической науке, так и в законодательной практике. Это понятие трактуется как комплекс правовых норм, сгруппированных для управления определенной сферой деятельности и ее участниками. В юридической науке предлагаются как лаконичные, так и подробные характеристики правовой нормы, при этом ни одно из предложенных определений не является абсолютным. В качестве примера, С.С. Алексеев в своем труде описывает правовые нормы как обязательные к исполнению правила поведения, обеспеченные поддержкой государства [17].

Большинство ученых сходятся во мнении, что норма права является универсальным правилом поведения, обязательным для всех [19].

В юридической теории преобладает взгляд на норму права как на правило, обладающее определенной структурой и состоящее из трех частей: условия применения (гипотезы), указания на действие или бездействие (диспозиции) и предусмотренной реакции на нарушение (санкции). В.С. Нерсисянц, анализируя структуру правила поведения, предложил детализированное определение, согласно которому норма права определяется как регулятивное правило, устанавливающее порядок в общественных отношениях, где участники при определенных условиях и обстоятельствах (гипотеза) обладают правами и несут обязанности (диспозиция), а их нарушение влечет за собой определенные отрицательные последствия [23].

В контексте вышеупомянутых трактовок нормы права, одно из наиболее авторитетных и широко признанных объяснений, касающихся сущности нормативного правового акта, было предоставлено Пленумом Верховного Суда Российской Федерации в 2003 году. Согласно этому объяснению, нормативный правовой акт представляет собой документ, выпущенный уполномоченным государственным органом в соответствии с законодательно установленными процедурами, который содержит правила поведения или правовые нормы. Эти правила или нормы являются обязательными к исполнению для всех, на кого они распространяются, и предназначены для многократного применения, независимо от того, прекратились ли регулируемые ими правоотношения [10]. Данное определение выделяет пять ключевых аспектов, и для понимания юридической сущности какой-либо государственной программы необходимо анализировать её в контексте этих аспектов.

Прежде всего, каждый юридический источник создается уполномоченной на то инстанцией и имеет определенную предписанную форму. В рамках своих полномочий и в соответствии с установленной областью ответственности, Правительство Российской Федерации не выпускает государственные программы напрямую, а скорее принимает решения о их одобрении [16]. К примеру, в целях поддержания малого и среднего бизнеса была одобрена программа под названием «Эко-

номическое развитие и инновационная экономика» [5].

Во-вторых, законодательный акт устанавливает юридические нормы, которым должны следовать субъекты, адаптируя своё поведение к их положениям. Относительно государственной программы, она не устанавливает обязательные к исполнению правила и не наделяет субъекты каким-либо юридическим статусом [15]. Полагаем, что Постановление Правительство, утверждающее программу субсидий, обеспечивает возможность для предпринимателей малого и среднего бизнеса получить необходимую поддержку, однако сама Программа не включает юридические нормы, она лишь способствует реализации этих норм, предусматривая соответствующие меры [9].

В-третьих, в процессе осуществления действий, предусмотренных государственной программой, складываются определённые юридические отношения, в рамках которых участники наделяются правами и обязанностями. Тем не менее, программа носит единичный характер, поскольку после истечения срока её действия или достижения поставленных целей, предпринятые меры не повторяются.

В-четвертых, через нормативно-правовые акты устанавливаются права и обязанности, что позволяет лицам участвовать в юридических отношениях [16]. Например, в соответствии с Федеральным законом «О развитии малого и среднего предпринимательства» предприниматель, отвечающий установленным критериям, получает право на государственную поддержку [2].

Обращение предпринимателя в государственные структуры за поддержкой не предоставляет ему никаких дополнительных прав или особенностей, а скорее активизирует уже существующие права, закрепленные законом. Следовательно, данная программа не является нормативно-правовым документом, а скорее демонстрирует практику применения законодательства, направленного на стимулирование развития малого предпринимательства в определенном регионе.

В-пятых, законодательные акты содержат требования, обязательные для всех без исключения. В то же время, государственные программы направлены на конкретные категории лиц. Однако, если лица, задействованные в реализации определённых мер, действуют недобросовестно, они могут быть подвергнуты юридической ответственности не на основании самой программы, а согласно специфическим законодательным нормам [14]. Кроме того, закон не предусматривает ответственность за задержки или неполное исполнение программы, таким образом, обязательность выполнения законодательных актов поддерживается государственной мощью, в то время как выполнение программных требований не имеет под собой никакой принудительной основы. Следовательно, в случае нецелевого использования выделенных на реализацию программы средств, ответственность будет наступать не из-за нарушения усло-

вий программы, а в соответствии с нормами уголовного права

Позиции Конституционного Суда России уточняют, что государственные программы не обладают свойствами нормативных документов и не имеют обязательного характера. В качестве примера можно привести случай, когда Правительством Удмуртии была одобрена инициатива по поддержке малого и среднего бизнеса [11], включая предоставление субсидий для достижения цели производства одного миллиона тонн молока в регионе. Галина Васильевна Белозерова, занимающаяся предпринимательством, обратилась за субсидией в соответствии с условиями программы, но получила отказ, несмотря на соответствие всем требованиям. Обращение Белозеровой в Конституционный Суд РФ с целью защиты своих конституционных прав привело к разъяснению, что государственная программа не носит характера нормативного акта, следовательно, соответствие её условиям не предоставляет автоматического права на получение субсидии [12]. Конституционный Суд также отметил, что его компетенция не включает рассмотрение жалоб, связанных с программами, утвержденными не в форме нормативных правовых актов, поскольку такие программы не подлежат проверке на соответствие Конституции РФ. В итоге жалоба Белозеровой была оставлена без рассмотрения, поскольку документ, на который она ссылалась, не является нормативным актом, а соответственно и не подлежит оценке Конституционным Судом РФ на предмет соответствия Конституции [25].

В контексте разработки государственных программ по стимулированию развития малого предпринимательства на 2022 год, стоит отметить, что информация о данных инициативах стала доступна за несколько месяцев до момента обострения международных отношений, что последовало за введением экономических санкций против Российской Федерации [8]. В рамках анонсированных мероприятий, основываясь на глобальной тенденции к цифровизации экономических процессов, правительство представило план по созданию цифровой платформы для малого и среднего бизнеса, предусматривающей возможность дистанционного получения поддержки предпринимателями. На начальном этапе ознакомления с государственными программами в январе был выявлен обширный комплекс мер, ориентированный как на поддержку начинающих, так и на содействие развитию уже функционирующих предприятий с установленной бизнес-стратегией.

Утверждать о полной дестабилизации государственных программ, принятых в январе 2022 года, в результате событий, произошедших в конце февраля того же года, было бы некорректно. Несмотря на введение санкций, данные программы сохраняют свою актуальность и будут продолжать функционировать. В дополнение к этому, в свете предстоящего кризиса, государственные органы предпримут

экстренные меры для поддержания и стимулирования развития предпринимательской деятельности.

В марте 2022 года были экстренно разработаны и реализованы меры по поддержке предпринимательской сферы, затрагивающие информационные технологии [3], механизмы компенсации затрат для бизнеса [24], предоставление кредитных отсрочек [4], а также корректировки в правовом регулировании, касающиеся инициации уголовных дел по налоговым нарушениям [1]. Дополнительно, были внесены изменения в сферу инноваций [7] грантовой поддержки [6], расширяя уже существующий массив мер стимулирования экономической активности. Это подчеркивает стремление государства не оставлять экономику страны без поддержки в условиях санкционного давления, а активно вмешиваться, предотвращая негативные последствия для бизнес-сектора.

Заранее принимаемые меры государственной поддержки свидетельствуют о осознании властями потенциальных рисков, связанных с введением санкций и возможного ущерба для предпринимательской деятельности, что подталкивает к разработке стратегий антикризисного управления.

В дополнение к этому, были скорректированы стратегические планы, представленные в январе 2022 года, включая проект «Цифровая платформа МОП». Изначально запланированный к запуску в начале февраля текущего года и предполагаемый к тестированию до 2025 года, проект претерпел изменения, касающиеся определения юридических статусов субъектов хозяйствования, что расширяет возможности для включения юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в систему мероприятий по поддержке.

Цифровая платформа МОП представляет собой ключевое инновационное решение в сфере поддержки предпринимательской деятельности в Российской Федерации на текущем этапе. Этот проект направлен на оптимизацию процессов создания, управления и развития бизнес-структур, предусматривая интеграцию множества сервисов – от банковских услуг до ресурсов, предоставляемых федеральными министерствами – в единую информационно-сервисную экосистему. Это позволит предпринимателям получать необходимую поддержку и информацию в режиме онлайн. К 2024 году предполагается включение в платформу свыше двадцати различных сервисов. Ключевой особенностью системы является использование цифровых технологий для точечного подбора и автоматизированного предоставления мер поддержки, включая услуги, требуемые на всех этапах развития бизнеса, без необходимости личного визита предпринимателей.

Оказание государственной помощи предпринимательскому сектору, включая малый бизнес, начинающих и опытных предпринимателей, а также самозанятых лиц и индивидуальных предпринимателей, играет фундаментальную роль в экономической системе Российской Федерации. Это способствует будущему развитию и инновацион-

ному обновлению рынка за счет внедрения новых идей, которые могут быть реализованы при активной поддержке государства. Позитивно отмечается осознание властью значимости адаптации к изменяющимся условиям как в стандартной, так и в кризисной экономической ситуации. Важность оказания не только финансовой поддержки, но и упрощения бюрократических процедур, стимулирования развития, предоставления правовой помощи, а также содействия со стороны банковских учреждений, которые должны предлагать более прозрачные условия сотрудничества и активно участвовать в предотвращении банкротства предпринимательских структур, является критически важным.

Подводя итоги настоящего исследования, необходимо подчеркнуть важность понимания юридической природы нормативных правовых актов и их влияния на государственное управление и правоприменительную практику, особенно в контексте поддержки малого бизнеса. Как было выявлено, государственные программы играют ключевую роль в обеспечении правовой поддержки предпринимательской деятельности, однако их юридический статус требует детального анализа. Несмотря на то, что некоторые из этих программ могут не иметь статуса нормативных правовых актов и, следовательно, не подлежат оценке на соответствие Конституции РФ, они оказывают значительное воздействие на развитие предпринимательской сферы.

Важно отметить, что для эффективного регулирования и поддержки малого бизнеса необходимо учитывать юридическую сущность государственных программ и их соответствие общим правовым принципам и нормам, установленным в Конституции РФ и других нормативных правовых актах. Это требует от государственных органов активного использования нормативных правовых актов в качестве инструментов для создания благоприятных условий для развития предпринимательства, а также прозрачности и доступности таких программ для бизнес-сообщества.

В целом, полагаем целесообразным сделать вывод о необходимости дальнейшего изучения вопросов, связанных с юридической сущностью государственных программ и их роли в системе правового регулирования поддержки малого и среднего предпринимательства. Это позволит повысить эффективность государственного управления в этой области и способствовать созданию благоприятного правового и экономического климата для развития предпринимательства в России.

Литература

1. Федеральный закон от 09.03.2022 N 51-ФЗ «О внесении изменений в статьи 140 и 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (дата обращения: 10.02.2024).
2. Федеральный закон от 24 июля 2007 г. N 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (в ред. Федерального закона от 4 ноября 2022 г. N 418-ФЗ) // СЗ РФ. 2007. N 31. Ст. 4006.
3. Указ Президента РФ от 02.03.2022 N 83 (ред. от 04.09.2023) «О мерах по обеспечению ускоренного развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации». Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (дата обращения: 10.02.2024).
4. Постановление Правительства РФ от 03.03.2022 N 280 (ред. от 25.11.2023) «О внесении изменений в Правила предоставления из федерального бюджета субсидий российским кредитным организациям, международным финансовым организациям и государственной корпорации развития «ВЭБ.РФ» на возмещение недополученных ими доходов по кредитам, выданным сельскохозяйственным товаропроизводителям (за исключением сельскохозяйственных кредитных потребительских кооперативов), организациям и индивидуальным предпринимателям, осуществляющим производство, первичную и (или) последующую (промышленную) переработку сельскохозяйственной продукции и ее реализацию, по льготной ставке». Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (дата обращения: 10.02.2024).
5. Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. N 316 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика» (в ред. Постановлений Правительства РФ от 24.12.2021 N 2433, 2445, 2453) // СЗ РФ. 2014. N 18 (ч. II). Ст. 2162.
6. Постановление Правительства РФ от 18.02.2022 N 205 «О внесении изменений в Правила предоставления грантов в форме субсидий из федерального бюджета на реализацию комплексных научно-технических проектов в агропромышленном комплексе». Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (дата обращения: 10.02.2024).
7. Постановление Правительства РФ от 18.02.2022 N 207 «О внесении изменений в перечень научных исследований и опытно-конструкторских разработок, расходы налогоплательщика на которые в соответствии с пунктом 7 статьи 262 части второй Налогового кодекса Российской Федерации включаются в состав прочих расходов в размере фактических затрат с коэффициентом 1,5». Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (дата обращения: 10.02.2024).
8. Постановление Правительства РФ от 21.12.2021 N 2371 (ред. от 14.10.2023) «О проведении эксперимента по цифровой трансформации предоставления услуг, мер поддержки и сервисов в целях развития малого и среднего предпринимательства» (вме-

- сте с «Положением о проведении эксперимента по цифровой трансформации предоставления услуг, мер поддержки и сервисов в целях развития малого и среднего предпринимательства»). Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (дата обращения: 10.02.2024).
9. Постановление Правительства РФ от 26.04.2019 N 503 (ред. от 05.03.2021) «Об утверждении Правил предоставления организациям субсидий из федерального бюджета на государственную поддержку малого и среднего предпринимательства в субъектах Российской Федерации». Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» Решение Арбитражного суда Костромской области от 17 июня 2022 г. по делу N А31–28/2022. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 29.12.2022).
  10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 января 2003 г. N 2 «О некоторых вопросах, возникших в связи с принятием и введением в действие Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» (в ред. Постановления Пленума ВС РФ от 10.02.2009 N 2) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. N 3.
  11. Постановление Правительства Красноярского края «О внесении изменений в постановление Правительства Красноярского края от 30 сентября 2013 г. N 505-п «Об утверждении государственной программы Красноярского края «Развитие инвестиционной деятельности, малого и среднего предпринимательства». URL: <http://zakon.krskstate.ru/0/doc/80052> (дата обращения: 29.12.2022).
  12. Постановление Коллегии Администрации Кемеровской области от 1 октября 2013 г. N 413 «Об утверждении Государственной программы Кемеровской области – Кузбасса «Развитие субъектов малого и среднего предпринимательства Кемеровской области – Кузбасса» на 2014–2025 годы. URL: <https://docs.cntd.ru/document/412806304?marker> (дата обращения: 30.12.2022).
  13. Определение Конституционного Суда РФ от 23 июня 2022 г. N 1479-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Белозеровой Галины Васильевны на нарушение ее конституционных прав подпунктом 2 пункта 9 Положения о предоставлении субсидий на реализацию мероприятий по достижению производства одного миллиона тонн молока в Удмуртской Республике». URL: www.ksrf.ru (дата обращения: 25.09.2022).
  14. Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 10 июня 2022 г. по делу N А12–10645/2021. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 29.12.2022).
  15. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 17 июня 2022 г. по делу N А55–7749/2021. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 29.12.2022).
  16. Решение Арбитражного суда Республики Калмыкия от 4 июля 2022 г. по делу N А22–635/2022. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 29.12.2022).
  17. Алексеев С.С. Теория государства и права. М.: Норма, 2004. 283 с.
  18. Бициева Т.Н. Концепция проекта федерального закона: общетеоретический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2011. 9 с.
  19. Бошно С.В. Норма права: понятия, свойства, классификация и структура // Право и современные государства. 2014. No4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/norma-prava-ponyatiya-svoystva-klassifikatsiya-i-struktura> (дата обращения: 10.02.2024).
  20. Герасимова И.В. Разработка документов стратегического планирования на примере государственных программ Российской Федерации // Миграция и международные отношения в современной России: сб. материалов Международной научно-практической конференции. М.: Литера, 2018. С. 109.
  21. Ефимов А.Л. Программные документы и их роль в формировании российского законодательства // Пробелы в российском законодательстве. 2011. No3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/programmnye-dokumenty-i-ih-rol-v-formirovanii-rossiyskogo-zakonodatelstva> (дата обращения: 10.02.2024).
  22. Котелевская И.В., Тихомиров Ю.А. Правовые акты: учеб.-практ. и справоч. пособие. М.: Юринформцентр, 1999. 361 с.
  23. Нерсисянц В.С. Общая теория права и государства: учеб. для вузов. М.: Норма, Инфра-М, 1999. 552 с.
  24. Правительство выделяет 500 млн рублей на продление программы компенсации расходов бизнеса по использованию СБП. URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2022/03/03/pravitelstvo-videlyaet500-mln-rublei-na-prodlenie-programmi-kompensatsii-rashodov-biznesa-po-ispolzovaniyu-sbp.
  25. Сравнительный анализ региональных программ поддержки малого и среднего бизнеса в Сибирском федеральном округе. URL: <https://vael.ru/en/article/view?id=2540> (дата обращения: 29.12.2022).

LEGAL REGULATION OF THE IMPLEMENTATION OF GOVERNMENT PROGRAMS: ASPECTS OF SMALL BUSINESS SUPPORT

Parfentsev K.A.

Moscow State Law University named after O.E. Kutafina (MSAL)

This article examines the legal nature of regulatory legal acts and their role in the system of public administration. The authors analyze the definitions and structure of the legal norm, based on the interpretations of famous jurists and official clarifications of the Supreme Court of the Russian Federation. Particular attention is paid to discussing the status of federal target programs, their legal nature and place in the hierarchy of regulatory documents. The views of researchers on the importance of such programs in the context of public administration and law enforcement practice are presented. The issue of rights and obligations established through regulatory legal acts is also considered using the example of the law on the development of small and medium enterprises.

Keywords: regulatory legal acts, legal norm, state program, legal essence, public administration, law enforcement practice, rights and obligations, small and medium enterprises, Supreme Court of the Russian Federation.

References

1. Federal Law of March 09, 2022 N 51-FZ «On Amendments to Articles 140 and 144 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation». Access: SPS «Consultant Plus Prof» (access date: 02/10/2024).
2. Federal Law of July 24, 2007 N 209-FZ «On the development of small and medium-sized businesses in the Russian Federation (as amended by Federal Law of November 4, 2022 N 418-FZ) // SZ RF. 2007. N 31. Art. 4006.
3. Decree of the President of the Russian Federation dated 03/02/2022 N 83 (as amended on 09/04/2023) «On measures to ensure the accelerated development of the information technology industry in the Russian Federation». Access: SPS «Consultant Plus Prof» (access date: 02/10/2024).
4. Decree of the Government of the Russian Federation dated 03.03.2022 N 280 (as amended on 25.11.2023) «On amendments to the Rules for the provision of subsidies from the federal budget to Russian credit institutions, international financial organizations and the state development corporation «VEB.RF» to compensate for what they have lost income on loans issued to agricultural producers (with the exception of agricultural credit consumer cooperatives), organizations and individual entrepreneurs engaged in production, primary and (or) subsequent (industrial) processing of agricultural products and their sale, at a preferential rate.» Access: SPS «Consultant Plus Prof» (access date: 02/10/2024).
5. Decree of the Government of the Russian Federation of April 15, 2014 N 316 «On approval of the state program of the Russian Federation «Economic development and innovative economy» (as amended by Decrees of the Government of the Russian Federation of December 24, 2021 N 2433, 2445, 2453) // SZ RF. 2014. N 18 (part II). Art. 2162.
6. Decree of the Government of the Russian Federation dated February 18, 2022 N 205 «On amendments to the Rules for the provision of grants in the form of subsidies from the federal budget for the implementation of complex scientific and technical projects in the agro-industrial complex». Access: SPS «Consultant Plus Prof» (access date: 02/10/2024).
7. Decree of the Government of the Russian Federation dated February 18, 2022 N 207 «On introducing amendments to the list of scientific research and development activities, the taxpayer's expenses for which, in accordance with paragraph 7 of Article 262 of Part Two of the Tax Code of the Russian Federation, are included in other expenses in the amount of actual costs with a coefficient of 1.5». Access: SPS «Consultant Plus Prof» (access date: 02/10/2024).
8. Decree of the Government of the Russian Federation dated December 21, 2021 N 2371 (as amended on October 14, 2023) «On conducting an experiment on the digital transformation of the provision of services, support measures and services for the development of small and medium-sized businesses» (together with the «Regulation on conducting an experiment on digital transformation of the provision of services, support measures and services for the development of small and medium-sized businesses»). Access: SPS «Consultant Plus Prof» (access date: 02/10/2024).
9. Decree of the Government of the Russian Federation of April 26, 2019 N 503 (as amended on March 5, 2021) «On approval of the Rules for providing organizations with subsidies from the federal budget for state support of small and medium-sized businesses in the constituent entities of the Russian Federation». Access: SPS «Consultant Plus Prof» Decision of the Arbitration Court of the Kostroma Region dated June 17, 2022 in case No. A31–28/2022. URL: <https://sudact.ru/> (access date: 12/29/2022).
10. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated January 20, 2003 No. 2 «On some issues that arose in connection with the adoption and enforcement of the Civil Procedure Code of the Russian Federation» (as amended by Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated February 10, 2009 No. 2) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2003. N 3.
11. Decree of the Government of the Krasnoyarsk Territory «On amendments to the Decree of the Government of the Krasnoyarsk Territory of September 30, 2013 N 505-p «On approval of the state program of the Krasnoyarsk Territory «Development of investment activities, small and medium-sized businesses». URL: <http://zakon.krskstate.ru/0/doc/80052> (access date: 12/29/2022).
12. Resolution of the Board of Administration of the Kemerovo Region dated October 1, 2013 N 413 «On approval of the State Program of the Kemerovo Region – Kuzbass «Development of Small and Medium Enterprises in the Kemerovo Region – Kuzbass» for 2014–2025. URL: <https://docs.cntd.ru/document/412806304?marker> (access date: 12/30/2022).
13. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated June 23, 2022 N 1479-O «On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Galina Vasilievna Belozerova about the violation of her constitutional rights by subparagraph 2 of paragraph 9 of the Regulations on the provision of subsidies for the implementation of measures to achieve the production of one million tons milk in the Udmurt Republic». URL: www.ksrf.ru (date of access: 09.25.2022).
14. Resolution of the Twelfth Arbitration Court of Appeal dated June 10, 2022 in case No. A12–10645/2021. URL: <https://sudact.ru/> (access date: 12/29/2022).
15. Resolution of the Eleventh Arbitration Court of Appeal dated June 17, 2022 in case No. A55–7749/2021. URL: <https://sudact.ru/> (access date: 12/29/2022).
16. Decision of the Arbitration Court of the Republic of Kalmykia dated July 4, 2022 in case No. A22–635/2022. URL: <https://sudact.ru/> (access date: 12/29/2022).
17. Alekseev S.S. Theory of Government and Rights. M.: Norma, 2004. 283 p.
18. Bitsieva T.N. Concept of the draft federal law: general theoretical aspect: dissertation abstract. dis. ...cand. legal Sci. Stavropol, 2011. 9 p.
19. Boshno S.V. Rule of law: concepts, properties, classification and structure // Law and modern states. 2014. No4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/norma-prava-ponyatiya-svoystva-klassifikatsiya-i-struktura> (date of access: 02/10/2024).
20. Gerasimova I.V. Development of strategic planning documents using the example of state programs of the Russian Federation // Migration and interethnic relations in modern Russia: collection of articles. materials of the International Scientific and Practical Conference. M.: Litera, 2018. P. 109.
21. Efimov A.L. Program documents and their role in the formation of Russian legislation // Gaps in Russian legislation. 2011. No3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/programmnyedokumenty-i-ih-rol-v-formirovanii-rossiyskogo-zakonodatelstva> (access date: 02/10/2024).
22. Kotelevskaya I.V., Tikhomirov Yu.A. Legal acts: educational-practical. and reference allowance. M.: Yurinformtsentr, 1999. 361 p.
23. Nersesyants V.S. General theory of law and state: textbook. for universities. M.: Norma, Infra-M, 1999. 552 p.
24. The government is allocating 500 million rubles to extend the program for compensating business expenses for using SBP. URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2022/03/03/pravitelstvo-videlyaet500-mln-rublei-na-prodlenie-programmi-kompensatsii-rashodov-biznesa-po-ispolzovaniyu-sbp.
25. Comparative analysis of regional programs to support small and medium-sized businesses in the Siberian Federal District. URL: <https://vaael.ru/en/article/view?id=2540> (access date: 12/29/2022).

Роль и место землеустройства в создании единого информационного источника о земле и недвижимости: правовой аспект

Подколзина Тамара Ильинична,

соискатель кафедры земельного права, Государственный университет по землеустройству
E-mail: t.i.podkolzina@yandex.ru

В статье исследуются предпосылки и причины возникновения идеи о создании единого информационного источника о земле и недвижимости, анализируются развивающие указанную идею законодательные инициативы. В качестве «пакетного решения» характеризуются правовые акты о создании Национальной системы пространственных данных и публично-правовой компании «Роскадастр». Отмечается законодательное закрепление создания обособленного Реестра земель сельхозназначения, дается правовая характеристика используемому механизму его наполнения, обозначается сохраняющаяся проблема совершенствования правового регулирования землеустройства. Выделяются признаки влияния концепции «сервисное государство 2.0» на сферу государственного управления земельным фондом. Обозначены сохраняющаяся ведомственная разобщенность и разрозненность сведений о земле, а также предпосылки для дальнейшего развития законодательства.

Ключевые слова: национальная система пространственных данных, публично-правовая компания «Роскадастр», кадастровые отношения, землеустройство.

Вопрос несопоставимости сведений о земле, содержащихся в различных государственных информационных ресурсах, на законодательном уровне явно обнаружил себя в 2017 году. Тогда появился механизм (неформально названный законом «о лесной амнистии»), предлагающий вариант решения проблем, имевших своим началом параллельно осуществляемые, нетождественные ввиду различий в содержании действий¹ «государственный кадастровый учет» и «государственный учет» лесных участков. Направленный на исключение обстоятельств, приведших к возникновению многочисленных судебных споров о правах на земельные участки, расположенные рядом с землями лесного фонда, закон заявил о приоритетности сведений Единого государственного реестра недвижимости (далее – ЕГРН) по отношению к сведениям, содержащимися в Государственном лесном реестре (далее – ГРЛ).

Согласно Государственному (национальному) докладу Росреестра о состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2022 году, за период с 01.01.2018 года по 01.01.2023 года разница показателей площади лесных участков в данных ЕГРН и ГЛР уменьшилась с 280 млн га до 2.68 млн. га².

Важно отметить, что практика применения закона «о лесной амнистии», являющегося лишь временной несистемной мерой³, стала своего рода лакмусовой бумагой, способствовавшей обнаружению проблем системного характера, выразившихся в явно проявившихся противоречиях государственных информационных ресурсов о земле⁴.

Так, в 2021 году Росреестром был проведен эксперимент по созданию единого информационного ресурса о земле и недвижимости на территории нескольких субъектов РФ. Результаты эксперимента было призвано использовать без ввода ресурса в эксплуатацию, однако именно они выступили основанием для принятия решения о создании Еди-

¹ Суткевич Е.А., Ялбулганов А.А. Организационно-правовые основы государственного кадастра и учета лесных участков // Реформы и право. 2011. № 1. С. 33–38.

² Государственный (национальный) доклад о состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2022 году // Официальный сайт Росреестра. URL: https://rosreestr.gov.ru/upload/Doc/16-upr/doc_nation_report_2022.pdf (дата обращения: 30.09.2023), С. 182.

³ Липски С.А. Лесная амнистия 2017 года в комплексе текущих правовых проблем лесопользователей // Аграрное и земельное право. 2017. № 9. С. 69.

⁴ Липски С.А. Противоречия государственных информационных ресурсов о земле // Землеустройство, кадастр и мониторинг земель. № 3. 2019. С. 5–9.

ной цифровой платформы «Национальная система пространственных данных» (далее – НСПД).

В тексте Государственной программы НСПД также обращено внимание на наличие проблемы ведомственной разобщенности, приведен перечень информационных ресурсов, содержащих сведения о земле и недвижимости (среди которых ЕГРН, ГЛР, Единая информационная система о землях сельскохозяйственного назначения (далее – ЕФИС ЗСН) и др.), а также отмечены негативные последствия разрозненности информации.

Представляется, что трансформировавшийся из идеи единого информационного источника о земле и недвижимости проект о создании НСПД совместно с возникновением «организации полного цикла» в лице ППК «Роскадастр» (который в настоящем позиционируется в качестве части «Большого Росреестра»), наделенного полномочиями по созданию и ведению НСПД, в виде «пакетного решения» следует рассматривать как ведомственное стратегическое видение направлений развития не только российской кадастровой системы, но и в целом направлений развития в сфере земельных и имущественных отношений на долгосрочную перспективу.

Законом-«спутником» титульного закона о публично-правовой компании были внесены точечные изменения в кадастровое законодательство в целях конкретизации полномочий Роскадастра в сфере кадастровой деятельности, регистрации недвижимости, кадастровой оценки, землеустройства. При этом дальнейшие законодательные инициативы направлены на расширение полномочий и укрепление его роли.

Например, проект о масштабировании комплексных кадастровых работ, предусматривающий наделение Роскадастра исключительным правом на их проведение за счет средств федерального бюджета, фактически рассматривается как часть развития НСПД. В части расширения полномочий Роскадастра в сфере кадастровой оценки также следует отметить планируемую передачу полномочий по ведению фонда государственной кадастровой оценки от Росреестра Роскадастру, который будет осуществлять ведение указанного фонда в рамках функционала НСПД.

Кроме того, важно отметить, в 2021 году было законодательно закреплено создание Реестра земель сельскохозяйственного назначения (как части ЕФИС ЗСН), полномочия по ведению которого возложены на Минсельхоз. С одной стороны, можно считать удивительным возникновение в условиях идеи о едином источнике отдельного Реестра указанных земель. Однако, законодательные инициативы по созданию инструмента, направленного на обеспечение оперативного получения актуальных и достоверных сведений о землях сельскохозяйственного назначения для целей управления, являются примером продолжающейся ведомственной разобщенности и раздробленности объекта управления. Ведение обособленного Реестра земель сельскохозяйственного назначения, выступающего, по сути, альтернативой ЕГРН,

не содержащего вследствие отказа от земельного кадастра¹ сведений о землях названной категории, составе, видах сельхозугодий и их границах, является необоснованным дублированием сведений с фактическим двойным учетом.

В то же время, в качестве особого правового эксперимента (являющегося, в сущности, «цифровой инвентаризацией») можно охарактеризовать практико-ориентированные мероприятия по наполнению ЕФИС ЗСН и Реестра земель сельскохозяйственного назначения, осуществляемые на основании государственных контрактов, заключаемых с Минсельхозом. Примечательным документом является разработанная в Государственном университете по землеустройству «Методика установления границ земель сельскохозяйственного назначения и границ зон сельскохозяйственного использования в составе земель населенных пунктов (с установлением границ угодий)», выступающая руководящей инструкцией для исполнителей работ. При этом особый акцент в документе сделан на использовании архивной землеустроительной документации и сведений государственного фонда данных, полученных в результате проведения землеустройства.

Сама же Методика (в качестве приложения к непоименованному в Гражданском кодексе РФ гражданско-правовому договору с особым субъектным составом) по своей сути и содержанию является временной подменой отсутствующих законодательных норм ввиду существующего пробела в регулировании установления видов деятельности, объектом которой выступают границы земель сельскохозяйственного назначения и угодий. Указанное является следствием поступательных алогичных несистемных, но систематических изменений в содержание Закона «О землеустройстве» (в том числе фактического выделения из землеустройства и создания нового вида деятельности – кадастровой), приведшим к значительному усечению объектов землеустройства, которыми в настоящее время не являются ни земли, ни земельные участки, ни угодья.

Представляется, что косвенное обоснование на действующем правовом регулировании в сфере землеустройства свидетельствует о действительном понимании Минсельхозом того, что вопросы оценки качественного состояния земель являются предметом землеустройства. Однако несмотря на истечение в 2020 году срока действия Основ государственной политики использования земельного фонда Российской Федерации обозначенные в них направления совершенствования землеустройства не нашли своего выражения в законодательстве до настоящего времени. В действующем плане мероприятий по совершенствованию законодательства, направленного на повышение эффективности использования земель, землеустройство отдельного упоминания не получило². Следу-

¹ Хлыстун В.Н. Нужен ли стране земельный кадастр? // Землеустройство, кадастр и мониторинг земель. 2010. № 7(67). С. 34–36.

² Землякова Г.Л. Современная политика в области регулирования земельных отношений: проблемы формы и содержа-

ет согласиться с мнением Хлыстуна В.Н. о том, что в качестве проблем, обуславливающих слабость современной земельной политики, выступают ее неопределенность и разрушение землеустройства как института госуправления¹. Модернизация института землеустройства с учетом, в том числе целей и задач государственной земельной политики, считает Галиновская Е.А., позволит вернуть ему «должное содержание и назначение»².

Проблема совершенствования правового регулирования землеустройства характеризуется наличием нескольких разработанных проектов законов (Росреестра (ранее Минэкономразвития), Минсельхоза)³, являющихся образчиками ведомственных взглядов на пути его развития. Возможно предположить, что позитивный и (или) негативный опыт «цифровой инвентаризации» земель сельхозназначения может способствовать последующему «сжатию» до правового понимания землеустройства только в отношении сельхозземель. Иными словами, в условиях ведомственной разобщенности существует вероятность потери целостности землеустройства и его фактического превращения в совокупность правовых норм, регулирующих «сельскохозяйственное землеустройство».

В то же время Росреестр, поставивший амбициозную задачу по созданию НСПД, большее внимание обращает на использование цифровых технологий и перспективных возможностей искусственного интеллекта (включая, например, «Цифровой помощник регистратора – ЕВА», «Умный кадастр – УМКА»), на создание различных цифровых сервисов⁴, на наполнение плоскостного слоя ЕГРН (границы земельных участков как объектов недвижимости), нежели на получение достоверных сведений о качественных характеристиках земли как природного объекта и ресурса.

Кроме того, задача Роскадастра, согласно мнению заместителя Председателя Правительства и одновременно председателя наблюдательного совета Роскадастра Марата Хуснуллина, заключается в создании максимально полной и точной системы пространственных данных, при этом им сделан акцент на защите имущественных прав граждан и снижении вероятности возникновения спорных ситуаций в сфере оборота недвижимости. Часть 2 // Аграрное и земельное право. 2023. № 11(227). С. 46–49.

¹ Хлыстун В.Н. Состояние земельной политики России и направления ее совершенствования // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2023. № 8(263). С. 38–48.

² Галиновская Е.А. Роль землеустройства в государственном управлении земельными ресурсами Российской Федерации: правовой аспект // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2023. № 10(265). С. 56.

³ Липски С.А. Выбор одного из вариантов новой редакции Федерального закона «О землеустройстве» окажет влияние на дальнейшее развитие земельного права и на успешность решения практических задач в сфере продовольственной безопасности // Сельское хозяйство. 2022. № 2. С. 13–23.

⁴ Мартынова Е.В. Структурная модель национальной системы пространственных данных Российской Федерации // Экономика и управление: проблемы, решения. 2023. Т. 2, № 2(134). С. 84–92.

сти⁵. Руководитель же Росреестра Олег Скуфинский видит задачу Роскадастра в обеспечении всего цикла земельно-имущественных отношений, а решение о создании компании, по его мнению, «было принято в интересах людей для организации бесперебойной, бесшовной работы на каждом этапе – от проведения картографо-геодезических работ до учета и регистрации недвижимости»⁶. По мнению генерального директора Роскадастра Владислава Жданова, в качестве приоритетных задач компании выступают «повышение комфортности электронных сервисов Росреестра, реализация единого подхода для решения проблем граждан и бизнес-сообщества в сфере недвижимости, снижение финансовых и временных издержек правообладателей при исправлении реестровых ошибок, удовлетворение потребностей населения, органов власти и бизнеса в качестве и скорости предоставляемых Росреестром услуг»⁷. Иными словами, в приведенных примерах обозначен подчеркнуто «ведомственный» взгляд на назначение ЕГРН, роль Росреестра и Роскадастра как лиц, оказывающих государственные услуги, и на развитие НСПД.

В то же время, представляется, что отмеченные особенности представляют собой влияние концепции «сервисное государство 2.0»⁸, меняющей представление о государстве в условиях развития цифровых технологий, на сферу государственного управления земельным фондом. В качестве одного из основных направлений проекта «сервисное государство 2.0» исследователями называется создание «суперсервисов», максимально упрощающих и упрощающих доступ к получению государственных услуг (каким фактически планируется НСПД). При этом в основе классической концепции «сервисного государства» находятся стандартные отношения «государства-поставщика услуг – потребителя-получателя государственных услуг»⁹, предполагается делегирование государственных функций и полномочий негосударственным организациям¹⁰. При этом создание организаций с особым статусом выступает в качестве одной из форм такого делегирования¹¹ (какой фактически выступает Роскадастр).

⁵ Марат Хуснуллин провел заседание наблюдательного совета ППК «Роскадастр» // Официальный сайт Правительства РФ. URL: <http://government.ru/news/48099/> (дата обращения: 30.09.2023).

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Романовская О.В. «Сервисное государство 2.0» в современном публичном праве // Гражданин и право. 2022. № 10. С. 32–39.

⁹ Романовская О.В. Публично-правовые аспекты теории сервисного государства // Гражданин и право. 2018. № 10. С. 3–14.

¹⁰ Романовская О.В. Функция как объект государственного делегирования // Гражданин и право. 2017. № 12. С. 3–15.

¹¹ Романовская О.В. Делегирование государственно-властных полномочий в системе публично-правового регулирования // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. № 36. С. 148.

У органа регистрации прав в настоящее время сохранены только отдельные функции по осуществлению кадастрового учета и регистрации прав на недвижимость, возложение которых на единый орган ранее выступило в основе интеграции система кадастра и регистрации¹. В понятиях Указа Президента РФ от 9 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» названные полномочия являются функциями по королю и надзору (регистрация актов, документов, прав, объектов), которые не могут быть делегированы. При этом функции по оказанию государственных услуг Указом выделены отдельно. Однако же в настоящее время наблюдаются тенденции по именованию учетно-регистрационных действий в качестве оказываемых Росреестром государственных услуг². В то же время очевидно, что в разряд услуг не может быть перемещена вся публичная деятельность³.

В целом важно поддержать стремления к созданию единого источника информации о земле и недвижимости, однако варианты его создания вполне имеют основания для критики, так как ведомственная разобщенность и разрозненность сведений о земле фактически не преодолены. В то же время, рассмотренными законодательными новеллами и обстоятельствами дан импульс для дальнейшего развития кадастрового законодательства и законодательства о землеустройстве.

Литература

1. Галиновская Е.А. Роль землеустройства в государственном управлении земельными ресурсами Российской Федерации: правовой аспект // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2023. № 10(265). С. 46–58.
2. Землякова Г.Л. Современная политика в области регулирования земельных отношений: проблемы формы и содержания. Часть 2 // Аграрное и земельное право. 2023. № 11(227). С. 46–49.
3. Липски С.А. Новый этап законодательного регулирования регистрации сделок с недвижимостью и прав на нее и некоторые аспекты участия в этом нотариусов // Нотариус. 2016. № 1. С. 25–28.
4. Липски С.А. Лесная амнистия 2017 года в комплексе текущих правовых проблем лесопользователей // Аграрное и земельное право. 2017. № 9. С. 66–70.

¹ Липски С.А. Новый этап законодательного регулирования регистрации сделок с недвижимостью и прав на нее и некоторые аспекты участия в этом нотариусов // Нотариус. 2016. № 1. С. 25–28.

² Постановление Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 8 ноября 2023 г. № 643-СФ «О приоритетных направлениях деятельности Росреестра и развитии национальной системы пространственных данных» // СЗ РФ от 13 ноября 2023 г. № 46 ст. 8147.

³ Романовская О.В. Теория «минимального государства» и ее проявление в российском праве // Гражданин и право. 2019. № 8. С. 13–25.

5. Липски С.А. Противоречия государственных информационных ресурсов о земле // Землеустройство, кадастр и мониторинг земель. № 3. 2019. С. 5–9.
6. Липски С.А. Выбор одного из вариантов новой редакции Федерального закона «О землеустройстве» окажет влияние на дальнейшее развитие земельного права и на успешность решения практических задач в сфере продовольственной безопасности // Сельское хозяйство. 2022. № 2. С. 13–23.
7. Мартынова Е.В. Структурная модель национальной системы пространственных данных Российской Федерации // Экономика и управление: проблемы, решения. 2023. Т. 2, № 2(134). С. 84–92.
8. Романовская О.В. Функция как объект государственного делегирования // Гражданин и право. 2017. № 12. С. 3–15.
9. Романовская О.В. Делегирование государственно-властных полномочий в системе публично-правового регулирования // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. № 36. С. 143–154.
10. Романовская О.В. Публично-правовые аспекты теории сервисного государства // Гражданин и право. 2018. № 10. С. 3–14.
11. Романовская О.В. Теория «минимального государства» и ее проявление в российском праве // Гражданин и право. 2019. № 8. С. 13–25.
12. Романовская О.В. «Сервисное государство 2.0» в современном публичном праве // Гражданин и право. 2022. № 10. С. 32–39.
13. Суткевич Е.А., Ялбулганов А.А. Организационно-правовые основы государственного кадастра и учета лесных участков // Реформы и право. 2011. № 1. С. 33–38.
14. Хлыстун В.Н. Нужен ли стране земельный кадастр? // Землеустройство, кадастр и мониторинг земель. 2010. № 7(67). С. 34–36.
15. Хлыстун В.Н. Состояние земельной политики России и направления ее совершенствования // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2023. № 8(263). С. 38–48.

THE FUNCTION AND POSITION OF LAND MANAGEMENT IN THE ESTABLISHMENT OF A CENTRALISED INFORMATION SOURCE CONCERNING LAND AND REAL ESTATE: LEGAL ASPECT

Podkolzina T.I.
State University of Land use Planning

The article is dedicated to the research of prerequisites and reasons for the emergence of the idea to create a unified information source on land and real estate, and analysis of legislative initiatives developing this idea. Legal acts on the creation of the National Spatial Data System and the public law company “Roskadastr” are characterised as “end-to end solution”. The legislative establishment of a separate Register of agricultural land is pointed out, the legal characteristic of the mechanism used to fill it is given, and the remaining problem of improving the legal regulation of land management is outlined. The hallmarks of the influence exerted by the concept of “service state 2.0” on the sphere of state management of the land

fund are distinguished. The persisting departmental compartmentalisation and fragmentation of land related data, as well as prerequisites for further development of legislation are identified.

Keywords: national spatial data system, public law company "Roskadastr", cadastral relations, land management.

References

1. Galinovskaya E.A. The role of land management in the state management of land resources of the Russian Federation: legal aspect // Property relations in the Russian Federation. 2023. No. 10(265). pp. 46–58.
2. Zemlyakova G.L. Modern policy in the field of regulation of land relations: problems of form and content. Part 2 // Agrarian and land law. 2023. No. 11(227). pp. 46–49.
3. Lipski S.A. A new stage of legislative regulation of the registration of real estate transactions and rights to it and some aspects of the participation of notaries in this // Notary. 2016. No. 1. P. 25–28.
4. Lipski S.A. Forest amnesty of 2017 in the complex of current legal problems of forest users // Agrarian and land law. 2017. No. 9. pp. 66–70.
5. Lipski S.A. Contradictions of state information resources about land // Land management, cadastre and land monitoring. No. 3. 2019. pp. 5–9.
6. Lipski S.A. The choice of one of the options for the new edition of the Federal Law "On Land Management" will have an impact on the further development of land law and on the success of solving practical problems in the field of food security // Agriculture. 2022. No. 2. P. 13–23.
7. Martynova E.V. Structural model of the national spatial data system of the Russian Federation // Economics and management: problems, solutions. 2023. T. 2, No. 2(134). pp. 84–92.
8. Romanovskaya O.V. Function as an object of state delegation // Citizen and Law. 2017. No. 12. P. 3–15.
9. Romanovskaya O.V. Delegation of state powers in the system of public legal regulation // Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2017. No. 36. P. 143–154.
10. Romanovskaya O.V. Public legal aspects of the theory of the service state // Citizen and Law. 2018. No. 10. P. 3–14.
11. Romanovskaya O.V. The theory of the "minimal state" and its manifestation in Russian law // Citizen and Law. 2019. No. 8. P. 13–25.
12. Romanovskaya O.V. "Service State 2.0" in modern public law // Citizen and Law. 2022. No. 10. P. 32–39.
13. Sutkevich E.A., Yalbulganov A.A. Organizational and legal foundations of the state cadastre and accounting of forest areas // Reforms and law. 2011. No. 1. P. 33–38.
14. Khlystun V.N. Does the country need a land cadastre? // Land management, cadastre and land monitoring. 2010. No. 7(67). pp. 34–36.
15. Khlystun V.N. The state of land policy in Russia and directions for its improvement // Property relations in the Russian Federation. 2023. No. 8(263). pp. 38–48.

К вопросу о правотворческой деятельности прокуратуры Российской Федерации

Потапова Лариса Валерьевна,

доцент кафедры прокурорской деятельности Уральского государственного юридического университета
E-mail: lvpotapova2014@yandex.ru

В статье рассматриваются правотворческая деятельность, осуществляемая органами прокуратуры Российской Федерации в качестве самостоятельного направления деятельности. Подчеркивается, что разработка, принятие и дальнейшее совершенствование правовых механизмов, реформирование правового пространства свидетельствуют в пользу особой значимости этого направления в структуре работы прокуратуры РФ, а также определяют перспективы его дальнейшего развития.

В тексте отмечается, что от прокуроров, осуществляющих правотворчество, требуется: осуществление на постоянной основе мониторинга законодательства РФ, выявление насущных потребностей в правовом регулировании, установление недостаточности правовой регламентации в виде пробелов правовых актов, установление противоречий между правовыми актами, принятие мер к устранению выявленных проблем; проведение систематического анализа результатов правотворческой работы органов прокуратуры, определение круга вопросов, которые требуют не только повышенного внимания со стороны прокуроров, но и усиления их работы.

Автором высказывается мысль, что работа прокуроров в каждом из направлений ведется в непрерывном режиме, с учетом систематического взаимодействия, при этом, реализация одного неизбежно оказывает влияние на результаты выполнения другого.

В заключении формулируется вывод, что правовая регламентация и методическое сопровождение правотворческой работы, несмотря на современное их обновление, до сих пор нуждаются в более глубоком осмыслении.

Ключевые слова: прокуратура, функция, правотворческая деятельность, законодательная инициатива, антикоррупционная экспертиза.

Прокуратура Российской Федерации представляет собой уникальный орган, наделенный и успешно реализующий различные функции, каждая из которых способствует улучшению состояния законности и правопорядка в государстве, защите прав и свобод человека и гражданина, охране интересов общества.

Направления деятельности прокуратуры в качестве одного из ключевых правоохранительных государственных органов установлены в тексте Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» (в ст. 1 и ст. 2)[1].

На основании п. 4 ст. 1 этого Закона прокуратура принимает участие в правотворческой деятельности. Детализация данных правовых положений осуществляется на уровне организационно-распорядительных документов Генерального прокурора РФ, в числе которых основное место занимает приказ № 584 от 31.08.2023 «О правотворческой деятельности органов прокуратуры Российской Федерации и об улучшении взаимодействия с законодательными (представительными) и исполнительными органами государственной власти и органами местного самоуправления» [2]; им установлена Форма реестра изученных проектов нормативных правовых актов, направленных замечаний и предложений, а также результатов их рассмотрения в процессе правотворческой работы, осуществляемой органами прокуратуры.

Функционал прокуратуры РФ в целом, так и его отдельные проявления на протяжении длительного временного периода подвергаются критическому анализу. Безусловно, в ходе дискуссий находят сторонники, так и противники реформаций функциональной характеристики. Правотворчество в этой связи не является исключением.

Максимального одобрения заслуживает точка зрения, согласно которой правотворческая деятельность, осуществляемая органами прокуратуры в пределах установленной компетенции, на каждом их уровней системы, является самостоятельной функцией (направлением ее ненадзорной работы)[3].

Разработка, принятие и дальнейшее совершенствование правовых механизмов, реформирование правового пространства свидетельствуют в пользу неутраченной значимости этого направления в структуре работы прокуратуры РФ, а также определяют перспективы его дальнейшего развития.

Рассматривая правотворчество прокуратуры в купе с иными направлениями ее работы, возможно выразить убеждение о наличии тесного пере-

плетения как с надзором, так и с ненадзорной работой. В частности, существует научная позиция, согласно которой, правотворчество (в форме проведения антикоррупционной экспертизы правовых актов) является частью «общенадзорной» деятельности, поскольку по своей сути сходна именно с надзором за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов.

Немаловажную роль правотворчество органов прокуратуры играет в вопросах правового информирования, просвещения и правового воспитания.

В качестве специфического результата правотворчества прокуратуры стоит обозначать:

- совершенствование правового регулирования отношений во всех сферах жизнедеятельности общества и государства, особенно на современном этапе, когда отмечается максимальная скорость происходящих трансформаций социальной жизни, что требует оперативного вмешательства;
- повышение качества принимаемых соответствующими субъектами правовых актов.

Вместе с тем, специальные цели сообразны общим целям деятельности прокуратуры РФ, которые она преследует, реализуя полномочия в каждом из направлений своей работы. Эти цели отражены в ст. 1 ФЗ «О прокуратуре РФ». Отношение к ним, к их восприятию и достижению стоит формировать с определенной долей условности, понимая, что только устанавливая недостижимое, сохраняется возможность добиться максимально.

Решение задач представляет собой совершение конкретных шагов на пути к намеченным целям. При осуществлении правотворческой деятельности Генеральным прокурором РФ перед подчиненными ему прокурорами (всех видов и уровней прокуратуры) поставлены задачи, из решение способствует повышению эффективности правотворческой работы прокуратуры и в целом влияет на состояние законности и правопорядка в стране.

От прокуроров, осуществляющих правотворчество, требуется:

- осуществление на постоянной основе мониторинга законодательства РФ, выявление насущных потребностей в правовом регулировании, установление недостаточности правовой регламентации в виде пробелов правовых актов, установление противоречий между правовыми актами, принятие мер к устранению выявленных проблем;
- проведение систематического анализа результатов правотворческой работы органов прокуратуры, определение круга вопросов, которые требуют не только повышенного внимания я со стороны прокуроров, но и усиления их работы.

Правотворческая деятельность реализуется на основании и с учетом законопроектной деятельности Президента РФ, Правительства РФ, Федерального Собрания РФ, законодательных (представительных) органов государственной власти

субъектов федерации. Это доказывает максимальную согласованность действий и принятых решений между данными субъектами.

Толкование положений организационно-распорядительных документов Генерального прокурора РФ, позволяет обозначить ключевые векторы правотворческой работы органов прокуратуры РФ:

- разработка проектов федеральных законов и иных нормативных правовых актов;
- подготовка заключений по проектам законов и иных нормативных правовых актов, разработанных федеральными органами государственной власти;
- взаимодействие Генеральной прокуратуры в лице Генерального прокурора РФ с обеими палатами Федерального Собрания РФ и Правительством РФ;
- информационное сопровождение правотворческой деятельности и мониторинг законодательства РФ;
- участие прокуратур субъектов федерации и иных прокуратур в правотворческой деятельности посредством установленных законодательством РФ форм.

Каждое из направлений особо актуально для общества и государства, личности; использование полномочий прокуроров в рамках этих направлений осуществляется на постоянной основе, с учетом систематического взаимодействия, где реализация одной формы неизбежно оказывает влияние на результаты выполнения другой.

Высказывания разного рода о перспективах реформирования правотворческой работы прокуратуры свидетельствуют о внимании к этой тематике, актуализируют ее, тем самым, подтверждают важность этой деятельности. Представляется, более тщательного анализа заслуживают следующие вопросы:

- есть ли необходимость наделить (вернуть) Генерального прокурора РФ правом законодательной инициативы? Процесс обсуждения этой темы выявляет как сторонников, так и противников изменения Конституции РФ с целью включения Генерального прокурора РФ в число субъектов – носителей этого права (ст. 104 Конституции РФ)[4];
- выполняют ли полномочия Генерального прокурора РФ, предоставленные ему в рамках правотворчества, компенсаторную роль при отсутствии у него права законодательной инициативы?
- как согласуется отсутствие у Генерального прокурора РФ права законодательной инициативы и наличие обозначенного права у прокуроров субъектов федерации с точки зрения толкования ключевых принципов организации и деятельности прокуратуры, в частности, принципа единства?
- является ли антикоррупционная экспертиза правовых актов проявлением ненадзорной правотворческой деятельности или же это часть

надзора прокуратуры, поскольку по существу напоминает проведение проверочного мероприятия с определенной долей специализации и применение мер прокурорского реагирования в виде требования (ст. 9.1 Федерального закона «О прокуратуре РФ»)?

- является ли правотворчество прокуратуры продолжением надзорной работы, нацеленным на ее дальнейшее совершенствование или же, наоборот, ослабляет надзор, препятствуя прокуратуре в полной мере сосредоточиться на надзорной сфере?
- должен ли быть субъектом правотворчества прокурор города (района) (прежде всего по причине повышенной загруженности при реализации полномочий в иных направлениях своей работы)?

Изучение информации по заявленной тематике, позволяет прийти к заключению о том, что правовая регламентация и методическое сопровождение правотворческой работы, несмотря на современное их обновление, до сих пор нуждаются в более глубоком осмыслении.

Литература

1. Федеральный закон от 17.01.1992 г. N 2202–1 (ред. от 31.12.2017 г.) «О прокуратуре Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 20.11.1995 г., N 47, ст. 4472;
2. Приказ Генерального прокурора РФ № 584 от 31.08.2023 г. «О правотворческой деятельности органов прокуратуры Российской Федерации и об улучшении взаимодействия с законодательными (представительными) и исполнительными органами государственной власти и органами местного самоуправления» // «Законность», N 8, 2023;
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 01.08.2020;
4. Скуратов Ю.И. Отзыв официального оппонента о диссертации Шалумова М.С. на тему:

«Проблемы функционирования российской прокуратуры в условиях формирования демократического правового государства». Екатеринбург, 2002 г., 398 с.

ON THE ISSUE OF LAW-MAKING ACTIVITIES OF THE PROSECUTOR'S OFFICE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Potapova L.V.
Ural State Law University

This article delves into the law-making activities conducted by the prosecutor's office of the Russian Federation as an independent sphere of operation. It highlights the significance of developing, adopting, and enhancing legal mechanisms, reforming the legal landscape, and underscores the importance of this area within the structure of the prosecutor's office's work in Russia, shaping its future prospects.

The text points out that prosecutors engaged in law-making are tasked with: ongoing monitoring of Russian legislation, identifying urgent needs for legal regulation, pinpointing gaps and contradictions in legal acts, and taking steps to address these issues. They also conduct systematic analyses of their law-making efforts to identify areas requiring increased attention and strengthened efforts.

The author posits that prosecutors' work in each area is interconnected, with actions in one area impacting outcomes in another. In conclusion, it is emphasized that despite modern updates to legal regulations and methodological support for law-making activities, a deeper understanding is still needed.

Keywords: prosecutor's office, function, law-making activity, legislative initiative, anti-corruption examination.

References

1. Federal Law of January 17, 1992 N 2202–1 (as amended on December 31, 2017) "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation" // "Collection of Legislation of the Russian Federation", November 20, 1995, N 47, Art. 4472;
2. Order of the Prosecutor General of the Russian Federation No. 584 of August 31, 2023 "On the law-making activities of the prosecutor's office of the Russian Federation and on improving interaction with legislative (representative) and executive bodies of state power and local government bodies" // "Legality", No. 8, 2023;
3. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993 // Official Internet portal of legal information <http://www.pravo.gov.ru>, 08/01/2020;
4. Skuratov Yu.I. Feedback from the official opponent on the dissertation of Shalumov M.S. on the topic: "Problems of the functioning of the Russian prosecutor's office in the conditions of the formation of a democratic state of law." Ekaterinburg, 2002, 398 p.

Определение ненормативных правовых актов как элемента правового пространства

Рогожина Александра Сергеевна,

аспирант, ФГКОУ ВО Прокуратуры Российской Федерации
E-mail: sasha_4ever@rambler.ru

Рассматривается проблема существования ненормативных правовых актов в качестве части российского правового пространства. Обозначаются базисные признаки ненормативных правовых актов, на основе сравнительно-правового анализа производится их отграничение от нормативных правовых актов, дается характеристика смежной категории – актов, обладающих ненормативными свойствами. Обозначаются актуальные проблемы и пробелы законодательства в части ненормативных правовых актов, связанные с отсутствием правовой дефиниции данной категории и неоднозначностью полномочий прокуратуры по надзору за ненормативным нормотворчеством. На основании выявленных недостатков формулируются практикоориентированные предложения по совершенствованию действующего законодательства, направленные на всестороннюю инкорпорацию института ненормативных правовых актов в отечественное правовое пространство: 1) включение в КАС РФ норм-дефиниций, в которых будет раскрываться легальная трактовка категорий «ненормативный правовой акт» и «акт, обладающий нормативными свойствами»; 2) включение в профильный закон о прокуратуре полномочия по надзору за законностью принятия и содержания ненормативных правовых актов поднадзорных органов, в том числе по оспариванию ненормативных правовых актов в порядке административного производства по заявлению заинтересованных лиц или в инициативном порядке.

Ключевые слова: правотворчество, нормативный правовой акт, ненормативный правовой акт, прокуратура, прокурорский надзор, процессуальное право.

Ненормативные правовые акты в условиях российской правовой системы представляют собой важный элемент юридической материи. Будучи прямым проявлением имплементации действующего законодательства и подзаконных нормативных правовых актов, ненормативные правовые акты выступают в роли непосредственного звена, связующего, с одной стороны, правовой массив и должностных лиц, и, с другой стороны, обязанных субъектов – граждан и юридических лиц.

Несмотря на то, что в отечественной правовой базе отсутствует легальная дефиниция ненормативного правового акта, подходы к его трактовке, а также к классификации пула ненормативного творчества содержатся в правовой доктрине. Так, А.В. Оганесян выделяет следующие признаки, характеризующие ненормативный правовой акт: 1) индивидуально-определенный характер (их принятие происходит во исполнение норм права в организационно-распорядительной части); 2) направленность на «установление, изменение или прекращение прав и обязанностей определенных лиц» [8, с. 48]; 3) обязательность исполнения для тех лиц, кому ненормативный правовой акт адресован; 4) инициативность принятия и односторонность обязательств (в отличие от нормативных правовых актов, которые предполагают установление взаимных прав и обязанностей, акты ненормативного характера содержат односторонние предписания для обязанных субъектов; кроме того, сфера принятия или непринятия ненормативного правового акта относится к прерогативе правоприменительного или судебного органа) [8, с. 48]. По мнению А.В. Малышкина, к такому признаку ненормативного правового акта, как персонафицированность (то же, что индивидуально-определенный характер), следует добавить разовый характер – «предназначенность для однократного (либо кратковременного) применения» [7, с. 202].

Также интересно обратить внимание на то, что ненормативные правовые акты, по мнению упомянутого выше автора, подразделяются на правоприменительные ненормативные правовые акты и правоинтерпретационные ненормативные правовые акты. К первым относятся «судебные акты, акты органов государственной власти и органов местного самоуправления, их должностных лиц, носящие ненормативный характер» [7, с. 202]. Во вторую подгруппу входят разъяснения судами принятых решений по итогам рассмотрения отдельных случаев.

Ненормативный правовой акт следует отграничивать от акта нормативного характера, под кото-

рым в учебной литературе понимается «изданный в особом порядке официальный акт-документ компетентного правотворческого органа, содержащий нормы права» [5, с. 380]. Важно обратить внимание на то, что признаками нормативного правового акта являются:

- 1) Формализованное выражение сбалансированной государственной воли, исходящей от компетентных органов или должностных лиц;
- 2) Установление единых нормативных предписаний типичного характера, в которых отражается «единый, государственно-властный порядок регулирования социально значимых отношений, ограниченный во времени, в пространстве и по кругу адресатов» [5, с. 380];
- 3) Наличие четкой документально-письменной формы, связанной с санкционированным типом и юридическим статусом документа (так, например, Президент Российской Федерации, как следует из части 1 статьи 90 Конституции Российской Федерации, вправе издавать указы и распоряжения [1], но не инструкции, приказы и пр.);
- 4) Принятие в соответствии с установленным и действующим процессуальным и процедурным порядком (то же касается и порядка внесения изменений в такие акты или их отмены);
- 5) Обеспеченность всем комплексом средств государственного принуждения (в отличие от ряда ненормативных правовых актов, исполнение которых обеспечивается преимущественно полномочиями издавшего органа; например, требование об уплате налога в случае его неисполнения налогоплательщиком в установленный срок влечет применение мер налогового принуждения).

Таблица 1. Сравнительный анализ параметров нормативных и ненормативных правовых актов

	Нормативный правовой акт	Ненормативный правовой акт
Уровень субъектности принимающей инстанции	Принимается от имени государства или правопорядка в целом, считается продуктом консолидированной государственной воли	Принимается отдельным государственным органом (его структурным подразделением) или уполномоченным должностным лицом
Адресность	Ориентирован не на неопределенный круг обязанных субъектов	Ориентирован на сегментированный и локализованный круг субъектов
Определенность предписаний	Содержит типичные правила поведения, которые безотносительны к индивидуальным жизненным случаям	Содержит правила поведения, адаптированные под конкретные правоотношения

	Нормативный правовой акт	Ненормативный правовой акт
Темпоральность применения	Применение не ограничено во времени в период действия акта	Применение ограничено во времени самим событием индивидуального правоотношения
Комплекс используемых средств государственного принуждения	В обеспечении задействован весь государственный механизм	Как правило, обеспечение ложится на плечи правоприменительного органа, выпустившего в правовой оборот соответствующий акт
Формализованность акта по типу, предъявляемым требованиям и порядку принятия	Отражена в законодательстве и в актах подзаконного нормотворчества	Отражена в законодательстве и в актах подзаконного нормотворчества
Общественная значимость	Определяется в рамках всего социума	Ограничивается кругом адресатов акта

Таким образом, можем провести сравнительный анализ признаков нормативного и ненормативного правового акта по наиболее значимым критериям. Результаты нашего анализа представлены в Таблице 1.

Очевидно, что ненормативные правовые акты, являясь продуктом человеческой деятельности, лишены совершенства. На их упречность влияют такие факторы, как неправильная интерпретация актов нормативного уровня, слабая погруженность субъектов правоприменения в анализ отдельных юридических кейсов, а также низкая компетенция и скромный уровень правовой культуры правоприменителей, являющиеся в совокупности следствием кадрового дефицита (что порождает большую загруженность и снижение компетенции), низкой оплаты труда и слабой мотивации к эффективной деятельности. Потому в законодательстве предусмотрена процедура обжалования ненормативных правовых актов, которая детально регламентируется в контексте арбитражного процесса. Так, статьей 197 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации предусматривается правомочие по оспариванию в судебном порядке ненормативных правовых актов органов и лиц, осуществляющих публичные полномочия, касающихся «предпринимательской и иной экономической деятельности» [3]. Похожая, на первый взгляд, процедура имеет место в рамках административного судопроизводства. Как следует из статьи 217.1 Кодекса административного производства Российской Федерации (далее – «КАС РФ»), на территории российского правового пространства допускается судебное оспаривание актов, «содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» [4]. В то же время важно понимать, что акты, обладающие нормативными

свойствами, и ненормативные акты отнюдь не тождественны. Подтверждение этой точки зрения содержится в том же КАС РФ: так, при рассмотрении дел данной категории заинтересованное лицо обязано доказать, что акт, подлежащий оспариванию, хотя и не является нормативным правовым, но содержит такие предписания, которые позволяют применить его многократно применительно к неопределенному кругу субъектов. Стало быть, действующее процессуальное законодательство закрепляет отдельную категорию промежуточных актов – актов, обладающих нормативными свойствами, которые по форме тяготеют к ненормативным актам, а по содержанию – к нормативным. При этом четкие формализованные критерии актов с нормативными свойствами в текущем правовом массиве не закрепляются.

Нам представляется очевидным, что ненормативные правовые акты, представляя собой неотъемлемую часть российского правового массива, оказывают прямое влияние на общее состояние законности – «режима обеспечения жизни, который характеризуется верховенством в ней закона, безусловным исполнением его требований гражданами и должностными лицами, наличием специальных механизмов, гарантирующих безопасность и защиту личности от произвола, беспрепятственное осуществление гражданских прав и свобод» [6, с. 481]. При этом общий контроль за обеспечением законности возлагается на органы прокуратуры, которая, согласно профильному закону, уполномочена обеспечивать надзор за исполнением законов различными органами государственной власти (часть 2 статьи 1) [2].

Логическое толкование словосочетания «исполнение законов» позволяет заключить, что в содержание данной деятельности входит в том числе санкционирование поднадзорными прокуратуре органами ненормативных правовых актов, которые направлены на исполнение законов. Стало быть, вопросы, связанные с ненормативными правовыми актами, должны входить в корпус объектов прокурорского надзора. С другой стороны, такая трактовка может небезосновательно восприниматься как вольная, что делает нашу точку зрения небесспорной, поскольку прямое указание на это в законе отсутствует.

Таким образом, исходя из изложенного выше материала, можем выявить следующие проблемы правового регулирования существа ненормативных правовых актов в Российской Федерации:

- 1) В нормах процессуального законодательства используется категория ненормативного правового акта, но в то же время ее содержание однозначным образом не раскрывается;
- 2) Категория ненормативного правового акта в правовой базе используется применительно к арбитражному судопроизводству и к экономической и предпринимательской деятельности, однако само явление ненормативного нормотворчества далеко не исчерпывается арбитражными правоотношениями и охватывает

практически все сферы правового регулирования;

- 3) В рамках административного процессуального права содержится категория актов, обладающих ненормативными свойствами, причем они не отграничиваются однозначным образом от ненормативных правовых актов;
- 4) С точки зрения «духа права», прокуратура, будучи универсальным органом контроля за законностью и правопорядка, имеет право на осуществление надзора за ненормативным нормотворчеством, однако внятное и недвусмысленное указание на такое правомочие в профильном законе о прокуратуре отсутствует.

По нашему убеждению, выявленные проблемы и противоречия могут быть решены в ходе последовательной реализации следующих мер: 1) включение в КАС РФ норм-дефиниций, в которых будет раскрываться легальная трактовка категорий «ненормативный правовой акт» и «акт, обладающий нормативными свойствами»; 2) включение в часть 2 статьи 1 профильного закона о прокуратуре полномочия по надзору за законностью принятия и содержания ненормативных правовых актов поднадзорных органов, в том числе по оспариванию ненормативных правовых актов в порядке административного производства по заявлению заинтересованных лиц или в инициативном порядке.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // «Российская газета» от 25 декабря 1993 г. № 237.
2. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации от 20 февраля 1992 г., № 8, ст. 366.
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 29 июля 2002 г. № 30 ст. 3012.
4. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 9 марта 2015 г. № 10 ст. 1391.
5. Матузов Н. И., Малько А.В. Теория государства и права. М.: Юристъ, 2007. 767 с.
6. Хабибулин А. Г., Лазарев В.В. Теория государства и права. М.: ИД «ФОРУМ»: ИНФРА-М, 2009. 624 с.
7. Малышкин А.В. Правовые аргументы в ненормативных судебных актах // Юридическая техника. 2013. № 7 (ч. 1). С. 202–205.
8. Оганесян А.В. Соотношение нормативного правового акта с ненормативным // Архивариус. 2020. № 1 (46). С. 45–48.

DEFINITION OF NON-NORMATIVE LEGAL ACTS AS AN ELEMENT OF THE LEGAL SPACE

Rogozhina A.S.

Prosecutor's Office of the Russian Federation

The problem of the existence of non-normative legal acts as part of the Russian legal space is considered. The basic features of non-normative legal acts are identified, on the basis of comparative legal analysis, they are distinguished from normative legal acts, and a description of the related category is given – acts that have non-normative properties. Current problems and gaps in legislation regarding non-normative legal acts are identified, associated with the lack of a legal definition of this category and the ambiguity of the powers of the prosecutor's office to supervise non-normative rule-making. Based on the identified shortcomings, practice-oriented proposals are formulated to improve the current legislation, aimed at the comprehensive incorporation of the institution of non-normative legal acts into the domestic legal space: 1) inclusion in the CAS of the Russian Federation of norms-definitions, which will reveal the legal interpretation of the categories "non-normative legal act" and "act, having normative properties"; 2) inclusion in the profile law on the prosecutor's office of the power to supervise the legality of the adoption and content of non-normative legal acts of supervised bodies, including challenging non-normative legal acts in administrative proceedings at the request of interested parties or on their own initiative.

Keywords: lawmaking, normative legal act, non-normative legal act, prosecutor's office, prosecutorial supervision, procedural law.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) // "Rossiyskaya Gazeta" dated December 25, 1993, No. 237.
2. Federal Law of January 17, 1992 No. 2202-I "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation" // Gazette of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Council of the Russian Federation of February 20, 1992, No. 8, Art. 366.
3. Arbitration Procedural Code of the Russian Federation dated July 24, 2002 No. 95-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation dated July 29, 2002 No. 30 Art. 3012.
4. Code of Administrative Procedure of the Russian Federation dated March 8, 2015 No. 21-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation dated March 9, 2015 No. 10 Art. 1391.
5. Matuzov N. I., Malko A.V. Theory of state and law. M.: Yurist, 2007. 767 p.
6. Khabibulin A.G., Lazarev V.V. Theory of state and law. M.: Publishing House "FORUM": INFRA-M, 2009. 624 p.
7. Malyshkin A.V. Legal arguments in non-normative judicial acts // Legal technology. 2013. No. 7 (part 1). pp. 202–205.
8. Oganessian A.V. Correlation of a normative legal act with a non-normative one // Archivist. 2020. No. 1 (46). pp. 45–48.

Правовое регулирование применения информационных технологий в государственном управлении: на примере таможенных органов

Сербиненко Екатерина Юрьевна,
ассистент кафедры «Логистика», ФГБОУ ВО
«Государственный университет управления»
E-mail: katerina.serbinenko@gmail.com

Актуальность рассмотрении публичного управления и связи с информационными технологиями. Предмет: публичное управление публично-правового образования представляет собой совокупность инструментов, а также способ воздействия на управляемый объект. Цель: рассмотрения будет выступать в важность анализа законодательного урегулирования информационных технологий в сфере публичного управления, и дополнительно будет рассмотрена действующая нормативная правовая база. Методология исследования: логический, системный, функциональный и системно-структурный методы. Результаты исследования: в процессе исследования выявлено, что публичное управление публично-правового образования представляет собой совокупность инструментов, а также способов воздействия на управляемый объект. Область применения результатов: результаты исследования могут применяться в рамках профессиональной деятельности Федеральной таможенной службы и в логистической инфраструктуре. Новизна исследования заключается в том, что именно применение информационных технологий играет важную роль в развитие цифровой экономики страны в целом, а также конкретно влияет на жизнь всего социума. Выводы: информационные технологии внедряются в государственном управлении и требуют активного правового регулирования и выстраивания четкой правовой системы.

Ключевые слова: публичное управление, информационные технологии, ИТ, искусственный интеллект, цифровая экономика, таможенные органы.

Правовое регулирование применения информационных технологий в публичном управлении представляется довольно актуальной темой для настоящего исследования. Информационные технологии в публичном управлении состоит из совокупности цифровых инструментов, а также способов воздействия на объект в рамках таможенно-логистической инфраструктуры [1].

При этом следует отметить, что информационные методы публичного управления, представляют из себя уникальную информационную инфраструктуру, и как следствие дополняют друг друга, и формируют совокупность инструментов императивного воздействия на правоотношения в рамках таможенной сферы [10, с. 235].

Следует отметить, что в рамках настоящей деятельности применяется активно обработка больших данных (big data) и внедрение искусственного интеллекта.

Сейчас активно развивается цифровая экономика и сопряженные с ними информационные технологии. Информационные технологии играют в настоящее время ведущую роль не только в нашей стране, но и за рубежом. Именно информационные технологии стали активно применяться в рамках публичного управления публично-правовыми образованиями.

Следует отметить, что таможенно-логистическая сфера активно использует новые технологии, позволяющие оптимизировать затраты в процессе государственной деятельности.

Федеральная таможенная служба активно совершенствует программные средства и программное обеспечение, в следствие этого происходит активный рост производительности государственного органа.

Следует отметить, что Федеральная таможенная служба России осуществляет активное взаимодействие с другими участниками внешнеэкономической деятельности в различных рамках экономических союзов.

Именно в усложняющихся экономических процессах нужны информационные технологии, позволяющие оптимизировать работу должностных лиц таможенных органов и повысить эффективность.

Именно автоматизированные информационные системы для отдельных таможенных операций позволяют улучшить работу таможни и логистической инфраструктуры, а именно уже активно внедрен информационный блок по отслеживанию товаров, а так же контроль за ними.

Теперь необходимо перейти к рассмотрению правового регулирования информационных технологий в сфере таможенной сферы.

Так, цифровизация в данной сфере законодательно регулируется рядом нормативных правовых актов, таких как Таможенный кодекс ЕАЭС, Федеральным законом «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», также Указами Президента и Постановлениями Правительства России, кроме того ведомственными актами таможни России [4].

Необходимо отметить, что в ТК ЕАЭС ряд правовых норм посвящены регламентации и применению информационных технологий в публичном управлении таможенной службы, например статьи 78, 82, 365–367 [11, с 66].

В свою очередь в статье 365 ТК ЕАЭС напрямую закрепляется, что операции, которые осуществляются в таможенной сфере должны осуществляться с использованием информационной системы. Кроме того, затрагиваются процедурные моменты применения информационных технологий и активно применяются термины «разработка, эксплуатация, модернизация информационных систем», именно такие термины стали правовыми.

В рамках таможенно-логистической инфраструктуры регулируются такие вопросы, как разработка цифровой платформы для стран-участниц ЕАЭС и партнеров.

Законодательно закреплена повестка развития ЕАЭС до 2025 года в нормативном акте от 11.08.2017 № 12.

В рамках публично управления на примере таможенной сферы можно выявить, что активно внедряются новые технологии и тут же они законодательно закрепляются, и это проявляется в том, что информационные технологии позволяют отслеживать товары через таможенные органы и вовремя реагировать на нарушения таможенного контроля.

Еще одним нормативным актом от 11.12.2020 № 12 «О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года» [5] закреплено управление в развитии евразийской интеграции, а кроме того, обозначено совершенствование таможенного регулирования, и формирование цифрового пространства, цифровых инфраструктур и экосистем ЕАЭС.

Это проявляется посредством осуществления унификации требований к таможенной и логистической инфраструктуре, и введение электронного документооборота между участниками соглашения [14, с. 677].

Еще одним значимым нормативным правовым актом выступает Федеральный закон «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

В статьях 83, 88, 284, 282, 302, 303 и др. законодательно закреплены технологии с использованием сети «Интернет», а также права пользования личным кабинетом через ЕСИА и ЕПГУ, кроме того закрепляется защита информации в рамках таможенной сферы.

Следует отметить, что в ст. 301 в рамках цели указано, что информационные технологии могут использоваться в таможенных органах, и непосредственно должны обеспечивать выполнения тех целей и задач стоящих перед таможенными органами и их должностными лицами, а кроме того обеспечивать бесперебойный обмен информацией в электронном виде с органами власти и организациями, предоставление на портале ЕПГУ населению и участникам ВЭД [13, с. 73].

Следующим вектором в цифровизации и применению информационных технологий в таможенно-логистической инфраструктуре следует отметить Стратегию развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы (далее – Стратегия) [8].

Это важный нормативный правовой акт, который закрепляет на законодательном уровне основные тенденции в рамках информационной системы в государстве, кроме того, это необходимый документ, отображающий доктрину развития нашей страны в сфере информационных технологий и их активное внедрение в практической деятельности должностных лиц федеральной таможенной службы, и в рамках общей таможенно-логистической инфраструктуры.

Думается, что это наиболее важная отрасль в рамках современного мира, особенно в усложняющихся условиях.

В Стратегии закреплён ряд мероприятий до 2030 года, с помощью которых происходит активная модернизация всей информационной сферы, а также внедрение новинок в рамках искусственного интеллекта, «умных технологий», определены основные пути развития и рассмотрение государственного управления, взаимодействие социумам и публичного правового образования.

Данные технологии активно применяются и в рамках деятельности государственных органов, и напрямую касаются деятельности Федеральной таможенной службы:

- электронный документооборот между социумом в виде граждан, общественных организаций и государственными органами;
- внедрение в практическую деятельность публичных органов новых информационных технологий, позволяющих оптимизировать рабочие процессы и высвободить необходимое количество времени на более тщательную обработку и хранение информации;
- информационные технологии, как способ развития демократии в рамках электронного взаимодействия;
- использование искусственного интеллекта иных технологий в рамках сканирования и сортирования товаров, которые декларируются и проходят через границу России.

Данные технологии могут применяться в рамках профессиональной деятельности Федеральной таможенной службы и в логистической инфраструктуре.

Новизна цифровых технологий в своей основе заключается в том, что именно применение информационных технологий играет важную роль в развитии цифровой экономики страны в целом, а также конкретно влияет на жизнь всего социума.

Таким образом, информационные технологии внедряются в государственном управлении и требуют активного правового регулирования и выстраивания четкой правовой системы.

Так, основными приоритетами в настоящее время выступают задачи по активной цифровизации экономики и таможенной сферы в России. На законодательном уровне это закрепляется в Стратегии развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года, утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 23.05.2020 № 1388-р.

В настоящей Стратегии четко обозначены и закрепляются такие термины и понятия:

- «оптимизация и совершенствование таможенного администрирования»;
- «автоматизация и информатизация сквозных бизнес-процессов деятельности таможенной службы на основе передовых технологий»;
- «клиентоориентированность и бесконтактность», «обеспечение условий для формирования устойчивой модели добросовестного и законопослушного поведения субъектов внешнеэкономической деятельности».

В настоящей Стратегии закреплены непосредственные задачи, стоящие перед таможенными органами и иными участниками внешнеэкономической деятельности:

развитие технологий электронного взаимодействия граждан, организаций, государственных органов;

создание основанных на информационных и коммуникационных технологиях систем управления и мониторинга во всех сферах общественной жизни».

Публичное управление публично-правового образования представляет собой совокупность инструментов, а также способов воздействия на управляемый объект. Информационные методы в рамках публичного управления, непосредственно дополняют различные сферы в управлении, и формируют совокупность инструментов императивного воздействия на административные правоотношения.

Именно использование и внедрение информационных технологий играет важную роль в развитии цифровой экономики страны в целом, а также конкретно влияет на жизнь всего социума.

Раз информационные технологии внедряются в государственном управлении то они требуют правового регулирования и выстраивания четкой правовой системы в рамках информационного права. Следует особо подчеркнуть, что именно термин «информационные технологии» ввело государство, так как в государственном управлении необходимо всегда применение актуальных разработок в рамках ИТ сферы.

На основании вышеизложенного можно сделать выводы, что внедрение информационных в публичное управление таможенно-логистической инфраструктурой подразумевает под собой обширную законодательную регламентацию, кроме того, применяемые информационные технологии в рамках государственного управления должны соответствовать требованиям нормативной правовой базы на федеральном и международном уровнях. В свою очередь таможенные органы могут принимать ведомственные нормативные акты, которые выступают дополнением к основным законам, регулирующим данную сферу.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Федеральным конституционным законом «О поправках к Конституции РФ» от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ) // Российская газета. – 1993. – 25 дек.; Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 11. – Ст. 1416.
2. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза): ред. от 29.05.2019 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». Информ. банк. «Версия Проф». Разд. «Законодательство».
3. Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года: решение Высшего Евразийского экономического совета от 11.08.2017 № 12. URL: <http://www.eaeunion.org> (дата обращения: 24.01.2024).
4. О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 03.08.2018 № 289-ФЗ: ред. от 19.12.2022 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
5. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
6. Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года: распоряжение Правительства РФ от 23.05.2020 № 1388-р // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
7. Об утверждении основных направлений развития информационно-коммуникационных технологий в таможенных органах Российской Федерации до 2030 года: Приказ ФТС России от 21.10.2015 № 2133 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». Информ. банк. «Версия Проф». Разд. «Законодательство».

8. Об утверждении ведомственной программы цифровой трансформации федеральной таможенной службы на 2021–2023 годы: Приказ ФТС России от 15.01.2021 № 11 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». Информ. банк. «Версия Проф». Разд. «Законодательство».
9. Акимова И.П., Бегичев М.М., Власов А.В. Транспортная политика как отраслевая подсистема экономического управления. Ученые записки Российской Академии предпринимательства. 2021. Т. 20. № 1. С. 58–68.
10. Бурлов, В.Г. Эффективность применения информационных технологий на транспорте / В.Г. Бурлов, М.И. Грачев, Н.Г. Грачева. Региональная информатика и информационная безопасность: Сборник трудов Юбилейной XVI-II Санкт-Петербургской международной конференции, Санкт-Петербург, 26–28 октября 2022 года. Том Выпуск 11. – Санкт-Петербург: Региональная общественная организация «Санкт-Петербургское Общество информатики, вычислительной техники, систем связи и управления», 2022. С. 234–237.
11. Банников И.А. Правовое регулирование цифровизации таможенного администрирования в Российской Федерации // Актуальные исследования. 2023. № 27 (157). С. 66–70.
12. Дмитриева О.А., Поляков Е.А. Перспективы развития «интеллектуальных» таможенных постов в российской федерации. Коллективная монография. – М: Издательство «Перо», 2023.
13. Евсиков К.С. К вопросу о формировании концепции «цифрового государства». Информационное право. 2021. № 1. С. 17–21.
14. Сербиненко Е.Ю. Роль информационных технологий в публичном управлении. Экономика. Право. Инновации. 2023. № 1. С. 71–77. <https://doi.org/10.17586/2713-1874-2023-1-71-77>.
15. Яскина, Д.Ю. Цифровизация как способ оптимизации бизнес-процессов на логистическом рынке // Интеграция наук. 2022. С. 677–684.

LEGAL REGULATION OF THE USE OF INFORMATION TECHNOLOGIES IN PUBLIC ADMINISTRATION: THE EXAMPLE OF CUSTOMS AUTHORITIES

Serbinnenko E.Yu.

State University of Management

The relevance of considering public administration and connections with information technology. Subject: public management of public legal education is a set of tools, as well as a method of influencing the managed object. Purpose: the review will highlight the importance of analyzing the legislative regulation of information technologies in the field of public administration, and the current regulatory legal framework will additionally be considered. Research methodology: logical, systemic, functional and system-structural methods. Research results: during the research process it was revealed that public management of public legal education is a set of tools, as well as methods of influencing the managed object. Scope of application of the results: the results of the study can be used within the professional activities of the Federal Customs Service and in the logistics infrastructure. The novelty of the study lies in the fact that it is the use of information technology that plays an important role in the development of the country's digital economy as a whole, and also specifically affects the life of the entire society. Conclusions:

information technologies are being introduced in public administration and require active legal regulation and the building of a clear legal system.

Keywords: public administration, information technology, IT, artificial intelligence, digital economy, customs authorities.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) (taking into account the amendments made by the Federal Constitutional Law “On Amendments to the Constitution of the Russian Federation” dated December 30, 2008 No. 6-FKZ, dated December 30, 2008 No. 7-FKZ, dated February 5, 2014 No. 2-FKZ, dated July 21, 2014 No. 11-FKZ, dated March 14, 2020 No. 1-FKZ) // Russian newspaper. – 1993. – December 25; Collection of legislation of the Russian Federation. – 2020. – No. 11. – Art. 1416.
2. Customs Code of the Eurasian Economic Union (Appendix No. 1 to the Treaty on the Customs Code of the Eurasian Economic Union): ed. dated 05/29/2019 // Legal reference system “ConsultantPlus”. Inform. bank. «Prof version». Sec. «Legislation».
3. On the Main Directions for Implementing the Digital Agenda of the Eurasian Economic Union until 2025: decision of the Supreme Eurasian Economic Council dated 08/11/2017 No. 12. URL: <http://www.eaeunion.org> (access date: 01/24/2024).
4. On customs regulation in the Russian Federation and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: federation. Law of August 3, 2018 No. 289-FZ: ed. dated 12/19/2022 // Legal reference system “ConsultantPlus”.
5. On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030: Decree of the President of the Russian Federation dated 05/09/2017 No. 203 // Reference and legal system “ConsultantPlus”.
6. Development strategy of the customs service of the Russian Federation until 2030: order of the Government of the Russian Federation dated May 23, 2020 No. 1388-r // Reference and legal system “ConsultantPlus”.
7. On approval of the main directions for the development of information and communication technologies in the customs authorities of the Russian Federation until 2030: Order of the Federal Customs Service of Russia dated October 21, 2015 No. 2133 // Reference and legal system “ConsultantPlus”. Inform. bank. «Prof version». Sec. «Legislation».
8. On approval of the departmental program for digital transformation of the federal customs service for 2021–2023: Order of the Federal Customs Service of Russia dated January 15, 2021 No. 11 // Reference and legal system “ConsultantPlus”. Inform. bank. «Prof version». Sec. «Legislation».
9. Akimova I.P., Begichev M.M., Vlasov A.V. Transport policy as a sectoral subsystem of economic management. Scientific notes of the Russian Academy of Entrepreneurship. 2021. T. 20. No. 1. P. 58–68.
10. Burlov, V.G. Efficiency of application of information technologies in transport / V.G. Burlov, M.I. Grachev, N.G. Gracheva. Regional informatics and information security: Collection of proceedings of the Anniversary XVIII St. Petersburg International Conference, St. Petersburg, October 26–28, 2022. Volume Issue 11. – St. Petersburg: Regional public organization «St. Petersburg Society of Informatics, Computer Science, Communication and Control Systems», 2022. P. 234–237.
11. Bannikov I.A. Legal regulation of digitalization of customs administration in the Russian Federation // Current research. 2023. No. 27 (157). pp. 66–70.
12. Dmitrieva O.A., Polyakov E.A. Prospects for the development of “smart” customs posts in the Russian Federation. Collective monograph. – M: Pero Publishing House, 2023.
13. Evsikov K.S. On the issue of forming the concept of a “digital state”. Information law. 2021. No. 1. P. 17–21.
14. Serbinnenko E. Yu. The role of information technology in public administration. Economy. Right. Innovation. 2023. No. 1. P. 71–77. <https://doi.org/10.17586/2713-1874-2023-1-71-77>.
15. Yaskina, D. Yu. Digitalization as a way to optimize business processes in the logistics market // Integration of Sciences. 2022. pp. 677–684.

Проблемы законодательного регулирования процесса самовыдвижения кандидатов в президенты Российской Федерации

Степанов Игорь Николаевич,

кандидат юридических наук, независимый исследователь

E-mail: istepanov07@yandex.ru

Самовыдвижение гражданина Российской Федерации является способом реализации конституционного права быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления. Вместе с тем, проведенный в статье анализ практики самовыдвижения кандидатов в Президенты Российской Федерации и действующего российского законодательства о выборах во взаимосвязи с Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях показал, что в настоящее время имеются законодательные пробелы, затрудняющие реализацию данного права и грозящие кандидатам и помогающим им лицам административной ответственностью. В этой связи предложено внести изменения в законодательство о выборах обязав этих кандидатов создавать избирательные фонды не после регистрации их уполномоченных представителей, а до проведения собрания избирателей по их выдвижению, а также внести изменения в законодательство о выборах определив агитационный период на выборах Президента Российской Федерации не со дня представления кандидатом заявления о согласии баллотироваться, а со дня уведомления уполномоченной избирательной комиссии о месте и времени проведения собрания группы избирателей в поддержку самовыдвижения кандидата, либо же ликвидировать процедуру самовыдвижения на выборах Президента Российской Федерации.

Ключевые слова. Кандидат, Президент, Российская Федерация, самовыдвижение, право быть избранным, допредвыборная агитация, законодательство о выборах.

Введение

В соответствии со статьей 32 Конституции Российской Федерации 2020 года граждане Российской Федерации имеют право избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления [3].

Реализация указанных прав регулируется Федеральным законом от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [11], Федеральным законом от 10.01.2003 № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» [12] и другими нормативными правовыми актами.

Так согласно статье 2 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» право избирать в органы государственной власти и органы местного самоуправления является активным избирательным правом, а право быть избранными в указанные органы – пассивным избирательным правом.

При этом, согласно статье 32 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» граждане Российской Федерации, обладающие пассивным избирательным правом, могут быть выдвинуты кандидатами непосредственно либо в составе списка кандидатов в соответствии с настоящим Федеральным законом, иным законом, а непосредственное выдвижение кандидатов может быть осуществлено путем самовыдвижения, выдвижения избирательным объединением.

Материалы и методы исследования

По информации заместителя Председателя Центральной избирательной комиссии Российской Федерации Н. Балужева из 25 граждан, известивших ЦИК о намерении участвовать в избирательной кампании 2023–2024 годов по выборам Президента Российской Федерации в качестве «самовыдвиженцев» до комиссии в установленный срок добрались только шестеро [4], из которых зарегистрировали троих.

Столь высокий процент не зарегистрированных «самовыдвиженцев» позволяет предположить наличие недостатков в законодательном регулировании процесса их выдвижения, который и предполагается исследовать в настоящей статье.

В данный момент порядок выдвижения «самовыдвиженцев» регулирует статья 34 Федерального закона от 10.01.2003 № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации».

Согласно этой статьи:

- каждый гражданин Российской Федерации, обладающий пассивным избирательным правом, после официальной публикации решения о назначении выборов Президента Российской Федерации вправе выдвинуть свою кандидатуру на должность Президента Российской Федерации;
- для поддержки самовыдвижения кандидата необходимо создать группу избирателей в количестве не менее 500 граждан Российской Федерации, обладающих активным избирательным правом, о месте и времени проведения собрания которой не позднее чем за пять дней до дня его проведения должна быть оповещена Центральная избирательная комиссия Российской Федерации либо избирательная комиссия субъекта Российской Федерации, на территории которого планируется проведение собрания;
- не позднее чем через 20 дней со дня официальной публикации решения о назначении выборов Президента Российской Федерации кандидат, выдвинувший свою кандидатуру, должен обратиться в Центральную избирательную комиссию Российской Федерации с письменным ходатайством о регистрации группы избирателей;
- к ходатайству о регистрации группы избирателей должны быть приложены нотариально удостоверенный протокол регистрации членов группы избирателей при проведении собрания в поддержку самовыдвижения кандидата и протокол собрания данной группы избирателей, который должен содержать решения об образовании группы избирателей, о поддержке самовыдвижения кандидата и о назначении уполномоченных представителей группы избирателей.

При чем именно нотариальное удостоверение протокола собрания группы избирателей оказалось самым большим препятствием для кандидатов в кандидаты в Президенты Российской Федерации послужив основным (или одним из основных) оснований для отказа в регистрации этих групп [7–9], или привело к невозможности некоторым из них подготовить документы, необходимые для предоставления в Центральную избирательную комиссию Российской Федерации [4].

Например, И. Гиркин, который сейчас находится под арестом в СИЗО «Лефортово» по обвинению в призывах к экстремизму не получил разрешения на свидание с нотариусом. Приглашенный А. Сусловым нотариус не справился с заверением данных 500 участников группы: он потратил несколько часов на первую сотню, после чего решено было не продолжать, поскольку нотариус не может просто воспользоваться списком участ-

ников, проверив их паспорта: все их данные нотариус или его помощники должны лично внести в специальную базу нотариата. А с И. Отраковским отказались работать около 20 нотариусов, а в последний момент ему отказали и в аренде помещения [4].

И даже для тех кандидатов, группы избирателей, которых были зарегистрированы Центральной избирательной комиссией Российской Федерации, процесс нотариального заверения протокола собрания избирателей не был легким. Так, А. Баташев признался, что нотариус и примерно три десятка его помощников потратили во время собрания инициативной группы на юридические формальности часы. А Р. Русских рассказала, что процедура нотариального заверения данных членов группы занимает несколько часов, но «мы всех хорошо накормили, поэтому никто не ушел» [4].

Получается, что ещё на стадии выдвижения кандидаты-«самовыдвиженцы» (или выдвигающие их лица) несут значительные финансовые затраты на нотариальные услуги, аренду помещения и питание (необходимо отметить, что питание избирателей может иметь отдельный состав правонарушений, предусмотренного статьёй 5.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (Подкуп избирателей), что в настоящей статье рассматриваться не будет), хотя ни Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», ни Федеральный закон от 10.01.2003 № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации», ни Центральная избирательная комиссия Российской Федерации [7–9] не указывают, кто и из каких средств должен это финансировать.

Более того, согласно фотографиям на публикациях в многочисленных российских газетах [1, 5, 6] и др., на выдвижении Президента Российской Федерации В.В. Путина кандидатом в Президенты Российской Федерации, проходившем 16.12.2023, активно использовались одежда, стенды и прочее с фамилией кандидата, что также требует финансовых затрат и в силу статьи 2 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» от 12.06.2002 № 67-ФЗ относится к агитационным материалам.

Таким образом, в действиях указанных выше кандидатов и выдвигающих их лиц, может иметься состав правонарушений, установленных Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях, например:

1. Предвыборная агитация вне агитационного периода, установленного законодательством о выборах (статья 5.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях).

Под предвыборной агитацией согласно статье 2 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» понимается деятельность,

осуществляемая в период избирательной кампании и имеющая целью побудить или побуждающая избирателей к голосованию за кандидата, кандидатов, список, списки кандидатов или против него (них), а агитационный период, согласно статьи 50 Федеральным законом от 10.01.2003 № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации», начинается со дня представления кандидатом в Центральную избирательную комиссию Российской Федерации заявления о согласии баллотироваться.

Учитывая, что при выдвижении кандидата-самовыдвиженца он сам или иные лица побуждают избирателей отдать за него свой голос и делают это до представления этим кандидатом в Центральную избирательную комиссию Российской Федерации заявления о согласии баллотироваться в их действиях усматривается состав этого правонарушения.

2. Изготовление или распространение в период подготовки и проведения выборов печатных, аудиовизуальных и иных агитационных материалов с нарушением требований, установленных законодательством о выборах (статья 5.12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях).

Согласно статье 2 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» агитационные материалы, это печатные, аудиовизуальные и иные материалы, содержащие признаки предвыборной агитации и предназначенные для массового распространения, обнародования в период избирательной кампании, а предвыборная агитация – деятельность, осуществляемая в период избирательной кампании и имеющая целью побудить или побуждающая избирателей к голосованию за кандидата, кандидатов, список, списки кандидатов или против него (них).

Согласно статье 55 Федерального закона от 10.01.2003 № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» все предвыборные печатные и аудиовизуальные агитационные материалы должны содержать сведения об оплате их изготовления из средств соответствующего избирательного фонда.

Поскольку, как указано выше при выдвижении кандидата-самовыдвиженца он сам или иные лица побуждают избирателей отдать за него свой голос, следовательно на всей одежде, стендах и прочих агитационных материалах с фамилией кандидата должны размещаться сведения об оплате их изготовления из средств соответствующего избирательного фонда.

В противном случае в действиях изготовителей и распространителей данных материалов будет усматриваться состав административного правонарушения.

3. Использование кандидатом при финансировании своей избирательной кампании денежных средств, не перечисленных в избирательный фонд,

а равно расходование иными лицами в целях достижения определенного результата на выборах денежных средств, не перечисленных в избирательный фонд (статья 5.18 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях).

4. Использование в ходе проведения избирательной кампании в целях достижения определенного результата на выборах без компенсации за счет средств соответствующего избирательного фонда материальной поддержки, оказанной гражданами, юридическими лицами, их филиалами, представительствами и иными подразделениями юридических лиц,

а также использование анонимной материальной поддержки (статья 5.19 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях).

5. Оказание финансовой поддержки избирательной кампании кандидата помимо их избирательных фондов,

либо бесплатные или по необоснованно заниженным (завышенным) расценкам выполнение работ, оказание услуг, реализация товаров юридическими лицами, их филиалами, представительствами и иными подразделениями, связанных с проведением выборов, и направленных на достижение определенного результата на выборах,

либо выполнение оплачиваемых работ, реализация товаров, оказание платных услуг, направленных на достижение определенного результата на выборах, без документально подтвержденного согласия кандидата или его уполномоченного представителя по финансовым вопросам, уполномоченного представителя по финансовым вопросам избирательного объединения и без оплаты из соответствующего избирательного фонда,

либо оказание кандидату, для проведения соответствующей избирательной кампании материальной поддержки, направленной на достижение определенного результата на выборах, без компенсации за счет средств соответствующего избирательного фонда (статья 5.20 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях).

Составы правонарушений, приведенные в статьях 5.18–5.20 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, предусматривают ответственность за совершенное в целях достижения определенного результата на выборах финансирование избирательной кампании кандидата минуя его избирательный фонд. Однако создать этот фонд кандидат-самовыдвиженец может только после проведения собрания избирателей о своем выдвижении, поскольку специальный избирательный счет, необходимый для формирования избирательного фонда кандидата, согласно статье 60 Федерального закона от 10.01.2003 № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» открывается только после регистрации Центральной избирательной комиссией Российской Федерации уполномоченных представителей

группы избирателей и уполномоченного представителя кандидата по финансовым вопросам.

При этом под «определенным результатом на выборах» для всех кандидатов, а равно поддерживающих их лиц (конечно кроме, так называемых «кандидатов-проходимцев», «кандидатов-подстав», «кандидатов-двойников» и прочих подобных им «лжекандидатов», чьи действия направлены не на собственную победу на выборах, а на победу на выборах кандидата, в интересах которого они действуют [10]) следует понимать победу на выборах.

Таким образом, получается, что все действия по «самовыдвижению» (нотариальные услуги, аренда помещения, питание, подготовка агитационных и прочих материалов и документов) кандидат оплачивает сам или их оплачивают (предоставляют бесплатно) иные лица, но из неизвестных избирателям и избирательным комиссиям источников.

Вместе с тем, уже на стадии выдвижения «самовыдвиженца» он или иные лица начинают побуждать не менее 500 (в силу статьи 34 Федерального закона от 10.01.2003 № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации») избирателей к голосованию за этого кандидата, то есть согласно статье 2 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» осуществляют предвыборную агитацию, которую по статье 50 Федерального закона от 10.01.2003 № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» осуществлять не могут, поскольку кандидат ещё не представил в Центральную избирательную комиссию Российской Федерации заявление о согласии баллотироваться.

Или на стадии выдвижения кандидатов в Президенты Российской Федерации проводится не предвыборная, а допредвыборная агитация, которую законодатель забыл добавить в Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и Федеральный закон от 10.01.2003 № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации»?

Выводы

Представляется, что отмеченные в настоящей статье проблемы и противоречия требуют скорейшего законодательного урегулирования, которое может иметь два варианта решения:

1. Внести изменение в законодательство Российской Федерации о выборах обязав кандидатов-самовыдвиженцев в Президенты Российской Федерации создавать избирательный фонд не после регистрации их уполномоченных представителей Центральной избирательной комиссией Российской Федерации, а до момента проведения собрания группы избирателей по его выдвижению. Кроме того, внести изменения в законодательство

Российской Федерации о выборах определив агитационный период на выборах Президента Российской Федерации не со дня представления кандидатом в Центральную избирательную комиссию Российской Федерации заявления о согласии баллотироваться, а со дня уведомления уполномоченной избирательной комиссии о месте и времени проведения собрания группы избирателей в поддержку самовыдвижения кандидата.

2. Исключить возможность гражданам Российской Федерации реализовывать право быть избранным Президентом Российской Федерации через самовыдвижение и оставить право выдвигать подобных кандидатов только за политическими партиями и общественными объединениями.

Литература

1. Винокуров, А. Поддержать, поддержать и еще раз поддержать // <https://www.kommersant.ru/doc/6409985?ysclid=lq996tm0tr549888265>
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях // Собрание законодательства Российской Федерации от 07.01.2002 № 1 (часть I) ст. 1.
3. Конституция Российской Федерации 2020 года // «Российская газета» от 04.07.2020. № 144.
4. Корня, А. До ЦИКа дошли не все // <https://www.kommersant.ru/doc/6428071?ysclid=lqzcgz83b625003287>
5. Любимов, А. Кто пришел поддержать выдвижение Путина в президенты. // <https://www.rbc.ru/photoreport/16/12/2023/657d82ee9a794721c08b628b?ysclid=lq993fd49a676723583>
6. Мисливская, Г. Группа избирателей единогласно выдвинула Путина на пост президента // <https://rg.ru/2023/12/16/gruppa-izbiratelej-edinoglasno-vydvynula-putina-na-post-prezidenta.html?ysclid=lq995hjyso960872463>
7. Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 23.12.2023 № 144/1111–8 «Об отказе в регистрации группы избирателей, созданной для поддержки самовыдвижения кандидата на должность Президента Российской Федерации Дунцовой Екатерины Сергеевны, и ее уполномоченных представителей» // <http://www.cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/54267/>
8. Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 29.12.2023 № 146/1151–8 «Об отказе в регистрации группы избирателей, созданной для поддержки самовыдвижения кандидата на должность Президента Российской Федерации Отраковского Ивана Александровича, и ее уполномоченных представителей» // <http://www.cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/54352/>
9. Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 29.12.2023 № 146/1152–8 «Об отказе в регистрации группы избирателей, созданной для поддержки самовыдвижения кандидата на должность Пре-

зидента Российской Федерации Александры Евгеньевны Тищенко, и ее уполномоченных представителей» // <http://www.cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/54353/>

10. Степанов, И.Н. Прокурорский надзор за исполнением законодательства Российской Федерации о выборах / диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / И.Н. Степанов. – Москва, 2008. – 276 с.
11. Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 17.06.2002. № 24. Ст. 2253.
12. Федеральный закон от 10.01.2003 № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 13.01.2003. № 2. Ст. 171.

PROBLEMS OF LEGISLATIVE REGULATION OF THE PROCESS OF SELF-NOMINATION OF CANDIDATES FOR PRESIDENT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Stepanov I.N.

Self-nomination of a citizen of the Russian Federation is a way to exercise the constitutional right to be elected to government bodies and local government bodies. At the same time, the analysis of the practice of self-nomination of candidates for President of the Russian Federation and the current Russian legislation on elections in conjunction with the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses carried out in the article showed that at present there are legislative gaps that complicate the exercise of this right and threaten candidates and those helping them persons with administrative responsibility. In this regard, it is proposed to amend the election legislation obliging these candidates to create election funds not after registering their authorized representatives, but before holding a meeting of voters to nominate them, and also to amend the election legislation by defining the campaign period for the elections of the President of the Russian Federation not with the day the candidate submits a statement of consent to run for office, and from the day the authorized election commission is notified of the place and time of a meeting of a group of voters in support of the candidate's self-nomination, or to liquidate the procedure for self-nomination in the election of the President of the Russian Federation.

Keywords: Candidate, President, Russian Federation, self-nomination, the right to be elected, pre-election campaigning, election legislation.

References

1. Vinokurov, A. Support, support and support again // <https://www.kommersant.ru/doc/6409985?ysclid=lq996tm0tr549888265>
2. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses // Collection of Legislation of the Russian Federation dated 01/07/2002 No. 1 (Part I) Art. 1.
3. Constitution of the Russian Federation 2020 // "Rossiyskaya Gazeta" dated 07/04/2020. No. 144.
4. Kornya, A. Not everyone reached the Central Election Commission // <https://www.kommersant.ru/doc/6428071?ysclid=lqzcg-z83b625003287>
5. Lyubimov, A. Who came to support Putin's presidential nomination. // <https://www.rbc.ru/photoreport/16/12/2023/657d82ee9a794721c08b628b?ysclid=lq993fd49a676723583>
6. Mislivskaya, G. A group of voters unanimously nominated Putin for the post of president // <https://rg.ru/2023/12/16/gruppa-izbiratelej-edinoglasno-vydvynula-putina-na-post-prezidenta.html?ysclid=lq995hjyso960872463>
7. Resolution of the Central Election Commission of the Russian Federation dated December 23, 2023 No. 144/1111-8 "On the refusal to register a group of voters created to support the self-nomination of a candidate for the position of President of the Russian Federation Ekaterina Sergeevna Duntsova, and her authorized representatives" // <http://www.cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/54267/>
8. Resolution of the Central Election Commission of the Russian Federation dated December 29, 2023 No. 146/1151-8 "On the refusal to register a group of voters created to support the self-nomination of a candidate for the position of President of the Russian Federation Ivan Aleksandrovich Otrakovsky, and its authorized representatives" // <http://www.cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/54352/>
9. Resolution of the Central Election Commission of the Russian Federation dated December 29, 2023 No. 146/1152-8 "On the refusal to register a group of voters created to support the self-nomination of a candidate for the position of President of the Russian Federation Alexandra Evgenievna Tishchenko, and her authorized representatives" // <http://www.cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/54353/>
10. Stepanov, I.N. Prosecutor's supervision over the implementation of the legislation of the Russian Federation on elections / dissertation for the degree of candidate of legal sciences / I.N. Stepanov. – Moscow, 2008. – 276 p.
11. Federal Law of June 12, 2002 No. 67-FZ "On the Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in a Referendum of Citizens of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation of June 17, 2002. No. 24. Art. 2253.
12. Federal Law of January 10, 2003 No. 19-FZ "On the Election of the President of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation of January 13, 2003. No. 2. Art. 171.

Актуальные проблемы правовой составляющей внедрения цифрового рубля

Чернякова Светлана Александровна,

кандидат юридических наук, доцент, Заведующий кафедрой юридических дисциплин, ЧОУ ВО «Московский университет имени С.Ю. Витте» Филиал в городе Сергиевом Посаде
E-mail: ChernaykovaS@mail.ru

В статье рассмотрен ряд проблемных правовых аспектов, сопровождающих процессы внедрения цифрового рубля в финансовую систему Российской Федерации. В качестве одного из наиболее важных среди таковых выделено отсутствие легального определения цифрового рубля в отечественном законодательстве. Показана концептуальная противоречивость цифрового рубля, с одной стороны являющегося безналичной формой денег, не обладающей каким-либо материальным представлением, а с другой – позиционируемого в качестве замены денежным средством, обладающим наличной формой. На основании оценки возможных эффектов, которые при отсутствии должного правового регулирования соответствующего множества правоотношений способны повлечь эмиссия и использование цифрового рубля в отечественной финансовой системе, сделан вывод о необходимости взвешенного подхода к введению данного платёжного средства.

Ключевые слова: цифровой рубль, концепция цифрового рубля, формы денег, цифровые активы, обязательственные права, криптовалюта, платёжное средство, Банк России.

Введение

Вопросы, связанные с объектами гражданских правоотношений и определением места таких объектов в соответствующих правовых системах, в целом ряде случаев являются весьма нетривиальными и, не смотря на длительное обсуждение в среде специалистов, остаются предметом научных дискуссий. Особенную остроту и актуальность такие вопросы приобретают по отношению к феномену денег, которые, будучи явлением чрезвычайно многоаспектным, и представляя собой неотъемлемую часть фундамента всего множества социально-экономических процессов, уже сами по себе служат предметом значительного количества исследований.

Парадоксальность ситуации состоит в том, что не смотря на тысячелетнюю историю и особое положение, занимаемое деньгами как в частноправовой, так и в публично-правовой сферах, в научном дискурсе сколь-либо единой и системной точки зрения, интегрирующей в себе все аспекты денежного обращения и денег, как объекта правоотношений, не существует. Как и комплексного законодательного определения денег отвечающего требованиям полноты и непротиворечивости.

Вместе с тем из сложившегося положения вещей вовсе не следует, что методологическая и правовая базы, описывающие деньги и всё множество отношений, участниками которых они являются, не обнаруживают последовательного развития и обновления, а сами деньги – не эволюционируют. Одним из ярких примеров такой эволюции, несомненно, является возникновение идеи цифровых валют и предпринимаемые в России в настоящее время действия, направленные на разработку и внедрение цифрового рубля.

Необходимо отметить, что указанная идея многими авторитетными специалистами оценивается неоднозначно, а её реализации способна повлечь за собой множество негативных последствий социального, экономического и правового характера. В этой связи осуществление анализа правовых аспектов и проблем, связанных с внедрением цифрового рубля в качестве еще одной формы денег в РФ, представляется весьма актуальным.

Анализ литературных источников

Различные правовые аспекты введения и использования денег в качестве универсального эквивалента стоимости товаров и услуг, правового регулирования денежного обращения и теории денег значительный период времени были и остаются предметом

пристального внимания ученых. Отмеченному кругу вопросов, в частности, посвящены труды К. Маркса, Дж. Милля, С. Брю, К. Байттебье, В. Бурлачкова, С. Марковой-Мурашовой, С. Коновалова, С. Моисеева, В. Пшеничникова, С. Семенова, Й. Шумпетера, J. Phanor, H. Hagemann, I. Geoffrey и др.

Правовые начала денежной эмиссии и связанных с ней механизмов описаны в работах Л. Арзумановой, А. Бердышева, М. Шапсуговой, Е. Васяниной и Г. Кнаппа.

Юридическая проблематика цифровизации активов, возникновения электронных эквивалентов денег и цифровых валют рассматривается такими учеными, как А. Турбанов, В. Зверевич, А. Бердышевым, И. Шакер, В. Лопатыным, С. Криворучко, В. Лощилиным, К. Марьясовым, А. Сейфединым, А. Ситником и проч.

Вместе с тем, правовая проблематика внедрения цифрового рубля в финансовую систему Российской Федерации в настоящее время исследована не достаточно полно, что обуславливает актуальность настоящей работы.

Основная часть

Система обязательственных прав, составленная нормами, определяющими порядок возникновения и прекращения обязательств, их обеспечения и привлечение к ответственности за неисполнение таковых, служит оформлению перехода объектов гражданских правоотношений от одних участников таких отношений к другим участникам. В свете этого всё множество существующих социально-экономических отношений, будучи рассматриваемой с юридических позиций, может представляться в виде непрерывного процесса возникновения и движение различных обязательств гражданско-правового характера[2].

При этом назначение правового режима, устанавливаемого соответствующими законодательными нормами для обеспечения функционирования системы обязательственных прав и выражаемого через систему запретов и дозволений, образующих определенную модель поведения участников гражданских правоотношений, состоит в регулировании поведения таких участников в отношении множества гражданско-правовых объектов.

Необходимо отметить, что основное отличие таких объектов друг от друга состоит в различии установленных в отношении них правовых режимов, а не в совокупности присущих им экономических либо физических свойств. Из чего следует, в общем-то, очевидный вывод о необходимости рассмотрения совокупности проблем, возникающих в следствие внедрения цифрового рубля в финансовую системы Российской Федерации, именно с этих позиций.

Федеральным законом от 24.07.2023 г. за № 340-ФЗ отечественная денежная система была дополнена таким платежным средством, как цифровой рубль (далее – ЦР), что послужило отражением процессов инновационной трансформа-

ции российской экономики (см. рисунок 1) и стало одним из заключительных этапов реализации Концепции ЦБ России о ЦР от 08.04.2021 г. [5]

Рис. 1. Изменение доли безналичных платежей в розничном торговом обороте РФ в 2017–2023 гг., % (источник: составлено автором на основании данных ЦБ РФ[8])

Одним из существенных недостатков отмеченных ФЗ № 340, Концепции, а также Федерального закона от 24.07.2023 за № 339-ФЗ, которым, по существу, ЦР был инкорпорирован в соответствующие разделы отечественного правового поля, а именно: в ст.ст. 128, 140, 1128, 1174 ГК РФ, явилось отсутствие легального определения понятия ЦР. В связи с этим на рисунке 2 приведём некоторые из определений, данные ЦР отечественными учеными и наиболее точно отражающие его отличия от криптовалют (рисунок 3).

Определения цифрового рубля

Цифровой рубль представляет собой цифровой код, отраженный на компьютерных носителях информации, воплощающий всеобщий эквивалент с аналогичными функциями наличных и безналичных денег

Цифровой рубль - совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения) с высокой степенью защиты, содержащихся в информационной системе. Цифровая валюта ЦБ, являясь обязательством Центрального Банка, может быть принята в качестве средства платежа и (или) средства сбережения

Цифровой рубль – это новое средство платежа, представляющее собой уникальный электронный код (набор цифр, знаков и символов), предоставляющий его обладателю возможность совершать покупки и денежные переводы в пользу любых третьих лиц

Рис. 2. Определения ЦР (источник: составлено автором на основании [7],[4],[3])

Необходимо отметить, что приведенные выше определения ЦР служат его дифференциации от цифровых активов и цифровых валют, которые в силу положений Федерального закона от 31.07.2020 г. за № 259-ФЗ представляют собой «совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или

расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам» [1].

Отличия ЦР от криптовалют	Криптовалюты в отличие от ЦР не имеют эмитента, который бы нес обязательства по их обеспечению, в то время как эмитентом цифрового рубля выступает Банк России (статья 75 Конституции Российской Федерации, статья 2 Федерального закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «О национальной платежной системе», п. 1.1 Положения Банка России от 3 августа 2023 г. № 820-П «О платформе цифрового рубля»), подкрепляющий его реальную стоимость за счет создаваемых резервов в иностранных валютах, золоте и других активах государства
	В отношении криптовалют не установлены единые правила обращения, а также не гарантируется безопасность проведения расчетов и сохранность данных цифровых активов. При этом накопления ЦР хранятся на электронном кошельке в Банке России
	Курс криптовалюты по отношению к конвертируемым валютам определяется общественным спросом и предложением, а ЦР имеет нарицательную стоимость, равную как наличному, так и безналичному российскому рублю
	Использование ЦР не предполагает возможности совершения анонимных финансовых операций как с использованием криптовалют: при открытии счета в ЦР в Банке России их владельцы обязаны пройти обязательную идентификацию через портал «Госуслуги» с получением простой электронной подписи

Рис. 3. Ключевые отличия ЦР от криптовалют (источник: составлено автором на основании [6])

Принципиально важными в рассматриваемом контексте представляются правовые отличия, имеющиеся между ЦР и цифровыми финансовыми активами. Последние не являются средством платежа и выступают исключительно в качестве денежных обязательств.

Также следует указать на то, что имеющаяся в настоящее время дифференциация денег на наличные и безналичные многим исследователям представляется достаточной и с необходимой степенью адекватности описывающей совокупность существующих правовых и социально-экономических реалий. Считаем, что с приведенным мнением, в целом, можно согласиться, поскольку ЦР, с учетом изложенного, может рассматриваться в виде очередной безналичной, не имеющей вещественной формы, замены денег, обладающих наличной формой. Самым существенным недостатком ЦР, полностью нивелирующим его предполагаемые достоинства, на наш взгляд, может оказаться то, что в случае повсеместного внедрения и использования ЦР значительная часть отечественной финансовой системы может, фактически, стать одноуровневой и перейти не просто под регулирования, а под тотальный контроль ЦБ РФ, что способно вызвать к жизни целый ряд негативных эффектов в масштабах всей банковской сферы России и национальной экономики.

Имеющийся по состоянию на сегодняшний день опыт внедрения цифровых валют некоторыми го-

сударствами в настоящее время не может расцениваться в качестве удачного и свидетельствует скорее о том, что декларируемые преимущества таких валют относятся скорее к деятельности государственных институтов, осуществляющих контрольные и надзорные полномочия.

В частности, в Китае, Нигерии, Ямайке и ряде некоторых других стран, внедривших на пилотной основе цифровые валюты, доля использования таких валют в розничном обороте не превышает величину в 0,1–0,2%, что со всей очевидностью указывает на недоверие к ним населения и косвенно подтверждает сделанный выше вывод об избыточности таких валют, фактическом дублировании ими функционала безналичных денег в парадигме денежного оборота и сложной представимости наполнения цифровых валют какой-либо потребительской ценностью для физических лиц и представителей бизнес-сообщества.

С учетом этого весьма плодотворной может стать идея применения цифровых валют исключительно на институциональном рынке, без участия в их обороте розничных игроков. Однако, примеряя такую модель использования к ЦР, следует понимать, что нормативно-правовой базы применения ЦР в сфере бюджетных трансфертов и платежей в настоящее время не существует, что, в случае принятия соответствующего решения, повлечет за собой необходимость её создания практически «с нуля».

Весьма вероятно, что важной проблемной стороной правовой составляющей внедрения ЦР могут стать ограничения, установленные Федеральным законом от 24.07.2023 г. за № 340-ФЗ, исключаящие его использование в кредитовании, начислении процентов по аналогии с банковскими депозитами, непосредственный обмен на наличные деньги. Перечисленные и ряд других факторов существенно снижают рамки возможной привлекательности ЦР для населения Российской Федерации и, очевидно, – даже в случае полноценного внедрения последнего – будут служить фактором, серьезно лимитирующим его популярность.

Указанные обстоятельства свидетельствуют о необходимости самого пристального внимания к явлениям, возникающим в процессе тестового внедрения ЦР в отечественную финансовую практику и осуществлении комплексной оценки соответствия правовой базы, находящейся в основании его предполагаемого оборота и его регламентирующей.

Выводы

Резюмируя изложенное, можно с уверенностью утверждать, что в настоящее время концепция ЦР, предложенная Банком России, и соответствующая такой концепции система правовых актов, устанавливающих правила хождения, оборота и использования ЦР на территории Российской Федерации, нуждаются в глубоком переосмыслении, расши-

рении и внесении значительного объема корректировок.

Среди наиболее актуальных проблем правовой составляющей внедрения ЦР в отечественную финансовую систему необходимо указать на отсутствие легального определения такового; явную неоднозначность и непроработанность целого ряда важных компонентов правового режима, призванного обеспечить оптимальное функционирование национальной финансовой системы после инкорпорации в неё ЦР, а также значительное количество законодательно установленных факторов, способных оказать выраженное негативное влияние на популярность розничного хождения ЦР. Решение обозначенного круга задач осложняется тем, что в настоящее время достаточного объема международного опыта в сфере использования цифровых валют национальными банками других государств не накоплено, а а сколь-либо положительный опыт такого использования практически отсутствует.

Заключение

Не смотря на то, что изучение природы цифровых валют центральных банков сегодня находится лишь на стадии становления, уже сейчас можно указать на то, что ввиду присущему категории «деньги» междисциплинарного характера соответствующие исследования, видимо, также будут носить межотраслевую направленность и позволят существенно расширить не только теоретико-методологические, но и прикладные горизонты использования цифрового рубля в целях последовательной модернизации экономики страны.

При этом такая модернизация, как и все аналогичные системные процессы, очевидно, затронет не только экономическую составляющую жизнедеятельности государства, но и охватит все множество смежных отраслей, одним из которых станет поступательное развитие обязательственной составляющей гражданско-правового института, а также приведение его публично-правовых элементов в соответствие с необходимостью формирования оптимального правового режима выпуска и обращения цифрового рубля.

Литература

1. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/?ysclid=lmomjsbac5303720392 (дата обращения 16.02.2024).
2. Алексеев С.С. Право собственности. Проблемы теории: монография. М.: Норма: ИнфраМ, 2012. 240 с.
3. Артемов А. Что такое цифровой рубль [Электронный ресурс] // URL: <https://e-kontur.ru/blog/15987/new-ruble> (дата обращения 16.02.2024).
4. Иванущенко А.В., Плюснина Е.А., Яцык А.А. Цифровизация национальной валюты: мировой и отечественный опыт // Экономика. Право. Инновации. 2021. № 2. С. 4–11.
5. Концепция цифрового рубля [Электронный ресурс] // URL https://cbr.ru/Content/Document/File/120075/concept_08042021.pdf (дата обращения 16.02.2024).
6. Пусурманов Г.В. Правовые и экономические аспекты введения цифрового рубля в российской федерации // Право и практика. 2023. № 3.
7. Пшеничников В.В. Перспективы эмиссии цифрового рубля и его функционирования в платежном обороте страны // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2020. Т. 13. № 6. С. 101–109.
8. Развитие национальной платежной системы [Электронный ресурс] // URL https://cbr.ru/about_br/publ/results_work/2022/razvitie-sistemy-platezhey-i-raschetov (дата обращения 16.02.2024).

CURRENT PROBLEMS OF THE LEGAL COMPONENT OF THE IMPLEMENTATION OF THE DIGITAL RUBLE

Chernyakova S.A.

Moscow University named after S. Yu. Witte

The article considers a number of problematic legal aspects accompanying the processes of introducing the digital ruble into the financial system of the Russian Federation. The absence of a legal definition of the digital ruble in domestic legislation is highlighted as one of the most important among them. The conceptual inconsistency of the digital ruble is shown, on the one hand, it is a non-cash form of money that does not have any material representation, and on the other hand, it is positioned as a substitute for a cash-based form of money. Based on an assessment of the possible effects that, in the absence of proper legal regulation of the relevant set of legal relations, the issue and use of the digital ruble in the domestic financial system can entail, it is concluded that a balanced approach to the introduction of this means of payment is necessary.

Keywords: digital ruble, the concept of the digital ruble, forms of money, digital assets, rights of obligations, cryptocurrency, means of payment, the Bank of Russia.

References

1. Federal Law No. 259-FZ dated July 31, 2020 “On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” [Electronic resource] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/?ysclid=lmomjsbac5303720392 (accessed 02/16/2024).
2. Alekseev S.S. Ownership. Problems of theory: monograph. M.: Norm: Infra M, 2012. 240 p.
3. Artyomov A. What is a digital ruble [Electronic resource] // URL: <https://e-kontur.ru/blog/15987/new-ruble> (accessed 02/16/2024).
4. Ivanushchenko A.V., Plyusnina E.A., Yatsyk A.A. Digitalization of the national currency: world and domestic experience // Economy. Right. Innovation. 2021. No. 2. pp. 4–11.
5. The concept of the digital ruble [Electronic resource] // URL https://cbr.ru/Content/Document/File/120075/concept_08042021.pdf (accessed 02/16/2024).
6. Pusermanov G.V. Legal and economic aspects of the introduction of the digital ruble in the Russian Federation // Pravo i praktika. 2023. № 3.

7. Pshenichnikov V.V. Prospects for the issue of the digital ruble and its functioning in the country's payment turnover // Scientific and technical bulletin of SPbGPU. Economic sciences. 2020. Vol. 13. No. 6. pp. 101–109.
8. Development of the national payment system [Electronic resource]// URL https://cbr.ru/about_br/publ/results_work/2022/razvitiye-sistemy-platezhey-i-raschetov (accessed 02/16/2024).

Конституционно-правовой статус детей, оставшихся без попечения родителей

Шинкарьук Дарья Валерьевна,

директор «Новосибирская Академия педагогики практической психологии и социальной работы»

E-mail: tch7tch@yandex.ru

Данная работа посвящена анализу правового статуса несовершеннолетних детей, лишенных родительской опеки, в контексте разработки и совершенствования концепции их конституционно-правового статуса в Российской Федерации. Цель исследования заключается в осмыслении и предложении методов оптимизации правового регулирования в данной области, с учетом принципа наилучшего удовлетворения интересов детей. В рамках работы использован систематический подход к анализу действующего законодательства, включая Семейный кодекс РФ, постановления Правительства РФ, а также международные акты и доктринальные источники. Ключевым результатом является выявление необходимости внедрения и модификации национальных и международных механизмов для защиты прав несовершеннолетних, а также акцент на принципе максимального учета их интересов. Результаты исследования могут найти применение в дальнейшем развитии законодательной и правоприменительной практики, направленной на улучшение положения детей, лишенных родительской опеки. Новизна работы заключается в комплексном анализе существующей правовой базы и предложении путей ее совершенствования. В заключении подчеркивается критическая важность государственной поддержки и защиты прав таких детей.

Ключевые слова: правовой статус детей, несовершеннолетние без попечения родителей, гарантии прав детей, наилучшие интересы ребенка, правовая защита детей-сирот, системный подход к правам ребенка, усыновление, правовое воспитание.

В современной России до сих пор актуальной остаётся проблематика социальной интеграции и адаптации сирот и детей, лишенных родительского попечения, а также анализ факторов, способствующих возникновению ситуаций, когда дети оказываются без надзора. В настоящее время причины, по которым дети попадают в эту категорию, трансформировались. В частности, на передний план выдвигаются такие аспекты, как эрозия семейных ценностей, рост числа детей, рождённых вне брака, что связано с уменьшением социальной значимости института брака, а также недостаточный уровень правовой осведомлённости среди населения.

В результате анализа официальных статистических данных за 2022 год [10] было установлено, что в РФ зафиксировано снижение численности несовершеннолетних, лишенных родительского попечения, до 375 699 человек по сравнению с 390 949 человек в предыдущем году. При этом большинство из них (337 598 человек) проживает в семейных условиях, в то время как 34 077 человек находятся под опекой специализированных учреждений. Кроме того, за 4 024 детьми установлена государственная опека. Данное изменение обусловлено корректировкой государственной политики, направленной на улучшение качества жизни несовершеннолетних, что включает в себя активизацию программ в сферах образования, воспитания, здравоохранения и обеспечения доступности отдыха для детей. Эти меры способствовали формированию условий для улучшения защиты прав и интересов детей. По информации от Уполномоченного при президенте РФ по правам ребенка Марии Львовой-Беловой, на начало 2023 года около 288 тысяч детей-сирот и детей без родительского попечения находились в очереди на предоставление жилья. Эти данные свидетельствуют о продолжающейся работе по обеспечению социальной поддержки и защиты наиболее уязвимых категорий несовершеннолетних в РФ [1].

Тем не менее, статистические данные свидетельствуют о том, что около полумиллиона детей продолжают пребывать в сложных жизненных обстоятельствах, испытывая недостаток социальной поддержки. Одной из ключевых задач, которую должно выполнять любое государство, придерживающееся правовых принципов, является оказание помощи и забота о детях, лишенных родительской опеки. Международные и национальные российские правовые стандарты сходятся в положениях о критической важности обеспечения защиты и поддержки таких детей в первую очередь. В пер-

вом пункте 20-й статьи Конвенции ООН о правах ребёнка [1] говорится, что ребёнок, который временно или окончательно лишен возможности находиться в семье, или для которого пребывание в семье не соответствует его интересам, должен получить специализированную защиту и помощь со стороны государства. Российская нормативно-правовая база, затрагивающая защиту прав и интересов несовершеннолетних, представлена обширным ассортиментом документов. Ключевое место среди них занимают Конституция Российской Федерации (далее – Конституция, Основной закон) [4], Семейный кодекс Российской Федерации (далее – СК РФ) [3], а также различные законодательные и подзаконные акты, действующие на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. В частности, СК РФ включает несколько глав, регулирующих защиту прав и интересов детей, оставшихся без родительского присмотра.

Обеспечение защиты и соблюдение прав детей, особенно тех, кто лишился родительского ухода, стоит в числе основных обязанностей каждого государства, стремящегося к демократическим и правовым идеалам, включая РФ. Важность закрепления конституционных гарантий для таких детей не может быть переоценена в контексте их правовой защиты.

Следует особо акцентировать внимание на том, что политика государства в данной области должна быть направлена на четко определенные цели и методы их достижения. В противном случае возникает риск несоответствия и конфликта между законодательными актами, регулирующими защиту прав детей, и несогласованности в судебной практике.

В ходе конституционной реформы 2020 года был закреплен принцип «приоритета детских интересов» (пункт 4 статьи 67.1 Конституции РФ), который нашел свое дальнейшее развитие в статье 1 СК РФ, подчеркивающей необходимость «приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних». Несмотря на эти меры, текущая система защиты прав и интересов детей без попечения родителей остается недостаточно развитой и не соответствует международным стандартам в сфере прав детей.

В Основном законе установлены фундаментальные положения о правовом статусе детей, исходя из конституционного принципа равноправия всех людей и граждан (ст. 19, ч. 2). Таким образом, в правовой науке обычно анализируют статус детей в контексте их общего конституционного статуса как индивидуальностей, который, в свою очередь, является производным от статуса индивида в правовом поле [11].

Использование системного подхода дает основания утверждать, что разработка концепции конституционно-правового статуса детей, потерявших родительскую опеку, должна осуществляться через призму обеспечения их прав с учетом принципа «наилучшего удовлетворения их интересов».

В отечественной правовой доктрине вопрос конституционно-правового положения несовер-

шеннолетних освещен достаточно широко. В частности, В.Л. Кабанов проанализировал комплексно принцип максимального учета интересов детей и его применение в контексте международных законодательных актов. Особое внимание уделяется вопросу о том, как принцип максимального учета интересов несовершеннолетних реализуется в гражданском судопроизводстве и в процессе усыновления [12].

А.Ю. Верин в своем исследовании вопроса о совершенствовании правового статуса несовершеннолетних подчеркивает, что это задача по доведению системы их прав, свобод и обязанностей до оптимального состояния, что включает в себя внедрение новых и модификацию существующих национальных и международных механизмов для их эффективной реализации и защиты, в целях максимального принятия во внимание интересов несовершеннолетних [7].

Кроме того, важно отметить, что во втором пункте Положения о работе учреждений для детей-сирот и детей без попечения родителей, утвержденном постановлением Правительства РФ от 24 мая 2014 года № 481 [5], фиксируется принцип максимального учета интересов таких детей среди основных принципов деятельности этих организаций. Однако, содержание данного принципа в документе не раскрывается.

Текущая модель обеспечения прав и благополучия детей, лишенных родительского попечения, строится на восприятии их как объектов воздействия, не принимая во внимание их активную роль в социальных взаимодействиях.

Т.В. Лобанова подчеркивает, что «юридическое положение детей должно быть выделено из общего правового статуса индивида, учитывая уникальность детства как такового» [8]. В своем диссертационном исследовании, Т.В. Лобанова проводит сравнительный анализ правовых статусов детей в Великобритании и РФ, приходя к выводу о том, что «в Соединенном Королевстве вопросы правового статуса детей рассматриваются отдельно от общего правового статуса индивида, что позволяет осуществлять его более тщательное и детальное регулирование» [9].

Мы убеждены, что в процессе применения конституционного принципа равенства важно учитывать правосубъектность, выступающую ключевым аспектом юридического статуса субъекта. Особая потребность в защите детей, оставшихся без родительской опеки, обусловлена их уникальным положением, связанным с отсутствием родителей и, как следствие, ограниченным доступом к реализации определенных прав.

В четвертом пункте 67.1 статьи Конституции РФ утверждается обязанность государства исполнять роль родителей по отношению к детям, которые лишились родительского попечения, обеспечивая таким образом защиту их прав в рамках законодательства. Интерпретация этого положения в контексте равноправия перед законом подчеркивает его применимость как к процессу устрой-

ства детей-сирот и лишенных родительской опеки в семье, так и к другим аспектам, касающимся нахождения ребенка в заботе заменяющих родителей лиц.

Принцип равенства, применяемый к детям-сиротам и тем, кто остался без родительской заботы, подразумевает, согласно статье 155.3 СК РФ, закрепление их прав на получение содержания, воспитания, образования, гармоничное развитие, уважение к личному достоинству, защиту своих интересов и прав, а также на социальные льготы и жилищные гарантии. Важно подчеркнуть, что такие дети обладают теми же правами, что и другие несовершеннолетние (согласно статьям 55–57 СК РФ), что подчеркивает их равноправный статус в обществе.

Рассматривая принцип оптимального учета интересов детей в контексте законодательной сферы, следует подчеркнуть, что законодательство специализированно предусматривает обязательность учета интересов ребенка. Это проявляется, в частности, при рассмотрении вопросов об изъятии ребенка из семьи (согласно пункту 1 статьи 73 СК РФ) и при определении вопросов об усыновлении ребенка (согласно пункту 2 статьи 127 СК РФ). В соответствии с законодательством, каждый ребенок обладает правом на воспитание в семейной обстановке, по возможности, правом на знание и уход со стороны своих биологических родителей, а также правом на совместное проживание с ними, исключая случаи, когда это может противодействовать его личным интересам (пункт 2 статьи 54 СК РФ).

Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» от 24.07.1998 N 124-ФЗ [4] устанавливает в качестве приоритета государственной политики предотвращение любых форм дискриминации детей, укрепление их основополагающих прав и законных интересов, а также восстановление нарушенных прав (пункт 1 статьи 4).

Подводя итоги настоящего исследования необходимо сформулировать и обобщить следующие выводы. Конституционно-правовой статус детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, получает свои реальные очертания через призму общего правового статуса личности несовершеннолетнего, обеспечиваемого системой конституционных прав и свобод, а также специфических норм, закрепленных на уровне международно-правовых документов и внутреннего законодательства Российской Федерации, в частности, в СК РФ. Этот статус подчеркивает, что несовершеннолетние, лишенные родительского попечения, обладают полным спектром субъективных прав, при этом их юридические обязанности переходят к лицам, взявшим их на воспитание под опеку или попечительство. Таким образом, конституционное закрепление прав и свобод несовершеннолетних играет ключевую роль в определении и защите их статуса, обеспечивая надлежащий уровень правовой защиты для этой уязвимой категории детей.

Тем не менее, осуществленный анализ конституционных норм и законодательства, касающегося

прав детей, показывает, что закрепление принципов, связанных с конституционно-правовым положением детей, оставшихся без попечения родителей, не обладает необходимой системностью.

Исходя из ключевого значения принципа, рассмотренного в настоящей статье, мы приходим к выводу, что разработка концепции конституционно-правового статуса детей, лишенных родительского попечения, должна основываться прежде всего не на равенстве сторон, что является традиционной основой для определения конституционно-правового статуса личности, а на принципе наилучшего учета их интересов. Чтобы усовершенствовать систему защиты и гарантировать права этих детей, принципиально важно установить их статус в контексте правовых гарантий, уделяя особое внимание принципу оптимального представления их интересов. Оценка интересов детей должна проводиться с учетом их правового статуса, что предполагает обязательное обеспечение их прав во всех областях. Для достижения эффективности в реализации прав детей, которые лишились родительской заботы, критически важно ориентироваться на максимально возможное удовлетворение их потребностей и интересов, обеспечиваемое соответствующими законодательными мерами.

В дополнение к этому, ключевые принципы государственной политики, направленной на защиту интересов детей, должны строиться вокруг идеи максимального принятия во внимание их блага, что влечет за собой необходимость внесения соответствующих положений в Федеральный закон № 124, статью 4. Концепция, основанная на принципе наилучшего удовлетворения потребностей детей, оказавшихся без родительской опеки, подчеркивает важность закрепления данного принципа и выявления областей его применения.

Литература

1. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (Дата обращения: 22.02.2024).
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (Дата обращения: 22.02.2024).
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.10.2023) [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (Дата обращения: 22.02.2024).
4. Федеральный закон от 24.07.1998 N 124-ФЗ (ред. от 28.04.2023) «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (Дата обращения: 22.02.2024).

5. Постановление Правительства РФ от 24.05.2014 N 481 (ред. от 19.04.2022) «О деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и об устройстве в них детей, оставшихся без попечения родителей» (вместе с «Положением о деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и об устройстве в них детей, оставшихся без попечения родителей») [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (Дата обращения: 22.02.2024).
6. В России оказалось слишком много сирот [Электронный ресурс] // Доступ: https://www.ng.ru/economics/2023-07-25/1_8782_orphans (Дата обращения: 22.02.2024).
7. Верин А.Ю. Правовой статус несовершеннолетнего и особенности его реализации: диссертация ... кандидата Юридических наук: 12.00.01 / Верин Андрей Юрьевич; [Место защиты: ФГАОУВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»], 2017.- 186 с.
8. Лобанова Т.В. Правовой статус ребенка в аспекте классификации его прав // Вестник Башкирск. ун-та. 2008. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-status-rebenka-v-aspekte-klassifikatsii-ego-prav> (дата обращения: 22.02.2024).
9. Лобанова Т.В. Правовое положение ребенка в России и Великобритании (Англии): теоретико-правовой анализ: теоретико-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 Уфа, 2006 171 с. РГБ ОД, 61:07–12/169
10. Поддержка детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей [Электронный ресурс] // Доступ: https://edu.gov.ru/activity/main_activities/orphans/ (Дата обращения: 22.02.2024).
11. Селютина Е.Н. Правовой статус ребенка как юридическая категория: понятие, структура, специальная правосубъектность // Вестник государственного и муниципального управления. 2014. № 2–1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-status-rebenka-kak-yuridicheskaya-kategoriya-ponyatie-struktura-spetsialnaya-pravosubektnost> (дата обращения: 22.02.2024).
12. Кабанов В.Л. Реализация принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка по международному и национальному праву: монография. Москва, 2018.

CONSTITUTIONAL AND LEGAL STATUS OF CHILDREN LEFT WITHOUT PARENTAL CARE

Shinkariuk D.V.

Novosibirsk Academy of Pedagogy of Practical Psychology and Social Work

This work is dedicated to the analysis of the legal status of minors deprived of parental care in the context of developing and improving the concept of their constitutional and legal status in the Russian Federation. The aim of the research is to comprehend and suggest methods for optimizing legal regulation in this area, taking into account the principle of best interests of the child. A systematic approach to analyzing the current legislation was used in the study,

including the Family Code of the Russian Federation, resolutions of the Government of the Russian Federation, as well as international instruments and doctrinal sources. The key outcome is the identification of the need for the implementation and modification of national and international mechanisms to protect the rights of minors, as well as emphasis on the principle of maximum consideration of their interests. The research results can be applied in the further development of legislative and law enforcement practices aimed at improving the situation of children deprived of parental care. The novelty of the work lies in the comprehensive analysis of the existing legal framework and suggestions for its improvement. The conclusion emphasizes the critical importance of state support and protection of the rights of such children.

Keywords: legal status of children, minors without parental care, guarantees of children's rights, best interests of the child, legal protection of orphaned children, systematic approach to children's rights, adoption, legal upbringing.

References

1. The Convention on the Rights of the Child (approved by the UN General Assembly on 11/20/1989) (entered into force for the USSR on 09/15/1990) [Electronic resource] // Access: SPS Consultant Plus Prof (Date of application: 02/22/2024).
2. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020) [Electronic resource] // Access: SPS "Consultant Plus Prof" (Date of application: 02/22/2024).
3. Family Code of the Russian Federation dated 12/29/1995 N 223-FZ (as amended on 07/31/2023) (with amendments and additions, intro. effective from 10/26/2023) [Electronic resource] // Access: SPS Consultant Plus Prof (Date of application: 02/22/2024).
4. Federal Law No. 124-FZ of 07/24/1998 (as amended on 04/28/2023) "On basic guarantees of the rights of the child in the Russian Federation" [Electronic resource] // Access: SPS "Consultant Plus Prof" (Date of application: 02/22/2024).
5. Decree of the Government of the Russian Federation dated 05/24/2014 N 481 (ed. from 04/19/2022) "On the activities of the Organization 5. "On the activities of organizations for orphans and children left without parental care, and on the placement of children left without parental care in them" (together with the "Regulations on the activities of organizations for orphans and children left without parental care, and on the placement of children left without parental care in them parents") [Electronic resource] // Access: SPS "Consultant Plus Prof" (Date of application: 02/22/2024).
6. There were too many orphans in Russia [Electronic resource] // Access: https://www.ng.ru/economics/2023-07-25/1_8782_orphans (Date of application: 02/22/2024).
7. Verin A. Yu. The legal status of a minor and the specifics of its implementation: dissertation ... Candidate of Law Sciences: 12.00.01 / Verin Andrey Yuryevich; [Place of protection: Federal State Educational Institution "Kazan (Volga Region) Federal University"], 2017.- 186 p.
8. Lobanova T.V. The legal status of a child in the aspect of the classification of his rights // Bulletin Bashkirsk. un-ta. 2008. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-status-rebenka-vaspekte-klassifikatsii-ego-prav> (date of application: 02/22/2024).
9. Lobanova T.V. The legal status of the child in Russia and the United Kingdom (England): theoretical and legal analysis: theoretical and legal analysis: dis. ... cand. Jurid. sciences: 12.00.01 Ufa, 2006 171 p. RGB OD, 61:07–12/169
10. Support for orphans and children left without parental care [Electronic resource] // Access: https://edu.gov.ru/activity/main_activities/orphans/ (Date of appeal: 02/22/2024).
11. Selyutina E. N. The legal status of a child as a legal category: concept, structure, special legal personality // Bulletin of State and Municipal Administration. 2014. No.2–1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-status-rebenka-kak-yuridicheskaya-kategoriya-ponyatie-struktura-spetsialnaya-pravosubektnost> (date of application: 02/22/2024).
12. Kabanov V.L. Implementation of the principle of the best interests of the child in international and national law: monograph. Moscow, 2018.

Развитие правового регулирования института предпринимательства в сельской местности

Абдуллина Лилия Фаритовна,

аспирант, Сектор гражданского и предпринимательского права Института государства и права Российской академии наук
E-mail: liliabd@mail.ru

Сегодня развитие сельских регионов нуждается в совершенствовании, в поиске и внедрении действенных инструментов, одним из которых может стать сельское предпринимательство. Целью настоящего исследования является поиск решения социально-экономических проблем села с участием предпринимательства. Исследовано понятие сельского предпринимательства, основные направления социально-экономической сферы, в которых оно востребовано, определены его возможности по решению проблем села в данной сфере. Выявлено, что развитие сельского предпринимательства напрямую влияет на состояние социально-экономической сферы сельских местностей. Автор приходит к выводу о необходимости разработки специального законодательства о сельском предпринимательстве, направленного на улучшение социально-экономического положения села. Сделаны конкретные предложения по изменениям государственной политики, корректировке организационно-правовых основ в отношении сельских предпринимателей.

Ключевые слова: государственная политика, предпринимательство, сельская экономика, государственное управление, правовое регулирование.

Введение

Село, сельская местность является экономическим, социальным, историко-культурным базисом всех без исключения народов, населяющих нашу планету. Современные модели развития территорий ориентированы на строительство, в первую очередь, городов, так как в них концентрируется наибольшее количество жителей страны. Однако при этом, значительная часть населения продолжает проживать за пределами городов (в России по официальным данным на начало 2023 года более 26 млн чел.). Поэтому задачей руководства является поддержание достойного уровня жизни этих людей, недопущения серьезного расхождения уровней жизни горожан и жителей села [4]. В настоящее время в сельских местностях на территории России средний уровень дохода сельского жителя на 2022 год составляет 17 000 рублей, что на 30% меньше среднего дохода жителей крупных городов [2]. Также существуют значительные расхождения не в пользу селян в доступности медицинских и социальных услуг, образования и многих других благ современной цивилизации, привычных сегодня не только в мегаполисах, но и большинстве городов – региональных центрах. В руководстве страны, безусловно, существует понимание вышеописанной проблемы, однако для ее решения меры государственного регулирования применяются в социально значимых сферах, например, поддержка работников образования и медицины [3]. По сути, отсутствуют долгосрочные стратегии развития аграрной отрасли и других сфер сельской экономики на федеральном и региональном уровнях. Вполне естественно, что решение социально-экономических проблем села в значительной степени связано с инициативой самих жителей, проявляющейся, прежде всего, в осуществлении предпринимательской деятельности в сельских местностях.

Вопросы правового регулирования сельского предпринимательства, как основы социально-экономического развития сельских регионов, все больше привлекают внимание исследователей. Интерес большинства авторов научных работ, таких как Е.В. Демин [11], Б.А. Воронин [6], М.С. Шейхова [16], вызывают прежде всего проблемы правового регулирования деятельности предпринимателей – производителей сельскохозяйственной продукции. В то же время правовое обеспечение предпринимательской деятельности других направле-

ний сельской экономики (создания и содержания социальной инфраструктуры, торговли, социально значимых услуг и т.д.) освещено в научных трудах в значительно меньшей степени. Целью настоящего исследования является характеристика состояния общих основ правового обеспечения сельского предпринимательства аграрного и других направлений, характерных для экономики современного села.

Гипотеза исследования. Для обеспечения устойчивого развития социально-экономической сферы села, а, следовательно, развития предпринимательства, необходимо закрепить статус предприятий сельской экономики, не относящихся к аграрному производству, в специальном законодательстве, со всеми правами, обязанностями, ответственностью и мерами государственной поддержки.

Методы исследования

Для достижения заявленной цели использоваться комплекс общенаучных и частно-научных методов, основная роль была отведена статистическому методу, методу правового моделирования, методу перехода от общего понятия к частному. Использовался анализ двух групп документов. В первую группу вошли нормативно-правовые акты регулирования предпринимательской деятельности, данные официальной статистики. Во вторую группу вошли научные статьи по теме исследования, опубликованные в журналах из Elibrary, Scopus, Web of Science.

Результаты

Прежде чем исследовать современное состояние правового регулирования сельского предпринимательства, представляется целесообразным остановиться на понятии «сельская экономика». Ряд ученых [8] отождествляют сельскую экономику исключительно с аграрным сектором. Однако такой подход представляется не совсем верным. По мнению В.А. Иванова [12], сельская экономика является комплексной системой, помимо аграрного производства включающей в себя домашние хозяйства, добывающие и перерабатывающие отрасли промышленности, сферу услуг, местную инфраструктуру, местную торговую сеть, местные промыслы и ремесла. В зарубежной литературе приводится подтвержденное заслуживающей доверия информацией мнение о постепенном снижении роли аграрного производства в сельской экономике развитых стран.

Сельская экономика как сектор экономики России в наибольшей степени пострадала от рыночных реформ 90-х годов XX века, следствием чего стало резкое снижение доходов сельского населения и последующий отток экономически активной его части в города [17]. Преодоление негативных тенденций исследователи связывают с усилением предпринимательской активности при поддержке государства [12], в том числе правовыми мерами [19].

Климатические условия многих регионов Российской Федерации не позволяют стать аграрному производству преобладающим, при этом местные предприниматели, занятые в бизнесе несельскохозяйственного направления, нередко принимают на себя повышенную социальную нагрузку, обеспечивая занятость населения, оказывая, в том числе и прямую материальную помощь социальным учреждениям. Вместе с аграриями они участвуют в круглогодичном содержании сельских дорог, нередко предоставляя сельскохозяйственную и иную технику для бытовых нужд населения (для заготовки дров, вспашки огородов, сенокосения, и т.д.) [12]. Такая деятельность имеет ярко выраженный социальный характер. Но для существенного изменения ситуации в развитии сельскохозяйственного предпринимательства необходимо выработать меры государственной поддержки и специальные механизмы регулирования. В частности, создание благоприятных условий для привлечения инвестиций и развития инфраструктуры села. [18]

Климатические условия многих регионов Российской Федерации не позволяют стать аграрному производству преобладающим, при этом местные предприниматели, занятые в бизнесе несельскохозяйственного направления, нередко принимают на себя повышенную социальную нагрузку, обеспечивая занятость населения, оказывая, в том числе и прямую материальную помощь социальным учреждениям. Вместе с аграриями они участвуют в круглогодичном содержании сельских дорог, нередко предоставляя сельскохозяйственную и иную технику для бытовых нужд населения (для заготовки дров, вспашки огородов, сенокосения, и т.д.) [12]. Такая деятельность имеет ярко выраженный социальный характер. Но для существенного изменения ситуации в развитии сельскохозяйственного предпринимательства необходимо выработать меры государственной поддержки и специальные механизмы регулирования. В частности, создание благоприятных условий для привлечения инвестиций и развития инфраструктуры села. [18]

Климатические условия многих регионов Российской Федерации не позволяют стать аграрному производству преобладающим, при этом местные предприниматели, занятые в бизнесе несельскохозяйственного направления, нередко принимают на себя повышенную социальную нагрузку, обеспечивая занятость населения, оказывая, в том числе и прямую материальную помощь социальным учреждениям. Вместе с аграриями они участвуют в круглогодичном содержании сельских дорог, нередко предоставляя сельскохозяйственную и иную технику для бытовых нужд населения (для заготовки дров, вспашки огородов, сенокосения, и т.д.) [12]. Такая деятельность имеет ярко выраженный социальный характер. Но для существенного изменения ситуации в развитии сельскохозяйственного предпринимательства необходимо выработать меры государственной поддержки и специальные механизмы регулирования. В частности, создание благоприятных условий для привлечения инвестиций и развития инфраструктуры села. [18]

Климатические условия многих регионов Российской Федерации не позволяют стать аграрному производству преобладающим, при этом местные предприниматели, занятые в бизнесе несельскохозяйственного направления, нередко принимают на себя повышенную социальную нагрузку, обеспечивая занятость населения, оказывая, в том числе и прямую материальную помощь социальным учреждениям. Вместе с аграриями они участвуют в круглогодичном содержании сельских дорог, нередко предоставляя сельскохозяйственную и иную технику для бытовых нужд населения (для заготовки дров, вспашки огородов, сенокосения, и т.д.) [12]. Такая деятельность имеет ярко выраженный социальный характер. Но для существенного изменения ситуации в развитии сельскохозяйственного предпринимательства необходимо выработать меры государственной поддержки и специальные механизмы регулирования. В частности, создание благоприятных условий для привлечения инвестиций и развития инфраструктуры села. [18]

Климатические условия многих регионов Российской Федерации не позволяют стать аграрному производству преобладающим, при этом местные предприниматели, занятые в бизнесе несельскохозяйственного направления, нередко принимают на себя повышенную социальную нагрузку, обеспечивая занятость населения, оказывая, в том числе и прямую материальную помощь социальным учреждениям. Вместе с аграриями они участвуют в круглогодичном содержании сельских дорог, нередко предоставляя сельскохозяйственную и иную технику для бытовых нужд населения (для заготовки дров, вспашки огородов, сенокосения, и т.д.) [12]. Такая деятельность имеет ярко выраженный социальный характер. Но для существенного изменения ситуации в развитии сельскохозяйственного предпринимательства необходимо выработать меры государственной поддержки и специальные механизмы регулирования. В частности, создание благоприятных условий для привлечения инвестиций и развития инфраструктуры села. [18]

тия: например, «государственная аграрная политика», «основные направления государственной поддержки в сфере развития сельского хозяйства», «сельскохозяйственной товаропроизводитель» и даются многие другие определения. Однако помимо производства и переработки разнообразной сельскохозяйственной продукции в сельской экономике серьезную роль играют:

- строительство жилых домов;
- производство стройматериалов из местного сырья, а также мебели, дверей, окон и других необходимых для строительства изделий;
- развитие местных промыслов и ремесел;
- обустройство, содержание и ремонт сельских дорог;
- модернизация разнообразной, в том числе коммунальной инфраструктуры села, обусловленная высоким ее износом;
- социальное обустройство сельских территорий;
- развитие экологического туризма, сельского гостиничного бизнеса;
- охрана окружающей среды.

Деятельность в указанных направлениях способствует социально-экономическому росту сельских территорий, в том числе и путем увеличения числа рабочих мест на селе.

Обсуждение

По мнению многих исследователей, на сегодняшний день существует насущная необходимость регулирования сельской экономики как сферы деятельности сельских предпринимателей. Это обусловлено тем фактом, что сельская экономика является частью рыночной экономики страны, а проводимая государством экономическая политика должна гарантировать реализацию и соблюдение рыночных принципов, в том числе и в отношении села [10]. Будучи урегулированной в большей степени нормами общегосударственного и земельного законодательства, деятельность сельских предпринимателей неизбежно вызывает государственную необходимость административно-правового воздействия на эту деятельность, в целях достижения, по выражению ученых начала прошлого столетия, «народного благоденствия, где определяющим будет материальное благополучие, богатство и сила» [7].

По мнению отдельных исследователей, одним из противоречий, препятствующим эффективному осуществлению государственного управления сельским предпринимательством, является его несоответствие принципам свободного рынка [5]. При этом указывается, что принятие и исполнение нормативных правовых актов не всегда позволяет решить проблемы эффективного управления сельской экономикой [5].

В настоящее время Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [13] и иные правовые акты административного законодательства, кроме комплекса определенных задач, решают и вопросы контроля в области сельского

хозяйства, ветеринарии и мелиорации земель и ответственности за административные правонарушения в обозначенных сферах деятельности. Задачей совершенствования правового регулирования деятельности всех субъектов сельского предпринимательства является необходимость сформулировать содержание статей КоАП РФ, отражающих регулирование указанных отношений, адекватно современному функционированию и развитию сельского хозяйства и иных подотраслей в области сельской экономики. Соответственно, в составах соответствующих правонарушений КоАП РФ должна проследиваться определенная взаимосвязь не только с аграрными, но также упомянутыми выше иными отношениями, складывающимися при осуществлении деятельности в сфере сельской экономики.

В то же время практика показывает, что государственная поддержка сельского предпринимательства должна руководствоваться дифференцированным подходом. Так, в большинстве регионов приоритетную государственную поддержку получают крупные агрохолдинги, малое предпринимательство на селе не получает должного уровня государственной поддержки [1]. При этом именно малое предпринимательство обеспечивает создание наибольшего числа рабочих мест для сельского населения, стимулируя значительную трудовую активность, заинтересованность работников в трудовой деятельности в малых хозяйствах. Кроме того, гибкость малых предприятий и их умение быстро переориентироваться на иные направления деятельности, способность экономить на издержках и необязательных расходах в различных резко меняющихся экономических условиях, обеспечивает их высокую конкурентоспособность на рынке [9].

Между тем, излишняя монополизация аграрной сферы связана со значительными экономическими, социальными и экологическими рисками, так как, мнению Р.Х. Адукова, монополии не способны, подобно средним и малым предприятиям, динамично и оперативно реагировать на постоянные изменения и вызовы. Поэтому и государственное регулирование должно следовать динамике и оперативности, свойственной малым и средним предприятиям. В своих исследованиях названный автор приходит к логичному выводу, что такими способностями действующая система государственного управления сельским хозяйством на современном этапе не обладает, поэтому не может обеспечить необходимые темпы развития [1]. По его мнению, существенная динамика такого развития может быть достигнута благодаря работе системы в режиме постоянного устранения возникающих проблем путем корректировки применяемых методов и мер, изменения функций государственного управления сельской экономикой [1].

Представляется, что в текущих условиях существует насущная необходимость разработки и законодательного закрепления правовой терминологии, имеющей значение для регулирования предпринимательства в сфере сельской экономики, в частности понятий сельского предпринима-

теля, предприятий сельской экономики, носителей социальной нагрузки и т.п. Учитывая важность социально-экономического развития сельских регионов, должна быть разработана и законодательно закреплена система государственной поддержки, льгот, субсидий, а также соответствия определенным критериям для предприятий сельской экономики, несущих социальную нагрузку.

Заключение

Таким образом, сегодня развитие сельской экономики, обуславливающей положительную динамику социально-экономического состояния сельских регионов, связывается с предпринимательской активностью, причем не только в сфере аграрного производства. Статус предприятий сельской экономики, не относящихся к аграрному производству, также должен быть закреплён в специальном законодательстве, со всеми правами, обязанностями, ответственностью и необходимыми для обеспечения успешной работы в целях улучшения социально-экономического состояния села мерами государственной поддержки. Таким образом, гипотеза исследования доказана. Перспективным направлением исследований в дальнейшем развитии изложенной выше тематики может стать изучение возможности расширения социальной нагрузки для предприятий сельской экономики для улучшения социально-экономического положения сельского населения.

Литература

1. Адуков Р.Х. Государственное управление сельским хозяйством: основные проблемы и пути развития // Аграрная политика и государственное управление АПК. 2019. № 10. С. 27.
2. Аналитически отчет Банка России «Финансы российских домохозяйств в 2022 году» (Электронный ресурс) URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/146276/analytic_note_20230419_dip.pdf (Дата обращения: 10.02.2024)
3. Байханов, И.Б. Государственная политика как фактор развития национальной образовательной системы: базовые аспекты / И.Б. Байханов // Этносоциум и межнациональная культура. 2020. № 1 (139). С. 69–76.
4. Байханов, И.Б. Особенности управления человеческими ресурсами в условиях глобальных перемен / И.Б. Байханов // Власть истории и история власти. М., 2022. Т. 8. № 1(35). С. 20–29.
5. Владимиров И.А., Гиззатуллин Р.Х., Иксанов Р.А. Правовые проблемы государственного управления в сфере аграрного предпринимательства // Право и государство: теория и практика. 2023. № 10(226). С. 202–205.
6. Воронин Б.А., Воронина Я.В. Современные проблемы российского аграрного права и аграрно-правовой науки//Аграрное и земельное право 2023. № 10 (226). С. 46–50.
7. Гессен М.В. Административное право: Популярные лекции для самообразования. СПб., 1903. С. 1.
8. Голубева А. И., Дугин А.Н., Дорохова В.И., Суховская А.М. Проблемы развития сельских территорий и аграрной экономики региона // Вестник АПК Верневолжья. 2014. № 4. С. 3
9. Гришина Т. В., Замяткина Н.В., Юшлина Ю.А. Организационно-экономическая оценка развития малого и среднего бизнеса аграрной сферы // Экономика и управление: проблемы, решения. 2021. Т. 1. № 8 (116). С. 72–78.
10. Губин Е.П. Правовые проблемы государственного регулирования рыночной экономики и предпринимательства: Автореф. дис. ...докт. юрид. наук: 12.00.03. М., 2005.
11. Демин Е.В. Нормативное регулирование статуса крестьянских (фермерских) хозяйств//Юридическая наука. 2022. № 2. С. 32–35
12. Иванов В.А. Состояние, направления и механизмы развития сельской экономики северного региона // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2021. Т. 1. Вып. 3. С. 254–262. DOI: 10.34130/2070-4992-2021-1-3-254.
13. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях Федеральный закон № 195-ФЗ от 30.12.2001 г. (с изменениями на 25 декабря 2023 года) // СЗ РФ. 2002. № 1 (Ч. I). Ст. 1
14. Петухов С.В. Субсидиарная ответственность контролирующих лиц в контексте осуществления должником хозяйственной деятельности // LEGAL BULLETIN. 2023. Т. 8. № 4. 134–148.
15. Федеральный закон от 29.12.2006 № 264-ФЗ Собрание законодательства Российской Федерации от 2007 г. (с изм. от 04.08.2023) //»Российская газета» от 11.1.2007 г. N 1, ст. 27 (Часть I)
16. Шейхова М.С., Сафонова С.Г. Тенденции развития малого предпринимательства аграрного сектора в условиях санкционных ограничений// Московский экономический журнал. 2023. Т. 8. № 1.
17. Шичкин И.А. Миграция населения как фактор выравнивания социально-экономической дифференциации регионов России // Уровень жизни населения регионов России. 2015. № 4(198). С. 97–105.
18. Serikbai YDYRYS, Nazgul IBRAYEVA, Fariza ABUGALIYEVA, Mira ZHASKAIRAT, Aiman UVALIYEVA Regulatory and legal support for the development of digital infrastructure in rural areas as a factor in improving the level of sustainable development and quality of life of the rural population //

Journal of Environmental Management and Tourism Volume 2023 XIV Issue 5(69). P. 2271–2281

19. State Employment Policy in Russia. Electronic Tools of Labour Market Monitoring / V.N. Bobkov, O.V. Neterebsky, I.V. Novikova, I.A. Shichkin // Digital (R)evolution and Its Effects on Labour: Opportunities and Challenges for Regional and Local Labour Market Monitoring. Munich: Rainer Hampp Verlag, 2016. P. 251–266.
20. Todorova S., Kalkova J. Multifunctional Agriculture: Social and Ecological Impacts on the Organic Farms in Bulgaria // Procedia Economics and Finance. 2014. Vol. 9. P. 10–320

DEVELOPMENT OF LEGAL REGULATION OF THE INSTITUTION OF ENTREPRENEURSHIP IN RURAL AREAS

Abdullina L.F.

Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences

Today, the development of rural regions needs to be improved, in the search and implementation of effective tools, one of which can be rural entrepreneurship. The purpose of this study is to find a solution to the socio-economic problems of the village with the participation of entrepreneurship. The concept of rural entrepreneurship, the main directions of the socio-economic sphere in which it is in demand, have been studied, and its capabilities for solving rural problems in this area have been determined. It was revealed that the development of rural entrepreneurship directly affects the state of the socio-economic sphere of rural areas. The author comes to the conclusion that it is necessary to develop special legislation on rural entrepreneurship aimed at improving the socio-economic situation of the village. Specific proposals were made for changes in state policy and adjustment of the organizational and legal framework in relation to rural entrepreneurs.

Keywords: public policy, entrepreneurship, rural economy, public administration, legal regulation.

References

1. Adukov R. Kh. State management of agriculture: main problems and development paths // Agrarian policy and public management of the agro-industrial complex. 2019. No. 10. P. 27.
2. Analytical report of the Bank of Russia "Finances of Russian households in 2022" (Electronic resource) URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/146276/analytic_note_20230419_dip.pdf (Date of access: 02/10/2024)
3. Baykhanov, I.B. State policy as a factor in the development of the national educational system: basic aspects / I.B. Baykhanov // Ethnosocium and interethnic culture. 2020. No. 1 (139). pp. 69–76.
4. Baykhanov, I.B. Features of human resource management in conditions of global change / I.B. Baykhanov // The power of history and the history of power. M., 2022. T. 8. No. 1(35). pp. 20–29.
5. Vladimirov I.A., Gizzatullin R.Kh., Iksanov R.A. Legal problems of public administration in the field of agricultural entrepreneurship // Law and State: Theory and Practice. 2023. No. 10(226). pp. 202–205.
6. Voronin B.A., Voronina Y.V. Modern problems of Russian agrarian law and agrarian legal science // Agrarian and land law 2023. No. 10 (226). pp. 46–50.
7. Gessen M.V. Administrative law: Popular lectures for self-education. St. Petersburg, 1903. P. 1.
8. Golubeva A.I., Dugin A.N., Dorokhova V.I., Sukhovskaya A.M. Problems of development of rural territories and the agrarian economy of the region // Bulletin of the Vernevolzhye AIC. 2014. No. 4. P. 3
9. Grishina T.V., Zamyatkina N.V., Yukhlina Yu.A. Organizational and economic assessment of the development of small and medium-sized businesses in the agricultural sector // Economics and management: problems, solutions. 2021. T. 1. No. 8 (116). pp. 72–78.
10. Gubin E.P. Legal problems of state regulation of market economy and entrepreneurship: Author's abstract. dis. ...Dr. legal Sciences: 12.00.03. M., 2005.
11. Demin E.V. Regulatory regulation of the status of peasant (farm) farms // Legal science. 2022. No. 2. P. 32–35
12. Ivanov V.A. State, directions and mechanisms of development of the rural economy of the northern region // Corporate governance and innovative development of the economy of the North: Bulletin of the Research Center for Corporate Law, Management and Venture Investment of Syktyvkar State University. 2021. T. 1. Issue. 3. pp. 254–262. DOI: 10.34130/2070-4992-2021-1-3-254.
13. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses Federal Law No. 195-FZ of December 30, 2001 (as amended on December 25, 2023) // SZ RF. 2002. No. 1 (Part I). Art. 1
14. Petukhov S.V. Vicarious liability of controlling persons in the context of the debtor's economic activity // LEGAL BULLETIN. 2023. T.8. No. 4. 134–148.
15. Federal Law of December 29, 2006 No. 264-FZ Collection of legislation of the Russian Federation of 2007 (as amended on August 4, 2023) // "Rossiyskaya Gazeta" dated January 11, 2007 No. 1, Art. 27 (Part I)
16. Sheikhovala M.S., Safonova S.G. Trends in the development of small businesses in the agricultural sector under sanctions restrictions // Moscow Economic Journal. 2023. T. 8. No. 1.
17. Shichkin I.A. Migration of the population as a factor in leveling the socio-economic differentiation of Russian regions // Living standards of the population of Russian regions. 2015. No. 4(198). pp. 97–105.
18. Serikbai YDYRYS, Nazgul IBRAYEVA, Fariza ABUGALIYEVA, Mira ZHASKAIRAT, Aiman UVALIYEVA Regulatory and legal support for the development of digital infrastructure in rural areas as a factor in improving the level of sustainable development and quality of life of the rural population // Journal of Environmental Management and Tourism Volume 2023 XIV Issue 5(69). P. 2271–2281
19. State Employment Policy in Russia. Electronic Tools of Labor Market Monitoring / V.N. Bobkov, O.V. Neterebsky, I.V. Novikova, I.A. Shichkin // Digital (R)evolution and Its Effects on Labor: Opportunities and Challenges for Regional and Local Labor Market Monitoring. Munich: Rainer Hampp Verlag, 2016, pp. 251–266.
20. Todorova S., Kalkova J. Multifunctional Agriculture: Social and Ecological Impacts on the Organic Farms in Bulgaria // Procedia Economics and Finance. 2014. Vol. 9. P. 10–320

Преюдициальное значение решений судов при пересмотре дел об административных правонарушениях в арбитражном процессе

Антонов Артем Геннадьевич,

помощник судьи первого судебного состава, Арбитражный суд Северо-Кавказского округа
E-mail: antonov.sudrf@yandex.ru

Статья посвящена анализу проблематики, связанной с пересмотром дел об административных правонарушениях в арбитражном процессе в Российской Федерации. В статье рассматриваются неединообразные подходы судов к решениям антимонопольных органов, освещается случай с жалобой оператора связи на отказ управляющей компании предоставить доступ к обслуживанию жителей многоквартирных домов, что нередко противоречит принципам кассационного рассмотрения дел. Поднимается вопрос о преюдициальном значении решений судов при рассмотрении административных дел, а также о возможности использования арбитражными судами фактических обстоятельств из других дел для обоснования своих выводов.

Ключевые слова: арбитражный процесс, административные правонарушения, пересмотр дел, антимонопольное законодательство, неединообразие судебных решений, преюдициальное значение, переоценка доказательств, Верховный Суд РФ, Федеральная антимонопольная служба (ФАС России), кассационная инстанция, права операторов связи, управляющие компании, многоквартирные дома, судебная практика, принципы кассационного рассмотрения.

В современной правовой доктрине и практике возникают всё более сложные и спорные вопросы, касающиеся определения границ предпринимательской деятельности и административной ответственности юридических лиц. Настоящая статья посвящена анализу арбитражной практики и вопросам подведомственности дел об административных нарушениях в сфере благоустройства, дорожного движения и миграционного регулирования. Основное внимание уделяется проблематике квалификации правонарушений, связанных с экономической деятельностью организаций, и выявлению критериев, по которым такие проступки могут считаться предпринимательскими.

Актуальность темы обусловлена неоднородностью судебной практики и отсутствием чётких критериев, позволяющих определить, когда действия юридического лица следует квалифицировать как предпринимательские нарушения. Различия в подходах судов не только затрудняют правоприменительную деятельность, но и создают правовую неопределенность для субъектов экономической деятельности. Это в свою очередь подрывает принципы правовой определенности и предсказуемости, которые являются неотъемлемыми атрибутами правового государства.

Целью данного исследования является систематизация судебной практики и формирование предложений по унификации подходов к квалификации административных нарушений в контексте предпринимательской деятельности. Мы стремимся выявить основные тенденции в судебной интерпретации соответствующих нормативных актов, а также проанализировать прецеденты, которые могут служить руководством для будущих решений в аналогичных делах.

В соответствии с частью 1 статьи 27 Арбитражного процессуального кодекса РФ [1] (Далее – АПК РФ), арбитражные суды Российской Федерации наделены полномочиями по разрешению экономических споров и рассмотрению случаев, связанных с предпринимательской и экономической деятельностью, причем подсудность определяется на основе характера дела. Судебная практика включает дела с участием юридических и физических лиц, ведущих предпринимательскую деятельность, а также государственных и муниципальных структур в случаях, установленных АПК РФ и другими федеральными законами. Арбитражные суды также рассматривают административные и публично-правовые споры, связанные с хозяйственной деятельностью, в том числе вопросы административных правонарушений, когда их компетенция опре-

делена федеральным законодательством (пункт 3 части 1 статьи 29 АПК РФ).

В юридической доктрине термин «подведомственность» интерпретируется как присущая компетенция определённого органа государственной власти разбирать споры, требующие властного урегулирования. Так, Н.А. Нобель указывает [10] на включение в Кодекс РФ об административных правонарушениях [2] (Далее – КоАП РФ) понятий «подведомственность» и «подсудность», вытекающих из разграничения полномочий между различными судебными инстанциями, начиная с определения компетентного суда, вплоть до установления его территориальной юрисдикции.

Д.Д. Рожкова выделяет виды подведомственности в контексте административных правонарушений, связывая их с предметом и географическим расположением [13]. Предметная подведомственность описывает способность органа власти разбирать определённые споры в соответствии с его компетенцией, тогда как территориальная подведомственность связана с определением региона РФ для рассмотрения спора. Отсюда следует, что «территориальная подведомственность» синонимична «подсудности».

В рамках научного анализа юридических понятий, различие между терминами «подведомственность» и «подсудность» может быть уточнено. Подведомственность арбитражных судов касается административных правонарушений, совершенных юридическими и физическими лицами в контексте экономической деятельности, и регулируется Главой 25 АПК РФ. Законодательно дела делятся на две категории: о привлечении к административной ответственности и об оспаривании соответствующих решений административных органов. Подведомственность арбитражного суда дел о привлечении к ответственности установлена в статье 23.1 КоАП РФ и конкретизирована Постановлением Пленума Высшего Арбитражного суда РФ (Далее – ВАС РФ) № 10 от 02.06.2004 года, указывающим на подведомственность таких дел арбитражным судам в случаях проведения административного расследования [3].

Высшие судебные инстанции РФ предоставили разъяснения по вопросам подведомственности, основываясь на статье 23.1 КоАП РФ и Постановлении Верховного суда РФ (Далее – ВС РФ), которые определяют критерии отнесения дел к компетенции определенного судебного органа. В соответствии с указанными документами, некоторые дела не подсудны судам общей юрисдикции, в частности, если проводилось административное расследование или если предприниматель, совершивший правонарушение, потерял соответствующий статус. Термин «не подсудно» в данных разъяснениях отражает неподведомственность дел судам общей юрисдикции.

При анализе вопроса подведомственности арбитражных судов в отношении дел о административных правонарушениях, совершенных экономическими субъектами, применяются определенные

критерии. В соответствии с частью 3 статьи 23.1 КоАП РФ, подведомственность арбитражным судам определяется на основе предмета спора, включая конкретные категории дел, перечисленные в законодательстве.

Законодательство строго регламентирует перечень дел, подсудных арбитражным судам, и предусматривает возможность его изменения в соответствии с законодательными актами. Помимо предмета, важен субъектный критерий: арбитражные суды компетентны рассматривать правонарушения, совершенные исключительно юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями.

Кроме того, учитывается характер правоотношений, а именно, связь административного правонарушения с предпринимательской или иной экономической деятельностью нарушителя. Это подразумевает, что для определения подведомственности необходимо учитывать не только статус правонарушителя, но и контекст, в котором произошло правонарушение.

Проблематика, связанная с определением подведомственности (подсудности) для рассмотрения инцидентов, связанных с нарушением норм КоАП РФ, а также их повторной оценки остается важным вопросом на сегодняшний день. Трудности в определении правильной юрисдикции проявляются в случаях, изучаемых арбитражными судами.

В контексте арбитражного судопроизводства, рассмотрение административных дел влечет за собой вынесение судебных решений, обладающих качествами законной силы, такими как уникальность, непроверяемость, обязательность, исполнимость и преюдициальность. Последнее свойство подразумевает освобождение от необходимости повторного доказывания обстоятельств, установленных в ходе судебного разбирательства.

Согласно ст. 29.9 КоАП РФ, арбитражные суды не выносят постановлений, их компетенция ограничивается вынесением решений, которые вступают в законную силу согласно ч. 1. 4 ст. 206 АПК РФ. Преюдициальность таких решений, как представляется, не требует специального упоминания в КоАП РФ, поскольку она является естественным правовым свойством судебных актов.

КоАП РФ в Главе 23 выделяет компетентные органы и должностных лиц для рассмотрения административных правонарушений, включая ответственность индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, которая эквивалентна ответственности должностных лиц.

При обжаловании решений и действий (или бездействия) государственных органов, связанных с административными правонарушениями, следует учитывать, что самостоятельное обжалование возможно до момента вынесения постановления о привлечении к ответственности или до передачи дела в суд. Обжалование может происходить согласно процедурам, установленным главой 24 АПК РФ.

Анализ процедур оспаривания решений и действий (или бездействия) органов власти, осуществ-

вленных в контексте административных правонарушений, выявляет, что такие действия могут быть основанием для приостановления процедуры по соответствующему делу. Решения арбитражных судов по административным делам обладают преюдициальным значением в гражданском судопроизводстве, предоставляя основу для рассмотрения последующих связанных дел.

Постановления, вынесенные по делам о привлечении к административной ответственности или оспаривании соответствующих решений властных органов, имеют преюдициальную силу. Введение преюдиции в АПК РФ расширяет ее применение на арбитражные разбирательства по административным нарушениям.

А.В. Новиков подчеркивает, что, хотя раздел 24 КоАП РФ не устанавливает преюдициальности, единообразие процедур, которым подчиняются судьи, органы и должностные лица при рассмотрении административных правонарушений, приводит к определенным выводам:

1. Решения, принимаемые органами исполнительной власти, не обладают преюдициальным свойством, поскольку не имеют законодательной силы в классическом понимании.

2. Судебные решения не признаются преюдициальными в контексте административных процедур, когда эти процедуры проводятся органами или должностными лицами без вовлечения судебной системы ввиду того, что для наступления преюдициальности требуется, по крайней мере, два судебных решения, где предшествующее решение создает основу преюдициального факта для последующего рассмотрения в суде по данному вопросу [11].

К.С. Рыжков подчеркивает необходимость учета исполнительной властью обстоятельств, признанных в судебном порядке, ввиду обязательного исполнения решений суда [14].

В рамках разбирательства определенных категорий дел арбитражными судами, в дополнение к нормам, содержащимся в КоАП РФ, также находят применение положения АПК РФ. Эти положения позволяют использовать факты, установленные в одном судебном процессе, как значимые для определения наличия или отсутствия ответственности в рамках другого дела.

Когда исполнительная власть выносит постановления о наказании лиц, нарушивших административное законодательство, юридическая оценка этих решений, а также совершенных или не совершенных действий происходит в судебных инстанциях при анализе споров по этим постановлениям.

В соответствии с ч. 1 ст. 29.9 КоАП РФ, итоговые документы, вынесенные по делам об административных нарушениях, могут быть классифицированы как акты, устанавливающие взыскание, так и как акты, закрывающие дело. Оба вида документов подлежат пересмотру в арбитражном процессе на основании апелляционного обжалования. Параллельно, в соответствии с 30.1 того же

Кодекса, решения о невозбуждении дел по административным правонарушениям также могут быть предметом обжалования в арбитражных судах, при этом процедура обжалования аналогична той, что применяется для актов о наказании за административные нарушения.

Важно подчеркнуть, что решения, принятые арбитражными судами в ходе судебного процесса, могут иметь последующее влияние на иные дела. В качестве иллюстрации, в процессе оценки правомерности наложения административной санкции на банк за передачу недостоверных данных, суд арбитража пришел к выводу о существовании договоренности между сторонами, опираясь на ранее принятое судебное решение, в котором банк пытался оспорить реальность заключения контракта с организацией, представляющей интересы ветеранов [15].

Таким образом, судебные решения, вынесенные в рамках дел, возникающих из административных и других публичных правоотношений, в частности по спорам о ненормативных актах, могут признаваться имеющими преюдициальное значение.

В процессе оценки кассационной жалобы на решение относительно привлечения ООО к ответственности согласно части 1 статьи 14.32 КоАП РФ, ВС РФ пришел к выводу о законности отказа в наложении административного взыскания на компанию. Одним из ключевых аргументов стало признание незаконности распоряжения антимонопольного органа другим арбитражным судом [6]. Таким образом, факт неправомерности изданного предписания, установленный при его обжаловании, признан ВС РФ обладающим преюдициальным значением.

В дополнение, в процедуре рассмотрения случаев административных нарушений арбитражные суды вправе использовать для обоснования своих выводов фактические обстоятельства, выявленные в ходе других дел о нарушениях. Например, предприниматель был подвергнут административному наказанию за несоблюдение установленных требований оформления документации во время экспорта товаров, опираясь на данные ранее вынесенного постановления, которое отменяло ответственность, но при этом подтвердило факты неучета валютных доходов.

Арбитражные суды Российской Федерации иногда выходят за рамки своих полномочий, производя переоценку доказательств на кассационном уровне, что является выходом за пределы их компетенции. В отдельных случаях судебные акты содержат элементы нормотворчества, что противоречит их обычной функции. Обращается внимание на то, что Судебная коллегия ВС РФ по экономическим спорам поддерживает разнообразные решения, игнорируя необходимость обеспечения единообразия судебной практики, что отличается от подхода, применяемого ранее Высшим Арбитражным Судом РФ в соответствии со статьей 304 АПК РФ [5].

Заслуживает внимания ситуация, когда рассматривается привлечение к ответственности за пу-

бликацию ненадлежащей рекламы организацию, которая не имела прямого отношения к содержанию рекламного сообщения, а лишь предоставляла технические условия для ее распространения. Данный вопрос в специальной литературе определенные дискуссии [9], поскольку Верховный Суд РФ оставляет в силе противоречивые решения нижестоящих судов, демонстрируя несоответствие в подходах [6].

Аналогично, в специальной литературе не существует консенсуса в вопросе о правомерности взимания платы за теплоснабжение в неотапливаемый сезон [12]. Несмотря на наличие решений, запрещающих такую практику, ВС РФ занял противоположную позицию, допускающую взимание платы [7].

В контексте антимонопольного законодательства также наблюдаются неединообразные подходы судов. Примером может служить дело, в котором оператор связи жаловался на отказ управляющей компании в доступе к обслуживанию жителей многоквартирных домов. Верховный Суд РФ вынес решение, противоречащее выводам антимонопольного органа, основываясь на том, что вопросы доступа регулируются решениями общего собрания жильцов, несмотря на доминирующее положение управляющей компании, обслуживающей значительное количество домов [8].

В некоторых ситуациях экономическая коллегия Верховного Суда РФ и Федеральная антимонопольная служба России проводят тщательный анализ доказательств и обстоятельств, что может выходить за традиционные рамки их полномочий на кассационном этапе. Иногда наблюдается различие в подходах к решениям дел, включая вопросы анализа товарных рынков, что может создавать впечатление о недостаточной согласованности в судебной практике и интерпретации принципов кассационного рассмотрения.

Таким образом, существует потребность в гармонизации процедурных аспектов рассмотрения административных правонарушений в судебной системе. В настоящее время, некоторые подходы к вопросам привлечения к административной ответственности различаются в судах общей юрисдикции и арбитражных судах. Это приводит к разобщению судебной практики, что представляется недопустимым: суды общей юрисдикции могут применять норму о незначительности нарушения на любой стадии делопроизводства, в отличие от арбитражных судов, которые ограничены в этом Гражданским процессуальным кодексом. Подход к приему и оценке доказательств также различается: в общих судах доказательства могут быть приняты на любом этапе рассмотрения, в то время как арбитражные суды имеют ограничения. Похожее различия наблюдаются в вопросах коллегиального рассмотрения дел и процедуре рассмотрения жалоб.

Согласно поправкам, внесенным в АПК РФ, после 5 января 2024 года, решения по делам о штрафах до 100 тысяч рублей теперь могут быть об-

жалованы не только в апелляционном порядке, но и через кассационную инстанцию. Это изменение предоставляет дополнительную возможность для пересмотра решений, что может усилить защиту прав сторон и повысить справедливость судебных решений.

Если кассационный суд принимает решение об отмене предыдущих судебных актов, у сторон появляется право на обращение в Верховный Суд Российской Федерации для дальнейшего пересмотра дела. Это уровень контроля позволяет участникам процесса воспользоваться верховным уровнем судебной системы для окончательного разрешения спора.

В заключении данной научной статьи можно отметить, что проведенный анализ существующего законодательства и практики административного и арбитражного судопроизводства в Российской Федерации выявил ряд проблем и противоречий, требующих решения. Важным направлением совершенствования судебной системы является дальнейшее уточнение полномочий арбитражных судов. Такое уточнение будет способствовать более четкому соблюдению компетенции судов и предотвратит возможные случаи переоценки доказательств на кассационной стадии. Для достижения этих целей полезно будет обратить внимание на проработку существующего нормативного регулирования и рассмотреть возможность внедрения дополнительных мер, направленных на повышение эффективности кассационного пересмотра.

Кроме того, важно уделить внимание вопросам обеспечения единообразия судебной практики. Разнообразие решений, принимаемых судами, в том числе экономической коллегией ВС РФ, способствует правовой неопределенности и затрудняет предсказуемость исходов дел для участников судопроизводства. В этом контексте следует рассмотреть возможность усиления роли обобщения судебной практики и разработки четких рекомендаций для судов всех инстанций.

Проблема подведомственности дел также требует дополнительного внимания. Несоответствия в судебной практике могут привести к необоснованной передаче дел из одной инстанции в другую, что увеличивает судебные издержки и затягивает процесс рассмотрения дел. Необходимо стремиться к унификации подходов к определению подведомственности, возможно, путем внесения ясности в законодательные нормы и разъяснительные документы ВС РФ.

В свете выявленных проблем, автор исследования усматривает перспективу в создании специализированных административных судов, которые будут разбирать исключительно административные дела и дела об административных правонарушениях. Такие суды могли бы способствовать повышению качества и эффективности административного судопроизводства, обеспечивая при этом более высокий уровень специализации судей и, как следствие, более глубокое понимание административного права и процесса.

В заключение следует акцентировать на необходимости всестороннего анализа и реформирования административного судопроизводства в Российской Федерации, что потребует участия как законодательных, так и судебных органов, а также научного сообщества и практикующих юристов. Только комплексный и сбалансированный подход позволит создать более справедливую, доступную и эффективную систему административного правосудия.

Литература

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 25.12.2023). Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (дата обращения: 02.01.2024).
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2024). Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (дата обращения: 02.01.2024).
3. Постановление Пленума ВАС РФ от 02.06.2004 N 10 (ред. от 21.12.2017) «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях». Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (дата обращения: 02.01.2024).
4. Определение Верховного Суда РФ от 03.12.2021 N 309-ЭС21–16461 по делу N А07–25147/2020. Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (дата обращения: 02.01.2024).
5. Определение Верховного Суда РФ от 27.01.2022 N 306-ЭС21–26918 по делу N А55–1601/2021. Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (дата обращения: 02.01.2024).
6. Определение Верховного Суда РФ от 13.06.2023 N 301-ЭС23–8678 по делу N А28–14065/2021. Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (дата обращения: 02.01.2024).
7. Обзор судебной практики по делам, связанным с обращением с твердыми коммунальными отходами (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13.12.2023). Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (дата обращения: 02.01.2024).
8. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 1 марта 2018 г. N 306-КГ17–17056 по делу N А55–16550/2016. Документ опубликован не был. Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (дата обращения: 02.01.2024).
9. Кулешова И.Ю. Некоторые аспекты административно-правового регулирования противодействия ненадлежащей рекламе // Административное и муниципальное право. 2017. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-aspekty-administrativno-pravovogo-regulirovaniya-protivodeystviya-nenadlezhashey-reklame> (дата обращения: 02.01.2024).
10. Нобель Н.А. К вопросу об определении подведомственности дел об административных пра-

вонарушениях судьями судов общей юрисдикции // Вестник ННГУ. 2021. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-opredelenii-podvedomstvennosti-del-ob-administrativnyh-pravonarusheniyah-sudyami-sudov-obshchey-yurisdiksi> (дата обращения: 02.01.2024).

11. Новиков А.В. Преюдиция в производстве по делам об административных правонарушениях // Мировой судья. – 2014. – № 12. – С. 34–37.
12. Панова И.В. Актуальные проблемы административной ответственности / И.В. Панова, А.Б. Панов // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2019. – Т. 21, № 3. – С. 105–134.
13. Рожкова Д.Д. Подведомственность по административным делам в контексте развития судебного административного процесса // Юридическая наука. 2020. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podvedomstvennost-poadministrativnym-delam-v-kontekste-razvitiya-sudebnogo-administrativnogo-protsessa> (дата обращения: 02.01.2024).
14. Рыжков, К.С. Преюдиция и единообразное применение судами правовых норм: соотношение понятий в гражданском и арбитражном процессе / К.С. Рыжков // Актуальные проблемы государства и права. – 2022. – Т. 6, № 2(22). – С. 235–241.
15. Ястребов В.М. Отдельные особенности унификации правил преюдиции в судопроизводстве // Sciences of Europe. 2020. № 50–5 (50). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otdelnye-osobennosti-unifikatsii-pravil-prejuditsii-v-sudoproizvodstve> (дата обращения: 02.01.2024).

PREJUDICIAL SIGNIFICANCE OF COURT DECISIONS WHEN REVIEWING CASES OF ADMINISTRATIVE OFFENSES IN THE ARBITRATION PROCESS

Antonov A.G.

Arbitration Court of the North Caucasus District

The article is devoted to analyzing the issues related to the review of cases on administrative offenses in arbitration proceedings in the Russian Federation, especially in the context of antimonopoly legislation. The article examines the diverse approaches of courts to the decisions of antimonopoly authorities, highlights a case involving a complaint from a communication operator regarding the refusal of a management company to provide access to service residents of multi-apartment buildings, as well as the problem of a complete reassessment of evidence by the Economic Collegium of the Supreme Court of the Russian Federation and the Federal Antimonopoly Service (FAS Russia), which often contradicts the principles of cassation review of cases. The question of the prejudicial significance of court decisions in the consideration of administrative cases is raised, as well as the possibility of arbitration courts using factual circumstances from other cases to justify their conclusions.

Keywords: arbitration process, administrative offenses, review of cases, antimonopoly legislation, diversity of court decisions, prejudicial significance, reassessment of evidence, Supreme Court of the Russian Federation, Federal Antimonopoly Service (FAS Russia), cassation instance, rights of communication operators, management companies, multi-apartment buildings, judicial practice, principles of cassation review.

References

1. Arbitration Procedural Code of the Russian Federation dated July 24, 2002 N 95-FZ (as amended on December 25, 2023). Access: SPS “Consultant Plus Prof” (access date: 01/02/2024).

2. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses dated December 30, 2001 N 195-FZ (as amended on December 25, 2023) (as amended and supplemented, entered into force on January 1, 2024). Access: SPS "Consultant Plus Prof" (access date: 01/02/2024).
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated June 2, 2004 N 10 (as amended on December 21, 2017) "On some issues that arose in judicial practice when considering cases of administrative offenses." Access: SPS "Consultant Plus Prof" (access date: 01/02/2024).
4. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 3, 2021 N 309-ES21-16461 in case N A07-25147/2020. Access: SPS "Consultant Plus Prof" (access date: 01/02/2024).
5. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated January 27, 2022 N 306-ES21-26918 in case N A55-1601/2021. Access: SPS "Consultant Plus Prof" (access date: 01/02/2024).
6. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 13, 2023 N 301-ES23-8678 in case N A28-14065/2021. Access: SPS "Consultant Plus Prof" (access date: 01/02/2024).
7. Review of judicial practice in cases related to the management of municipal solid waste (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on December 13, 2023). Access: SPS "Consultant Plus Prof" (access date: 01/02/2024).
8. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 1, 2018 No. 306-KG17-17056 in case No. A55-16550/2016. The document was not published. Access: SPS "Consultant Plus Prof" (access date: 01/02/2024).
9. Kuleshova I. Yu. Some aspects of administrative and legal regulation of countering inappropriate advertising // Administrative and municipal law. 2017. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-aspekty-administrativno-pravovogo-regulirovaniya-protivodeystviya-nenadlezhaschey-reklame> (date of access: 01/02/2024).
10. Nobel N.A. On the issue of determining the jurisdiction of cases of administrative offenses by judges of courts of general jurisdiction // Bulletin of the UNN. 2021. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-opredelenii-podvedomstvennosti-del-ob-administrativnyh-pravonarusheniyah-sudyami-sudov-obshchey-yurisdiktsii> (date of access: 01/02/2024).
11. Novikov A.V. Prejudice in proceedings in cases of administrative offenses // Justice of the Peace. – 2014. – No. 12. – P. 34–37.
12. Panova I.V. Current problems of administrative responsibility / I.V. Panova, A.B. Panov // Asia-Pacific region: economics, politics, law. – 2019. – T. 21, No. 3. – P. 105–134.
13. Rozhkova D.D. Jurisdiction for administrative cases in the context of the development of the judicial administrative process // Legal science. 2020. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podvedomstvennost-po-administrativnym-delam-v-kontekste-razvitiya-sudebnogo-administrativnogo-protsesssa> (date of access: 01/02/2024).
14. Ryzhkov, K.S. Prejudice and uniform application of legal norms by courts: the relationship of concepts in civil and arbitration proceedings / K.S. Ryzhkov // Current problems of state and law. – 2022. – T. 6, No. 2(22). – pp. 235–241.
15. Yastrebov V.M. Selected features of the unification of the rules of prejudice in legal proceedings // Sciences of Europe. 2020. No. 50–5 (50). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otdelnye-osobennosti-unifikatsii-pravil-prejuditsii-v-sudoproizvodstve> (date of access: 01/02/2024).

Правоотношения по предупреждению причинения вреда: определение места в системе гражданских правоотношений

Баймухаметов Богдан Васильевич,

Аспирант, Новосибирский государственный университет
экономики и управления

E-mail: bogdan.baimukhametov@yandex.ru

Цель: автором поставлена цель проанализировать различные доктринальные подходы к понятию и правовой природе отношений, возникающих в связи с предупреждением причинения вреда; выделить признаки данных отношений; определить место отношений по предупреждению причинения вреда в системе гражданских правоотношений.

Методология: методологическую основу исследования составляют общеправовые метод (диалектический), общенаучные методы познания, общелогические методы (анализ, синтез, индукция, дедукция, обобщение, классификация, абстрагирование), специально-юридические методы (формально-юридический, метод толкования норм права).

Результаты: произведен анализ различных подходов к пониманию правоотношений по предупреждению причинения вреда; сделан вывод относительно приемлемого наименования рассматриваемых правоотношений; выделены существенные признаки данных правоотношений; предложено авторское определение правоотношений по предупреждению причинения вреда.

Выводы: настоящая статья представляет интерес для научного сообщества, поскольку формирует и систематизирует теоретическую основу для дальнейших исследований правоотношений по предупреждению причинения вреда.

Ключевые слова: предупреждение причинения вреда, угроза причинения вреда, правоотношения, внедоговорные обязательства, способы защиты гражданских прав.

Введение

Действующее гражданское законодательство позволяет защищать гражданские права пресечением угрожающих им действий, что прямо предусмотрено в статье 1065 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ).

Если в первых комментариях к данной статье ГК РФ указывалось на ее направленность на предупреждение «экологического вреда» от деятельности опасных производств, в частности, связанных с ядерной энергетикой и химической промышленностью [11, с. 1112], то складывающаяся правоприменительная практика наглядно демонстрирует значительно более широкий потенциал этой нормы, выходящий далеко за пределы законодательства в сфере охраны окружающей среды.

С появлением данного положения в доктрине обоснованно повысился интерес к правовым отношениям, возникающим в связи с предупреждением причинения вреда, однако единства мнений по вопросу правовой природы данных отношений и их места в системе гражданских правоотношений до сих пор не наблюдается.

Не отличается единообразием и подход к наименованию рассматриваемых отношений. В зависимости от обозначаемых признаков и понимания исследователями правовой природы отношений их именуют «предделиктными» [8, с. 128], «предупредительными» [3, с. 36], «обязательствами из угрозы причинения вреда» [4, с. 17], «из предупреждения причинения вреда» [15, с. 1093].

Представляется, что исследователи, именующие данные правоотношения отношениями «из предупреждения причинения вреда», вдохновляются созвучной категорией «обязательства из причинения вреда», ставшей традиционной еще для советской судебной практики и юридической литературы [18, с. 5]. Тем самым подчеркивается тяготение рассматриваемых отношений к деликтным, что, по нашему мнению, является не совсем верным.

Наибольшее распространение получила формулировка «правоотношения по предупреждению причинения вреда» [10, с. 75], что, по нашему мнению, является наиболее точным обозначением рассматриваемых отношений с учетом их специфики и правовой природы, о котором пойдет речь далее. Для удобства далее будет обозначать правоотношения по предупреждению причинения вреда аббревиатурой «ПОППВ».

Методология

Методологическую основу исследования составили всеобщие принципы научного познания (всеобщность, системность, объективность), общеправовой метод (диалектический). Автор в ходе исследования использовал общенаучные методы познания (сравнение, восхождение от абстрактного к частному), общеправовые методы (анализ, синтез, индукция, дедукция, обобщение, классификация, абстрагирование), специально-юридические методы (формально-юридический, метод толкования норм права, догматический).

Подходы к правовой природе правоотношений по предупреждению вреда в литературе

Определить место ПОППВ в системе гражданских правоотношений достаточно сложно. Отдельные ученые относят их к правоотношениям с отрицательным содержанием, отмечая, что они не вписываются в традиционное понятие обязательства, определяемого как требования о совершении *определенных* активных действий, воздержании от *определенных* действий [2, с. 236].

С.С. Бондаренко утверждает, что предупреждение причинения вреда осуществляется вне рамок обязательства, поскольку не опосредует оборот материальных благ, не способно к самостоятельному существованию, поскольку неразрывно связано с основным субъективным правом, в отношении которого возникла опасность; иск по ст. 1065 ГК РФ может быть направлен против любого лица, осуществляющего в настоящий момент те действия, которые привели к возникновению опасности (например, если опасный объект начинает эксплуатировать новый собственник, иск следует предъявлять именно к нему) [5, с. 6].

Е.М. Сенотрусова, говоря об особенностях ПОППВ, отмечает отсутствие связи с имуществом при превалировании «пассивной функции должника в виде приостановления или прекращения деятельности», а также срок действия обязанности должника, ограниченный сроком действия самой опасности причинения вреда, что также, по мнению автора, не позволяет признавать данные правоотношения обязательствами [16, с. 17].

Однако все же большинство ученых относит ПОППВ к обязательствам, причем к охранительным [7, с. 64]. Часто исследователи не раскрывают по каким именно характерным признакам определили природу ПОППВ либо ограничиваются ссылкой на определение обязательства, предложенного М.М. Агарковым, как «гражданского правоотношения, в силу которого одно лицо (или несколько лиц) имеет право требовать от другого лица (или нескольких других лиц) совершения определенного действия либо воздержания от совершения какого-либо действия» [1, с. 13], тем самым объясняя возможность существования обязательств, связанных с воздержанием от опасной деятельности.

Авторский подход к определению правовой природы правоотношений по предупреждению причинения вреда

Применяя аналогию к ПОППВ, можно сказать, что одно лицо (кредитор) вправе требовать от другого лица (должника) в судебном порядке приостановления или прекращения опасной деятельности. Причем «пассивность должника» в данном случае, упоминаемая противниками признания ПОППВ в качестве обязательства, часто в полной мере компенсируется теми активными мероприятиями, которые должник должен осуществить в связи с возникшей обязанностью приостановления/прекращения своей опасной деятельности (например, консервация производства по добыче полезных ископаемых в пределах особо охраняемой природной территории путем остановки работы и вывоза оборудования [12] и т.п.).

«Необоротоспособность» требования об устранении опасности причинения вреда, упоминаемая в доктрине, также не исключает возможность признания ПОППВ обязательством хотя бы потому, что статья 383 ГК РФ предусматривает ряд прав, которые не могут переходить к другим лицам, включая, например, права на возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью. Обязательственная природа отношений из возмещения вреда в доктрине, как правило, не ставится под сомнение. Учитывая прямую связь между предупреждением причинения вреда и ситуациями, когда вред уже причинен, но опасная деятельность продолжается и грозит новым вредом (что прямо предусмотрено п. 2 ст. 1065 ГК РФ), можно также говорить о тесной связи ПОППВ и обязательств из причинения вреда и их схожей правовой природе.

Доказав обязательственную природу ПОППВ, укажем на то, что такое обязательство с точки зрения классификации по функциям, по нашему мнению, является охранительным.

Несмотря на распространенность данной точки зрения в науке, ее сторонники, как правило, не раскрывают по каким именно признакам сделали такой вывод.

В доктрине, однако, встречается и противоположный подход. По мнению В.В. Груздева, «пресекаательно-превентивные притязания, предусмотренные п. 1 и абз. 1 п. 2 ст. 1065 ГК РФ, возникают в составе нарушенного или оспоренного регулятивного правоотношения, т.е. не образуют самостоятельной юридической связи» [6, с. 16].

Оставив за рамками настоящего исследования, споры о самом существовании и самостоятельном характере охранительных правоотношений, сосредоточимся на признаках таких отношений, выделяемых в доктрине, в контексте ПОППВ.

Охранительные правоотношения направлены на защиту субъективных гражданских прав, путем восстановления нарушенного права или положе-

ния, существовавшего до нарушения [9, с. 28]. Применительно к ПОППВ это в полной мере раскрывается в ситуации, когда опасная деятельность уже приносит вред. В таком случае на субъекта такой деятельности возлагается обязанность по возмещению убытков. Однако даже если вреда еще нет, очевидно, что меры принуждения в виде запрещения или приостановления деятельности преследуют своей целью защиту субъективных гражданских прав потенциальных потерпевших, причем превентивно, до того, как угроза причинения вреда перерастет в реальный вред. Целью таких мер является возвращение к положению, существовавшему до самой угрозы нарушения прав.

Характерной особенностью охранительных правоотношений, проявляющейся и в ПОППВ, является их односторонний характер: субъективными правами обладает потерпевший (в данном случае требовать от ответчика прекратить осуществлять опасную деятельность), у правонарушителя есть только юридические обязанности.

Охранительные правоотношения являются относительными, поскольку субъектный состав в них точно определен. В случае с ПОППВ относительность правоотношения некоторыми учеными ставится под сомнение. С.С. Бондаренко отмечает, что иск по статье 1065 ГК РФ допустимо предъявить к любому (включая, например, нового собственника опасного предприятия), что свидетельствует о неопределенности субъектного состава такого правоотношения [5, с. 14]. Учитывая абсолютный характер, защищаемых таким иском прав, об абсолютности ПОППВ пишет и В.В. Груздев [6, с. 16].

По нашему мнению, у опасной деятельности всегда есть определенный субъект. Когда мы говорим об угрозе нарушению права собственности на место неопределенного круга обязанных лиц, приходит конкретный нарушитель, т.е. абсолютное регулятивное правоотношение сменяется относительным охранительным правоотношением.

Как и иные охранительные правоотношения, ПОППВ, по нашему мнению, являются правоотношениями активного типа: нарушитель обязан совершить в пользу потерпевшего определенные активные действия (приостановить или полностью прекратить деятельность).

Следующий признак, характерный для охранительных правоотношений, – реализация в рамках таких правоотношений мер государственного (правового) принуждения [20, с. 8]. В случае с ПОППВ это выражается в запрещении или приостановлении опасной деятельности на основании решения суда. В доктрине и правоприменительной практике нет единого подхода к пониманию правовой природы таких мер: являются ли они мерами ответственности или мерами защиты.

В связи с тем, что до возникновения ПОППВ между субъектами отсутствует правовая связь в виде конкретных прав и обязанностей, то ПОППВ носят внедоговорной характер.

Основание возникновения правоотношений по предупреждению вреда в литературе

В доктрине и правоприменительной практике нет однозначного подхода к определению основания возникновения ПОППВ.

Основаниями возникновения обязательств в доктрине признаются договоры и иные сделки, акты публичной власти и иные акты административного характера, судебные решения, неправомерные действия и юридические поступки, а также события [19, с. 75]. Говоря об основании возникновения ПОППВ, отметим, что Д.Н. Кархалев относит деятельность, создающую угрозу причинения вреда, к неправомерным действиям [9, с. 22], а М.К. Сулейменов к юридическим поступкам [17, с. 15]. Последняя точка зрения представляется более правильной, поскольку опасная деятельность может быть и правомерной, а воля субъекта такой деятельности и не направлена на создание угрозы для окружающих, но в конечном счете ее создает, что характерно для юридических поступков.

Примечательно, что и Верховный Суд допускает возможность запрещения опасной деятельности даже при ее правомерности: истец должен доказать реальность наступления такой опасности в результате осуществления ответчиком деятельности как нарушающей установленные требования в области охраны окружающей среды, так и соответствующей им на момент предъявления требования, и необходимость запрещения соответствующей деятельности», «наличие у ответчика разрешительной документации на осуществление деятельности, создающей опасность причинения вреда, положительного заключения экологической экспертизы не является основанием для отказа в иске» [13].

Исходя из положений ст. 1065 ГК РФ ограничительные меры в отношении субъекта опасной деятельности могут быть возложены только судом. Отсюда А.В. Климович делает вывод, что само обязательство возникает со вступлением в силу решения суда об удовлетворении требования о прекращении или приостановлении опасной деятельности ответчика [10, с. 77].

Руководствуясь принципом свободы договора, а также изучив зарубежный опыт, отдельные исследователи допускают заключение соглашений о предупреждении возможного вреда, т.е. указывают на возможную договорную природу ПОППВ [16, с. 17].

Интересно, что в обнаруженной нами судебной практике суд, отказывая в иске по ст. 1065 ГК РФ, мотивировал это в том числе ранее рассмотренным в отношении ответчика делом об административном правонарушении, в котором «административный орган не усмотрел оснований для назначения более строгого для общества наказания, такого как приостановление деятельности» [14]. Представляется, что в данном случае суд связал возникновение обязательства с актами административного характера, предписывающими устранить допущенные нарушения норм публичного права.

По нашему мнению, сам факт опасности причинения вреда в будущем, тяготея по своей правовой природе к юридическим поступкам, является самостоятельным основанием для возникновения ПОППВ. Решение суда, договор или акт административного характера лишь фиксируют наличие уже существующей опасности, формализуют ее, но не могут являться самостоятельным основанием для возникновения такого обязательства.

Заключение

Таким образом, правоотношение по предупреждению причинения вреда представляет собой одностороннее внедоговорное обязательство активного типа, возникающее между потерпевшим и субъектом права, чья деятельность создает опасность нарушения субъективного гражданского права потерпевшего и направлено на его защиту. Единственным основанием возникновения такого обязательства является факт опасности причинения вреда в будущем, который по своей правовой природе тяготеет к юридическим поступкам.

Предложенное определение учитывает наиболее значимые признаки рассмотренного правоотношения, фиксируя его место в системе иных гражданских правоотношений.

Литература

1. Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. М., 1940. 192 с.
2. Белов В.А. Гражданское право. Актуальные проблемы теории и практики в 2 т. Том 2 / отв. редактор В.А. Белов. 2-е изд., стер. Москва: Издательство Юрайт. 2023. 484 с.
3. Богданов Д.Е. Эволюция гражданско-правовой ответственности. Опыт сравнительно-правового исследования: Монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011. 117 с.
4. Болтанова, Е.С. Деликтное право: учебное пособие / Е.С. Болтанова, М.В. Кратенко. – М.: Юстицинформ, 2022. 204 с.
5. Бондаренко С.С. Защита гражданских прав при возникновении угрозы их нарушения: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2011. 19 с.
6. Груздев В.В. Проблема «иных» относительных гражданских правоотношений // Российская юстиция. 2016. № 1. С. 13–16.
7. Гусева Е.А. Предупреждение причинения вреда вследствие деятельности, представляющей повышенную опасность для окружающих, по гражданскому праву России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 189 с.
8. Ершов О.Г. О развитии цивилистической теории внедоговорных отношений по предупреждению причинения вреда при строительстве // Основы экономики, управления и права. 2013. № 2. С. 128–129.
9. Кархалев Д.Н. Охранительное гражданское правоотношение: монография / Д.Н. Кархалев – М.: Статут, 2009. 332 с.

10. Климович А.В. Обязательства по предупреждению причинения вреда в гражданском праве России // Сибирский юридический вестник. 2016. № 3. С. 75–80.
11. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй: в 3 т. (постатейный) / Т.Е. Абова, Л.В. Андреева, Е.Б. Аникина и др.; под ред. Т.Е. Абовой, А.Ю. Кабалкина. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт-Издат, 2006. Т. 2. 1192 с.
12. Определение Верховного Суда РФ от 14.01.2022 № 309-ЭС21–26639 по делу № А07–22707/2020 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 30.01.2024 г.).
13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде» // Российская газета № 280. 11.12.2017.
14. Решение Успенского районного суда (Краснодарский край) от 10 июля 2020 г. по делу № 2–293/2020 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 18.12.2023 г.).
15. Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. II: Обязательственное право / Отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., стереотип. М.: Статут, 2011. 1208 с.
16. Сенотрусова Е.М. Предупреждение причинения вреда по российскому гражданскому праву: учебное пособие / Е.М. Сенотрусова. Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2021. 93 с.
17. Сулейменов М.К. Внедоговорные обязательства по законодательству Республики Казахстан // Внедоговорные обязательства: материалы междунар. науч.-практ. конф. в связи с 25-летием установления дипломатических отношений между Германией и Казахстаном, посвященной 25-летию Каспийского университета и 25-летию Юридической фирмы «Зангер» (Алматы, 25–26 мая 2017 г.) / отв. ред. М.К. Сулейменов. Алматы, 2017. С. 14–50.
18. Флейшиц Е.А. Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения. М.: Госюриздат, 1951. 239 с.
19. Хохлов В.А. Общие положения об обязательствах: учебное пособие / В.А. Хохлов. М.: Статут, 2015. 288 с.
20. Шепель Т.В. Внедоговорное охранительное обязательство: учебное пособие / Т.В. Шепель. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2021. 172 с.

LEGAL RELATIONS TO PREVENT HARM: DETERMINING ITS PLACE IN THE SYSTEM OF CIVIL LEGAL RELATIONS

Baymukhametov B.V.
Novosibirsk State University of Economics and Management

Object: the author analyzes various doctrinal approaches to the concept and legal nature of relations arising in connection with the prevention of harm; highlight the characteristics of these relationships; determine the place of relations to prevent harm in the system of civil legal relations.

Methods: the methodological basis of the study is the general philosophical method (dialectical), general scientific methods of cognition, general logical methods (analysis, synthesis, induction, deduction, generalization, classification, abstraction), special legal methods (formal legal, method of interpretation of legal norms).

Findings: an analysis of various approaches to understanding legal relations to prevent harm was carried out; a conclusion has been made regarding the acceptable name of the legal relationship under consideration; the essential features of these legal relations are highlighted; the author's definition of legal relations to prevent harm is proposed.

Conclusions: this article is of interest to the scientific community because it forms and systematizes a theoretical basis for further research into legal relations to prevent harm.

Keywords: prevention of harm, threat of harm, legal relations, non-contractual obligations, methods of protecting civil rights.

References

1. Agarkov M.M. Obligation under Soviet civil law. M., 1940. 192 p.
2. Belov V.A. Civil law. Actual problems of theory and practice in 2 vols. Volume 2 / rev. editor V.A. Belov. 2nd ed., revised. Moscow: Yurayt Publishing House. 2023. 484 p.
3. Bogdanov D.E. Evolution of civil liability. The experience of comparative legal research: Monograph. M.: UNITY-DANA, 2011. 117 p.
4. Boltanova, E.S. Tort law: a textbook / E.S. Boltanova, M.V. Kratenko. – M.: Justicinform, 2022. 204 p.
5. Bondarenko S.S. Protection of civil rights in the event of a threat of their violation: Abstract. dis. ... cand. Jurid. Sciences. St. Petersburg., 2011. 19 p.
6. Gruzdev V.V. The problem of "other" relative civil relations // Russian Justice. 2016. No. 1. pp. 13–16.
7. Guseva E.A. Prevention of harm caused as a result of activities that pose an increased danger to others, according to the civil law of Russia: dis. ... cand. Jurid. M., 2014. 189 p.
8. Ershov O.G. On the development of the civil theory of non-contractual relations for the prevention of harm during construction // Fundamentals of economics, management and law. 2013. No. 2. pp. 128–129.
9. Karkhalev D.N. Protective civil law relationship: monograph / D.N. Karkhalev – M.: Statute, 2009. 332 p.
10. Klimovich A.V. Obligations to prevent harm in the civil law of Russia // Siberian Legal Bulletin. 2016.No.3. pp. 75–80.
11. Commentary on the Civil Code of the Russian Federation Commentary on the Civil Code of the Russian Federation, part two: in 3 volumes (article by article) / T.E. Abova, L.V. Andreeva, E.B. Anikina et al.; edited by T.E. Abova, A.Y. Kabalkin. 3rd ed., reprint. and additional M.: Yurayt-Izdat, 2006. Vol. 2. 1192 p.
12. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 14.01.2022 No. 309-ES21–26639 in case No. A07–22707/2020 [Electronic resource] // SPS Consultant Plus (date of appeal: 30.01.2024).
13. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 11/30/2017 No. 49 "On some issues of the application of legislation on compensation for damage caused to the environment" // Rossiyskaya Gazeta No. 280. 12/11/2017.
14. Decision of the Uspensky District Court (Krasnodar Territory) dated July 10, 2020 in case No. 2–293/2020 [Electronic resource] // SPS "Consultant Plus" (date of application: 12/18/2023).
15. Russian civil law: Textbook: In 2 vols. Vol. II: Law of obligations / Ed. by E.A. Sukhanov. 2nd ed., stereotype. M.: Statute, 2011. 1208 p.
16. Cenotrusova E.M. Prevention of harm under Russian civil law: textbook / E.M. Cenotrusova. Irkutsk: Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2021. 93 p.
17. Suleimenov M.K. Non-contractual obligations under the legislation of the Republic of Kazakhstan // Non-contractual obligations: materials of the international scientific and practical conference in connection with the 25th anniversary of the establishment of diplomatic relations between Germany and Kazakhstan, dedicated to the 25th anniversary of the Caspian University and the 25th anniversary of the Law Firm "Sanger" (Almaty, May 25–26 2017) / ed. by M.K. Suleimenov. Almaty, 2017. pp. 14–50.
18. Fleishits E.A. Obligations from harm and from unjustified enrichment. M.: Gosyurizdat, 1951. 239 p.
19. Khokhlov V.A. General provisions on obligations: a textbook / V.A. Khokhlov. M.: Statute, 2015 288 p.
20. Shepel T.V. Non-contractual protective obligation: textbook / T.V. Shepel. Novosibirsk: Novosibirsk State University, 2021. 172 p.

Губайдуллина Эльмира Хамитовна,

кандидат юридических наук, доцент, Самарский
государственный экономический университет
E-mail: elmira_zaripova@mail.ru

Барабошкина Анастасия Алексеевна,

магистрант, Самарский государственный экономический
университет
E-mail: baraboshkina.99@mail.ru

Современные вызовы требуют от правовой системы не только адаптации, но и внедрения инноваций. Технология искусственного интеллекта предоставляет уникальные возможности для повышения эффективности судопроизводства, сокращения времени рассмотрения дел и улучшения доступности правосудия для граждан. Однако расширение использования искусственного интеллекта также сопряжено с определенными рисками, такими как потенциальные проблемы с безопасностью данных, этические вопросы и необходимость баланса между автоматизацией и ролью человеческого фактора в принятии решений.

Данная статья направлена на более глубокое понимание того, как создание и внедрение искусственного интеллекта в сферу правосудия могут оказать влияние на систему судопроизводства в России. Авторами рассматриваются перспективы, а также риски, встречающиеся на пути развития искусственного интеллекта в судебной системе, для обеспечения сбалансированного и эффективного развития этой важной области.

Ключевые слова: искусственный интеллект, цифровые технологии, электронный документооборот, электронное правосудие, подсистема ГАС «Правосудие», информационные системы «Мой арбитр», «Картотека арбитражных дел», «Банк решений арбитражных судов», «Умный суд, Интернет-суд Ханчжоу», «Система оценки общественной безопасности» (Public Safety Assessment, PSA), программа COMPAS, системы Watson/Ross от IBM и Lex Machina от LexisNexis, система DARE.

В современной реальности вопросы искусственного интеллекта становятся более актуальными, чем когда-либо. То, что раньше казалось уделом фантастики, теперь становится нашей повседневной реальностью, поскольку прогресс в интеграции искусственного интеллекта в различные аспекты нашей жизни продолжает ускоряться, открывая новые перспективы и решения. Такой прогресс также оказывает влияние и на судебную систему.

Ежедневное рассмотрение множества дел в судах представляет серьезные вызовы для юридической системы, создавая риск снижения качества судебной работы и эффективности правосудия. Именно в этом контексте внедрение искусственного интеллекта становится неотъемлемой мерой для обеспечения высокого уровня судебной защиты прав граждан.

На сегодняшний день замечается активное развитие и внедрение цифровых технологий в работе судов, сопровождающиеся успешной реализацией электронного документооборота и электронного правосудия, которые в свою очередь, обеспечиваются соответствующей подсистемой, ГАС «Правосудие», информационными системами «Мой арбитр», «Картотека арбитражных дел», «Банк решений арбитражных судов». Такие системы позволяют создать единую цифровую платформу для судов, обеспечивая эффективное взаимодействие в различных правовых областях.

Несомненным шагом в «современизации» и улучшении судебной системы является планирование внедрения в 2024 году суперсистемы «Правосудие онлайн». Данная инициатива открывает перед судебной системой новые горизонты и возможности, способствуя более современным и гибким методам обеспечения правосудия.

Принятие технологии правосудия онлайн может содействовать:

- Инновационному обслуживанию граждан: онлайн-платформы обеспечат гражданам возможность взаимодействия с судами через удобные виртуальные каналы, что сделает судебные услуги более дружелюбными и доступными;
- Улучшению процесса подачи документов: возможность электронной подачи документов и обмена информацией между сторонами упростит процесс и сэкономит время, что, в свою очередь, ускорит рассмотрение дел;
- Повышению эффективности судебных заседаний: онлайн-платформы для проведения судебных заседаний создадут возможность для участия сторон в процессе из любого удобного места, сокращая временные и географические барьеры;

- Внедрению технологии слабого искусственного интеллекта: суперсервис «Правосудие онлайн», использующий технологии слабого искусственного интеллекта, способен обеспечить автоматизацию и оптимизацию процессов, предоставляя пользователям современные инструменты для взаимодействия с судебной системой;
- Обеспечению большей прозрачности: пользователи получают возможность более тщательно отслеживать ход своих дел и оперативно ознакомляться с судебными решениями.

Таким образом, внедрение правосудия онлайн в 2024 году представляет собой не только переход к цифровой форме проведения судебных процессов, но и внедрение инновационных технологий, направленных на улучшение доступности, эффективности и прозрачности юстиции¹.

Сегодня искусственный интеллект демонстрирует свою эффективность в различных странах, где его внедрение становится неотъемлемой частью юридической практики. Например, в судебной системе Китая широко применяются технологии искусственного интеллекта, которые решают разнообразные задачи и вносят инновации в процесс правосудия. Задачи искусственного интеллекта включают в себя поиск аналогичных судебных актов, подбор нормативно-правовых актов по определенной тематике. Особенностью является возможность искусственного интеллекта проверять судебные решения и предлагать собственные альтернативы. В случае расхождения между решением судьи и предложенным искусственным интеллектом, судья обязан мотивированно обосновать свой выбор.

Новые технологии направлены на стандартизацию и унификацию судебных решений, предотвращая появление нелогичных и необоснованных решений, не соответствующих традиционной правоприменительной практике. Кроме того, в Китае уже реализуется «Умный Суд», который активно использует технологии искусственного интеллекта в судебной работе. Примером является Интернет-суд Ханчжоу², перенесший все судебные процедуры в онлайн-формат, специализирующийся на судебных спорах, связанных с Интернетом.

Также в Китае разработана технология, основанная на искусственном интеллекте, позволяющая в онлайн-формате проверять подлинность представляемых в суд доказательств. Участие в судебных заседаниях осуществляется через видеосвязь, а голосовой помощник упрощает процедурные моменты, обеспечивая аудиовизуальную обработку судебных слушаний и формирование протоколов заседаний³.

¹ На госуслугах запустят сервис «Правосудие-онлайн» // Российская газета – Столичный выпуск. 2023. № 58 (9003). URL: <https://rg.ru/2023/03/20/posporim-na-gadzheta.html>

² Шереметьева Н.В., Батуро И.В., У Шуан. Особенности электронного правосудия в КНР // Право и практика. 2020. № 5. С. 160.

³ Губайдуллина Э.Х., Гаврилов И.А. Искусственный интеллект в цивилистическом судопроизводстве Китая // Современ-

В отличие от Китая, где судебный искусственный интеллект широко внедрен и активно развивается, в США применение судебного искусственного интеллекта ограничивается небольшим числом частных специализированных систем. К примеру, система называемая «Оценка общественной безопасности» (Public Safety Assessment, PSA), которая на основании анализа информации о возрасте обвиняемого, о наличии у него «уголовного опыта» прошлых лет, а также исходя из тяжести настоящего обвинения, высчитывает риски, связанные с потенциальной возможностью совершения обвиняемым нового преступления либо его сокрытия от правосудия. Опираясь на результаты данной системы судья может принять решение о назначении реального либо же условного срока, или о возможности освобождения обвиняемого из-под стражи под залог до суда. Но в любом случае, данная информация носит лишь рекомендательный характер и последнее слово всегда остается за судьей.

Кроме того, широкое признание в судебных процессах получила программа «COMPAS». Однако данная программа подверглась критике из-за некоторых ее недостатков. Результаты «COMPAS» чаще информировали о возможности повторных преступлений среди афроамериканцев, что вызвало беспокойство из-за особенностей данных, использованных в алгоритме. Это подчеркивает важность тщательного контроля и анализа данных с целью избежания проблем в сфере справедливости и борьбы с дискриминацией.

Для анализа законодательства в США также применяются системы, такие как Watson/Ross от IBM и Lex Machina от LexisNexis. Эти системы помогают судьям и адвокатам в анализе больших объемов законодательных данных, облегчая их работу и ускоряя процессы принятия решений.

Еще одним примером применения судебного ИИ в США является система DARE. Данная система с высокой точностью в 92% обнаруживает случаи лжесвидетельства на основе анализа видеозаписей. Её функционал включает в себя оценку изменений в мимике, тона голоса и других параметров для анализа и определения достоверности свидетельских показаний⁴.

Несмотря на более скромные достижения в области искусственного интеллекта в США по сравнению с Китаем, использование подобных систем все равно вносит инновации и повышает эффективность процессов в судебной системе этой страны.

Внедрение искусственного интеллекта в судебную деятельность может сопровождаться как достоинствами, так и недостатками.

ные стратегии и цифровые трансформации устойчивого развития общества, образования и науки: Сборник материалов VI-II Международной научно-практической конференции, Москва, 07 апреля 2023 года. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство АЛЕФ», 2023. С. 61.

⁴ Кирова Л. М., Макаревич М.Л. Правовые аспекты использования нейронных сетей // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2018. № 1 (27). С. 61.

Эффективность и ускорение судебных процессов являются преимуществами искусственного интеллекта. При помощи технологий искусственного интеллекта можно автоматизировать широкий спектр процессов, например, искусственный интеллект способен проанализировать большой объем информации, автоматизировать рутинные задачи сотрудников судебной системы, в частности, обработку поступающей корреспонденции в суд, анализ данных, подготовку судебных извещений и другие. Тем самым, возможно существенно снизить вероятность совершения человеком механических ошибок в задачах, которые требуют повторяющейся работы, а также анализа большого объема данных.

Кроме того, искусственный интеллект способен на основе анализа предыдущих судебных решений, практики спрогнозировать проект итогового процессуального документа¹, сберегая тем самым один из важнейших ресурсов, особенно в судебной системе – время.

В качестве одного из существенных недостатков использования технологии искусственного интеллекта можно указать на подверженность техническим сбоям, что чревато ошибками в вычислениях, алгоритмах, потере информации и как итог к нарушению прав участников судебного процесса.

Подводя итогу вышеизложенного, отметим, что внедрение технологий искусственного интеллекта в судебную систему представляет собой многообещающую перспективу в вполне обозримом будущем, Однако искусственный интеллект не должен и не может заменять судью, как итоговую инстанцию принятия решения, так как не обладает моральными и этическими качествами, он может лишь служить вспомогательным инструментом правосудия.

Литература

1. Губайдуллина Э.Х., Гаврилов И.А. Искусственный интеллект в цивилистическом судопроизводстве Китая // Современные стратегии и цифровые трансформации устойчивого развития общества, образования и науки: Сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции, Москва, 07 апреля 2023 года. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство АЛЕФ», 2023. С. 59–63.
2. Кирова Л. М., Макаревич М.Л. Правовые аспекты использования нейронных сетей // Инновационная экономика: перспективы развития

и совершенствования. 2018. № 1 (27). С. 58–63.

3. Макутчев А.В. Современные возможности и пределы внедрения искусственного интеллекта в систему правосудия // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 8. С. 47–58.
4. На госуслугах запустят сервис «Правосудие-онлайн» // /Российская газета – Столичный выпуск. 2023. № 58 (9003). URL: <https://rg.ru/2023/03/20/posporim-na-gadzheta.html>
5. Шереметьева Н.В., Батуро И.В., У Шуан. Особенности электронного правосудия в КНР // Право и практика. 2020. № 5. С. 159–163.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN JUDICIAL ACTIVITIES

Gubaidullina E.Kh., Baraboshkina A.A.

Samara State Economic University

Modern challenges require the legal system not only to adapt, but also to introduce innovation. Artificial intelligence technology provides unique opportunities to increase the efficiency of legal proceedings, reduce the time for consideration of cases and improve the accessibility of justice for citizens. However, the increased use of artificial intelligence also comes with its own risks, such as potential data security issues, ethical issues, and the need to balance automation with the role of human factors in decision-making.

This article aims to gain a deeper understanding of how the use of artificial intelligence in justice can influence the justice system in Russia. The authors examine the prospects, and also focus on the potential risks, of the use of artificial intelligence in the judicial system, to ensure a balanced and effective development of this important area.

Keywords: Artificial intelligence, digital technologies, electronic document management, electronic justice, GAS «Justice» subsystem, information systems «My Arbitrator», «Card Index of Arbitration Cases», «Bank of Arbitration Court Decisions, «Smart Court, Internet Court of Hangzhou, « Public Safety Assessment (PSA), COM-PAS program, Watson/Ross systems from IBM and Lex Machina from LexisNexis, DARE system.

References

1. Gubaidullina E.Kh., Gavrilov I.A. Artificial intelligence in civil proceedings of China // Modern strategies and digital transformations of sustainable development of society, education and science: Collection of materials of the VIII International Scientific and Practical Conference, Moscow, April 07, 2023. – Moscow: Limited Liability Company “ALEF Publishing House”, 2023. P. 59–63.
2. Kirova L. M., Makarevich M.L. Legal aspects of the use of neural networks // Innovative economics: prospects for development and improvement. 2018. No. 1 (27). pp. 58–63.
3. Makutchev A.V. Modern possibilities and limits of introducing artificial intelligence into the justice system // Current problems of Russian law. 2022. T. 17. No. 8. pp. 47–58.
4. The “Justice-Online” service will be launched for public services // Rossiyskaya Gazeta – Capital Issue. 2023. No. 58 (9003). URL: <https://rg.ru/2023/03/20/posporim-na-gadzheta.html>
5. Sheremetyeva N.V., Baturu I.V., Wu Shuang. Features of electronic justice in China // Law and practice. 2020. No. 5. P. 159–163.

¹ Макутчев А.В. Современные возможности и пределы внедрения искусственного интеллекта в систему правосудия // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 8. С. 49.

Внедрение цифровых технологий в гражданском судопроизводстве ЕС: на примере реализации положений Регламента и Директивы о цифровизации трансграничного судебного сотрудничества и доступа к правосудию

Ермакова Елена Петровна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса и международного частного права
Российского университета дружбы народов
E-mail: ermakova_ep@pfur.ru

Пухарт Александр Аскольдович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса и международного частного права
Российского университета дружбы народов
E-mail: pukhart_aa@pfur.ru

27 декабря 2023 г. Совет ЕС опубликовал Регламент о цифровизации трансграничного судебного сотрудничества и доступа к правосудию, а также сопутствующую Директиву. Принятие этих актов должно способствовать электронному общению в контексте процедур трансграничного судебного сотрудничества по гражданским, торговым и уголовным делам. Этот процесс был начат еще в 2018–2020 гг., когда были приняты Пересмотренный регламент о доказательствах No 2020/1783 и Регламент об оказании услуг No 2020/1784. Спустя 2 года был опубликован Регламент о системе e-CODEX No 2022/850, а в 2023 г. – Регламент о цифровизации No 2023/2844 и Директива No 2023/2843. Перечисленные нормативные акты заложили основу для цифровизации трансграничного судебного сотрудничества стран-членов ЕС. Однако опыт стран-членов ЕС показывает, что указанные выше регламенты не работают в полную силу. Сохраняется множество нормативных пробелов, а разнообразие национальных положений не позволяет полноценно использовать нормы о цифровизации в конкретных трансграничных судебных разбирательствах. Цель настоящего исследования – раскрыть основные тенденции цифровизации трансграничных судебных разбирательств в ЕС; определить меру унификации законодательной базы в сфере цифровизации трансграничных судебных разбирательств на уровне ЕС, выявить недостатки союзного регулирования.

Ключевые слова: гражданский процесс, цифровизация правосудия, цифровые технологии, Европейский Союз, Регламент e-CODEX, Пересмотренный регламент о доказательствах, Регламент о цифровизации

Введение

Цифровизация правосудия занимает важное место в повестке дня как национальных, так и европейских политиков и законодателей, по крайней мере, в течение десяти лет [1]. За последние несколько лет в Европе резко возросли трансграничные социальные и торговые взаимодействия. Этот рост обусловлен различными факторами: от большей мобильности нового поколения работников до роста международной электронной торговли. Напр., согласно данным Евростата, в 2022 г. только 7,0% населения ЕС в возрасте 16–74 лет никогда не пользовались Интернетом, т.е. уровень охвата всемирной паутины составил 93%. «Хотя пандемия коронавируса временно сократила передвижение людей, она также привела к непредвиденному ускорению использования цифровых услуг во всем мире, что позволило перейти на удаленную работу и обучение, но также подтолкнуло население все чаще покупать онлайн продукты и услуги, ускоряя отделение этой деятельности от физической географии» [2].

Такая эскалация количества трансграничных сделок вместе с возросшей мобильностью граждан ЕС является одной из причин, объясняющих рост количества трансграничных споров [3]. В 2018 г. в ЕС был начат дальнейший процесс нормативной реформы, который привел к принятию нового свода правил, направленных на повышение эффективности и скорости судебных процедур, в первую очередь за счет их цифровизации. В 2020 г. в ЕС были приняты Регламент No 2020/1783 (Регламент о доказательствах) [4] и Регламент No 2020/1784 (Регламент об оказании услуг) [5]. В 2022 г. был опубликован Регламент 2022/850 [6] (система e-CODEX), который обеспечил надлежащую основу для обмена судебной информацией через защищенные сервисы. А в декабре 2023 г. – Регламент No 2023/2844 (Регламент о цифровизации) [7] и сопутствующая Директива No 2023/2843 (Директива о цифровизации) [8]. Принятие этих документов должно было способствовать электронному общению в контексте процедур трансграничного судебного сотрудничества по гражданским, торговым и уголовным делам [9].

Все эти инициативы потребовали существенных технических и административных действий на национальном уровне. Чтобы помочь государствам-членам в решении этой задачи, Совет ЕС в ноябре 2023 г. утвердил Стратегию электронного право-

судия на 2024–2028 годы (e-Justice Strategy 2024–2028) [10]. Стратегия не только описывает принципы и цели развития электронного правосудия на ближайшие 5 лет. В ней также изложены действия, которые государства-члены и ЕС должны предпринять для достижения этих целей.

В качестве конкретных мер, предпринимаемых ЕС для модернизации систем правосудия отдельных стран, можно привести пример Мальты. Инвестиции ЕС в цифровые технологии системы правосудия Мальты в размере 10 млн евро последуют в ближайшие годы и будут завершены к середине 2026 г. Они будут состоять из 17 компонентов, представляющих ряд цифровых инструментов, таких как решения для виртуальных встреч, конференц-залы для обучения, ИТ-оборудование и программное обеспечение [11].

Реформа регулирования трансграничных уведомлений

Европейский правовой режим трансграничных уведомлений был изменен в 2022 г. с принятием Регламента 2020/1784 (Регламент об оказании услуг), вступившего в силу 1 июля 2022 г. [5]. Новый Регламент заменил Регламент 1393/2007 о вручении в государствах-членах судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам, который ранее устанавливал правила трансграничного вручения [12]. На протяжении 15 лет в Регламент 1393/2007 вносились поправки. Наконец, Их количество стало чрезмерным, и Комиссия ЕС решила принять новый Регламент (п. 1 преамбулы Регламента). Регламент 2020/1784 был принят в связи с необходимостью улучшения и ускорения передачи и вручения судебных и внесудебных документов между государствами-членами ЕС по гражданским и торговым делам. При этом новый Регламент должен был сохранить высокий уровень безопасности при передаче таких документов, обеспечивая права получателей и защищая конфиденциальность и личные данные (п. 3 преамбулы Регламента).

Регламент применяется в гражданских и торговых делах, когда судебные и внесудебные документы необходимо отправить в другую страну ЕС. Эффективность и скорость судебного разбирательства по гражданским делам требуют, чтобы судебные и внесудебные документы передавались напрямую и быстрыми способами между местными органами, назначенными государствами-членами (п. 9 преамбулы Регламента). Документы должны передаваться между местными органами разных государств-членов путем: а) ИТ-системы (сеть национальных ИТ-систем и совместимых точек доступа); б) самой быстрой и наиболее подходящей альтернативы, если система выйдет из строя (ст. 5 Регламента).

Документы вручают адресатам: а) принимающие агентства (receiving agencies); или б) через передающие агентства (transmitting agencies) заказным письмом или электронными средствами при соблюдении определенных условий (ст. 3 Регла-

мента). Страны ЕС должны назначить компетентных лиц для отправки («передающие агентства») и получения («получающие агентства») документов, о чем должна быть предоставлена подробная информация Европейской комиссии.

Доставка адресату судебных документов возможна в электронном виде с использованием ИКТ доставки, при условии, что адресат дал предварительное явное согласие на использование электронных средств с целью вручения документов в ходе судебного разбирательства (п. 32 преамбулы Регламента). Документы, переданные с использованием ИКТ, не могут быть лишены юридической силы или признаны недопустимыми в качестве доказательств в судебном разбирательстве только на том основании, что они представлены в электронной форме (ст. 6 Регламента). Документы, передаваемые в соответствии с Регламентом 2020/1784, освобождаются от требований легализации или каких-либо эквивалентных формальностей (ст. 8 Регламента).

Адресат может отказаться принять документ, если он написан не на официальном языке страны или не на языке, который адресат понимает, либо при вручении документа, либо по письменному заявлению в течение 2 недель с момента вручения [13]. Любые расходы на перевод документа несет заявитель.

Регламент 2020/1784 применяется с июля 2022 г. Однако, учитывая различия между государствами-членами в отношении их правил процедуры, дата вступления в силу варьируется от одного государства-члена к другому (п. 27 преамбулы Регламента). Как утверждали итальянские авторы Р. Амато и М. Величонья, «цифровизация трансграничной процедуры передачи документов может оказаться непростой, поскольку до настоящего времени невозможно гарантировать наличие достаточного компьютерного оборудования, а также компьютерных навыков персонала «точек доступа» в странах-членах ЕС» [2].

Регулирование сбора и трансграничной передачи доказательств в ЕС

Регламент о доказательствах No 1206/2001 был первым нормативным актом, посвященным сотрудничеству в сборе доказательств в трансграничных разбирательствах [14; с. 123]. В 2020 г. в текст этого регламента были внесены поправки (Регламент No 2020/1783) [4]. Новые положения вступили в силу с 1 июля 2022 г. (ст. 35 Регламента). Тем не менее, использование Регламента No 2020/1783 не является обязательным для государств-членов ЕС и остается на усмотрение запрашивающих судов и заинтересованных сторон [15].

Как Регламент о доказательствах No 1206/2001, так и Регламент No 2020/1783 предусматривают два способа получения доказательств за границей. Во-первых, получение доказательств запрашиваемым судом (раздел 3 Регламента). В этом случае запрашиваемый суд должен исполнить за-

прос в срок до 90 дней в соответствии со своим национальным законодательством (ст. 12 Регламента). При этом, запрашивающий суд может просить использовать ИКТ при получении доказательств. Во-вторых, непосредственное получение доказательств запрашивающим судом и получение доказательств дипломатическими агентами или сотрудниками консульства (раздел 4 Регламента). Непосредственное получение доказательств в другой стране может иметь место только на добровольной основе в соответствии с законодательством запрашивающего суда (ст. 19 Регламента). При этом также рекомендуется использовать ИКТ технологии для получения доказательств, например видеоконференцсвязь (п. 21 преамбулы, ст. 19 Регламента). Как мы видим, Регламент No 2020/1783 рекомендует «расширяет положения, касающиеся использования технологий для передачи доказательств, сбора доказательств и последствий электронных документов» [15]. Например, с помощью видеоконференцсвязи можно провести допрос лица, находящегося в другом государстве-члене ЕС (ст. 20 Регламента).

Однако, как утверждали норвежские авторы Кранс Барт и Анна Найлунд, «на практике до пандемии COVID-19 этот метод не использовался широко» [16]. Сбор свидетельских показаний с использованием ИКТ привел к неоднозначным результатам, варьирующимся от положительного опыта до частых сообщений, связанных с различными техническими проблемами, поскольку не все вовлеченные органы полагались на один и тот же тип ИТ-инфраструктуры [17; с. 51].

По мнению Елены Онтану (Тилбургский университет, Нидерланды), «ожидалось, что новый Регламент о доказательствах устранил недостатки доступа к правосудию, решит вопросы, связанные со сбором и оценкой электронных доказательств, и одновременно ограничит число дел, в которых электронные доказательства могут быть потенциально отклонены из-за проблем допустимости, связанных с цифровым характером предоставленной информации и документов» [15]. Регламент No 2020/1783 содержит также отсылки к другим нормативным актам, таким как Регламент GDPR и Регламент e-IDAS (Regulation (EU) No 910/2014) [18].

Подчеркнем, что как Регламент о доказательствах No 1206/2001, так и Регламент No 2020/1783 регулировали лишь общие вопросы взаимодействия компетентных органов по трансграничному сбору доказательств. Как утверждала Е. Онтану, «ни одно из положений Регламента не содержало каких-либо указаний в отношении элементов, которые должны учитываться при оценке доказательств, форм электронных доказательств, устройств, содержащих такие доказательства, метаданных или технических стандартов и требований к электронным доказательствам» [15]. Таким образом, эти вопросы остались открытыми и должны были регулироваться национальным законодательством государств-членов ЕС, которое до настоящего времени остается чрезвычайно разно-

образным. Требование о предоставлении бумажных документов и требование личного присутствия на судебных заседаниях остаются распространенным явлением в национальных судебных системах стран-членов ЕС (напр., Германии, Франции). В настоящее время судебные процессы ни в одной стране-члене ЕС нельзя считать полностью цифровыми. Хотя некоторые судебные разбирательства проводятся посредством цифровой связи (видеоконференцсвязи), это не означает, в этих странах существует полностью интегрированный цифровой процесс судебного разбирательства. Это связано с тем, что использование цифровых технологий не является обязательным для судов, поскольку многим судам этих стран не хватает необходимого оборудования и необходимой технической поддержки для проведения слушаний посредством видеоконференцсвязи.

«Несмотря на то, что Регламент No 2020/1783 затрагивает вопросы, представляющие интерес для поддержки процесса принятия и нормализации использования электронных доказательств в трансграничных разбирательствах, нормативные пробелы сохраняются, а разнообразие национальных положений будет поддерживать существующую фрагментацию в рассмотрении и принятии электронных форм доказательств в ходе судебного разбирательства» [15].

Регламент No 2022/850 (Регламент e-CODEX)

В соответствии с последней политикой ЕС в области электронного правосудия новые нормативные акты выводят цифровую коммуникацию на новый уровень, обязывая компетентные органы государств-членов общаться друг с другом с использованием Электронного кодекса (e-CODEX), который представляет собой децентрализованную и совместимую ИТ-систему, созданную для обеспечения цифрового обмена данными дел в трансграничных судебных разбирательствах. Регламент e-CODEX был принят в мае 2022 г. и уже действует. Отметим, что децентрализованная ИТ-система ЕС была определена как «сеть национальных ИТ-систем и функционально совместимых точек доступа, функционирующая под индивидуальной ответственностью и управлением каждого государства-члена, которая обеспечивает безопасный и надежный трансграничный обмен информацией между национальными ИТ-системами» [19].

Еще в 2016 г. мы отмечали, что «цель проекта «e-CODEX» – улучшение трансграничного доступа граждан и юридических лиц к правосудию, правовой помощи и правовой информации в Европе, а также улучшение взаимодействия между правоохранительными органами в рамках Европейского Союза. Система «e-CODEX» должна обеспечить простой (цифровой) способ обмена информацией между национальными правовыми системами стран-членов ЕС, а также максимально унифицировать формы юридических документов, используемые в различных странах-членах ЕС» [14;

с.137]. Как подчеркивала К. Крамер (Утрехтский университет), «e-CODEX – это технологическая инновация, которая, как предполагается, фундаментально изменит способ работы судебной власти в трансграничных процедурах, поскольку обеспечивает дематериализацию судебного разбирательства и связь между судебными органами» [1].

Регламент No 2022/850 подробно разъясняет систему e-CODEX и указывает, что ее администрирование возьмет на себя Агентство ЕС по оперативному управлению крупномасштабными ИТ-системами в области свободы, безопасности и правосудия (eu-LISA).

Основные начала цифровизации трансграничного судебного сотрудничества и доступа к правосудию были заложены статьями 81(1) и 82(2) Договора о функционировании ЕС (Treaty on the Functioning of the EU). Например, для начала судебного разбирательства необходимо вручить иски документы ответчику, причем надлежащим образом. Это необходимо для того, чтобы ответчик смог представить свои возражения и выстроить необходимую защиту своей позиции. Цифровизация трансграничного судебного пространства ЕС предоставляет как истцу, так и ответчику возможности для того, чтобы предъявить иск или защититься от иска с минимальными физическими и денежными затратами. Так, для граждан и предприятий e-CODEX предусматривает создание «Пространства моего электронного правосудия» (My e-Justice space), которое предоставит им «точку входа», связывающую доступные национальные электронные услуги.

Таким образом, система E-CODEX призвана обеспечивать безопасную электронную связь в трансграничных гражданских процессах. Это делается посредством различных точек доступа в государствах-членах. Эти точки доступа могут безопасно обмениваться электронными сообщениями друг с другом непосредственно через Интернет, используя набор общих ИТ-стандартов или протоколов. Система также позволяет осуществлять обмен документами в стандартных цифровых формах. На сегодняшний день e-CODEX используется как минимум десятью государствами-членами в ряде пилотных программ. Эти пилотные программы включали разбирательства, связанные с европейской процедурой мелких исков, процедурой взаимной правовой помощи по уголовным делам и мерой взаимного признания финансовых наказаний [20].

Регламент о цифровизации трансграничного судебного сотрудничества 2023 г.

1 декабря 2021 г. Комиссия ЕС приняла два проекта по совершенствованию цифровизации трансграничного судебного сотрудничества: 1) Проект Регламента, устанавливающего правила цифровой коммуникации в процедурах судебного сотрудничества по гражданским, коммерческим и уголовным делам; 2) Проект Директивы, приводящей суще-

ствующие правила коммуникации в соответствии с нормами предлагаемого Регламента.

Комиссия ЕС признала, что на конец 2021 г. большинство обменов данными в рамках трансграничного судебного сотрудничества по-прежнему осуществляются на бумажных носителях. С помощью указанной выше инициативы по цифровизации Комиссия стремилась повысить эффективность и устойчивость трансграничного судебного сотрудничества ЕС за счет усиления цифровизации в гражданских (включая семейные), торговых и уголовных делах. Кроме того, Комиссия была намерена улучшить доступ к правосудию для граждан и бизнеса. Новое законодательство должно было сделать обязательным использование цифрового канала для всех общесоюзных трансграничных судебных взаимодействий и обмена данными между компетентными национальными органами.

Используя национальные ИТ-порталы или Европейскую точку доступа, размещенную на Европейском портале электронного правосудия, граждане и предприятия будут иметь возможность общаться с судами и другими судебными органами государств-членов в электронном виде, используя квалифицированные или продвинутое электронные подписи и/или печати. Судебные сборы будут оплачиваться в электронном виде. При определенных условиях новое законодательство позволит проводить устные слушания дистанционно с использованием видеоконференцсвязи, как по гражданским, так и по уголовным делам.

Регламент о цифровизации No 2023/2844 был принят Советом ЕС 13 декабря и опубликован 27 декабря 2023 г. Документ установил единую правовую основу для использования электронной коммуникации между компетентными органами в процедурах судебного сотрудничества по гражданским, торговым и уголовным делам, а также для использования электронной коммуникации между физическими или юридическими лицами и компетентными органами в судебных процедурах по гражданским и торговым делам. Регламент No 2023/2844 также закрепил правила использования видеоконференций или других технологий дистанционной связи (ст. 5 регламента) в целях, отличных от получения доказательств в соответствии с Регламентом (ЕС) 2020/1783. Суд принимает решение об участии сторон и их представителей на заседаниях посредством видеоконференцсвязи или ИКТ на основании: а) наличия в суде такой технологии; б) мнения сторон процесса об использовании ИКТ; и в) целесообразности использования ИКТ в конкретных обстоятельствах дела (статья 5 регламента).

Кроме того, Регламент No 2023/2844 предусматривает положения об электронных подписях и электронных печатях (ст. 7 регламента) и правовых последствиях электронных документов (ст. 8 регламента). Если документ, передаваемый в рамках электронной связи согласно ст. 3 Регламента No 2023/2844, требует печати или подписи, то он должен иметь квалифицированную электронную

печатать или квалифицированную электронную подпись, как определено в Регламенте No 910/2014. Документы, передаваемые в рамках ИКТ, не могут быть лишены юридической силы или считаться недопустимыми в контексте трансграничных судебных процедур (ст. 8 регламента No 2023/2844).

Регламент о цифровизации не распространяется на Регламент о доказательствах No 2020/1784 и Регламент об оказании услуг No 2020/1784, поскольку эти акты «уже предусматривают конкретные правила цифровизации судебного сотрудничества» (п. 17 преамбулы Регламента No 2023/2844).

Положения Регламента No 2023/2844 направлены на улучшение доступа к правосудию, а также на повышение эффективности и устойчивости коммуникационных потоков, присущих сотрудничеству между судебными и другими компетентными органами в трансграничных делах ЕС. Они проистекают из понимания того, что эффективное трансграничное судебное сотрудничество требует безопасной, надежной и эффективной коммуникации между судами и компетентными органами. Коммуникация должна осуществляться таким образом, чтобы не создавать несоразмерной административной нагрузки и быть устойчивой к форс-мажорным обстоятельствам.

Заключение

Мы согласны с мнением голландского ученого Е. Онтану, что шаги по цифровизации правосудия, которым следуют законодатели ЕС, сосредоточены на пяти основных направлениях: 1) сделать цифровые средства связи между судами в трансграничных разбирательствах обязательными; 2) обязать суды принимать электронные сообщения от физических и юридических лиц, если последние решили использовать такие средства; 3) расширить правовую базу для использования видеоконференцсвязи и др.; 4) расширить использование ИКТ по распознаванию личности; 5) создать нормативную базу для управления системой трансграничной коммуникации e-CODEX [21].

Однако, хотя цифровизация уже давно утвердилась в деловом мире, обмен бумажными документами и требование личного присутствия на судебных заседаниях остаются довольно распространённым явлением в национальных судебных системах стран-членов ЕС. Длительность разбирательства, отсутствие прозрачности разбирательства, отнимающее много времени общение между судом и сторонами, а также низкая предсказуемость расходов – все это приводит к серьезной критике судебных разбирательств в этих странах.

Реформы, проводимые Комиссией ЕС в сфере цифровизации трансграничного судебного сотрудничества во многом остаются неполными и фрагментарными. Это вызвано прежде всего тем, что национальные реалии судебной деятельности государств-членов ЕС еще не готовы к подобным изменениям. Суды работают по старинке, в основном, с использованием бумажных документов. Так-

же большинство судов не оснащено надлежащим оборудованием для использования ИКТ. Национальное законодательство государств-членов ЕС по вопросам вручения судебных документов, сбора, получения и оценки доказательств – до настоящего времени является чрезвычайно разнообразным и не подлежит унификации.

Литература

1. Kramer X. E. (2022). Digitising access to justice: The next steps in the digitalisation of judicial cooperation in Europe//Revista General de Derecho Europeo. 2022. No. 56: Pp.1–9. DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4034962>
2. Amato R., Velicogna M. (2022). Cross-Border Document Service Procedures in the EU from the Perspective of Italian Practitioners – The Lessons Learnt and the Process of Digitalisation of the Procedure through e-CODEX// Laws 2022, 11, 81. DOI: <https://doi.org/10.3390/laws11060081>
3. Commission proposes to modernise and digitalise EU civil judicial cooperation// EC. Europa. EU. 31 May 2018. Электронный ресурс. Режим доступа: https://ec.europa.eu/commission/press-corner/detail/en/IP_18_3991 (Дата обращения 31.01.2024).
4. Regulation (EU) 2020/1783 of the European Parliament and of the Council of 25 November 2020 on cooperation between the courts of the Member States in the taking of evidence in civil or commercial matters (taking of evidence)//ELI. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://data.europa.eu/eli/reg/2020/1783/oj> (Дата обращения 31.01.2024).
5. Regulation (EU) 2020/1784 of the European Parliament and of the Council of 25 November 2020 on the service in the Member States of judicial and extrajudicial documents in civil or commercial matters (service of documents)//ELI. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://data.europa.eu/eli/reg/2020/1784/oj> (Дата обращения 31.01.2024).
6. Regulation (EU) 2022/850 of the European Parliament and of the Council of 30 May 2022 on a computerised system for the cross-border electronic exchange of data in the area of judicial cooperation in civil and criminal matters (e-CODEX system) and amending Regulation (EU) 2018/1726//ELI. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://data.europa.eu/eli/reg/2022/850/oj> (Дата обращения 31.01.2024).
7. Regulation (EU) 2023/2844 on the digitalisation of judicial cooperation and access to justice in cross-border civil, commercial and criminal matters, and amending certain acts in the field of judicial cooperation//EUR-Lex. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32023R2844#:~:text=This%20Regulation%20establishes%20a%20uniform, and%20competent%20authorities%20in%20judicial> (Дата обращения 31.01.2024).

8. Directive (EU) 2023/2843 of the European Parliament and of the Council of 13 December 2023 amending Directives 2011/99/EU and 2014/41/EU of the European Parliament and of the Council, Council Directive 2003/8/EC and Council Framework Decisions 2002/584/JHA, 2003/577/JHA, 2005/214/JHA, 2006/783/JHA, 2008/909/JHA, 2008/947/JHA, 2009/829/JHA and 2009/948/JHA, as regards digitalisation of judicial cooperation//EUR-Lex. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2023/2843> (Дата обращения 31.01.2024).
9. Kleis J. (2023). EU takes important step towards digitalisation of justice systems// Consilium Europa EU. 8 December 2023. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2023/12/08/eu-takes-important-step-towards-digitalisation-of-justice-systems/> (Дата обращения 31.01.2024).
10. European e-Justice Strategy 2024–2028, 17 November 2023// Council of the European Union. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-15509–2023-INIT/en/pdf> (Дата обращения 31.01.2024).
11. Digitalisation of civil proceedings and criminal judicial acts//Maltese Government. Электронный ресурс. Режим доступа: https://commission.europa.eu/projects/digitalisation-civil-proceedings-and-criminal-judicial-acts_en (Дата обращения 01.02.2024).
12. Maguire E. (2022). You've been served! Service of judicial and extrajudicial documents between Member States under the new EU Service Regulation// McCann FitzGerald LLP. 6 October 2022. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.mccannfitzgerald.com/knowledge/disputes/service-of-judicial-and-extrajudicial-documents-between-member-states-under-the-new-eu-service-regulation> (Дата обращения 31.01.2024).
13. Anthimos, A., & Requejo Isidro, M. (Eds.). (2023). The European Service Regulation. Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing. Retrieved Feb 1, 2024, from <https://doi.org/10.4337/9781800884021>
14. Ермакова Е.П., Ситкарева Е.В. (2016). Право Европейского Союза: порядок разрешения частноправовых споров. Москва: Издательство «Юрлитинформ», 2016. – 224 с.
15. Onțanu E. A. (2022). Normalising the use of electronic evidence: Bringing technology use into a familiar normative path in civil procedure// Onati Socio Legal Series, 2022. Vol.12(3), Pp. 582–613. DOI: <https://doi.org/10.35295/osls.iisl/0000-0000-0000-1304>
16. Krans B., Nylund A. (2020). Civil Justice and Covid-19//Septentrio reports [online], 5. DOI: <https://doi.org/10.7557/sr.2020.5>
17. Inchausti G., Isidro R. (2019). Classic Cross-border Case: The Usual Situation in the First Instance// In: B. Hess and P. Ortolani, eds., Impediments of National Procedural Law to the Free Movement of Judgments, Luxembourg Report on European Procedural Law (Volume I). Oxford/Baden-Baden: Beck/Hart/Nomos, Pp. 5–85.
18. Regulation (EU) No 910/2014 of the European Parliament and of the Council of 23 July 2014 on electronic identification and trust services for electronic transactions in the internal market and repealing Directive 1999/93/EC// EUR-Lex. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://data.europa.eu/eli/reg/2014/910/oj> (Дата обращения 01.02.2024).
19. Celis M. (2022). A few developments on the modernisation of the service of judicial and extrajudicial documents and the taking of evidence in the European Union//December 22, 2022. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://conflictoflaws.net/2022/a-few-developments-on-the-modernisation-of-the-service-of-judicial-and-extrajudicial-documents-and-the-taking-of-evidence-in-the-european-union/> (Дата обращения 31.01.2024).
20. Browne J. (2023). Opt-in under Protocol No. 21: Motions// Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.oireachtas.ie/en/debates/debate/dail/2023-06-21/17/> (Дата обращения 01.02.2024).
21. Ontanu E. A. (2023). The Digitalisation of European Union Procedures: A New Impetus Following a Time of Prolonged Crisis. Law, Technology and Humans, 2023. Vol. 5. Pp. 93–110. DOI: <https://doi.org/10.5204/lthj.2706>

INTRODUCTION OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN EU CIVIL PROCEEDINGS: THE EXAMPLE OF THE IMPLEMENTATION OF THE PROVISIONS OF THE REGULATION AND DIRECTIVE ON THE DIGITALIZATION OF CROSS-BORDER JUDICIAL COOPERATION AND ACCESS TO JUSTICE

Ermakova E.P., Pukhart A.A.
RUDN University

On December 27, 2023, the EU Council published a Regulation on the digitalization of cross-border judicial cooperation and access to Justice, as well as an accompanying Directive. The adoption of these acts should facilitate electronic communication in the context of cross-border judicial cooperation procedures in civil, commercial and criminal cases. This process was started back in 2018–2020, when Revised Evidence Regulation No 2020/1783 and Service Provision Regulation No 2020/1784 were adopted. 2 years later, Regulation on the e-CODEX system No 2022/850 was published, and in 2023, Regulation on Digitalization No 2023/2844 and Directive No 2023/2843. The listed regulations laid the foundation for digitalization of cross-border judicial cooperation of the EU member states. However, the experience of the EU member states shows that the above-mentioned regulations do not work in full force. Many regulatory gaps remain, and the diversity of national provisions does not allow for the full use of digitalization norms in specific cross-border court proceedings. The purpose of this study is to reveal the main trends in the digitalization of cross-border litigation in the EU; to determine the measure of unification of the legislative framework in the field of digitalization of cross-border litigation at the EU level, to identify the shortcomings of union regulation.

Keywords: civil procedure, digitalization of justice, digital technologies, European Union, e-CODEX Regulation, Revised Evidence Regulation, Digitalization Regulation.

References

1. Kramer X. E. (2022). Digitising access to justice: The next steps in the digitalisation of judicial cooperation in Europe//Revista

- General de Derecho Europeo. 2022. No. 56: Pp.1–9. DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4034962>
2. Amato R., Velicogna M. (2022). Cross-Border Document Service Procedures in the EU from the Perspective of Italian Practitioners – The Lessons Learnt and the Process of Digitalisation of the Procedure through e-CODEX// *Laws* 2022, 11, 81. DOI: <https://doi.org/10.3390/laws11060081>
  3. Commission proposes to modernise and digitalise EU civil judicial cooperation// EC. Europa. EU. 31 May 2018. Electronic resource. Access mode: https://ec.europa.eu/commission/press-corner/detail/en/IP_18_3991 (Accessed 31.01.2024).
  4. Regulation (EU) 2020/1783 of the European Parliament and of the Council of 25 November 2020 on cooperation between the courts of the Member States in the taking of evidence in civil or commercial matters (taking of evidence)//ELI. Electronic resource. Access mode: <http://data.europa.eu/eli/reg/2020/1783/oj> (Accessed 31.01.2024).
  5. Regulation (EU) 2020/1784 of the European Parliament and of the Council of 25 November 2020 on the service in the Member States of judicial and extrajudicial documents in civil or commercial matters (service of documents)//ELI. Electronic resource. Access mode: <http://data.europa.eu/eli/reg/2020/1784/oj> (Accessed 31.01.2024).
  6. Regulation (EU) 2022/850 of the European Parliament and of the Council of 30 May 2022 on a computerised system for the cross-border electronic exchange of data in the area of judicial cooperation in civil and criminal matters (e-CODEX system) and amending Regulation (EU) 2018/1726//ELI. Electronic resource. Access mode: <http://data.europa.eu/eli/reg/2022/850/oj> (Accessed 31.01.2024).
  7. Regulation (EU) 2023/2844 on the digitalisation of judicial cooperation and access to justice in cross-border civil, commercial and criminal matters, and amending certain acts in the field of judicial cooperation//EUR-Lex. Electronic resource. Access mode: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32023R2844#:~:text=This%20Regulation%20establishes%20a%20uniform, and%20competent%20authorities%20in%20judicial> (Accessed 31.01.2024).
  8. Directive (EU) 2023/2843 of the European Parliament and of the Council of 13 December 2023 amending Directives 2011/99/EU and 2014/41/EU of the European Parliament and of the Council, Council Directive 2003/8/EC and Council Framework Decisions 2002/584/JHA, 2003/577/JHA, 2005/214/JHA, 2006/783/JHA, 2008/909/JHA, 2008/947/JHA, 2009/829/JHA and 2009/948/JHA, as regards digitalisation of judicial cooperation//EUR-Lex. Electronic resource. Access mode: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2023/2843> (Accessed 31.01.2024).
  9. Kleis J. (2023). EU takes important step towards digitalisation of justice systems// Consilium Europa EU. 8 December 2023. Electronic resource. Access mode: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2023/12/08/eu-takes-important-step-towards-digitalisation-of-justice-systems/> (Accessed 31.01.2024).
  10. European e-Justice Strategy 2024–2028, 17 November 2023// Council of the European Union. Electronic resource. Access mode: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-15509–2023-INIT/en/pdf> (Accessed 31.01.2024).
  11. Digitalisation of civil proceedings and criminal judicial acts//Maltese Government. URL: https://commission.europa.eu/projects/digitalisation-civil-proceedings-and-criminal-judicial-acts_en (Accessed 01.02.2024).
  12. Maguire E. (2022). You've been served! Service of judicial and extrajudicial documents between Member States under the new EU Service Regulation// McCann FitzGerald LLP. 6 October 2022. Electronic resource. Access mode: <https://www.mccannfitzgerald.com/knowledge/disputes/service-of-judicial-and-extrajudicial-documents-between-member-states-under-the-new-eu-service-regulation> (Accessed 31.01.2024).
  13. Anthimos, A., & Requejo Isidro, M. (Eds.). (2023). *The European Service Regulation*. Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing. Retrieved Feb 1, 2024, from <https://doi.org/10.4337/9781800884021>
  14. Ermakova E.P., Sitkareva E.V. (2016). *The law of the European Union: the procedure for resolving private law disputes*. Moscow: Publishing house «Yurлитinform», 2016. – 224 p.
  15. Onțanu E. A. (2022). Normalising the use of electronic evidence: Bringing technology use into a familiar normative path in civil procedure// *Onati Socio Legal Series*, 2022. Vol.12(3), Pp. 582–613. DOI: <https://doi.org/10.35295/osls.iisl/0000-0000-0000-1304>
  16. Krans B., Nylund A. (2020). *Civil Justice and Covid-19*. Septentrio reports [online], 5. Available from: DOI: <https://doi.org/10.7557/sr.2020.5>.
  17. Inchausti G., Isidro R. (2019). *Classic Cross-border Case: The Usual Situation in the First Instance*// In: B. Hess and P. Ortolani, eds., *Impediments of National Procedural Law to the Free Movement of Judgments*, Luxembourg Report on European Procedural Law (Volume I). Oxford/Baden-Baden: Beck/Hart/Nomos, Pp. 5–85.
  18. Regulation (EU) No 910/2014 of the European Parliament and of the Council of 23 July 2014 on electronic identification and trust services for electronic transactions in the internal market and repealing Directive 1999/93/EC// EUR-Lex. Electronic resource. Access mode: <http://data.europa.eu/eli/reg/2014/910/oj> (Accessed 01.02.2024).
  19. Celis M. (2022). A few developments on the modernisation of the service of judicial and extrajudicial documents and the taking of evidence in the European Union//December 22, 2022. Electronic resource. Access mode: <https://conflictoflaws.net/2022/a-few-developments-on-the-modernisation-of-the-service-of-judicial-and-extrajudicial-documents-and-the-taking-of-evidence-in-the-european-union/> (Accessed 31.01.2024).
  20. Browne J. (2023). Opt-in under Protocol No. 21: Motions// Electronic resource. Access mode: <https://www.oireachtas.ie/en/debates/debate/dail/2023-06-21/17/> (Accessed 01.02.2024).
  21. Ontanu E. A. (2023). *The Digitalisation of European Union Procedures: A New Impetus Following a Time of Prolonged Crisis*. Law, Technology and Humans, 2023. Vol. 5. Pp. 93–110. DOI: <https://doi.org/10.5204/lthj.2706>

Лончакова Юлия Андреевна,

кандидат юридических наук, доцент, Муромский институт,
Владимирский государственный университет доцент
E-mail: Info@rt-p.ru

В статье рассматривается проблематика регулирования мультимодальных перевозок грузов в контексте международного права. Особое внимание уделено анализу сложившихся правовых норм и механизмов, направленных на создание эффективного и справедливого транспортного взаимодействия между странами с различными экономическими системами и уровнями развития. В статье изучается историческое развитие международных договоров и соглашений, начиная с ранних попыток UNIDROIT и до современных Роттердамских правил, подчеркивая их вклад в унификацию и согласование правовых регулятивов. Авторы акцентируют внимание на необходимости синхронизации правовых норм с фактическими экономическими условиями и спецификой мультимодальных перевозок. Также обсуждаются проблемы и потенциальные пути их решения в сфере юридического регулирования международных мультимодальных перевозок грузов.

Ключевые слова: мультимодальная перевозка, международное транспортное право, Роттердамские правила, Гагские правила, Гагско-Висбийские правила, UNIDROIT, комбинированные транспортные операции, ФИАТА, Токийские правила, Конвенция ООН о международных комбинированных перевозках грузов, юридическая унификация, международное правовое регулирование, экономическое взаимодействие, международные договоры, международные соглашения, синхронизация правовых норм, правовые механизмы.

В современной глобализированной экономике мультимодальная перевозка грузов играет ключевую роль в поддержании международной торговли и логистики. Комплексный процесс, объединяющий различные виды транспорта – от морского и железнодорожного до автомобильного и воздушного, – мультимодальная перевозка требует тщательного юридического регулирования для обеспечения эффективности и безопасности перевозимых грузов. Тем не менее, создание унифицированных правовых рамок на международном уровне представляет собой сложную задачу из-за разнообразия национальных законодательств и экономических интересов.

Эта статья посвящена анализу международного правового регулирования мультимодальных перевозок грузов. Основное внимание уделяется изучению того, как существующие международные конвенции, такие как Гагские и Гагско-Висбийские правила, а также Роттердамские правила, воздействуют на управление мультимодальными перевозками, и рассматривается их пригодность и применимость к современным транспортным операциям.

Мы обсудим проблемы, связанные с применением норм международного права к мультимодальным перевозкам, а также необходимость разработки и внедрения интегративного международного правового инструментария, который бы учёл специфику и потребности мультимодального транспорта. Освещение истории развития нормативной базы, начиная с ранних попыток унификации UNIDROIT и заканчивая современными международными конвенциями, позволит нам оценить эволюцию правового поля и выявить ключевые аспекты, требующие дальнейшего изучения и развития.

Целью данной статьи является не только предоставление обзора существующих правовых механизмов регулирования мультимодальных перевозок в международном контексте, но и выявление пробелов и предложение возможных путей их устранения для укрепления правовой уверенности, и содействия гармонизации международной транспортной деятельности.

Договор на осуществление международной транспортировки груза относится к уникальным соглашениям в рамках международной торговли и проводится на основе взаимно заключенных документов между двумя или более странами. Особенности юридического управления данным видом транспортировки выражаются через международные транспортные соглашения, которые определяют ключевые аспекты таких перевозок, а также через применение универсальных юридических принципов и их модификацию в контексте кон-

критических ситуаций (например, закон порта прибытия или места столкновения судов). В случае отсутствия предварительного согласия сторон, используется принцип наибольшей связанности, подразумевающий применение законодательства страны, где расположен основной бизнес-центр стороны, выполняющей критически важные обязательства по контракту.

Создание эффективных правовых рамок для регулирования международных мультимодальных транспортных операций оказалось непростой задачей. Первоначальные шаги в этом направлении были сделаны Международным институтом по унификации частного права (UNIDROIT) в 30-х годах прошлого века [10]. Их усилия увенчались успехом, когда в 1963 году был принят проект Конвенции по комбинированным международным перевозкам. Идея мультимодальных перевозок получила свое отражение в документах, таких как Конносамент комбинированной транспортировки FIATA [8] и других, разработанных на основе Токийских правил 1969 года, принятых на конференции Международного морского комитета в Токио. В последующем, в 1973 году, Международная торговая палата разработала стандарты международной документации для комбинированных перевозок, также опираясь на Токийские правила. Однако, недовольство существующим положением привело к тому, что Совет по торговле и развитию ЮНКТАД инициировал разработку нового нормативного акта – Конвенции ООН о международной комбинированной перевозке грузов 1980 года. Этот акт был предложен как решение возникших правовых и политических проблем, связанных с развитием контейнерных перевозок. До этого момента, когда товары перевозились различными видами транспорта, на них распространялись разные правовые режимы в зависимости от выбранного способа доставки. Гармонизация транспортного законодательства происходила на основе отдельных видов транспорта. Конвенция ООН 1980 года была направлена на заполнение этих пробелов в законодательстве и на создание единых юридических основ для регулирования мультимодальных транспортных операций [6].

FIATA является международной некоммерческой организацией, охватывающей сектор логистики и грузоперевозок, в которую входят свыше 40 тысяч компаний, занимающихся экспедированием на глобальном уровне. Организация имеет представительства в 150 странах по всему миру. Несмотря на то, что Конвенция 1980 года не смогла собрать достаточное количество подписей для вступления в действие, её статьи оказали значительное влияние на национальное законодательство многих государств. Документ ООН 1980 года ввел новую стандартизированную систему обязанностей для операторов мультимодальных перевозок, начиная с момента приема груза на хранение и заканчивая его доставкой конечному получателю, как это указано в 14-й статье Конвенции.

Документ определяет т.н. «сетевую систему» ответственности, вступающую в силу при утрате или повреждении груза в определённый момент мультимодальной перевозки, если в данной фазе действуют международные договорённости или обязывающие нормы внутреннего права, предусматривающие более жёсткие ограничения по ответственности, нежели установленные Конвенцией ООН от 1980 года. По условиям этого документа, срок исковой давности устанавливается в два года. Пропуск этого временного интервала без начала судебного или арбитражного разбирательства ведёт к потере права на иск. Тем не менее, при отсутствии письменного уведомления с подробным изложением сути и контекста жалобы в течение шести месяцев после даты доставки или предполагаемой даты доставки груза, право на подачу иска истекает по окончании указанного шестимесячного периода.

Организация, занимающаяся координацией перевозок грузов по нескольким видам транспорта, может взыскивать возмещение ущерба с привлекаемых ею подрядчиков даже после истечения стандартного периода для заявления претензий, при условии, что иск предъявляется в рамках временных рамок, предусмотренных законами страны, где проводится судебное разбирательство.

Следует подчеркнуть, что ратификация Российской Федерацией произошла в 1999 году для ряда ключевых документов: Гаагские правила были официально приняты в 1924 году и начали действовать с 1931 года [3], а Висбийские правила, принятые в 1977 году, вступили в законную силу в течение того же календарного года. Также Протокол, датированный 1979 годом, начал свое действие с 1984 года.

По итогам принятия решения UNCTAD, совместные усилия этой организации вместе с Международной торговой палатой привели к созданию специализированной группы экспертов. Эта группа была задействована для того, чтобы разработать обновлённый комплект правил, применимых к документации, связанной с мультимодальными перевозками. В ходе множества встреч экспертов, к 1991 году была завершена разработка набора правил UNCTAD/ICC, предназначенного для документов мультимодальных перевозок. С начала 1992 года данные правила стали официально действовать и впоследствии прошли процедуру обновления в 1995 году [9].

Эти нормативы могут быть включены в договоренности о транспортировке через отсылку к ним, что осуществимо в любой форме общения, будь то письменный, устный или иной способ. Они остаются актуальными без учета того, оговаривает ли соглашение использование одного вида транспорта или предполагает комбинацию различных способов перевозки, и независимо от того, является ли оно соглашением по стандартной или комплексной (мультимодальной) перевозке. Странами, вводящими в действие эти нормы, достигается консенсус о том, что они будут иметь преимущественную

силу по сравнению с любыми другими пунктами договора, которые могут им противоречить, за исключением случаев, когда условия договора увеличивают объем обязательств или ответственность оператора мультимодальной перевозки.

В контексте мультимодального транспортного сектора, основное внимание уделяется усовершенствованию и развитию услуг, хотя на данный момент отсутствует глобально ратифицированная нормативно-правовая база для управления мультимодальными перевозками. В результате отсутствия такой конвенции, действующая практика основывается на использовании секторальных униформальных конвенций.

Спектр транспортных соглашений регулирует условия перевозок посредством различных видов транспорта. Так, в автомобильном транспорте ключевым документом является Конвенция КДПГ 1956 года [4], для железнодорожных перевозок – Конвенция КОТИФ и ее версии 1999 года [5]. В воздушном транспорте применяются Варшавская Конвенция 1929 года [3] и Монреальская Конвенция 1999 года [2], в то время как внутренневодный транспорт регулируется Будапештской конвенцией 2001 года [1]. Морской транспорт подпадает под регулирование Гаагских и Гаагско-Висбийских правил, а также Гамбургских и Роттердамских правил.

Существующая дилемма заключается в степени обязательности применения этих универсальных униформальных конвенций к мультимодальным перевозкам, что поднимает вопрос о необходимости разработки и внедрения интегративного международного правового инструментария для адекватного регулирования мультимодальных транспортных операций.

Таким образом, определенные международные конвенции распространяют свое влияние на мультимодальные перевозки. В частности, Гаагские правила были модифицированы Висбийским протоколом в 1968 году, что привело к их обозначению как Гаагско-Висбийские правила. Эти изменения касались области применимости и ограничения ответственности перевозчика и, хотя они в основном применяются к международным морским перевозкам, возникает вопрос о их приложимости к мультимодальным перевозкам, поскольку мультимодальность не рассматривается явно в рамках правил.

Развивающиеся страны традиционно выражали скептицизм к Гаагским и Гаагско-Висбийским правилам, созданным без их участия и отражающим интересы промышленно развитых государств. В ответ, ООН и связанные с ней организации, такие как ЮНКТАД и ЮНСИТРАЛ, способствовали разработке Гамбургских правил 1978 года, которые урегулировали некоторые из этих дисбалансов, расширив область ответственности перевозчика и увеличив лимиты ответственности. Тем не менее, Гамбургские правила не получили широкого международного признания и привели к созданию еще одного парадигмального режима в междуна-

родном морском перевозочном праве, что усложнило применение универсальных норм [11].

В результате возникли отзывы, касающиеся устаревания Гаагских правил и непригодности Гамбургских. Это стимулировало ЮНСИТРАЛ в 1996 году инициировать процесс пересмотра текущих стандартов с целью разработки новой, унифицированной системы для улучшения согласованности в сфере международных морских грузоперевозок.

Авторы Роттердамского соглашения, передового нормативного акта под эгидой ООН, касающегося договоренностей по международной морской доставке грузов, выпущенного в 2008 году, характеризуют его как динамично развивающийся и объединяющий правовой механизм, созданный с целью заполнить лакуны, которые существуют в действующих законодательных рамках. Это в особенности относится к сегменту мультимодальных транспортировок, в которые входит морская составляющая и которые не покрываются положениями Гаагских и Гаагско-Висбийских правил.

Гаагские нормативы не охватывают ситуации, когда грузы доставляются мультимодальным способом, что приводит к юридической неясности относительно их использования при международных морских перевозках, включенных в комплексный логистический процесс. Решение вопроса об эффективности этих правил обусловлено интерпретацией их сферы действия, которая заметно различается с другими транспортными соглашениями, если рассматривать их по трехмерным параметрам.

Первоначально, протокол, прилагаемый к подписанию данной Конвенции, предоставляет странам, которые к ней присоединяются, возможность внедрения Конвенции путем ее преобразования во внутренний закон или включения в свою национальную правовую систему. Этот процесс увеличивает сферу действия Конвенции, поскольку ее применение теперь определяется не только ее собственными статьями, но также и правовыми нормами стран-участниц.

В качестве второй особенности стоит выделить обязательность выпуска определенного транспортного документа, что представляет отклонение от стандартной нормы, установленной другими конвенциями. В случае отсутствия такого документа, как коносамент, применение упомянутых правил становится невозможным [12].

Третье отличие заключается в том, что действие данных правил ограничено определенным временным интервалом, который начинается с загрузки груза на борт судна и заканчивается его разгрузкой. Такая временная рамка более узкая по сравнению с той, что предусмотрена в других международных соглашениях, например, в Гамбургских правилах. Это обстоятельство налагает специфические обязательства на перевозчика и влияет на его ответственность в контексте как одномодальных, так и комбинированных грузоперевозок, включающих морской этап.

Протокол к подписанию Конвенции предлагает два варианта имплементации правил: путем прямого включения в национальное законодательство или путем преобразования в закон. Многие страны, принявшие Гагские правила, выбрали последний подход, интегрируя их в национальное право в соответствующей форме. Однако разнообразие методов инкорпорации, лингвистических различий и комбинирования с национальным законодательством привело к неоднородности трактовки правил, несмотря на широкое распространение и множество ратификаций Гагско-Висбийских правил.

В рамках изучения правовой регламентации транспортной отрасли, особое внимание уделяется корреляции между законодательными нормами и фактическими условиями экономической деятельности, которые обуславливают эффективность данных норм. Правовые нормы должны быть согласованы с объективными экономическими условиями, включая специфику перевозочных операций. Эта синхронизация имеет первостепенное значение для обеспечения адекватного регулирования экономических процессов в данной сфере.

Применение юридических механизмов в целях экономического регулирования будет результативным при условии, что оно отвечает актуальным потребностям экономики и нацелено на оптимизацию существующих экономических взаимосвязей, а не на радикальное преобразование или на создание новых структур отношений. Юридические инструменты должны способствовать гармонизации и стабилизации экономического взаимодействия между участниками перевозочных отношений.

Эта задача становится еще более сложной на международном уровне, где правовое регулирование должно учитывать интересы стран с различными экономическими системами и уровнями развития. Международное транспортное законодательство требует включения механизмов, способных синхронизировать разнообразные экономические интересы и создать условия для эффективного и справедливого транспортного взаимодействия. Это подразумевает не только согласование национальных правовых норм, но и разработку международных договоров и соглашений, которые могут обеспечить унификацию и согласованность правовых регулятивов в транспортной сфере.

На основе проведенного анализа международного правового регулирования мультимодальных перевозок можно сделать следующие выводы:

1. Международные конвенции, включая Гагские и Гагско-Висбийские правила, а также Роттердамские правила, оказывают значительное влияние на управление мультимодальными перевозками, однако их применимость и эффективность в современных транспортных операциях требуют дополнительного изучения и адаптации.

2. Существующие нормы международного транспортного права не всегда адекватно отражают особенности мультимодальных перевозок, что подчеркивает необходимость разработки интегративного международного инструмента, специально

нацеленного на регулирование такого рода транспортных операций.

3. Неоднородность трактовки и применения международных правил, вызванная различными методами инкорпорации в национальное законодательство и лингвистическими различиями, подрывает правовую уверенность и требует гармонизации и стандартизации на международном уровне.

4. Правовые механизмы, регулирующие мультимодальные перевозки, должны быть гибкими и способными адаптироваться к условиям, которые меняются вместе с развитием технологий и меняющимися практиками в сфере транспортировки.

5. В целях обеспечения эффективности и справедливости международных транспортных операций необходимо стремиться к консенсусу между государствами относительно принципов и правил, которые будут иметь преимущественную силу в договорных отношениях, связанных с мультимодальными перевозками.

В заключение, укрепление правовой уверенности и гармонизация международного транспортного права требуют совместных усилий международного сообщества, что предполагает актуализацию существующих нормативов и разработку новых, более адаптированных к современным реалиям мультимодальных перевозок.

Литература

1. Будапештская Конвенция о договоре перевозки грузов по внутренним водным путям (КПГВ) Принята Дипломатической конференцией, организованной совместно ЦКСР, Дунайской комиссией и ЕЭК ООН, которая состоялась в Будапеште с 25 сентября по 3 октября 2000 года. Доступ: <https://docs.cntd.ru/document/902035040> (дата обращения: 13.12.2023).
2. Конвенция для унификации некоторых правил международных воздушных перевозок (Заключена в г. Монреале 28.05.1999). Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (дата обращения: 13.12.2023).
3. Конвенция для унификации некоторых правил, касающихся международных воздушных перевозок (вместе с «Дополнительным протоколом») (заключена в г. Варшаве 12.10.1929) (с изм. от 18.09.1961). Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (дата обращения: 13.12.2023).
4. Конвенция о договоре международной дорожной перевозки грузов (КДПГ) (Заключена в г. Женеве 19.05.1956) (Вступила в силу для СССР 01.12.1983) (с изм. от 05.07.1978). Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (дата обращения: 13.12.2023).
5. Конвенция о международных железнодорожных перевозках (КОТИФ) от 9 мая 1980 года согласно тексту изменяющего Протокола от 3 июня 1999 года. Российская Федерация присоединилась к Конвенции – Федеральный закон от 17 июля 2009 года N 152-ФЗ. Доступ:

<https://docs.cntd.ru/document/902302611> (дата обращения: 13.12.2023).

6. Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров (Заключена в г. Вене 11.04.1980).
7. Международная конвенция об унификации некоторых правил о коносаменте 1924 года (вместе с «Протоколом подписания») (заключена в г. Брюсселе 25.08.1924) (с изм. от 21.12.1979). Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (дата обращения: 13.12.2023).
8. Образец оборотного мультимодального транспортно-коносаментного ФИАТА (Negotiable FIATA Multimodal Transport Bill of Lading – FBL). Доступ: <https://base.garant.ru/71889838/> (дата обращения: 13.12.2023).
9. Правила ЮНКТАД/ИСС для документов смешанных перевозок. Документ N 321–34, принят Исполнительным комитетом ИСС 11 июня 1991 года в Париже. Дата вступления в силу – 1 января 1992 г. Официальная публикация ИСС N 481. Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (дата обращения: 13.12.2023).
10. Алимova Я.О. Принципы УНИДРУА – как источник будущей новой конвенции в сфере договорного права. Миф или реальность? // Проблемы экономики и юридической практики. 2014. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsiy-unidrua-kak-istochnik-buduschey-novoy-konventsii-v-sfere-dogovornogo-prava-mif-ili-realnost> (дата обращения: 13.12.2023).
11. Касаткина А.С. Международные морские перевозки грузов: актуальные проблемы правового регулирования // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 2. С. 171–185.
12. Чурилов А.Ю. Классификация коносаментов и её правовое значение // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2021. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-konosamentov-i-eyo-pravovoe-znachenie> (дата обращения: 13.12.2023).

REGULATION OF MULTIMODAL TRANSPORT OF GOODS IN INTERNATIONAL LAW

Lonchakova Yu.A.

Vladimir State University Associate Professor

This article examines the regulation of multimodal transport of goods in the context of international law. Special attention is given to the analysis of established legal norms and mechanisms aimed at creating effective and fair transport interaction between countries with different economic systems and levels of development. The article studies the historical development of international agreements, starting from early attempts by UNIDROIT to the modern Rotterdam Rules, emphasizing their contribution to the unification and harmonization of legal regulations. The authors emphasize the need to

synchronize legal norms with actual economic conditions and the specific nature of multimodal transport. The article also discusses the problems and potential ways to address them in the field of legal regulation of international multimodal transport of goods.

Keywords: multimodal transport, international transport law, Rotterdam Rules, Hague Rules, Hague-Visby Rules, UNIDROIT, combined transport operations, FIATA, Tokyo Rules, UN Convention on International Multimodal Transport of Goods, legal unification, international legal regulation, economic interaction, international agreements, synchronization of legal norms, legal mechanisms.

References

1. Budapest Convention on the Contract for the Carriage of Goods by Inland Waterways (BIC) Adopted by a Diplomatic Conference organized jointly by the CCNR, the Danube Commission and the UNECE, which took place in Budapest from 25 September to 3 October 2000. Access: <https://docs.cntd.ru/document/902035040> (access date: 12/13/2023).
2. Convention for the unification of certain rules for international air transport (Concluded in Montreal on May 28, 1999). Access: SPS «Consultant Plus Prof» (access date: 12/13/2023).
3. Convention for the Unification of Certain Rules Relating to International Carriage by Air (together with the «Additional Protocol») (concluded in Warsaw on October 12, 1929) (as amended on September 18, 1961). Access: SPS «Consultant Plus Prof» (access date: 12/13/2023).
4. Convention on the Contract for the International Carriage of Goods by Road (CMR) (Concluded in Geneva on May 19, 1956) (Entered into force for the USSR on December 1, 1983) (as amended on July 5, 1978). Access: SPS «Consultant Plus Prof» (access date: 12/13/2023).
5. Convention concerning International Carriage by Rail (COTIF) of May 9, 1980, in accordance with the text of the amending Protocol of June 3, 1999. The Russian Federation has acceded to the Convention – Federal Law of July 17, 2009 N 152-FZ. Access: <https://docs.cntd.ru/document/902302611> (access date: 12/13/2023).
6. United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods (Concluded in Vienna on April 11, 1980).
7. International Convention for the Unification of Certain Rules on Bills of Lading, 1924 (together with the «Protocol of Signature») (concluded in Brussels on August 25, 1924) (as amended on December 21, 1979). Access: SPS «Consultant Plus Prof» (access date: 12/13/2023).
8. Sample of a negotiable FIATA Multimodal Transport Bill of Lading (FBL). Access: <https://base.garant.ru/71889838/> (access date: 12/13/2023).
9. UNCTAD/ICC Rules for Multimodal Transport Documents. Document N 321–34, adopted by the ICC Executive Committee on June 11, 1991 in Paris. Effective date: January 1, 1992. Official publication ICC N 481. Access: ATP «Consultant Plus Prof» (access date: 12/13/2023).
10. Alimova Ya.O. UNIDROIT principles – as a source for a future new convention in the field of contract law. Myth or reality? // Problems of economics and legal practice. 2014. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsiy-unidrua-kak-istochnik-buduschey-novoy-konventsii-v-sfere-dogovornogo-prava-mif-ili-realnost> (access date: 12/13/2023).
11. Kasatkina A.S. International maritime transportation of goods: current problems of legal regulation // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2016. No. 2. pp. 171–185.
12. Churilov A. Yu. Classification of bills of lading and its legal significance // Asia-Pacific region: economics, politics, law. 2021. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-konosamentov-i-eyo-pravovoe-znachenie> (access date: 12/13/2023).

Правовая природа договора на разработку программного обеспечения для ЭВМ: аспекты защиты интересов заказчика

Находкин Александр Александрович,

аспирант кафедры гражданского и корпоративного права,
Санкт-Петербургский государственный экономический
университет
E-mail: anaxodkin@bk.ru

В настоящее время процессы цифровизации и автоматизации охватили практически все сферы общественной жизни. В таких условиях свое оформление получает новый тип общества – информационное общество. Особенности указанного вида общества заключаются, главным образом, в том, что в хозяйственном обороте получают распространение результаты интеллектуальной деятельности. Соответственно, производящая промышленность в данном типе общества уходит на «второй» план, отдавая значительное место таким отраслям деятельности, как видео-, медиа-, киноиндустрия и др. Обозначенные изменения были учтены современным законодателем. В соответствии с положениями действующего гражданского законодательства предусмотрен целый перечень объектов, отнесенных к числу объектов интеллектуальной собственности. К их числу относятся не только ранее известные обществу произведения литературы, науки, искусства, но и новые объекты интеллектуальной собственности, например, базы данных, программы для ЭВМ, товарные знаки и т.п. Вместе с тем, несмотря на наличие достаточно развитой правовой основы в сфере защиты интеллектуальных прав, в том числе применительно к защите прав на программы для ЭВМ, слабо развитым признается вопрос о процедуре и механизме защиты прав законных правообладателей.

Ключевые слова: интеллектуальные права, программы для ЭВМ, правообладатель, правовая охрана.

Обязательства, возникающие на основании договора заказа, в качестве которого определяется создание программы для ЭВМ, в нормах действующего гражданского законодательства не получили детального урегулирования. В частности, в ст. 1296 ГК РФ законодатель ограничивается определением порядка распределения прав между сторонами возникающего правоотношения.

Однако следует заключить, что возникающие в процессе разработки программного обеспечения отношения отличаются определенной спецификой. Данные обстоятельства обусловлены характеристиками указанного объекта интеллектуальной собственности. Вместе с тем, современный законодатель в рассматриваемой части ограничивается лишь отсылкой к положениям, закрепленным в ст. 1296 ГК РФ. Вместе с тем, для урегулирования возникающих отношений в данной сфере следует признать явно недостаточным.

Следует отметить, что положения обозначенной правовой нормы не позволяют учесть специфику отношений, устанавливаемых в связи с созданием по заказу программы для ЭВМ. Исследуемая правовая норма содержит в себе общие правила. В этой связи возникает спорный вопрос о возможности урегулирования указанных отношений на основе обозначенного положения, учета специфики устанавливаемых правоотношений. Здесь же следует указать и на дискуссионный характер вопроса о возможности использования норм иных гражданско-правовых договоров, определяющих специфику возникающих правоотношений.

При разрешении приведенных вопросов внимание должно быть уделено определению правовой природы договора, используемого для урегулирования возникающих отношений. Несмотря на изученность данного вопроса, на сегодняшний день отсутствует единый подход к его решению. В частности, предлагается относить такой договор к числу договоров, направленных на выполнение работ (по типу договора подряда) [5, с. 88], либо к договору авторского заказа [3, с. 424]. Также имеется подход, согласно которому данный договор по своей правовой природе относится к числу смешанных договоров [4, с. 1015].

Применительно к возникающим отношениям законодатель использует несвойственную для сферы интеллектуальной собственности терминологию «заказчик», «подрядчик», «исполнитель». Данные категории позволяют соотнести устанавливаемые правоотношения с договором подряда. Аналогичный подход получил свое закрепление и в норме ст. 1372 ГК РФ, применяемой к промышленному образцу.

Несмотря на это, в качестве цели договора, определенного в ст. 1296 ГК РФ, определяется создание нового объекта авторского права. Из указанного положения следует, что рассматриваемых договоров являются фактически идентичными (ст. 1288 ГК РФ). Кроме того, при определении роли стороны, указывающей на создание объекта авторского права, законодатель исходит из наделения ее статусом заказчика.

В качестве участника возникающих отношений согласно ст. 1296 ГК РФ может рассматривать автор программного обеспечения. Допустимо участие в данных отношениях также иных лиц. В частности, речь может идти о компаниях, нанимающих работников для выполнения обозначенных видов трудовых обязанностей, что является достаточно распространенным на практике [5, с. 88].

Примечательно, что на сегодняшний день не получила своего формирования позиция, согласно которой отношения, возникающие в связи с разработкой программного обеспечения для ЭВМ по заказу, не позволяют отнести их к числу отношений, основанных на договоре оказания услуг. Устанавливаемый в данном случае нематериальный характер создаваемого объекта не может быть использован в качестве критерия для разграничения указанных видов отношений. Целесообразно здесь также исходить из учета специфических особенностей самого программного обеспечения как объекта гражданских прав.

Приближенность договора разработки программного обеспечения к договору подрядного типа связывается с наличием технического задания, требования, где детально указываются все существенные характеристики создаваемого программного обеспечения, сроки, порядки его создания. В свою очередь, в заключаемом между сторонами договоре должна быть сделана отсылка к указанному документу, что свидетельствовало бы об их взаимосвязи.

Например, при создании программного обеспечения, подлежащего внедрению в деятельности крупного предприятия, в заключаемом между сторонами договоре могут быть определены сведения о необходимости проведения обследования, изучения работы самого предприятия, а также процессов, на основании которых производится их автоматизация посредством внедрения программы, что позволило бы учесть указанные особенности, реализовать их в процессе использования программного обеспечения.

Также при заключении рассматриваемого договора стороны отдельное внимание должны уделить разработке проектных документов, используемых в качестве основы для разработки самого программного обеспечения. В целях обеспечения учета интересов заказчика стороны могут оговорить требования, которые должны найти свое отражение в техническом задании [4, с. 1017].

Кроме того, при урегулировании возникающих отношений стороны могут исходить из необходимости принятия графика выполнения работ, в ко-

тором будут отражены сроки, а также последовательность выполнения каждого этапа создания программы для ЭВМ.

Совокупность обозначенных документов является гарантией защиты интересов заказчика, исключения случаев злоупотребления, допускаемых со стороны исполнителя. Однако следует признать, что данные документы будут иметь юридическое значение лишь в том случае, если они будут связаны с основным договором, подписаны (согласованы) сторонами.

На практике имеют место случаи, когда техническое задание составляется сторонами в момент непосредственного исполнения договора. При этом за основу составления данного документа принимаются общие технические требования, а также особенности, выявленные по результатам проводимого обследования предприятия. При наличии указанных обстоятельств следует признать, что отсутствует согласованный сторонами предмет договора, а потому не приходится говорить о наличии заключенного между сторонами договора.

Кроме того, технические требования в процессе проводимого обследования могут дополняться, изменяться, что приведет к существенному изменению признаков и характеристик создаваемого программного обеспечения. Кроме того, потребуются внесение изменений в техническое задание, что может повлечь за собой изменение стоимости, сроков разработки создаваемого продукта [4, с. 1017].

Следовательно, на момент заключения исследуемого договора стороны должны также согласовать перечень тех документов, на основании которых будут определяться основные характеристики, этапы, сроки и последовательность создаваемого продукта.

В свою очередь, при отсутствии разработанного технического задания может идти речь о возникновении между сторонами отношений, основанных на предварительном договоре. Применение указанной конструкции гражданско-правовых договоров возможно при условии предварительного согласования технических требований, предъявляемых к создаваемому объекту.

В качестве предмета обозначенного договора следует рассматривать действия, направленные на разработку и согласование технического задания. Однако в этом случае не исключается необходимость заключения основного договора для признания правоотношения между сторонами установленным (в части разработки программного обеспечения). Аналогичные требования должны быть соблюдены и при условии сторонами дополнительного соглашения к договору [3, с. 425].

Также разработка технического задания может быть вынесена в отдельный договор, выступая в качестве его предмета. Составленный в этом случае договор впоследствии требует заключения основного договора – на разработку программы для ЭВМ [3, с. 425]. Указанный способ урегулирования отношений применим в случаях, когда тех-

ническое задание разрабатывается одним лицом, а его реализация осуществляется другим.

На основании утвержденного технического задания проводится непосредственное его исполнение. Основа всего рассматриваемого процесса сводится к программированию.

По результатам данного процесса должны быть проведены испытания созданного объекта, проведена его опытная эксплуатация. Совершение указанных действий направлено на выявление возможных ошибок и недочетов. При этом следует учитывать, что данный процесс не требует обязательной регламентации в основном договоре. Однако отсутствие указания на необходимость его проведения не умаляет значения полученных в процессе его непосредственной реализации результатов.

Целесообразность проведения опытной эксплуатации создаваемого программного обеспечения связывается с наличием ситуаций, обусловленных наличием сложных, создание программы для ЭВМ.

В рамках исследуемого этапа по указанию заказчика проводится работа с программой в целях установления ошибок и недочетов, допущенных при создании программного обеспечения. Выявленные заказчиком недочеты должны быть своевременно устранены. После этого разработанная программа непосредственно может быть внедрена в деятельность предприятия (заказчика). Лишь по результатам принятия данных мер обязательства могут быть признаны исполненными.

По условиям основного договора стороны могут определить необходимость проведения обучения сотрудников заказчика в части использования программного обеспечения. Указанные услуги могут быть оказаны исполнителем и в целях оказания технической поддержки заказчику (как правило, в течение одного года после передачи выполненного результата) [3, с. 425].

В рамках исполнения рассматриваемого договора должно быть оговорено условие о необходимости передачи результата выполненной разработки, а также сопроводительных документов к ней (коды, инструкции и т.п.). В свою очередь, обязанность по передаче самой программы может быть исполнена различными способами – при передаче в электронной форме либо при предоставлении материального носителя.

Последнее условие договора может свидетельствовать о наличии общих черт устанавливаемого правоотношения с договором подряда. В частности, имеет место передача созданного объекта на материальном носителе.

Вместе с тем, при разграничении рассматриваемых договоров следует исходить из назначения, результата передачи о вещественного объекта. Применительно к договору подряда сам итог работы имеет основополагающее значение, что отличает его от договора на разработку программы для ЭВМ. В последнем случае осуществление рассматриваемой функции имеет вспомогательный характер [2, с. 1072].

При рассмотрении вопросов о правовой охране программ для ЭВМ Суд по интеллектуальным правам пришел к следующим выводам:

- для решения вопроса об использовании программы для ЭВМ неуправомоченным лицом суд может исходить из сопоставления исходного кода программы с кодом экземпляра другого лица. В этих целях исследованию подлежат материальные носители, на которых отражен исходный код сравниваемых программ, а также их сопоставление на основе листинга. При необходимости для решения указанного вопроса может быть привлечен специалист, эксперт;
- между сравниваемыми кодами программ могут быть установлены незначительные расхождения, что не препятствует формулированию вывода о незаконном использовании программы для ЭВМ неуправомоченным лицом. Однако цели и функции программ непосредственно не могут указывать на факт использования одного объекта другим;
- о наличии сходства программы для ЭВМ может свидетельствовать факт наличия значительной части кода в сравниваемых программах [1].

Таким образом, договор на разработку программного обеспечения для ЭВМ отличается определенной спецификой, что отражается на его правовой природе. Кроме того, данные обстоятельства порождают некоторые трудности в обеспечении защиты интересов заказчика по договору. Для урегулирования указанных ситуаций надлежит определить правовую природу рассматриваемого договора, отнеся его к числу договоров авторского заказа, который выделяется по объекту, каковым является программа для ЭВМ. С учетом специфики возникающих в данной части правоотношений применению, соответственно, должны подлежать общие нормы о договоре авторского заказа (ст. 1288–1290 ГК РФ), а более детальное их урегулирование возможно на основании условий самого договора.

Литература

1. Обзор практики Суда по интеллектуальным правам по вопросам, возникающим при применении норм Гражданского кодекса Российской Федерации о правовой охране программ для ЭВМ и баз данных (утв. постановлением президиума Суда по интеллектуальным правам от 18 ноября 2021 г. № СП-21/26). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403072019/> (дата обращения 10.02.2024).
2. Гусева Ю.И. Программы для электронно-вычислительных машин как объект авторского права // Молодой ученый. 2021. № 11 (91). С. 1072–1074.
3. Лосева А.П. Программа для ЭВМ как объект интеллектуальной собственности // Молодой ученый. 2021. № 18 (360). С. 424–428.
4. Нетишинская Л.Ф. Правовой режим программы для ЭВМ как объекта интеллектуальных

прав // Молодой ученый. 2020. № 10 (114). С. 1015–1019.

5. Семенюта Б.Е. О правовой природе договора на создание программы для ЭВМ по заказу // Труды Института государства и права РАН. 2019. № 4. С. 88–91.

LEGAL NATURE OF THE CONTRACT FOR THE DEVELOPMENT OF COMPUTER SOFTWARE: ASPECTS OF PROTECTING THE INTERESTS OF THE CUSTOMER

Nakhodkin A.A.

St. Petersburg State Economic University

Currently, the processes of digitalization and automation have covered almost all spheres of public life. In such conditions, a new type of society, the information society, receives its formalization. The peculiarities of this type of society consist mainly in the fact that the results of intellectual activity are disseminated in economic turnover. Accordingly, the manufacturing industry in this type of society fades into the background, giving a significant place to such branches of activity as the video, media, film industry, etc. The indicated changes were taken into account by the modern legislator. In accordance with the provisions of the current civil legislation, a whole list of objects classified as intellectual property is provided. These include not only works of literature, science, and art previously known to society, but also new objects of intellectual property, for example,

databases, computer programs, trademarks, etc. At the same time, despite the presence of a fairly developed legal framework in the field of protection of intellectual rights, including in relation to the protection of rights to computer programs, the issue of the procedure and mechanism for protecting the rights of legitimate copyright holders is recognized as poorly developed.

Keywords: intellectual rights, computer programs, copyright holder, legal protection.

References

1. Review of the practice of the Intellectual Property Rights Court on issues arising in the application of the norms of the Civil Code of the Russian Federation on the legal protection of computer programs and databases (approved by Resolution of the Presidium of the Intellectual Property Rights Court dated November 18, 2021 No. SP-21/26). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403072019/> (accessed 02/10/2024).
2. Guseva Yu.I. Programs for electronic computers as an object of copyright // Young scientist. 2021. No. 11 (91). pp. 1072–1074.
3. Loseva A.P. Computer program as an object of intellectual property // Young scientist. 2021. No. 18 (360). pp. 424–428.
4. Netishinskaya L.F. The legal regime of a computer program as an object of intellectual rights // Young scientist. 2020. No. 10 (114). pp. 1015–1019.
5. Semenyuta B.E. On the legal nature of the contract for the creation of a computer program on request // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2019. No. 4. pp. 88–91.

Соотношения действия общего трудового законодательства о порядке введения электронного документооборота со специальными нормами правового регулирования труда занятых на микропредприятиях

Перевалов Андрей Геннадьевич,

аспирант кафедры трудового и социального права Уральского института управления – филиала РАНХиГС
E-mail: perevalov-1993@mail.ru

Статья посвящена теме надлежащего юридического оформления введения кадрового электронного документооборота у работодателя-микропредприятия. Выдвигается тезис о том, что электронный документооборот, будучи проявлением цифровизации в трудовых отношениях, положительно влияет на развитие малого предпринимательства, так как предназначен для упрощения взаимодействия сторон трудового договора. Автор исследует вопрос соотношения действия общих норм Трудового кодекса РФ о порядке введения работодателем электронного документооборота со специальными нормами, устанавливающими особенности правового регулирования труда у работодателей – микропредприятий. С помощью анализа законодательства, научных исследований обосновывается возможность перехода работодателя-микропредприятия на электронный документооборот не только через принятие локального нормативного акта, но и путем включения соответствующих положений в трудовой договор с работником. Автор высказывается мнение о том, что внедрение электронного документооборота на локальном уровне регулирования является для работодателя наиболее удобным и практичным.

Ключевые слова: трудовые отношения, трудовое право, цифровизация, электронный документооборот, работодатель, микропредприятие, малый бизнес.

Переход к постиндустриальному обществу с инновационной экономикой, основанной на использовании научно-технических достижений, сопровождается глубоким внедрением цифровых технологий во все области жизнедеятельности. При этом уже сложившиеся общественные отношения претерпевают изменения и приобретают ранее не свойственные им признаки и характеристики, которые пытается учитывать законодатель для адекватного правового регулирования. Данное утверждение также справедливо и для отношений в сфере наемного труда.

Цифровизация трудовых отношений – одно из главных направлений в развитии современного трудового права России, наряду с углублением дифференциации правового регулирования труда, процессом технического совершенствования трудовых норм и «административизацией» трудового права, то есть смещением отрасли в область публично-правовых начал [2, с. 19].

Цифровизация трудовых отношений проявилась в Трудовом кодексе РФ (далее – ТК РФ) в виде таких понятий как «сведения о трудовой деятельности» (статья 66.1 ТК РФ), «электронный документооборот» (статьи 22.1–22.3 ТК РФ), «труд дистанционных работников» (глава 49.1 ТК РФ).

В данной статье автором предпринята попытка рассмотреть вопросы, касающиеся внедрения кадрового электронного документооборота у работодателей, относящихся к микропредприятиям.

Сегодня развитие сферы малого предпринимательства единогласно признается важным условием для нормального функционирования государственной экономики, поскольку указанный сектор является одним из главных источников роста экономики, социального развития и технологического прогресса.

В то же время субъекты малого бизнеса, имея очень ограниченные финансовые и кадровые ресурсы для ведения хозяйственной деятельности и обладая небольшими экономическими возможностями, зачастую неспособны успешно конкурировать на рынке с крупными предприятиями. В этой связи малое предпринимательство выделено российским законодателем в отдельную социально значимую категорию, для которой предусмотрена государственная поддержка.

Так, статья 7 Федерального закона от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» предусматривает особенности правового регулирования малого предпринимательства, содержание ко-

торых раскрывается уже в иных федеральных законах и подзаконных нормативных актах. К таким особенностям, например, относятся специальные налоговые режимы, упрощенный бухгалтерский учет, установление квот обязательного участия малых предприятий в государственных закупках, а также закрепленные в ТК РФ специальные правила регулирования труда у работодателей – субъектов малого бизнеса.

К субъектам малого предпринимательства относятся организации и индивидуальные предприниматели с низкой численностью работников, относительно небольшим доходом от предпринимательской деятельности, состоящие в едином реестре субъектов малого и среднего предпринимательства (статьи 3, 4 указанного Федерального закона от 24.07.2007 № 209-ФЗ).

В целом, для развития сферы малого бизнеса необходимы три условия: сокращение административных барьеров, оптимальные налоги и доступ к финансовым ресурсам [3, с. 39].

Закрепление в трудовом законодательстве особенностей регулирования труда в малых предприятиях как раз и направлено на ликвидацию избыточных процедур и сокращение административных барьеров для малого бизнеса.

Трудовое законодательство, в целом настроенное на регулирование трудовых отношений в крупных организациях, долгое время не в полной мере учитывало специфику применения труда в секторе малого предпринимательства. Только в статье 59 ТК РФ закреплялась право работодателей – малых предприятий с количеством работников не более 35 человек, а в сфере бытового обслуживания и розничной торговли – не более 20 человек заключать с работниками срочные трудовые договоры без каких-либо дополнительных оснований. Вместе с тем малые предприятия (и особенно микропредприятия) не имеют достаточных финансовых и людских ресурсов для выполнения всех требований норм трудового права. Например, они зачастую не способны разрабатывать, принимать и хранить у себя весь комплекс обязательных локальных нормативных актов, поскольку не имеют собственной кадровой службы.

В связи с этим с 01.01.2017 в ТК РФ появилась новая глава 48.1, предусматривающая специфику правового регулирования труда в микропредприятиях. В последующем положения этой главы распространили действие и на труд в некоммерческих организациях.

Глава 48.1 ТК РФ дает работодателям – микропредприятиям право полного или частичного отказа от принятия локальных нормативных актов, содержащих нормы трудового права (правил внутреннего трудового распорядка, положения об оплате труда, положения о премировании и других), при условии заключения с работниками трудовых договоров по утвержденной Правительством РФ типовой форме, включающей положения и вопросы, которые обычно регулируются локальными нормативными актами.

Данное отступление от общего правового регулирования введено в ТК РФ направлено на сокращение кадрового делопроизводства, снижение административной нагрузки, связанной с выполнением требований трудового законодательства, и представляет собой меру поддержки российского малого бизнеса.

Возможность работодателей – субъектов микробизнеса отказаться от локальных нормативных актов названа в науке трудового права специальным режимом локального правового регулирования и является примером дифференциации трудовых норм в зависимости от масштаба работодателя [7, с. 22].

Таким образом, отрасль трудового права является одним из инструментов обеспечения развития и поддержки российского малого предпринимательства, поскольку устанавливает правовые положения, направленные на снятие административных барьеров, усложняющих деятельность работодателей-микропредприятий.

Непосредственное влияние на развитие малого предпринимательства оказывает внедрение цифровизации, поскольку оно также направлено на упрощение взаимодействия работника и работодателя в ходе трудовой деятельности, сокращение кадрового делопроизводства.

Так, Федеральный закон от 22.11.2021 № 377-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации» ввел в действие статьи 22.1–22.3 ТК РФ, регулирующие электронный документооборот в области трудовых отношений (далее – ЭДО).

В пояснительной записке к проекту данного закона говорится, что его цель – оптимизировать взаимодействие между работодателями и работниками, расширить возможности для удаленного трудоустройства и повысить оперативность оформления официальных трудовых отношений.

Статьи 22.1–22.3 ТК РФ устанавливают правовую основу для использования кадровых документов в цифровом формате без дублирования их на бумаге. Закон предлагает работодателю два варианта организации ЭДО: либо использовать собственную информационную систему, которая будет обеспечивать подписание, хранение документов, а также подтверждение их получения, либо воспользоваться бесплатной подсистемой портала «Работа России».

Статьи 22.1–22.3 ТК РФ регламентируют переход работодателя на систему ЭДО, процедуру извещения работников о таком переходе, определяют виды электронной подписи для заверения различной кадровой документации в зависимости от степени ее важности, а также предусматривают сохранение бумажной формы для наиболее значимых для работника документов (приказ об увольнении, акт о несчастном случае на производстве и другие).

Безусловно, положения ТК РФ об электронном документообороте являются полезными и прогрессивными нововведениями, поскольку направлены

на использование информационных технологий для совершенствования трудовых отношений.

Вместе с тем работодатели, существующие в сфере малого предпринимательства, могут столкнуться с некоторыми проблемами, связанными с введением электронного кадрового документооборота.

Эксперимент, проводившийся среди некоторых крупнейших российских компаний (РЖД, Яндекс, Газпромбанк и другие) и ставший основой для введения в ТК РФ положений об ЭДО, не был направлен на изучение самой возможности его внедрения среди малых работодателей, на выявление его преимуществ, недостатков именно в этой сфере.

Вместе с тем малые предприятия испытывают сложности с внедрением в свою деятельность цифровых технологий в связи с недостатком потенциала для инноваций, что свойственно не только для России, но и для иностранных государств. В частности, опыт цифровизации трудовых отношений в Германии демонстрирует, что этот процесс происходит на совершенно новом уровне сложности, и обращение с ним отнюдь не относится к простым задачам для ограниченных структур мелких компаний [6, с. 18].

Помимо сложности внедрения новых технологий, одной из актуальных проблем развития малого бизнеса, вызванных цифровизацией, является недостаточная компетентность предпринимателей и работников [1, с. 488].

Таким образом, условием эффективного внедрения информационных технологий в трудовые отношения в сфере малого бизнеса (в частности, перехода на ЭДО) является развитие цифровых компетенций как у работодателей, так и у работников.

Помимо этого, представляет особый интерес вопрос соотношения действия общих норм о порядке введения работодателем электронного документооборота со специальными нормами, устанавливающими особенности правового регулирования труда у работодателей, относящихся к микропредприятиям.

По смыслу статьи 22.2 ТК РФ переход работодателя на ЭДО оформляется путем принятия двух локальных нормативных актов:

а) локальный нормативный акт о введении электронного документооборота, закрепляющий выбранную работодателем информационную систему ЭДО, список документов и категории работников, в отношении которых осуществляется ЭДО, сроки извещения работников о переходе на ЭДО и дату его введения;

б) локальный нормативный акт об утверждении порядка осуществления электронного документооборота, устанавливающий сроки ознакомления работников с электронными документами и их подписания, порядок инструктажа работников по взаимодействию с работодателем через ЭДО, исключительные случаи, при которых документы должны оформляться в бумажном виде.

Тем самым законодательство устанавливает обязательное правило о порядке введения ЭДО, предусматривающее принятие работодателем соответствующего решения на локальном уровне регулирования.

Однако если мы, например, имеем дело с работодателем – микропредприятием, который отказался от принятия локальных нормативных актов, содержащих нормы трудового права (статья 309.2 ТК РФ), то встает вопрос допустимости закрепления использования ЭДО не в локальном акте, а в тексте трудового договора, заключаемого с работником по типовой форме.

Учитывая, что в настоящее время в России действует 6,16 млн микропредприятий, то данный вопрос является весьма актуальным и, возможно, будет возникать в процессе правоприменения. Кроме того, проблема закрепления обязанностей работников осуществлять ЭДО, легализация электронного делопроизводства в кадровом деле сегодня рассматривается учеными как одна из важнейших повесток дня [5, с. 10].

Думается, что суды при разрешении трудовых споров в обязательном порядке будут проверять надлежащее оформление перехода на ЭДО, давая оценку юридической значимости тех или иных действий работника и работодателя, совершаемых в рамках ЭДО (например, получение работником требования работодателя о предоставлении письменных объяснений, подача работником заявления об увольнении и др.).

Определение возможности внедрения ЭДО у работодателя путем применения договорного метода регулирования усложняется тем, что в юридической науке нет единого мнения относительно действительного права работодателя-микропредприятия полностью отказаться от принятия локальных нормативных актов.

Перечисленные в статье 309.2 ТК РФ локальные нормативные акты, от которых может отказаться работодатель-микропредприятие, не являются исчерпывающими. Это означает, что такой работодатель при желании может отказаться от принятия любых локальных нормативных актов, содержащих нормы трудового права. Единственное исключение – акт о временном переводе работников на дистанционную работу, принимаемый в соответствии со статьей 312.9 ТК РФ.

Тем не менее, некоторые исследователи считают, что от определенных локальных нормативных актов работодатель, все же, не может отказаться. Так, Н.В. Кузнецова и Л.Г. Золотарева полагают, что микропредприятие не вправе отказываться от принятия положения о защите персональных данных, актов, регулирующих отношения в области охраны труда [4, с. 285].

По мнению М.О. Пряженникова, недопустимо отказываться от принятия локальных нормативных актов, которые имеют значение для защиты жизни и здоровья работников, в частности, от инструкции по охране труда, положения о защите персональных данных работника [7, с. 23].

С.С. Щербак отмечает, что законодательство не позволяет работодателю отказаться от использования локальных нормативных актов о персональных данных работников и от положения о системе управления охраной труда [8, с. 68].

Все названные исследователи обосновывают свою позицию тем, что, во-первых, ТК РФ и специальное законодательство предусматривает обязательное наличие некоторых локальных нормативных актов у работодателя, а, во-вторых – не все вопросы, связанные с трудовыми отношениями, можно урегулировать трудовым договором.

Тем не менее положения главы 48.1 ТК РФ прямо предусматривают возможность отказа работодателя от принятия всех локальных нормативных актов, в том числе обязательных, за исключением локального акта о временном переводе работников на дистанционную работу в соответствии со статьей 312.9 ТК РФ.

Таким образом, учитывая, что трудовые отношения в микропредприятиях регулируются специальными правилами, то электронный документооборот у такого работодателя теоретически может быть введен не локальным нормативным актом, а на основании трудового договора с работником, заключаемого по типовой форме, утвержденной Постановлением Правительства РФ от 27.08.2016 № 858.

В пользу данного тезиса говорит тот факт, что утвержденная Правительством РФ типовая форма трудового договора является модифицируемой, то есть она может в определенных пределах изменяться путем исключения из нее некоторых пунктов, например, регулирующих труд дистанционных работников и надомников, а также путем дополнения новыми пунктами, не ухудшающими положение работника по сравнению с нормами трудового законодательства. Это следует из примечаний к типовой форме трудового договора, из части 4 статьи 57 ТК РФ, а также из разъяснений, содержащихся в Письме Минтруда России от 30.06.2017 № 14–1/В-591.

Кроме того, в пункте 22 типовой формы трудового договора указано, что график отпусков (обязательный кадровый документ, принимаемый работодателем в том же порядке, что и локальные нормативные акты) может утверждаться также письменным соглашением между сторонами.

Думается, что и переход на электронный документооборот возможно также оформлять письменным соглашением работника и работодателя.

Наконец, по смыслу статей 312.1–312.3 ТК РФ, регулирующих труд дистанционных работников, переход на удаленную работу и порядок взаимодействия такого работника с работодателем может оформляться, в том числе трудовым договором или дополнительным соглашением к нему.

Тем самым при совокупном толковании статей 22.2 и 309.2 ТК РФ можно сделать вывод о том, что ввести ЭДО у работодателя-микропредприятия можно не только локальным нормативным актом, но и путем включения соответствующих положений

в трудовой договор с работником, заключаемый по типовой форме. Такой способ внедрения ЭДО допустим и не противоречит законодательству.

Вместе с тем с практической точки зрения работодателю-микропредприятию, решившему перейти на электронный документооборот, гораздо удобнее урегулировать этот вопрос именно на локальном уровне, поскольку вносить изменения в локальный нормативный акт, в отличие от трудового договора, можно в единоличном порядке.

Кроме того, типовую форму трудового договора для микропредприятий уже упрекают в излишней «массивности» (один шаблон составляет 14 страниц), а в случае включения в нее дополнительных пунктов, регулирующих введение электронного оборота, и без того немалый объем возрастет еще больше.

Подводя итог, следует отметить, что специальное регулирование трудовых отношений у работодателей-микропредприятий и внедрение цифровизации в сферу труда имеют общие цели, такие как: упрощение осуществления экономической деятельности работодателей, стимулирование их к официальному оформлению трудовых отношений и, как следствие, обеспечение защиты трудовых прав работников.

Работодатели-микропредприятия сегодня имеют возможность оптимально организовывать применение наемного труда при условии разумного использования и грамотного сочетания тех правомочий, которые дает им трудовое законодательство.

Литература

1. Володкевич С.И. Современные условия и источники формирования цифровых навыков субъектов малого и среднего предпринимательства // Креативная экономика. 2020. Т. 14. № 4. С. 485–496.
2. Демидов Н.В. Трудовое право: учеб. пособие для вузов / ред.-сост. Н.В. Демидов. М.: Издательство Юрайт, 2023. 203 с.
3. Крымский А.И. Правовое регулирование трудовых отношений в субъектах малого предпринимательства: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2004. 229 с.
4. Кузнецова Н. В., Золотарева Л.Г. Особенности документационного обеспечения работы с персоналом у субъектов малого и среднего предпринимательства // Активизация интеллектуального и ресурсного потенциала регионов: Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. 2018. С. 284–289.
5. Куренной А., Костян И., Хныкин Г. Цифровая экономика России. Электронное делопроизводство трудовых отношений // ЭЖ-Юрист. 2017. № 37. С. 10.
6. Парфенова Д. С., Перцева П.В. Зарубежный опыт цифровизации в социально-трудовых отношениях // Исследование инновационного по-

тенциала общества и формирование направлений его стратегического развития: сборник научных статей 9-й Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 2019. С. 14–20.

7. Пряженников М.О. Дифференциация локального правового регулирования в зависимости от масштаба предприятия // Трудовое право в России и за рубежом. 2016. № 4. С. 20–23.
8. Щербак С.С. Расширение дифференциации в трудовом законодательстве Российской Федерации в зависимости от объема предпринимательской деятельности работодателя // Право и экономика. 2017. № 10. С. 63–69.

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE OPERATION OF GENERAL LABOR LEGISLATION ON THE PROCEDURE FOR INTRODUCING ELECTRONIC DOCUMENT MANAGEMENT AND SPECIAL NORMS OF LEGAL REGULATION OF LABOR EMPLOYED IN MICRO-ENTERPRISES

Perevalov A.G.

Ural Institute of Management Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation

The article is devoted to the topic of proper legal formalization of personnel electronic document circulation at the employer-microenterprise. A thesis is put forward that electronic document circulation, being a manifestation of digitalization in labor relations, has a positive impact on the development of small entrepreneurship, as it is intended to facilitate the interaction of the parties to an employment contract. The author studies the question of the correlation of the operation of the general norms of the Labour Code of the Russian Federation on the procedure for the introduction of electronic document circulation by the employer with special rules establishing the features of legal regulation of labour among employers –

microenterprises. With the help of analysis of legislation, research studies substantiates the possibility of the employer-microenterprise transition to electronic document circulation not only through the adoption of a local regulation, but also by including relevant provisions in the employment contract with the employee. The author suggests that the introduction of electronic workflow at the local level of regulation is the most convenient and practical for the employer.

Keywords: labor relations, labor law, digitalization, electronic document management, employer, microenterprise, small business.

References

1. Volodkevich S.I. Modern conditions and sources of formation of digital skills of small and medium-sized businesses // Creative Economy. 2020. Т. 14. No. 4. pp. 485–496.
2. Demidov N.V. Labor law: textbook. manual for universities / ed.-comp. N.V. Demidov. M.: Yurayt Publishing House, 2023. 203 p.
3. Krymsky A.I. Legal regulation of labor relations in small businesses: dis. ...cand. legal Sci. Tomsk, 2004. 229 p.
4. Kuznetsova N.V., Zolotareva L.G. Features of documentation support for work with personnel in small and medium-sized businesses // Activation of the intellectual and resource potential of the regions: Materials of the IV All-Russian scientific and practical conference. 2018, pp. 284–289.
5. Kurennoy A., Kostyan I., Khnykin G. Digital economy of Russia. Electronic records management of labor relations // EZH-Lawyer. 2017. No. 37. P. 10.
6. Parfenova D. S., Pertseva P.V. Foreign experience of digitalization in social and labor relations // Study of the innovative potential of society and the formation of directions for its strategic development: collection of scientific articles of the 9th All-Russian scientific and practical conference with international participation. 2019. pp. 14–20.
7. Pryazhennikov M.O. Differentiation of local legal regulation depending on the scale of the enterprise // Labor law in Russia and abroad. 2016. No. 4. P. 20–23.
8. Shcherbak S.S. Expanding differentiation in the labor legislation of the Russian Federation depending on the volume of entrepreneurial activity of the employer // Law and Economics. 2017. No. 10. pp. 63–69.

Соотношение понятий возмещений вреда за незаконные действия и компенсации ущерба за правомерные действия ОВД

Федорова Юлия Александровна,

старший преподаватель кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя
E-mail: jfedorova@inbox.ru

Статья посвящена анализу правового режима возмещения вреда, причиненного действиями органов внутренних дел (ОВД), а также выявлению и устранению проблем и противоречий в законодательстве и практике по этому вопросу. Автор исследует теоретические основы возмещения вреда, причиненного действиями ОВД, изучает современное законодательство и судебную практику по этому вопросу, выявляет и анализирует проблемы и противоречия в законодательстве и практике по этому вопросу, предлагает пути улучшения законодательства и практики по этому вопросу, определяет перспективы дальнейших исследований по этому вопросу. Автор приходит к выводу, что необходимо принятие специального федерального закона, который бы регулировал все аспекты ответственности за вред, причиненный действиями ОВД, а также унификация и обобщение судебной практики по этому вопросу, усиление и совершенствование механизмов защиты прав и законных интересов потерпевших от действий ОВД.

Ключевые слова: возмещение вреда, компенсация ущерба, незаконные действия, правомерные действия, органы внутренних дел, ответственность государства.

Деятельность органов внутренних дел (ОВД) направлена на обеспечение общественного порядка, безопасности и прав человека и гражданина. Однако в процессе исполнения своих функций ОВД могут причинять вред имуществу или личности граждан и юридических лиц. В таких случаях возникает вопрос о возмещении вреда, причиненного действиями ОВД, а также о правовом режиме такого возмещения.

Возмещение вреда, причиненного действиями ОВД, подразделяется на возмещение вреда за незаконные действия ОВД и возмещение вреда за правомерные действия ОВД. Разграничение незаконных и правомерных действий ОВД осуществляется на основе критериев законности, необходимости, соразмерности и адекватности. Возмещение вреда за незаконные действия ОВД осуществляется в полном объеме за счет средств соответствующего органа, а также не зависит от наличия вины должностных лиц, совершивших незаконные действия. Возмещение вреда за правомерные действия ОВД осуществляется в размере, определяемом судом с учетом обстоятельств дела, за счет средств соответствующего органа, если иное не предусмотрено законом, а также не зависит от наличия вины сотрудников ОВД, совершивших правомерные действия.

Вопрос возмещения вреда, причиненного действиями ОВД, является актуальным и сложным, и требует дальнейшего изучения и исследования. В научной литературе и судебной практике существуют различные подходы и мнения по этому вопросу, а также ряд проблем и противоречий, которые затрудняют эффективное и справедливое решение этого вопроса. Целью настоящего исследования является анализ правового режима возмещения вреда, причиненного действиями ОВД, а также выявление и устранение проблем и противоречий в законодательстве и практике по этому вопросу.

Возмещение вреда, причиненного незаконными действиями органов внутренних дел (ОВД), регулируется как конституционным, так и гражданским законодательством Российской Федерации. Конституция РФ гарантирует каждому гражданину право на судебную защиту своих прав и свобод, а также право на возмещение вреда, причиненного незаконными действиями государственных органов и должностных лиц (ст. 46, 53 Конституции РФ). [1] Гражданский кодекс РФ устанавливает общие принципы ответственности за вред, причиненный жизни или здоровью гражданина, а также за вред, причиненный имуществу гражданина или юриди-

ческого лица (ст. 1064, 1065 ГК РФ)[2]. Кроме того, ГК РФ содержит специальные нормы, регулирующие ответственность за вред, причиненный незаконными действиями ОВД, в частности, за незаконное привлечение к уголовной ответственности, незаконное применение мер пресечения, незаконное лишение свободы, незаконное осуждение и незаконное привлечение к административной ответственности (ст. 1070, 1071, 1072, 1073, 1074 ГК РФ)[2]. Эти нормы предусматривают, что вред, причиненный незаконными действиями ОВД, возмещается в полном объеме за счет средств соответствующего органа, а также, что возмещение вреда не зависит от наличия вины должностных лиц, совершивших незаконные действия.

Возмещение вреда, причиненного незаконными действиями ОВД, основывается на принципе справедливости, который закреплен в ст. 6 ГК РФ. [2] Согласно этому принципу, граждане и юридические лица вправе требовать защиты своих прав и законных интересов от неправомерных посягательств, а также возмещения причиненного им вреда. Возмещение вреда, причиненного незаконными действиями ОВД, также соответствует принципу презумпции невиновности, который закреплен в ст. 49 Конституции РФ[1]. Согласно этому принципу, никто не может быть признан виновным в совершении преступления до вступления в законную силу приговора суда. Возмещение вреда, причиненного незаконными действиями ОВД, также отражает принцип ответственности государства за свои действия и бездействие, который вытекает из ст. 2 Конституции РФ[1]. Согласно этому принципу, государство несет ответственность перед гражданами за свою деятельность, а также за деятельность своих органов и должностных лиц.

Компенсация ущерба, причиненного правомерными действиями органов внутренних дел (ОВД), представляет собой особый вид гражданско-правовой ответственности, который возникает в случаях, когда действия ОВД, направленные на защиту прав и законных интересов граждан, организаций или государства, влекут за собой причинение вреда другим субъектам гражданских правоотношений. [6] Такие действия могут быть связаны, например, с применением физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия, с проведением оперативно-розыскных мероприятий, с обеспечением общественного порядка и общественной безопасности, с предотвращением или пресечением правонарушений и т.д. Правовые основы компенсации ущерба, причиненного правомерными действиями ОВД, определены в ст. 1069 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), а также в Федеральном законе от 18 апреля 1995 г. N 40-ФЗ "О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации" (далее – Закон об ОВД)[3]. Согласно ст. 1069 ГК РФ, вред, причиненный правомерными действиями ОВД, возмещается за счет средств соответствующего органа, если иное не предусмо-

рено законом. Согласно ст. 45 Закона об ОВД, вред, причиненный правомерными действиями сотрудников ОВД, возмещается в порядке и на условиях, установленных ГК РФ, а также иными федеральными законами.[3] Кроме того, Закон об ОВД содержит специальные положения о компенсации ущерба, причиненного правомерными действиями сотрудников ОВД при применении физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия (ст. 25, 26, 27 Закона об ОВД). Эти положения устанавливают, что вред, причиненный правомерными действиями сотрудников ОВД, возмещается в полном объеме, если иное не предусмотрено законом, а также, что возмещение вреда не зависит от наличия вины сотрудников ОВД, совершивших правомерные действия.

Под незаконными действиями ОВД понимаются такие действия, которые нарушают закон или иные правовые акты, а также права и законные интересы граждан и юридических лиц. [7] Например, применение физического насилия, пыток, незаконное задержание или обыск, подделка доказательств и т.д.

Под правомерными действиями ОВД понимаются такие действия, которые соответствуют закону или иным правовым актам, а также не нарушают права и законные интересы граждан и юридических лиц. [8] Например, проверка документов, проведение оперативно-розыскных мероприятий, применение оружия и специальных средств и т.д.

Разграничение незаконных и правомерных действий ОВД осуществляется на основе критериев законности, необходимости, соразмерности и адекватности. Законность означает соответствие действий ОВД нормам права, установленным в Конституции РФ, федеральных законах, подзаконных актах и международных договорах. Необходимость означает, что действия ОВД должны быть обусловлены целями предупреждения, пресечения или раскрытия преступлений, а также защиты прав и свобод человека и гражданина.[9] Соразмерность означает, что действия ОВД должны быть пропорциональны характеру и степени общественной опасности нарушения, а также не должны превышать необходимых для его устранения мер. Адекватность означает, что действия ОВД должны быть адекватны обстоятельствам дела, а также не должны приводить к необоснованным или излишним последствиям для граждан и юридических лиц.

В соответствии с ч. 1 ст. 1064 ГК РФ за вред, причиненный незаконными действиями ОВД, отвечает Российская Федерация.[2] При этом вред может быть причинен как имуществу, так и личности граждан и юридических лиц. Вред, причиненный имуществу, подлежит возмещению в полном объеме, а вред, причиненный личности, подлежит возмещению в виде компенсации морального вреда и компенсации за утрату кормильца. Примерами возмещения вреда за незаконные действия ОВД могут служить следующие судебные дела:

- В 2017 году Верховный суд РФ удовлетворил иск гражданина А. к Российской Федерации о возмещении вреда, причиненного незаконным задержанием и содержанием под стражей. Суд признал, что действия ОВД были незаконными, так как не были обоснованы наличием достаточных доказательств причастности А. к преступлению, а также нарушали его право на судебную защиту. Суд присудил А. компенсацию морального вреда в размере 1 млн руб. и компенсацию за утрату доходов в размере 1,5 млн руб.[4]

- В 2019 году Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РФ отклонила кассационную жалобу Российской Федерации на решение суда первой инстанции, которым был удовлетворен иск гражданина Б. к Российской Федерации о возмещении вреда, причиненного незаконным применением физического насилия и специальных средств сотрудниками ОВД. Суд признал, что действия ОВД были незаконными, так как не соответствовали критериям необходимости и соразмерности, а также привели к причинению Б. телесных повреждений и моральных страданий. Суд присудил Б. компенсацию морального вреда в размере 500 тыс. руб. и компенсацию за расходы на лечение в размере 50 тыс. руб. [5]

В соответствии с ч. 2 ст. 1064 ГК РФ за вред, причиненный правомерными действиями ОВД, отвечает Российская Федерация, если законом не предусмотрено иное. [2] При этом вред может быть причинен как имуществу, так и личности граждан и юридических лиц. Вред, причиненный имуществу, подлежит возмещению в размере, определяемом судом с учетом обстоятельств дела, а вред, причиненный личности, подлежит возмещению в виде компенсации морального вреда и компенсации за утрату кормильца. Однако определение компенсации за правомерные действия ОВД представляет собой сложную задачу, которая связана с рядом проблем, таких как:

- Отсутствие четких критериев для определения правомерности действий ОВД, а также для разграничения правомерных действий от незаконных. [10] В некоторых случаях действия ОВД могут быть признаны правомерными в одном аспекте, но незаконными в другом. Например, если ОВД проводит обыск в квартире гражданина с соблюдением процессуальных норм, но при этом повреждает его имущество или причиняет ему телесные повреждения.
- Отсутствие четких критериев для определения размера компенсации за правомерные действия ОВД. В отличие от незаконных действий, за которые вред возмещается в полном объеме, за правомерные действия вред возмещается в размере, определяемом судом с учетом обстоятельств дела. Однако закон не содержит конкретных правил или формул для расчета такого размера, что создает проблемы для судебной практики и приводит к неоднородно-

сти и необоснованности судебных решений. [11] Например, в одном случае суд присудил гражданину В. компенсацию морального вреда в размере 100 тыс. руб. за вред, причиненный правомерным применением огнестрельного оружия сотрудником ОВД, а в другом случае суд присудил гражданину Г. компенсацию морального вреда в размере 1 млн руб. за аналогичный вред. Такие различия в размере компенсации могут быть объяснены разными обстоятельствами дел, но также могут свидетельствовать о субъективизме и произволе судей при определении справедливой компенсации.

- Отсутствие четких критериев для учета степени вины потерпевшего при определении компенсации за правомерные действия ОВД. В соответствии с ч. 2 ст. 1083 ГК РФ, если вред был причинен в результате совместного действия потерпевшего и лица, обязанного возместить вред, размер возмещения уменьшается судом пропорционально степени вины каждого из них. [2] Однако закон не определяет, каким образом должна оцениваться степень вины потерпевшего, а также какие факторы должны учитываться при этом. Например, в одном случае суд уменьшил компенсацию морального вреда гражданину Д. на 50% за вред, причиненный правомерным применением специальных средств сотрудником ОВД, сославшись на то, что Д. сам вызвал конфликтную ситуацию и не подчинялся законным требованиям ОВД, а в другом случае суд не уменьшил компенсацию морального вреда гражданину Е. за аналогичный вред, считая, что Е. не несет вины за причинение вреда, так как действовал в состоянии аффекта. [5] Такие различия в учете степени вины потерпевшего могут быть объяснены разными обстоятельствами дел, но также могут свидетельствовать о неоднозначности и неопределенности критериев вины.

- Отсутствие четких критериев для учета характера и объема вреда при определении компенсации за правомерные действия ОВД. В соответствии с ч. 1 ст. 1083 ГК РФ, при определении размера возмещения вреда суд учитывает характер и объем вреда, а также иные обстоятельства, имеющие значение для дела. [2] Однако закон не определяет, каким образом должны оцениваться характер и объем вреда, а также какие иные обстоятельства должны учитываться при этом. Например, в одном случае суд присудил гражданину Ж. компенсацию морального вреда в размере 300 тыс. руб. за вред, причиненный правомерным применением физической силы сотрудником ОВД, учитывая, что Ж. получил тяжелые телесные повреждения, а также, что действия ОВД были неадекватными и несоразмерными обстоятельствам дела, а в другом случае суд присудил гражданину З. компенсацию морального вреда в размере 50 тыс. руб. за аналогичный вред, учитывая, что З. получил легкие телесные поврежде-

ния, а также, что действия ОВД были необходимыми и соразмерными обстоятельствам дела. [6] Такие различия в учете характера и объема вреда могут быть объяснены разными обстоятельствами дел, но также могут свидетельствовать о нечеткости и несистемности критериев оценки вреда.

Таким образом, определение компенсации за правомерные действия ОВД требует учета множества факторов, которые не всегда имеют четкое и однозначное правовое регулирование. Это создает трудности для судебной практики и приводит к необоснованности и несправедливости судебных решений. Поэтому необходимо разработать и внедрить более конкретные и системные правила и формулы для определения компенсации за правомерные действия ОВД, а также унифицировать и обобщить судебную практику по этому вопросу.

Для улучшения ситуации по вопросу возмещения вреда, причиненного действиями ОВД, необходимо принять ряд мер, направленных на совершенствование законодательства и практики в этой области. Среди таких мер можно выделить следующие:

- Принятие специального федерального закона, который бы регулировал все аспекты ответственности за вред, причиненный действиями ОВД. Такой закон должен содержать четкие и единые определения и критерии для разграничения незаконных и правомерных действий ОВД, а также для определения размера компенсации за них. [12] Такой закон также должен учитывать специфику и особенности деятельности ОВД, а также отражать современные тенденции и международные стандарты в области защиты прав человека и гражданина.
- Унификация и обобщение судебной практики по вопросу возмещения вреда, причиненного действиями ОВД. Для этого необходимо разработать и внедрить единые и системные правила и формулы для расчета компенсации за вред, причиненный действиями ОВД, а также установить единые подходы и критерии для оценки правомерности и незаконности действий ОВД. [13] Также необходимо обеспечить постоянный мониторинг и анализ судебной практики по этому вопросу, а также обмен опытом и информацией между судами различных уровней и инстанций.
- Усиление и совершенствование механизмов защиты прав и законных интересов потерпевших от действий ОВД. Для этого необходимо обеспечить доступность и своевременность информации о действиях ОВД, а также достаточность и объективность доказательств, подтверждающих правомерность или незаконность действий ОВД. Также необходимо сократить длительность и сложность судебного процесса, а также повысить вероятность исполнения судебных решений. Также необходимо развивать и стимулировать альтернативные

способы разрешения споров, такие как медиация, примирение, арбитраж и т.д.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/?ysclid=ls4qto018q252091746 (дата обращения: 02.02.2024).
2. Федеральный закон от 30.11.2011 N 342-ФЗ (ред. от 24.07.2023) “О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации” // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122329/?ysclid=ls4qril75g69161307 (дата обращения: 02.02.2024).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации: часть первая: Федеральный закон от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2023) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/d987f8aecdea90060f74c0c6bdfe46d-28f528d7e/ (дата обращения: 02.02.2024).
4. Решение по делу № 2–334/2017 от 15.08.2017 // Судебные акты РФ [Электронный ресурс]. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/xrGXClu-046VP/?ysclid=ls4lkszsr333886899> (дата обращения: 02.02.2024).
5. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 05.03.2019 N 78-КГ18–82 // Legalacts [Электронный ресурс]. – URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rf-ot-05032019-n-78-kg18-82/?ysclid=ls4lttt7oi755877518> (дата обращения: 02.02.2024).
6. Аверьянов Р.О. Юридическая ответственность за вред, причиненный правомерными действиями / Р.О. Аверьянов // Молодой ученый. – 2020. – № 2 (292). – С. 77–81. – URL: <https://moluch.ru/archive/292/66143/> (дата обращения: 02.02.2024).
7. Малышева Н.А. Компенсация ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Н.А. Малышева. – М., 2022. – 194 с. – URL: <https://www.dissertac.com/content/kompensatsiya-ushcherba-prichinennogo-pravomernymi-deistviyami-gosudarstvennykh-organov> (дата обращения: 02.02.2024).
8. Малышева Н.А. Место правоотношений по возмещению вреда, причиненного правомерными действиями государственных органов в системе обязательственного права / Н.А. Малышева // Юридическая наука и прак-

тика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2021. – № 1 (45). – С. 125–129. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-pravootnosheniy-po-vozmeshcheniyu-vreda-prichinennogo-pravomernymi-deystviyami-gosudarstvennyh-organov-v-sisteme> (дата обращения: 02.02.2024).

9. Ткаченко А.И. Возмещение вреда, причиненного правомерными действиями государственных органов / А.И. Ткаченко // LegalBook [Электронный ресурс]. – URL: <https://legalbook.ru/655-vozmeshchenie-vreda-prichinennogo-pravomernymi-deystvijami-gosudarstvennyh-organov.html> (дата обращения: 02.02.2024).
10. Федорова Ю.А. Незаконные и правомерные действия органов внутренних дел как условие наступления гражданско-правовой ответственности / Ю.А. Федорова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2019. – № 1 (127). – С. 66–70. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nezakonnye-i-pravomernye-deystviya-organov-vnutrennih-del-kak-uslovie-nastupleniya-grazhdansko-pravovoy-otvetstvennosti> (дата обращения: 02.02.2024).
11. Касаткин С.Н. Правомерные юридические действия: понятие, признаки, виды / С.Н. Касаткин // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2013. – № 4 (22). – С. 15–21. – URL: <http://www.jurvestnik.psu.ru/index.php/ru/vypusk-4222013/26-2010-12-01-13-31-58/4-22-2013/493-kasatkinsnpravomernye-yuridicheskie-deystviya-ponyatie-priznaki-vidy> (дата обращения: 02.02.2024).
12. ВС объяснил, как считать компенсацию морального вреда за незаконное уголовное преследование // Верховный суд Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: https://vsrf.ru/press_center/mass_media/29798/ (дата обращения: 02.02.2024).
13. Когда и в каком размере можно требовать компенсации морального вреда? // Консультант-Студент [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/edu/student/consultation/kompensatsia_moralnogo_vreda/ (дата обращения: 02.02.2024).

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE CONCEPTS OF COMPENSATION FOR HARM FOR ILLEGAL ACTIONS AND COMPENSATION FOR DAMAGE FOR LAWFUL ACTIONS OF THE DEPARTMENT OF INTERNAL AFFAIRS

Fedorova Yu.A.

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. V. Ya. Kikotya

The article is devoted to the analysis of the legal regime of compensation for damage caused by the actions of internal affairs bodies (ATS), as well as the identification and elimination of problems and contradictions in legislation and practice on this issue. The author explores the theoretical foundations of compensation for damage caused by the actions of the Department of Internal Affairs, studies modern legislation and judicial practice on this issue, identifies and analyzes problems and contradictions in legislation and practice on this issue, suggests ways to improve legislation and practice on this issue, determines the prospects for further research on this issue.

The author concludes that it is necessary to adopt a special federal law that would regulate all aspects of liability for harm caused by the actions of the Department of Internal Affairs, as well as the unification and generalization of judicial practice on this issue, strengthening and improving mechanisms for protecting the rights and legitimate interests of victims of the actions of the Department of Internal Affairs.

Keywords: compensation for harm, compensation for damage, illegal actions, lawful actions, internal affairs bodies, state responsibility.

References

1. Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 (with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // ConsultantPlus [Electronic resource]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/?ysclid=ls4qto018q252091746 (date of access: 02/02/2024).
2. Federal Law of November 30, 2011 N 342-FZ (as amended on July 24, 2023) “On service in the internal affairs bodies of the Russian Federation and amendments to certain legislative acts of the Russian Federation” // ConsultantPlus [Electronic resource]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122329/?ysclid=ls4qrl75g69161307 (date of access: 02/02/2024).
3. Civil Code of the Russian Federation: part one: Federal Law of November 30, 1994 N 51-FZ (as amended on July 24, 2023) (with amendments and additions, entered into force from October 1, 2023) // ConsultantPlus [Electronic resource]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/d987f8aecdca90060f74c0c6bdfc46d28f528d7e/ (date of access: 02/02/2024).
4. Decision in case No. 2–334/2017 dated August 15, 2017 // Judicial acts of the Russian Federation [Electronic resource]. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/xrGXClu046VP/?ysclid=ls4lskzsr3338868899> (date of access: 02/02/2024).
5. Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 03/05/2019 N 78-КГ18–82 // Legalacts [Electronic resource]. – URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rf-ot-05032019-n-78-kg18-82/?ysclid=ls4litt7oi755877518> (date of access: 02.02.2024).
6. Averyanov R.O. Legal responsibility for harm caused by lawful actions / R.O. Averyanov // Young scientist. – 2020. – No. 2 (292). – P. 77–81. – URL: <https://moluch.ru/archive/292/66143/> (date of access: 02/02/2024).
7. Malysheva N.A. Compensation for damage caused by lawful actions of government agencies: dis. ...cand. legal Sciences: 12.00.03 / N.A. Malysheva. – M., 2022. – 194 p. – URL: <https://www.dissercat.com/content/kompensatsiya-ushcherbaprichinennogo-pravomernymi-deystviyami-gosudarstvennykh-organov> (date of access: 02/02/2024).
8. Malysheva N.A. Place of legal relations for compensation of harm caused by lawful actions of state bodies in the system of law of obligations / N.A. Malysheva // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2021. – No. 1 (45). – P. 125–129. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-pravootnosheniy-po-vozmeshcheniyu-vreda-prichinennogo-pravomernymi-deystviyami-gosudarstvennyh-organov-v-sisteme> (date of access: 02.02.2024).
9. Tkachenko A.I. Compensation for harm caused by lawful actions of government bodies / A.I. Tkachenko // LegalBook [Electronic resource]. – URL: <https://legalbook.ru/655-vozmeshchenie-vreda-prichinennogo-pravomernymi-deystvijami-gosudarstvennyh-organov.html> (date of access: 02/02/2024).
10. Fedorova Yu.A. Illegal and lawful actions of internal affairs bodies as a condition for the onset of civil liability / Yu.A. Fedorova // Bulletin of the Saratov State Law Academy. – 2019. – No. 1 (127). – P. 66–70. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nezakonnye-i-pravomernye-deystviya-organov-vnutrennih-del-kak-uslovie-nastupleniya-grazhdansko-pravovoy-otvetstvennosti> (date of access: 02/02/2024).
11. Kasatkin S.N. Lawful legal actions: concept, signs, types / S.N. Kasatkin // Bulletin of Perm University. Legal sciences. – 2013. – No. 4 (22). – P. 15–21. – URL: <http://www.jurvestnik.ru>

psu.ru/index.php/ru/vypusk-4222013/26-2010-12-01-13-31-58/4-22-2013/493-kasatkinspravomernye-yuridicheskie-dejstviya-ponyatie-priznaki-vidy (date of access: 02/02/2024).

12. The Supreme Court explained how to calculate compensation for moral damages for illegal criminal prosecution // Supreme Court of the Russian Federation [Electronic resource]. – URL: https://vsrf.ru/press_center/mass_media/29798/ (access date: 02/02/2024).
13. When and in what amount can compensation for moral damage be demanded? // ConsultantStudent [Electronic resource]. – URL: https://www.consultant.ru/edu/student/consultation/kompensatsia_moralnogo_vreda/ (date of access: 02/02/2024).

Стандартизация, как одна из функций саморегулирования, на примере частной космической деятельности

Чулков Иван Константинович,

аспирант кафедры международного права, ФГБОУ ВО
«Саратовская государственная юридическая академия»
E-mail: ivanchul@yandex.ru

В статье рассмотрены сущность и преимущества функции стандартизации, реализуемой сообществами профессионалов, в рамках саморегулирования предпринимательской деятельности. Стандартизация, являясь нормотворческим механизмом, отражает в саморегулировании его регулируемую сущность, под которой традиционно понимают самостоятельную и инициативную деятельность различных уполномоченных субъектов по упорядочению разнообразных общественных отношений, путем подготовки специальных норм и правил. Раскрывается важность названной функции для частной космической деятельности. Подчеркивается, что для дальнейшего развития космической индустрии требуется разработка как потребительских стандартов и правил оказания космических услуг, так и технических стандартов для любой космической техники. Автор приходит к выводу, что широкое распространение стандартизации принесет космической индустрии значительную пользу, в том числе заложение мощной основы для расширения, развития и популяризации космической деятельности, а также повышение в среднесрочной перспективе ее надежности и безопасности.

Ключевые слова: Космическое право, частная космическая деятельность, саморегулирование предпринимательской деятельности, стандартизация, стандарты космической техники.

Как указывает Д.О. Грачев: саморегулирование предпринимательской деятельности – это деятельность объединений лиц по самостоятельному установлению правил [1, с. 21]. Аналогичной позиции придерживается и И.В. Ершова, отмечая что «его основными составляющими являются стандартизация и контроль предпринимательской и профессиональной деятельности членов СРО» [2, с. 2144]. В дальнейшем указанный автор предоставил и полную дефиницию рассматриваемого термина: «Под саморегулированием понимается самостоятельная и инициативная деятельность, которая осуществляется субъектами предпринимательской или профессиональной деятельности и содержанием которой являются разработка и установление стандартов и правил указанной деятельности, а также контроль над соблюдением требований указанных стандартов и правил» [3, с. 155].

Помимо этого саморегулирование признают одним из способов правового регулирования правоотношений в предпринимательской сфере или неотъемлемым элементом воздействия на предпринимательские отношения [4, с. 45]. Ю.Г. Лескова рассматривает саморегулирование как «... проявление управления, элемент (компонент) последнего, а также как активно-творческое воздействие на собственное поведение, сознательное и целенаправленное влияние на него, установление определенных рамок функционирования, стимулирование его развития в определенном направлении» [5, с. 67].

Как можно видеть, все перечисленные авторы, характеризуя механизм саморегулирования предпринимательской деятельности, неизбежно указывают на создание членами саморегулируемой организации (далее по тексту – СРО) правил, стандартов, рамок собственной деятельности, которые они должны соблюдать. Таким образом, подчеркивается безусловная важность такой функции саморегулирования как стандартизация предпринимательской деятельности.

В рамках настоящего исследования особое внимание будет уделено именно частной космической деятельности, которая, вне всяких сомнений, является разновидностью предпринимательской деятельности. Представляется разумным изучить важность стандартизации для космической индустрии, как отрасли производства, характеризующейся высокой рискованностью, сложностью и наукоемкостью, а также пользу, которую она ей принесет.

Как уже отмечалось ранее стандартизация, по мнению многих специализирующихся на дан-

ных вопросах ученых, является одной из основополагающих функций такого правового механизма как саморегулирование предпринимательской деятельности. При этом стоит отметить, что наличие данной функции не зависит от вида саморегулирования. Например, стандартизация присуща как добровольному, так и обязательному саморегулированию.

Стандартизация, являясь нормотворческим механизмом, отражает в саморегулировании его регулируемую сущность, под которой традиционно понимают самостоятельную и инициативную деятельность различных уполномоченных субъектов по упорядочению разнообразных общественных отношений, путем подготовки специальных норм и правил. При этом отличительной особенностью саморегулирования в процессе данной деятельности является тот факт, что разрабатываются данные нормы непосредственно теми же субъектами, в отношении которых они действуют, что, по мнению Ю.Г. Лесковой, приводит к соединению в одном лице субъектов правотворчества и реализации [5, с. 26]. Подобная особенность, определенно, является серьезным преимуществом саморегулирования перед иными существующими видами нормотворчества.

Сейчас же необходимо отметить, что разнообразные стандарты и правила функционирования являются жизненно необходимыми для такой сложной и наукоемкой сферы деятельности как космическая деятельность. В подобных отраслях производства, где конкурентоспособность во многом основывается на передовых экспериментальных научных разработках, всегда существует большой риск ошибок, приводящих к различным авариям. В то же время, нередко, названные аварии приводят к серьезным разрушениям или даже человеческим жертвам. На текущий момент, когда большая часть запусков, в особенности с экипажем, на борту осуществляется государствами или по их заказу, общественную реакцию на катастрофы в большинстве случаев удается сдерживать в контролируемых рамках. В конечном счете, большинство членов экипажа являются профессионалами и часто занимают определенные государственные должности, что позволяет возложить на них подобный риск.

Однако увеличение количества частных космических компаний и доведение до обычных потребителей все более разнообразных видов космических товаров и услуг неизбежно. Уже на текущий момент все активнее начинают продвигаться услуги по космическому туризму, которые сейчас ограничиваются лишь выводом потребителей на околоземную орбиту на непродолжительный период времени. В настоящее время космические туристы, как и профессиональные космонавты должны принять на себя существенный риск их жизни и здоровью. Однако подобный подход не может сохраниться в будущем.

Для развития космической индустрии требуется разработка как потребительских стандартов и правил оказания космических услуг, что позитивно

скажется на их распространенности и приемлемости в общественном сознании, так и технических стандартов для любой космической техники, включая экспериментальную, используемой профессиональными космонавтами. Существование подобных стандартов также позволит подготовить и классификаторы степени опасности той или иной космической деятельности или действия, в которых, по мнению автора настоящего исследования, космический рынок остро нуждается на текущий момент.

Аварии с космической техникой случаются с прискорбной регулярностью. Особенно острой данная проблема является для Российской Федерации, сбоем в работе космических средств которой, в последние годы серьезно пошатнули доверие к отечественной технике, с чем соглашаются и другие авторы. Так, например, Ю.Н. Макаров, Е.Ю. Хрусталева, А.С. Славянов еще в 2012 года указывали, что «В течение последних пяти лет Россия продолжала терять свои конкурентные преимущества в космической деятельности. Только в 2011 г. из 34 запусков пять закончились потерями космических аппаратов. А если учесть аварию в декабре 2010 г. ракеты «Протон-М», в результате которой было утрачено сразу 3 спутника ГЛОНАСС, то окажется, что вероятность отказа современной российской космической техники составляет более 22%» [6, с. 26].

Представленные числа поражают и кажутся просто катастрофическими для всей индустрии. При этом с течением времени данная ситуация не имеет тенденций к улучшению, о чем свидетельствует, в том числе, недавнее крушение первой за 50 лет миссии «Луна-25» Госкорпорации «Роскосмос» [7]. При этом аналогичная индийская лунная миссия «Чандраян-3» оказалась успешной [8]. Подобная ситуация не может не удручать.

При этом указанный репутационный ущерб российской космонавтики также приводит к крайне негативному для частной космической деятельности последствию, а именно повышению стоимости ее страхования. Видя тенденции и опасаясь несения колоссальных убытков, страховые компании повышают стоимость страховых полисов для российской техники, что является вполне объяснимым и соответствующим реалиям поведением коммерческой организации.

В то же время еще одним уже более косвенным фактором, влияющим на размер страховой премии, является то обстоятельство, что на текущий момент страховщики для работы на космическом рынке должны иметь собственных квалифицированных специалистов, способных в каждом отдельном случае самостоятельно изучить любую новую космическую разработку и дать оценку рискованности ее использования, от чего в свою очередь напрямую зависит стоимость страхования. Несложно догадаться, что, не имея достаточного штата профессионалов или из-за крайней сложности процесса оценки, страховщики, нередко, предполагают существование максимального риска от большей части космической техники, а потому

ее страхование оказывается довольно дорогостоящим процессом.

В этой связи существование проработанных классификаторов рискованности космической деятельности и, как следствие, космической техники серьезным образом упростят процесс оценки и избавят страховые компании от необходимости содержания большого штата собственных специалистов, что должно понизить размеры страховых премий. Безусловно, это не решит всех проблем, однако явно окажет положительное воздействие на индустрию.

Таким образом, можно прийти к очевидному выводу, что разрабатывать данные классификаторы и стандарты должно именно большое сообщество профессионалов в области космической деятельности, а именно их саморегулируемая организация. Помимо уже обозначенных преимуществ, разработка указанных документов стандартизации заложит мощную основу для расширения и популяризации космической деятельности, а также позволит в среднесрочной перспективе повысить ее надежность и безопасность.

Литература

1. Грачев Д.О. Правовой статус саморегулируемых организаций: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.03 / Д.О. Грачев; [Место защиты: Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ]. – Москва. – 2008. – 141 с.
2. Ершова И.В. Саморегулирование предпринимательской и профессиональной деятельности: вопросы теории и законодательства / И.В. Ершова // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 10(47). – С. 2142–2150.
3. Ершова И.В. Саморегулирование предпринимательской и профессиональной деятельности / И.В. Ершова // Acta Iuridica Universitatis Potsdamiensis. – Universitätsverlag Potsdam. – 2016. – № 3 – С. 153–166.
4. Саморегулирование предпринимательской и профессиональной деятельности: учебник / отв. ред. И.В. Ершова. – М.: Проспект. – 2020. – 320 с.
5. Лескова Ю.Г. Концептуальные и правовые основы саморегулирования предпринимательских отношений / Ю.Г. Лескова. – Москва: ООО «Издательство «СТАТУТ». – 2013. – 384 с.
6. Макаров Ю. Н., Хрусталеv Е.Ю., Славянов А.С. Страхование как инструмент стимулирования инновационной и инвестиционной деятельности в ракетно-космической промышленности / Ю.Н. Макаров, Е.Ю. Хрусталеv, А.С. Славянов // Финансы и кредит. – 2012. – № 16(496). – С. 25–32.
7. Набережнов Г., Чернышова Е. Глава «Роскосмоса» назвал причину крушения «Луны-25» / Г. Набережнов, Е. Чернышова // Официальный сайт телеканала РБК. – 2023. – URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/21/08/2023/64e376529a79472d44187d71?ysclid=llqfxyzj2wl594556790 (дата обращения: 25.08.2023).

циальный сайт телеканала РБК. – 2023. – URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/21/08/2023/64e376529a79472d44187d71?ysclid=llqfxyzj2wl594556790 (дата обращения: 25.08.2023).

8. Решетникова М. «Чандраян-3»: главное о первой успешной миссии Индии на Южный полюс Луны / М. Решетникова // Официальный сайт телеканала РБК. – 2023. – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/64e708069a7947117690c492> (дата обращения: 25.08.2023).

STANDARDIZATION AS ONE OF THE FUNCTIONS OF SELF-REGULATION, USING THE EXAMPLE OF PRIVATE SPACE ACTIVITIES

Chulkov I.K.

Saratov State Law Academy

The article examines the essence and advantages of the standardization function implemented by professional communities within the framework of self-regulation of entrepreneurial activity. Standardization, being a rule-making mechanism, reflects in self-regulation its regulatory essence, which is traditionally understood as the independent and initiative activity of various authorized entities to streamline a variety of public relations by preparing special norms and rules. The importance of this function for private space activities is revealed. It is emphasized that the further development of the space industry requires the development of both consumer standards and rules for the provision of space services, as well as technical standards for any space technology. The author concludes that widespread standardization will bring significant benefits to the space industry, including laying a strong foundation for expanding, developing and popularizing space activities, as well as increasing its reliability and safety in the medium term.

Keywords: Space law, private space activities, self-regulation of business activities, standardization, standards of space technology.

References

1. Grachev D.O. Legal status of self-regulatory organizations: dissertation ... candidate of legal sciences: 12.00.03 / D.O. Grachev; [Place of protection: Institute of Legislation and Compare. jurisprudence under the Government of the Russian Federation]. – Moscow. – 2008. – 141 p.
2. Ershova I.V. Self-regulation of entrepreneurial and professional activities: issues of theory and legislation / I.V. Ershova // Current problems of Russian law. – 2014. – No. 10(47). – pp. 2142–2150.
3. Ershova I.V. Self-regulation of entrepreneurial and professional activities / I.V. Ershova // Acta Iuridica Universitatis Potsdamiensis. – Universitätsverlag Potsdam. – 2016. – No. 3 – P. 153–166.
4. Self-regulation of entrepreneurial and professional activities: textbook / resp. ed. I.V. Ershova. – M.: Prospekt. – 2020. – 320 p.
5. Leskova Yu.G. Conceptual and legal foundations of self-regulation of entrepreneurial relations / Yu.G. Leskova. – Moscow: LLC Publishing House STATUT. – 2013. – 384 p.
6. Makarov Yu.N., Khrustalev E.Yu., Slavyanov A.S. Insurance as a tool for stimulating innovation and investment activities in the rocket and space industry / Yu.N. Makarov, E. Yu. Khrustalev, A.S. Slavyanov // Finance and Credit. – 2012. – No. 16(496). – pp. 25–32.
7. Naberezhnov G., Chernyshova E. The head of Roscosmos named the cause of the crash of Luna-25 / G. Naberezhnov, E. Chernyshova // Official website of the RBC TV channel. – 2023. – URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/21/08/2023/64e376529a79472d44187d71?ysclid=llqfxyzj2wl594556790 (access date: 08/25/2023).
8. Reshetnikova M. “Chandrayaan-3”: the main thing about India’s first successful mission to the South Pole of the Moon / M. Reshetnikova // Official website of the RBC TV channel. – 2023. – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/64e708069a7947117690c492> (access date: 08/25/2023).

Наркотики: проблемные вопросы определения понятия и основных признаков (согласно законодательству Российской Федерации и Республики Таджикистан)

Агафонов Александр Владимирович,

кандидат юридических наук, Сибирский юридический институт МВД России

E-mail: aleksandravagafonov@yandex.ru

Худоев Диловар Азимович,

слушатель курсов подготовки иностранных специалистов, Сибирский юридический институт МВД России

E-mail: hudoievdilovar03@gmail.com

В подготовленной авторами статье последними были рассмотрены и в дальнейшем подвергнуты доктринально-правовому анализу ряд уголовно правовых норм, посредством использования которых российские и таджикские национальные правоприменители в современных условиях привлекают виновных лиц к уголовной ответственности, с целью противодействия с незаконному международному наркотрафику.

При этом авторами была предпринята попытка сфокусировать особое внимания их читателей и вполне вероятных критиков на полученные результаты проведенного ими анализа.

Так, например, исследователи попытались сфокусировать свое внимание на анализе самой сути таких наиболее часто встречающихся в современном российском законодательстве, как «незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ», «наркотические средства» и «психотропные вещества», «прекурсоры», «аналоги» и наркотики.

При этом авторы настоящей статьи постарались не только выявить, но и проанализировать в дальнейшем их основные, а, следовательно, и существенные признаки, осуществляя и сравнительную характеристику последних, ставя перед собой цель, предложить наиболее, по их мнению, оптимальный вариант конструкции в будущем подобного рода уголовно правовых норм.

Ключевые слова: наркотики, наркотические средства, психотропные вещества, наркотизм, наркоманийные преступления, незаконный оборот наркотических средств, Российская Федерация, Республика Таджикистан, Россия, Таджикистан, законодательные акты, под нормативно правовые акты, постановления Пленума Верховного Суда, Указ Президента, Национальная Стратегия.

На уровне общественности двух наших стран, общепризнанно, что именно неуклонное и постоянное, при этом, увеличение немедицинского потребления населением современных России и Чумхурии Тоҷикистон наркотиков (ед. нарко/тик, а; м.) (от греч. *narkōtikós* приводящий в оцепенение, оглушающий) способствует в современных условиях стремительному развитию наркотизма и наркомании, последнее, в свою очередь, выступает в качестве наиболее, причем не только существенной, но и явно сущностной угрозы, в масштабах как национальной, так и международной безопасности.

Под первым, вполне традиционно, понимается – некое негативное социально обусловленное явление, своим наличием характеризующее приобщение части населения какой либо страны к систематическому потреблению опиоидов и иных наркотических средств, а равно и участием последних в организации и осуществлении нелегального, т.е. явно противоправного или незаконного оборота наркотиков. [13]

Под вторым – состояние, когда субъекты международного права, к числу которых относятся государства и государственно подобные организации, воздерживаются от применения к друг другу, какого либо, в том числе и физического, насилия или шантажа их применения, не создают в международной системе какое либо формы опасности с целью избежать какого либо ущерба их территориальной целостности, политической стабильности, экономическому развитию или благосостоянию населения последних. [21]

Еще в конце прошлого века мировым сообществом была принята и активно используется ныне «Декларация о руководящих принципах сокращения спроса на наркотики» (Промульгированная в дальнейшем резолюцией S-20/3 Генеральной Ассамблеи ООН от 10 июня 1998 года).

В настоящем документе было особо отмечено, что именно не медицинское, т.е. без соответствующего на то разрешения врача, потребление каких либо наркотиков, а также и их противоправное обращение неизбежно приводит в дальнейшем к крайне социально разрушительным последствиям, причем именно в глобальных, т.е. общемировых масштабах.

Как следствие последнего, налицо: пагубное, т.е. негативное воздействие на здоровье всего ге-

нофонда наций; существенный рост, причем как национальной, так и общемировой преступности, развитие и распространение физического насилия как основного способа разрешения социальных конфликтов, неизбежное коррумпирование государственного аппарата, как в целом, так и в частности; бесцельное и явно невосполнимое истощение и ликвидация в последующем людских, природных и финансовых ресурсов государств, которые могли бы быть ими использованы, в том числе в целях прогрессивного социально-экономического развития последних; разрушение различного рода социально обусловленных и необходимых связей между людьми как внутри этих стран, так и при осуществлении взаимодействия между населением этих стран; глобальная деградация, причем как политической, так и культурной, социальной и экономической структуры всех из числа ныне существующих государств мира. [2]

При этом только по явно приблизительным и, следовательно, не до конца уточненным статистически учтенным показателям Управления ООН по наркотикам и преступности ежегодно от немедицинского потребления этих средств заканчивают свою жизнь летальным исходом свыше 200 тыс. человек. Физические лица в возрасте до 30 лет среди них явно преобладают. [3]

За истекшие десять лет в Российской Федерации масштабы наличия наркоугрозы приблизились к уровню таких социально обусловленных обще глобальных социально опасных проявлений современного бытия. К числу, которых относятся межнациональный терроризм и реальная угроза региональных вооруженных конфликтов.

Согласно результатам ряда проведенных в последнее время в Российской Федерации социологических исследований, ежегодно только в качестве жертв нелегального оборота наркотиков выступают десятки тысяч людей.

Более того, в результате немедицинского потребления наркотиков, сотни тысяч людей становятся безвозвратно потерянными для конкретного социума индивидуумами, так как они неизбежно теряя при этом здоровье, приобретают в дальнейшем инвалидность, которая явно не только не позволяет, но и не позволит им занимать в дальнейшем социально активную позицию, либо в связи с тем, что вследствие развития определенной наркотической зависимости, они теряют способность и к социально полезной деятельности, а, следовательно, теряют не только официальный заработок, но и какие либо легальные средства к физическому существованию, в результате чего последние вынуждены в дальнейшем заниматься исключительно криминального рода деятельностью,

Согласно экспертным данным современная Россия оказалась ныне перед весьма ужасающей перспективой своего развития. Налицо потеря целого социально активного поколения, так как около 70 процентов российских наркоманов – это молодежь.

Таким образом, ныне общепризнанно, что именно наркотики выступают в качестве широкомаштабного средства, причем не, только и не, сколько деморализации всего населения России в целом, но и ликвидации перспективы его будущего прогрессивного развития. [11. С. 3]

Принимая участие на постоянных синклитах коллегии МВД России 20 марта 2023 г. и выступая на одном из них, Президент Российской Федерации В.В. Путин особо подчеркнул перед присутствующими, что борьба с нелегальным оборотом наркотических средств и им подобных веществ, до сих пор остается и признается в качестве одной из существенных и до конца не решенных задач, которые ныне стоят перед всеми правоохранительными органами России, а не только органами внутренних дел.

Причем настоящая борьба, по его мнению, должна проводиться не только в отношении вполне индивидуально определенных наркодилеров и мелких торговцев наркотиками. Она должна быть, по мнению президента России, направлена, в первую очередь именно на уничтожение финансовой и иной наркоинфраструктуры.

Ее основной целью, как он особо при этом подчеркнул, должна выступать явная необходимость не только выявления крупных организаторов, в результате деятельности которых и функционирует сам наркотрафик, но и последующие решительно пресечение, причем как контрабанды самих наркотических средств, так и деятельности нелегально действующих нарколабораторий, поиска наиболее эффективных методов и технических решений в противодействии современной общемировой наркоугрозе, совершенствовании профильного взаимодействия между различными государственными органами, а так же и укрепления международного сотрудничества в этой сфере социального бытия.

При этом сложившаяся ситуация крайне характерна не только для такого государства как Российская Федерация. Указанные проблемы беспокоят так же и прогрессивную общественность такой среднеазиатской республики как Таджикистан.

Так, последняя настаивает на том, что учитывая специфические особенности и тенденции распространения наркотиков, наркотизацию всего таджикского народа необходимо рассматривать как фактор, существенно влияющий на общественную безопасность этой республики, от эффективности противодействия наркоугрозе непосредственным образом зависит не только и не, сколько снижение выявления и последующей регистрации уголовно наказуемых деяний, но и в целом здоровье таджикской нации. [19]

Таким образом, за последние тридцать лет, приводится в жизнь, довольно существенный и, безусловно, значительный комплекс всех социально обусловленных и при этом тактически значимых мероприятий.

К числу, которых относится, в том числе и создание всеобъемлющей законодательной базы,

позволяющей российским и таджикским правоприменителям реально противостоять противоправному обороту наркотических средств и психотропных веществ.

Например, законодательная база этих двух ныне вполне независимых и суверенных государств в 1998 г. была довольно существенно изменена. В дальнейшем она была значительно и дополнена.

Для чего в дальнейшем были ратифицированы со стороны Государственной Думы Российской Федерации и Маджлиси намояндагон Ҷумҳурии Тоҷикистон довольно значимые межнациональные нормативно правовых документы.

В дальнейшем они, безусловно, послужили в качестве определенного стимулятора прогрессивного развития, причем не только российского [13], но и таджикского уголовного законодательства в целом. [14]

В Уголовном кодексе Российской Федерации (далее по тексту – УК РФ) отражены вполне определенная группа норм, предусматривающие ответственность за наркоманийные преступления (гл. 25 УК РФ (Преступления против здоровья населения и общественной нравственности)).

Для чего в действующем российском уголовном законодательстве имеет место быть отдельные статьи (ст. ст. 228, 228.1, 228.2, 229, 229.1, 230 УК РФ), где опиаты и подобные им вещества рассматриваются в качестве предметов составов соответствующих преступных деяний.

Так же, и в Уголовном кодексе Республики Таджикистан (далее по тексту – УК РТ) имеет место быть глава с фактически аналогичным российскому названием (гл. 29 УК РФ). В ряде статей (ст. ст. 327, 328, 328¹, 328², 329, 330, 331 УК РТ), которой в качестве предмета указанных в них составов преступлений так же рассматриваются, но уже национальным законодателем Таджикистана все те же наркотические средства.

При этом необходимо, по мнению авторов настоящей статьи, отметить, что само определение этих средств в современном уголовном законодательстве, причем, как Российской Федерации, так и Республики Таджикистан отсутствует практически полностью. Таким образом, налицо явная недоработка законодателей этих стран.

Однако со стороны доктринальных работников этих двух государств ОДКБ в адрес правоприменителей имеет мест быть предложение воспользоваться в этом случае бланкетным методом.

Для чего использовать в первую очередь административную отрасль своего национального права.

Среди нормативно правовых актов последней необходимо отметить ФЗ РФ от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ (в ред. от 08 декабря 2020 г. № 428 ФЗ) «О наркотических средствах и психотропных веществах» [17] и З РТ «О наркотических средствах, психотропных веществах и прекурсорах» от 10 декабря 1999 г. № 873, а также, впрочем, и Кодекс здравоохранения Республики Таджики-

стан от 30 мая 2017 г. № 1413. (Далее по тексту – КЗ РТ) [3]

В этих нормативно правовых актах не только закреплены основные категориальные понятия, но и предлагается раскрытие их сущностного содержания, а также обосновывается и необходимость осуществления, в том числе и правовой борьбы с нелегальным оборотом наркотических средств

Под подобного рода оборотом российский законодатель предлагает понимать «...оборот наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, осуществляемый в нарушение законодательства Российской Федерации». [17]

Как считают, в свою очередь, исследователи, фактически аналогично, раскрывается содержание этого оборота и в соответствующем таджикском законодательном акте.

Так в нем прямо и довольно однозначно зафиксировано, что в качестве противоправного оборота наркотических средств выступает именно оборот последних, но функционирующий с нарушением действующего таджикского законодательства [3].

Авторы настоящей статьи вправе отметить их фактически полную аналогичность и, более того, противоречие друг другу. При этом использование различных предлогов, а именно «с» и «в», вряд ли стоит считать крайне существенным и принципиально различным.

Впрочем, по мнению исследователей, необходимо обратить внимание законодателя Республики Таджикистан и на то обстоятельство, что понятие нелегального оборота наркотиков им раскрывается в фактически двух различных нормативно-правовых источниках, а именно: в З РТ от 10 декабря 1999 г. № 873 и КЗ РТ от 30 мая 2017 г. № 1413.

В данном случае, по единому мнению авторов, возникает один весьма принципиальный, по их мнению, вопрос, какому именно закону Республики Таджикистан необходимо отдать прерогативу правоприменения, причем именно со стороны правоприменителя. Явно в этом случае она должна принадлежать Кодексу, и тогда вполне естественно и логично возникает, и второй вполне принципиальный вопрос о социальной необходимости дублирования этих двух таджикских законодательных актов. Довольно сложно однозначно ответить на поставленный нами вопрос.

В этом случае исследователи приветствует все-таки позицию именно российского законодателя, хотя последние и признают логически верным и вполне обоснованным закрепление понятия нелегального оборота наркотиков именно в кодифицированном акте, что и попытался, в свою очередь, видимо осуществить таджикский законодатель.

Национальные законодатели России и Таджикистана конструируя вполне конкретные уголовно правовые нормы в качестве предмета состава этих преступных деяний подразумевают некое «наркотическое средство». В этом случае у авторов настоящей статьи возникает вполне закономерный,

по их мнению, вопрос о соотношении этого явно уголовно правового термина с таким понятием как «наркотик/наркотики».

Под термином «наркотики» российский правоприменитель предлагает понимать «...наркотические средства и психотропные вещества, включенные в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, аналоги наркотических средств и психотропных веществ, новые потенциально опасные психоактивные вещества, а также растения, содержащие наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, включенные в Перечень растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры и подлежащих контролю в Российской Федерации». [13]

Однако, использованный авторами первоисточник, не может быть признан именно в качестве закона (законодательного или нормативно правового акта), так как он действует в российском правовом поле именно посредством Указа Президента РФ от 23 ноября 2020 г. № 733.

Стратегия государственной антинаркотической политики Республики Таджикистан на период до 2030 года [8] также предлагает свое трактование наркотиков, которое впрочем, полностью совпадает с российским.

По мнению авторов настоящей статьи, наиболее объемный вариант своего внутреннего изложения имеет все-таки именно российский вариант. Так в отличие от таджикского, последний включает в себя аналоги и наоборот не включает перечень растений.

В связи, с чем мы считаем его наиболее оптимальным.

Более того, используя формально обусловленный метод познания объективного мира, следует признать, что такие обще употребляемые правовые понятия как «наркотик/наркотики» и «наркотическое средство» соотносятся друг с другом, как целое и часть.

В связи с изложенным, авторы настоящей статьи предлагают внести определенные изменения в текст ныне действующего законодательства, причем как российского, так и таджикского.

Так они считают необходимым, причем как российскому, так и таджикскому законодателю внести соответствующие изменения в тексты ФЗ РФ от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ и ЗРТ от 10 декабря 1999 г. № 873, причем уже на уровне самого их названия, сформулировав его довольно кратко как «О наркотиках». В статье 1 этих законодательных актов дать определение наркотиков, воспользовавшись при этом опытом конструирования национальных подзаконных актов.

Завершая все выше изложенное, авторы настоящей статьи считают необходимым указать, что сам термин «наркотики» ограничен не только юридической квинтэссенцией, но имеет и свое медицинское составляющее.

В качестве последнего современные асклепии под ним весьма традиционно предлагают понимать все виды психоактивных веществ запрещенные на уровне закона к какому либо потреблению. Так, как немедицинское потребление последних безусловно наносит весьма существенный вред здоровью населения. [7]

Далее, по мнению авторов, необходимо указать, что в отличие от такого под нормативно правового понятия «наркотики» само понятие «наркотические средства» прямо закреплено, а следовательно, и раскрывается, как прямо указывали ранее последние, в административном законодательстве, причем как России, так и Таджикистана

Так, как прямо указано в ФЗ РФ от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ, в качестве наркотических средств выступают «...вещества синтетического или естественного происхождения, препараты, включенные в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, в соответствии с законодательством Российской Федерации, международными договорами Российской Федерации, в том числе Единой конвенцией о наркотических средствах 1961 года». [17]

В свою очередь, и таджикский законодатель (З РТ от 10 декабря 1999 г. № 873 и КЗ РТ от 30 мая 2017 г. № 1413) считает что, ими являются некие субстанции, причем как естественного, так и искусственного происхождения нашедшие свое дальнейшее отражение в соответствующих международных конвенции и национальном списке (подпункт 9 ст. 1 З РТ от 13 июня 2012 г. № 408–3 (в ред. от 18 июля 2016 № 404–1)).

По мнению авторов настоящей статьи, даже поверхностный анализ этих норм позволяет им выдвинуть предположение о наличии, причем как определенного сходства, так и некоего отличия последних.

Так, в качестве первого момента для них выступает, безусловно, то, что как российский, так и таджикский законодатель под последними признают вещества синтетического или естественного (термин «природный», безусловно, является синонимом термина «естественный») происхождения.

При этом, при конструировании конкретных правовых норм такой термин как вещество ни российским, но таджикским законодателем ни используется, чего в свою очередь, отнюдь, не скажешь о термине «препараты»

При этом именно «препараты» нашли свое дальнейшее, причем не только законодательное закрепление, но, и соответствующее обоснование.

В качестве последних (от лат. *praeparatum* – лекарственное средство), российский законодатель понимает некую «..смесь веществ в любом физическом состоянии, содержащая одно или несколько наркотических средств или психотропных веществ либо один или несколько прекурсоров, включенных в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации» (ФЗ РФ от 8 ян-

варя 1998 г. № 3-ФЗ в ред. ФЗ РФ от 18 июля 2009 № 177-ФЗ).

В свою очередь, понятие «вещество» обусловлено своим законодательным закреплением, но ее определение в законе в настоящий момент отсутствует.

При этом, судебные органы, причем как Российской Федерации, так и Республики Таджикистан, в свою очередь явно воздерживаются от своих толкований по данному поводу. [8] [9]

При этом согласно общенаучному пониманию под веществом необходимо понимать:

1. Согласно обще физической концепции, это есть один из сублиматов материи, в свою очередь, состоящей элементарных частиц, т.е. кварков и лептонов, обладающих при этом и некой массой покоя:
2. В свою очередь, современные химики, под ним подразумевают некую субстанцию, обладающую при этом своим весьма специфическим внутренним составом, т.е. либо органическое, либо минеральное соединение наделенное изначально определенными свойствами.
3. В биологии, в качестве вещества трактуют материю, из которой и образуется в дальнейшем ткани биоорганизмов. [8]

Таджикский законодатель высказывать свое мнение по данному вопросу явно воздержался.

В качестве отличия, по мнению исследователей, выступает то что, российский законодатель к числу составляющих наркотических средств относит еще и препараты.

К числу явно составной части наркотиков российский законодатель относит так же и прекурсоры, т.е. «...вещества, часто используемые при производстве, изготовлении, переработке наркотических средств и психотропных веществ, включенные в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, в соответствии с законодательством Российской Федерации, международными договорами Российской Федерации, в том числе Конвенцией Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 года». [5]

Впрочем, с точки зрения общеправовых категорий и понятий, под прекурсорами необходимо понимать некую субстанцию, при этом последняя участвует в какой либо химической реакции, например в биохимической, приводящей в дальнейшем к созданию целевого вещества. [3]

Далее для того, чтобы какое либо созданное таким образом вещество было признано национальным правоприменителем именно наркотиком, ее необходимо вначале занести в некие списки, причем заранее подготовленные именно на уровне Правительств РФ и РТ, а именно в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю на территории этих двух стран ОДКБ.

Согласно ст. 1 Единой конвенции о наркотических веществах 1961 г. и в ст. 1 Конвенции о психотропных веществах 1971 г., под ним следует понимать некие «...пронумерованные перечни наркотических средств ...».

При этом, как считают авторы настоящей статьи, необходимо указать так же и на то, что наркотики, как предмет состава преступлений, по мнению ряда современных российских правоведов, таких как например Н.А. Мирошниченко и А.А. Музыка изначально характеризуется еще определенным комплексом денсосигнаций, т.е. признаков или критериев.

К числу наиболее признанной среди современных ученых юристов двух наших стран, с последней, кстати, солидарны и авторы настоящей статьи, относится классификация основанная, в свою очередь, именно на признании в качестве ее наиболее существенных критериев медицинские, юридические, социальные и физические свойства наркотиков.

Где, способность наркотиков воздействовать на центральную нервную систему человека, вызывать у него чувство зависимости (причем как психической, так физической), потребность в систематической потреблении, выступает именно в качестве их медицинского свойства.

Специфические свойства личности наркозависящего, специфические личностные изменения последнего, социального негативные последствия поведения потребителя наркотиков признаются в качестве социального социального показателя опиатов и не только.

В свою очередь, именно наличие весьма определенной химической формулы, определенного агрегатного состояния, рецептурно-сырьевых качеств характеризуют физический признак предмета наркоманийных преступлений.

Далее следует признать, что именно включение определенного веществ в соответствующий Перечень, предоставляет в дальнейшем саму возможность признать его на уровне индивидуального правоприменителя в качестве предмета наркопреступлений, и формирует его юридический показатель.

Таким образом, наличие всех вышеперечисленных нами критериев выступает в качестве предпосылки и дают конкретному правоприменителю все основания для привлечения виновного лица к уголовной ответственности. [4]

В завершении всего изложенного, по нашему мнению, необходимо сделать следующие вполне конкретные выводы, а именно:

1. Понятие «наркотик» закреплено и раскрывается на уровне Указа Президента РФ от 23 ноября 2020 г. № 733 и Указа Президента Республики Таджикистан от 20 марта 2021 г. № 145, что, в целом следует признать явно недостаточным.
2. Необходимо настоящий термин закрепить на законодательном уровне двух наших стран.
3. Составляющие понятия «наркотики» изначально обладают жесткой законодательной

обусловленностью. Они закреплены и относительно раскрыты в ФЗ РФ от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ (в ред. от 08 декабря 2020 г. № 428 ФЗ) «О наркотических средствах и психотропных веществах» и 3 РТ «О наркотических средствах, психотропных веществах и прекурсорах» от 10 декабря 1999 г. № 873, а также, впрочем, и в КЗ РТ от 30 мая 2017 г. № 1413. Их содержание необходимо признать в целом вполне оптимальным, а, следовательно, и достаточным.

4. Необходимы их дальнейшее научно обоснованное совершенствование и сущностное сближение.
5. В качестве основных признаков наркотиков, согласно основным положениям двух наших стран выступают такие, как медицинские, юридические, социальные и физические, что в свою очередь, наличие последних следует признать вполне достаточным и оптимальным.

Литература

1. Авакян, Р.О. Наркомания и методы борьбы с нею / Р.О. Авакян. – Ереван, 1990.
2. Декларация о руководящих принципах сокращения спроса на наркотики. Организация объединенных наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/drugred.shtml (дата доступа: 23.02.2018).
3. Дидовская, С.П. Наркомания (Уголовно-правовые и медицинские проблемы) / С.П. Дидовская, Е.В. Фесенко, С.П. Гарницкий. – Киев, 1989.
4. Еремеев, В.М. Предмет преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков / В.М. Еремеев // Мир науки и образования. 2018. № 1 (13).
5. Закон Республики Таджикистана «О наркотических средствах, психотропных веществах и прекурсорах» от 10 декабря 1999 г. № 873 / http://adlia.tj/show_doc.fwx?rgn=129506
6. Кодекс здравоохранение Республики Таджикистан от 15 марта 2017 года. № 374 / http://adlia.tj/show_doc.fwx?rgn=129506
7. Викисловарь // URL: <https://riss.ru/> (дата доступа: 26.07.2022).
8. Национальная стратегия по контролю за наркотиками в Республике Таджикистан на 2021–2030 годы. Приложение № 1 к указу Президента Республики Таджикистан «20» марта 2021 г. № 145
9. Общая теория национальной безопасности. Учебник. Издание 2-е, дополненное / Под общ. ред. А.А. Прохожева. – М., 2005.
10. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: Постановление Пленума ВС РФ от 15 июня 2006. № 14 (с изм. и доп. от 16.05.2017) // pravo163.ru...14...sudebnoj-praktike...narkoticheskimi...

11. Рустамзода, З.Р. Незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ в Республике Таджикистан: проблемы и пути решения / З.Р. Рустамзода / Труды Академии управления МВД России. 2019. № 2 (30). С. 97–104.
12. Сергеев, А.Н. О легализации наркотиков / А.Н. Сергеев // Информационный бюллетень НЦБ Интерпола в России. – 1994. № 9.С. 3.
13. Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года. Утверждена Указом Президента РФ от 23 ноября 2020. № 733 // publication.pravo.gov.ru/Document...0001202011230073
14. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / под ред. Б.Т. Разгильдиева, А.Н. Красикова. Саратов: СЮИ МВД России, 1999. 672 с.
15. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 25.03.2022) // «Консультант Плюс».
16. Уголовный кодекс Республики Таджикистана от 21 мая 1998 г / https://online.zakon.kz/m/document/?doc_id=30397325
17. Федеральный закон РФ от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ (в ред. от 08.12.2020 г. № 428 ФЗ) «О наркотических средствах и психотропных веществах»// СПС КонсультантПлюс.
18. <https://akn.tj/ru/2021/04/15/national-drug-control-strategy-of-the-republic-of-tajikistan-for-2021-2030/>
19. <https://www.vkd.tj/index.php/ru/zakony-rt/zakony-respubliki-tadzhikistan/82-o-narkoticheskikh-sredstvakh>
20. URL <https://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/70744>
21. Nauchniestati: ru

DRUGS: THE CONCEPT AND MAIN (FEATURES ACCORDING TO THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND REPUBLIC OF TAJIKISTAN)

Agafonov A.V., Khudoiev D.A.

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

In the article prepared by the authors, a number of criminal legal norms were reviewed and subsequently subjected to doctrinal and legal analysis, through the use of which Russian and Tajik national law enforcement officers in modern conditions bring perpetrators to criminal liability in order to counter illegal international drug trafficking.

At the same time, the authors made an attempt to focus the special attention of their readers and likely critics on the results of their analysis.

For example, researchers have tried to focus their attention on analyzing the very essence of the most frequently encountered in modern Russian legislation, such as “illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances”, “narcotic drugs” and “psychotropic substances”, “precursors”, “analogs” and drugs.

At the same time, the authors of this article tried not only to identify, but also to further analyze their main, and, consequently, essential features, carrying out a comparative description of the latter, setting themselves the goal of proposing the most, in their opinion, optimal design option for the future of such kind of criminal law.

Keywords: drugs, narcotic drugs, narcosis, drug-related crimes, illicit drug trafficking, the Russian Federation, the Republic of Tajikistan, Russia, Tajikistan, regulatory legal acts, resolutions of the Plenum of the Supreme Court.

References

1. Avakian, R.O. Drug addiction and methods of combating it / R.O. Avakian. – Yerevan, 1990.
2. Declaration on the Guiding Principles of Drug Demand Reduction. The United Nations. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/drugged.shtml (access date: 02/23/2018).
3. Didovskaya, S.P. Drug addiction (Criminal law and medical problems) / S.P. Didovskaya, E.V. Fesenko, S.P. Garnitsky. – Kiev, 1989.
4. Yeremeyev V.M. Predmet prestupleniy, svyazannykh s nezakonnym oborotom narkotikov // Mir nauki i obrazovaniya. 2018. № 1 (13).
5. Law of the Republic of Tajikistan “On Narcotic Drugs, Psychotropic Substances and Precursors” dated December 10, 1999 No. 873/ http://adlia.tj/show_doc.fwx?rgn=129506
6. The Health Care Code of the Republic of Tajikistan dated March 15, 2017. № 374 / http://adlia.tj/show_doc.fwx?rgn=129506
7. Komissina, I.N. The efforts of the world community to combat the spread of drugs do not bring the desired results / I.N. Komissina // Russian Institute for Strategic Studies. // URL: <https://riss.ru> / (access date: 26.07.2022).
8. National Drug Control Strategy in the Republic of Tajikistan for 2021–2030. Appendix No. 1 to the Decree of the President of the Republic of Tajikistan No. 145 dated March 20, 2021
9. The general theory of national security. Textbook. 2nd edition, expanded / Under the general editorship of A.A. Prokhozhev. – M., 2005.
10. On judicial practice in cases of crimes related to narcotic drugs, psychotropic, potent and poisonous substances: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 15, 2006. No. 14 (with amendments and additions. dated 05/16/2017) // pravo163.ru “...14...sudebnoj-praktike...narkoticheskimi...”
11. Rustamzoda, Z.R. Illicit trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances in the Republic of Tajikistan: problems and solutions / Z.R. Rustamzoda / Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 2 (30). pp. 97–104.
12. Sergeev, A.N. On the legalization of drugs / A.N. Sergeev // Information bulletin of the NCB Interpol in Russia. – 1994. No. 9. P. 3.
13. Strategy of the state anti-drug policy of the Russian Federation for the period up to 2030. Approved by Decree of the President of the Russian Federation dated November 23, 2020. No. 733 // publication.pravo.gov.ru “Document...0001202011230073
14. Criminal law of the Russian Federation. A special part: textbook / edited by B.T. Razgildiyev, A.N. Krasikov. Saratov: SUI of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1999. 672 p.
15. The Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of June 13, 1996 (as amended on 03/25/2022) // ConsultantPlus.
16. The Criminal Code of the Republic of Tajikistan dated May 21, 1998 / https://online.zakon.kz/m/document/?doc_id=30397325
17. Federal Law of the Russian Federation No. 3-FZ of January 8, 1998 (as amended. dated 08.12.2020, No. 428 FZ) “On narcotic drugs and psychotropic substances”// SPS ConsultantPlus.
18. <https://akn.tj/ru/2021/04/15/national-drug-control-strategy-of-the-republic-of-tajikistan-for-2021-2030/>
19. <https://www.vkd.tj/index.php/ru/zakony-rt/zakony-respubliki-tadzhikistan/82-o-narkoticheskikh-sredstvakh>
20. URL <https://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/70744>
21. Nauchniestati: ru.

Декриминализация в правоприменении причинения вреда сотрудниками правоохранительных органов при выполнении должностных обязанностей

Боев Дмитрий Вячеславович,

ассистент кафедры уголовного права и процесса,
Юридический институт Белгородского государственного
национального исследовательского университета
E-mail: Aval31@mail.ru

В статье на основе, проведенного исследования уголовного законодательства о необходимой обороне, научной литературы и судебной практики выявлены проблемы законодательного подхода к оценке правомерности применения сотрудниками правоохранительных органов института необходимой обороны. Согласно пункту 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» сотрудники правоохранительных органов не несут уголовную ответственность за причинение вреда посягающему лицу, если вред был причинен при применении спецсредств, физической силы, огнестрельного оружия с учетом правовых норм «специального законодательства» при выполнении должностных обязанностей по обеспечению правопорядка. Однако, исследуя судебные акты выявлено, что сотрудники силовых ведомств подвергаются уголовному преследованию за превышение должностных полномочий, даже тогда когда посягателю причинен легкий или средней вред здоровью. На основании вышеизложенного, полагаю, что необходимо совершенствование норм причинения вреда сотрудниками правоохранительных органов при выполнении ими должностных инструкций по обеспечению и охране правопорядка.

Ключевые слова: необходимая оборона, преступление, Уголовный Кодекс, должностные полномочия, правоохранительные органы, нормативно-правовые акты.

Введение

Одной из главнейших задач любой страны является обеспечение общественного порядка и безопасности. Решение указанной задачи осуществляется системой государственных органов, в том числе и органами внутренних дел, которые обеспечивают охрану правопорядка в Российской Федерации. Криминогенная обстановка в России ухудшается. Преступные группировки действуют все более нагло и дерзко, устанавливая свои правила для местного населения. Объяснить поведение вышеуказанных лиц можно многочисленными причинами, одной из них является низкая правовая грамотность сотрудников правоохранительных ведомств в понимании норм о необходимой обороне при пресечении административного правонарушения.

Актуальность

Вопросы использования спецсредств, табельного оружия и применения боевой физической силы сотрудниками правоохранительных органов при пресечении посягательства, при исполнении должностных обязанностей по охране правопорядка являются особенно сложными для правоприменителей. Слабая сторона «регулятивного» законодательства не уменьшается наличием в Уголовном кодексе Российской Федерации обстоятельств, исключающих преступность деяния. Данные статистики говорят о том, что у сотрудников правоохранительных органов нет четких стандартов для определения пределов законного причинения вреда посягающему при исполнении ими должностных обязанностей по обеспечению правопорядка. В рамках проведенного исследования учеными-правоведами А.Н. Харитоновым и О.А. Чаптыковым были получены следующие статистические данные из 282 опрошенных сотрудников правоохранительных органов 33% считают, что должны быть установлены пределы правомерного причинения вреда сотрудником правоохранительных органов при использовании спецсредств, огнестрельного оружия и физической силы и зафиксированы в ст. 37 УК РФ. Но 61% из числа опрошенных сотрудников правоохранительных органов, полагают, если выполнять правила порядка использования спецсредств, оружия и физической силы согласно «ведомственного законодательства», то любой вред причиненный сотрудником правоохранительных органов при выполнении должностных обязанностей по охране общественного правопорядка, должен признаваться правомерным [1, с. 136]. Следовательно, актуальность исследования заключается в поиске путей

совершенствования законодательства о применении института необходимой обороны сотрудниками правоохранительных органов.

Изученность проблемы

Институту необходимой обороны посвящены современные труды таких ученых как Ляпин Д.О.[11], Милюков С.В.[2], Никуленко А.В.[4], Смирнов М.А.[14], Щепельков В.Ф.[6]. Сегодня изучение данной проблемы осуществляется в рамках дисциплины «Уголовное право» и «Криминология». Изучение института необходимой обороны в российском уголовном праве активно продолжается, так как на ряд актуальных и важных вопросов до настоящего времени единый ответ научного сообщества не получен.

Целесообразность разработки темы

Исследования обстоятельств законности причинения вреда посягающему, сотрудником правоохранительных ведомств, включает в изыскании возможностей дальнейшего совершенствования действующего законодательства об институте необходимой обороны и его применения. Шаблоны, представляемые юридическим научным сообществом, не могут решить все вопросы поставленные перед научным сообществом практиками, поскольку из-за многообразия методов юридической оценки причинения вреда сотрудником правоохранительных ведомств посягающему, не позволяют достичь единого мнения и предложить эффективное решение, поэтому необходимо усовершенствование законодательства в области причинения вреда сотрудниками правоохранительных ведомств при выполнении ими должностных обязанностей по обеспечению правопорядка.

Научная новизна

В научной статье рассмотрены меры и пути решения проблемы причинения вреда посягавшему, сотрудником правоохранительных органов с помощью спецсредств, огнестрельного оружия и физической силы, при исполнении им должностных обязанностей по охране и обеспечения правопорядка. Автор, предлагает пути решения проблемы с учетом теорий ученых -теоретиков, которые бы устраивали и правоприменителей, т.е. правоохранительные органы. На основании этого **целью** публикации является обращение внимания юридического научного сообщества и законодателя к проблеме определения законности причинения вреда сотрудниками правоохранительных ведомств при исполнении ими служебных инструкций по обеспечению правопорядка и безопасности, изучение, теоретическое осмысление и практический анализ судебных актов по данной проблеме. В связи с этим **задачами исследования** являются исследование специфики причинения вреда правоохранителями при выполнении ими должностных полномочий по пресечению

общественно опасных посягательств, авторская разработка позиции относительно решения данной проблемы.

Практическая значимость

В сложившихся условиях обеспечения порядка правоохранительными органами, сопровождается рядом проблем, таких как причинение вреда сотрудниками силовых ведомств правонарушителю при исполнении ими должностных обязанностей, от решения указанной проблемы зависит охрана общественного порядка и обеспечение безопасности.

Методология

Были использованы положения диалектического, общенаучного, специального и дедуктивного метода, анализа. В ходе исследования также применялись частно научные методы: формально-юридический, формально-логический, системный, сравнительно-правовой методы.

Основная часть

Правоведы Милюков С.Ф. и Никуленко А.В. считают, что проблемы личной безопасности лягут тяжелым грузом на граждан, которым в настоящее время не хватает эффективных инструментов для борьбы с распространением преступности. Вопрос о законности причинения вреда защищаемым уголовным законам объектам является одной из относительно новых и сложных проблем в уголовном праве РФ [2, с. 38].

Действенное применение правовых норм института необходимой обороны для сотрудников правоохранительных органов является их обязанностью, предусмотренной уголовными законами и нормативно-правовыми актами.

Такая обязанность возлагается на сотрудников полиции, часовых, охранников и т.д. Нормативно-правовая база такой служебной обязанности предусмотрена ведомственными уставами, приказами и другими нормативными актами. Одной из главных функций МВД России всегда была, есть и будет – предупреждение и пресечение преступлений [3].

В силу части 3 статьи 19 Закона «О полиции», сотрудник полиции должен принимать меры в сложившейся ситуации, принимая во внимание характер и степень угрозы преступного деяния лиц, против которых будут использованы спецсредства, физическая сила, огнестрельное оружие, с учетом силового сопротивления преступных лиц. Но, вместе с тем, сотрудник полиции обязан стараться минимизировать вред от их применения. Данное требование очень сложно соблюдать в быстротечной, стрессовой обстановке, а в некоторых моментах невозможно. Следовательно, существует фактическая опасность предъявления обвинения сотруднику правоохранительных органов, с вытекающими серьезными последствиями [4, с. 339].

Важно подчеркнуть, что в реальной обстановке очень сложно определить степень опасности посягательства, особенно в том случае если посягательство пресекается полицейским. При таких обстоятельствах внимание следователя, прокурора и суда, уделяется фактическому причиненному вреду посягающему, а отсутствие у полицейского телесных повреждений вменяется ему в вину.

С.Ф. Милюков, придерживаясь мнения Э.Ф. Побегайло, говорит, о том, что правовые основания необходимой обороны существенно отличаются от правовых оснований применения физической силы и огнестрельного оружия. Специальные нормативно-правовые акты утверждающие порядок применения боевой физической силы и табельного оружия, не считаются аксессуарным условием правомерности необходимой обороны правоохранителей, поскольку это в значительной мере ущемляет их право на защиту [5, с. 40].

Ученые правоведы В.В. Лукьянов, В.С. Прохоров, В.Ф. Щепельков предполагают, что пределы необходимой обороны нарушаются и при причинении другого вреда здоровью (средний, легкий вред здоровью) [6, с. 324].

Данный вывод ученых основан на ч. 1 п. «ж» ст. 61 Уголовного Кодекса Российской Федерации, в которой определены смягчающие обстоятельства, учитывающиеся при определении наказания за причинение вреда при нарушении условий правомерности.

Никуленко А.В. и Смирнов М.А. считают, что только несоразмерное причинение вреда здоровью (тяжкий вред, смерть) посягающего индивида, нужно квалифицировать как превышение пределов необходимой обороны допущенных сотрудником правоохранительных органов, во всех остальных случаях причиненный вред сотрудником правоохранительных органов должен считаться соразмерным, на основании чего должен быть признан правомерным [7, с. 6].

Следовательно, необходимая оборона будет незаконной при причинении несоразмерного вреда сотрудником силовых ведомств посягателю при предотвращении общественно опасного деяния.

В силу части 3 статьи 37 Уголовного Кодекса Российской Федерации, правом на применение необходимой обороны могут воспользоваться все граждане, невзирая на навыки и физические возможности. Для рядового гражданина чрезмерное причинение вреда при необходимой обороне влечет уголовное преследование, согласно статьям ч. 1 ст. 108 УК РФ и ч. 1 ст. 114 УК РФ. Но, для сотрудников правоохранительных структур, чьей служебной обязанностью является обеспечение общественного порядка и безопасности, за причинение несоразмерного вреда здоровью правонарушителю предусмотрено уголовное наказание в соответствии с ч. 3 ст. 286 УК РФ.

В отношении сотрудника УВД РФ С.И.Е. возбуждено уголовное дело. Он подозревается в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 105 УК РФ (убийство) и пп. «б», «в» ч. 3 ст. 286

УК РФ (превышение должностных полномочий с применением оружия и причинением тяжких последствий).

С.И.Е. находился в служебной командировке в г. Каспийске Республика Дагестан. 2 января 2021 года будучи при выполнении служебных обязанностей по обеспечению и охране правопорядка в составе группы ППС, когда поступило в 1-м часу ночи сообщение в дежурную часть Каспийского МВД РФ о нападении на женщину. Дежурный экипаж ППС прибыл по указанному в сообщении адресу. Возле дома по указанному адресу 43-х летний мужчина избивал женщину. Правоохранитель С.И.Е. потребовал прекратить посягательство в отношении женщины, на что в ответ посягающий отреагировал агрессивно, бросившись в сторону полицейского. С.И.Е. расценил это как угрозу жизни полицейского и выстрелил из табельного ручного пулемета, мужчина скончался на месте [8].

Учитывая сложившуюся ситуацию, а именно: ночное время, Дагестан является одним из самых криминальных регионов страны, нападение мужчины на женщину, которое С.И.Е. пытался пресечь, агрессивное поведение мужчины по отношению к полицейскому, в силу п. «а» ч. 1 ст. 23 Закона № 3-ФЗ О полиции» имел право на применение оружия. И в соответствии с Постановлением Пленума ВС РФ от 27.09.2012 № 19, то при данных обстоятельствах С.И.Е. не должен был нести никакой ответственности. Однако в отношении С.И.Е. возбуждены уголовные дела по ч. 1 ст. 105 УК РФ (убийство) и пп. «б», «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ (превышение должностных полномочий с применением оружия и причинением тяжких последствий) [6].

Позднее следователем, обвинение С.И.Е. было перевалифицировано с частичным прекращением уголовного преследования на ч. 1 ст. 109 УК РФ [8].

Милюков С.Ф., Никуленко А.В. считают, что проблема об обстоятельствах законного причинения вреда в деятельности правоохранительных структур требует особого внимания и исследования и с ними тяжело не согласиться [9, с. 163].

Такие правоведы как, Ляпин Д.О. предлагают оценивать действия сотрудников силовых ведомств в соответствии с ч. 3 ст. 286 УК РФ, полагают, что «ведомственное законодательство» в части использования физической силы и огнестрельного оружия при прекращении преступления, формируют независимые обстоятельства законности нанесения вреда, предусматривающих самостоятельную ответственность. Принимая во внимание, тот факт, что при пресечении преступных деяний силовыми всегда находятся при исполнении, то и ответственности должны нести как за должностное преступление [10]. Это мнение подкреплено п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16.10.2009 № 19 [11]. Но любой вред, нанесенный сотрудниками правоохранительных структур, согласно «ведомственному законодательству» должен считаться законным в силу п. 28 Пленума ВС РФ от 27.09.2012 № 19 [12].

Никуленко А.В. и Смирнов М.А. придерживаются мнения многих ученых по вопросу критической оценки вышеуказанных постановлений. Данная оценка основана на том, что в «ведомственном законодательстве» определены правила законного причинения вреда с использованием физической силы и огнестрельного оружия при пресечении посягательства [13]. Следовательно, если сотрудник силовых ведомств соблюдает правила использования физической силы и применения огнестрельного оружия, определенных «ведомственным законодательством», т.е. не использует оружие в отношении женщины и детей не достигших совершеннолетия, то любой вред в данном случае должен считаться правомерным.

Но в п. 27 Пленума от 27.09.2012 № 19 указано, если сотрудник правоохранительных структур, при выполнении своих должностных полномочий превысит пределы необходимой обороны, то его действия следует квалифицировать по привилегированным составам.

Смирнов М.А. указывает, что данная позиция суда не позволяет однозначно найти решение проблемы о законности причинения вреда сотрудникам правоохранительных ведомств при выполнении ими должностных обязанностей по обеспечению правопорядка и безопасности, а также в случае причинения несоразмерного вреда о квалификации их действий. До внесения изменений в Пленум от 27.09.2012 № 19 проблема остается не решенной [14].

В свою очередь, критический анализ проведенный Никуленко А.В. и Смирновым М.А. п. 27 и п. 28 Пленума от 27.09.2012 № 19 констатирует, то что при определенных правилах, на основании которых используется физическая сила и огнестрельное оружие, при решении проблемы о законности причинения вреда сотрудником правоохранительных ведомств будут действовать положения о необходимой обороне, а в иных будут применяться нормы «ведомственного законодательства». Получается, что действия по применению физической силы и огнестрельного оружия сотрудником правоохранительных ведомств находятся под двойным контролем, с одной стороны Уголовного Кодекса Российской Федерации с другой «ведомственного законодательства», это ущемляет их права [15, с. 57; 16, с. 48], и при этом они в силу своих должностных обязанностей должны обеспечивать правопорядок и безопасность [17, с. 107].

Выводы и предложения

Кардинального преобразования требует правовое мышление сотрудников силовых ведомств, которое должно быть сосредоточено на обеспечении прав человека, особенно прав потерпевших, в области уголовного правосудия. Необходимо учитывать и то, что нормы об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, являются в большинстве своём разрешающими (управомочивающими), следовательно, они предусмотрены для активного приме-

нения их гражданами, однако, из-за недостаточной юридической грамотности населения, в должной мере они не применяются. Все это делает необходимым разработку единого метода квалификации обстоятельств, исключающих опасность деяния, который будет соответствовать требованиям как науки, так и правоприменительной практики. Полагаю, необходимо согласиться с Никуленко А.В. что на законодательном уровне необходимо включение в состав УК РФ обстоятельств регулирующих правомерное причинение вреда предусмотренных другими законодательными и подзаконными актами» [15, с. 57; 18].

Автор согласен с Никуленко А.В., Смирновым М.А. что: «теоретические и практические аспекты реализации института необходимой обороны требуют максимально благожелательного подхода к оценке действий защищающихся лиц и возложения риска неблагоприятных последствий на нападающего. Это отвечает принципу социальной справедливости и задачам борьбы с преступностью, стоящими перед обществом на современном этапе его развития» [6].

Литература

1. Чаптыков О.А., Харитонов А.Н. Пределы «необходимой обороны» в деятельности сотрудников полиции // Форум. – 2022. – № 3 (26). – С. 136–144.
2. Милюков С.Ф., Никуленко А.В. Неочевидные решения проблем силового противодействия преступности // Всероссийский криминологический журнал. – 2021. – Т. 15. – № 1. – С. 36–45
3. Федеральный закон РФ «О полиции» от 07.02.2011 г. // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс].-URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=454013&searchid=6BD2631FCFAВ518F872B5ADB522DBF33&mode=splus&rnd=tJegGA#9K5P65Uqubum4ibu> (дата обращения: 01.02.2024)
4. Никуленко А.В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: концептуальные основы уголовно-правовой регламентации. 2019, С. 497.
5. Милюков С.Ф., Побегайло Э.Ф. Актуальные проблемы применения оружия сотрудниками правоохранительных органов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2006. № 11. С. 39–54
6. Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. В.В. Лукьянова, В.С. Прохорова, В.Ф. Щепелькова. – 3-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2018. – 628 с.
7. Никуленко А.В., Смирнов М.А. Имеются ли пределы допустимого причинения вреда в деятельности сотрудников полиции и Росгвар-

- дии// Публично-правовые (государственно-правовые) науки.2023. № 3.с.4–12
8. Апелляционное Постановление Ростовского Областного Суда по делу № 22–152/2023 от 16.01.23 г. ГАС «Правосудие» [Электронный ресурс].-URL: <https://sudrf.ru>(дата обращения:01.02.2024).
  9. Милуков С.Ф., Никуленко А.В. Девиантное поведение сотрудников органов внутренних дел: опыт диалектической оценки // Российский девиантологический журнал. – 2021. – № 1 (1). – С. 151–163
  10. Ляпин Д.О. Соотношение норм главы 8 Уголовного кодекса Российской Федерации и предписаний иноотраслевого законодательства о применении оружия // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. – 2022. – № 10 (303). – С. 73–84.
  11. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий»// СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс].-URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=355123&dst=100000001&cacheid=9E95EC81FCC24FA0691DB027E3AA4C33&mode=splus&rnd=1QeHA#ghNS65U46gd-jK1wo> (дата обращения:02.02.2024)
  12. Пленума ВС РФ от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление»// СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс].-URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=418064&cacheid=554D5A5C34828A5A6F903E0132326EF6&mode=splus&rnd=1QeHA#jQzS65UY5ukcT8rn> (дата обращения:02.02.2024)
  13. Смирнов М.А. Превышение пределов необходимой обороны в деятельности сотрудников полиции и Росгвардии: дис. ... канд. юрид. наук. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. – 170 с
  14. Смирнов М.А. Актуальные вопросы определения правомерности причинения сотрудниками полиции и Росгвардии вреда в состоянии необходимой обороны / Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра: материалы ежегодной Всероссийской научно-практической конференции. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. – С. 267–271.
  15. Никуленко А.В. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния: проблемы применения нормы о необходимой обороне // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2019. – № 1 (48). – С. 57–64
  16. Смирнов М.А. Актуальные вопросы назначения наказания при нарушении условий правомерности необходимой обороны // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 2 (68). – С. 48–52
  17. Шелудько В.О. Применение сотрудниками полиции огнестрельного оружия и принцип правовой определенности // E-Scio. – 2021. – № 12 (63). – С. 107–113.
  18. Тараканов И.А. Пределы необходимой обороны: понятие, сущность и признаки // Пенитенциарное право: юридическая теория и право-применительная практика. – 2022. – № 3 (33). – С. 96–100.

DECRIMINALIZATION IN LAW ENFORCEMENT OF CAUSING HARM BY LAW ENFORCEMENT OFFICERS IN THE PERFORMANCE OF OFFICIAL DUTIES

Boev D.V.

Belgorod State National Research University

Based on the conducted research of criminal legislation on necessary defense, scientific literature and judicial practice, the article identifies the problems of a legislative approach to assessing the legality of the use of the institute of necessary defense by law enforcement officers. According to paragraph 2 of the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 09/27/2012 No. 19 “On the application by courts of legislation on necessary defense and harm when detaining a person who committed a crime” law enforcement officers are not criminally liable for harm to an encroaching person if the harm was caused by the use of special means, physical force, firearms, taking into account the legal norms of “special legislation” in the performance of official duties to ensure law and order. However, examining judicial acts, it was revealed that employees of law enforcement agencies are subject to criminal prosecution for abuse of official authority, even when the assailant has suffered minor or moderate harm to health. Based on the above, I believe that it is necessary to improve the norms of harming by law enforcement officers when they carry out official instructions on ensuring and protecting law and order.

Keywords: necessary defense, crime, Criminal Code, official powers, law enforcement agencies, regulatory legal acts.

References

1. Chaptaykov O.A., Kharitonov A.N. The limits of “necessary defense” in the activities of police officers // Forum. – 2022. – № 3 (26). – Pp. 136–144.
2. Milyukov S.F., Nikulenko A.V. Non-obvious solutions to the problems of forceful counteraction to crime // All-Russian Journal of Criminology. – 2021. – Vol. 15. – No. 1. – pp. 36–45
3. Federal Law of the Russian Federation “On Police” dated 07.02.2011 // SPS “Consultantplus” [Electronic resource].-URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=454013&cacheid=6BD2631FCFAB-518F872B5ADB522DBF33&mode=splus&rnd=tJegGA#9K-5P65UQubum4ibu> (date of application:01.02.2024)
4. Nikulenko A.V. Circumstances precluding criminality of an act: conceptual foundations of criminal law regulation. 2019, p.497.
5. Milyukov S.F., Pobegailo E.F. Actual problems of the use of weapons by law enforcement officers // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2006. No. 11. pp. 39–54
6. Criminal law of Russia. General part: textbook / edited by V.V. Lukyanov, V.S. Prokhorov, V.F. Shchepelkov. – 3rd ed., ispr. and additional – St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2018. – 628 p.
7. Nikulenko A.V., Smirnov M.A. Are there limits to permissible harm in the activities of police officers and Rosgvardiya// Public law (public law) sciences.2023. No.3.pp.4–12
8. The Appeal Decision of the Rostov Regional Court in case No. 22–152/2023 dated 16.01.23, GAS “Justice” [Electronic resource].-URL: <https://sudrf.ru> (date of application:02/01/2024).
9. Milyukov S.F., Nikulenko A.V. Deviant behavior of law enforcement officers: experience of dialectical assessment // Russian Deviantological Journal. – 2021. – № 1 (1). – Pp. 151–163

10. Lyapin D.O. Correlation of the norms of Chapter 8 of the Criminal Code of the Russian Federation and the prescriptions of foreign industry legislation on the use of weapons // Law in the Armed Forces – Military Law Review. – 2022. – № 10 (303). – Pp. 73–84.
11. Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 10/16/2009 No. 19 “On judicial practice in cases of abuse of office and abuse of office”// SPS “ConsultantPlus” [Electronic resource].-URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=355123&d-st=1000000001&cacheid=9E95EC81FCC24FA0691DB027E3AA4C33&mode=splus&rnd=1QeHA#ghNS65U46gdjK1wo> (date of application:02.02.2024)
12. Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 09/27/2012 No. 19 “On the application by courts of legislation on necessary defense and causing harm when detaining a person who committed a crime”// SPS “ConsultantPlus” [Electronic resource].-URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=418064&cacheid=554D5A5C34828A5A6F903E0132326EF6&mode=splus&rnd=1QeHA#jQzS65UY5ukcT8rn> (date of application:02.02.2024)
13. Smirnov M.A. Exceeding the limits of necessary defense in the activities of police officers and Rosgvardiya: dis. ... cand. Jurid. sciences’. – St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022. – 170 s
14. Smirnov M.A. Topical issues of determining the legality of causing harm by police officers and Rosgvardiya in a state of necessary defense / Criminal law: yesterday, today, tomorrow: materials of the annual All-Russian Scientific and Practical Conference. – St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022. – pp. 267–271.
15. Nikulenko A.V. Circumstances excluding criminality of an act: problems of applying the norm on necessary defense // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2019. – № 1 (48). – Pp. 57–64
16. Smirnov M.A. Topical issues of sentencing in violation of the conditions of legality of necessary defense // Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 2 (68). – Pp. 48–52
17. Sheludko V.O. The use of firearms by police officers and the principle of legal certainty // E-Scio. – 2021. – № 12 (63). – Pp. 107–113.
18. Tarakanov I.A. Limits of necessary defense: concept, essence and signs // Penitentiary law: legal theory and law enforcement practice. – 2022. – № 3 (33). – Pp. 96–100.

Анализ характерологии делинквентного поведения: лингвокультурологический и концептологический подходы

Труш Владимир Михайлович,

кандидат психологических наук, психолог психологической лаборатории ФКУ ИК-16, УФСИН России по Мурманской области

E-mail: krist56@mail.ru

Гомонов Николай Дмитриевич,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры юриспруденции Мурманского арктического университета

E-mail: Gomonov_Nikolay@mail.ru

Тимохов Виктор Петрович,

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

E-mail: tvp1986@yandex.ru

В статье авторы проводят анализ оснований преступного поведения. Источником делинквентности в целом называются стойкие характерологические особенности, совокупность которых может быть отражена в рамках понятия криминогенной зараженности. Поиск таких особенностей наиболее целесообразно проводить на теоретической основе лингвокультурологического подхода, дающего возможность диагностического выявления устойчивых характерологических личностных образований, обуславливающих проявления социальной делинквентности. Практическая значимость и ценность предлагаемого подхода определяется возможностью применения его вне осознанного влияния на результат свободной воли исследуемого, что достигается путем анализа полученных текстовых материалов. Дальнейшее совершенствование методологии криминологических исследований личности, понимание ее глубинной сущности, особенностей и структуры характерологии позволит разработать более совершенный криминологический инструментарий научного познания, который обеспечит продуктивный поиск эффективных средств предупреждения преступности.

Ключевые слова: личностные особенности, характер, делинквентность, мышление, первичная травма, экзистенциалы бытия, структура характерологии.

Криминологический феномен личности преступника не перестает привлекать к себе пристальное внимание исследователей. Ученые продолжают поиск психологических детерминант, обуславливающих проявления делинквентного, в том числе преступного, поведения. Продуктивность дальнейших исследований во многом зависит от совершенства используемого научного инструментария. Поэтому предлагаемый исследовательский подход к изучению делинквентности, как нам кажется, должен обогатить возможности познания ее сущности и выработать направления коррекции.

Современный этап бытийной организации жизнеустройства российской государственности характеризуется ярко выраженными диалектическими процессами практически во всех сферах своей повседневной реализации. Обласканные государственной властью и поклонниками кумиры миллионов становятся изгоями. Изгои с рецидивным прошлым и осуждаемые всей мощью уголовного законодательства за реально совершенные злодеяния, устремляются к высотам героического эпоса будущих скрижалей новейшей истории России.

В периоды подобного рода, которыми уже была наполнена жизнь граждан России, хочется обратить внимание на те последствия, которыми обрачивается популизм и безответственность в надежде, что все образуется само собой. Мы не заявляем наличие возможностей предопределения и, тем более, управляемости процессами общественного движения, это не входит в нашу компетенцию. Однако снизить вероятность проявлений деструктивных и дефицитарных составляющих личности сегодня представляется вполне разрешимой задачей.

Исходя из системного подхода, прежде всего, целесообразно определить компоненты самой структуры научной работы, их иерархию и взаимозависимую связь между собой. По нашему мнению, для осуществления любого исследовательского проекта необходим учет следующих составляющих: материальный фактор (основные фонды, финансирование, инструментарий), организационный фактор (основания, планирование, расстановка сил и средств) и личностный фактор (профессионализм, практический опыт, социально-демографический аспект). Иерархия значимости указанного триединства определяется личностной составляющей через и/или деятельность которой проявляются особенности и факт наличия двух остальных.

Мы уже заявляли о своей позиции по поводу оценки реальных личностных особенностей в кон-

тексте любой осознанной деятельности физического лица. В частности, говорилось о том, что в рамках предупредительной деятельности нужно не только стимулировать социальные и профессиональные положительные личностные качества. Ведь социально положительная личностная оценка и ее характеристика (порядочность, долг, честность, ответственность) в обязательном порядке предполагает включение своеобразного «антипода» – социально отрицательное, но стремящееся к реализации основание (низость, необязательность, лживость, безответственность). Такая позиция предполагает наличие рационального подхода (ratio – «разум», «прием», «метод», «отношение к, связь с, быть в сношении, быть в связи с кем-либо») [1], т.е. разумного подхода, учитывающего фактор наличия всех составляющих, влияющих на реализацию личности в бытийном пространстве [2, с. 118].

Исходя из конкретной профессиональной деятельности, мы в большей степени можем опираться на положения и процессы, определяющие деятельность УИС РФ. В учреждениях уголовно-исполнительной системы, применяется алгоритм психологического сопровождения осужденных, а также подозреваемых и обвиняемых и в целях реализации психодиагностических мероприятий. В этом случае используется следующий психодиагностический инструментарий: т. Мини-мульти, т. ВСК (оценка уровня волевого самоконтроля), т. СЖО (методика изучения смысло-жизненных ориентаций), т. КИЛО (комплексное исследование личности осужденного Чебаловой Е.А.), восьмицветовой тест М. Люшера, т. ОСР (опросник суицидального риска), т. Шмишека [3]. Однако необходимо уточнить, что предлагаемые методики определяют констатирующий статический срез, манифестацию личностных особенностей вне их взаимодействия и не основываются на определенной теории личности. Они не рассматривают структурно-динамические элементы личностного развития в их прогностической перспективе. И, что наиболее значимо, их применимость возможна только в диалогическом варианте сотрудничества, когда сама психодиагностическая процедура предполагает заинтересованное отношение интервьюируемого лица. Даже, если таковые находятся, не исключены различного рода искажения – ложь, диссимуляция, аггравация.

Методологически основываясь на позициях холистического подхода по проблеме соотношения части и целого, определяя степень девиантности в ее актуальном и перспективном состоянии возможной делинквентности, мы предлагаем опираться на общий интегральный показатель, особенности которого определяют саму природу человека как такового – **мышление**.

В контексте данного исследования мы говорим о мышлении, которое представляет собой состояние связи с бытием и является основой выступает условием иных психологических состояний [4]. По этому поводу уместно будет напомнить слова

известного античного мыслителя Парменида: «... одно и то же бытие и мысль, его узнающая». Следовательно, сегодня возникли все предпосылки для разработки нового исследовательского инструмента – методика исследования особенностей мышления лиц, которые являются носителями устойчивых форм делинквентного поведения, с безусловным учетом их гуманитарно-психологических личностных особенностей.

Данная работа является продолжением развития теории криминогенной зараженности личности с позиции лингвокультурологии [2]. Необходимо учесть, что лингвокультурология в качестве предмета определяет **концепт** в его двунаправленности: «Культура ← Ментальный мир человека → Язык (концептуальные структуры)» [5, с. 10], а также опираясь на принцип лингвистической относительности «гипотеза Сепира-Уорфа» [6], центральным элементом которой выступает идея о том, что особенности структуры родного языка влияют на мышление, восприятие, память и другие когнитивные способности [7, с. 9–10], мировоззрение индивида может проявляться в несоизмеримости когнитивных стилей и картин мира представителей различных субкультурных образований.

Мы выдвигаем следующую **гипотезу** (большая методология): язык (речевая деятельность) выступает в качестве ключевой позиции, позволяющей рассмотреть человеческую мысль и получить возможность исследования и понимания сущности человеческой психики, а также криминологических характеристик субкультурных сообществ.

Цель предстоящего исследования (малая методология) – методами лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, математического анализа эмпирических данных определить наиболее общие, устойчиво сформированные и систематически проявляющиеся психологические образования, обуславливающие делинквентные личностные проявления.

Заявленное целевое описание в большей степени определяется в термине – **характер**. В Большом энциклопедическом словаре мы находим следующую трактовку указанного термина: «Характер (от греч. *charakter* – отпечаток, признак, отличительная черта) в психологии, целостный и устойчивый индивидуальный склад душевной жизни человека, ее тип, «нрав» человека, проявляющийся в отдельных актах и состояниях его психической жизни». Акцентируя внимание на психодинамическом аспекте личностных (характерологических) особенностей, которые определяются результирующей обменных энергетических процессов, возникающих между индивидом и группой. Поэтому, начиная с факта рождения, можно говорить о первичных причинах формирования устойчивых характерологических образований [8, с. 70].

В своих научных криминологических исследованиях [2] мы опираемся на гуманитарно-психологическую концепцию личности G. Ammon [9]. Рассматривая причины возникновения психиатрических расстройств, динамическая психиатрия описывает

феномен «Дыра в Я», в качестве дефекта границы Я на основе отклоняющейся, отвечающей на потребности ребенка первичной группы, что приводит к отщеплению целых областей переживания в развитии ребенка. Мы допустили, что различие между психопатологией и социопатийностью определяется количественным компонентом выраженности системообразующих особенностей деструктивно/дефицитарной проявленности заполнивших «дыру в Я». Как отмечает Stephen M. Johnson в своей работе «Психотерапия характера», теория характерологического развития предполагает, что каждый элемент структуры характера вырастает на базе одной из основных экзистенциальных проблем. Поэтому указанные проблемы имеют важнейшее значение для человеческого опыта и требуют постоянного разрешения на протяжении всей жизни [10, с. 10].

В предыдущих работах мы исследовали раннюю психологическую травму с позиции типологического и психодинамического подходов. В качестве экзистенциальных данностей были выбраны: – потребности (ПТР), – ценность (ЦН), – близость (БЛ).

Указанные составляющие могут иметь различную степень проявления и интенсивности. Следовательно, можно рассмотреть следующие оси полярностей:

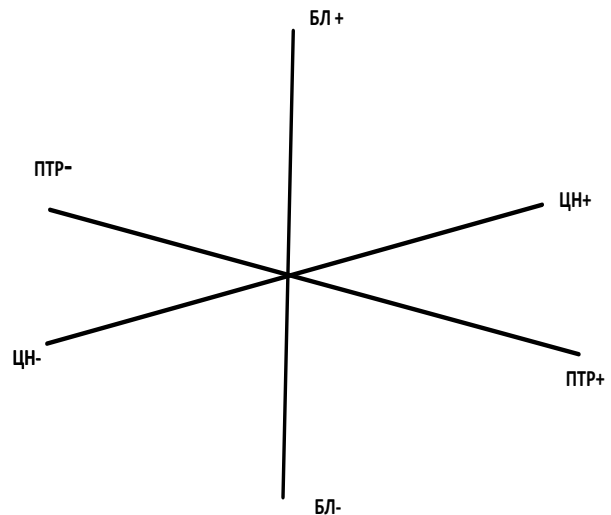
1. Наличие близости – отсутствие близости («БЛ+» / «БЛ-»).
2. Наличие ценности – отсутствие ценности («ЦН+» / «ЦН-»).
3. Удовлетворение потребностей – неудовлетворение потребностей («ПТР+» / «ПТР-»).

Данный подход позволяет выделить следующие пространства характерологических проблем раннего детского (доэдипального) этапов развития в соотношении с особенностями реализации указанных экзистенциалов:

1. Наиболее благоприятный вариант благополучного взаимодействия ребенок/опекун характеризуется соотношением – «+БЛ» ↔ «+ЦН» ↔ «+ПТР».
2. **Шизоидный характер** – характерологическая экспрессия – диссоциация, отчуждение; полярности: присутствие – отсутствие («-БЛ» ↔ «-ЦН» ↔ «-ПТР»).
3. **Оральный характер** – характерологическая экспрессия – зависимость от других или превозношение других за счет «я»; полярности: объект и субъект зависимого превозношения, («+БЛ» ↔ «-ЦН» ↔ «-ПТР»).
4. **Симбиотический характер** – характерологическая экспрессия – слияние присоединяет к чужой экспрессии. Стремления реального «я» вызывают чувство вины; полярности: автономный – вовлеченный, («+БЛ» ↔ «-ЦН» ↔ «+ПТР»).
5. **Нарциссический характер** – характерологическая экспрессия – попытки поддержания величия «я»; полярности: ничтожный – всемогущий, («-БЛ» ↔ «+ЦН» ↔ «+ПТР»).

6. **Мазохистический характер** – характерологическая экспрессия – подчинение, провоцирование чувства вины, пассивная агрессия, жалость с себе; полярности: контролирующий – контролируемый, («-БЛ» ↔ «+ЦН» ↔ «-ПТР»).

Соотнесенность характерологических проблем развития и заданных экзистенциалов для удобства рассмотрения смысловые оси полярностей целесообразно представить в графическом виде (см. Рис. 1)

Рис. 1. Графическое отображение основных экзистенциалов, характеризующих особенности формирования характерологических проблем раннего детского периода.

Возможность выявления концептов появляется в результате проведения анализа представленных отчетов по определенной тематике, используя предложенную методику «Концепт – Золотое сечение» [16]. Значимая лексема, которая и определяет концепт, выявляется по числовому значению в ряду лексем по указанной пропорции – **38%** и **62%** с последующим помещением полученных результатов в пространство предложенных экзистенциалов. Ниже приведен пример определения концепта по предложенной методике.

«Здравствуй отец! Поздравляю с днем рождения! Желаю крепкого здоровья, долгих лет жизни, хорошего настроения и спокойствия на душе! Позвонить **не смогу**. Я снова в изоляторе. Выхожу, вроде как, 20 февраля, значит, примерно 26 **позвонить** получится. А так все нормально. Ладно, я на минутку забежал. Надеюсь, письмо мое вовремя дойдет. Всем привет передавай. Береги себя!»

$$\Sigma = 54$$

1. Концепт «Золотое сечение».

$$54 - 100x = 20,52 \quad 54 - 100x = 33,48$$

$$x = 38$$

$$x = 62$$

«не смогу – позвонить» – «-БЛ»

Исследуя достаточное количество текстов в рассмотрении взаимоотношений индивид/группа, представляется возможным выявление ведущих сочетаний указанных экзистенциалов, которые в своей манифестации формируют характерологические пространства, обладающие своей

спецификой внешнего реагирования и внутреннего проявления.

Таким образом, представляя речевую деятельность как ключевую позицию в процессе познания человеческой мысли, мы действительно получаем возможность исследования и понимания природы человеческой психики и ее характеристик. Представляется возможным в дальнейшей исследовательской перспективе, используя методы лингвокультурологии, когнитивной лингвистики и математический анализ эмпирических данных, определить наиболее общие, устойчиво сформированные и систематически проявляющиеся характерологические особенности, обуславливающие делинквентность. Практическая значимость и ценность предлагаемого подхода определяется возможностью анализа полученных текстовых материалов. Совершенствование методологии криминологических исследований личности, понимание ее глубинной сущности, особенностей и структуры характерологии позволит разработать более совершенный инструментарий научного познания, который обеспечит продуктивный поиск эффективных средств предупреждения преступности.

Литература

1. Латинско-русский словарь. URL: <https://classes.ru/all-latin/dictionary-latin-russian1-term-19084.htm> (дата обращения: 19.08.2022)
2. Труш, В.М. Криминогенная зараженность личности: монография / В.М. Труш, Н.Д. Гомонов. – М: Юстицинформ, 2023. – 284 с.
3. Приказ ФСИН России № 134 от 24.03.2015 г. «Об объявлении решения коллегии Федеральной службы исполнения наказания об итогах деятельности уголовно исполнительной системы в 2014 году и задачах на 2015год», Приложение п/п 14.3.
4. Мамардашвили, М.К. Введение в философию / М.К. Мамардашвили // Философские чтения. – СПб.: Азбука – 1 классика, 2002. – 832 с. URL: <http://os.x-pdf.ru/20filosofiya/740689-2-merab-mamardashvili-filosofskie-chteniya-sankt-peterburg-izdatelstv.php> (дата обращения: 01.12.2023)
5. Дзюба, Е.В. Концепт «ум» в русской лингвокультуре: Монография / Е.В. Дзюба. Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2011. – 224 с.
6. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии: Пер. с англ. Э. Сепир / Общ. ред. и вступ. ст. А.Е. Кибрика. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1993. – 656 с.
7. Бородай С.Ю. Язык и познание: Введение в пострелятивизм / С.Ю. Бородай; отв. Ред. В.А. Лекторский, А.В. Смирнов. – М.: ООО «Сандра»: Издательский Дом ЯСК, 2020. – 800 с.
8. Большой энциклопедический словарь. URL: <https://gufo.me/search?term=%D1%85%D0%B0%D1%80%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B5%D1%80> (дата обращения 01.12.2023 г.)

<https://gufo.me/search?term=%D1%85%D0%B0%D1%80%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B5%D1%80> (дата обращения 01.12.2023 г.)

9. Гюнтер, Аммон. Динамическая психиатрия / Г. Амон. изд. Психоневрологического института им. В.М. Бехтерева, 1995, – 200 с.
10. Стивен М. Джонсон. Психотерапия характера – М. Корвет, 2013–352 с.

ANALYSIS OF THE CHARACTEROLOGY OF DELINQUENT BEHAVIOR: LINGUOCULTURAL AND CONCEPTUAL APPROACHES

Trush V.M., Gomonov N.D., Timokhov V.P.

Russian Federal Penitentiary Service in Murmansk region; Murmansk Arctic University; Ryazan branch of the Moscow Ministry of Internal Affairs University named after V.Y. Kikot

In this article, the authors analyze the grounds of criminal behavior. The source of delinquency in general is called persistent characterological characteristics, the totality of which can be reflected within the framework of the concept of criminogenic contamination. It is most advisable to search for such features on the theoretical basis of a linguoculturological approach, which makes it possible to diagnostically identify stable characterological personal formations that determine manifestations of social delinquency. The practical significance and value of the proposed approach is determined by the possibility of applying it without conscious influence on the result of the free will of the subject, which is achieved by analyzing the received text materials. Further improvement of the methodology of criminological research of personality, understanding of its deep essence, characteristics and structure of characterology will make it possible to develop more advanced criminological tools of scientific knowledge, which will ensure a productive search for effective means of crime prevention.

Keywords: personal characteristics, character, delinquency, thinking, primary trauma, existentials of being, structure of characterology.

References

1. Latin-Russian dictionary. URL: <https://classes.ru/all-latin/dictionary-latin-russian1-term-19084.htm> (access date: 08/19/2022)
2. Trush, V.M. Criminal contamination of personality: monograph / V.M. Trush, N.D. Gomonov. – M: Justitsinform, 2023. – 284 p.
3. Order of the Federal Penitentiary Service of Russia No. 134 of March 24, 2015. "On the announcement of the decision of the board of the Federal Penitentiary Service on the results of the activities of the penal system in 2014 and tasks for 2015", Appendix p/p 14.3.
4. Mamardashvili, M.K. Introduction to philosophy / M.K. Mamardashvili // Philosophical readings. – St. Petersburg: ABC – 1 classic, 2002. – 832 p. URL: <http://os.x-pdf.ru/20filosofiya/740689-2-merab-mamardashvili-filosofskie-chteniya-sankt-peterburg-izdatelstv.php> (access date: 12/01/2023)
5. Dzyuba, E.V. The concept of "mind" in Russian linguistic culture: Monograph / E.V. Dzyuba. Ural. state ped. univ. – Ekaterinburg, 2011. – 224 p.
6. Sapir E. Selected works on linguistics and cultural studies: Trans. from English E. Sapir / General. ed. and entry Art. A.E. Kibrika. – M.: Publishing group "Progress", "Univers", 1993. – 656 p.
7. Boroday S. Yu. Language and cognition: Introduction to post-relativism / S. Yu. Boroday; resp. Ed. V.A. Lektorskiy, A.V. Smirnov. – M.: Sandra LLC: YASK Publishing House, 2020. – 800 p.
8. Large encyclopedic dictionary. URL: <https://gufo.me/search?term=%D1%85%D0%B0%D1%80%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B5%D1%80> (accessed 01.12 .2023)
9. Gunther, Ammon. Dynamic psychiatry / G. Amon. ed. Psychoneurological Institute named after. V.M. Bekhtereva, 1995, – 200 p.
10. Stephen M. Johnson. Character psychotherapy – M. Korvet, 2013–352 p.

Обстоятельства, подлежащие установлению по делам о хулиганстве

Емельянцева Ксения Олеговна,

адъюнкт, Омская академия МВД России
E-mail: emelyantzeva-ksu@mail.ru

Статья посвящена характеристике обстоятельств, подлежащих доказыванию по делам о хулиганстве. Автором обозначена юридическая значимость тщательной детализации совершенного преступления еще на стадии его предварительного расследования. Анализ указанных обстоятельств представлен путем исследования элементов состава преступления, предусмотренного ст. 213 Уголовного Кодекса Российской Федерации, и иных факторов, оказывающих влияние как на принятие решение о возбуждении уголовного дела, предъявление обвинения, назначение наказания за совершение данного преступления. Отмечено, что в процессе формирования доказательственной базы, содержания обвинительного заключения следует обращать внимание на правовые позиции Пленума Верховного Суда Российской Федерации, определяющие требования к квалификации деяний как хулиганство. Сделан вывод, что необходимо так же устанавливать обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния, смягчающие и отягчающие наказание, а также обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания. Обосновано, что квалификация деяния, индивидуализация каждого конкретного случая и наказания осуществляется с учетом признаков преступления, предусмотренных в ст. 213 Уголовного Кодекса Российской Федерации, и обстоятельств, закрепленных в ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. На основе предмета доказывания, разъяснений высших судебных органов России и отдельных правовых актов определен круг обстоятельств, подлежащих установлению по делам о хулиганстве.

Ключевые слова: хулиганство; обстоятельства, подлежащие установлению, обстоятельства, подлежащие доказыванию; расследование; раскрытие.

Процесс расследования преступления предполагает выполнение следователем требований, предусмотренных ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [1] (далее по тексту – УПК РФ), в том числе установление обстоятельств, подлежащих доказыванию. Данный перечень является универсальным для всех видов уголовно-наказуемых деяний. Правовую значимость данной категории, в том числе в процессе формирования доказательственной базы по делам о хулиганстве, подчеркивает Е.И. Овчаренко. Все процессуальные действия и решения принимаются с учетом предмета доказывания, т.к. с их помощью органы предварительного расследования обеспечивают границы и параметры «проводимого правомочными должностными лицами исследования материалов уголовного дела» и «пределы выдвигаемого в отношении конкретного лица обвинения» [17, с. 21]. При этом В.И. Комиссаров и П.А. Холопов в своем исследовании отмечают, что на стадии предварительного расследования анализу подвергаются и обстоятельства, не входящие в предмет доказывания, но его конкретизирующие [15, с. 10]. Обстоятельства, предусмотренные ст. 73 УПК РФ, представляют собой «алгоритм следственной работы» (А.Р. Белкин) [12, с. 543].

Однако, ввиду многообразия составов преступлений, предусмотренных особенной частью Уголовного кодекса Российской Федерации [2] (далее по тексту УК РФ), а также специфики и многообразия конструкций уголовно-правовых норм, возникает необходимость в конкретизации круга таких обстоятельств. В перечне обстоятельств, подлежащих доказыванию, законодателем фактически сформулирован результат, к которому должен стремитьсяследователь¹ при производстве предварительного расследования по уголовному делу. Собирая и анализируя информацию, связанную с обстоятельствами, подлежащими установлению по конкретному уголовному делу, уполномоченное должностное лицо работает не только с полученными фактами, но и учитывает состав преступления, закрепленный в нормах Уголовного Кодекса РФ. Формирование обвинения осуществляется с учетом собранной доказательственной базы в соответствии с требованиями УПК РФ и проведенной на их основании квалификации совершенного деяния. Так именно установление обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ, позволяет конкретизировать факт совершения действий (или бездействия), отграничить его от административного проступка, совершение которого не является

¹ Если иное не предусмотрено в тексте, то под следователем здесь и далее понимается любое лицо, производящее расследование.

основанием для привлечения к уголовной ответственности.

В рамках изучения специфики преступных деяний, описанных в статье 213 УК РФ, важно сосредоточить внимание на анализе определенных моментов, наличие (или отсутствие) которых может оказать влияние на квалификацию поведения человека с точки зрения уголовного закона. Принимая решение о возбуждении уголовного дела (или отказе) первоначально следует «разложить» каждый конкретный случай по элементам состава преступлений, с учетом всех его особенностей, как указанных в ст. 213 УК РФ, так и сформированных в судебных позициях по данной категории преступлений.

Во-первых, необходимо проанализировать статус виновного лица в его совершении, ответить на вопрос о его соответствии общим требованиям, предъявляемым к возрасту и вменяемости субъекта преступления. Во-вторых, не менее важным элементом состава преступления «хулиганство» является субъективная сторона (наличие и направленность умысла, мотив, цель хулиганских действий, описанных в ст. 213 УК РФ). В-третьих, важно определить объект преступного посягательства, отличить общественный порядок от иных объектов, которые защищает уголовный закон от воздействия преступных деяний. В-четвертых, необходимо исследовать обстоятельства, составляющие объективную сторону преступления, определить алгоритм его совершения (место, дату и время, способ, наступившие последствия в виде грубого нарушения общественного порядка, выражающегося неуважением к обществу, наличие причинной связи между неправомерным поведением виновного и наступившими вредными последствиями). На императивность выявления данных обстоятельств указывают и уголовный и уголовно-процессуальный кодексы.

Неустановление хотя бы одного из названных элементов состава преступления является основанием для прекращения уголовного дела, как на стадии предварительного расследования, так и на стадии отправления правосудия по конкретному уголовному делу. Так Московский городской суд в апелляционном постановлении подтвердил факт, что в действиях П. отсутствует состав преступления, предусмотренного п. «а» ст. 213 УК РФ. Как указал суд, на стадии предварительного следствия не сформирована доказательственная база, подтверждающая виновность гражданина П. в совершении данного преступления [9].

Формирование круга первостепенных обстоятельств, подлежащих установлению, в первую очередь, обусловлено деятельностью по проверке сообщения о преступлении. Во вторую очередь, приняв решение о возбуждении уголовного дела следователь (дознаватель) приступает к сбору дополнительных сведений об обстоятельствах, подлежащих установлению в процессе расследования.

Анализ правоприменительной практики, позволяет сделать вывод о том, что проверка сообще-

ний о преступлениях рассматриваемого вида проводились в 100% случаях¹. Поэтому подчеркнем значение отдельных обстоятельств, подлежащих установлению на данном этапе расследования. При этом основная цель при проверке материалов о совершении хулиганства состояла в выявлении признаков преступления.

Обстоятельства, характеризующие субъект преступления, связанного с грубым нарушением общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу. Следует отметить, что статус субъекта общего состава преступления, закрепленного в части 1 ст. 213 УК РФ, отличается по возрастному критерию от статуса субъекта квалифицированных составов преступлений, предусмотренных в частях 2 и 3 ст. 213 УК РФ. Во втором случае уголовная ответственность за преступную деятельность наступает с 14-ти лет. Российский законодатель определил, что данные действия наиболее общественно опасные и, соответственно, установил пониженную возрастную границу для привлечения в уголовной ответственности.

Для детального и тщательного раскрытия и расследования преступления важно собрать информацию, которая позволит точно определить, кто совершил преступление. Данный процесс включает анализ различных характеристик лица, совершившего хулиганство, в том числе:

- 1) биографические данные, такие как возраст, пол и социальный статус;
- 2) отдельные черты характера, включая эмоциональные и волевые особенности, уровень интеллекта, а также моральные и психологические аспекты личности;
- 3) поведение и активность индивида в ключевых областях социальной среды, включая профессиональную сферу, участие в общественной и политической жизни, а также в быту и повседневных делах.
- 4) состояние, в котором находился хулиган при совершении преступления;
- 5) наличие законных оснований для пребывания на территории России для лиц иного государства;
- 6) сведения о судимости и привлечении к ответственности за совершение административных правонарушений;
- 7) если привлекаемое к ответственности лицо является несовершеннолетним, то подлежат установлению обстоятельства, предусмотренные ст. 421 УПК РФ.

Информация, отображающая социально негативные действия лица до и после инцидента, представляет собой ключ к выявлению потенциальных хулиганов. Понимание особенностей типичного хулигана, демонстрирующего явное пренебрежение к нормам общества, может существенно облегчить процесс идентификации и расследования

¹ По специально разработанной программе было изучено 70 уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 213 УК РФ и расследованных на территории Кемеровской, Московской, Новосибирской, Омской, Томской областей за период с 2019–2023 г.

преступлений. Это также помогает в обнаружении индивидуумов, которые могут быть отнесены к категории высокого риска, склонных к хулиганству и обеспечивает основу для эффективных мер профилактики и предотвращения подобных преступлений.

По субъективной стороне преступления, ведется работа по установлению признаков преступления. По поводу умысла в составе ст. 213 УК РФ, а точнее ее формы, существуют несколько точек зрения. Интересно отметить мнение А.Н. Игнатова о возможности косвенного умысла в хулиганстве. Он считает, что такой умысел возникает, когда субъект осознает, что своими действиями он может нарушить общественный порядок, и специально совершает их, проявляя неуважение к обществу [14, с. 5]. Подлежат установлению мотив и цель преступления. Именно установление данного аспекта позволяет отграничить хулиганство от иных сходных составов преступлений. В этом отношении можно рекомендовать:

- установление условий совершения хулиганских действий (были ли поступки заметны для окружающих, совершались ли они в местах, доступных для широкой публики);
- отдельного внимания требует оценка сведений о хулиганских действиях, которые, хоть и происходят вдали от публичных глаз, тем не менее, становятся явными для отдельных индивидов;
- наличие хулиганских действий без видимых на то причин, когда конфликт не был вызван действиями пострадавших.

В процессе установления обстоятельств, имеющих отношение к конкретному виду преступлений, следует учитывать правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации, с целью предотвращения ошибок в процессе квалификации деяния. Например, Пленум Верховного Суда РФ указывает, что в процессе анализа субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 213 УК РФ, следует обратить внимание на такой обязательный признак как «грубость нарушения общественного порядка», в том числе «какие обстоятельства свидетельствовали о явном неуважении виновного к обществу» [4]. Указанное требование обязывает суды, рассматривающие уголовные дела о хулиганстве, устанавливать данные обстоятельства в ходе судебного следствия и отражать в описательной части приговора [18]. Следовательно, уже на стадии предварительного расследования уполномоченному должностному лицу необходимо проработать данный вопрос и соответствующие выводы о направленности умысла отразить в обвинительном заключении.

Хулиганские действия могут быть вызваны не только стремлением к нарушению общественного порядка, но и различным другим мотивам, включая отрицательные чувства, связанные с политическими убеждениями, идеологическими взглядами, этнической принадлежностью или вероисповеданием, а также общей антипатией к определенным социальным слоям. Для точной уголовно-правовой

квалификации по п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ необходимо установить то, что злоумышленник не преследует цели возбуждения ненависти или вражды, унижение достоинства человека либо группы лиц по названным мотивам (ст. 282 УК РФ).

Подлежат установлению обстоятельства, характеризующие характер отношений между участниками преступления. В частности, не было ли поведение пострадавшего аморальным или противоправным, что могло послужить поводом к совершению хулиганства.

Тщательное исследование последовательности действий участников преступного события, наряду с показаниями свидетелей, способствует установлению факта явного пренебрежения к нормам общества и преднамеренности поступков хулиганов.

В то же время следует различать грубое нарушение общественного порядка и побои, причинение любого вида вреда здоровью. В практике российских судов отмечается, что субъективная сторона хулиганства характеризуется прямым умыслом, вне которого находятся действия, связанные с оскорблением, побоями и причинением здоровью человека вреда (независимо от степени его тяжести). Следовательно, такие деяния при наличии в поведении виновного лица признаков хулиганства и названных действий квалифицируются по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 213 УК РФ и соответствующей статьей Особенной части УК РФ, предусматривающей ответственность за преступления против личности [6;7;8].

Обстоятельства, характеризующие объект преступления. В статье 213 УК РФ центральное внимание уделяется защите общественной стабильности и безопасности. Это концепция включает в себя сложные взаимоотношения и взаимодействия между членами общества, затрагивая такие аспекты как социальное поведение, соблюдение установленных норм и традиций. Общественный порядок также охраняет права индивидуумов и собственность, обеспечивая непрерывное функционирование государственных структур и социальных учреждений [16, с. 4].

По мнению В.М. Винокурова, под общественным порядком стоит понимать, систему взаимоотношений, которые устанавливают порядок и спокойствие в общественных местах. Эти отношения гарантируют подобающее поведение граждан в них, нормальное функционирование учреждений и организаций публичного характера, и личная безопасность и неприкосновенность человека сохраняются, когда он находится в таких местах [13, с. 66].

Ключевым аспектом преступного деяния является его внешнее проявление, которое представляет собой *объективную сторону* данного преступления. С этой точки зрения следует выделить две группы обстоятельств, подлежащих установлению, – общие и квалифицирующие.

К общим обстоятельствам, которые необходимо установить, относятся те, которые характеризуют общественную опасность преступного деяния

и позволяют отграничивать его от малозначительного правонарушения, а именно от ст. 20.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [3] (мелкое хулиганство). Поэтому необходимо выяснить следующее:

- факт, который выражается как явное неуважение к обществу, то есть отсутствие уважения к социальным нормам и ценностям через поступки, влияющие на благополучие как обширных групп людей, так и отдельных индивидов, случайно оказавшихся рядом;
- наличие угрозы применения любого насилия, в том числе угроза убийством или причинения вреда здоровью, их реальность.

Устанавливая обстоятельства, предусмотренные п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за совершение грубого нарушения общественного порядка, совершенного по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, стоит учесть наличие факта публичных актов хулиганства, осуществляемые в местах, привлекающих внимание общественности, в которых совершаются богослужения и другие религиозные обряды и церемонии.

Так, в решении Хамовнического районного суда № 1–170/12 от 17 августа 2012 г. действия участников группы «Pussy Riot», были квалифицированы ч. 2 ст. 213 УК РФ [11]. Подобное поведение, согласно судебному решению, включало заранее спланированное распределение ролей между участниками и сознательный выбор одежды, которая намеренно противоречила установленным церковным нормам и порядку. В храме они проявили своё неуважение, выкрикивая ругательства и оскорбляя тех, кто находился рядом.

Уголовная ответственность за хулиганство, совершенное в общественном транспорте – будь то авиация, железная дорога, морское или речное судно – влечет за собой юридические последствия в соответствии с п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ. Это правило применяется без учета состояния транспортного средства, включая моменты, когда оно не движется, например, если автобус делает остановку, а самолет находится на земле до или после полета.

Например, на борту самолета компании «S7 Сибирь», Б. проявил неуважение к окружающим, будучи под влиянием алкоголя. Он нарушал порядок, игнорируя просьбы персонала и пассажиров находиться на месте, и даже попытался войти в кабину пилотов, чем мог нарушить безопасность полета. Он бесцельно шатался по салону, вызывая беспокойство у всех на борту [10].

В таких условиях, к обстоятельствам подлежащие к установлению стоит отнести:

- наличие факта опасности для жизни и здоровья людей, находящихся внутри транспортного средства, которое является ограниченным пространством;
- размер ущерба, причиненного преступлением (например, если из-за хулигана посадка воз-

душного судна произошла в другом месте или произошел простой воздушного судна).

Анализируя положения ч. 2 ст. 213 УК РФ стоит подчеркнуть определенные моменты, которые предают действиям характер особого серьезного преступления. Важно отметить, если хулиганство совершается группой лиц, по предварительному сговору, или организованной группой, и осуществляется с использованием оружия или предмета, который предмет может быть применен в качестве оружия, это усугубляет ситуацию. Кроме того, ситуация усиливается, если в ходе этих действий происходит сопротивление властям или любому лицу, обязанному защищать общественный порядок или предотвращать его нарушение, следует выделить обстоятельства:

- наличие факта сознательного использования предметов или оружия с намерением физически или морально повлиять на жертву;
- при совершении хулиганства группой лиц, установлению подлежит характеристика группы и роль каждого соучастника в совершении преступления;
- факт активного противодействия, когда хулиган предпринимает неправомерные действия, направленные против лиц, исполняющих обязанности по охране общественного порядка или пресекающих нарушение общественного порядка, могут включать ситуации, где лицо пытается освободиться от задержания, угрожает насилием или даже переходит к физическому применению силы;
- закономерность владения оружием, способ его приобретения.

Наиболее тяжким видом рассматриваемого преступления является хулиганство с применением взрывчатых веществ или взрывных устройств (ч. 3 ст. 213 УК РФ). Можно выделить обстоятельства, подлежащие установлению и в последующем доказыванию:

- умышленное применение хулиганом взрывчатых веществ и взрывных устройств, а именно химические соединения или смеси веществ, способные к быстрому взрыву, промышленных или самодельных изделий, содержащих взрывчатое вещество;
- факт приобретения взрывчатых веществ и взрывных устройств, наличие специальных знаний по изготовлению.

Если предположить, что, взрыв произошел в местности, где людей не было и риск для их жизни или здоровья отсутствовал, то такие действия могут быть квалифицированы по ч. 3 ст. 213 УК РФ.

При этом имитационно-пиротехнические и осветительные средства не относятся к взрывчатым веществам и взрывным устройствам [5].

Кроме этого, по делам о хулиганстве подлежат установлению:

- характер и размер вреда, причиненного преступлением (наличие телесных повреждений и степень вреда здоровью; размер имуще-

ственного вреда как пострадавшему, так и собственнику имущества);

- обстоятельство, исключающие преступность и наказуемость деяния (ст. ст. 21, 39, ч. 2 ст. 40, 81 УК РФ), а также те, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания за хулиганство (ч. 1 ст. 75, 76, 78, 82 УК РФ);
- обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание за хулиганство (ст. 61, 63 УК РФ);
- обстоятельства, способствующие совершению хулиганства.

В заключение необходимо отметить, что ядро указанных обстоятельств составляют элементы состава преступления, закрепленные ст. 213 УК РФ, которые подлежат установлению в первую очередь для признания деяния преступлением, его расследования и формирования обвинительного заключения (или принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела, его прекращении). Во вторую очередь устанавливаются обстоятельства, оказывающие влияние на наказание (его вид, размер, степень тяжести) или принятие решения об освобождении от уголовной ответственности. Указанные обстоятельства определяют алгоритм действий не только органов предварительного расследования, но и суда в процессе анализа материалов поступившего дела до постановления обвинительного или оправдательного приговора. В случае, если суд не принимает позицию следователя по вопросу признания лица виновным в совершении преступления и квалификации его деяний, то можно сделать вывод, что органы предварительного расследования уклонились от детального сбора и изучения обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – 24.12. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – 17.06. – № 25. – Ст. 2954.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Российская газета. – 2001. – 31.12. – № 256.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2007 N 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» // Российская газета. – 2007. – 21.11. – № 260.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.03.2002 N 5 (ред. от 11.06.2019) «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» // Российская газета. – 2002. – 19.03. – N 48.
6. Апелляционное определение Верховного суда Республики Калмыкия от 07.10.2022 по делу N 22–495/2022 // СПС КонсультантПлюс. 2024.
7. Апелляционное постановление Московского городского суда от 19.07.2022 по делу N 10–14994/2022 // СПС КонсультантПлюс. 2024.
8. Апелляционное определение Самарского областного суда от 10.08.2021 N 22–4634/2021 СПС КонсультантПлюс. 2024.
9. Апелляционное постановление Московского городского суда от 29.06.2021 по делу N 10–11038/2021 СПС КонсультантПлюс. 2024.
10. Архив Кировского районного суда г. Омска. Дело № 1–531/2020.
11. Архив Хамовнического районного суда г. Москвы. Дело № 1–170/12.
12. Белкин А.Р. Доказательство и доказывание в уголовном процессе // Курс уголовного судопроизводства: Учебник: В 3 т. / Под ред. В.А. Михайлова. Т. 1; Министерство внутренних дел РФ. Российская академия образования. Московский психолого-социальный институт: Учеб. изд. М.: Воронеж: Изд-во психолого-социального института; НПО «МОДЭК», 2006. – 789с.
13. Винокуров, В.Н. К вопросу о конкретизации пределов действия нормы, предусмотренной статьей 213 УК РФ / В.Н. Винокуров, М.В. Грамматчиков // Современное право. – 2021. – № 1. – С. 66–71.
14. Игнатов А.Н. Хулиганство и преступления против личности // Советская юстиция. 1973. – № 6. – С. 5–7.
15. Комиссаров В.И., Холопов П.А. Обстоятельства, подлежащие установлению и доказыванию, при злоупотреблении должностными полномочиями, совершаемом должностными лицами пограничных органов // Российский следователь. – 2014. – N 9. – С. 10–13.
16. Кузнецов А.П. Общественный порядок как социально-правовая категория: теоретическое исследование // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2022. – № 2. – С. 4–11.
17. Овчаренко Е.И. Доказывание по уголовным делам о хулиганстве. М.: Юрлитинформ, 2006. – 458с.
18. Рыжаков А.П. Комментарий к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 года N 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» // Подготовлен для системы КонсультантПлюс. 2024.

CIRCUMSTANCES TO BE ESTABLISHED IN CASES OF HOOLIGANISM

Emelyantseva K.O.

Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article is devoted to the characteristics of the circumstances to be proved in cases of hooliganism. The author identifies the legal

significance of careful detailing of the committed crime at the stage of its preliminary investigation. The analysis of these circumstances is presented by examining the elements of the corpus delicti provided for in Article 213 of the Criminal Code of the Russian Federation, and other factors influencing both the decision to initiate criminal proceedings, the indictment, and the imposition of punishment for the commission of this crime. It is noted that in the process of forming the evidence base and the contents of the indictment, attention should be paid to the legal positions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, which define the requirements for the qualification of acts as hooliganism. It is concluded that it is also necessary to establish circumstances excluding criminality and punishability of the act, mitigating and aggravating punishment, as well as circumstances that may entail exemption from criminal liability and punishment. It is proved that the qualification of the act, the individualization of each specific case and punishment is carried out taking into account the signs of a crime provided for in Article 213 of the Criminal Code of the Russian Federation and the circumstances enshrined in Article 73 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. On the basis of the subject of proof, explanations of the highest judicial authorities of Russia and individual legal acts, the range of circumstances to be established in cases of hooliganism is determined.

Keywords: hooliganism; circumstances to be established; circumstances to be proved; investigation; disclosure.

References

1. Criminal Procedure Code of the Russian Federation dated December 18, 2001 N 174-FZ (as amended on December 25, 2023) // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2001. – 24.12. – No. 52 (Part I), – St. 4921.
2. Criminal Code of the Russian Federation dated June 13, 1996 N 63-FZ (as amended on December 25, 2023) // Collection of legislation of the Russian Federation. – 1996. – 17.06. – No. 25. – Art. 2954.
3. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses dated December 30, 2001 N 195-FZ (as amended on December 25, 2023) // Rossiyskaya Gazeta. – 2001. – 31.12. – No. 256.
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 15, 2007 N 45 “On judicial practice in criminal cases of hooliganism and other crimes committed out of hooligan motives” // Rossiyskaya Gazeta. – 2007. – 21.11. – No. 260.
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 12, 2002 N 5 (as amended on June 11, 2019) “On judicial practice in cases of theft, extortion and illegal trafficking of weapons, ammunition, explosives and explosive devices” // Russian newspaper. – 2002. – 19.03. – N 48.
6. Appeal ruling of the Supreme Court of the Republic of Kalmykia dated 10/07/2022 in case No. 22–495/2022 // SPS Consultant-Plus. 2024.
7. Appeal ruling of the Moscow City Court dated July 19, 2022 in case No. 10–14994/2022 // SPS ConsultantPlus. 2024.
8. Appeal ruling of the Samara Regional Court dated August 10, 2021 N 22–4634/2021 SPS ConsultantPlus. 2024.
9. Appeal ruling of the Moscow City Court dated June 29, 2021 in case No. 10–11038/2021 SPS ConsultantPlus. 2024.
10. Archive of the Kirov District Court of Omsk. Case No. 1–531/2020.
11. Archive of the Khamovnichesky District Court of Moscow. Case No. 1–170/12.
12. Belkin A.R. Evidence and proof in criminal proceedings // Course in criminal proceedings: Textbook: In 3 volumes / Ed. V.A. Mikhailova. T. 1; Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Russian Academy of Education. Moscow Psychological and Social Institute: Textbook. ed. M.: Voronezh: Publishing House of the Psychological and Social Institute; NPO “MODEK”, 2006. – 789 p.
13. Vinokurov, V.N. On the issue of specifying the limits of the norm provided for in Article 213 of the Criminal Code of the Russian Federation / V.N. Vinokurov, M.V. Grammatchikov // Modern law. – 2021. – No. 1. – P. 66–71.
14. Ignatov A.N. Hooliganism and crimes against the person // Soviet justice. 1973. – No. 6. – P. 5–7.
15. Komissarov V.I., Kholopov P.A. Circumstances to be established and proven in case of abuse of official powers committed by officials of border authorities // Russian investigator. – 2014. – N 9. – P. 10–13.
16. Kuznetsov A.P. Public order as a social and legal category: theoretical research // Bulletin of the Belgorod Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin. – 2022. – No. 2. – P. 4–11.
17. Ovcharenko E.I. Evidence in criminal cases of hooliganism. M.: Yurlitinform, 2006. – 458 p.
18. Ryzhakov A.P. Commentary on the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 15, 2007 N 45 “On judicial practice in criminal cases of hooliganism and other crimes committed out of hooligan motives” // Prepared for the ConsultantPlus system. 2024.

Зацепин Михаил Николаевич,

доктор юридических наук, профессор, аналитик управления научных исследований и международного сотрудничества УрГЮУ
E-mail: mnz-1958@mail.ru

Зацепин Александр Михайлович,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права УрГЮУ, профессор кафедры предпринимательского права УрГЭУ, член Российской криминологической ассоциации, старший прокурор отдела по надзору за оперативно-розыскной деятельностью прокуратуры Свердловской области
E-mail: tp0507@ya.ru

Камнева Кристина Константиновна,

студент, кафедра гражданского права, Российский государственный университет правосудия (ФГБОУВО «РГУП»)
E-mail: k.kamneva@mail.ru

Слово «corruption» латинского происхождения и означает подкуп, а словарь Ожегова – «Подкуп взятками, продажность должностных лиц, политических деятелей». Она бывает «обычная», когда чиновник берет взятки и на высшем уровне, когда вознаграждение получают за распределение заказов или лоббирование «выгодных» законов. Иногда она строится по вертикали или горизонтали, когда делятся полученным, а также подкупом тех, кто осуществляет правоохранительные и судебные функции. Взятки дают не только деньгами, но и товарно-материальными ценностями, секс-услугами и т.п. Коррупция на сегодняшний день пока неистребима, как болезнь, различие только в ее размерах и значительности проникновения в государственные, экономические, политические и социальные институты, она приобрела масштабы угрожающие безопасности государства. Механизм действия коррупции происходит при взаимной выгоде сторон, нуждаясь в друг друга, взяткодатель и взяткополучатель понимают друг друга и создают своеобразную защитную сферу, за которую выходить будет опасно и невыгодно не только материально, но и морально.

Ключевые слова: коррупция, безопасность государства, законодательство, криминология, закон.

У коррупции, как любого сложного социально-го явления, нет пока единственного канонического определения. Есть лишь множество различных дефиниций, но полной ясности и правовой точности до сих пор нет. Понятие коррупции. Сформулированное 34-й сессией Генеральной Ассамблеи ООН 17 декабря 1979 г., определяет это явление как выполнение должностным лицом каких-либо действий или бездействие в сфере его должностных полномочий за вознаграждение в любой форме в интересах дающего такое вознаграждение, как с нарушением должностных инструкций, так и без их нарушения¹

Начнем рассматривать концепцию причин коррупции и как идет борьба с коррупцией. Многие отвечают однозначно: необходимы «правильные» законы, другие добавляют, что они должны быть строгими, третьи что они должны обязательно исполняться, а если кто не исполняет, должен быть применен более суровый закон и так далее. В некотором смысле это тупик, а где выход и как достичь того, когда гражданин (чиновник, должностное лицо) будет понимать, что нарушение закона создаст для него большие проблемы в социуме. Разоблачение злоупотреблений и коррупции в высших эшелонах власти, ставшие в последнее время оружием политической борьбы, привели к последствиям, заставляющих задуматься об изначальном условии эффективности закона, его доступности пониманию тех, кто призван его соблюдать и применять, четкости, однозначности, логически последовательному, но увы закон «О борьбе с коррупцией» не таков. Закон создает лишь угрозу наказания, чем пытаются воспрепятствовать не брать взятки, что могут посадить в тюрьму. Решить все проблемы только ужесточением закона нельзя, потому как есть верхний порог восприимчивости наказания, а вносить необходимые изменения только в уголовный закон, полагая в этом случае что уменьшается опасность существования «лазеек» в законодательстве, бессмысленно, т.к. все случаи коррупции в законе не предусмотреть.

Совершенствование законодательства, имеющее антикоррупционную направленность, его нормативное толкование не имеет достаточной ясности и правовой точности из-за собирательной, социальной категории, чем правовой. В этой связи смысл понятия коррупция приводит к расширению или сужению сферы его применения правоприменительными органами.

В настоящий момент перед криминологами стоит на первый взгляд простая задача – осмыслить

¹ Основы борьбы с организованной преступностью. Монография/Под ред. В.С. Овчинского, В.Е. Эминова, Н.П. Яблокова. М.: Инфра-М, 1996. С. 14.

те достижения, которых добилась наука в изучении корыстной преступности и разработке мер ее предупреждения, проанализировать недостатки в исследованиях и результаты внедрения достижений науки для правоохранительных и судебных органов. Исследовать административно-правовые средства предупреждения и профилактики, т.к. коррупция меняет содержание государственных отношений физических и юридических лиц и негативно отражается на общественных отношениях. Изучая все стороны коррупции, ее взаимосвязь с другими преступными явлениями, где диалектическая зависимость между единичным актом правонарушения и преступностью как сложным социальным явлением личности совершившей. Из-за коррупции организованная преступность распространилась практически во всех сферах экономической деятельности и стала одной из главных препятствий в борьбе с ней. Требуются методики различных криминологических исследований (по видам исходя из типологии, совершивших правонарушения) во взаимодействии с другими науками, т.к. многие криминологические проблемы содержатся в экономических, социально-культурных отношениях, а выводы других наук базируются на криминологической основе предупреждения коррупционных проявлений и конкретных предложений их профилактики. Коррупция, являясь социальным явлением из-за теневой стороны и недоработки государственных институтов и специфической психологии недостаточно используют антикоррупционные меры административно-правового характера¹.

Методологическую основу изучения коррупции составят теория безопасности как часть уголовной политики. Связь уголовной политики с наукой о коррупции проявляется при рассмотрении социальной природы коррупции, которая выступает субъектом этой политики. Общей природой, связывающей и объединяющей науку о коррупции и уголовную политику, является понятие опасности и предвидении возникновения криминальной опасности для государства и довольно распространенное мнение о коррумпированности сотрудников правоохранительных органов, и их связях с преступным миром и других нарушениях их деятельности, миф о их беспомощности и невозможности восстановления доверия к системе уголовной юстиции. Исследования криминологов показывают, что общественное мнение может стимулировать как правомерное, так и противоправное поведение, с учетом существующей морали и нравственности в нашем обществе, необходимы исследования общественного мнения среди других причин как преступности в целом, так и определенных групп, как коррупции. К сожалению, правоохранительные органы имеют «возможность» готовить законопроекты «под себя» и принимают на законодательном уровне, при «убедительном» аргументе защиты социума от противоправных действий и в значительной степени, как облегчить себе жизнь. Идея кара-

¹ Подкупающая откровенность // Российская газета 6 июня пятница № 122 (4679) с. 9.

тельной функции уголовной юстиции возник в эпоху инквизиции и оказался живучим под предлогом усиления контроля над преступностью.

В борьбе с коррупцией криминология стала необходима практике, без криминологического анализа действительности правоохранительным и судебным органам теперь уже не обойтись из-за несовершенства экстенсивно формирующейся экономики из-за большого количества различных проблем, недостаточно синхронизированных друг с другом, в результате и проявилось отставание от требований практики из-за отсутствия криминологических исследований преступности и ее причин в последние годы. За криминологические обобщения выдается анализ статистических данных, по которым делается вывод о содержании коррупционного явления, что не является ошибкой, т.к. он необходим, но не отражает суть и содержание явления. Криминологи изучают преступность не только как статистическую категорию, но и как категорию социологическую со своими закономерностями и невидимым внутренним содержанием².

Коррупция за последнее десятилетие стала одним из наиболее негативных дестабилизирующих факторов в государстве, социальным несчастьем и превратилась в серьезную проблему требующая объединении усилий в борьбе с этим явлением. Причиняя серьезный ущерб государству, социальным институтам, коррупция приобрела политическое влияние, занимает определенный уровень в разных сферах жизни общества, включая и международные связи. Связи между коррупцией и другими формами преступности – организованной, экономической, включая отмывание денежных средств связанных с большими объемами активов, составляющие значительную долю ресурсов государства, и ставящие под угрозу политическую стабильность и устойчивое развитие государства. В методологических целях вначале сделаем несколько примечаний относительно концепции причин коррупции, для того, что в криминологии нет единой точки зрения по этому вопросу., нет и общего мнения относительно возможности выработать такую точку зрения. Определения коррупции сходятся в том, что это нелегальная систему социальных отношений, в основе которых лежит экономическая составляющая, осуществляемая в рыночной экономике, а социальная опасность коррупции связана с возникновением латентных и нелегальных механизмов власти, следствием чего является рост теневой экономики, создание условий для полуправового бизнеса, что приводит к возрастанию масштабов подкупа чиновников, создаются благоприятные условия безнаказанности за экономические преступления и финансовые махинации. Чувствуется потребность в конструктивных предложениях по комплексу мер социального и законодательного характера. Дискуссии по проблеме борьбы с коррупцией и процесс разработки соответствующих мер свидетельствуют

² Генпрокуратура назвала число уволенных из-за коррупции чиновников. 20.08.2021 г. // <https://pravo.ru/news/234093/>.

об опасности облегченного подхода, создавая впечатление, что проблема решается созданием новых, организационных форм и преимущественно за счет мер уголовно-правового характера. Осознание коррупции как явления, имеющего политическую, экономическую, этическую, управленческую и правовую регламентацию во взаимоотношениях чиновничьего аппарата с бизнесом, проявляющихся в связях кланового характера и распространенных сегодня иллюзий о существовании дефицита уголовно-правовых средств борьбы с ней.

Тревожные тенденции характеризуют и изменения в криминальной коррупции, касающиеся предмета и способа коррупции, деятельного раскаяния, как основания освобождения от уголовной ответственности. Коррупция оказывает существенное влияние на структуру и динамику большому количеству конкретных проявлений организованной преступной деятельности.

Рассматривая природу и учет коррупции нельзя относиться как к формальной процедуре. Расследуются лишь зарегистрированные события, от полноты и учета зависит реальность и всех последующих стадий уголовного процесса, где экономические преступления отличаются неполнотой и фрагментарностью регистрации. Для экономической преступности характерен высокий статус субъекта совершения и интеллектуальные способы действий, значительный материальный и моральный ущерб ими причиняемый, латентность экономических посягательств и безразличное отношение властей к этой группе коррупционеров, имеющих не только скрытый, но и согласительный характер преступления. Коррупция динамично видоизменяется и совершенствуется, а латентность ее отличительная особенность, поэтому нет полных данных или репрезентативных о всем массиве преступлений, еще меньше виновных лиц, предстающих перед уголовным законом, в основном это лица не высокого должностного положения, которым назначается реальное уголовное наказание. В настоящее время мы имеем противоречивую ситуацию – о коррупции государственных должностных лиц говорится и осуждается в средствах массовой информации безусловно, как негативное явление, подлежащее тотальному искоренению, однако в основе своей они являются точечными в отношении элитарных и не самых главных коррупционеров инспирируются политической борьбой или оказались для властей «отработанным материалом»¹.

Социальные истоки коррупции в России тесно связаны с традициями в период становления государственной власти, т.к. ее представители материально обеспечивались гражданами по установленным ими нормам, при том, что каких-либо санкций за несоблюдение их не предусматривалось. Возникшие конфликты между гражданами и властью рассматривались старейшинами, получавшими

¹ Рейтинг коррупции. Где собрались главные казнокрады и мздоимцы Екатеринбурга, Свердловской области, УрФУ. // 14.10.2011. <https://www.ura.ru/print/articles/1036257178.html>.

от них же вознаграждения, а контроль возлагался на главу государства и просуществовало это до 1556 года, когда система содержания аппарата управления за счет натуральных денежных сборов была отменена и заменена земским управлением оплаты труда. Не углубляясь в исторический экскурс, остановимся на известной криминологам аксиоме, что коррупция неотъемлемый элемент государства любой конституционной формы имеющее присущую только ему специфические проявления и оценку явления, а также характер правового реагирования на него.

Мнения, что коррупция социальное явление неточно, т.к. правовой оценке поддаются только конкретные деяния, вследствие чего в практическом плане говорят о взяточничестве, но и этим трудно согласиться, т.е. коррупция все-таки социальное явление, как и общество, и преступность, и теневая экономика, что существует в обществе. Появляется задача определить специфические признаки и конкретизированные формы, в которых данное явление себя проявляет в условиях места и времени. В настоящее время коррупция как мздоимство проявляет себя во всех сферах государственной службы, в связи с чем присутствуют проблемы вычленения и выявления коррупции и адекватно реагировать на них. В уголовных делах, связанных с коррупцией, значительную роль играют результаты оперативно-розыскной деятельности, хотя порядок представления и процессуального оформления результатов оперативно-розыскной деятельности ничем не отличается от процессуального порядка принятия и оформления доказательств, представленных обвиняемым или потерпевшим. Взятничество одно из наиболее распространенных видов коррупции, и оно растет, а борьба с ним ограничивается, даже без криминологических и социологических исследований очевидно, что в общественном сознании бытует убеждение от невозможности решить значащий вопрос без взяток и поборов, что коррупция и взяточничество продолжают расти и вызывают общественное недовольство. Произошли количественные и качественные изменения взяточничества, а также приобретает все более организованный и постоянный характер и уже не ограничиваются получением разовых взяток, а требуют постоянную «дань», или процент с оборота, а также входят в состав учредителей и редко действуют в одиночку. Человеку далекому от права вопрос не принципиальный как отличить законные действия взяточника от незаконных, с точки зрения УК РФ, разница существенная и дело даже не в том, что закон разделяет «честного» взяточника от «нечестного», а в том, что давать взятки гораздо опаснее, чем брать. Судебная статистика подтверждает удивительную закономерность, «дающие» имеют численное преимущество перед берущими по количеству вынесенных судебных решений. Сегодня у родственников и друзей осужденных коррупционеров нельзя спросить, на какие деньги куплены товарно-материальные ценности, а государственные персоны практически

недоступны правосудию, т.к. если и возбуждаются уголовные дела в отношении них, но, как правило, до суда они не доходят¹.

Определяя субъект преступлений против государственных и общественных интересов, законодатель установил (ст. 285 УК РФ), что должностные функции лицо выполняет в государственных органах, а в соответствии ст. 201 УК РФ субъектом преступления является лицо выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции, в коммерческой организации независимо от формы собственности, также и в некоммерческой организации, т.е. где выполняет лицо управленческие функции является обязательным специальным признаком субъекта, критерием разграничения составов должностных и служебных преступлений. В данной регламентации законодатель понятно распределил организации (юридические лица) по дифференциации организационно-правовой формы. Но наиболее существенными и весомыми представляются проблемы уголовной установления круга и места этих преступлений и определения соотношения их по степени общественной опасности, где нет смысла доказывать, что взяточничество это не природный, а социальный объект. Взятничество одно из древнейших известных преступлений, являющимся наиболее опасным должностным преступлением, которое подрывает доверие граждан к государственной власти, свидетельствует о дестабилизации общественного развития, к потере контроля за органами исполнительной власти.

Взгляд на проблему взяточничества весьма противоречив, т.к. в сфере борьбы имеется ряд уголовно-политических проблем, которые относят к разряду основополагающих уголовно-правовых и криминологических связанных с совершенствованием законодательства и практики его применения. Как показывает исследование меняются формы и характер криминальности власти, а уровень взяточничества в системе государственной службы не уменьшается, а возрастает. В настоящее время общая концепция борьбы с этим злом недостаточно сформировалась и содержит лишь ее отдельные элементы, которые фрагментарны, противоречивы и не подкреплены экономически. Коррупционированность государственного аппарата приводит к потере управляемости и надежности государственного управления и перестать бороться с коррупцией как злом, то теряет уважение граждан и нет примера в мировой практике, где бы коррупция была легализована. Если немного разобратся, что стоит за обыденным явлением повседневной жизни необходимостью борьбы и разоблачениями СМИ со взяточничеством, то беспрецедентные масштабы достигли критического уровня, за которым колоссальный ущерб обществу и государству, что негативно влияет на нравственно-психологический климат в обществе. Коррупцию необходимо рассматривать не только как правовое

явление, но и политическое, социальное, моральное, а борьба с ней не показательный процесс над чиновниками, а стать предметом государственной уголовной политики. Заявления о необходимости борьбы со взяточничеством остаются лишь политическими лозунгами и осознанной необходимостью, т.к. криминологическая обстановка экономических отношений предопределяет криминальность должностных лиц, что оказывает существенное детерминирующее воздействие на борьбу с коррупцией.

Базовый федеральный закон о противодействии коррупции включает в себя большое количество декларируемых и бланкетных положений, в связи с этим принимаются дополнительные законы и нормативно-правовые акты с узким предметом регулирования, что приводит к многочисленным коллизиям, пробелам и дублированию. Необходимо отметить, что достаточно большое количество принятых норм вызывают вопросы у криминологов и правоприменителей, но более важным остается вопрос не принятия в количественном плане «новых» законов, а кодификация и систематизация уже существующего законодательства, его криминологический анализ и последующее корректирование, т.к. существующая во многом тотальная регламентация не способствует победить коррупцию, а иногда и вредит. Отсутствующий комплексный контроль за служебной деятельностью чиновничьего аппарата, несовершенство действующего законодательства от действий, стимулирующих взяточничество и узаконенную коррупцию.

Обращает на себя внимание тенденция учтенной и фактической коррупции, где динамика не вполне благоприятна для декларируемого правового порядка, т.к. не отражает реальные тенденции коррупции, а фактически ослабляется борьба с ней. Регистрируемая преступность за последние годы, не учитывая латентную, увеличивается, а лиц, дела на которых подлежали направлению в суд уменьшается. Криминологическая действительность в сфере экономических отношений, обуславливает криминальность должностных лиц, что оказывает детерминирующее влияние на рост преступности².

Социальные причины развития коррупции в России и проблема коррупции в этом смысловом понимании в юридической науке появилась не так давно, в сущности же она не является таковой. Взятничество хорошо известно давно, где в основе лежат извечные мотивы корысти и жадности власти, ранее это не особо замечалось, в настоящее время не замечать уже невозможно. Коррупция высвечивается и в организованной преступности, терроризме, торговле людьми, преступлениях, связанных с наркотиками, влияет на факторы развития социально-политического и экономического развития, различных общественных процессов в обществе, что в конечном итоге приводит к негативным последствиям. Не случайно коррупция является

¹ Российская газета 25 мая 2012 пятница № 118 (5791) С. 2. www.rg.ru.

² МВД назвало самые коррупционные сферы деятельности в России. 09.12.2021 г. // <https://pravo.ru/news/237413/>.

реальностью современного этапа развития нашего общества и во многом связана с изменением масштабов торговли, перевозок, финансовых операций, информационных технологий, появление транснациональных экономических сделок. Разработка и принятие антикоррупционного законодательства наряду с другими проблемами привела к «опаздыванию» уголовного законодательства от реальной жизни, его реакционностью, желанием все решить мерами уголовной репрессии. Анализ борьбы с коррупцией показывает на существующий разрыв между декларируемыми принципами равенства всех граждан перед законом и реальной практикой привлечения к уголовной ответственности, на заметное смещение ответственности власти и должностных лиц, к совершаемым управляемым ей гражданам, где величина деформации свидетельствует о двойных стандартах и лицемерии. Декларативны нормы и в вопросе об ответственности посредника, когда он значительную часть передаваемой в виде взятки суммы оставляет у себя, хотя корыстные действия по закону являются отягчающими ответственность обстоятельствами, на практике они не всегда ведут к наказанию из-за трудного раскрываемого преступления, ибо при его совершении действуют два заинтересованных лица – взяткодатель и получатель, как правило при посреднике. В настоящее время действующее законодательство освобождает от ответственности взяткодателя, если он заявил о даче взятки, круг лиц необходимо расширить и на посредника, т.к. он менее заинтересован в преступлении. Если при заявлении о взяточничестве и при отсутствии корыстной заинтересованности его было бы разумно также освобождать от уголовной ответственности, что значительно способствовало бы раскрытию преступления. Такое предложение существовало и ранее в действовавших уголовных кодексах и себя оправдывало¹.

Коррупцированные государственные служащие, бизнесмены и лидеры организованной преступности редко становятся объектами преследования, когда это бывает, то ему придается общественная огласка для подтверждения борьбы с преступностью, хотя на практике обладающие капиталом имеют «иммунитет», т.к. обладают связями в политических кругах чтобы законно обойти закон, им принадлежат СМИ, которые сформируют соответствующее общественное мнение оказывающее воздействие на социальные институты. Основные направления социальной политики в борьбе с коррупцией и круг актуальных криминологических исследований коррупции необходимо рассматривать с общеметодологических вопросов криминологии – понятие, содержание, предмет и объект, причины и механизм преступного поведения, а также их соотношение с другими научными исследованиями для разработки системы мер борьбы с этим явлением. Полученные репрезентативные по объему и содержанию материалы при-

знаков и показателей для выявления причин и условий, а также природы состояния и динамики этого социального явления, определяемым уголовно-правовым понятием коррупционная преступность. Анализ полученных данных по уголовно-правовым и криминологическим характеристикам показывает – преступность коррупционная существует при доминирующей мотивации неуклонного роста и превышают темпы роста рождаемости, а в ее структуре преобладают корыстные посягательства с насильственными, в то время когда уголовно-правовая борьба переживает депрессию при идущих процессах унификации деяний, организованности, защищенности коррупционных проявлений, и мгновенного быстрого заполнения слабо контролируемых экономических сфер и создает благоприятные условия для преступности.

Общепринятые теоретические положения уголовного права определяют квалификацию ответственности за действия организаторов, подстрекателей и пособников на исполнителя. Необходимо повышать и далее качество всего законодательства, касающегося формулирования экономических преступлений, а не только уголовного, включающий законодательную технику, согласование с законодательными актами других отраслей права. Мировой опыт свидетельствует о том, что простых и универсальных рецептов избавления от коррупции не существует, необходимы криминологические исследования, на их основе разработка и реализация целой системы мер.

В борьбе с коррупционной преступностью очень важно определиться с понятием коррупция и юридически значимыми ее проявлениями, обеспечить системный подход к борьбе с коррупционными преступлениями, как элементом социальной системы общества. В механизме предупреждения коррупции особое внимание необходимо уделить комплексу правовых, социальных и организационных мер, обладающих собственной спецификой применения. Учитывать, взаимоотношения власти и сообщества в современное время, когда готовность российских чиновников продаваться за деньги, коррумпироваться – историческое наследие принципа дани и представляет собой корпорацию с обособленными от общества значимыми интересами. Возможно ли эффективно бороться с коррупцией? Учитывая мировой опыт, который показывает, что можно, когда общество может контролировать должностных лиц, потому как граждане творцы, участники и приспособленцы общества, в котором смошенничать, сплутовать и обмануть государство считается обычным делом. Задачами и целями, представляется необходимы уточнения и повышения уровня информированности социума об опасности и масштабах коррупции, а также о необходимости реагирования со стороны государства и общественных институтов, способствуя совершенствованию правовой основы на повышение эффективности противодействия на научной, организационной и материально-технической базе. При анализе согласованных решений позволит

¹ ВС одобрил уголовку для судьи за мошенничество и получение взятки. 16.09.2022 г. // <https://pravo.ru/story/242780/>.

определить принципы. Цели, задачи и этапы реализации, а также свести к общественно неопасному уровню лишь при условии проведения значительных социальных, экономических и политических реформ, имеющих своей целью фундаментальное переустройство всей социальной структуры. В то же время правовая непоследовательность действий способных привести к искоренению социальных предпосылок коррупции в первую очередь необходимо признать, что как отечественный, так и мировой опыт борьбы с коррупцией продемонстрировал невозможность справиться с этой проблемой силами исключительно самого государства. Государственный аппарат, усилиями которого проводится социальная и экономическая политика, в том числе и антикоррупционная, не способна самостоятельно ликвидировать коррупцию в своих рядах, а применение самых жестких мер, вплоть до массового террора, приводит в лучшем случае лишь к краткосрочным успехам. Поэтому для уничтожения коррупции как массовой, типичной практики необходимо развитие институтов гражданского общества и совершенствование демократического механизма управления государством. Результатом этого должна стать такая ситуация, при которой государство в лице избранных народом политиков принимает ответственные и необходимые обществу законы. Структуры гражданского общества, представляющие интересы всех основных групп населения и достаточно сильные для того, чтобы находиться с государством в отношениях равноправного партнерства, добиваются соблюдения установленных правил игры всеми сторонами, в том числе и представителями административно-командной системы.

Не случайно подавляющее большинство стран, признанных международными экспертами в качестве наименее подверженных коррупции, характеризуются социально открытой и демократической системой и наибольшей степенью контроля общественности за деятельностью государства. В Российской Федерации в результате проводимых в последние годы преобразований был пройден значительный путь в сторону демократизации общества, но достигнутых при этом результатов явно недостаточно для победы над коррупционной системой¹.

Очень важно, что для борьбы с коррупцией необходима профилактика, как специфический вид социальной деятельности требующая усилий государственных и общественных институтов, материальных затрат и источников обеспечения. Затратность предупредительной работы побеждает значимую потребность практики в ее осуществлении, а эффективность обуславливает необходимость научного осмысления и объяснения объекта и предмета профилактики. Исходя из этого полярность интересов участников конфликтов разное, как и отношение к ценностям, нормам в общественной жизни, значение коррупции для государ-

ственной безопасности. При отсутствии заинтересованности высших должностных лиц государства в укреплении законности, при условии существования потенциально коррупционных правил функционирования государственной администрации рост коррупции возможен и в «демократических» обществах с развитой рыночной экономикой. Эффективно противодействовать этой тенденции возможно, т.к. в государствах политическая и правящая элита, государственные должностные лица имеют «допуск» ко всем формам преступного поведения предполагающая функциональную противоправность, аморальность и криминальность и сегодня есть все основания полагать, что она имеется в нашем обществе. Важным моментом является сам факт признания на максимально высоком, общегосударственном уровне наличия в стране серьезной проблемы коррупции и постановки ясной и недвусмысленной задачи разработки антикоррупционной стратегии. *Благодаря чему этот вопрос должен быть выдвинут в разряд одного из приоритетных для государства и общества. Цель создания Совета будет свидетельствовать о понимании, как необходимости, так и цены данного вопроса².*

К учету преступлений в целом и коррупции в частности, относятся как к технической процедуре, т.к. расследование осуществляется только по зарегистрированным событиям. Коррупция характеризуется фактической регистрацией преступлений, без особенностей, которые ей характерны – общественное положение лиц совершивших, интеллектуальные особенности их действий, немалый материальный и моральный ущерб ими причиняемый, а также внушительная латентность и либеральное отношение к преступникам, следовательно принимаемые государством меры по борьбе с коррупцией могут быть эффективными только когда основаны на научном понимании причин этого социального явления. Стратегия борьбы с коррупцией может быть разработана только с опорой на ее всестороннее изучение, тщательный анализ ее причин и подбор вариантов мер по ее предупреждению, а также на обобщение и систематизацию уже имеющегося антикоррупционного опыта, на конкретные криминогенные и анти криминогенные факторы направленные на их устранение, нейтрализацию включая регулирующие нормы права предусматривающие конкретные мероприятия, формы и методы, систему субъектов профилактики. Эти задачи целесообразно было бы возложить на специальное научное учреждение, создание которого могло бы стать одной из основных организационно-управленческих мер по предупреждению и содействию искоренению этого зла. Другой важнейшей функцией такого научного института могло бы быть исследование социальных явлений и ценностей, отражающих общественные отношения, раскрывая содержание через охранную функцию уголовного закона. Си-

¹ СКР арестовал имущество коррупционеров на 13 млрд рублей за полгода. 08.06.2021 г. // <https://pravo.ru/news/232348/>.

² Путин утвердил национальный план противодействия коррупции. 17.08.2021 г. <https://pravo.ru/news/233986/>.

стема формы общественных отношений, находящаяся под уголовно-правовой охраной и способна оказывать обратное действие на общественные процессы борьбы с коррупцией. которую следует распространять полученные в ходе научных исследований знания непосредственно занятым принятием решений о повышении эффективности государственного управления. Руководящий состав государственного аппарата, представители законодательных органов либо сотрудники правоохранительных органов должны быть включены в сам профилактический процесс для локализации совокупности криминогенных факторов, от которых можно ожидать совершения преступления, применительно к нашему предложению это могло бы найти первоначально свое выражение в разработке уже в рамках криминологического курса по превенции коррупции и борьбе с ней¹.

Рассмотренные нами положения, касающиеся профилактик коррупции, равно как и предлагаемые пути их решения, не исчерпывают всех задач, которые появляются в процессе совершенствования законодательства и конечно не претендуют на бесспорность, но то, что законодательство о коррупции должно быть более динамичным и последовательным очевидно. Требуются криминологические исследования в заданном направлении для решения существующей правовой «неопределенности» и непоследовательности, необходим объективный учет и кодификация всех обстоятельств антикоррупционного законодательства, этических кодексов и регламентов, регулирующих деятельность административного аппарата и распределение обязанностей по предупреждению коррупции между правоохранительными структурами и организациями гражданского общества, обобщение зарубежного опыта и возможностей его использования в России.

Литература

1. ВС одобрил уголовку для судьи за мошенничество и получение взятки. 16.09.2022 г. // <https://pravo.ru/story/242780/>.
2. Генпрокуратура выступила за ужесточение наказания мелких взяточников. 09.12.2021 г. // <https://pravo.ru/news/237404/>.
3. Генпрокуратура назвала число уволенных из-за коррупции чиновников. 20.08.2021 г. // <https://pravo.ru/news/234093/>.
4. МВД назвало самые коррупционные сферы деятельности в России. 09.12.2021 г. // <https://pravo.ru/news/237413/>.
5. Основы борьбы с организованной преступностью. Монография/Под ред. В.С. Овчинского, В.Е. Эминова, Н.П. Яблокова. М.: Инфра-М, 1996. С. 14.
6. Подкупающая откровенность // Российская газета 6 июня пятница № 122 (4679) с. 9.

¹ Генпрокуратура выступила за ужесточение наказания мелких взяточников. 09.12.2021 г. // <https://pravo.ru/news/237404/>.

7. Путин утвердил национальный план противодействия коррупции. 17.08.2021 г. <https://pravo.ru/news/233986/>.
8. Рейтинг коррупции. Где собрались главные казнокрады и мздоимцы Екатеринбурга, Свердловской области, УрФ О. // 14.10.2011. <https://www.ura.ru/print/articles/1036257178.html>.
9. Российская газета 25 мая 2012 пятница № 118 (5791) С. 2. www.rg.ru.
10. СКР арестовал имущество коррупционеров на 13 млрд рублей за полгода. 08.06.2021 г. // <https://pravo.ru/news/232348/>.

CORRUPTION IN THE RUSSIAN FEDERATION: CRIMINOLOGICAL ANALYSIS

Zatsepin M.N., Zatsepin A.M., Kamneva K.K.
USUE, Russian State University of Justice

The word "corruption" is of Latin origin and means bribery, and Ozhegov's dictionary means "Bribery, corruption of officials, political figures." It can be "ordinary" when an official takes bribes at the highest level, when they are rewarded for distributing orders or lobbying for "profitable" contracts. Sometimes it is built vertically or horizontally, when the received is shared, as well as by bribing those who carry out law enforcement and judicial functions. Bribes are given not only in money, but also in commodities, sex services, etc. Corruption today is still indestructible, like a disease, differing only in its size and the significance of penetration into state, economic, political and social institutions, it has acquired a scale threatening the security of the state. The mechanism of action of corruption occurs with the mutual benefit of the parties, needing each other, the bribe taker and the bribe recipient understand each other and create a kind of protective sphere, beyond which it will be dangerous and unprofitable not only financially, but also morally.

Keywords: corruption, state security, legislation, criminology, law.

References

1. The Supreme Court approved a criminal sentence for a judge for fraud and bribery. 09.16.2022 // <https://pravo.ru/story/242780/>.
2. The Prosecutor General's Office advocated toughening the punishment for petty bribe-takers. 09.12.2021 // <https://pravo.ru/news/237404/>.
3. The Prosecutor General's Office named the number of officials dismissed due to corruption. 08.20.2021 // <https://pravo.ru/news/234093/>.
4. The Ministry of Internal Affairs named the most corrupt areas of activity in Russia. 09.12.2021 // <https://pravo.ru/news/237413/>.
5. Fundamentals of the fight against organized crime. Monograph/Ed. V.S. Ovchinsky, V.E. Eminova, N.P. Yablokov. M.: Infra-M, 1996. P. 14.
6. Captivating frankness // Russian newspaper June 6, Friday No. 122 (4679) p. 9.
7. Putin approved the national anti-corruption plan. 08/17/2021 <https://pravo.ru/news/233986/>.
8. Corruption rating. Where the main embezzlers and bribe-takers of Yekaterinburg, the Sverdlovsk region, and the Urals Federal District gathered. // 10/14/2011. <https://www.ura.ru/print/articles/1036257178.html>.
9. Rossiyskaya Gazeta May 25, 2012 Friday No. 118 (5791) P. 2. www.rg.ru.
10. The Investigative Committee seized the property of corrupt officials worth 13 billion rubles in six months. 06/08/2021 // <https://pravo.ru/news/232348/>.

Допустимость показаний несовершеннолетнего свидетеля в уголовном судопроизводстве

Варламова Алина Андреевна,

студент Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия
E-mail: lina.varlamova.03@mail.ru

Зашляпин Леонид Александрович,

преподаватель Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия
E-mail: simple.teacher@outlook.com

Показания несовершеннолетнего свидетеля необходимо оценивать, реализуя генезисный подход. Допустимость показаний ребенка – свидетеля есть их качество, возникающее в результате соблюдения уголовно-процессуальной формы их собирания (процессуального порядка получения).

Уголовно-процессуальная форма получения показаний несовершеннолетнего свидетеля представляется расширенной, включающей положения Конституции России, федерального законодательства о защите прав и интересов несовершеннолетних, международно-правовых актов, общих правил допроса свидетеля и специальных правил, применяемых в допросе несовершеннолетнего свидетеля, системно учитывающих приоритет прав и интересов детей – свидетелей.

Имеющаяся процессуальная форма в ряде случаев имеет элементы, не обеспечивающие в полном объеме интересы лица, не достигшего 18-ти летнего возраста, не обладает правовой определенностью в понимании существенности нарушений формы, соответственно, влечет произвол в оценке показаний как допустимых или недопустимых, что образует проблему.

Ключевые слова: уголовный процесс, уголовное судопроизводство, доказательства, доказывание, оценка доказательств, показания, оценка показаний, свидетель, несовершеннолетний свидетель, допустимость показаний, недопустимость показаний, допрос, тактика допроса

Введение

Обычно в правовых системах несовершеннолетним предоставляются специальные гарантии. Действующая Конституция Российской Федерации (далее – Конституция) признает детство в качестве особо защищаемой социальной ценности (ч. 1 ст. 38). Положения Конвенции о правах ребенка, принятой Резолюцией ООН № 44/25 от 20 ноября 1989 г. (далее – Конвенция), определяют статус ребенка для всех лиц, не достигших 18-летнего возраста, фиксируют приоритет несовершеннолетних в обеспечении их интересов, возможность быть выслушанным при проведении судебных и аналогичных процедур, свободу от принуждения к даче показаний в качестве свидетеля и т.д. (ст. 1, ч. 1 ст. 3, ч. 2 ст. 12, п. iv ч. 2 ст. 40). Все указанное – нравственная аксиома любого общества, генерирующая идею процессуальной нормы «к ребенку нужно относиться с величайшим уважением» («*Maxima debetor puero reverentia*») [1, с. 435] и требует особого процессуального стандарта оценки показаний несовершеннолетних свидетелей или, что синонимично, – показаний детей – свидетелей.

К сожалению, уровень социальных конфликтов в России является достаточно высоким. Государство в лице его правоохранительных органов вынуждено использовать несовершеннолетних свидетелей в качестве источников показаний. Взрослый мир в этом случае не может обойтись без процессуальной помощи несовершеннолетних.

Выделение в качестве объектной области исследования допустимости показаний несовершеннолетнего свидетеля в уголовном судопроизводстве видится вполне обоснованным. Особый статус ребенка – свидетеля, особенности порядка получения показаний несовершеннолетнего свидетеля предполагают и наличие особых правил оценки их показаний. Примечательно, что и российский законодатель, не упоминая дифференцированного вида доказательства – показаний несовершеннолетнего свидетеля (п. 2 ч. 2 ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, далее – УПК), предусмотрел, однако, дифференцированный порядок получения таких показаний (статьи 191, 280 УПК).

Предметное знание о допустимости показаний ребенка в уголовном процессе видится несколько ограниченным. В отличие от исследований общих правил оценки показаний по критерию допустимости, изучения допустимости (недопустимости) показаний совершеннолетних свидетелей, проблематике допустимости показаний лиц, не достигших 18-летнего возраста, в отечественной науке уде-

ляется минимальное внимание. Непосредственно ей посвящена, пожалуй, единственная работа С.В. Матвеева 2006 г., в которой качество допустимости показаний несовершеннолетнего свидетеля рассмотрено сразу для отраслей гражданского и уголовного судопроизводства в их судебных стадиях [11, с. 936–942]. Этого, естественно, недостаточно, для полного раскрытия исследуемой тематики и особо – для уголовно-процессуальной отрасли.

В отличие от указанной статьи, здесь мы рассмотрим более узкую нормативную область регулирования, связанную с показаниями несовершеннолетнего свидетеля, полученными в ходе предварительного расследования, то есть в досудебной стадии уголовного судопроизводства. При этом нормативный и теоретический фрагменты мы исследуем обособленно, конструируя вывод статьи из этих двух посылок, используя формально-догматический метод.

Особенности нормативного регулирования

Выше приведены нормативные акты, учитываемые при оценке показаний несовершеннолетнего свидетеля. Здесь рассмотрим их более детально.

Конституционный законодатель поместил принцип ч. 1 ст. 38 основного закона Российской Федерации, в его главу вторую, содержащую особо значимые права человека. Согласно нормам ч. 1 ст. 38 Конституции, защита прав ребенка является юридической обязанностью органов и лиц, действующих в уголовном судопроизводстве. Именно они, исполняя свои обязанности при проведении допросов несовершеннолетних свидетелей, определяют допустимость или недопустимость доказательств. Свидетель на качество показаний (соблюдение формы их получения) почти не влияет.

Конституция *de jure* детерминирует порядок получения показаний несовершеннолетнего свидетеля. На этом уровне регулирования в процессуальной форме необходимо учитывать как публичный интерес тех властных участников уголовного процесса, которые привлекают ребенка к процедурам доказывания в уголовном деле, так и коллизионный фактор приоритета прав несовершеннолетнего, определяемый его личным интересом. Совокупно с положениями ч. 2 ст. 50 Конституции, исключая использование в уголовном судопроизводстве недопустимых доказательств, нормы ч. 1 ст. 38 основного закона формируют нормативную установку особого регулирования в законодательстве правил оценки показаний несовершеннолетних свидетелей с учетом приоритета их процессуальных прав и интересов.

В Федеральном законе № 124-ФЗ от 24 июля 1998 г. «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» (далее – ФЗ) указанная установка находит детальное развитие. Положения ч. 1 ст. 4 данного закона требуют защиты детей от таких факторов, которые отрицательно влияют на развитие их психологических и нравственных

качеств. Само же участие несовершеннолетнего в уголовно-процессуальной процедуре может быть негативным фактором. Подтверждением этого является, например, введенное законодателем ограничение для несовершеннолетних присутствовать в зале судебного заседания (ч. 6 ст. 241 УПК). Логично нормы ч. 2 ст. 4 того же закона предусматривают ответственность за нарушение прав и интересов ребенка, а ч. 1 ст. 5 ФЗ устанавливают судебный порядок защиты этих прав и интересов.

Часть 1 ст. 14 анализируемого закона возлагает на должностных лиц правоохранительных органов обязанность защиты несовершеннолетнего от информации об антиобщественном поведении. Парадокс в том, что предметом допроса ребенка – свидетеля как раз может быть информация о таких формах социального поведения. Для того, чтобы устранить негативное воздействие на рассматриваемого участника процесса российская правовая система предусматривает должность Уполномоченного по правам ребенка, компетенция которого может внедряться и в уголовно-процессуальную деятельность (ст. 161 ФЗ). Игнорирование полномочий данного участника в уголовном судопроизводстве будет явно снижать стандарт защиты прав несовершеннолетнего свидетеля при производстве по уголовным делам. Вероятно, указанное должно актуализировать исследования об Уполномоченном по правам ребенка как участника уголовного процесса.

Конвенция также предлагает повышенный уровень защиты прав несовершеннолетних, подразумеваемая и запрет дискриминации по возрасту (ст. 1 и 2). Из этого следует, что особые процессуальные гарантии, представляемые малолетним, должны быть учитываемы и для несовершеннолетних в возрасте и от 16 до 18 лет. При этом данный международно-правовой акт содержит нормативные идеи, дифференцирующие возможность получения показаний ребенка – свидетеля в зависимости от степени сформированности его взглядов, зрелости и т.д. (ч. 1 ст. 12). Одновременно рассматриваемый субъект наделяется правом свободно формулировать свои собственные взгляды, ему предоставляется возможность быть выслушанным в ходе судебного или иного разбирательства. В силу этих нормативных положений мы вправе усматривать в нашем национальном законе такую уголовно-процессуальную конструкцию допроса несовершеннолетнего свидетеля, основные элементы которой не ограничивают детей в свободе формулирования ответов на вопросы следователей.

Весьма значима для выявления критериев допустимости показаний рассматриваемого участника уголовного процесса норма п. iv ч. 2 ст. 40 Конвенции, которая должна интерпретироваться к несовершеннолетним, предполагаемым правоприменителем правонарушителями, тем, что содержит правило об обеспечении «свободы от принуждения к даче *свидетельских* показаний». Российский закон, наоборот, устанавливает свободу лица, про-

изводящего допрос несовершеннолетнего свидетеля (ч. 2 ст. 189 УПК). Перспектива рассмотрения классической уголовно-процессуальной формы получения показаний несовершеннолетнего свидетеля, в которой стержнем правоотношений представляются полномочия (права) допрашивающего лица и юридические обязанности допрашиваемого, в данном случае – несовершеннолетнего, видится смутной. Законный порядок получения показаний несовершеннолетнего должен отличаться от эталонной формы получения показаний взрослых свидетелей. При этом приоритет в ней должна иметь свобода допрашиваемого лица.

Конструкция отечественного УПК предлагает отраслевую форму, в которой общие правила допроса свидетеля, дополняются особым порядком допроса несовершеннолетнего свидетеля. Наиболее важные из них, извлекаемые из статей 75, 189, 191 УПК, следующие:

- недопустимы показания несовершеннолетнего свидетеля, базирующиеся на догадке, слухе или на неизвестном источнике осведомленности;
- запрещены наводящие вопросы ребенку – свидетелю;
- возможно присутствие при допросе несовершеннолетнего свидетеля адвоката;
- обязательно участие в допросе свидетеля до 16 лет педагога или психолога (старше 16 лет, если свидетель имеет дефекты развития);
- по усмотрению следователя в допросе лица старше 16 лет возможно участие педагога или психолога;
- сокращено время для получения показаний несовершеннолетнего свидетеля;
- возможно присутствие на допросе детей – свидетелей законного представителя;
- исключается правило о присяге свидетеля (отсутствует предупреждение об ответственности за отказ от дачи показаний и дачу заведомо ложных показаний), заменяемое разъяснением о необходимости говорить правду;
- обязательно применение видеозаписи допроса несовершеннолетнего свидетеля, если он или его законный представитель против этого не возражают.

Данные отраслевые правила необходимо учитывать совокупно с положениями Конституции, ФЗ и Конвенции, при построении эталонной уголовно-процессуальной формы получения показаний несовершеннолетнего свидетеля.

Доктринальные позиции

В теории уголовного судопроизводства рассматриваемая проблематика представляется следующими воззрениями.

С.В. Матвеев, схоже с описанием допустимости показаний взрослого свидетеля, подчеркивает то, что допустимыми являются показания несовершеннолетнего свидетеля, полученные надлежа-

щим лицом, в законном порядке, законным способом из источника, который так же является законным [11, С. 937], что соответствует общепринятой позиции, сформулированной Н.М. Кипнисом еще в период действия УПК РСФСР 1960 г. [5, с. 27]. Однако, для определения допустимости показаний ребенка – свидетеля необходимо, что следует из анализа нормативной базы, наличие особой эталонной формы получения показаний именно этого свидетеля.

В отечественной юриспруденции профессором В.Т. Томиным сформулирован критический взгляд на понимание допустимости доказательств посредством генезисного подхода [14, с. 8]. В этом случае формирование показаний как доказательства происходит в ходе получения этих показаний. При этом В.Т. Томин ориентирует российскую науку на возможность использования иного подхода. Он пишет о том, «что доказывание *через тождество* способно заменить доказывание через генезис (здесь и далее в цитатах курсив наш. – А. В., Л. З.)» [14, с. 9]. Последнее, вероятно, возможно тогда, когда математические формы доказательственной деятельности вытеснят человеческую доказательственную деятельность. Сегодня же в собирании и оценке показаний несовершеннолетнего свидетеля, как мы полагаем, должна реализовываться субъект-субъектная деятельность, в которой субъектом является человек. Причины для этого следующие.

1. Оценка показаний несовершеннолетнего свидетеля посредством отождествления, может производиться в том случае, если показания данного участника уголовного процесса воспринимаются как определенные, ясные, даваемые в точных формулировках. Однако, можем ли мы ожидать это от несовершеннолетнего (малолетнего) свидетеля?

2. Тождество доказательства, исходящего от лица, не достигшего 18-летнего возраста, не должно пониматься как равенство одного объекта самому себе. На данное обстоятельство указывается в формальной логике [6, с. 53]. Очевидно, что отождествление возможно при соотношении показаний с иным объектом – вербально оформленным предметом доказывания, базирующимся на иных доказательствах. Эта «взрослая» картина преступного деяния (идеальная модель, существующая в сознании правоприменителя) должна совпадать с картиной, представляемой допрашивающему лицу несовершеннолетним свидетелем. И в этом случае мы должны приписывать ребенку уровень владения языком, равный уровню владения совершеннолетнего лица, точнее – следователя (лица, имеющего среднее и высшее образование, ежедневно практикующегося в языковой коммуникации). Это маловероятно.

Для аргументации обратимся к онтолингвистике – науке, изучающей процесс усвоения языка несовершеннолетним. В соответствии с положениями данной науки было бы удивительно, если лицо, производящее допрос (следователь–криминалист,

следователь), пыталось получить показания от малолетнего, в совершенстве освоившего «гугуканье» или улыбку, как невербальную форму коммуникации с матерью. Естественно, что для нас важно не эмоциональное, а предметно-содержательным владение языковой коммуникацией [8, с. 27]. Это качество – знак развитого сознания, которое приходит с определенным возрастом.

В.П. Глухов выделяет несколько этапов овладения ребенком родным языком [3, с. 56]. Примечательно то, что фрагментация периодов овладения языком в отнoлингвистике не совпадает с соответствующей фрагментацией (до 7 лет, от 7 до 14 лет, от 14 до 16 лет, от 16 до 18 лет), применяемой в ст. 191 УПК. По результатам отнoлингвистических исследований для науки уголовного процесса может быть интересен лишь второго этапа, а в нем отчасти третья ступень (от 3 до 5 лет) и четвертая ступень (от 5 до 11 лет), и третий этап, начинающийся с 11 лет. Соответственно этим этапам и ступеням, термины и понятия, используемые несовершеннолетними, имеют особое содержание, отличное от тех терминов и понятий, которые присущи интеллектуальной и коммуникационной деятельности взрослых свидетелей и, естественно, следователей.

По указанной причине, генезисный подход оценки показаний несовершеннолетнего свидетеля видится более уместным. Он учитывает приведенные выше этапы и ступени, ограничивая процессуальные задачи допроса данного свидетеля. В этом случае, при оценке показания несовершеннолетнего по критерию допустимости, эталонной формой, с которой идет сравнение, является законная процедура, которая должна быть дифференцированной. Предполагается, что в каких-то случаях имеющаяся эталонная форма получения показаний не будет обеспечивать их достоверность. В таких ситуациях от допроса несовершеннолетнего свидетеля необходимо будет отказаться, а соответствующее решение должно рассматриваться элементом эталонной формы.

Распространенной в российской юриспруденции позицией является утверждение о том, что основным процессуальным средством получения показаний является допрос [12, с. 101; 7, с. 104]. В нашем случае для получения показаний несовершеннолетнего свидетеля имеется особая уголовно-процессуальная форма допроса несовершеннолетнего свидетеля в предварительном расследовании (ст. 191 УПК). Соблюдение этой формы влечет допустимость показаний несовершеннолетнего свидетеля. Правила допроса, таким образом, образуют ядро той эталонной формы, с которой происходит сравнение показаний. Эти правила являются формальным инструментом для получения достоверных сведений.

При этом в науке обращается внимание на необходимость дифференциации уголовно-процессуальной формы получения указанных доказательств [8, с. 206]. Особая процессуальная форма в этом случае учитывает те ее элементы,

которые предоставляют дополнительные гарантии и права несовершеннолетнему свидетелю. Парадоксально, но допрос ребенка, даже при точной реализации общего порядка допроса свидетеля, может создавать проблемы в получении допустимого доказательства.

Так, например, исходя из общей установки к описанию допустимости показаний, В.А. Лазарева предполагает, что рассматриваемое качество этого доказательства должно связываться с соблюдением принципа состязательности уголовного судопроизводства [9, с. 204]. Очевидно, что соблюдение состязательной формы должно предполагать участие в допросе несовершеннолетнего свидетеля, производимого по инициативе следователя или по удовлетворенному ходатайству защитника (обвиняемого), представителей стороны защиты. Особо этот аспект акцентуализируется в случае перспективы оглашения этих показаний в судебном разбирательстве без проведения допроса несовершеннолетнего свидетеля.

Другая проблема проведения допроса несовершеннолетнего свидетеля связывается с расширением предмета допроса или даже использования не процессуальных форм коммуникации перед допросом. Так, например, З.А. Балтыкова до вопросов по существу дела, предлагает задавать вопросы фатического характера [8, с. 27], это вопросы, позволяющие установить контакт для устной коммуникации с несовершеннолетним. Автор приводит примеры таких вопросов: «Правда ли, что ты очень любишь играть в футбол?», «С кем ты пришел?» [2, с. 60].

Третья проблема, если использовать общую уголовно-процессуальную форму получения показаний свидетеля, возникает в связи с запретом наводящих вопросов. С одной стороны, в науке фиксируется положение о том, что вербальная коммуникация с несовершеннолетним в ходе допроса «должна происходить как с любым свидетелем» [13, с. 87]. В таком случае мы должны включать в надлежащую уголовно-процессуальную форму требование, предусмотренное в ч. 2 ст. 189 УПК. Игнорирование этого запрета должно рассматриваться как нарушение установленного законом порядка и влечь недопустимость полученных показаний. С другой стороны, при вербальной коммуникации с несовершеннолетним (в зависимости от уровня его развития и уровня усвоения им родного языка) наводящие вопросы как раз и могут быть основным процессуальным инструментом, обеспечивающим получение показаний. Подходя к проблеме с позиции правового реализма, стоит задуматься, а можно ли обойтись без наводящих вопросов малолетнему очевидцу, например, преступления о половой неприкосновенности и половой свободе?

Иной элемент, часто упоминаемый в работах о допустимости показаний несовершеннолетних свидетелей, связывается с участием в процедуре их получения педагога или психолога [11, с. 939]. Юридически это – одна из форм защиты прав и ин-

тересов несовершеннолетнего участника уголовного процесса, нереализация которой, должна влечь недопустимость полученных от ребенка показаний. При этом, однако, в отечественной юриспруденции отмечается пассивная роль данных лиц при проведении допроса [11, с. 940; 4, с. 9]. Нормативно такая пассивность предопределена. Дело в том, что уголовно-процессуальный закон прямо не предусматривает субъективных прав педагога или психолога на консультирование несовершеннолетнего в ходе допроса, постановку ими несовершеннолетнему каких-либо проверочных, корректирующих или уточняющих вопросов. Данные лица не упоминаются в главе 8 УПК. В правилах п. 62 ст. 5 УПК дана нормативная дефиниция лишь для педагога, при этом не приведены признаки, свидетельствующие о какой-либо процессуальной компетенции данного субъекта. Фактически педагог и психолог в большинстве случаев – ритуальные участники допроса несовершеннолетнего свидетеля и их отсутствие на допросе не повлияет на содержание показаний несовершеннолетнего (их достоверность).

В ходе изучения научной литературы нами не обнаружено предложений о расширении практики участия в допросах несовершеннолетних свидетелей адвокатов, но выявлены рекомендации (в целях восполнения пассивности педагогов и психологов) участия в допросе прокурора [12, с. 209], но это еще более будет усложнять эталонную форму получения показаний.

Возможно, что законодатель пока предлагает институты, которые потенциально в полной мере не обеспечивают соблюдение прав и интересов несовершеннолетнего свидетеля. По этой причине ряд элементов имеющейся уголовно-процессуальной формы, даже в случае ее игнорирования при проведении допроса несовершеннолетнего свидетеля, не должен влечь последствий в виде признания доказательств недопустимым. Признание показаний детей недопустимыми должно применяться в случае существенного нарушения порядка допроса несовершеннолетнего свидетеля [12, с. 204].

Вывод

Можно считать, что в отечественном уголовном процессе допустимость показаний несовершеннолетнего свидетеля есть результат оценки этих показаний в соотношении с уголовно-процессуальной формой их собирания. Качество показаний ребенка – свидетеля зависит от качества соблюдения порядка (формы) получения этих показаний. Эталонная форма собирания образуется из положений Конституции, ФЗ, Конвенции, общих правил проведения допроса свидетеля и дополнительных правил, применяемых при допросе несовершеннолетнего свидетеля. Совокупно эта расширенная форма должна обеспечивать приоритет прав и интересов несовершеннолетнего лица в процедурах получения его показаний. Допустимы те показания,

которые соответствуют этому расширенному пониманию процессуальной формы.

Российский законодатель, следуя идеям международно-правовых актов, предусмотрел в уголовно-процессуальном законе комплекс процессуальных правил (обязательное присутствие педагога или психолога при проведении допроса, факультативное присутствие педагога или психолога по усмотрению следователя; присутствие законного представителя; отсутствие предупреждение несовершеннолетнего свидетеля об уголовной ответственности по статьям 307 и 308 УК РФ; видеозапись показаний, если причастные лица не возражают), которые, однако, могут иметь в некоторой части ритуальный характер и с позиции правового реализма, не обеспечивают в полном объеме достоверность показаний, получаемых от детей – свидетелей.

Для того, чтобы эталонная форма реально обеспечивала достоверность показаний необходимо ее дополнение элементами, образующими полномочия педагога, психолога и законного представителя. Однако это для следственного типа процесса, реализованного в предварительном расследовании, может создать нежелательную процессуальную активность невластного субъекта правоотношений.

Сохранение процессуальной формы в неизменном виде вызывает необходимость ее дополнения нормативными положениями о существенности или несущественности отдельных элементов этой формы для получения ясного критерия достоверности показаний несовершеннолетнего свидетеля.

В теории уголовного процесса правила, позволяющие определить допустимость рассматриваемого личного доказательства и само свойство допустимости показаний детей, исследуется и описываются в фарватере общих правил допустимости показаний свидетеля. При этом, как мы полагаем, остаются не решенными проблемы реального обеспечения прав и интересов несовершеннолетнего свидетеля в уголовном судопроизводстве, которые требует более детального изучения. Конструирование процессуальной формы в науке должно осуществляться с учетом расширяющих ее элементов.

Литература

1. Бабичев Н., Боровский Я. Словарь латинских крылатых слов. – М., 1988. – 960 с.
2. Балтыкова З.А. Установление психологического контакта с малолетними свидетелями и потерпевшими в целях получения исчерпывающих и достоверных показаний в ходе допроса // Юридическая наука. – 2022. – № 4. – С. 59–62.
3. Глухов В.П. Онтогенез речевой деятельности. М., 2017. – 136 с.
4. Демина М.С. Педагог (психолог) как участник уголовного судопроизводства: досудебный этап: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2018. – 17 с.

5. Кипнис Н.М. Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве. М., 1995. – 128 с.
6. Кондаков Н.И. Логика. М., 1954. – 512 с.
7. Кондратьева О.И. Показания свидетеля как доказательство // Вестник Оренбургского государственного университета. 2008. – № 3. – С. 104–106.
8. Лаврентьева А.И. Основы онтолингвистики: теория и практика. М., 2015. – 125 с.
9. Лазарева В.А. Показания в уголовном процессе: содержание или форма? // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2021. – № 2 (45). – С. 203–210.
10. Лютынский А.М. Показания в уголовном судопроизводстве: сущностные аспекты // Российской правосудие. – 2022. – № 8. – С. 97–104.
11. Матвеев С.В. Актуальные проблемы допустимости показаний несовершеннолетних свидетелей в уголовном и гражданском судопроизводстве России // Lex Russica (Русский закон). – 2006. – Т. 65, № 5. – С. 936–942.
12. Новиков С.А. Институт показаний свидетеля в уголовном процессе России: проблемы совершенствования // Евразийская адвокатура. – 2013. – № 2 (3). – С. 100–101.
13. Татьяна Д.В. Международные нормы об участии детей-свидетелей в уголовном судопроизводстве // Юридические и социально-педагогические аспекты профилактики правонарушений несовершеннолетних и молодежи. Елабуга, 2016. – С. 86–88.
14. Томин В.Т. Острые углы доктринального обеспечения радикальной реформы уголовного судопроизводства // Цель и средства в уголовном судопроизводстве. Н. Новгород. – 1991. – С. 7.

ADMISSIBILITY OF TESTIMONY MINOR WITNESS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Varlamova A.A., Zashlyapin L.A.

North-West Branch Russian State University of Justice

The testimony of a minor witness must be evaluated using a genesis approach. The admissibility of the testimony of a child witness is its quality, which arises as a result of compliance with the criminal procedural form of its collection (the procedural procedure for obtaining it).

The form of criminal procedure for obtaining the testimony of a minor witness appears to be expanded, including the provisions of the Constitution of the Russian Federation, federal legislation on the protection of the rights and interests of minors, international legal instruments, general rules for the interrogation of witnesses and special rules applied in the interrogation of minor witnesses, which systematically take into account the priority of the rights and interests of child witnesses.

In a number of cases, the existing procedural form has elements that do not fully ensure the interests of a person under the age of 18, does not have legal certainty in understanding the materiality of violations of the form, and, accordingly, entails arbitrariness in the assessment of testimony as admissible or inadmissible, which creates a problem.

Keywords: criminal procedure, criminal proceedings, evidence, proof, evaluation of evidence, testimony, evaluation of testimony, witness, juvenile witness, admissibility of testimony, inadmissibility of testimony, interrogation, interrogation tactics.

References

1. Babichev N., Borovsky Ya. Dictionary of Latin winged words. – M., 1988. – 960 p.
2. Baltykova Z.A. Establishing psychological contact with minor witnesses and victims in order to obtain comprehensive and reliable testimony during interrogation // Legal science. – 2022. – No. 4. – P. 59–62.
3. Glukhov V.P. Ontogenesis of speech activity. M., 2017. – 136 p.
4. Demina M.S. Teacher (psychologist) as a participant in criminal proceedings: pre-trial stage: abstract. dis. ...cand. legal Sci. Samara, 2018. – 17 p.
5. Kipnis N.M. Admissibility of evidence in criminal proceedings. M., 1995. – 128 p.
6. Kondakov N.I. Logic. M., 1954. – 512 p.
7. Kondratyeva O.I. Witness testimony as evidence // Bulletin of the Orenburg State University. 2008. – No. 3. – P. 104–106.
8. Lavrentyeva A.I. Fundamentals of ontolinguistics: theory and practice. M., 2015. – 125 p.
9. Lazareva V.A. Testimony in criminal proceedings: content or form? // Bulletin of Voronezh State University. Series: Law. – 2021. – No. 2 (45). – P. 203–210.
10. Lyutynsky A.M. Testimony in criminal proceedings: essential aspects // Russian justice. – 2022. – No. 8. – P. 97–104.
11. Matveev S.V. Current problems of admissibility of testimony of minor witnesses in criminal and civil proceedings in Russia // Lex Russica (Russian Law). – 2006. – Т. 65, No. 5. – P. 936–942.
12. Novikov S.A. Institute of witness testimony in criminal proceedings in Russia: problems of improvement // Eurasian Advocacy. – 2013. – No. 2 (3). – P. 100–101.
13. Tatyana D.V. International norms on the participation of child witnesses in criminal proceedings // Legal and social-pedagogical aspects of the prevention of delinquency of minors and youth. Elabuga, 2016. – pp. 86–88.
14. Tomin V.T. Sharp corners of doctrinal support for radical reform of criminal proceedings // Purpose and means in criminal proceedings. N. Novgorod. – 1991. – P. 7.

Вопросы возмещения материального ущерба, причиненного при задержании

Крюков Антон Владимирович,

старший преподаватель кафедры уголовного права, Санкт-Петербургский университет МВД России, судья в отставке
E-mail: krukovanton293@gmail.com

В статье рассматриваются вопросы возмещения материального ущерба, причиненного при задержании лица за совершение административного правонарушения или уголовного преступления. Автор рассматривает ситуации, при которых в ходе задержания причиняется ущерб автомашине сотрудников правоохранительных органов или автомашине задерживаемого лица. В статье приводятся соответствующие примеры судебной – следственной практики с соответствующей мотивировкой. По мнению автора, при разрешении вопроса о возмещении причиненного при задержании материального ущерба необходимо руководствоваться нормами статей 2.7 КоАП РФ или 39 УК РФ о крайней необходимости. Кроме того, вопросы материальной ответственности разрешаются в статье 239 Трудового кодекса РФ. Также в статье автор рассматривает вопросы возмещения материального ущерба, причиненного при задержании, третьим лицам, то есть лицам, непосредственно в конфликте не участвовавшим. В подобных случаях, по мнению автора, следует руководствоваться правилами статей 38 и 39 УК РФ, то есть норм уголовного закона, регламентирующих вопросы причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, и случаев крайней необходимости.

Ключевые слова: материальный ущерб, причинение ущерба, причинение вреда при задержании, крайняя необходимость, ответственность причинителя вреда, возмещение ущерба, имущество третьих лиц, совокупность норм.

В практической деятельности правоохранительных органов чрезвычайно распространены ситуации, когда при задержании лица за административное правонарушение или же лица, подозреваемого в совершении уголовного преступления, причиняется материальный ущерб этому лицу или имуществу, принадлежащему третьим лицам.

Например, в ходе преследования повреждения получает автомобиль сотрудников полиции или же автомобиль задерживаемого или же автомобиль, принадлежащий иным лицам. Нередки случаи, когда задерживаемый оказывает сопротивление, при преодолении которого или при преследовании сотрудниками правоохранительных органов наносится ущерб чьему-либо имуществу: разбиваются окна, витрины магазинов, могут быть повреждены выставленные на продажу товары, разбита мебель.

Часто после таких случаев возникает гражданский иск о компенсации причиненного материального ущерба.

Прежде всего, при подобных обстоятельствах необходимо выяснить, являются ли правомерными соответствующие действия сотрудников правоохранительных органов. Безусловно, когда данные действия неправомерны, то, в соответствии со ст. 1064 ГК РФ, такой гражданский иск подлежит удовлетворению, а вред, причиненный имуществу, – возмещению непосредственно правоохранительным органом, а затем, в порядке регресса, самими сотрудниками – причинителями вреда.

Однако в случае, когда действия сотрудников признаны правомерными, то следует руководствоваться правилами статей 2.7 КоАП РФ или 39 УК РФ о крайней необходимости.

Кроме того, в соответствии со ст. 239 Трудового кодекса РФ, материальная ответственность работника исключается при возникновении ущерба вследствие непреодолимой силы, нормального хозяйственного риска, крайней необходимости или необходимой обороны либо неисполнения работодателем обязанности по обеспечению надлежащих условий для хранения имущества, вверенного работнику.

Не следует смешивать правила ст. 38 УК РФ о причинении вреда при задержании непосредственно лицу, совершившему преступление, и правила административной и уголовной статей о крайней необходимости.

Согласно ст. 38 УК РФ, вред причиняется лицу, совершившему преступление для его доставления органам власти и пресечения возможности совершения новых преступлений. При этом дан-

ная статья вопросов материальной ответственности за причинение ущерба не разрешает.

Таким образом, при причинении в ходе задержания материального ущерба правоохранительному органу или задерживаемому лицу следует руководствоваться нормами о крайней необходимости.

Так, согласно материалам дела, рассмотренного в порядке гражданского судопроизводства Багратионовским районным судом Калининградской области, Центр хозяйственного и сервисного обеспечения регионального УМВД обратился в суд с иском к инспектору ДПС о взыскании ущерба на сумму свыше 200 тысяч рублей за разбитую во время погони автомашину. Установлено, что 22.04.2021 года около полуночи на трассе «Калининград – Долгоруково» инспектор попытался задержать автомашину «Лада Веста», которая не остановилась перед железнодорожным переездом. Водитель этой машины пытался скрыться и при ее преследовании патрульная автомашина получила повреждения. Стоимость ремонта патрульной машины была оценена в 224 тысячи 500 рублей. Суд счел действия инспектора правомерными, указав, что он действовал в состоянии крайней необходимости при преследовании лица, нарушившего ПДД РФ, что в силу ст. 239 ТК РФ исключает материальную ответственность ответчика. Решением районного суда исковые требования были оставлены без удовлетворения, Центр хозяйственного и сервисного обеспечения попытался обжаловать решение в Калининградском областном суде, но коллегия по гражданским делам признала решение законным и обоснованным. [1]

В данном случае действия инспектора ДПС не выходили за рамки нормы закона о крайней необходимости, поскольку его автомобиль получил повреждения при преследовании автомашины нарушителя, задержать которую иным способом возможным не представлялось. Вред, причиненный действиями инспектора, являлся явно меньшим, нежели опасность, которую представляет на дороге автомашина с неустановленным водителем, которой не соблюдает ПДД РФ. Таким образом, уголовная или административная ответственность инспектора ДПС исключаются, материальной ответственности он также не подлежит.

Теми же нормами о крайней необходимости следует руководствоваться и в случае причинения при задержании материального ущерба самому задерживаемому лицу.

Например, в Иркутске сотрудники ГИБДД на улице Мамина-Сибиряка для проверки документов остановили автомобиль «Тойота Витц». На месте у водителя автомобиля было установлено состояние опьянения, которое он, однако, отрицал. Против доставления в медучреждение для сдачи анализов водитель не возражал, но, уже находясь в медучреждении, отказался от прохождения процедуры. В связи с этим в отношении него был составлен протокол по статье 12.26 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации «Невыполнение водителем транспортного

средства требования о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения», он был отстранен от управления.

Затем водитель попытался скрыться на своем автомобиле, когда же ему это не удалось, он заблокировал двери машины и не отвечал на неоднократные законные требования полицейских выйти.

В сложившейся ситуации полицейские разбили боковое стекло и извлекли его из салона автомобиля.

За препятствование задержанию транспортного средства водитель привлечён к административной ответственности по статье 19.3 КоАП РФ «Неповиновение законному распоряжению сотрудника полиции». [2]

То есть, поскольку действия сотрудников ГИБДД являлись обоснованными, отстраненный от управления водитель в состоянии опьянения пытался уехать на автомобиле, покинуть который он отказался, то действия полицейских, причинивших ущерб его имуществу, не превышали пределов нормы о крайней необходимости. Данный ущерб являлся меньшим, нежели тот ущерб, который мог причинить водитель в состоянии опьянения при следовании по дороге. Соответственно, гражданский иск о возмещении причиненного ущерба в данном случае удовлетворению не подлежит.

Более сложной является ситуация, при которой вред при задержании причиняется третьему лицу, то есть лицу, не участвующему в конфликте. Так, распространены ситуации, когда ущерб при преследовании задерживаемого лица причиняется автомобилям иных лиц или же при задержании уничтожается или повреждается имущество иных лиц: окна, витрины, различные товары, имущество на общественном транспорте.

В соответствии со ст. 1067 ГК РФ вред, причиненный в состоянии крайней необходимости, то есть для устранения опасности, угрожающей самому причинителю вреда или другим лицам, если эта опасность при данных обстоятельствах не могла быть устранена иными средствами, должен быть возмещен лицом, причинившим вред. Учитывая обстоятельства, при которых был причинен такой вред, суд может возложить обязанность его возмещения на третье лицо, в интересах которого действовал причинивший вред, либо освободить от возмещения вреда полностью или частично как это третье лицо, так и причинившего вред.

Таким образом, в подобных ситуациях причиненный ущерб подлежит взысканию в обязательном порядке. Однако ключевым вопросом здесь также является обоснованность действий сотрудников правоохранительных органов.

Так, зачастую при захвате преступников, осуществляющих сбыт наркотических средств, в ходе штурма повреждается совместное имущество многоквартирного дома, в котором происходит захват: окна, двери, имущество на лестничных площадках.

А.С. Рабаданов указывает, что в случае причинения вреда в состоянии крайней необходимости,

вызванной внезапной опасностью, лицо должно решить гораздо более сложную задачу: не только оценить характер и степень надвигающейся опасности, но и спрогнозировать возможный размер вреда, причиненного для устранения этой опасности, а также сопоставить размеры возможного и причиненного вреда. [3]

Данная точка зрения в полном объеме подтверждает необходимость установления обоснованности действий сотрудников правоохранительных органов при задержании. Чтобы причиняемый при задержании вред был обоснованным, сотрудники должны оценить опасность, которую представляет задерживаемое лицо, и минимизировать причиняемый при задержании имущественный вред с учетом того, какой вред может причинить сам задерживаемый.

В случае, если причиненный при задержании материальный ущерб является минимальным, то есть меньшим, чем тот вред, который мог бы причинить задерживаемый, и при этом обусловлен непосредственно обстоятельствами задержания, то, в соответствии с частью 2 статьи 1067 ГК РФ суд может возложить обязанность возмещения вреда на задержанного или полностью или частично освободить правоохранительный орган от обязанности возмещения вреда.

Таким образом, при решении вопроса о возмещении причиненного при задержании третьим лицам материального ущерба необходимо в совокупности учитывать правила статей 38 и 39 УК РФ – о причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление, и о крайней необходимости. Правила ст. 38 УК РФ в данном случае устанавливают минимально возможные пределы применения различных мер задержания непосредственно к задерживаемому лицу, а правила ст. 39 УК РФ устанавливают, явился ли причиненный ущерб меньшим, чем тот, который мог бы быть причинен.

Литература

1. Электронный ресурс: Общественно-политическое издание «Янтарный край» URL: [https://](https://kaliningradfirst.ru/327214)

kaliningradfirst.ru/327214 (дата обращения 09.02.2024 г.).

2. Электронный ресурс: Официальный сайт Главного управления МВД России по Иркутской области URL: <https://38.mvd.pf/news/item/23886698/> (дата обращения 09.02.2024 г.).
3. Рабаданов А.С. Крайняя необходимость как обстоятельство, исключающее преступность деяния / Вестник Московского университета МВД России. № 1/ 2012, С. 209–213.

ISSUES OF COMPENSATION FOR MATERIAL DAMAGE CAUSED DURING DETENTION

Kryukov A.W.

Saint Petersburg University of the Ministry of internal Affairs of Russia

The article deals with the issues of compensation for material damage caused during the detention of a person for committing an administrative offense or a criminal offense. The author examines situations in which damage is caused to the car of law enforcement officers or the car of the detained person during the detention. The article provides relevant examples of judicial investigative practice with appropriate motivation. According to the author, when resolving the issue of compensation for material damage caused during detention, it is necessary to be guided by the norms of Articles 2.7 of the Administrative Code of the Russian Federation or 39 of the Criminal Code of the Russian Federation on extreme necessity. In addition, issues of financial liability are resolved in Article 239 of the Labor Code of the Russian Federation. Also in the article, the author examines the issues of compensation for material damage caused during detention to third parties, that is, to persons who were not directly involved in the conflict. In such cases, according to the author, it is necessary to follow the rules of articles 38 and 39 of the Criminal Code of the Russian Federation, that is, the norms of the criminal law governing the issues of causing harm during the detention of a person who committed a crime, and cases of extreme necessity.

Keywords: material damage, causing damage, causing harm during detention, extreme necessity, liability of the harmer, compensation for damage, property of third parties, a set of norms.

References

1. Electronic resource of the Socio-political publication "Yantarny Krai" URL: <https://kaliningradfirst.ru/327214> (accessed 09.02.2024).
2. Electronic resource Official website of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Irkutsk region URL: <https://38.mvd.pf/news/item/23886698/> / (date of appeal 09.02.2024).
3. Rabadanov A.S. Extreme necessity as a circumstance precluding the criminality of an act / Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. No. 1/ 2012, pp. 209–213.

О формировании допустимости косвенных доказательств в делах о налоговых преступлениях

Косарева Береника Павловна,

аспирант, Кубанский государственный университет,
E-mail: berenika01@yandex.ru

С учетом специфики при выявлении и расследовании налоговых преступлений преимущественно используются косвенные доказательства. В статье рассматриваются некоторые проблемные вопросы, связанные с использованием косвенных доказательств в делах о налоговых преступлениях с точки зрения формирования допустимости косвенных доказательств. Автор анализируется нормативно-правовая база, определяющая понятие и регламентирующая критерии допустимости доказательств, в частности Уголовно-процессуальный кодекс РФ, Налоговый кодекс РФ, а также постановления Пленума ВС РФ, методические рекомендации Следственного комитета РФ. Налоговое преступление может быть совершено только с прямым умыслом. Важное значение для установления прямого умысла в совершении налогового преступления и как следствие влияют на квалификацию умышленно совершенных налоговых правонарушений в качестве преступлений косвенные доказательства. Важной особенностью допустимости как свойства доказательства в рамках уголовного процесса является изменчивость данной характеристики и возможность обретения доказательством свойства допустимости непосредственно в процессе доказывания. Формирование допустимости доказательства неразрывно связано с процессом собирания доказательств. Соблюдение процессуальных требований к порядку сбора доказательств является хотя и не единственным, но обязательным условием формирования допустимости доказательств по уголовным делам, в том числе по делам о налоговых преступлениях.

Ключевые слова: доказывание, налоговые преступления, допустимость, косвенные доказательства, оценка доказательств.

Одним из важнейших направлений научных исследований в области теории судебных доказательств являются проблемы оценки доказательств на предмет их относимости, допустимости, достоверности. Оценка доказательств имеет ключевое значение в структуре процессуального доказывания поскольку позволяет трансформировать вероятностные знания о обстоятельствах, входящих в предмет доказывания по делу, в достоверно установленные факты.

Допустимость выступает одним из важнейших свойств доказательств и во взаимосвязи с другими свойствами такими как относимость и достоверность, обеспечивает формирование надежной и комплексной доказательственной базы по делу. Допустимость наряду с другими свойствами доказательств определяет возможность их использования в доказывании по уголовным делам [1, С. 169]. В статье 75 УПК РФ закреплено, что доказательства являются недопустимыми, если они были получены с нарушением требований Уголовно-процессуального кодекса РФ, степень допущенного нарушения не учитывается. В пункте 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» указано, что суд обязан установить, в чем конкретно выразилось нарушение требований уголовно-процессуального закона [2]. Законодательно выделяются некоторые разновидности недопустимых доказательств, но их перечень не исчерпывающий. Свойство допустимости описывается законодателем, исходя из критериев, устанавливающих какие доказательства не могут признаваться допустимыми, то есть по сути от обратного, от понятия недопустимого доказательства. Допустимость доказательства в уголовно-процессуальном законодательстве свойство изменчивое, в некоторой мере амбивалентное. В частности, часть 7 статьи 235 УПК РФ, реализуя принцип состязательности, дает суду право при рассмотрении уголовного дела по ходатайству любой из сторон повторно рассмотреть вопрос о признании исключенного доказательства допустимым. Следовательно, допустимость является свойством, которое доказательство может обрести в ходе доказывания. Допустимость как свойство доказательств формируется в процессе доказывания и зависит как от фактических обстоятельств (объективных факторов), так и непосредственно от процессуальных действий сторон (субъективных факторов), выражающихся в том числе

в реализации предусмотренных прав на заявление ходатайства как об исключении конкретного доказательства из перечня доказательств, так и ходатайства о признании исключенного доказательства допустимым.

В соответствии с обновленной редакцией УПК РФ (с учетом изменений, внесенных в 2022 году) поводом для возбуждения уголовного дела о преступлениях, предусмотренных статьями 198–199.2 Уголовного кодекса РФ, служат только материалы, которые направлены налоговым органом. Таким образом, материалы налоговой проверки становятся не только доказательствами совершения налогоплательщиком налогового правонарушения, но и приобретают дополнительное свойство – становятся единственно возможным поводом к возбуждению уголовного дела по признакам совершения налогового преступления.

Порядок проведения налоговой проверки регламентирован нормами Налогового кодекса РФ, который содержит в себе одновременно нормы материального и процессуального права. Согласно положениям статьи 101 НК РФ установлен запрет на использование доказательств, полученных с нарушением Налогового кодекса РФ. Законодатель определяет в качестве общего критерия допустимости доказательств совершения налогового правонарушения соответствие доказательства нормам Налогового кодекса в части порядка получения этого доказательства и формы его закрепления. При этом источник происхождения доказательства критерием допустимости не выступает, поскольку доказательствами выступают не только документы, ранее истребованные налогоплательщика или его контрагентов в ходе проверок (камеральных, выездных), а также иные документы, которыми располагает налоговый орган и перечень которых законодательно не ограничен.

Материалы налоговой проверки представляют собой сложную совокупность доказательств налогового правонарушения, каждое из которых имеет свой источник происхождения и может быть оценено на предмет допустимости в отдельности. Однако роль материалов налоговой проверки в формировании доказательственной базы в делах о налоговых преступлениях в значительной степени определяется их комплексным исследованием как структурированной и логически выстроенной системы с устойчивыми причинно-следственными связями. В этой связи допустимость как свойство доказательства должно быть присуще материалам проверки как комплексному доказательству, так и отдельным его составным элементам. Представляется, что допустимость как свойство доказательства налогового правонарушения не всегда тождественно допустимости доказательства в том смысле, в котором указанное свойство понимается уголовно-процессуальным законодательством. Налоговым законодательством установлен фактически открытый перечень источников для формирования доказательственной базы налогового правонарушения. Согласно разъяснениям, изложенным

в письмах ФНС России от 02.08.2018 № ЕД-4–2/14951@, от 30.09.2014 № ЕД-4–2/19869 в качестве источников могут выступать любые документы, содержащие необходимую для целей налогового контроля информацию, касающуюся деятельности проверяемого налогоплательщика. Налоговый кодекс РФ не предусматривает каких-либо ограничений по объему и составу истребованных налоговым органом у третьих лиц необходимых для проверки документов [3, 4]. В таких условиях верификация сведений, содержащихся в используемых налоговыми органами в ходе проверки материалах, полученных в том числе в ходе проведения допросов свидетелей, мониторинга сети Интернет, существенно затруднена. При проведении налоговых проверок, особенно выездных, проверяющей группе приходится изучать огромный массив специфической информации, связанной с характером коммерческой деятельности налогоплательщика. Налоговый орган анализируя, полученную от налогоплательщика и третьих лиц информацию формирует систему доказательств совершения налогоплательщиком налогового правонарушения, при наличии признаков такового. В этом случае материалы проверки в своей совокупности подвергаются предварительному анализу на предмет их относимости, допустимости и достоверности в качестве доказательств налогового правонарушения. Не в последнюю очередь материалы проверки оцениваются на предмет полноты содержащихся в них сведений и информации, подкрепленных доказательствами.

В соответствии с п. 8 Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления» совершение налогового преступления (в том числе посредством уклонения от уплаты налогов, сборов, взносов) [5]. Согласно Методическим рекомендациям Следственного комитета РФ и Федеральной налоговой службой РФ «Об исследовании и доказывании фактов умышленной неуплаты или неполной уплаты сумм налога (сбора)» (далее – Методические рекомендации) налоговым и следственным органам необходимо учитывать, что неуплата или неполная уплата сумм налога (сбора) может быть результатом как виновных деяний (умышленных и по неосторожности), так и деяний, которые могут быть квалифицированы как невиновные [6]. Поскольку состав преступления образует только деяние, совершенное с прямым умыслом, особое доказательственное значение имеет установление формы вины налогоплательщика при совершении налогового правонарушения, а значит, оценка допустимости доказательств прямого умысла приобретает центральное значение в системе доказательств совершения налогового преступления. ФНС России в письме от 31.10.2017 № ЕД-4–9/22123@ даны следующие разъяснения: выявление умысла налогоплательщика не может выражаться в банальном перечислении всех сделок (операций), по результатам которых была по-

лучена экономия, важно указывать конкретные действия налогоплательщика (его должностных лиц), которые обусловили совершение налогового правонарушения, и приводить доказательства, которые бы свидетельствовали о намерении причинить вред бюджету [7]. В указанных разъяснениях ФНС России акцентирует внимание налоговых органов на необходимость доказывания наличия непосредственно прямого умысла в действиях налогоплательщика. Необходимо установить противоправную цель действий плательщика, выражающуюся исключительно в налоговой экономии. При этом затруднения в установлении фактов злоупотреблений со стороны налогоплательщика могут возникать на этапе доказывания непосредственно противоправности целей его деятельности, ограничения умышленного неисполнения законной обязанности от правомерной налоговой экономии, которая предусмотрена, к примеру, в льготных налоговых режимах, например, при применении упрощенной системы налогообложения. Не образуют состав преступления случаи совершения налоговых правонарушений по неосторожности, в том числе при ошибочной трактовке законодательства о налогах и сборах [8, С. 221].

Особенностью и во многом проблемой использования косвенных доказательств для установления наличия прямого умысла в совершении правонарушения является необходимость их комплексной оценки. Недостаточная полнота собранных косвенных доказательств, а также их несистемная оценка могут привести к ошибочным выводам и сформировать неверное представление о характере деятельности налогоплательщика. В результате нарушение налогового законодательства может быть ошибочно квалифицировано как преступление, и в то же время реально совершенное преступление может остаться не выявленным из-за недостаточности собранных косвенных доказательств. К примеру, к косвенным доказательствам умышленного «дробления бизнеса» на составные, якобы самостоятельные элементы, посредством регистрации группы индивидуальных предпринимателей, юридических лиц, которые фактически осуществляют деятельность как единый коммерческий субъект, можно отнести: расположение по одному юридическому адресу, наличие единых IP-адресов, единой материально-технической базы и подобные обстоятельства. Однако, не в каждом случае указанные обстоятельства свидетельствуют о совершении налогового правонарушения. Так расположение по единому адресу может быть вызвано объективными факторами: удобной транспортной локацией, спецификой процесса производства продукции, особенностями градостроительного планирования, в соответствии с которыми объекты производственного назначения должны быть размещены в соответствующих зонах. С виду единая материально-техническая база при подробном изучении может представлять собой вполне обычное и законное взаимодействие самостоятельных субъектов экономической деятельности на основа-

нии гражданско-правовых договоров. В этой связи любые косвенные доказательства должны оцениваться комплексно и объективно с учетом условий формирования допустимости каждого из них в отдельности и всей системы в совокупности.

Допустимость является свойством, возникающим у сведений в силу соблюдения регламентированных требований к получению доказательств, такие требования в теории доказывания именуется условиями допустимости: надлежащие субъект, источник сведений, процессуальное действие и способ его осуществления [9, С. 87]. В этой связи источник сведений является необходимым условием допустимости доказательства умысла в совершении налогового правонарушения, который приводит к квалификации налогового правонарушения как налогового преступления, ответственность за которое предусмотрена соответствующими нормами Уголовного кодекса РФ. Верификацию полученных доказательств по источнику целесообразно начинать с источников, сведения в которых носят наиболее объективный характер и в наименьшей степени подвержены внешнему вмешательству. Такими источниками могут выступать данные соответствующих государственных реестров и баз данных.

Различия в правовом регулировании критериев и условий допустимости доказательств в нормах уголовно-процессуального и налогового законодательства, а именно, недостаточная регламентированность процесса доказывания в нормах Налогового кодекса РФ, создает препятствия к формированию полной доказательственной базы, достаточной для установления признаков совершения налогового правонарушения с прямым умыслом. В Методических рекомендациях Следственного комитета РФ и ФНС РФ «Об исследовании и доказывании фактов умышленной неуплаты или неполной уплаты сумм налога (сбора)» обращается внимание на то, что «трудность установления субъективной стороны налогового преступления обусловлена отсутствием и (или) ненадежностью прямых доказательств» [6]. Умысел преимущественно устанавливается косвенными доказательствами, которые приобретают решающее значение. Связь косвенных доказательств непосредственно с предметом доказывания отсутствует. Вместо нее косвенные доказательства связываются между собой и в итоге с предметом доказывания через промежуточные звенья именуемые доказательственными фактами. Логичность и устойчивость причинно-следственной связи должна сохраняться во всей доказательственной цепи. Допустимость должна оцениваться в отношении как пары косвенное доказательство и доказательственный факт, так и пары доказательственного факта и предмета доказывания. Косвенные доказательства не содержат в себе информацию, напрямую указывающую на виновность подозреваемого, форму вины и мотивы совершения преступления, однако в своей системе они обеспечивают достоверное установление указанных обстоятельств и дают возможность

объективно проверить достоверность имеющихся прямых доказательств [10, С. 50]. При этом нельзя не согласиться с профессором Хмыровым А.А. в том, что «отдельные доказательства и их частные системы должны объединяться по признаку их связи с конкретными элементами предмета доказывания» [11, С. 151]. Результат оценки допустимости в отношении косвенных доказательств не всегда очевиден, особенно в части источника сведений, поскольку налоговое законодательство в этой части не имеет четкой регламентации, не устанавливает исчерпывающий перечень источников процессуально значимой информации. Надлежащий источник сведений выступает основополагающим условием и критерием допустимости доказательства, имеющим важное значение в оценке не только допустимости, но и достоверности доказательства. При использовании преимущественно косвенных доказательств их анализ должен производиться с доступным разнообразием источников, что позволит проверить имеющиеся доказательства в перекрестном порядке. Многообразие надежных источников косвенных доказательств позволяет исключить или свести к приемлемому минимуму вероятность неверной интерпретации косвенных доказательств и логических ошибок, в результате которых выстраиваются слабые причинно-следственные связи, которые в последующем могут быть легко опровергнуты стороной защиты, если речь идет об уголовном преступлении, или налогоплательщиком в ходе рассмотрения материалов проверки либо обжалования в судебном или административном порядке решения налогового органа о привлечении к ответственности. Надежность источников может быть определена только, исходя из конкретных обстоятельств. Однако можно выделить условно надежные источники, содержащие беспристрастную информацию, к таким можно отнести: данные из многочисленных государственных реестров и справочных систем, данные первичных бухгалтерских документов. Напротив, к условно ненадежным источниками можно отнести: показания свидетелей. В отсутствие норм, обязывающих критически подходить к источникам доказательственной информации, материалы проверки попадают документы, которые не могут быть признаны допустимыми доказательствами по своей сути, хотя бы их процессуальное закрепление формально осуществлено в соответствии с нормами Налогового кодекса РФ, поскольку кодексом фактически признаются допустимыми любые доказательства, имеющиеся у налогового органа.

Литература

1. Хмыров А.А., Руденко А.В. Допустимость как одна из важнейших категорий доказывания // Пробелы в российском законодательстве – 2012. – № 6. – С. 169–171.
2. О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства):

постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 № 51 // СПС Гарант.

3. О вопросах исполнения статьи 93.1 Налогового кодекса Российской Федерации: письмо ФНС России от 02.08.2018 № ЕД-4–2/14951@ // СПС Гарант.
4. Ответ на обращение по вопросу истребования документов (информации) в соответствии со статьей 93.1 Налогового кодекса Российской Федерации: письмо ФНС России от 30.09.2014 № ЕД-4–2/19869 // СПС Гарант.
5. О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления: постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 48 // СПС Гарант.
6. Об исследовании и доказывании фактов умышленной неуплаты или неполной уплаты сумм налога (сбора): методические рекомендации Следственного комитета России // СПС Гарант.
7. О рекомендациях по применению положений статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации: письмо ФНС России от 31.10.2017 № ЕД-4–9/22123@ // СПС Гарант.
8. Прошин В.М. Криминалистический анализ трансформации вины из налоговых правоотношений в уголовно-правовые // Вопросы российского и международного права. – 2017. – Т. 7.- № 3А. – С. 210–224.
9. Руденко А.В. Содержательная логика доказывания: монография. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2021. – 208 с.
10. Шелегов Ю.В. Роль косвенных доказательств в достоверном установлении фактических обстоятельств уголовного дела // Научный портал МВД России – 2019. – № 3. – С. 49–54.
11. Хмыров А.А. Косвенные доказательства в уголовных делах / А.А. Хмыров. – СПб.: Юрид. Цент Пресс, 2005. – 250 с.

ABOUT THE FORMATION OF ADMISSIBILITY CIRCUMSTANTIAL EVIDENCE IN TAX CRIMES

Kosareva B.P.

Kuban State University

Taking into account the specifics in the detection and investigation of tax crimes predominantly use circumstantial evidence. The article considers some problematic issues related to the use of circumstantial evidence in cases of tax crimes from the point of view of forming the admissibility of circumstantial evidence. The author analyzes the legal framework that defines the concept and regulates the criteria of admissibility of evidence, in particular, the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, the Tax Code of the Russian Federation, as well as resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, methodological recommendations of the Investigative Committee of the Russian Federation. A tax offense can be committed only with direct intent. Circumstantial evidence is important to establish direct intent in the commission of a tax crime and as a consequence affect the qualification of deliberately committed tax offenses as crimes. An important feature of admissibility as a property of evidence in criminal proceedings is the variability of this characteristic and the possibility of acquiring the property of admissibility of evidence directly in the process of proving. The formation of admissibility of evidence is inextricably linked with the process of gathering evidence. Compliance with procedural requirements for the order of collection of evidence is, although not the

only, but a mandatory condition for the formation of admissibility of evidence in criminal cases, including cases of tax crimes.

Keywords: proving, tax crimes, admissibility, circumstantial evidence, evaluation of evidence.

References

1. Khmyrov A.A., Rudenko A.V. Admissibility as one of the most important categories of evidence // Gaps in Russian legislation – 2012. – No. 6. – pp. 169–171.
2. On the practice of applying legislation when considering criminal cases in the court of first instance (general procedure of legal proceedings): Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 19, 2017 No. 51 // SPS Garant.
3. On issues of implementation of Article 93.1 of the Tax Code of the Russian Federation: letter of the Federal Tax Service of Russia dated 08/02/2018 No. ED-4–2/14951@ // SPS Garant.
4. Response to an appeal on the issue of requesting documents (information) in accordance with Article 93.1 of the Tax Code of the Russian Federation: letter of the Federal Tax Service of Russia dated September 30, 2014 No. ED-4–2/19869 // SPS Garant.
5. On the practice of application by courts of legislation on liability for tax crimes: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 26, 2019 No. 48 // SPS Garant.
6. On the study and proof of facts of deliberate non-payment or incomplete payment of tax amounts (fees): methodological recommendations of the Investigative Committee of Russia // SPS Garant.
7. On recommendations for the application of the provisions of Article 54.1 of the Tax Code of the Russian Federation: letter of the Federal Tax Service of Russia dated October 31, 2017 No. ED-4–9/22123@ // SPS Garant.
8. Proshin V.M. Forensic analysis of the transformation of guilt from tax legal relations to criminal legal relations // Issues of Russian and international law. – 2017. – T. 7.- No. 3A. – pp. 210–224.
9. Rudenko A.V. Content-based logic of proof: monograph. – 2nd ed., revised. and additional – Moscow: Prospekt, 2021. – 208 p.
10. Shelegov Yu.V. The role of indirect evidence in reliably establishing the factual circumstances of a criminal case // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia – 2019. – No. 3. – pp. 49–54.
11. Khmyrov A.A. Indirect evidence in criminal cases / A.A. Khmyrov. – St. Petersburg: Legal. Cent Press, 2005. – 250 p.

Проверка и оценка доказательств, как стадии процесса доказывания в досудебном уголовном судопроизводстве по уголовным делам, возбужденным по ст. 327 УК РФ

Крылова Наталия Алексеевна,

адъюнкт кафедры уголовного процесса, Санкт-Петербургский университет МВД России

E-mail: 79119138997@yandex.ru.

В статье проводится анализ процесса проверки и оценки доказательств по делам, связанным с подделкой документов. Автор приходит к выводу, что проверка и оценка доказательств, являются самостоятельными этапами доказывания по уголовным делам, включая уголовные дела возбужденные по ст. 327 УК РФ. Автором предлагается под проверкой доказательств, понимать этап доказывания, следующий за этапом сбора доказательств и предшествующий этапу и оценки доказательств, в процессе которого производится анализ содержания доказательства и устанавливается его достоверность и доброкачественность. Под оценкой доказательств автором предлагается понимать этап доказывания, сопряженный с логически выстроенной мыслительной деятельностью, осуществляемой специально уполномоченным уголовным законом субъективным составом, которая вырабатывается по собственному внутреннему убеждению и умозаключению об относимости, допустимости, достоверности и достаточности доказательств по конкретному делу.

Ключевые слова: доказывание, этап, проверка доказательств, оценка доказательств, уголовное дело, подделка документов, вещественное доказательство, фиксация, мыслительный процесс.

Одним из важнейших аспектов в уголовном производстве является доказывания. В процессе доказывания устанавливаются обстоятельства, позволяющие участникам уголовного судопроизводства принять надлежащее процессуальное решение по уголовному делу. Доказывание состоит в собирании, проверке и оценке доказательств, которые являются самостоятельными этапами доказывания.

После этапа сбора доказательств по получению объективных следов преступления, а также их надлежащего документирования для дальнейшего использования в судебном следствии, наступают следующие этапы доказывания, являющиеся не менее важными этапами уголовного производства, а именно проверка и оценка доказательств.

Значение этапов проверки и оценки доказательств выражается в том, что только после тщательной и всесторонней проверки (ст. 87 УПК РФ¹) и оценки доказательств (ст. 88 УПК РФ) производится решение о допущения собранных фактических данных к доказыванию преступления.

Исходя из последовательности данных стадий, рассмотрим отдельно каждую из них.

Проверка доказательств является по своему существу отдельным этапом процесса доказывания². При этом стоит заметить, что некоторыми учеными-процессуалистами высказывается мнение, что проверка доказательств, как отдельный этап процесса доказывания, в «чистом виде» не существует. Учеными акцентируется внимание на том, что проверка всегда сопряжена либо с собиранием, либо с оценкой доказательств³.

Так, например, Л.В. Головки отмечает, что проверка доказательств «растворяется» в их собирании и оценке. Далее данный ученый приходит к выводу, что проверка доказательств не является самостоятельной стадией процесса доказывания, что вызывает существенные возражения.

¹ «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 11.06.2021, с изм. от 17.06.2021) // «Собрание законодательства РФ», 24.12.2001, N 52 (ч. I), ст. 4921.

² Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / О.Н. Ведерникова, С.А. Ворожцов, В.А. Давыдов и др.; отв. ред. В.М. Лебедев; рук. авт. кол. В.А. Давыдов. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2014. 1056 с.

³ Головки Л.В. От проверки доказательств – к исследованию доказательств: постановка вопроса // *Фундаментальные и прикладные проблемы управления расследованием преступлений: Сб. науч. трудов. Ч. 1.* М.: Академия управления МВД России, 2005. С. 51–52.

Это вызывает определенные возражения, поскольку:

1. Статья 85 УПК РФ четко определяет этапы доказания, а этап проверки доказательств выделяет, как самостоятельный.
2. На физическом уровне собирание доказательств и их проверка не могут быть совмещены, поскольку не представляется возможным проверить данные, которые еще не стали известными, а соответственно не собранными.

Суть проверки доказательств выражается не только в понимании самого содержания доказательств, но и их достоверности, а также согласованности доказательств между собой в рамках одного уголовного дела, в том числе возбужденного по ст. 327 УК РФ¹.

При этом уже на стадии возбуждения уголовного дела, связанного с подделкой документов, в порядке с ч. 1 ст. 144² УПК РФ³, до решения вопроса о возбуждении уголовного дела по ст. 327 УК РФ правоохранительные органы имеют право, для выявления факта подделки, назначить экспертизу.

По результатам такой экспертизы, решается вопрос о достоверности полученного сообщения о преступлении, т.е. поступившие данные подвергаются фактической проверке уже на этапе решения о возбуждении уголовного дела либо отказе в его возбуждении. Экспертное заключение, данное на стадии возбуждения уголовного дела, в котором изложены его результаты, относящиеся к совершению преступления предусмотренного ст. 327 УК РФ, может стать доказательством по делу. Это связано с тем, что экспертное исследование проводится в целях установления, либо опровержения фактов, ставших известными правоохранительным органам.

Таким образом, уже на момент возбуждения уголовного дела по ст. 327 УК РФ, правоохранительными органами посредством проведения судебной экспертизы осуществляется проверка сообщения на его достоверность. Однако такое заключение становится доказательством и включается в доказательную базу только после проведения его оценки, как доказательства следователем или судом.

Соответственно на стадии возбуждения уголовного дела, законодатель допускает проведение некоторых следственных действий, ряд из которых может в качестве способов проверки доказательств. Стоит отметить, что все же базовым способом собора доказательств является произ-

водство следственных и иных процессуальных действий, которые проводятся лишь после возбуждения уголовного дела.

Проверка доказательств не возможна без анализа самого содержания доказательства. Так на этапе сбора доказательств, правоохранительными органами по уголовным делам, связанных с подделкой документов, могут быть обнаружены поддельные документы, печати, штампы, бланки, устройства, используемые для производства поддельных документов, расходные материалы. Помимо этого, может быть обнаружена компьютерная техника, съемные диски, CD-ROM, внешние магнитные носители информации и т.п., которые были использованы для подделки документов (например, файлы, содержащие изображение документов и бланков, а также программы, позволяющие воспроизвести оттиски печатей и штампов для поддельных документов). Все обнаруженные данные подлежат закреплению в источниках доказательств. Процесс фиксации включает не только саму фиксацию фактических данных, но и действия по их обнаружению. Такие действия должны быть отражены в соответствующей процессуальной форме, с указанием оснований и характера действий, а также порядка и условий их осуществления⁴.

В ходе досудебного производства по уголовному делу некоторые вещественные доказательства упаковываются следователем и сдаются на хранение в специальное хранилище в соответствии со ст. 82 УПК РФ, а также Правилами хранения⁵. При осуществлении проверки доказательств, необходимо произвести осмотр вещественных доказательств. В соответствии с п. 7 Правилами хранения, их выдача производится по запросу следователя ведущего расследование.

При проверке доказательств, производится сопоставление проверяемых данных с другими доказательствами по делу. Помимо этого, проверки подлежат показания допрошенных лиц на предмет их правильного понимания и воспроизведения ситуации, а также правильность фиксации таких показаний в соответствующем протоколе. Также производится сопоставление собранных данных с показаниями допрошенных лиц.

Проверяемое доказательство сопоставляется с установленными законодателем правилами его оформления, на предмет наличие в соответствующих протоколах всех необходимых подписей. При

¹ «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 11.06.2021) // «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, N 25, ст. 2954.

² Изменения в ч. 1 ст. 144 были внесены Федеральным законом от 04.03.2013 N 23-ФЗ (ред. от 28.12.2013) «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 04.03.2013, N 9, ст. 875.

³ «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 11.06.2021, с изм. от 17.06.2021) // «Собрание законодательства РФ», 24.12.2001, N 52 (ч. I), ст. 4921.

⁴ В материалах, представляемых органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, должны быть зафиксированы не только сами фактические данные, полученные в ходе мероприятий, но и указаны время, место и должностное лицо, представившее эти данные. Представленные материалы могут использоваться как документы или вещественные доказательства.

⁵ Постановление Правительства РФ от 08.05.2015 N 449 «Об условиях хранения, учета и передачи вещественных доказательств по уголовным делам» (вместе с «Правилами хранения, учета и передачи вещественных доказательств по уголовным делам») // «Собрание законодательства РФ», 18.05.2015, N 20, ст. 2915

нарушении данных требований суд может признать такие доказательства недопустимыми.

Если в процессе проверки доказательств обнаруживается противоречие, то следователем, проводящим расследование, либо по указанию прокурора¹ на досудебной стадии уголовного судопроизводства, то проводятся дополнительные следственные действия² для получения сведений, позволяющих устранить такие противоречия, а также подтвердить достоверность проверяемого доказательства, или опровергнуть его.

Проверка доказательств может быть осуществлена на любой стадии уголовного судопроизводства, как на досудебной, так и в судах первой и апелляционной инстанций.

Таким образом, проверка доказательств осуществляется с применением следующих способов:

А). Путем анализа содержания доказательства.

Б). Сопоставление доказательства подлежащего проверки с другими, которые имеются в данном уголовном деле.

В). Проверка исправности материальных (цифровых) носителей информации, входящих в доказательную базу.

Г). Проверка надежности свидетельских показаний и их достоверности.

Если исходить из производимых действий по проверке доказательств в уголовном процессе, то она осуществляется через три самостоятельных последующих действий:

1. производится сравнение одних доказательств с другими;
2. проверяется источник получения этих доказательств;
3. проверяется их достоверность, а также подтверждается или опровергается их значимость.

Таким образом, в процессе проверки доказательств проводится исследование достоверности, правильности сбора и качества самих доказательств.

Кроме того, результатом этой проверки является накопление надлежащей информации о фактах, которые подтверждают обстоятельства, требующие доказывания в уголовном деле по ст. 327 УК РФ.

После этапа проверки доказательств, следует следующий этап, выражающийся в оценке таких доказательств.

Как отмечается в научной литературе по уголовному процессу, оценка доказательств, в контексте в ст. 17 и ст. 88 УПК РФ, рассматривается, как мыслительная деятельность субъектов доказывания, осуществляемая в логических формах³.

¹ П. 15 ч. 2 ст. 37 УПК.

² Дополнительный допрос, очная ставка, следственный эксперимент, проверка показаний на месте.

³ См., например, Александров Р.А., Гусаров Д.А. К вопросу о помощнике судьи как о полноправном участнике уголовного судопроизводства и его процессуальных функциях // Российский судья. 2019. N 4. С. 30–34; Обеспечение конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства: Материалы круглого стола (19 декабря 2017 г.) / М.В. Беляев,

Некоторыми учеными делаются уточнения при рассмотрении данного понятия, с указанием на то, что данная деятельность своим назначением имеет «определение относимости, допустимости, достоверности, достаточности доказательств»⁴.

Как верно отмечает А.Р. Белкин в отношении оценки доказательств, она позволяет сформировать суждение об их ценности для конкретного уголовного дела, и об их значения для процесса доказывания⁵.

Таким образом, важность стадии оценки доказательств состоит, прежде всего, в том, что она позволяет определить на основании анализа значение доказательства для процесса доказывания, а также его процессуальную состоятельность. Помимо этого у субъекта доказывания на данной стадии формируется собственное убеждение в обоснованности своей позиции.

При оценке доказательств по уголовному делу возбужденному по ст. 327 УК РФ, подлежит оценке значение конкретного доказательства и их совокупности для процесса доказывания.

Оценке подлежат и иные экспертные заключения, полученные в результате следственных действий. Стоит указать, что законодателем заключение эксперта, как доказательство по делу, не выделяется, как имеющее преимущество перед другими видами доказательств. Однако в большинстве своем заключение эксперта является наиболее убедительным доказательством. Представляется, что это связано с тем, что эксперт является аттестованным работником государственного судебно-экспертного учреждения, имеющим соответствующее образование, а уровень его квалификации проверяется экспертно-квалификационной комиссией каждые пять лет⁶.

Поэтому как у субъектов доказывания, так и у защиты обычно не возникают вопросы о том, является ли эксперт носителем специальных знаний, а также вопросы о признании такого заключения в качестве доказательства.

Однако при оценке доказательств должно быть в обязательном порядке подвергнуто и заключение эксперта на предмет его надежности. В связи с чем, на данном аспекте сконцентрировали внимание Конституционный и Верховный Суды РФ, которыми отмечалось, что экспертное заключение не имеет преимущественного значения по отношению к иным доказательствам по делу и подлежит оценке по общим правилам в совокупности с другими доказательствами⁷.

С.В. Бурмагин, А.А. Василенко и др.; отв. ред. В.В. Ершов. М.: РГУП, 2018. 264 с. и др.

⁴ Власов А.Г. Условия оглашения в суде показаний потерпевших и свидетелей // Законность. 2019. N 11. С. 59–62.

⁵ Белкин А.Р. Теория доказывания: науч.-метод. пособ. М.: НОРМА, 1999. С. 185.

⁶ Федеральный закон от 31.05.2001 N 73-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 04.06.2001, N 23, ст. 2291.

⁷ Определение Конституционного Суда РФ от 29 мая 2019 г. N 1231-О. URL: <https://base.garant.ru/72272948/> (дата обращения 14.01.2024 г.); Определение Конституционного Су-

При оценке подлежат и приобретают особое значение вещественные доказательства (обозначенные выше), обнаруженные у правонарушителя и зафиксированные надлежащим процессуальным образом.

Помимо этого оценке подлежат видеозаписи с мест происшествия, аудиозаписи переговоров, фотографии и т.п., которые обычно также становятся вещественными доказательствами по уголовному делу, возбужденному по ст. 327 УК РФ.

Вышеуказанные оцениваемые доказательства, по своей сути не только беспристрастны, но и объективны. С практической точки зрения они вызывают доверие, поскольку являются мало оспорируемыми.

При оценке доказательств по уголовному делу, возбужденному по ст. 327 УК РФ подлежат показания допрошенных лиц, зафиксированные в установленной законом форме и порядке, на предмет степени доверия к источнику доказательства. Как правило, для оценки используется протоколирование; звукозапись; видео-аудиозапись.

Такие источники доказательств по уголовным делам, возбужденным по ст. 327 УК РФ должны быть подвержены наиболее тщательной и беспристрастной оценке.

Еще в 1910 году Л.Е. Владимиров, будучи правоведом и профессором уголовного права, а также выступающим правозащитником по громким уголовным делам того времени, указывал на степень доверия к доказательствам, посредством которого восстанавливаются прошлые события. Ученый указывал, что на это оказывает влияние собственное мнение, касающееся возможности такого события¹, отмечая, что именно поэтому вне зависимости от силы доказательства, человек исходит из собственных понятий².

Поэтому при оценке доказательств субъекту доказывания необходимо быть наиболее беспристрастным, чтобы доказательная база отвечала требованиям относимости, допустимости, достоверности, достаточности доказательств.

При производстве по уголовному делу, возбужденному по ст. ст. 327 УК РФ, любая информация, служащая в качестве доказательства, является вероятным событием и основана на определенном знании о ней. Если предоставленная, в качестве доказательства информация вызывает сомнения, то она может быть признана недостоверной.

Представляется возможным выделить признаки оценки доказательств, которые состоят в следующем:

- это логически выстроенный мыслительный процесс;
- оценку производят субъекты доказывания, определенные законом;
- она производится по собственному внутреннему убеждению конкретного субъекта доказывания;
- посредством данной оценки определяется ответ на вопрос об относимости, допустимости, достоверности и достаточности доказательства, как каждого отдельного, так и в их совокупности по делу.

Подытоживая вышеизложенное, следует сделать следующие выводы:

1. Проверка и оценка доказательств, являются самостоятельными этапами доказывания по уголовным делам, включая уголовные дела возбужденные по ст. 327 УК РФ.
2. Под проверкой доказательств, следует понимать этап доказывания, следующий за этапом сбора доказательств и предшествующий этапу и оценки доказательств, в процессе которого производится анализ содержания доказательства и устанавливается его достоверность и доброкачественность.
3. Под оценкой доказательств следует понимать этап доказывания, сопряженный с логически выстроенной мыслительной деятельностью, осуществляемой специально уполномоченным уголовным законом субъективным составом, которая вырабатывается по собственному внутреннему убеждению и умозаключению об относимости, допустимости, достоверности и достаточности доказательств по конкретному делу.

Литература

1. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 11.06.2021, с изм. от 17.06.2021) // «Собрание законодательства РФ», 24.12.2001, N 52 (ч. I), ст. 4921.
2. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 11.06.2021) // «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, N 25, ст. 2954.
3. Федеральный закон от 04.03.2013 N 23-ФЗ (ред. от 28.12.2013) «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 04.03.2013, N 9, ст. 875.
4. Федеральный закон от 31.05.2001 N 73-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 04.06.2001, N 23, ст. 2291.
5. Постановление Правительства РФ от 08.05.2015 N 449 «Об условиях хранения, учета и передачи вещественных доказательств

да РФ от 27 сентября 2019 г. N 2248-О. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=602269#H-6nZM1UQmpVF4L2A> (дата обращения 14.01.2024 г.); Учение об уголовных доказательствах URL: <https://vsrf.ru/documents/own/8226/> (дата обращения 14.01.2024 г.)

¹ Учение об уголовных доказательствах: Части: общ. и особен. / Л.Е. Владимиров, засл. проф., присяж. пов. окр. Моск. судеб. палаты. – 3-е изд., изм. и законч. – Санкт-Петербург: кн. маг. «Законоведение», 1910. – XXXVIII, [2], 400 с.

² Там же.

по уголовным делам» (вместе с «Правилами хранения, учета и передачи вещественных доказательств по уголовным делам») // «Собрание законодательства РФ», 18.05.2015, N 20, ст. 2915

6. Алексеев П. В., Панин А.В. Теория познания и диалектика. М., 1991. – 382 с.
7. Александров Р.А., Гусаров Д.А. К вопросу о помощнике судьи как о полноправном участнике уголовного судопроизводства и его процессуальных функциях // Российский судья. 2019. N 4. С. 30–34
8. Белкин А.Р. Теория доказывания: науч.-метод. пособ. М.: НОРМА, 1999. – 418 с.
9. Боруленков Ю.П. Теоретические основы процессуального познания: Моногр. Владимир, 2006. – 257 с.
10. Бочаров Д.А. Доказывание в правоприменительной деятельности: общетеоретические вопросы: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 2007. С. 21.
11. Власов А.Г. Условия оглашения в суде показаний потерпевших и свидетелей // Законность. 2019. N 11. С. 59–62.
12. Головкин Л.В. От проверки доказательств – к исследованию доказательств: постановка вопроса // Фундаментальные и прикладные проблемы управления расследованием преступлений: Сб. науч. трудов. Ч. 1. М.: Академия управления МВД России, 2005. С. 49–53.
13. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / О.Н. Ведерникова, С.А. Ворожцов, В.А. Давыдов и др.; отв. ред. В.М. Лебедев; рук. авт. кол. В.А. Давыдов. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2014. – 1056 с.
14. Обеспечение конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства: Материалы круглого стола (19 декабря 2017 г.) / М.В. Беляев, С.В. Бурмагин, А.А. Василенко и др.; отв. ред. В.В. Ершов. М.: РГУП, 2018. – 264 с.
15. Учение об уголовных доказательствах: Части: общ. и особен. / Л.Е. Владимиров, засл. проф., присяж. пов. окр. Моск. судеб. палаты. – 3-е изд., изм. и законч. – Санкт-Петербург: кн. маг. «Законоведение», 1910. – XXXVIII, [2]. – 400 с.
16. Определение Конституционного Суда РФ от 29 мая 2019 г. N 1231-О. URL: <https://base.garant.ru/72272948/> (дата обращения 26.01.2024 г.).
17. Определение Конституционного Суда РФ от 27 сентября 2019 г. N 2248-О. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=602269#H6nZM1UQmpVF-4L2A> (дата обращения 26.01.2024 г.).
18. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. N 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам». URL: <https://vsrf.ru/documents/own/8226/> (дата обращения 26.01.2024 г.)

VERIFICATION AND EVALUATION OF EVIDENCE AS A STAGE OF THE EVIDENTIARY PROCESS IN PRE-TRIAL CRIMINAL PROCEEDINGS IN CRIMINAL CASES INITIATED UNDER ART. 327 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Krylova N.A.

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article analyzes the process of checking and evaluating evidence in cases involving forgery of documents. The author comes to the conclusion that verification and evaluation of evidence are independent stages of proof in criminal cases, including criminal cases initiated under Art. 327 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author proposes that by checking evidence, we understand the stage of proof, following the stage of collecting evidence and preceding the stage of evaluating evidence, during which the content of the evidence is analyzed and its reliability and goodness are established. The author proposes to understand the evaluation of evidence as the stage of proof associated with logically constructed mental activity carried out by a subjective group specially authorized by the criminal law, which is developed according to its own internal conviction and conclusion about the relevance, admissibility, reliability and sufficiency of evidence in a particular case.

Keywords: proof, stage, verification of evidence, evaluation of evidence, criminal case, forgery of documents, physical evidence, recording, thought process.

References

1. “Criminal Procedure Code of the Russian Federation” dated December 18, 2001 N 174-FZ (as amended on June 11, 2021, as amended on June 17, 2021) // “Collection of Legislation of the Russian Federation,” December 24, 2001, N 52 (ch. I), Art. 4921.
2. “Criminal Code of the Russian Federation” dated 06/13/1996 N 63-FZ (as amended on 06/11/2021) // “Collection of Legislation of the Russian Federation”, 06/17/1996, N 25, Art. 2954.
3. Federal Law of 04.03.2013 N 23-FZ (as amended on 28.12.2013) “On amendments to Articles 62 and 303 of the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation” // “Collection of Legislation of the Russian Federation”, 04.03.2013, N 9, art. 875.
4. Federal Law of May 31, 2001 N 73-FZ (as amended on July 1, 2021) “On State Forensic Expert Activities in the Russian Federation” // “Collected Legislation of the Russian Federation”, 06/04/2001, N 23, Art. 2291.
5. Decree of the Government of the Russian Federation dated 05/08/2015 N 449 “On the conditions of storage, recording and transfer of material evidence in criminal cases” (together with the “Rules for storage, recording and transfer of material evidence in criminal cases”) // “Collection of Legislation of the Russian Federation”, 05/18/2015, N 20, art. 2915
6. Alekseev P.V., Panin A.V. Theory of knowledge and dialectics. M., 1991. – 382 p.
7. Aleksandrov R.A., Gusarov D.A. On the issue of an assistant judge as a full participant in criminal proceedings and his procedural functions // Russian Judge. 2019. N 4. P. 30–34
8. Belkin A.R. Theory of evidence: scientific method. allowance M.: NORM, 1999. – 418 p.
9. Borulenkova Yu.P. Theoretical foundations of procedural cognition: Monograph. Vladimir, 2006. – 257 p.
10. Bocharov D.A. Proof in law enforcement: general theoretical issues: Author’s abstract. dis. ...cand. legal Sci. Kharkov, 2007. P. 21.
11. Vlasov A.G. Conditions for reading out the testimony of victims and witnesses in court // Legality. 2019. N 11. pp. 59–62.
12. Golovko L.V. From verification of evidence to research of evidence: formulation of the question // Fundamental and applied problems of crime investigation management: Sat. scientific works Part 1. M.: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2005. P. 49–53.
13. Scientific and practical commentary to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (article-by-article) / O.N. Vedernikova, S.A. Vorozhtsov, V.A. Davydov and others; resp. ed. V.M. Lebedev; hands auto count V.A. Davydov. M.: NORMA, INFRA-M, 2014. – 1056 p.

14. Ensuring the constitutional rights and freedoms of participants in criminal proceedings: Materials of the round table (December 19, 2017) / M.V. Belyaev, S.V. Burmagin, A.A. Vasilenko and others; resp. ed. V.V. Ershov. M.: RGUP, 2018. – 264 p.
15. The doctrine of criminal evidence: Parts: general. and special. / L.E. Vladimirov, honorary prof., juror pov env. Moscow fate chambers. – 3rd ed., rev. and finish – St. Petersburg: book. magician “Legislation”, 1910. – XXXVIII, [2]. – 400 s.
16. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 29, 2019 N 1231-O. URL: <https://base.garant.ru/72272948/> (accessed January 26, 2024).
17. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of September 27, 2019 N 2248-O. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=602269#H-6nZM1UQmpVF4L2A> (date of access: 01/26/2024).
18. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 21, 2010 No. 28 “On forensic examination in criminal cases.” URL: <https://vsrf.ru/documents/own/8226/> (accessed January 26, 2024)

Критерии квалификации хулиганства на транспорте как уголовного преступления

Крюков Антон Владимирович,

старший преподаватель кафедры уголовного права, Санкт-Петербургский университет МВД России, судья в отставке
E-mail: krukovanton293@gmail.com

В статье рассматриваются вопросы правильности и обоснованности квалификации совершенных на транспорте хулиганских действий по ст. 213 ч. 1 п. «в» УК РФ как хулиганства, то есть грубого нарушения общественного порядка, выражающего явное неуважение к обществу, совершенного на железнодорожном, морском, внутреннем водном или воздушном, а также на любом ином транспорте общего пользования. Автор анализирует ряд признаков, имеющих существенную роль при квалификации соответствующего деяния как административного правонарушения или уголовного преступления. В статье в качестве примеров исследуется ряд административных дел о правонарушениях, предусмотренных ст. 20.1 КоАП РФ, а также уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 213 ч. 1 п. «в» УК РФ. Автор делает вывод о том, что главным критерием разграничения этих деяний является степень нарушения общественного порядка – большая или меньшая. Соответственно, большая степень нарушения общественного порядка свидетельствует о совершении уголовного преступления, меньшая – о совершении административного правонарушения. В статье автор приводит ряд оснований, свидетельствующих о том, что совершенное на транспорте хулиганство следует квалифицировать как уголовное преступление: применение насилия, воздействие на водителя транспортного средства, разрушение транспортного средства, хулиганство в самолете во время полета, воздействие на иное движущееся транспортное средство.

Ключевые слова: квалификация преступлений, уголовная ответственность, административная ответственность, хулиганство на транспорте, степень общественной опасности, применение насилия, разрушение транспортного средства.

Уголовная ответственность за совершение хулиганства, то есть грубого нарушения общественного порядка, выражающего явное неуважение к обществу, совершенного на железнодорожном, морском, внутреннем водном или воздушном транспорте, а также на любом ином транспорте общего пользования предусмотрена пунктом «в» части 1 статьи 213 УК РФ.

В то же время практика возбуждения уголовных дел с очевидностью свидетельствует о том, что в большинстве случаев правоохранительные органы предпочитают не возбуждать подобных уголовных дел, ограничиваясь привлечением к административной ответственности по статье 20.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ).

Например, согласно постановлению Новгородского районного суда от 30.08.2022 г., Б. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 20.1 КоАП РФ, то есть в совершении мелкого хулиганства – нарушения общественного порядка, выражающего явное неуважение к обществу, сопровождающегося нецензурной бранью в общественных местах, оскорбительным приставанием к гражданам. Как установлено судом, 28.08.2022 года Б., в автобусе маршрута № 1, стоявшего на пр. А. Корсунова в г. Великий Новгород, вёл себя агрессивно, выражался нецензурной бранью, в том числе и в адрес кондуктора автобуса, попросившей Б. оплатить проезд. Когда водитель автобуса сделал ему замечание, Б. так же агрессивно стал нецензурно ругаться и в адрес водителя. Судом Б. назначено наказание – административный арест на срок 3 суток. [1]

Следует отметить, что Б., находясь в общественном транспорте, фактически совершил грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу. Тем не менее, было возбуждено не уголовное, а административное дело.

В самолете, летевшем из Владивостока в Новосибирск, одна из пассажирок вскоре после взлета встала со своего места и начала, плохо ориентируясь, ходить по проходу самолета, надевая и снимая верхнюю одежду и не обращая внимания на замечания экипажа. Будучи задержана, она пояснила, что перед вылетом употребила наркотическое средство. В данном случае также последовало привлечение ее не к уголовной, а к административной ответственности – за мелкое хулиганство. [2]

Была привлечена к административной ответственности по ст. 20.1 КоАП РФ и пассажирка, сня-

тая с рейса Москва-Красноярск в аэропорту Домодедово за нарушение общественного порядка.

Согласно протоколу, женщина нарушала общественный порядок, выражалась нецензурной бранью, когда сотрудники полиции поднялись на борт, женщина укусила одного из них за руку. [3]

При этом по ряду ситуаций с чрезвычайно сходными обстоятельствами виновные привлекались уже не к административной, а к уголовной ответственности. Так, 18.05.2017 года Линейным управлением МВД России в аэропорту Шереметьево в Москве к уголовной ответственности по п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ привлечен гражданин государства Израиль. Этот гражданин, находясь в самолете авиакомпании «Аэрофлот», следующем рейсом «Тель-Авив-Москва», в состоянии алкогольного опьянения, нецензурно выражался в адрес обслуживающего персонала и пассажиров, не обращал внимания на замечания, распивал имевшиеся у него алкогольные напитки и несколько раз пытался открыть входную дверь самолета. Вступившим в законную силу приговором суда от 12.09.2017 г. он был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 213 ч. 1 п. «в» УК РФ, с назначением наказания в виде лишения свободы сроком на шесть месяцев в колонии-поселении. [4]

Очевидно, что данная ситуация во многом аналогична вышеуказанной, тем не менее здесь имеет место возбуждение уголовного дела.

Приговором Иланского районный суд Красноярского края от 21.07.2020 г. [5], Ш. осужден по статьям 213 ч. 2 и 116 УК РФ, окончательно ему назначено наказание в виде 2 лет 7 месяцев лишения свободы условно, с испытательным сроком 2 год 6 месяцев, с возложением дополнительных обязанностей.

Судом установлено, что Ш. в пассажирском поезде сообщением «Владивосток-Москва» в вагоне-ресторане распивал спиртное. В состоянии опьянения он мешал проходу пассажиров и выражался грубой нецензурной бранью в адрес пассажиров поезда и поездной бригады. Начальник поезда потребовал прекратить хулиганство и стал составлять информационный лист о происшествии. Ш. вырвал из его рук планшет с информационным листом, смял лист, бросил на пол и нанес начальнику поезда несколько ударов руками по лицу и шее.

Приведенные примеры дают обширную почву для размышлений о том, где же проходит грань, отделяющая уголовное преступление на транспорте от административного правонарушения. Данный вопрос имеет существенное значение, поскольку указанные ситуации чрезвычайно распространены, при этом за соответствующее уголовное преступление предусмотрено максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до пяти лет, а за административное правонарушение – до пятнадцати суток административного ареста, то есть наказания за соответствующие деяния несопоставимы.

М.В. Баранчикова полагает, что главным критерием здесь выступает грубость нарушения об-

щественного порядка. По ее мнению, грубость может выражаться в совершении действий, вызывающих опасение у граждан за неприкосновенность их прав и интересов, нарушении работы транспорта, его незапланированной задержке, остановке, экстренной посадке самолетов. [6]

Действительно, главенствующую роль при оценке и квалификации подобных деяний играет степень грубости или тяжесть нарушения общественного порядка. Точное определение данной степени является залогом правильной и обоснованной квалификации совершенного деяния, и, соответственно, назначения виновному обоснованного наказания.

При этом развернутой трактовки большей или меньшей степени тяжести нарушения общественного порядка в соответствующей литературе не приводится.

На основании анализа различных случаев нарушений общественного порядка на транспорте можно предложить следующие разграничения уголовной и административной ответственности за подобные деяния:

1) Применение в процессе хулиганских действий любого насилия к пассажирам или сотрудникам транспортной организации следует квалифицировать по ст. 213 УК РФ как хулиганство на общественном транспорте. При этом как применение насилия следует квалифицировать применение физической силы в любой форме, по необходимости – с дополнительной квалификацией за причинение вреда здоровью. Если же имеет место насилие, не влекущее вреда здоровью или физической боли, такое как толчки, хватание за одежду, пинки, вырывание у пассажиров или сотрудников любых предметов с последующим их выбрасыванием, то обоснованной будет квалификация только по ст. 213 ч. 1 п. «в» УК РФ. При движении транспорта и скученности пассажиров подобные действия могут вызвать самые непредсказуемые и иногда достаточно тяжкие последствия.

2) Случаи воздействия в любой форме на лицо, управляющее транспортным средством, также следует квалифицировать как уголовное хулиганство. Подобное воздействие может выражаться в самых разнообразных формах: физическое воздействие, намеренное отвлечение внимания водителя во время движения путем настойчивых беспричинных обращений непосредственно к нему или брани по его адресу, любое препятствование процессу управления. Общественную опасность воздействия при движении на лицо, управляющее транспортным средством, переоценить сложно.

3) Воздействие на составные элементы транспортного средства, могущее повлечь его остановку или торможение либо поставить под угрозу жизнь и здоровье лиц, находящихся в транспортном средстве. К подобным воздействиям могут быть отнесены случаи разбивания лобового стекла перед водителем и вообще разбивание окон в транспортном средстве, разрушение поручней, прокалывание или иное повреждение колес. Ни-

чем не мотивированное, совершенное из хулиганских побуждений срывание стоп – крана в поездах, с нашей точки зрения, также следует квалифицировать по данной статье.

4) Особую общественную опасность имеют хулиганские действия в самолете во время полета, поскольку в подобных случаях возвращение в аэропорт или вынужденная посадка всегда являются чрезвычайно проблематичными. Поэтому, с нашей точки зрения, хулиганские действия в самолете во время полета, даже не связанные с применением насилия или разрушением или повреждением элементов воздушного судна, следует квалифицировать как уголовное преступление. К подобным действиям могут быть отнесены агрессивные приставания к пассажирам, преднамеренное разбрасывание различных предметов по салону самолета, бегание по креслам или висение на различных элементах самолета, попытки открыть двери, иллюминаторы или люки. Такие действия способны спровоцировать драку, панику или разрушение самолета, что в полете является чрезвычайно опасным.

5) При движении транспортного средства как хулиганство на общественном транспорте следует квалифицировать, вне зависимости от наступивших последствий, воздействия на иные также движущиеся транспортные средства. К подобным воздействиям могут быть отнесены бросание из движущегося транспорта любых предметов в иные движущиеся транспортные средства, обливание их любыми жидкостями, брань и оскорбления в адрес водителей или пассажиров иных транспортных средств, способные спровоцировать дорожно-транспортное происшествие или конфликт, могущий перерасти в дорожно – транспортное происшествие.

Введение Федеральным законом от 03.04.2017 г. № 60 – ФЗ в часть 1 статьи 213 УК РФ пункта «в» о хулиганстве на транспорте, безусловно, с учетом огромного увеличения в стране транспортных потоков, явилось в уголовном законе вполне обоснованной новацией. Однако при этом указанное преступление до настоящего времени нуждается в подробном и детальном толковании.

Литература

1. Электронный ресурс: Безформата Великий Новгород / URL: <https://velikiynovgorod.bezformata.com/listnews/nakazanie-v-vide-administrativnogo/108948351/> (дата обращения 04.02.2024 г.)
2. Электронный ресурс: МВД Медиа/ URL: <https://mvdmedia.ru/news/operativnyenovosti/letevshaya-iz-vladivostoka-zhitelnitsa-novosibirska-privlechena-k-otvetstvennosti-za-melkoe-khuligan/> (дата обращения 04.02.2024 г.)
3. Электронный ресурс: Агентство городских новостей Москва / URL: <https://www.msk->

[agency.ru/materials/2703524](https://www.msk-agency.ru/materials/2703524) (дата обращения 04.02.2024 г.)

4. Электронный ресурс: Официальный сайт Управления на транспорте МВД России по Центральному федеральному округу. URL: https://цфоут.мвд.рф/pravo_str/item/12306134 (дата обращения 04.02.2024 г.).
5. Электронный ресурс: «Судебные и нормативные акты РФ» URL: <https://sudact.ru/regular/doc/YRqc4Qmlqgm5/> (дата обращения 05.02.2024 г.).
6. Баранчикова М.В. Уголовная ответственность за хулиганство на транспорте и его отграничение от смежных составов правонарушений. Сибирский юридический вестник. № 2 (85). 2019. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnaya-otvetstvennost-za-huliganstvo-na-transporte-i-ego-otgranichenie-ot-smezhnyh-sostavov-pravonarusheniy/viewer> (дата обращения 04.02.2024 г.).

CRITERIA FOR THE QUALIFICATION OF HOOLIGANISM IN TRANSPORT AS A CRIMINAL OFFENSE

Kryukov A.W.

Saint Petersburg University of the Ministry of internal Affairs of Russia

The article examines the issues of correctness and validity of the qualification of hooligan actions committed in transport under Article 213 Part 1 of paragraph “b” of the Criminal Code of the Russian Federation as hooliganism, that is, a gross violation of public order expressing obvious disrespect for society, committed on railway, sea, inland, water or air, as well as on any other public transport. The author analyzes a number of signs that have a significant role in the qualification of the relevant act as an administrative offense or a criminal offense. The article examines as examples a number of administrative cases of offenses provided for in Article 20.1 of the Administrative Code of the Russian Federation, as well as criminal cases of crimes provided for in Article 213 Part 1 of paragraph “b” of the Criminal Code of the Russian Federation. The author concludes that the main criterion for distinguishing these acts is the degree of violation of public order – greater or lesser. Accordingly, a greater degree of violation of public order indicates the commission of a criminal offense, a lesser degree indicates the commission of an administrative offense. In the article, the author cites a number of grounds indicating that hooliganism committed in transport should be qualified as a criminal offense: the use of violence, impact on the driver of a vehicle, destruction of a vehicle, hooliganism on an airplane during flight, impact on another moving vehicle.

Keywords: Qualification of crimes, criminal liability, administrative liability, hooliganism in transport, degree of public danger, use of violence, destruction of the vehicle.

References

1. Electronic resource of the Veliky Novgorod Freeformat / URL: <https://velikiynovgorod.bezformata.com/listnews/nakazanie-v-vide-administrativnogo/108948351/> / (accessed 02/04/2024).
2. Electronic resource: Ministry of Internal Affairs Media/ URL: <https://mvdmedia.ru/news/operativnyenovosti/letevshaya-iz-vladivostoka-zhitelnitsa-novosibirska-privlechena-k-otvetstvennosti-za-melkoe-khuligan/> / (accessed 02/04/2024)
3. Electronic resource Moscow City News Agency / URL: <https://www.mskagency.ru/materials/2703524> (accessed 02/04/2024).
4. Electronic resource: The official website of the Department of Transport of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Central Federal District. URL: https://цфоут.мвд.рф/pravo_str/item/12306134 (accessed 02/04/2024).

5. Electronic resource "Judicial and regulatory acts of the Russian Federation" URL: <https://sudact.ru/regular/doc/YRqc4Qm-lqgm5/> (accessed 02/05/2024).
6. Baranchikova M.V. Criminal liability for hooliganism in transport and its separation from related offenses. Siberian Legal

Bulletin. No. 2 (85). 2019. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnaya-otvetstvennost-za-huliganstvo-na-transporte-i-ego-otgranichenie-ot-smeznyh-sostavov-pravonarusheniy/viewer> (accessed 02/04/2024).

Установление уголовной ответственности за организацию онлайн-проституции

Левандовская Мария Геннадьевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: mglevandovskaja@msal.ru

В статье рассматривается проблема выработки надлежащего законодательного представления о сущности понятия «онлайн-проституция», а также производится толкование норм УК РФ, которыми устанавливается ответственность за её организацию. Среди проблем идентификации рассматриваемого явления, в статье акцентируется внимание на имеющихся законодательных пробелах, делается вывод о необходимости расширения, сложившегося в науке и применяющегося на практике подхода к определению границ понятия «проституция» и об отнесении к таковой в том числе и систематического оказания платных сексуальных услуг в интернет-среде (онлайн-проституция). Также ставится вопрос о необходимости законодательного учета специфики онлайн-форм организации занятия проституцией другими лицами, отмечается целесообразность установления ответственности для лиц, занимающихся созданием информационно-технологического сопровождения проституции посредством создания конкретного ресурса, или путем его обслуживания и эксплуатации.

Ключевые слова: проституция, уголовная ответственность, цифровизация, киберпреступность.

Законодательное понимание сущности ряда противоправных деяний в современных условиях претерпевает изменения, причиной которых является переход многих общественных отношений в режим цифрового общения. Цифровизация социальной жизни привела к своеобразному переносу практически всех сфер взаимодействия между людьми в виртуальную среду. Человеку сложно адаптироваться к современным условиям без соответствующего цифрового сопровождения [1, с 33–37]. В цифровой среде и профессиональное, и личное взаимодействие между людьми получило новый вектор развития. Благодаря цифровизации способов противоправных деяний, преступления, которые ранее могли совершаться исключительно при личном контакте, меняют привычные формы и переходят в сферу т.н. онлайн-общения [3, с. 153–161]. Острое и повсеместное влияние киберпространства на общественные отношения, актуализируют проблему необходимости не только законодательных реформ, но и пересмотра многих фундаментальных взглядов, ранее считавшихся основой для правоприменения.

Проституция как социальное явление давно стала объектом правоохранительного интереса. Однако законодательного определения понятия проституции так и не было сформулировано. Если обобщить множество содержащихся в научных исследованиях, комментариях и учебной литературе определений и актуализировать их под современные условия, можно выявить сущностные признаки проституции, выделяемые большинством авторов: систематичность оказания сексуальных услуг, их возмездный (оплачиваемый) характер, отсутствие персональной идентификации клиента. В целом с таким подходом можно согласиться. Проституция действительно представляет собой социальное взаимодействие, предполагающее систематическое платное оказание сексуальных услуг. При таком взаимодействии одна из сторон преследует цель – получить за оказываемые сексуальные услуги денежное (или иное материальное) вознаграждение, другая – сексуальное (или иное) удовлетворение. Указанный формат имеет признаки услуги, оказываемой на возмездной основе индивидуально не определенному кругу лиц (клиентов). Как известно, само участие в процессе оказания платной услуги сексуального характера, в большинстве случаев не признается уголовным законодательством преступлением и влечет лишь административную ответственность. В число же действий, являющихся основанием уголовной ответственности, включены: вовлечение в занятие

проституцией или принуждение (ст. 240 УК РФ), получение сексуальных услуг несовершеннолетнего (ст. 240.1 УК РФ), организация занятия проституцией (ст. 241 УК РФ). Однако определение границ поведения, относящегося к проституции, определяет границы и преступных деяний, с ней связанных.

Большинство авторов, предлагающих определение проституции в своих работах, отмечают, что само оказание сексуальных услуг при проституции должно осуществляться посредством физического взаимодействия, что предполагает исключительно оффлайн-режим. Такое (явно ограничительное) толкование долгие годы не подвергалось сомнению и до сих пор применяется на практике. Однако, переход в цифровую среду не только профессионального, но и личного, порой даже интимного, взаимодействия между людьми, заставляет задуматься о необходимости пересмотра подобного подхода.

В настоящее время, распространение получил такой вид интимных услуг, которые оказываются в режиме онлайн-общения в форме трансляций в так называемых эротических чатах. Сущность данного явления в том, чтобы предоставлять услуги через интернет-общение, таким образом, исключая физический контакт между заказчиком (клиентом) и исполнителем услуги. Отсутствие четких, законодательно установленных границ понятия проституции, порождает сложности в решении вопроса, что именно следует признавать в данном случае противоправным деянием. К примеру, правоохранители задерживают девушку, которая систематически оказывала «интимные интернет-услуги», но при этом физического контакта с клиентами не имела. Отсутствие тактильных ощущений ставит перед правоприменителем вопрос: стоит ли признавать такие действия проституцией? Этот вопрос порождает и ряд других, связанных с ним. Стоит ли рассматривать в качестве правонарушителя того, кто предоставил контент (интернет-площадку) для реализации указанных действий? Или можно ли привлекать к уголовной ответственности того, кто смог вовлечь в такое занятие другое лицо, сделав это точно так же – посредством онлайн-общения?

Несмотря на то, что транслируемое в эрочатах видео изображение имеет порнографический характер, сам эрочат не имеет характеристик предмета преступления, предусмотренного ст. 242 УК РФ, поскольку при его использовании не происходит изготовления такого материала. По сути, такой чат представляет собой добровольное онлайн-общение сексуального характера, без права записи самой предоставляемой услуги. Однако систематичность и возмездный характер оказываемых в чатах интимных услуг позволяет заметить, что деятельность эрочатов по своей сути зачастую весьма близка именно проституции, сущностные признаки которой (систематическое оказание услуг сексуального характера за денежное вознаграждение

и без персональной идентификации клиента) присутствуют и в данном случае.

Сложившийся на практике и распространенный в уголовно-правовой литературе подход к определению границ поведения, относящегося к проституции, предполагающий обязательное физическое сексуальное взаимодействие лица, занимающегося проституцией, с клиентом, представляется необоснованно узким и не соответствующим современным реалиям, в которых, как уже отмечалось, невозможно не заметить стремительно развивающуюся тенденцию к переходу в цифровую среду, в том числе интимного взаимодействия между людьми. Онлайн-торговля сексуальными услугами по своей вредности для общественной нравственности не уступает «традиционной» проституции, а использующиеся при этом информационно-телекоммуникационные сети (включая сеть «Интернет») значительно расширяют масштаб опасного поведения.

Все сказанное приводит к выводу о том, что понятие проституции, как и раскрытие его смысла требуют дополнительных законодательных и правоприменительных коррекций. Для решения поднятых вопросов следует разработать ряд дефиниций, которыми в первую очередь будут устанавливаться правила оценки действий лиц, причастных к организации онлайн-проституции. Саму же онлайн-проституцию следует признать отдельным сегментом, охватываемым общим понятием «проституция».

Вопрос о способах распространения информации об оказании (как в оффлайн, так и в онлайн режиме) платных интимных услуг в наше время также становится все более актуальным. Как отмечает А.А. Разина, такой интерес, в первую очередь, является следствием общего посыла, связанного с острой необходимостью определения источников распространения негативной информации в обществе [5, с. 144–147].

При организации занятия проституцией в цифровой среде могут совершаться многие действия, направленные на создание необходимых условий для будущего оказания платных сексуальных услуг другими лицами, в том числе включающие создание необходимого контента, выстраивание линии оплаты услуги, получение выплат за оказанные услуги путем перечисления их на специальный счет; распространение сведений о наличии такой услуги; осуществление подбора лиц для её оказания. В настоящее время онлайн-организация проституции наиболее распространена. Одной из причин виртуализации подобной деятельности, по мнению исследователей, является заметное усложнение персональной идентификации лиц, ее осуществляющих, что зачастую позволяет организаторам этого процесса (выполняющим, по сути, функции сутенеров) избежать ответственности. С другой стороны, исследователи отмечают, что при онлайн-форме организации занятия проституцией сами проститутки могут взимать более высокую плату за свои сексуальные услуги, поскольку считаются «пред-

ставителями более высокого класса по сравнению с уличными проститутками» [4, с. 336–341].

Однако, внимательное изучение диспозиции ст. 241 УК РФ, позволяет заметить, что законодатель в правовой оценке указанного деяния не учитывает специфику его совершения с использованием киберпространства. В этой связи стоит обратить внимание на иные составы преступлений, где законодателем интернет-пространство учитывается в качестве обстановки или способа совершения противоправных деяний. К примеру, в настоящее время, уголовное законодательство включает нормы, которыми установлена ответственность за преступления, совершенные посредством распространения информации через сеть «Интернет». К таким следует отнести, в первую очередь, деяния, предусмотренные ст.ст. 128.1, 171.2, 205.2, 242, 242.1, 272, 273 УК РФ, и др. При этом, именно организация преступления, законодательно запрещена в ст. 171.2 УК РФ, где под организацией преступного деяния понимается непосредственно предоставление услуг, выходящих за рамки установленных требований, предъявляемых к организации азартных игр. Понятно, что такую диспозицию к «онлайн-сопровождению» проституции не применить, так как занятие ею запрещено в целом. Кроме того, стоит обратить внимание на то, что законодатель, стараясь определить виновность или причастность к правонарушениям в области азартных игр, возлагает ответственность не на тех, кто позволяет использовать собственный сайт для их организации, а на тех, кто закупает для их непосредственного проведения [6, с. 96–103]. В случае с проституцией, указанный принцип вряд ли можно использовать. Здесь, необходимо оценивать поведение организаторов более широко, поскольку основным средством реализации преступного умысла будет выступать интернет-контент. В ряде случаев это сопоставимо с тем, что контент будет подменять собой притон. Примером такого подхода служит законодательство США, где в большинстве штатов, в целях противостояния именно онлайн-проституции, были приняты отдельные (специальные) законы, определяющие ответственность за организацию такой услуги при условии, что лицо приняло непосредственное участие в разработке необходимого ресурса, и фактически осуществляло его обслуживание. В диспозиции нормы, устанавливающей основание уголовной ответственности, совершаемые действия определяются как «онлайн-продвижение проституции», и включают в себя случаи, где лицо совершает преступление, если оно владеет, управляет, или активно использует интерактивный компьютерный сервис, а также является поставщиком информационного контента, или действует в качестве поставщика информационного контента с намерением способствовать проституции другого лица или способствовать другому лицу заниматься проституцией [2, с. 138–141]. В контексте оценки приведенной позиции, разумно отметить, что именно таким образом можно было бы достичь эффективного про-

тиводействия рассматриваемому явлению, ибо во всех остальных случаях законодательного установления, привлечь лицо к уголовной ответственности за организацию именно онлайн-проституции будет крайне сложно.

Таким образом, мы видим, что для разрешения вопроса эффективности привлечения к уголовной ответственности за организацию киберпреступлений, затрагивающих такой неправомерный вид деятельности (услуг), как проституция, необходимо внести ряд корректив. Указанные коррективы, в первую очередь, должны позволить получить соответствующее современным реалиям понятие «проституции», включив в ее границы оказание сексуальных услуг не только посредством физического взаимодействия, но и путем онлайн-трансляции. С учетом этого, необходимо установить ответственность для лиц, которые осознанно создают информационно-технологическое сопровождение незаконной деятельности, как путем создания конкретного ресурса, так и путем его обслуживания и эксплуатации.

Литература

1. Егоров П.А. Вопросы цифровизации. Защита персональных данных в современных реалиях / П.А. Егоров // XXXV international Plekhanov readings: Юбилейный сборник статей аспирантов и молодых ученых на английском языке, Moscow, 25 марта 2022 года. – Moscow: Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, 2022. – Р. 33–37.
2. Кузьмин Н.А. Некоторые аспекты использования положительного опыта зарубежных стран в предупреждении организации занятия проституцией / Н.А. Кузьмин, И.Х. Апаев // Вестник Московского университета МВД России. – 2022. – № 3. – С. 138–141.
3. Малышкин Р. Н. О понятиях цифровой преступности и цифровых преступлениях: криминологические аспекты / Р.Н. Малышкин // Пробелы в праве в условиях цифровизации: Сборник научных трудов / Коллектив авторов, ООО «Инфотропик Медиа». – Москва: Инфотропик Медиа, 2022. – С. 153–161.
4. Петрянина О.А. Правовые последствия организации занятия проституцией: проблемы уголовно-правового противодействия / О.А. Петрянина // Тринадцатые Бабаевские чтения: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, Нижний Новгород, 26–27 мая 2022 года. – Нижний Новгород, Нижегородская академия МВД России, 2022. – С. 336–341.
5. Разина А.А. Анализ понятия проституции как уголовно-правовой категории, необходимой для раскрытия составов преступлений, предусмотренных уголовным кодексом Российской Федерации / А.А. Разина // Лучшая исследовательская работа 2022: сборник статей III Международного научно-исследовательского кон-

курса, Пенза, 10 февраля 2022 года. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2022. – С. 144–147.

6. Устинова Т.Д. Проблемы квалификации незаконных организации и проведения азартных игр // Актуальные проблемы российского права. 2019. N 11. С. 96–103.

ESTABLISHING CRIMINAL LIABILITY FOR ORGANIZING ONLINE PROSTITUTION

Levandovskaya M.G.

Kutafin Moscow State Law University (MGUA)

The article deals with the problem of developing a proper legislative understanding of the essence of the concept of “online prostitution”, and also interprets the norms of the Criminal Code of the Russian Federation, which establishes responsibility for its organization. Among the problems of identifying the phenomenon under consideration, the article focuses on the existing legislative gaps, concludes that there is a need to expand the approach that has developed in science and is used in practice to define the boundaries of the concept of “prostitution” and to classify as such, including the systematic provision of paid sexual services in the Internet environment (online prostitution). The question is also raised about the need for legislative consideration of the specifics of online forms of organization of prostitution by other persons, the expediency of establishing responsibility for persons engaged in the creation of information technology support for prostitution through the creation of a specific resource, or through its maintenance and operation.

Keywords: prostitution, legislation, digitalization, Internet, punishment, responsibility.

References

1. Egorov P.A. Digitalization issues. Protection of personal data in modern realities / P.A. Egorov // XXXV international Plekhanov readings: Anniversary collection of articles by graduate students and young scientists in English, Moscow, March 25, 2022. – Moscow: Russian Economic University named after G.V. Plekhanov, 2022. – P. 33–37.
2. Kuzmin N.A. Some aspects of using the positive experience of foreign countries in preventing the organization of prostitution / N.A. Kuzmin, I. Kh. Apaev // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – No. 3. – P. 138–141.
3. Malyshkin R.N. On the concepts of digital crime and digital crimes: criminological aspects / R.N. Malyshkin // Gaps in law in the context of digitalization: Collection of scientific papers / Team of authors, Infotropic Media LLC. – Moscow: Infotropic Media, 2022. – P. 153–161.
4. Petryanina O.A. Legal consequences of organizing prostitution: problems of criminal legal counteraction / O.A. Petryanina // Thirteenth Babaev Readings: a collection of articles based on the materials of the International Scientific and Practical Conference, Nizhny Novgorod, May 26–27, 2022. – Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022. – P. 336–341.
5. Razina A.A. Analysis of the concept of prostitution as a criminal legal category necessary for solving crimes provided for by the Criminal Code of the Russian Federation / A.A. Razina // Best research work 2022: collection of articles of the III International Research Competition, Penza, February 10, 2022. – Penza: Science and Enlightenment (IP Gulyaev G.Yu.), 2022. – P. 144–147.
6. Ustinova T.D. Problems of qualification of illegal organizations and conduct of gambling // Current problems of Russian law. 2019. N 11. P. 96–103.

Милаева Майя Юрьевна,

к.ю.н., доцент, кафедра «Безопасность в цифровом мире»,
Московский государственный технический университет
им. Н.Э. Баумана (национальный исследовательский
университет)
E-mail: milaeva-bmstu@mail.ru

Коррупция известна человечеству с древних времен, она возникла одновременно с возникновением социального общества. С течением времени коррупция, как и любое общественное явление, трансформировалась, видоизменялась, усложнялась, возникали новые формы ее проявления, что привело к тому, что в настоящее время коррупция несет в себе серьезную угрозу практически каждому государству.

Настоящая статья посвящена актуальным проблемам противодействия коррупции в современной России. Автор затрагивает проблему отсутствия официального определения понятия «коррупция», многообразии предлагаемых исследователями вариантов толкания данного явления. В результате приходит к заключению, что коррупция является сложным многоаспектным понятием. Сложности борьбы с коррупцией, помимо отсутствия официальной дефиниции, связаны, в том числе, с отсутствием четких критериев отнесения определенного состава преступления к коррупционным, высоким уровнем латентности преступлений рассматриваемого вида, недостаточно эффективной работой правоохранительных органов по выявлению и раскрытию исследуемых преступлений.

Ключевые слова: коррупция, коррупционные преступления, уголовный закон, борьба с коррупцией, коррумпированность.

Вопросы борьбы с коррупцией регулярно являются темой повестки дня. В различных интервью и передачах на телевидении, в которых принимают участие государственные чиновники высокого ранга либо общественные деятели, постоянно поднимаются вопросы о том, как на практике можно побороть коррупционные явления. Ежедневно в средствах массовой информации публикуются различные материалы, которые ставят целью выработку у читателя негативного отношения к коррупции. Средства массовой информации регулярно публикуют информацию о том, какие общественные деятели или государственные чиновники были изобличены в коррупционных схемах, какой ущерб данные действия нанесли государству, какое количество денег вернулось в государственную казну, и т.д. На различных уровнях регулярно говорится о том, что Россия погрязла в коррупции, что коррупция негативно влияет на экономику государства, что увеличивается разница в уровне достатка между разными слоями населения, что власть и общество друг от друга отделины все дальше и дальше и т.п. В нашем государстве на постоянной основе проводятся различные семинары, круглые столы, конференции и прочие мероприятия, ставящие целью анализ коррупции как явления с различных его аспектов и разработку мер противодействия данному негативному явлению. В подтверждение вышесказанного можно привести создание при Президенте Российской Федерации специального Совета по борьбе с коррупцией [12].

Исследуя коррупцию как преступление, необходимо отметить, что ее специфика заключается в высоком уровне латентности, поскольку в раскрытии коррупционных преступлений не заинтересован ни один из участников преступной схемы. Отсюда можно заключить, что официальной статистики о количестве раскрытых коррупционных преступлений быть не может в силу специфики самих деяний. Уявить масштабы исследуемого явления можно исходя из официальных сведений, которые включают в себя информацию о сумме ущерба от коррупционных преступлений (например, за 9 месяцев 2023 года сумма ущерба составила 6,9 млрд рублей), а также о количестве соответствующих уголовных дел, переданных в суд (в частности, за 9 месяцев 2023 года почти 8000 уголовных дел о коррупционных преступлениях было направлено в суд, обвиняемыми по таким делам проходило чуть менее 9.000 лиц) [1]. Об уровне коррупции в стране может свидетельствовать индекс восприятия коррупции, который ежегодно составляет неправительственной организацией Transparency International на основании различных

инструментов и показателей, где показатель Российской Федерации на 30 января 2024 года составил 26, что говорит о высоком уровне проблемы коррупции в нашей стране (в данном индексе используется шкала от 0 до 100, где с увеличением индекса снижается уровень коррупции) [4].

Несмотря на то, что коррупция известна давно и представляет собой серьезную проблему для Российской Федерации, само понятие коррупции, равно как и коррупционной связи, коррумпируемости, коррупционного преступления, законодателями не определено, то есть отсутствует их легальная дефиниция, что дает возможность для их различного толкования и наполнение разным смысловым содержанием. Интересно отметить, что в соответствии с некоторыми исследованиями, руководители правоохранительных органов различного уровня свое бездействие по вопросу противодействия коррупции объясняют именно тем, что законодатель не дает четкого определения, с чем же именно необходимо бороться [10, с. 75].

Отсюда вытекает вывод, что перед тем, как непосредственно начать рассматривать вопросы, которые относятся к области противодействия коррупции, необходимо понять, что же из себя представляет коррупция, преступление коррупционной направленности, коррумпируемость и т.п.

Между исследователями до сих пор не выработано единой точки зрения на происхождение термина коррупция. В соответствии с одними данными, коррупция берет свое начало в латинском языке, и происходит от слова «*corruptio*», что означает «упадок», «порча» или «подкуп», и по сути использовалось для определения непосредственного использования должностным лицом своих прав, которые вытекают из самого факта данной должности, для личных целей, а именно, для обогащения [6, с. 146].

Другие исследователи, соглашаясь с латинским происхождением данного понятия, считают, что термин «коррупция» произошел от сочетания слов «*correi*» и «*rupture*». Первое означает буквально «несколько участников одной из сторон обязательственного отношения по поводу единственного предмета», второе – «нарушаться», «повреждаться», «ломаться», «отменять». Результатом сочетания данных слов стало самостоятельное слово «*corrupture*», которым в римском праве называли преступления в области судебной практики [8, с. 304]. Данный термин использовался для определения деятельности некоторого количества участников, которые совершали определенные действия, направленные на нарушение обычного порядка проведения судебного процесса. Отсюда можно заключить, что в понятие коррумпируемости даже в период римского права, т.н. есть более 2000 лет назад, входило несколько субъектов, т.е. данный термин применялся для определения действий не одного, а нескольких человек.

Безусловно, с течением времени трактовка коррупции претерпела значительные изменения, и в настоящее время довольно далека от того, ко-

торое предлагали в римском праве. В частности, в современный толковый словарь трактует коррупцию следующим образом – это «моральное разложение должностных лиц и политиков, выражающееся в незаконном обогащении, взяточничестве, хищении и срастании с мафиозными структурами» [9, с. 446].

С точки зрения криминалистики, под коррупцией понимается продажность публичных служащих либо должностных лиц, подкуп, использование служебного положения, которые осуществляются для того, чтобы чиновник мог получить личную материальную выгоду за использование собственного служебного положения. В частности, А.И. Долгова под коррупцией понимает «социальное явление, характеризующееся подкупом-продажностью государственных и иных служащих и на этой основе корыстным использованием ими в личных либо узко групповых корпоративных интересах официальных служебных полномочий, связанных с ними авторитета и возможностей» [2, с. 113]. На наш взгляд, предложенное определение коррупции существенным образом сужает само исследуемое понятие, поскольку исходя из буквального толкования применяется только к чиновникам, находящимся на управленческих должностях.

Несколько более широкое определение предлагает П.А. Кабанов, который под коррупцией понимает факт использования должностным лицом органа государственной власти и управления своего служебного положения для личного обогащения [5, с. 155].

Многие отечественные цивилисты под коррупцией понимают не только взяточничество и подкуп, но рассматривают его в более широком смысле как негативное социальное явление, которое заключается в том, что уполномоченные на выполнение определенных публичных функций должностные лица и служащие используют свой авторитет, служебное положение и статус в целях личного обогащения [7, с. 7]. Иначе говоря, в общем смысле под коррупцией многие ученые понимают разложение власти как социальное явление.

Однако предлагаемые определения обладают некоторыми недостатками. В частности, они существенно сужают круг коррупционных субъектов, поскольку к их числу относят исключительно государственных служащих. При этом как социальное явление коррупция может существовать в неправительственных организациях, организациях политических и общественных, т.е. должностные лица данных структур также могут использовать собственное положение в личных имущественных интересах. Некоторые спорные моменты относятся и к термину «в целях личного обогащения». Как представляется, личное обогащение является целью любого карьерного устремления, включая те, которые не предполагают нарушение законодательных положений и норм, т.е. любую работу люди выполняют за определенное вознаграждение, в целях личного обогащения.

В доктринальных источниках можно встретить огромное количество иных вариантов определения коррупции, однако единого мнения по данному вопросу не существует. Дефиниции, предлагаемые различными исследователями, отличаются между собой, однако в целом подавляющее большинство современных авторов под коррупцией понимают социально-правовое явление, которое не ограничивается исключительно рамками уголовного законодательства. Отсюда можно заключить, что понятие коррупция не является аналогом понятия «состав преступления» в контексте настоящего исследования. Иначе говоря, если человека обвиняют в коррупции, это не означает, что его обвиняют в совершении конкретного преступления. В этом смысле понятие коррупции ближе к понятию «преступление, преступность», чем к конкретному составу преступления.

Коррупция как социальное явление находит свое проявление в совершении различных деяний коррупционной направленности, или коррупционных деяниях, при этом не все из них являются уголовно-наказуемыми, а лишь некоторые преследуются уголовным законом. Как представляется, коррупция является многогранным явлением, которое включает в себя как минимум четыре аспекта: экономический, социальный, уголовно-правовой и криминологический. Отсюда вытекает логичный вывод о том, что, исследуя коррупцию как преступление, нужно уточнять, о котором из озвученных выше аспектов идет в речь в данный момент.

С уголовно-правовой точки зрения под коррупцией понимается общественно опасное деяние, установленное в качестве такового уголовным законом, имеющее специальный круг субъектов, которые ввиду обладания определенными должностными полномочиями совершают данные деяния в целях личного обогащения или групповой выгоды из корыстных интересов.

Поскольку сама по себе коррупция является одним из звеньев организованной преступной деятельности в целом, с ней идет в неразрывные связи и понятие коррумпированных связей. Вышесказанное объясняется тем, что человек сам по себе, независимо от того, какую должность он занимает, автономно коррупционером быть не может, поскольку совершение коррупционных деяний – групповое действие, оно предполагает участие как минимум двух субъектов. Здесь интересно отметить, что относительно термина организованной преступной группы в настоящее время в литературе также ведутся споры, при этом подавляющее большинство исследователей сходится в том, что одним из основных признаков данной структуры является наличие внутри нее коррумпированных связей.

При этом сама по себе коррумпированная связь, равно как и обвинение в совершении коррупции, не является обязательным признаком наличия состава преступления. В частности, действующее законодательство не содержит каких-либо запретов или ограничений для лиц определенных

должностей на знакомство с, например, членом преступной группировки, поэтому такие знакомства, безусловно, могут быть расценены как признак коррумпированной связи либо коррупции, однако это еще и является предметом доказывания. Иначе говоря, при расследовании какого-либо конкретного преступления, входящего в число преступлений коррупционной направленности, необходимо доказать, что знакомство должностного лица с участником преступной группы послужило тому, что в результате были совершены какие-либо действия, образующие конкретный состав уголовного преступления.

Как уже отмечалось, ни одна из сторон коррумпированной связи не желает раскрытия данной связи, т.е. с определенной долей условности можно уточнить, что коррупционные преступления являются теми преступлениями, которые выгодны всем субъектам, в них участвующим, в которых субъекты его совершения крайне редко выступают в роли потерпевших. Данный тип преступлений обладает высоким уровнем латентности, поэтому на их выявление напрямую влияет активность работы правоохранительной системы, которая строится на основании различных методик расследования определенных видов преступлений, включая коррупционные. В целях совершенствования методики расследования коррупционных преступлений, как представляется, необходимо внести в действующее законодательство конкретный перечень преступлений, которые являются коррупционными. При этом необходимо акцентировать внимание на том, что в целях совершенствования методической части по работе с коррупционными преступлениями нужно иметь в виду, что рассматриваемыми преступлениями могут быть не только те, которые являются уголовно наказуемыми, но и те, которые имеются в административном праве и гражданском законодательстве.

Представляется ошибочным считать, что коррупционные преступления совершаются только в сфере уголовного права. Например, действующее гражданское законодательство устанавливает максимальный лимит на стоимость подарка, который может презентоваться должностному лицу, при этом не содержит какого-либо лимита на период времени на такие подарки [3].

Получается, что государственный служащий в настоящее время может принимать в дар неограниченное количество подарков ограниченной стоимости, то есть хоть ежедневно. Анализ таких ситуаций так же будет способствовать повышению эффективности борьбы с коррупцией

Сложность расследования и раскрытия преступлений коррупционной направленности объясняется их спецификой, которая в первую очередь относится к криминалистической характеристике коррупционных преступлений. В частности, обстановка совершения рассматриваемых преступлений характеризуется отсутствием свидетелей, пострадавших, очевидцев и т.д, что на практике чревато тем, что в подавляющем большинстве случаев

по преступлениям коррупционной направленности показания не используются в качестве прямых доказательств. Расследуя анализируемые преступления, сотрудники правоохранительных органов должны понимать, что данные преступления в основном совершаются благодаря желанию человека дополнительно обогатиться с материальной точки зрения. Поэтому, на наш взгляд, в расследовании, раскрытии, пресечении и выявлении преступления коррупционной направленности огромную роль играет не только уголовное законодательство, а законодательство в сфере декларирования доходов.

Анализ законодательной базы по декларированию доходов позволяет заключить, что в настоящее время, если собственник не может доказать законность происхождения имущества либо денежных средств в тех ситуациях, когда доходы с расходами явно не соразмерны, то данный факт расценивается в качестве самостоятельного вида ответственности, в результате чего на имущество неизвестного происхождения налагается конфискация, а к собственнику применяется штраф.

При этом аналогичная ситуация в отдельных зарубежных государствах является признаком совершения данным лицом коррупционных преступлений. В частности, такое положение существует в Мексике и Колумбии. Уголовный закон вышеприведенных стран устанавливает, что наличие явной несоразмерности расходов на доходы и обладание материальными ценностями не подтвержденного происхождения, которые явно не являются следствием осуществления легальной деятельности, расценивается как повод для государства предъявить данным лицам обвинение в совершении коррупционных преступлений. Законодательство Гонконга и Таиланда позволяет государству требовать от должностных лиц в определенных случаях доказать законность приобретения имущества, как собственного, так и ближайших родственников [11, с. 38].

Действующее отечественное право не содержит конкретного перечня коррупционных преступлений, чем обуславливается определенная сложность противодействию. Однако одной из важнейших проблем противодействия коррупции является даже не отсутствие конкретного понимания того, является ли преступление коррупционным либо нет, а сложность доказывания совершения деяний, которые действующим законодательством закрепляются в главах 22, 23 и 30 Уголовного кодекса Российской Федерации [13].

Более того, даже в тех ситуациях, когда вина в совершении коррупционного преступления лица доказана полностью, санкции за такие преступления несоразмерны вреду, который наносится совершением данных деяний, а штрафы, которые являются основным наказанием исходя из анализа судебной практики, несоизмеримо малы в сравнении с доходами, которые получены участниками преступной схемы. Штраф как самое распространенное наказание за коррупционные преступле-

ния опять же объясняется тем, что обвиняемыми по данным преступлениям являются в основном лица, занимающие довольно высокие государственные должности или имеющие служебное положение, которое ввиду наличия коррумпированных связей позволяет данным лицам уклоняться от ответственности. С данной точки зрения представляется, что содействием в борьбе с коррупционными преступлениями будет ужесточение санкции за их совершение, применение на практике более серьезных наказаний, увеличение срока тюремного заключения за совершение преступлений коррупционной направленности в совокупности с конфискацией имущества и обязательным применением запрета на занятие определенных должностей или права заниматься определенной деятельностью.

Подводя итог, можно заключить, что в мире не найдется ни одного государства, в котором коррупция как явление искоренена полностью. Те государства, которые имеют высокий индекс восприятия коррупции, добились существенных успехов в борьбе с исследуемым явлением только благодаря комплексному подходу, т.е. решая одновременно важнейшие общесоциальные, политические и экономические задачи. В числе них необходимо выделить открытую экономику, повышение устойчивости демократического общества, создание достойных условий и оплаты труда, и т.д. Необходимо понимать, что в Российской Федерации борьба с коррупцией является важнейшей, первостепенной государственной задачей, и ее неотъемлемым элементом в настоящее время является комплексная эффективная работа правоохранительных органов, которая должна быть направлена на выявление и пресечение коррупционных преступлений. Проблемы, затронутые в настоящей статье, составляют малую долю из всех существующих в настоящее время. Одной из важнейших проблем является отсутствие в действующем законодательстве официальной дефиниции понятий коррупция, коррупционного преступления, коррумпированной связи. Еще одним недостатком является отсутствие перечня преступлений, которое являются коррупционными. В частности, это проблему можно решить, вынеся определенные составы преступлений в отдельную главу уголовного кодекса «коррупционные преступления». На наш взгляд, определение официальной дефиниции рассматриваемых преступлений и их вынесение в отдельную главу сыграет существенную роль в совершенствовании законодательства по борьбе с коррупцией.

Литература

1. Бастрыкин: почти 8 тыс. дел о коррупции направлено в суды за девять месяцев 2023 года// URL: <https://tass.ru/in%terviews/19484225> (дата обращения – 5.02.2024)
2. Долгова А.И. Избранные труды / [сост. В.В. Меркурьев, О.А. Евланова, А.С. Васнецова, Д.А. Соколов; вступит. ст. М.П. Клейменова,

В.А. Номоконова, Э.Ф. Побегайло, В.Е. Эминова]; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2017. – 424 с.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации, часть 2 [Текст]: от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 08.07.2021 33-П) // Собрание законодательства РФ – 29.01.1996. – № 5. – ст. 410.
4. Индекс восприятия коррупции за 2023 год: ослабление систем правосудия как причина бесконтрольности коррупции//URL: <https://www.tranet.org/ru/press/cpi2023-corruption-perception-index-weakening-justice-systems-leave-corruption-unchecked> (дата обращения – 5.02.2024)
5. Кабанов П.А. Коррупция как объект криминологического познания // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2007. – № 2. – С. 154–167
6. Карпенко, Н.В. Понятие, сущность и многоаспектность коррупции / Н.В. Карпенко // Закон и право. – 2023. – № 6. – С. 146–150
7. Котляров, С.Б. Понятие коррупции, ее существенные характеристики: основные подходы к исследованию / С.Б. Котляров // The Foreign Policy. – 2021. – Т. 6, № 63(107). – С. 7–11.
8. Куликов, Н.В. Понятие коррупции в российском и зарубежном уголовном праве / Н.В. Куликов // Синергия Наук. – 2023. – № 80. – С. 303–309
9. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999. – 996с.
10. Самойлов, В.Н. Понятие коррупции и меры по ее профилактике / В.Н. Самойлов // Вызовы современности и стратегия управления социально-экономическими процессами в условиях новой реальности: Материалы Всероссийской научной конференции, Астрахань, 20–21 декабря 2022 года. – Астрахань: Астраханский государственный университет имени В.Н. Татищева, 2023. – С. 75–78.
11. Суриков, О.П. Опыт противодействия коррупции в зарубежных странах / О.П. Суриков, Я.В. Черноземова, С.В. Краузе // Актуальные проблемы науки и практики. – 2017. – № 4(009). – С. 37–40.
12. Указ президента Российской Федерации «О мерах по противодействию коррупции» [Текст]: от 09.05.2008 № 815 (ред. от 25.01.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 14. – ст. 1635. 2.
13. Уголовный кодекс Российской Федерации [Текст]: от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25 – ст. 2954.

JUSTIFICATION OF THE CRITERIA FOR CLASSIFYING CRIMES AS CORRUPTION

Milaeva M.Yu.

Bauman Moscow State Technical University (National Research University)

Corruption has been known to mankind since ancient times; it arose simultaneously with the emergence of social society. Over time, cor-

ruption, like any social phenomenon, has been transformed, modified, complicated, new forms of its manifestation have emerged, which has led to the fact that corruption currently poses a serious threat to almost every state.

This article is devoted to current problems of combating corruption in modern Russia. The author touches on the problem of the lack of an official definition of the concept of “corruption” and the variety of options proposed by researchers for pushing this phenomenon. As a result, it comes to the conclusion that corruption is a complex multidimensional concept. The difficulties of fighting corruption, in addition to the lack of an official definition, are associated, among other things, with the lack of clear criteria for classifying a certain crime as corruption, the high level of latency of crimes of the type in question, and the insufficiently effective work of law enforcement agencies in identifying and solving the crimes under study.

Keywords: corruption, corruption crimes, criminal law, fight against corruption, corruption.

References

1. Bastrykin: almost 8 thousand cases of corruption were sent to the courts in the nine months of 2023 //URL: <https://tass.ru/interviews/19484225> (date of access – 02/5/2024)
2. Dolgova A.I. Selected works / [comp. V.V. Merkuryev, O.A. Evlanova, A.S. Vasnetsova, D.A. Sokolov; will enter. Art. M.P. Kleimenova, V.A. Nomokonova, E.F. Pobegaylo, V.E. Eminova]; Academician Gene. Prosecutor’s Office of Russia Federation. – М., 2017. – 424 p.
3. Civil Code of the Russian Federation, part 2 [Text]: dated 01/26/1996 No. 14-FZ (as amended on 07/08/2021 33-P) // Collection of Legislation of the Russian Federation – 01/29/1996 – No. 5 – art. 410.
4. Corruption perception index for 2023: weakening justice systems as a reason for uncontrolled corruption//URL: <https://www.tranet.org/ru/press/cpi2023-corruption-perception-index-weakening-justice-systems-leave-corruption-unchecked> (date of access – 02/5/2024)
5. Kabanov P.A. Corruption as an object of criminological knowledge // Criminology: yesterday, today, tomorrow. – 2007. – No. 2. – P. 154–167
6. Karpenko, N.V. The concept, essence and multidimensionality of corruption / N.V. Karpenko // Law and Law. – 2023. – No. 6. – P. 146–150
7. Kotlyarov, S.B. The concept of corruption, its essential characteristics: main approaches to research / S.B. Kotlyarov // The Foreign Policy. – 2021. – Т. 6, No. 63(107). – P. 7–11.
8. Kulikov, N.V. The concept of corruption in Russian and foreign criminal law / N.V. Kulikov // Synergy Sciences. – 2023. – No. 80. – P. 303–309
9. Ozhegov S.I., Shvedova N. Yu. Explanatory dictionary of the Russian language. М., 1999. – 996 p.
10. Samoilov, V.N. The concept of corruption and measures to prevent it / V.N. Samoilov // Challenges of our time and strategy for managing socio-economic processes in the new reality: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference, Astrakhan, December 20–21, 2022. – Astrakhan: Astrakhan State University named after V.N. Tatischeva, 2023. – P. 75–78.
11. Surikov, O.P. Experience in combating corruption in foreign countries / O.P. Surikov, Ya.V. Chernozemova, S.V. Krause // Current problems of science and practice. – 2017. – No. 4(009). – P. 37–40.
12. Decree of the President of the Russian Federation “On measures to combat corruption” [Text]: dated 05/09/2008 No. 815 (as amended on 01/25/2024) // Collection of legislation of the Russian Federation – 2010 – No. 14 – Art. 1635.2.
13. Criminal Code of the Russian Federation [Text]: dated June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on December 25, 2023) // Collection of legislation of the Russian Federation – 1996 – No. 25 – Art. 2954

Уголовно-правовая характеристика вменения квалифицирующего признака «использование служебного положения»

Пикалов Станислав Владимирович,

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: 2192433.crp@gmail.com

В статье анализируется проблема допустимости признания субъектом использования служебного положения лица, статус которого предполагает реализацию только профессиональной функции, не связанной с властными или управленческими полномочиями. На основе анализа законодательства, судебной практики и доктринальных подходов сделан вывод, что под служебной деятельностью следует понимать любые действия, входящие в круг обязанностей лица, вытекающие из трудового договора или служебного контракта. Вместе с тем, решение вопроса о признании лица, не обладающего властными или управленческими полномочиями, субъектом преступления, использующим свое служебное положение, будет зависеть от наличия у такого лица соответствующих обязанностей, исполнение которых существенно облегчают совершение преступления и, тем самым, повышая общественную опасность преступления.

Ключевые слова: служебные преступления, использование служебного положения, субъект служебного преступления, квалификация преступлений.

В 75 статьях Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) использование служебного положения при совершении преступления упоминается как квалифицирующий признак. Однако, в теории и на практике нет единой точки зрения по признакам специального субъекта, которые необходимы для его вменения.

В частности, проблемным является вопрос о допустимости признания субъектом использования служебного положения лица, статус которого предполагает реализацию только профессиональной функции, не связанной с властными или управленческими полномочиями (к примеру, сотрудника негосударственной организации, выполняющего трудовую функцию по должности, относящейся к категории рабочих). Исследованию данной проблемы и посвящена настоящая статья.

В доктрине уголовного права существует несколько точек зрения относительно круга субъектов, которые могут использовать свое служебное положение. Одни ученые включают в перечень субъектов преступлений лиц, отвечающих требованиям п. 1 примечания к статье 201 УК РФ и п. 1 примечания к статье 285 УК РФ, а также не относящихся к ним государственных и муниципальных служащих [8, с. 19–22]; другие – исключительно лиц, предусмотренных в примечаниях к статьям 201 и 285 УК РФ [12, с. 290–295]; третьи – помимо лиц, предусмотренных в указанных примечаниях, очерчивают круг лиц, которые наделены определенными профессиональными обязанностями, связанными с предметом уголовно-правовой охраны [6, с. 34].

Верховный суд РФ круг специальных субъектов, которые могут использовать свое служебное положение, очерчивает в зависимости от вида преступления.

Так, применительно к статьям 146, 159–159.6, 160, 174, 174.1, 205.1, 210, 256, 258, 258.1, 260, 282, 282.1, 282.2, 282.3 УК РФ под лицами, использующими свое служебное положение, Верховный суд РФ понимает должностных лиц, обладающих признаками, предусмотренными п. 1 примечания к статье 285 УК РФ, государственных или муниципальных служащих, не являющихся должностными лицами, а также иных лиц, отвечающих требованиям, предусмотренным п. 1 примечания к статье 201 УК РФ.

При этом, в рамках составов преступлений, предусмотренных статьями 226, 229 УК РФ Верховный суд РФ занимает более широкий подход. «Использование служебного положения» подлежит вменению лицу, если оно в силу занимаемой

должности наделено служебными полномочиями по использованию оружия, его производству, учету, хранению, передаче, изъятию и т.д., равно как и временными полномочиями по персональному использованию оружия для выполнения специальных обязанностей, или вменяется лицу, на которого возложены трудовые обязанности по работе с наркотическими средствами или психотропными веществами, а также растениями либо их частями, их содержащими. Применительно к ст. 229 УК РФ отдельно указываются только должностные лица, а применительно к ст. 226 УК РФ отдельно не выделяются ни должностные лица, ни государственные или муниципальные служащие, не являющиеся должностными лицами.

Такой дифференцированный подход Верховного суда РФ следует признать оправданным. Содержание круга субъектов, которые могут использовать служебное положение, по нашему мнению, зависит от ответа на вопрос, насколько статус лица или его полномочия облегчают совершение преступления, тем самым увеличивая его общественную опасность. Соответственно, в зависимости от состава преступления будет определяться перечень таких специальных субъектов.

В тех случаях, когда совокупность профессиональных обязанностей лица, связанных с предметом уголовно-правовой охраны, существенно облегчает совершение преступления и повышает его общественную опасность, субъектом использования служебного положения надлежит признавать и лиц, статус которых предполагает реализацию только профессиональных функций, не связанных с властными или управленческими полномочиями.

Данный вывод можно обосновать следующим образом.

Статус лиц, отвечающих требованиям п. 1 примечания к статье 201 УК РФ и п. 1 примечания к статье 285 УК РФ, включает в себя два элемента, позволяющих признавать их субъектами использования служебного положения: факт занятия соответствующей должности, а также широкий круг организационно-распорядительных или административно-хозяйственных полномочий, облегчающих совершение преступления. В науке уголовного права такие элементы определяются как статусный и функциональный критерии специального субъекта преступления [15, с. 65–70].

При этом статусный критерий для указанной категории лиц приобретает самостоятельное значение, если для целей совершения преступления через статус ими может оказываться влияние по службе или на подчиненных сотрудников или на лиц, обязанных исполнять соответствующие распоряжения.

Применительно к составам преступлений, предусмотренных статьями 146, 159–159.6, 160, 174, 174.1, 205.1, 210, 256, 258, 258.1, 260, 282, 282.1, 282.2, 282.3 УК РФ, именно использование возможностей статуса и полномочий субъекта, указанных в примечаниях к статьям 201, 285 УК РФ, значительно облегчает как совершение самого престу-

пления, так и расширяет возможность скрыть его следы. Одновременно, значительно увеличивает размер потенциального ущерба. Сотрудники, реализующие профессиональные функции в компании или органе власти, такими возможностями не обладают. К примеру, сбыть значительный объем контрафактной продукции руководителю организации несоизмеримо проще, чем рядовому сотруднику; совершение финансовых операций от имени организации для целей отмывания денег или финансирования терроризма намного сложнее проследить и их объем намного выше аналогичной деятельности физических лиц; главный редактор СМИ имеет более широкие полномочия по распространению информации, возбуждающей ненависть или вражду, чем штатный журналист.

Статус государственных или муниципальных служащих, не являющихся должностными лицами, по нашему мнению, также позволяет признавать их субъектами использования служебного положения в силу факта занятия соответствующей должности и в связи с наличием полномочий, реализация которых существенно облегчает совершение преступления.

Несмотря на существенные различия в статусе и полномочиях должностных лиц с одной стороны и государственных или муниципальных служащих, не являющихся должностными лицами с другой стороны, статус последних не должен игнорироваться. Не только наличие властных полномочий, но и реализация профессиональных функций в рамках деятельности властных структур может облегчать совершение преступления. Однако признавать их субъектами использования служебного положения только на основании статусного критерия не следует, поскольку их статус не позволяет оказывать влияние на других лиц.

При этом важно отметить, что на практике всё большая роль отводится именно функциональному критерию. Суды исключают признак использования служебного положения, если лицо, несмотря на наличие статуса должностного лица, не было наделено никакими правами и обязанностями, реализация которых облегчала бы совершение преступления. Так, по одному из дел, суд исключил признак «использования служебного положения», поскольку в обвинении не было изложено, какими именно полномочиями обладал подсудимый для целей совершения преступления [16]. По другому делу суд указал, что подсудимый нанял людей для очистки территории и порубки лесных насаждений, что не входило в круг его полномочий по занимаемой должности, т.е. он не обладал признаками специального субъекта [17].

Когда выдвигаются повышенные требования к охране или сохранности предмета преступления, его общественная опасность будет значительно выше в первую очередь в случаях его совершения лицами, которые в силу своих профессиональных функций должны были обеспечивать их сохранность или соблюдать особые требования производства, учета, хранения, передачи, изъятия и т.д.

Такие требования могут быть обусловлены, в частности исключением или ограничением использования предмета преступления в гражданском обороте, значимости для защиты конституционных прав граждан.

Помимо предметов преступлений, перечисленных в статьях 226, 229 УК РФ, это может быть компьютерная информация, в том числе связанная с персональными данными, тайной переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений (ст. 272, 273, 138 УК РФ), особо ценные растения, грибы, дикие животные и водные биологические ресурсы, принадлежащие к видам, занесенным в Красную книгу РФ и (или) охраняемым международными договорами РФ (ст. 258.1, 260.1 УК РФ) [9, с. 3–10].

В правоприменительной деятельности также используются указанные критерии для определения круга субъектов, которые могут использовать свое служебное положение.

Так, Генеральной прокуратурой РФ были разработаны методические рекомендации по осуществлению надзорной деятельности, где ведомство под использованием служебного положения применительно к преступлениям в сфере компьютерной информации предлагает понимать или фактический доступ к компьютерной информации, возникший из исполнения профессиональных обязанностей (на основании трудового и гражданско-правового договора), или влияние по службе на лиц, имеющих такой доступ [3].

Анализ 83 судебных актов первой, апелляционной и кассационной инстанций, где лица привлекались к уголовной ответственности по ч. 3 ст. 272 УК РФ и по ч. 2 ст. 273 УК РФ показал, что при квалификации преступлений суды фактически руководствуются указанными рекомендациями прокуратуры. Данный вывод сделан на основе содержания предъявленных обвинений, ввиду того, что квалифицирующий признак вменялся преимущественно рядовым сотрудникам организаций, которые не наделены организационно-распорядительными или административно-хозяйственными полномочиями, за нарушения своих профессиональных функций: специалисты офисов операторов связи, клиентские менеджеры банков, кассиры автозаправочных станций и т.п.

Вместе с тем, по нашему мнению, самого факта наличия профессиональных обязанностей, использование которых облегчает совершение преступления, недостаточно для признания лица субъектом использования служебного положения, поскольку не каждый такой факт повышает общественную опасность деяния.

Из анализа разъяснений Верховного суда РФ, материалов судебной практики можно вывести, что лицо, не наделённое властными или управленческими полномочиями, может быть признано субъектом использования служебного положения при следующих условиях: а) лицо должно быть наделено профессиональными функциями, в силу которых оно должно было обеспечивать сохранность

предмета посягательства или соблюдать особые требования его производства, учета, хранения, передачи, изъятия и т.д.; б) предмет преступного посягательства исключен или ограничен в гражданском обороте, или представляет значимость для защиты конституционных прав граждан; в) реализация профессиональных функций облегчает совершение преступления. Только при таких условиях можно говорить, что использование профессиональных функций при совершении преступления не просто облегчает его совершение, но и повышает общественную опасность деяния.

Поскольку эти условия не имеют привязки к статусу, они могут быть применены и в случаях совершения преступления государственным или муниципальным служащим, не являющимся должностным лицом, когда последние прямо не поименованы ни в законе, ни в разъяснениях Верховного суда РФ.

Возможность концептуально выделить последнюю категорию специальных субъектов разделяется не всеми учеными.

В литературе высказывается позиция, что возможность вменения признака «использование служебного положения» допускается любым служащим, в т.ч. занятым в негосударственном секторе, поскольку в уголовном законе речь идет об использовании служебного положения, а не о выполнении в целом трудовых функций. Следовательно, специальным субъектом может выступать любой служащий, но именно служащий, а не лицо, таковым не являющееся [1, с. 160–162].

Вместе с тем полагаем, что указание в законе на «служебный» статус преступника, само по себе не означает совершение преступления с использованием служебного положения именно служащим.

Так, согласно известной позиции Пленума Верховного суда РФ, высказанной применительно к ст. 105 УК РФ, под служебной деятельностью следует понимать любые действия, входящие в круг обязанностей лица, вытекающие из заключенного с ним трудового договора или служебного контракта.

Кроме того, действующее законодательство не раскрывает понятия службы и не содержит четких критериев, значимых для уголовно-правового регулирования, позволяющих отграничить ее от иных видов трудовой деятельности.

Из формулировок статей 23 главы УК РФ следует, что служба не сводится только к государственной или муниципальной, а возможна в коммерческих и иных организациях. Однако, положения данной главы касаются круга лиц, наделенных определенным объемом полномочий, что и подталкивает к идее о том, что служба, как минимум, деятельность на должностях, относящихся к категории служащих.

Если обратиться к положениям трудового законодательства, то следует прийти к иному выводу.

Трудовой кодекс РФ упоминает про служебные командировки и служебные задания. При этом очевидно, что эти институты в равной степени приме-

няются и к сотрудникам производственного сектора (рабочие), и к менеджменту организации (служащие).

Наименования должностей, профессий или специальностей, с их категоризацией на рабочих, служащих и др., содержатся в квалификационных справочниках. При этом, в справочниках имеют место случаи отнесения одной и той же должности как к категории рабочего, так и служащего.

В качестве примера можно рассмотреть ситуацию, предложенную Пленумом Верховного суда РФ при толковании статьи 229 УК РФ, когда преступление совершается при изготовлении лекарственных препаратов лаборантом, а, при их охране – охранником.

Должности охранника, лаборанта химического анализа, пробирного анализа, спектрального анализа и т.п. по Единому тарифно-квалификационному справочнику работ и профессий рабочих народного хозяйства СССР (ЕТКС) [4] отнесены к категории рабочих.

Одновременно, согласно Квалификационных справочников должностей руководителей, специалистов и других служащих (ЕКС) должности лаборанта [2] и охранника ведомственной охраны [1] отнесены к категории служащих.

Разрешая коллизию по должности охранника, Минтруда России занял позицию, что организации сами определяют, что указать в своем штатном расписании: должность служащего или профессию рабочего. Важно, чтобы в первом случае должностные обязанности соответствовали квалификационной характеристике, а во втором – соответствовали характеристике работ, предусмотренной тарифно-квалификационной характеристикой [5]. При этом обязанности охраны вверенного объекта имеет место в обоих случаях.

Такой подход, приемлемый в трудовых правоотношениях, не может применяться для целей уголовно-правового регулирования, поскольку не учитывает признаки субъекта преступления и связь деяния с объектом уголовно-правовой охраны. В данном случае самостоятельный выбор хозяйствующим субъектом способа формирования своего штатного расписания не может изменять уголовно-правовое значение субъекта преступления, использующего свое положение.

Если обратиться к доктрине, то одни ученые под службой предлагают понимать возмездную деятельность, непосредственно не связанную с производством материальных благ, осуществляемую лицами, работающими в коммерческих и некоммерческих организациях независимо от форм собственности, либо лицами, которые хотя и не являются работниками организаций и не состоят в отношениях служебной подчиненности, но деятельность которых имеет юридически значимый характер [7, с. 1–12].

Другие делают акцент на два критерия отграничения службы от иной профессиональной деятельности: процесс труда и объект воздействия в процессе труда [11, с. 5–6].

Третьи, к служащим относят только лиц, занятых интеллектуальным нефизическим трудом, но не сводят их только к осуществлению управленческой деятельности [14, с. 10–11].

Анализ приведенных позиций показывает их общий и неконкретный характер для целей уголовно-правового регулирования. Сложно выделить какие-либо значимые различия должности служащего в негосударственном секторе от профессии рабочего, и, как следствие, отражающие специфические признаки субъекта, влияющие на общественную опасность преступления.

Соответственно, служебная деятельность не должна сводиться к государственной или муниципальной службе, и не предопределяется фактом занятия должности, относящейся к категории служащих.

Литература

1. Единый квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел «Квалификационные характеристики должностей работников организаций атомной энергетики» [Электронный ресурс]: Приказ Минздравсоцразвития России от 10.12.2009 № 977. Доступ из справоч.-правовой системы «КонсультантПлюс» https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_96303/b00d6d2669e1495a2b954c9a03f05011861fd70d/ (дата обращения 10.02.2024).
2. Квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и других служащих [Электронный ресурс]: Постановление Минтруда России от 21.08.1998 № 37. Доступ из справоч.-правовой системы «КонсультантПлюс» https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58804/ (дата обращения 10.02.2024).
3. Методические рекомендации по осуществлению прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации / Генеральная прокуратура Российской Федерации [Электронный ресурс]. Доступ из справоч.-правовой системы «КонсультантПлюс» https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_161817/ (дата обращения 10.02.2024).
4. Общие положения Единого тарифно-квалификационного справочника работ и профессий рабочих народного хозяйства СССР; раздел «Профессии рабочих, общие для всех отраслей народного хозяйства» Единого тарифно-квалификационного справочника работ и профессий рабочих, выпуск 1 [Электронный ресурс]: Постановление Госкомтруда СССР, Секретариата ВЦСПС от 31.01.1985 № 31/3–30. Доступ из справоч.-правовой системы «КонсультантПлюс» https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_78176/ (дата обращения 10.02.2024).

5. Письмо Минтруда России от 05.12.2013 № 14–0–258 [Электронный ресурс]. Доступ из справоч.-правовой системы «КонсультантПлюс» https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_302117/ (дата обращения 10.02.2024).
6. Бугаевская Н.В. Должностное лицо как субъект преступления: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – Рязань, 2003. – 265 с.
7. Егорова Н. Субъект преступления против интересов службы // Законность. 1998. № 4. С. 1–12.
8. Егорова Н.А. Ответственность за «служебные» мошенничества: необходимость новых правовых подходов // Российская юстиция. № 8. 2014. С. 19–22
9. Жевлаков Э.Н. Статья 260.1 УК РФ: сложности применения и уголовно-правовая характеристика преступления // Уголовное право. 2023. № 9. С. 3–10.
10. Квалификация преступлений, предусмотренных ст.ст. 228 и 228.1 УК РФ: учебное пособие / М.А. Любавина. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2016. – 176 с.
11. Манохин В.М. Служба и служащий в Российской Федерации: правовое регулирование. М., 1997. – 294 с.
12. Плохова В.И. Субъект присвоения и растраты // Вест. Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Серия «Право». № 1. 2000. С. 290–295
13. Сорочкин Р.А. Теоретико-правовые основы учения о субъекте коррупционного преступления: диссертация ... доктора юридических наук: 12.00.08. – Москва, 2021. – 415 с.
14. Шнитенков А.В. Ответственность за преступления против интересов государственной службы и интересов службы в коммерческих и иных организациях. – СПб: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. – 328 с.
15. Щепельков В.Ф. Субъектный состав преступления, совершаемого с использованием своего служебного положения, в разъяснениях Верховного Суда Российской Федерации // Криминалисть. 2023. № 2 (43). С. 65–70
16. Апелляционное определение Вологодского областного суда от 15.07.2019 по делу № 22–1092/2019 [Электронный ресурс]. Доступ из справоч.-правовой системы «Гарант» <https://base.garant.ru/311093341/> (дата обращения 10.02.2024).
17. Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 17.12.2020 по делу № 77–1019/2020 [Электронный ресурс]. Доступ из справоч.-правовой системы «КонсультантПлюс» <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSO-J005&n=9597#1C68p4UtYerapNX> (дата обращения 10.02.2024).

CRIMINAL LEGAL CHARACTERISTICS OF THE IMPUTATION OF THE QUALIFYING CHARACTERISTIC “USE OF OFFICIAL POSITION”

Pikalov S.V.

St. Petersburg State University

The article analyzes the problem of the admissibility of recognizing as a subject the use of official position of a person whose status implies the implementation of only a professional function that is not related to authority or managerial authority. Based on the analysis of legislation, judicial practice and doctrinal approaches, it is concluded that official activity should be understood as any actions within the scope of a person's duties arising from an employment contract or an office contract. At the same time, the decision on the recognition of a person who does not have authority or managerial powers as a subject of a crime using his official position will depend on the presence of such a person of appropriate duties, the performance of which significantly facilitates the commission of a crime and, thereby, increases the public danger of a crime.

Keywords: official crimes; use of official position; subject of official crime; qualification of crimes.

References

1. Unified qualification directory of positions of managers, specialists and employees, section “Qualification characteristics of positions of employees of nuclear energy organizations” [Electronic resource]: Order of the Ministry of Health and Social Development of Russia dated December 10, 2009 No. 977. Access from the directory.-the legal system “ConsultantPlus” https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_96303/b00d6d2669e-1495a2b954c9a03f05011861fd70d/ (accessed 02/10/2024).
2. Qualification directory of positions of managers, specialists and other employees [Electronic resource]: Resolution of the Ministry of Labor of the Russian Federation dated 08/21/1998 No. 37. Access from the directory.-the legal system “ConsultantPlus” https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58804/ (accessed 02/10/2024).
3. Methodological recommendations on the implementation of prosecutorial supervision of the execution of laws in the investigation of crimes in the field of computer information / Prosecutor General's Office of the Russian Federation [Electronic resource]. Access from the directory.-the legal system “ConsultantPlus” https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_161817/ (accessed 02/10/2024).
4. General provisions of the Unified Tariff and Qualification Directory of works and Professions of workers of the National Economy of the USSR; section “Professions of workers common to all branches of the national economy” of the Unified Tariff and Qualification Directory of Works and Professions of Workers, issue 1 [Electronic resource]: Resolution of the State Committee of Labor of the USSR, the Secretariat of the Central Executive Committee of the USSR dated 01/31/1985 No. 31/3–30. Access from the directory.-the legal system “ConsultantPlus” https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_78176/ (accessed 02/10/2024).
5. Letter of the Ministry of Labor of Russia dated 05.12.2013 No. 14–0–258 [Electronic resource]. Access from the directory.-the legal system “ConsultantPlus” https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_302117/ (accessed 02/10/2024).
6. Bugaevskaya N.V. Official as a subject of crime: dis. ... cand. Jurid. sciences': 12.00.08. – Ryazan, 2003. – 265 p.
7. Egorova N. The subject of a crime against the interests of the service // Legality. 1998. No.4. pp. 1–12.
8. Egorova N.A. Responsibility for “official” fraud: the need for new legal approaches // Russian Justice. No. 8. 2014. pp. 19–22
9. Zhevlaev E.N. Article 260.1 of the Criminal Code of the Russian Federation: difficulties of application and criminal law characteristics of a crime // Criminal law. 2023. No. 9. pp. 3–10.
10. Qualification of crimes provided for in Articles 228 and 228.1 of the Criminal Code of the Russian Federation: textbook / M.A. Lyubavina. – St. Petersburg: St. Petersburg Law Institute (branch) Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, 2016. – 176 p.
11. Manokhin V.M. Service and employee in the Russian Federation: legal regulation. M., 1997. – 294 p.

12. Plokhova V.I. The subject of appropriation and embezzlement // West. Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Pravo series. No. 1. 2000. pp. 290–295
13. Sorochkin R.A. Theoretical and legal foundations of the doctrine of the subject of a corruption crime: dissertation ... Doctor of Law: 12.00.08. – Moscow, 2021. – 415 p.
14. Shnitenkov A.V. Responsibility for crimes against the interests of public service and the interests of service in commercial and other organizations. – St. Petersburg: Publishing house of R. Aslanov “Law Center Press”, 2006. – 328 p.
15. Shchepelkov V.F. The subject matter of a crime committed using one’s official position in the explanations of the Supreme Court of the Russian Federation // Criminalist. 2023. No. 2 (43). pp. 65–70
16. Appellate ruling of the Vologda Regional Court dated 07/15/2019 in case No. 22–1092/2019 [Electronic resource]. Access from the directory.- the legal system “Garant” <https://base.garant.ru/311093341/> (accessed 02/10/2024).
17. Cassation ruling of the Fifth Cassation Court of General Jurisdiction dated 12/17/2020 in case No. 77–1019/2020 [Electronic resource]. Access from the directory.-the legal system “ConsultantPlus” <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ005&n=9597#1C68p4UtYerapNX/> (accessed 02/10/2024).

К вопросу об уголовно-правовой оценке причинной связи как признака объективной стороны в составах неосторожных ятрогенных преступлений

Сенцов Александр Сергеевич,

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: sentsov_1951@mail.ru

Волколупова Владислава Владимировна,

магистрант Санкт-Петербургского государственного университета
E-mail: volkolupova.v@yandex.ru

В работе рассматриваются сложные вопросы, относящиеся к уголовно-правовой оценке причинной связи в процессе расследования неосторожных ятрогенных преступлений, возникающие у правоприменителей при их квалификации. В частности, по результатам проведенного исследования в статье обосновывается и дополнительно аргументируется вывод о том, что установление причинной связи как обязательного признака объективной стороны в составах ятрогенных преступлений является прерогативой суда, а не судебно-медицинского эксперта, но свое решение о наличии (или отсутствии) причинной связи суд должен принимать на основании комплексного заключения судебно-медицинской экспертизы, в котором выводы эксперта должны быть сформулированы однозначно и в них не должно содержаться двусмысленных формулировок типа «смертельного исхода можно было бы избежать» или «при своевременном лечении благоприятный исход был возможен» и т.п. При таких «вероятностных» выводах правоприменителю логично руководствоваться конституционным принципом, согласно которому «все неустранимые сомнения толкуются в пользу обвиняемого» (ст. 49 Конституции РФ), и прекращать уголовное дело за отсутствием состава преступления.

Ключевые слова: ятрогенные преступления, причинная связь, объективная сторона, общественно опасное деяние, общественно опасные последствия, уголовная ответственность.

В уголовно-правовой науке и правоприменительной практике проблемы, относящиеся к определению понятия причинной связи в рамках учения об объективной стороне преступления, до настоящего времени являются одними из самых спорных и дискуссионных. В уголовно-правовой доктрине поиски ответов на ключевой вопрос: при каких обстоятельствах совершенное лицом деяние должно признаваться именно причиной наступивших общественно опасных последствий (т.е. вредных изменений в объекте преступления) ведутся на протяжении нескольких столетий.

Как отмечал В.Б. Малинин в современной доктрине уголовного права представлено около 10 различных теорий причинной связи, которые предлагается признавать методологической основой для решения спорных вопросов, возникающих в этой сфере [1, с. 8].

Можно отметить, что в настоящее время в науке уголовного права развитие учения о причинной связи носит в большей степени экстенсивный, а не интенсивный характер, в том смысле, что позиции криминалистов в этой области знаний скорее расходятся, чем сближаются [2, с. 46].

Не прибегая к подробному анализу всех представленных в уголовно-правовой науке концепций причинной связи как признака объективной стороны преступления (в том числе и ятрогенного преступления), отметим среди них такие, которые получили наибольшее распространение в настоящее время:

- теория необходимого условия (*conditio sine qua non*) или как ее называют некоторые авторы, теория эквивалентности (согласно этой теории все объективные обстоятельства, без которых конкретные общественно опасные последствия не могли бы наступить, являются равнозначными (эквивалентными), и следовательно, признаются в качестве их причины;
- теория адекватной причинности, согласно которой в качестве причины признается только такое деяние, которое в данных условиях, как правило, типично (обычно) порождает наступившее общественно опасное последствие;
- теория «непосредственной» («ближайшей») причины, признающей в качестве причины лишь такое деяние, которое непосредственно предшествовало наступившему результату (было «ближайшим» к преступным последствиям в «прошедшем» времени);
- теория «реальной возможности», в основе которой используются парные философские категории «возможность» и «действительность»;

– теория деления причинной связи на «необходимую» и «случайную», сторонники которой полагают, что уголовно-правовое значение имеет только необходимая причинная связь, то есть только такая объективно существующая зависимость между совершенным деянием и наступившими последствиями, при которой именно данное деяние закономерно (а в конкретных условиях – неизбежно) породило данные последствия.

В современной правоприменительной практике наиболее распространенной является позиция, согласно которой уголовно-правовое значение придается как непосредственной (ее нередко называют в процессуальных документах «прямая причинная связь»), так и опосредованной причинной связи (т.е. когда такая связь носит опосредованный характер, особенно, при преступном бездействии) [3, с. 348].

При производстве предварительного расследования по делам о неосторожных преступлениях, совершенных медицинскими работниками и сопряженных с дефектами оказания медицинской помощи пациентам (так называемых ятрогенных преступлениях) в качестве причины наступления смерти или вреда здоровью потерпевшего чаще всего признаются такие негативные факторы, как: ошибочная или несвоевременная (запоздавшая) диагностика основного заболевания пациента; неправильно назначенное или запоздалое лечение; несвоевременное прибытие (или вообще неприбытие) бригады скорой медицинской помощи по вызову больного; оставление больного без наблюдения; отказ в госпитализации при наличии объективных к тому оснований; недооценка тяжести состояния пациента, и как следствие, несвоевременное оказание ему экстренной медицинской помощи; грубые врачебные ошибки, допускаемые по небрежности (например, оставление инородного тела в брюшной полости при хирургической операции) и т.п.

Такие ятрогении характеризуются тем, что смерть пациента или ухудшение состояния его здоровья (вред здоровью) обусловлены, как правило, неблагоприятным развитием основного заболевания, имевшегося у пациента, обратившегося за медицинской помощью, а бездействие или допущенные врачами ошибки создали лишь благоприятные условия для такого развития данного заболевания.

Установление причинной связи по таким делам вызывает особые сложности в тех случаях, когда имеет место так называемая «каскадная ятрогения», то есть медицинские работники допускают сразу несколько последовательно проявляющихся врачебных ошибок. Например, вначале допускается ошибка в диагностике заболевания, влекущая бездействие врача на раннем этапе оказания пациенту медицинской помощи, затем «дефект» в оказании медпомощи проявляется в форме действия (например, фельдшер допускает при выполнении процедуры с использованием клизмы перфорацию прямой кишки, которая не была своевременно вы-

явлена лечащим врачом при проведении последующего лечения имевшегося у пациента язвы желудка, что и привело в последующем к его смерти). Либо на разных этапах оказания медицинской помощи пациенту допускаются несколько «дефектов» медпомощи и врачебных ошибок со стороны разных медицинских работников и в разных лечебных учреждениях [4, с. 96].

Изложенное свидетельствует о том, что в настоящее время как в доктрине уголовного права, так и в правоприменительной практике до конца неразрешенными остаются многие вопросы, относящиеся к установлению причинной связи, в том числе и при расследовании ятрогенных преступлений. В таких случаях возникают особые сложности и при их квалификации, поскольку практически все ятрогенные преступления сконструированы по типу материальных составов и причинная связь включена в объективную сторону в качестве обязательного признака (ч. 2 ст. 109, ч. 2 ст. 118, ст. 124, ст. 124.1, ч. 2 ст. 128, п. «в» ч. 2 и ч. 3 ст. 238 УК РФ, а в некоторых случаях и ч. 2 и 3 ст. 293 УК РФ).

Существенных затруднений в определении причинной связи, как правило, не возникает, если общественно опасное деяние было выражено в форме действия (например, инфицирование по небрежности организма больного, возникшее в ходе операции; ошибочное удаление здорового органа; подбор и установка ненадлежащего имплантата; повреждение какого-либо жизненно важного органа или сосуда по небрежности, допущенной в процессе медицинского вмешательства, и т.п.). В этих случаях смерть (или вред здоровью) обусловлены, в первую очередь, неблагоприятным развитием сопутствующего заболевания, возникшего у пациента вследствие дефектов медпомощи или врачебных ошибок и являющегося самостоятельным и не находящимся в необходимой причинной связи с ранее имевшимся у него основным заболеванием. Однако подобного рода случаи ятрогении, как показывают статистические данные, характеризующие правоприменительную практику, составляют не более 20% [5, с. 5].

Сложности, связанные с квалификацией содеянного, чаще всего возникают при определении наличия причинной связи в тех случаях, когда дефект медпомощи выразился в «чистом» или «смешанном» бездействии (при сочетании бездействия и действия) медицинского работника, и такие деяния, влекущие ятрогению, составляют около 80% [5, с. 6] и, соответственно, именно эти преступные посягательства и получили криминалистическое определение «ятрогенные преступления» [6, с. 88].

Можно отметить, что многие авторы справедливо полагают, что «проблема причинности при бездействии является, пожалуй, самой сложной и спорной проблемой уголовного права» [7, с. 44; 1, с. 32].

Правоприменительная практика по делам о ятрогенных преступлениях тоже свидетельствует о том, что установление причинной связи при производстве предварительного расследования

и в суде нередко порождает значительные сложности, обусловленные, во-первых, тем, что в большинстве случаев, хотя и имело место не оказание или ненадлежащее оказание медицинской помощи, либо при ее оказании допускались грубые врачебные ошибки, но, в конечном счете, вред здоровью пациента или его смерть причиняются не непосредственно деяниями медицинского работника, а наступают вследствие неблагоприятного развития имеющегося у потерпевшего основного заболевания либо его иного болезненного состояния (травмы и др.), которые не были предотвращены своевременным и качественным оказанием медицинской помощи. Во-вторых, в установлении причинной связи по таким делам решающее и даже определяющее значение имеет заключение судебно-медицинской экспертизы, в котором судебно-медицинский эксперт формулирует свой профессиональный вывод о наличии или отсутствии так называемой «прямой причинной связи» между деяниями медицинских работников и наступившими последствиями. В-третьих, в итоговом процессуальном документе – приговоре необходимо свое собственное обоснование (мотивировка) судом вывода о признании наличия (или отсутствия) причинной связи, являющейся обязательным признаком объективной стороны любого ятрогенного преступления. А поскольку нормативное определение этого признака в законе отсутствует, и его нет даже в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ, то на практике суд вынужден ссылаться в приговоре на те формулировки, которые использованы в выводах, содержащихся в заключении судебно-медицинского эксперта. Но эксперты никогда не были связаны какими-либо нормативно закрепленными терминами и не обязаны использовать в своих выводах строго определенные «стандартные» формулировки относительно ответа на вопрос о том, имеется (или отсутствует) причинная связь между деяниями врачей и последствиями в виде смерти (или вреда здоровью) пациента. К тому же приверженность специалиста (эксперта) к той или иной теории причинной связи из числа названных выше, иногда порождает на практике противоположные суждения, содержащиеся в двух разных заключениях судебно-медицинской экспертизы (первичной и повторной или комиссионной). Поэтому при установлении причинной связи по делам о ятрогенных преступлениях нередко имеет место явное противоречие между устоявшимися в уголовно-правовой науке теоретическими положениями и позицией правоприменителя, отраженной в принятом им судебном решении (приговоре), обусловленное, в том числе и некорректными формулировками выводов, содержащихся в экспертном заключении, и отсутствием в описательно-мотивировочной части приговора обоснования своих собственных выводов о наличии (или отсутствии) причинной связи между «ятрогенными дефектами» (т.е. деяниями медиков) и наступившими последствиями (вредом здоровью или смертью пациента).

Так, чаще всего в приговорах судов по делам о ятрогенных преступлениях встречается однотипная и «стандартная» формулировка примерно следующего содержания: «при надлежащем оказании медицинской помощи (например, проведении хирургической операции) наступивших последствий (тяжкого вреда здоровью, смерти) можно было бы избежать». Такие формулировки, как полагает С.Ю. Мелихов, во всех изученных этим автором уголовных делах о ятрогенных преступлениях, дословно заимствованы из заключений судебно-медицинской экспертизы [8, с. 193].

Представляется, что при такой «размытой» формулировке в выводе эксперта заложена двусмысленность: а) вероятность ненаступления вредных последствий в случае надлежащего оказания МП; б) вероятность их наступления даже в том случае, если бы надлежащая медицинская помощь была бы оказана (ведь термин «можно было бы избежать» допускает, по крайней мере, не исключает оба суждения). Следовательно, при таком выводе о наличии причинной связи (или же ее отсутствии) вопрос об ответственности врача, не оказавшего надлежащей медицинской помощи умирающему пациенту, вряд ли может быть решен однозначно.

Так, например, в одном из приговоров содержатся следующие формулировки: «При осмотре дежурным врачом на момент госпитализации у Ф. отсутствовали достоверные признаки раздражения брюшины (перитонеальные явления), патология органов брюшной полости не выявлена при рентгенографии и ультразвуковой исследовании, что объясняется ранним периодом травмы, в котором перитонеальная картина не проявилась. Диагноз «Закрытая тупая травма живота. Субкапсулярный разрыв селезенки. Разрыв полого органа» был выставлен ... через 27 часов 30 минут после нахождения больного в хирургическом отделении больницы, что дает основания утверждать о несвоевременной (поздней) диагностике распространенного перитонита. Операция – чревосечение, выполнена ... через 32 часа 50 минут с момента госпитализации Ф. и через 37 часов после причинения разрыва тонкой кишки. Поздняя диагностика разрыва тонкой кишки обусловлена не проведением больному Ф. лапароцентеза с методом «шарящего катетера» и оставлением больного Ф. без наблюдения медицинского персонала ... практически в течение 15 часов и свидетельствует о неисполнении врачами хирургического отделения своих должностных обязанностей, что подтверждается отсутствием записей в карте стационарного больного за этот период. Смерть Ф. наступила в результате закрытой тупой травмы живота, сопровождавшейся разрывом тонкой кишки и осложнившейся развитием распространенного фибринозно – гнойного перитонита, приведшего к абдоминальному сепсису и полиорганной недостаточности, явившихся **основной и непосредственной причиной смерти** (выделено нами – А.С., В.В.). Согласно п. 6.1.16 «Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» Прило-

жение к Приказу Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 24 апреля 2008 г. № 194н, тупая травма живота с разрывом тонкой кишки причинила тяжкий вред здоровью ФИО6 опасный для жизни человека.

Члены комиссии не исключают, что **смертельного исхода можно было бы избежать** (выделено нами – А.С., В.В.) если бы Ф. было проведено оперативное вмешательство в более ранний период..., когда ему был установлен диагноз «перитонит». Смерть Ф. связана с характером и тяжестью травмы и несвоевременным диагностированием осложнения травмы – перитонита, обусловившего развитие абдоминального сепсиса, полиорганной недостаточности, явившихся непосредственной причиной смерти» [9]. Представляется, что такие выводы, содержащиеся в заключении судебно-медицинской экспертизы и механически воспроизведенные в приговоре суда, должны толковаться, исходя из принципа *In dubio pro geo* (все неустранимые сомнения толкуются в пользу обвиняемого), что предусмотрено и в ст. 49 Конституции РФ.

Решая вопрос о наличии (или отсутствии) причинной связи при производстве судебно-медицинской экспертизы по уголовному делу, возбужденному по признакам ятрогенного преступления, эксперт должен обосновывать свои выводы, руководствуясь методическими рекомендациями, утвержденными ФБГУ «РЦСМЭ» [10]. В частности, согласно этим рекомендациям вопрос о причинной связи должен разрешаться «в соответствии с общепринятыми в медицине представлениями об этиологии, патогенезе, клинической картине и лечении в отношении конкретной нозологической единицы заболевания, травмы, состояния у данного конкретного пациента» [10].

К числу дискуссионных как среди правоприменителей (следователей и судей), так и судебно-медицинских экспертов относится и вопрос о том, кто должен устанавливать причинную связь как обязательный признак объективной стороны в составе ятрогенного преступления.

Последнее Указание Председателя Следственного комитета РФ от 17 мая 2019 г. № 4/201 «О дополнительных мерах по усилению контроля за назначением судебных экспертиз по уголовным делам о преступлениях, связанных с ненадлежащим оказанием медицинской помощи (медицинской услуги)» обязывает следователя в постановлении о назначении судебно-медицинской экспертизы ставить на разрешение эксперта такие основные вопросы, как: «1) какова причина смерти; 2) причинен ли вред здоровью пациента, если да, то каковы его характер и степень вреда; 3) имеются ли дефекты (недостатки) оказания медицинской помощи и какие конкретно и кем допущены; – имеется ли прямая причинно-следственная связь между выявленным(и) дефектом(ами) и наступлением смерти / причинением вреда здоровью пациента» [11].

На возможность предварительного установления наличия причинной связи судебно-

медицинским экспертом неоднократно указывал и Верховный суд Российской Федерации. Так, в определении № 57-КГ18–23 от 14 января 2019 г., указано, что «при этом прямая причинная связь может быть установлена на основании заключения судебно-медицинской экспертизы, принятого в соответствии с требованиями норм материального права, регулирующих порядок проведения судебно-медицинской экспертизы, и с требованиями, предъявляемыми к экспертам, проводящим такую экспертизу» [12].

Иными словами, Верховный суд РФ, хотя и относит решение вопроса об установлении причинной связи (о ее наличии или отсутствии) к компетенции суда, тем не менее, указывает, что суд принимает свое решение на основании заключения судебно-медицинской экспертизы.

Таким образом, в реальной правоприменительной практике фактически решение данного вопроса находится в прямой зависимости от заключения судебно-медицинской экспертизы, поскольку субъекты уголовно-процессуальной деятельности основывают свои выводы, механически заимствуя выводы эксперта, содержащиеся в его заключении. Руководствуясь общепринятыми в медицине представлениями о взаимосвязи между выявленной клинической картиной заболевания и его лечением, судмедэксперт нередко вполне логично формулирует в заключении вывод о том, что непосредственной причиной смерти или ухудшения состояния здоровья пациента явились не допущенные врачебные ошибки и иные дефекты оказанной медпомощи, а предшествующая им патология (то есть неблагоприятное развитие основного заболевания пациента). А в совокупности с выводом о невозможности однозначно утверждать о безусловно благоприятном исходе заболевания в случае недопущения дефекта оказанной пациенту медпомощи судмедэксперт в своем заключении нередко дает отрицательный ответ и на сформулированный в постановлении о назначении судебно-медицинской экспертизы вопрос: «имеется ли прямая причинно-следственная связь между выявленным(и) дефектом(ами) медпомощи и наступлением смерти (причинением вреда здоровью) пациента?» [4, с. 97].

На наш взгляд, более логичной является иная позиция, согласно которой «в действительности причинная связь является самостоятельным юридическим признаком объективной стороны состава преступления» [4, с. 98]. В этом смысле причинная связь представляет собой такую объективную юридически значимую зависимость между виновно совершенным общественно опасным деянием и наступившими общественно опасными последствиями, в силу которой именно данное деяние закономерно (а в конкретных условиях неизбежно) породило именно данные последствия.

Подводя итоги проведенного исследования темы можно сформулировать следующие основные выводы:

- по делам о ятрогенных преступлениях решение вопроса о причинной связи (о ее наличии или отсутствии) в конечном счете относится к компетенции суда, но свое решение суд должен принимать на основании компетентного заключения судебно-медицинской экспертизы, поскольку судьи, как правило, не имеют углубленных специальных познаний в области судебной медицины, а также достаточных знаний в области логики для того, чтобы решать этот вопрос самостоятельно;
- устанавливая причинную связь по делам о ятрогенных преступлениях в правоприменительной практике логично придавать уголовно-правовое значение только необходимой причинной связи, а все иные, так называемые «корреляционные» связи оставить для дискуссий в научных публикациях и выступлениях (хотя широко используемый в правоприменительной практике термин «прямая причинная связь», на наш взгляд, представляется не вполне корректным и более точным является слово «необходимая»);
- представляется, что необходимая, но опосредованная причинная связь возможна как между действиями медработников, так и их бездействием (то есть в случаях неоказания несвоевременного или ненадлежащего оказания медицинской помощи) и наступлением смерти (либо причинением вреда здоровью) пациента.

Вывод о наличии или отсутствии причинной связи по делам о ятрогенных преступлениях должен основываться на таких доказательствах, которые бы включали совокупность необходимых и достаточных фактических сведений, содержащихся в материалах уголовного дела. И, как справедливо отмечает В.Д. Пристанков, объем такой информации может быть собран только на основе «поэлементно-факторного анализа всех обстоятельств события ятрогенного преступления» [6, с. 99].

Литература

1. Малинин В.Б. Причинная связь в уголовном праве. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2000. – 315 с.
2. Лобанова Л. В., Ларионова Л.Н. Альтернативность причинной связи как признака состава преступления // Logos et Praxis. 2016. № 3 (33). С. 46–55.
3. Щепельков В.Ф., Векленко В.В., Пряхина Н.И. Риск-ориентированный подход при установлении причинной связи по делам о халатности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. № 4. 2018. С. 348–353.
4. Шарапов Р.Д. Оценка причинной связи по уголовным делам о ятрогенных преступлениях // Уголовная политика и правоприменительная практика: сборник статей по матер. X Междунар. науч.-практич. конф. СПб., 2023. С. 94–100.
5. Шмаров Л.А. Проблемы причинности в судебно-медицинских экспертизах по «врачебным делам» // Судебно-медицинская экспертиза. 2021. Т. 64. № 1. С. 5–11.
6. Пристанков В.Д. Методологические проблемы установления причинно-следственной связи при расследовании неосторожных преступлений, совершаемых медицинскими работниками // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2015. № 3. С. 87–99.
7. Бородин С. В., Малинин В.Б. Убийство: общая характеристика: монография. СПб.: МИЭП при МПА ЕврАзЭС, 2013. 194 с.
8. Мелихов С.Ю. Проблемы описания причинной связи в ятрогенных преступлениях в судебной практике по уголовным делам // Медицинское право: теория и практика. 2016. Т. 2, № 2(4). С. 190–195.
9. Приговор № 1–296/2014 от 11 сентября 2014 г. по делу № 1–296/2014 Георгиевского городского суда Ставропольского края. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/cY1jua3b8tUw/> (дата обращения 12.02.2024).
10. Порядок проведения судебно-медицинской экспертизы и установления причинно-следственных связей по факту неоказания или ненадлежащего оказания медицинской помощи. Методические рекомендации. М.: ФГБУ «РЦСМЭ» Минздрава России, 2017. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».
11. О дополнительных мерах по усилению контроля за назначением судебных экспертиз по уголовным делам о преступлениях, связанных с ненадлежащим оказанием медицинской помощи (медицинской услуги): Указание Следственного комитета Российской Федерации от 17 мая 2019 г. № 4/201. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Определение Верховного Суда РФ от 14 января 2019 г. № 57-КГ18–23. URL: <https://legallacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-14012019-n-57-kg18-23/> (дата обращения 13.01.2024).

ON THE ISSUE OF CRIMINAL LAW ASSESSMENT OF CAUSATION AS A SIGN OF AN OBJECTIVE SIDE IN THE COMPOSITION OF RECKLESS IATROGENIC CRIMES

Sentsov A.S., Volkolupova V.V.

Volgograd institute of management – branch of the Russian Presidential academy of the national economy and public administration, St. Petersburg State University

The paper deals with complex issues related to the criminal law assessment of causation in the investigation of careless iatrogenic crimes that arise from law enforcement officers during their qualification. In particular, according to the results of the conducted research, the article substantiates and additionally argues the conclusion that the establishment of a causal relationship as a mandatory feature of an objective party in iatrogenic crimes is the prerogative of the court, not a forensic medical expert, but the court should make its decision on the presence (or absence) of a causal relationship on the basis of a comprehensive conclusion of a judicial- medical examination, in which the expert's conclusions should be formulated unambiguously and they should not contain ambiguous formulations

such as “a fatal outcome could have been avoided” or “with timely treatment, a favorable outcome was possible”, etc. With such “probabilistic” conclusions, it is logical for the law enforcement officer to be guided by the constitutional principle according to which “all irre-medi-able doubts are interpreted in favor of the accused” (Article 49 of the Constitution of the Russian Federation), and to terminate the criminal case for lack of corpus delicti.

Keywords: iatrogenic crimes, causation, objective side, socially dangerous act, socially dangerous consequences, criminal liability.

References

1. Malinin V.B. Causal relationship in criminal law. St. Petersburg: Legal Center Press, 2000. – 315 p.
2. Lobanova L. V., Larionova L.N. Alternativeness of causation as a sign of a crime // Logos et Praxis. 2016. No. 3 (33). pp. 46–55.
3. Shchepelkov V.F., Veklenko V.V., Pryakhina N.I. Risk-oriented approach in establishing causation in cases of negligence // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. No. 4. 2018. pp. 348–353.
4. Sharapov R.D. Assessment of the causal relationship in criminal cases of iatrogenic crimes // Criminal policy and law enforcement practice: a collection of articles on mater. X International Scientific and Practical Conference St. Petersburg, 2023. pp. 94–100.
5. Shmarov L.A. Problems of causality in forensic medical examinations in “medical cases” // Forensic medical examination. 2021. Vol. 64. No. 1. pp. 5–11.
6. Pristanskov V.D. Methodological problems of establishing a causal relationship in the investigation of careless crimes committed by medical workers // // Bulletin of the St. Petersburg University. Right. 2015. No. 3. pp. 87–99.
7. Borodin S. V., Malinin V.B. Murder: general characteristics: monograph. St. Petersburg: MIEP at the IPA EurAsEC, 2013. 194 p
8. Melikhov S. Yu. Problems of describing the causal relationship in iatrogenic crimes in judicial practice in criminal cases // Medical law: theory and practice. 2016. Vol. 2, No. 2(4). pp. 190–195.
9. Verdict No. 1–296/2014 of September 11, 2014 in case No. 1–296/2014 of the Georgievsky City Court of the Stavropol Territory. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/cY1jua3b8tUw/> (date of application 12.02.2024).
10. The procedure for conducting a forensic medical examination and establishing cause-and-effect relationships upon failure to provide or improper medical care. Methodological recommendations. M.: Federal State Budgetary Institution “RCSE” of the Ministry of Health of the Russian Federation, 2017. Access from the help.- the legal system “ConsultantPlus”.
11. On additional measures to strengthen control over the appointment of forensic examinations in criminal cases of crimes related to improper provision of medical care (medical services): Instruction of the Investigative Committee of the Russian Federation dated May 17, 2019 No. 4/201. Access from the certificate.- the legal system “ConsultantPlus”.
12. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated January 14, 2019 No. 57-KG18–23. URL: [https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-14012019-n-57-kg18–23 /](https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-14012019-n-57-kg18-23/) (accessed 13.01.2024).

Уголовно-правовая характеристика государственной измены: сопоставление институтов привлечения к уголовной ответственности в России и зарубежных странах

Милаева Майя Юрьевна,

к.ю.н., доцент, кафедра «Безопасность в цифровом мире»,
Московский государственный технический университет
им. Н.Э. Баумана (национальный исследовательский
университет)
E-mail: milaeva-bmstu@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению вопроса ответственности за государственную измену по уголовному законодательству Российской Федерации.

Политическая обстановка последних лет, сложившаяся на мировой арене, свидетельствует о необходимости усиления контроля за безопасностью государственного строя, конституционных основ России, защите суверенитета и целостности государства. В данном контексте государственная измена влечет наступление крайне неблагоприятных последствий, чревата нанесением колоссального ущерба интересам страны, и по праву может быть охарактеризована как самое опасное преступление против безопасности Российской Федерации.

Автор настоящего исследования дает уголовно-правовую характеристику государственной измены, рассматривает вопросы ответственности за данное преступление по законодательству Германии и США, указывает на недостатки современного отечественного уголовного закона в части регулирования государственной измены как уголовного преступления.

Ключевые слова: государственная измена, шпионаж, государственная тайна, уголовная ответственность, государственная безопасность.

Общеизвестно, что мировая геополитическая обстановка в последние несколько лет отличается особой напряженностью. В этой ситуации крайне важным является пресечение возможных преступных действий, направленных на дестабилизацию государственного устройства и безопасность страны. Защита независимости, конституционного строя, государственной и территориальной целостности России и укрепления обороны страны является приоритетными задачами Стратегии национальной безопасности, которая принята в Российской Федерации в 2021 году [5]. Вышеуказанные интересы защищаются в том числе путем карательного воздействия государства в отношении определенных субъектов общественных отношений, что отражается в уголовном законе страны.

Начало СВО привело к тому, что иностранные спецслужбы и различные экстремистские организации усилили свою активность в целях подрыва безопасности Российской Федерации. Вышеуказанные организации и иностранные спецслужбы имеют прямую заинтересованность в том, чтобы использовать для целей подрыва безопасности российского государства людей внутри нашей страны, которые в силу своего положения имеют возможность оказать им какую-либо помощь, которая может выражаться путем выполнения определенных заданий (действий) либо предоставления определенной информации, что квалифицируется как государственная измена, которая является уголовно наказуемой в соответствии с положением ст. 275 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [10].

Свершение действий, образующих состав преступления в соответствии со ст. 275 УК РФ характеризуется тем, что они наносят колоссальный вред военной, экономической, промышленной и др. инфраструктурам государства. Если данные действия совершаются во время вооруженных конфликтов либо в условиях военных действий, то при определенном стечении обстоятельств в определенных случаях государственная измена может кардинально повлиять на всю дальнейшую стратегию государства и на результат военных действий или конфликта [8, с. 79]. Вышесказанным объясняется чрезвычайно высокая степень тяжести данного преступления.

Объективная сторона рассматриваемого преступления выражается в действиях, которые представлены несколькими альтернативами:

– шпионаж;

- выдача иностранному государству или организации сведений, составляющих государственную тайну;
- переход на сторону противника;
- оказание финансовой, материально-технической, консультационной или иной помощи иностранному государству и иным заинтересованным лицам.

В данном контексте необходимо отметить, что отдельными исследователями с некоторой долей условности указывается, что государственная измена может быть совершена не только путем активных действий, но и в форме бездействия. В частности, существует мнение, что в качестве государственной измены может быть расценено непринятие сотрудником, который имеет доступ к составляющим государственную тайну сведениям, мер, которая нацелены на сохранность данных сведений в тайне [3, с. 101]. На наш взгляд, такие действия должны квалифицироваться по ст. 293 УК РФ как халатность, поскольку государственная измена, как представляется, совершается с конкретными целями (нанести вред государству), в то время как несоблюдение мер по защите доверенной информации от ее утечки жаннли цели не преследует.

Далее рассмотрим указанные в диспозиции ст. 275 УК РФ действия, образующие состав преступления. Шпионаж как преступное деяние указан и в ст. 275 для целей квалификации государственной измены, и образует самостоятельный состав преступления, который закреплен в ст. 276 УК РФ. При этом важно отметить, что в рамках ст. 275 УК РФ субъектом данного преступления может являться только гражданин Российской Федерации, и в контексте анализируемой статьи он должен выполнять определенные действия по заданию спец.служб иностранных государств в определенных целях (подрыв конституционного строя и безопасность государства). Однако здесь мы согласны с мнением К.О. Папеевой, которая указывает, что такое действие, как шпионаж, гражданин Российской Федерации не может совершить по умолчанию, поскольку само по себе понятие «шпион» подразумевает иностранного гражданина [7, с. 240]. На основании вышеизложенного можно прийти к выводу, что к ст. 275 УК РФ необходимо закрепить примечание, которое содержало бы определение шпионажа непосредственно для целей данной статьи.

Другой формой действий, составляющих государственную измену, является выдача сведений, составляющих государственную тайну. При этом действующее законодательство содержит важное уточнение о том, что данные сведения должны быть полученные лицом в силу своего служебного, рабочего или иного положения, что в совокупности можно определить как сведения, полученные законным образом. Важную роль играет установление субъектов, которым данные сведения были выданы – к ним относятся иностранные государства, международные либо иностранные организации

или их представители. Перечень сведений, охраняемых государственной тайной, содержится в Указе Президента Российской Федерации от 30 ноября 1995 года [6]. Если разглашение перечисленных в данном указе сведений не образует состав преступления государственной измены, оно все равно является уголовно наказуемым, и такие действия будут квалифицированы по ст. 283 УК РФ. Переход на сторону противника является еще одной формой совершения государственной измены. Стоит отметить, что данная формулировка в уголовный закон Российской Федерации была введена (а точнее, возвращена) недавно, в 2022 году, путем принятия Федерального закона № 260-ФЗ от 14 июля 2022 года [12]. Еще уголовный закон РСФСР содержал статью, предусматривающую ответственность за переход на сторону врага, наказание за которую было крайне суровым, вплоть до смертной казни [11]. В 1997 году данное деяние было декриминализовано, что само по себе вызвало бурные дискуссии как среди исследователей, так и среди депутатов и представителей органов власти [9]. На наш взгляд, степень общественной опасности перехода на сторону противника невозможно недооценить, в связи с чем возврат ответственности за данное деяние в уголовный закон является логичным и обоснованным, особенно учитывая современную геополитическую обстановку.

Сущностный аспект перехода на сторону противника законодатель указал в примечание к исследуемой статье. В частности, под ним понимается участие лица в составе непосредственно противостоящих Российской Федерации сил (войск) иностранного государства, международной либо иностранной организации в вооруженном конфликте, военных действиях или иных действиях с применением вооружения и военной техники.

Для того чтобы понять имеющиеся в данном примечании термины, необходимо обратить внимание на Военную доктрину Российской Федерации [2], которая раскрывает понятие вооруженного конфликта, но при этом не содержит официальной дефиниции военных действий. Более того, вообще ни один действующий нормативно правовой акт не содержит дефиниции военных действий.

Отечественное законодательство также не содержит понятия иных действий с применением вооружения и военной техники. На наш взгляд, данный вопрос является существенным законодательным пробелом и требует доработки.

Последней содержащейся в исследуемой статье формой совершения государственной измены является предоставление указанных в дефиниции данной статьи видов помощи иностранному государству, международной либо иностранной организации и их представителям в деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации. Под оказанием финансовой помощи понимается передача непосредственно денежных средств либо материальных и финансовых активов, ценность которых может быть выражена в стоимостном эквиваленте. Материально-техническая

помощь состоит в оказании помощи путем предоставления различных технических ресурсов, планов, чертежей и т.д. Консультационная помощь заключается в даче каких-либо рекомендаций, советов указаний и пр. Для целей исследуемой статьи принципиально важно установление связи между оказанием этой помощи и целями ее оказания. Иначе говоря, все перечисленные виды помощи должны оказываться именно с целью причинить ущерб безопасности России. Также необходимо обратить внимание на то, что перечень видов помощи, упомянутый в дефиниции рассматриваемой статьи, является открытым.

Примечание 2 к исследуемой статье устанавливает случаи, когда лицо не подлежит уголовной ответственности за совершение государственной измены. В частности, должны быть соблюдены два условия.

1. Лицо должно своевременно и добровольно сообщить органам власти или иным образом способствовать предотвращению дальнейшему ущербу интересам государства.

2. Действия данного лица не образуют состава иного уголовно наказуемого преступления.

Данные примечания вызывают вопросы в том смысле, что исходя из буквального толкования первого условия можно определить, что лицо, совершившее государственную измену, в теории может избежать уголовного наказания даже в ситуации, когда вред данными действиями государству уже нанесен. При этом законодатель не устанавливает каких-либо пределов, рамок, размеров вреда. Отсюда вполне закономерно возникает вопрос, ущерб какого размера должен способствовать неотвратимости наказания за рассматриваемое преступление, а когда уголовной ответственности можно избежать. Учитывая степень общественной опасности рассматриваемого преступления, представляется крайне важным уточнить, что уголовной ответственности за его совершение лицо может избежать только в случае нанесения незначительного ущерба интересам Российской Федерации.

В контексте настоящего исследования интерес представляет рассмотрение вопросов ответственности за государственную измену в зарубежных странах. Ввиду сложившейся ситуации на мировой арене, интерес представляет уголовный закон таких государств, как США и Германия.

В отличие от Российской Федерации и Германии, в Конституции США государственная измена прямо указывается как преступление [4]. В соответствии с Конституцией США, под изменой понимается развязывание войны против Соединенных Штатов или присоединение к врагам Соединенных Штатов, а также оказание им помощи и содействия. Доказательствами совершения государственной измены являются либо собственное признание виновного, совершенное в открытом судебном заседании, либо показания о совершении данного преступления как минимум двух свидетелей.

В сравнении с законодательством США, уголовный закон Германии государственную измену трактует более широко. Согласно немецкому законодательству, под государственной изменой понимается угроза внешней безопасности государства, что выражается в совершении таких действий, как разглашение государственной тайны, шпионаж, подготовительный акт государственной измены, выдача тайны, которая не является государственной, но рассматривается в качестве таковой преступником, а также агентурная деятельность [1].

Что касается субъектного состава, то по законодательству США обвиненным в государственной измене может быть только гражданин США, а законодательство Германии допускает обвинения в данном преступлении любого лица, независимо от его гражданства.

По законодательству Германии и США формой вины является прямой умысел.

Рассматривая наказание за государственную измену, необходимо отметить, что по американскому законодательству к виновному может быть применен штраф в размере не менее 10.000 долларов США, тюремное заключение на срок не менее 5 лет либо смертная казнь. Дополнительным наказанием является лишение права занимать определенные должности. До принятия моратория на смертную казнь в Германии за совершение государственной измены полагалось именно данное наказание, а с введением моратория в настоящий момент государственная измена наказывается лишением свободы на срок от 1 до 15 лет, а отдельные случаи предусматривают пожизненное лишение свободы. В частности, к пожизненному решению свободы может быть приговорено лицо в тех ситуациях, когда оно совершило государственную измену путем злоупотребления служебным положением, обязывающим хранить государственную тайну, либо его действия послужили причиной повышения риска особо серьезного ущерба для внешней безопасности государства.

На основании вышеизложенного можно прийти к выводу, что ответственность за государственную измену по законодательству США, Германии и Российской Федерации является очень важным институтом уголовного закона. Безусловно, рассмотренные нормы имеют некоторые сходства, а отличия в правовом регулировании государственной измены объясняются разностью англосаксонской и континентальной правовых систем, а также разнообразным подходом к правовому регулированию данного преступления в рамках континентальной правовой системы.

В результате анализа уголовной ответственности за такое преступления, как государственная измена, в отечественном праве, можно заключить, что внесенные в 2022 году в ст. 275 УК РФ изменения, безусловно, являются крайне важными для пресечения и предотвращения посягательств на безопасность Российской Федерации в самом широком смысле данного термина, однако данные изменения не лишены недостатков. Их решение

видится либо во внесении изменений и дополнений в исследуемых статью, либо в разъяснении со стороны Верховного суда.

Литература

1. Акимочкин, В.И. Государственная измена и шпионаж в российском и зарубежном уголовном праве: сравнительный анализ / В.И. Акимочкин, В.Д. Позняк // Право и практика. – 2023. – № 2. – С. 63–67.
2. Военная доктрина Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г., № Пр-2976) // Совет безопасности Российской Федерации: официальный сайт. – URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/military/document129/> (дата обращения: 06.02.2024).
3. Гарипова, А.Н. Изменение уголовно-правовых характеристик преступления «Государственная измена» / А.Н. Гарипова // Вестник науки. – 2020. – Т. 3 – № 6(27). – С. 101–103.
4. Конституция Соединенных Штатов Америки 1787 г./URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnstUS.htm> (дата обращения – 06.02.2024)
5. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ [Текст]: от 02 июля 2021 г. № 400 // Собрание законодательства РФ – 2021. – № 27. – Ст. 5351.
6. Указ Президента РФ «Об утверждении Перечня сведений, составляющих государственную тайну» [Текст]: от 30 ноября 1995 г. № 1203 (ред. от 12.10.2023)// Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 1203. – Ст. 4775.
7. Папеева К.О. Проблемные аспекты уголовно-правовой охраны государственной тайны // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2015. – № 2(82). – С. 240–244.
8. Середа, И.М. Государственная измена: отдельные вопросы квалификации / И.М. Середа, С.А. Ступина // Пролог: журнал о праве. – 2023. – № 1(37). – С. 79–90.
9. Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» (СОЗД ГАС «Законотворчество»): официальный сайт. – Москва. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/130406-8> (дата обращения: 06.02.2024).
10. Уголовный кодекс Российской Федерации [Текст]: от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.12.2023) //Собрание законодательства РФ – 1996 – № 25 – ст. 2954.
11. Уголовный кодекс РСФСР 1960 г (УТРАТИЛ СИЛУ) //URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/2/print> (дата обращения – 6.02.2024).
12. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [Текст]: от 14.07.2022 № 260-ФЗ//URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Docu->

ment/View/0001202207140023. (дата обращения – 6.02.2024)

CRIMINAL LEGAL CHARACTERISTICS OF HIGH TREASON: COMPARISON OF INSTITUTIONS OF CRIMINAL PROSECUTION IN RUSSIA AND FOREIGN COUNTRIES

Milaeva M.Yu.

Bauman Moscow State Technical University (National Research University)

The article is devoted to the consideration of the issue of liability for high treason under the criminal legislation of the Russian Federation.

The political situation in recent years on the world stage indicates the need to strengthen control over the security of the state system, the constitutional foundations of Russia, and the protection of the sovereignty and integrity of the state. In this context, high treason entails extremely unfavorable consequences, is fraught with causing colossal damage to the interests of the country, and can rightfully be characterized as the most dangerous crime against the security of the Russian Federation.

The author of this study gives a criminal legal description of high treason, considers issues of liability for this crime under the laws of Germany and the United States, and points out the shortcomings of the modern domestic criminal law in terms of regulating high treason as a criminal offense.

Keywords: high treason, espionage, state secrets, criminal liability, state security.

References

1. Akimochkin, V.I. High treason and espionage in Russian and foreign criminal law: comparative analysis / V.I. Akimochkin, V.D. Poznyak // Law and practice. – 2023. – No. 2. – P. 63–67.
2. Military doctrine of the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation on December 25, 2014, No. Pr-2976) // Security Council of the Russian Federation: official website. – URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/military/document129/> (access date: 02/06/2024).
3. Garipova, A.N. Changes in the criminal legal characteristics of the crime “High Treason” / A.N. Garipova // Bulletin of Science. – 2020. – T. 3 – No. 6(27). – P. 101–103.
4. Constitution of the United States of America 1787//URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnstUS.htm> (date of access – 02/06/2024)
5. On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation [Text]: dated July 2, 2021 No. 400 // Collection of Legislation of the Russian Federation – 2021. – No. 27. – Art. 5351.
6. Decree of the President of the Russian Federation “On approval of the List of information constituting state secrets” [Text]: dated November 30, 1995 No. 1203 (as amended on October 12, 2023) // Collection of legislation of the Russian Federation. – 1995. – No. 1203. – Art. 4775.
7. Papeeva K.O. Problematic aspects of the criminal legal protection of state secrets // Bulletin of the Volzhsky University named after. V.N. Tatishcheva. – 2015. – No. 2(82). – pp. 240–244.
8. Sereda, I.M. High treason: certain issues of qualification / I.M. Sereda, S.A. Stupina // Prologue: a magazine about law. – 2023. – No. 1(37). – P. 79–90.
9. System for supporting legislative activities of the State Automated System “Lawmaking” (SOZD GAS “Lawmaking”): official website. – Moscow. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/130406-8> (access date: 02/06/2024).
10. Criminal Code of the Russian Federation [Text]: dated June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on December 25, 2023) // Collection of Legislation of the Russian Federation – 1996 – No. 25 – Art. 2954.
11. Criminal Code of the RSFSR 1960 (LOSS OF FORCE) // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/2/print> (date of access – 02/6/2024).
12. Federal Law “On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation” [Text]: dated July 14, 2022 No. 260-FZ//URL: [http://publication.pravo.gov.ru/Document /View/0001202207140023](http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202207140023). (date of access – 02/06/2024)

Принудительные меры медицинского характера в системе уголовного права России

Трусова Елена Анатольевна,

кандидат юридических наук, доцент, Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: etrus.elena@yandex.ru

В научной статье автор исследует особенности статуса принудительных мер медицинского характера (далее – ПММХ) как одной из составляющих мер государственного принуждения в системе уголовного права России. Для этого автор данной работы кратко, но детально анализирует сущность ПММХ, их отличительные признаки, акцентируя внимание на том, что, согласно доктрине и нормам Уголовного кодекса РФ, ПММХ не являются видом уголовного наказания, не входят в эту систему. Т.е., не признаются формой реализации уголовной ответственности. Также автор данной работы рассматривает целевое назначение ПММХ, варианты их практической реализации, особенности применения. В завершении данного научного исследования автор работы делает вывод о месте и роли ПММХ в системе современного уголовного права России.

При подготовке исследования автором применялись такие методы научного познания, как формально-юридический, сравнительный, аналитический, методы синтеза, дедукции, индукции, иные. Также были использованы различные научные труды отечественных специалистов в области уголовного права и процесса. Дополнительно автор представленной работы также делает отсылки к актуальной судебной практике по обозначенному вопросу.

Ключевые слова: система уголовного права, правовое регулирование, принудительные меры медицинского характера, уголовное наказание, уголовная ответственность.

Российское уголовное право фиксирует первое появление и нормативное закрепление ПММХ 1649 годом, когда соответствующие положения появились в Соборном уложении и определили особенности обращения с душевнобольными, психически нездоровыми лицами. В частности, уже на тот период такие участники уголовных правоотношений признавались не способными нести меры уголовной ответственности за совершенное преступление. Тем не менее, несмотря на появление в правовом поле субъектов новой категории, их принудительное лечение не предусматривалось. На практике такие лица помещались в монастыри и даже в тюрьмы – за совершение тяжких преступлений. Т.е., фактически подобные меры были установлены не для лечения душевнобольных, а лишь для их усмирения и изоляции от общества. Ситуация изменилась кардинальным образом только в 1832 году, когда в Свод законов была включена норма о необходимости направления психически больных лиц на принудительное лечение. Тогда появились дома для сумасшедших, которые далее только получили свое развитие [1; 3].

Кратко перечислим также иные нормативно-правовые акты, включающие положения относительно ПММХ, в истории российского уголовного права:

1845 – Уложение о наказаниях уголовных и исправительных;

1903 – Уголовное уложение;

1919 – Руководящие начала по уголовному праву;

1922 – УК РСФСР;

1926 – УК РСФСР;

1960 – УК РСФСР;

1991 – Основы уголовного законодательства Союза ССР и республик;

1996 – Уголовный кодекс РФ [9].

Прежде всего, остановимся на нормативном закреплении сущности ПММХ. Согласно положениям ч.ч. 1 и 2 ст. 97 УК РФ, такие меры характеризуются особым субъектным составом, что фактически исключает их применение в отношении широкого круга лиц, что, например, касается большинства других предусмотренных современным уголовным законодательством мер уголовно-правового характера. Во-вторых, важно понимать, что ПММХ отличаются и особым процессуальным порядком реализации, установленным нормами УПК РФ. К примеру, это касается участия в данных правоотношениях особых субъектов – судебного или медицинского эксперта, т.е., всегда подразумевает совершение экспертных мероприятий. В-третьих, одновременно важно понимать, что уникальные от-

личительные характеристики ПММХ, тем не менее, не исключают всех остальных, необходимых для их применения: это и общественная опасность совершенного психически больным лицом противоправного деяния, и наличие причинно-следственной связи, последствий и т.д. В целом, все это делает ПММХ важным и неотъемлемым элементом системы современного уголовного права России.

Отметим также, что ПММХ – это принудительные, а не добровольные меры, т.е., они применяются в итоге вне зависимости от желания конкретного лица или его родственников, а кроме того, они влекут за собой ограничение ряда прав и свобод больного. Т.е., по итогам анализа положений ч. 1 ст. 97 УК РФ, можно сделать вывод о том, что ПММХ могут быть назначены только определенному, строго ограниченному кругу лиц [5].

Кратко укажем также, что основными целями применения ПММХ, согласно статье 98 УК РФ, являются следующие:

- непосредственно излечение, под которым в данном случае подразумевается полное выздоровление, которое, однако, не всегда возможно;
- в этом случае – улучшение психического состояния больного лица до того состояния, когда оно перестает быть опасным для себя, в частности, или для других лиц вообще.

Таким образом, целевое назначение ПММХ кардинальным образом отличается от традиционных целей уголовного наказания, именно поэтому, главным образом, большая часть исследователей совершенно справедливо исключает ПММХ из системы уголовных наказаний, предусмотренных нормами УК РФ.

Кратко проанализируем также непосредственно основания для применения ПММХ [4; 7]. Схематически их можно представить следующим образом (Рисунок 1).

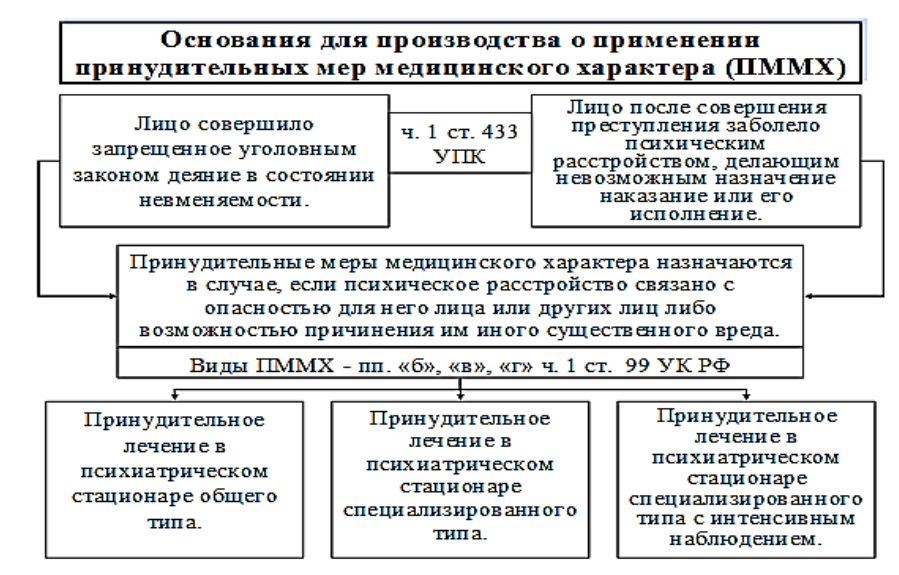

Рис. 1. Основания для производства и применения ПММХ

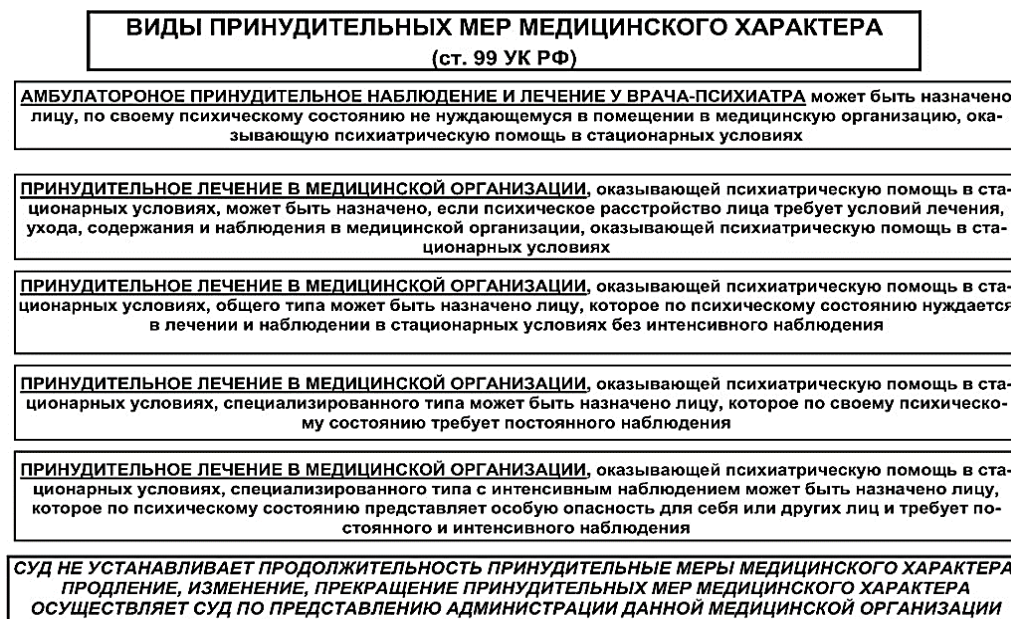
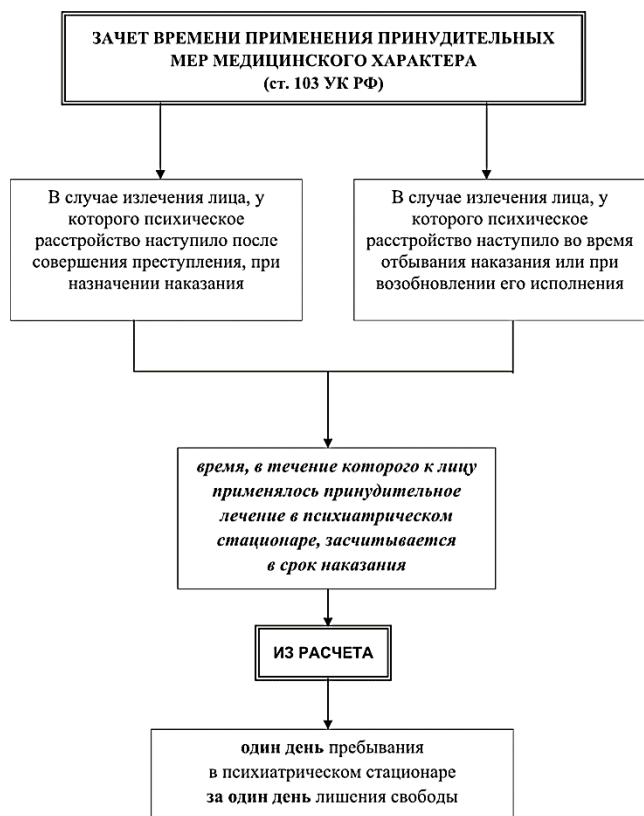

Рис. 2. Разновидности ПММХ (согласно нормам УК РФ)

ПММХ отличаются разнообразием составных элементов, в основу их классификации положены медицинские характеристики и особенности состояния лица, совершившего преступление. В частности, нормы УК РФ устанавливают 5 различных видов такой меры, причем каждую из них положения уголовного законодательства описывают весьма детально и конкретно (Рисунок 2).

Данный перечень видов принудительного лечения, предусмотренный УК РФ, является исчерпывающим, расширительному толкованию не подлежит.

Еще одной важной с практической точки зрения характеристикой ПММХ выступает процессуальный порядок их реализации, особенно это касается методик расчета времени [2; 10]. В частности, можно говорить о том, что в данном контексте важно понимать, в какой именно момент у лица имелось психическое расстройство, могло ли лицо в момент совершения преступления осознавать свои действия, отдавать себе отчет и т.д. Технически это определяется с помощью проведения судебно-психиатрической экспертизы, реализуемой по назначению суда. Один из таких примеров особенностей процессуального расчета времени применения ПММХ приведен на Рисунке 3.

Рис. 3. Особенности процессуального расчета времени применения ПММХ (согласно нормам УПК РФ и УК РФ)

В заключение кратко рассмотрим также перспективы дальнейшего развития ПММХ в современном уголовном праве. На сегодняшний день статистика применения такой меры ежегодно находится примерно на одном уровне и составляет порядка 6 тысяч приговоров в год. По внутренней градации можно отметить, что наиболее часто су-

ды направляют психически больных лиц в стационар без интенсивного наблюдения. В целом же, следует сделать вывод, что особенности дальнейшего нормативного закрепления и практического применения ПММХ зависят, главным образом, от общественных запросов и изменений действующего уголовного законодательства.

Таким образом, будущее применения ПММХ в уголовном праве России видится следующим образом. Во-первых, это необходимость корректировки правового регулирования для повышения эффективности и справедливости использования подобного рода мер на практике. В настоящее время среди специалистов данный вопрос является крайне актуальным и одновременно спорным. В качестве предложений можно выдвинуть, в частности, важность совершенствования установленных законодательно критериев и процедур применения ПММХ, создание эффективных механизмов контроля и защиты прав и интересов лиц.

Во-вторых, исходя из современных характеристик технологического мира, информационно-коммуникационных технологий, актуальности их применения и в судебной медицине тоже, можно предположить, что в дальнейшем и в системе применения ПММХ будут существенные изменения, касающиеся, например, разработки качественно новых инструментов, методов и подходов, лекарственных средств и т.д. Это направлено, главным образом, на повышение эффективности применения ПММХ.

В конечном итоге, следует признать, что и сегодня, и в обозримом будущем предполагается стабильное применение ПММХ, прежде всего, поскольку это единственный предусмотренный нормативно способ работы с психически больными лицами, не имеющий других аналогов, тем не менее, действующий эффективно, что фактически исключает необходимость и возможность включения в уголовное право России других уголовно-правовых мер. Иными словами, можно говорить о перспективах дальнейшего стабильного поступательного развития ПММХ как одной из недостаточно распространенных на практике, но, тем не менее, крайне важной меры уголовно-правового характера.

Таким образом, подводя итог рассматриваемому в научной работе вопросу, обозначим ряд наиболее важных выводов.

ПММХ, как следует из представленного в работе анализа, не входят в систему уголовных наказаний, установленную нормами УК РФ, однако выступают важной частью системы современного уголовного права. Интересно, что данная разновидность мер является одновременно полезной и для государства, общества в целом, и для самого лица, совершившего преступление. Также специалисты отмечают их роль как особого превентивного инструмента, действующего эффективно и качественно [6].

Статус таких мер довольно подробно регламентируется нормами УК РФ, где, в частности, про-

писаны основания и разновидности, дана общая характеристика. Процессуальные аспекты, между тем, регулируются положениями УПК РФ.

На практике данные меры являются достаточно распространенными, однако процессуальный порядок их реализации непрост хотя бы потому, что за назначение ПММХ конкретному лицу отвечает суд.

Литература

1. Без автора, Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы: Закон РФ от 21 июля 1993 года № 5473-1. – Москва: ИНФРА-М, 2021. – 48 с. – ISBN 978-5-16-017170-8. – Текст: электронный. – URL: <https://znanium.com/catalog/product/1817300> (дата обращения: 10.02.2024). – Режим доступа: по подписке.
2. Давыдова, И.А. Правовое регулирование судебного контроля за исполнением уголовных наказаний: научное издание / И.А. Давыдова, А.Н. Павлухин, Н.Д. Эриашвили. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2017. – 159 с. – ISBN 978-5-238-02767-8. – Текст: электронный. – URL: <https://znanium.com/catalog/product/1027164> (дата обращения: 10.02.2024). – Режим доступа: по подписке.
3. Жабский В.А. Уголовные наказания в Российской Федерации и зарубежных странах: монография / В.А. Жабский. – Рязань: Академия ФСИН России, 2010. – 280 с. – ISBN 978-5-7743-0423-3. – Текст: электронный. – URL: <https://znanium.com/catalog/product/773159> (дата обращения: 10.02.2024). – Режим доступа: по подписке.
4. Иванов, А.Л. Меры уголовно-правового характера, применяемые за преступления небольшой и средней тяжести: монография / А.Л. Иванов. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2017. – 120 с. – (Научные издания для юристов). – ISBN 978-5-238-02804-0. – Текст: электронный. – URL: <https://znanium.com/catalog/product/1027112> (дата обращения: 10.02.2024). – Режим доступа: по подписке.
5. Исполнение уголовных наказаний: международные стандарты: методические рекомендации / сост. О.Н. Ничуговская, С.А. Буданов; ФКОУ ВО Воронежский институт ФСИН России. – Воронеж: Научная книга, 2020. – 48 с. – Текст: электронный. – URL: <https://znanium.com/catalog/product/1241002> (дата обращения: 10.02.2024). – Режим доступа: по подписке.
6. Липинский, Д.А. Меры юридической ответственности: монография / Д.А. Липинский, Р.Л. Хачатуров, А.Г. Шишкин. – Москва: РИОР: ИНФРА-М, 2018. – 231 с. – (Научная мысль). – DOI: <https://doi.org/10.12737/1907>. – ISBN 978-5-369-01335-9. – Текст: электронный. – URL: <https://znanium.com/catalog/product/549742> (дата обращения: 10.02.2024). – Режим доступа: по подписке.
7. Оловенцова, С.Ю. Иные меры уголовно-правового характера, применяемые к несовершеннолетним: монография / С.Ю. Оловенцова. – Рязань: Академия ФСИН России, 2013. – 152 с. – ISBN 978-5-7743-0596-4. – Текст: электронный. – URL: <https://znanium.com/catalog/product/774775> (дата обращения: 10.02.2024). – Режим доступа: по подписке.
8. Подройкина, И.А. Уголовные наказания в современной России: проблемы и перспективы: Монография / Подройкина И.А. – Москва: Юстицинформ, 2017. – 200 с.: ISBN 978-5-7205-1391-7. – Текст: электронный. – URL: <https://znanium.com/catalog/product/1006003> (дата обращения: 10.02.2024). – Режим доступа: по подписке.
9. Подройкина, И.А. Система уголовных наказаний в истории России и в современном зарубежном законодательстве: Монография / Подройкина И.А. – Москва: Юстицинформ, 2017. – 112 с.: ISBN 978-5-7205-1362-7. – Текст: электронный. – URL: <https://znanium.com/catalog/product/1005944> (дата обращения: 10.02.2024). – Режим доступа: по подписке.
10. Уголовное наказание в России и за рубежом: проблемы назначения и исполнения: сборник материалов международной научно-практической конференции (г. Вологда, 6 декабря 2019 г.): в 2 ч. Часть 1 / под общ. ред. В.Н. Некрасова; Федеральная служба исполнения наказаний, Вологодский институт права и экономики. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2020. – 187 с. – ISBN 978-5-94991-547-9. – Текст: электронный. – URL: <https://znanium.com/catalog/product/1230404> (дата обращения: 10.02.2024). – Режим доступа: по подписке.

COMPULSORY MEDICAL MEASURES IN THE RUSSIAN CRIMINAL LAW SYSTEM

Trusova E.A.

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

In this scientific article, the author examines the features of the status of compulsory medical measures as one of the components of state coercion measures in the criminal law system of Russia. To do this, the author briefly analyzes the essence of compulsory medical measures, their distinctive features, focusing on the fact that, according to the doctrine and norms of the Criminal Code of the Russian Federation, compulsory medical measures are not a type of criminal punishment, are not included in this system. I.e., they are not recognized as a form of criminal liability. The author also considers the purpose of compulsory medical measures, options for their practical implementation, and application features. At the end of the scientific research, the author concludes about the place and role of compulsory medical measures in the system of modern criminal law in Russia.

In preparing the study, the author used such methods of scientific cognition as formal legal, comparative, analytical, methods of synthesis, deduction, induction, and others. Various scientific works of domestic experts in the field of criminal law and procedure were also used. Additionally, the author of the work also makes references to current judicial practice on the indicated issue.

Keywords: criminal law system, legal regulation, compulsory medical measures, criminal punishment, criminal liability.

References

1. Without author, On institutions and bodies executing criminal penalties in the form of imprisonment: Law of the Russian Federation of July 21, 1993 No. 5473-I. – Moscow: INFRA-M, 2021. – 48 p. – ISBN 978-5-16-017170-8. – Text: electronic. – URL: <https://znanium.com/catalog/product/1817300> (access date: 02/10/2024). – Access mode: by subscription.
2. Davydova, I.A. Legal regulation of judicial control over the execution of criminal penalties: scientific publication / I.A. Davydova, A.N. Pavlukhin, N.D. Eriashvili. – 2nd ed., revised. and additional – Moscow: UNITY-DANA; Law and Law, 2017. – 159 p. – ISBN 978-5-238-02767-8. – Text: electronic. – URL: <https://znanium.com/catalog/product/1027164> (access date: 02/10/2024). – Access mode: by subscription.
3. Zhabsky V.A. Criminal penalties in the Russian Federation and foreign countries: monograph / V.A. Zhabsky. – Ryazan: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2010. – 280 p. – ISBN 978-5-7743-0423-3. – Text: electronic. – URL: <https://znanium.com/catalog/product/773159> (access date: 02/10/2024). – Access mode: by subscription.
4. Ivanov, A.L. Criminal law measures applied for crimes of minor and medium gravity: monograph / A.L. Ivanov. – Moscow: UNITY-DANA; Law and Law, 2017. – 120 p. – (Scientific publications for lawyers). – ISBN 978-5-238-02804-0. – Text: electronic. – URL: <https://znanium.com/catalog/product/1027112> (access date: 02/10/2024). – Access mode: by subscription.
5. Execution of criminal penalties: international standards: methodological recommendations / comp. O.N. Nichugovskaya, S.A. Budanov; Federal State Educational Institution of Higher Education Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. – Voronezh: Scientific book, 2020. – 48 p. – Text: electronic. – URL: <https://znanium.com/catalog/product/1241002> (access date: 02/10/2024). – Access mode: by subscription.
6. Lipinsky, D.A. Measures of legal responsibility: monograph / D.A. Lipinsky, R.L. Khachaturov, A.G. Shishkin. – Moscow: RI-OR: INFRA-M, 2018. – 231 p. – (Scientific thought). – DOI: <https://doi.org/10.12737/1907>. – ISBN 978-5-369-01335-9. – Text: electronic. – URL: <https://znanium.com/catalog/product/549742> (access date: 02/10/2024). – Access mode: by subscription.
7. Oloventsova, S. Yu. Other measures of a criminal legal nature applied to minors: monograph / S. Yu. Oloventsova. – Ryazan: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2013. – 152 p. – ISBN 978-5-7743-0596-4. – Text: electronic. – URL: <https://znanium.com/catalog/product/774775> (access date: 02/10/2024). – Access mode: by subscription.
8. Podroikina, I.A. Criminal punishments in modern Russia: problems and prospects: Monograph / Podroikina I.A. – Moscow: Justitsinform, 2017. – 200 pp.: ISBN 978-5-7205-1391-7. – Text: electronic. – URL: <https://znanium.com/catalog/product/1006003> (access date: 02/10/2024). – Access mode: by subscription.
9. Podroikina, I.A. The system of criminal penalties in the history of Russia and in modern foreign legislation: Monograph / Podroikina I.A. – Moscow: Justitsinform, 2017. – 112 pp.: ISBN 978-5-7205-1362-7. – Text: electronic. – URL: <https://znanium.com/catalog/product/1005944> (access date: 02/10/2024). – Access mode: by subscription.
10. Criminal punishment in Russia and abroad: problems of assignment and execution: collection of materials from the international scientific and practical conference (Vologda, December 6, 2019): in 2 hours. Part 1 / under general. ed. V.N. Nekrasova; Federal Penitentiary Service, Vologda Institute of Law and Economics. – Vologda: VIPE FSIN of Russia, 2020. – 187 p. – ISBN 978-5-94991-547-9. – Text: electronic. – URL: <https://znanium.com/catalog/product/1230404> (access date: 02/10/2024). – Access mode: by subscription.

Правовой статус взаимодействия с гражданами посредством электронных каналов связи в уголовном судопроизводстве

Щеглов Максим Игоревич,

руководитель отдела дежурных следователей ГСУ СК России по Московской области, полковник юстиции
E-mail: maksim_shcheglov@bk.ru

В статье автор рассматривает проблемные вопросы организации взаимодействия с гражданами с помощью электронных каналов связи, таких как мессенджеры, социальные сети и электронная почта. Использование электронных средств связи и получение государственных услуг пользуются популярностью в современном обществе, а электронное судопроизводство становится все более распространенным. Создание систем онлайн-судопроизводства позволяет проводить судебные процессы, передавать материалы и доказательства в электронной форме. Однако электронные каналы связи на стадии досудебного производства по уголовным делам пока не используются. В статье рассматриваются некоторые нерешенные вопросы, связанные с процессуальным оформлением информации, поступающей через электронные каналы, особенно сообщений о преступлениях, анализируется следственная практика рассмотрения обращений и жалоб граждан с использованием электронных средств связи, обращается внимание на пробелы уголовно-процессуального законодательства, регулирующего порядок рассмотрения такой информации, предлагаются решения ряда спорных моментов.

Ключевые слова: следователь, руководитель следственного органа, проверка сообщения о преступлении, отказ в возбуждении уголовного дела, жалоба, обращение, мессенджеры, электронные средства связи, социальные сети.

В современный век цифровых технологий возможности электронных каналов связи используются повсеместно. Председатель правительства Российской Федерации М.Мишустин в ходе стратегической сессии по формированию национального проекта «Экономика данных» заявил: «Необходимо и дальше совершенствовать нормативное регулирование, устранять цифровое неравенство, укреплять наш кадровый потенциал. Все планы важно увязать с новым национальным проектом. Его реализация в конечном счёте должна способствовать достижению технологического суверенитета и независимости страны и продвижению собственных технологий и решений» [1].

Действительно, возможности использования цифровых средств связи и получения государственных услуг являются весьма востребованными в современном обществе. Большинство государственных услуг, в настоящее время осуществляется в электронном виде. Судопроизводство при этом не является исключением. Важным этапом в формировании современной модели электронного судопроизводства стало создание систем дистанционного арбитражного и гражданского судопроизводства «Мой арбитр» и «ГАС Правосудие», позволяющие ознакомление с судебной практикой, проведение онлайн-трансляций судебных заседаний и осуществление документооборота, в том числе предоставление доказательств в электронной форме[2].

Однако возможности использования электронных каналов связи на стадии досудебного производства по уголовным делам в настоящее время практически не используются. Однако общественное внимание к вопросам досудебного производства, оперативной обработки сообщений о преступлениях, а также получения иной значимой информации является весьма высоким.

В июне 2021 года в центральном аппарате Следственного комитета России образовано управление информации (Информационный центр), в задачи которого входит оперативное взаимодействие с гражданами по электронным каналам связи, а также незамедлительная реакция на их сообщения на горячие телефоны ведомства, сообщивших о своей проблеме в специальную приемную председателя СК в социальной сети «ВКонтакте», либо оставивших комментарии в соответствующих аккаунтах в социальных сетях. В круглосуточном режиме организована работа многоканальной телефонной линии, что позволяет оперативно реагировать на информацию поступающую от граждан, выявлять нарушения закона, а также осуществлять

просветительскую деятельность среди населения. Для обеспечения взаимодействия с гражданами посредством электронных каналов связи в ряде территориальных следственных органов Следственного комитета Российской Федерации также созданы соответствующие рабочие группы.

В качестве примера можно привести работу с гражданами посредством электронных каналов связи в Главном следственном управлении СК России по Московской области, где на базе отдела дежурных следователей создана специальная группа по взаимодействию с электронными средствами массовой информации, в задачи которой входит мониторинг электронных средств массовой информации, таких как социальные сети и мессенджеры, а также взаимодействие с Информационным центром СК России и обработка поступающей информации.

Необходимость создания отдельного подразделения обусловлена значительным объемом информации поступающей по линии Информационного центра СК России. Так, в период с июня 2021 по апрель 2023 года в Информационный центр поступило 40 134 сообщения и телефонных звонков от 17 161 жителей Московской области. По результатам взаимодействия сформировано 3 119 обращений. Указанные статистические данные очевидно показывают на востребованность указанных каналов связи с населением.

Вместе с тем, неразрешенными остается ряд проблемных вопросов связанных с процессуальным оформлением поступающей по электронным каналам связи информации. Так, поступающая как в Информационный центр, так и в территориальные следственные органы посредством электронных каналов связи информация может быть условно разделена на 3 категории: первая – обращения граждан касающиеся широкого спектра вопросов не касающейся процессуальной деятельности органов Следственного комитета; вторая – это жалобы на действие и бездействие должностных лиц СК России при осуществлении ими своих должностных полномочий; и третья категория это сообщения о совершенных или готовящихся преступлениях.

При этом, обработка поступающих обращений первой категории в целом не представляет сложности. Регистрация обращений и заявлений граждан, поступивших по электронным каналам связи, осуществляется в соответствии с инструкцией «О порядке рассмотрения обращений и приема граждан в системе Следственного комитета Российской Федерации» [3]. В соответствии с положениями указанной инструкции письменное обращение (запрос) регистрируется в течение 3 дней с момента поступления. С учетом круглосуточной работы телефонных и интернет линий положения инструкции позволяют регистрацию обращения в первый рабочий день.

Вместе с тем, получение через электронные каналы связи сообщений о преступлениях связано с определенными процессуальными сложностями.

Так, в соответствии со ст. 141 УПК РФ заявление о преступлении может быть подано в устном или письменном виде. При этом, в случае подачи заявления в письменном виде оно должно быть подписано заявителем. Устное заявление о преступлении заносится в протокол, который подписывается заявителем и лицом, принявшим данное заявление. Протокол должен содержать данные о заявителе, а также о документах, удостоверяющих личность заявителя. Также в данной статье указано, что анонимное сообщение о преступлении не может служить основанием для возбуждения уголовного дела. Данные нормы уголовно-процессуального законодательства служат мерой защиты граждан от необоснованного уголовного преследования и исключения практики анонимных доносов.

Таким образом, учитывая тот факт, что в телефонном режиме, а также посредством электронных каналов связи установить личность заявителя не представляется возможным, указанные сообщения не могут считаться поданными в порядке, предусмотренном ст. 141 УПК РФ.

Однако с совершенствованием сферы предоставления государственных услуг посредством дистанционных средств связи, вопросы подачи сообщений о преступлении электронными средствами связи представляется весьма актуальным [4].

В соответствии с требованиями УПК РФ следователь также вправе получить информацию из иных источников, в том числе средств массовой информации, коими являются и социальные сети. Однако, как Приказ Председателя СК России № 72, так и ст. 143 УПК РФ не указывают об обязанности составления рапорта об обнаружении признаков преступления при осуществлении коммуникации с гражданами посредством социальных сетей. Таким образом, при модерации социальных сетей информация, полученная от граждан, обрабатывается в соответствии с инструкцией «О порядке рассмотрения обращений и приема граждан в системе Следственного комитета Российской Федерации».

Обращения, поданные иными способами, в том числе через социальные сети и мессенджеры, как не отвечающие требованиям ст. 141 УПК РФ могут быть зарегистрированы исключительно как обращения граждан.

При этом, при рассмотрении обращения сотрудник наделен полномочиями составить рапорт об обнаружении признаков преступления и произвести его регистрацию в установленном порядке.

Аналогичная ситуация складывается и с жалобами граждан на действия (бездействия) должностных лиц, затрудняющих, по их мнению доступ к правосудию. Порядок их обжалования установлен ст. 123 УПК РФ, в соответствии с которой жалоба подается следователю или руководителю следственного органа, либо прокурору.

При этом по смыслу ст. 123 УПК РФ участники уголовного судопроизводства могут заявить жалобу в любой форме, при этом письменное ходатай-

ство приобщается к уголовному делу, устное – заносится в протокол следственного действия или судебного заседания. Однако, как и в случае с сообщением о преступлении ключевым аспектом является установление личности лица, подающего жалобу.

Данная проблематика получила свое отражение в статье 474.1 УПК РФ, предусматривающей порядок использования электронных документов в уголовном судопроизводстве, которая разрешает подачу в электронном виде ходатайств, заявлений, жалоб и представлений и не содержит запрета на обращение в рамках уголовного дела к следователю или руководителю следственного органа с ходатайством или жалобой в электронном виде, являющимися разновидностью письменной формы обращения.

В соответствии с положением ст. 6 Федерального закона от 6 апреля 2011 года N 63-ФЗ «Об электронной подписи» электронные документы, подписанные электронной подписью, равнозначны документам на бумажном носителе, подписанным собственноручной подписью. При этом ряд исследователей полагают, что установление требований при подаче жалобы в электронном виде о подписании ее усиленной цифровой подписью является нецелесообразным [5]. С указанным мнением сложно согласиться, поскольку идентификация заявителя является крайне важным аспектом при решении вопроса о порядке регистрации того или иного сообщения как жалобы или обращения, а также позволяет установить наличие у лица права на подачу жалобы в порядке ст. 124 УПК РФ.

Таким образом можно сделать вывод о том, что размещение информации (заявления о преступлении, жалобы, дополнения к жалобе и иных процессуальных документов) в форме комментариев на платформах социальных сетей не может быть признано надлежащим способом подачи жалобы, а также сообщения о преступлениях, установленных уголовно-процессуальным законодательством, поскольку не позволяет установить личность заявителя, а также наличие у него установленных законом полномочий на обжалование действий должностных лиц.

В этой связи, для упорядочивания вопросов подачи сообщений о преступлениях, жалоб в порядке ст. 123 УПК РФ, предлагается внедрение электронной системы обработки поступающих обращений с возможностью цифровой идентификации пользователя с использованием электронной подписи, либо верификации на сайте «Госуслуг». Указанная мера позволит обеспечить оперативное своевременное получение следственным органом информации и соответствующую реакцию на нее в порядке ведомственного (процессуального) контроля.

Также указанные меры позволят обеспечить прозрачную для заявителей процедуру регистрации их сообщений, а также облегчит осуществление прокурорского надзора как на стадии проверки сообщения о преступлении, так и при расследовании уголовных дел [6].

Литература

1. Михаил Мишустин провёл стратегическую сессию по формированию национального проекта «Экономика данных» [Электронный ресурс] Режим доступа <http://government.ru/news/50172/> (дата обращения 01.02.2024)
2. Речкин Р.В. Об электронном правосудии Система «Мой Арбитр», ГАС «Правосудие», суперсервис «Правосудие онлайн» и все-все-все...: [Электронный ресурс] Режим доступа URL: https://www.intellectpro.ru/press/works/ob_elektronnom_pravosudii/ (дата обращения 01.02.2024)
3. Инструкция по рассмотрению поступающих в Следственный комитет Российской Федерации заявлений, обращений, жалоб и иной информации (за исключением содержащих сообщения о преступлениях), а также по приему граждан, зарегистрированная в Минюсте России 19.01.2024 N 76918.
4. Умерова, Е.В. Современные проблемы рассмотрения электронных административных жалоб / Е.В. Умерова. –// Молодой ученый. – 2023. – № 50 (497). – С. 319–321
5. Химичева О.В., Мотякова О.А., «Электронная жалоба в досудебном уголовном судопроизводстве» Вестник Московского университета МВД России 2021; (4):124–128
6. Щеглов М.И. Соотношение прокурорского надзора и судебного контроля при проверке законности и постановления об отказе в возбуждении уголовного дела/ М.И. Щеглов // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2020. № 1 (23). С. 189–193.

LEGAL STATUS OF INTERACTION WITH CITIZENS THROUGH ELECTRONIC COMMUNICATION CHANNELS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Shcheglov M.I.

Investigative Committee of the Russian Federation in the Moscow region

In the article, the author examines the problematic issues of organizing interaction with citizens through electronic communication channels such as messengers, social networks and e-mail. The use of electronic means of communication and the receipt of public services are popular in modern society, and electronic court proceedings are becoming more widespread. The creation of online court systems allows conducting trials, transferring materials and evidence in electronic form. However, electronic communication channels are not yet used at the stage of pre-trial proceedings in criminal cases. The article examines some unresolved issues related to the procedural registration of information received through electronic channels, especially reports of crimes, analyzes the investigative practice of considering appeals and complaints of citizens using electronic means of communication, draws attention to gaps in the criminal procedure legislation

Keywords: social media, crime reports, appeals, prosecutor, investigator, head of the investigative body, electronic channels of communication.

References

1. Mikhail Mishustin held a strategic session on the formation of the national project "Data Economy" [Electronic resource] Ac-

- cess mode <http://government.ru/news/50172> / (accessed 02/01/2024)
2. Rechkin R.V. About electronic justice System "My Arbitrator", GAS "Justice", superservice "Justice online" and all-all-...: [Electronic resource] URL access mode: https://www.intellect-pro.ru/press/works/ob_elektronnom_pravosudii / (accessed 02/01/2024)
  3. Instructions for the consideration of applications, appeals, complaints and other information received by the Investigative Committee of the Russian Federation (except for those containing reports of crimes), as well as for the reception of citizens, registered with the Ministry of Justice of the Russian Federation on 01/19/2024 N 76918.
  4. Umerova, E.V. Modern problems of consideration of electronic administrative complaints / E.V. Umerova. –// A young scientist. – 2023. – № 50 (497). – Pp. 319–321
  5. Khimicheva O.V., Motyakova O.A., "Electronic complaint in pre-trial criminal proceedings" Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia 2021; (4):124–128
  6. Shcheglov M.I. The ratio of prosecutorial supervision and judicial control when checking the legality and the decision to refuse to initiate a criminal case / M.I. Shcheglov // Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation. 2020. No. 1 (23). pp. 189–193.

Правовые инструменты возврата культурных ценностей России из бывших республик СССР

Кардэн Валерия Арсеновна,

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: valerykarden@gmail.com

Статья посвящена проблеме возвращения культурных ценностей Российской Федерацией государствам, ранее являвшимся республиками в составе СССР. Отмечено, что даже спустя тридцать лет с момента распада Советского Союза данная проблема не утратила своей актуальности и требует дальнейшего рассмотрения, обсуждения на современном этапе в условиях обострения внешних политических отношений. Представлен сравнительно-обобщенный анализ трех направлений развития правового регулирования возврата Россией культурных ценностей бывшим республикам. Констатируется, что на международном уровне отсутствуют нормы, определяющие правовую судьбу объектов культурного наследия, принадлежащих государству, прекратившему свое функционирование на добровольных (договорных) началах. Сделан вывод, что вопросы реституции и репатриации культурных ценностей должны решаться путем переговоров специализированных уполномоченных правительственных комиссий, итогом совместной работы которых является заключение двух- и многосторонних соглашений. Правовую позицию Российской Федерации рекомендовано выразить в тематическом федеральном законе с определением алгоритма подачи запроса о возврате культурных ценностей, его обработки, порядка формирования ответа и уведомления заявителя о принятом мотивированном решении.

Ключевые слова: культурные ценности, реституция, репатриация, бывшие республики СССР, запрос о возврате культурных ценностей.

Решение проблемы международного и национального правового регулирования принадлежности, передачи и возвращения культурных ценностей определенному государству является в настоящее время актуальной, особенно в рамках сохранения национальной безопасности и идентичности. Конституционно-правовую защиту культурного наследия народов России и достояния В.В. Красинский характеризует как «значимое направление обеспечения государственного суверенитета Российской Федерации в идеологической сфере» [11, с. 124]. Цель принимаемого российского законодательства в указанной сфере направлена на обеспечение культурных прав граждан, гарантируемых Конституцией Российской Федерации (ст. 44), развитие демократии, укрепление целостности и суверенитета Российской Федерации через создание и сохранение культурных ценностей, приобщения к ним всех граждан [1].

Обязательным элементом механизма обеспечения сохранности культурного наследия является правовой институт реституции и репатриации культурных ценностей в целях защиты объектов национального культурного достояния от их незаконного вывоза с территории Российской Федерации.

Разрыв политических и экономических отношений характеризуется как предпосылка к увеличению споров, связанных с возвратом культурных ценностей в страны по месту их происхождения или изъятия. Распад в 1991 году Советского Союза и образование Содружества независимых государств рассматривают как причину разработки и введения в действие новейшего механизма определения права публичной собственности на культурные ценности, принадлежащие ранее существовавшему государству, но прекратившему свое функционирование на добровольной (договорной) основе. Так 14 февраля 1992 года в Минске странами-участницами СНГ было подписано Соглашение о возвращении культурных и исторических ценностей государствам их происхождения [5]. Но, действие данного нормативного акта первоначально (19 февраля 1992 г.) [6] было блокировано (приостановлено), а далее отменено Верховным Советом Российской Федерации [7]. Международно-правовая значимость данного Соглашения заключалась в попытке утверждении базовых принципов сотрудничества одиннадцати государств-бывших республик СССР по проблеме возвращения культурных ценностей.

Важно отметить, что основу взаимодействия государств в данном направлении составлял принцип возврата культурных ценностей в страну их происхождения. При этом термины «реституция», «репатриация» в указанном соглашении не применялись, т.к. в международном праве они используются для характеристики юридической ответственности государства за незаконное изъятие культурных ценностей по итогам военной агрессии. Распад Советского Союза рассматривается как добровольный шаг республик, входивших в состав СССР, о признании своей независимости (государственного суверенитета). Следовательно, нормы международного права, связанные с возложением на государство-агрессора обязанности о возврате культурных ценностей в данной ситуации не могут быть применены в силу природы политической ситуации, в рамках которой была обострена проблема права собственности вновь образованных государств на объекты культурного наследия.

Страны-участники данного Соглашения признали необходимым создание специализированной межгосударственной экспертной комиссии из полномочных представителей сторон по вопросам реституции культурных ценностей. Именно на уровне рассматриваемого международного соглашения был заложен принцип, что споры, связанные с правом собственности на отдельные объекты культуры в связи с распадом СССР, планируется решать государствами в рамках двух- или многосторонних соглашений с учетом норм национального законодательства и международного права. Компенсаторная реституция первоначально рассматривалась как вторичный способ урегулирования спора между государствами о праве собственности и месте нахождения конкретного культурного объекта. В силу правовых коллизий, возникших в процессе утверждения его российским парламентом, указанный нормативный акт так и не был реализован. При этом в юридической литературе рассматриваемое соглашение получило неоднозначную оценку. Например, М.М. Богуславский отмечает, что возврат культурных ценностей между республиками, входившими в состав СНГ по принципу происхождения объекта, недопустим. Он указал на возможность наступления негативных последствий в виде разрушения культурного наследования [9, с. 145]. В противовес Э.Л. Король выражает сожаление, что указанное соглашение не получило своей реализации в конкретной ситуации. По его мнению, государствами был выработан универсальный механизм урегулирования споров между странами-участницами СНГ в отношении объектов культурного наследия [10, с. 16].

Полагаю, что международно-правовая значимость соглашения о возвращении культурных и исторических ценностей государствам их происхождения от 14 февраля 1992 г. заключается в представлении пробной модели урегулирования «культурного» вопроса в случае добровольного распада единой многонациональной страны. Основной вывод, который необходимо сде-

лать: данная проблема имеет не только правовой, но историко-политический характер, и ее решение во многом зависит от уровня и содержания двухсторонних соглашений.

15 мая 1992 г. между странами СНГ было заключено Соглашение о сотрудничестве в области культуры [3], в тексте которого закреплены гарантии взаимодействия государств в данной сфере, свободного доступа к культурным ценностям всех граждан государств – участников Соглашения в равной степени и на тех же условиях, как и для граждан государства, на территории которого объекты культуры находятся. Но конкретный механизм взаимодействия по вопросу возврата Российской Федерацией культурных ценностей бывшим республикам СССР в данном соглашении не представлен.

Важно отметить, что Российская Федерация на уровне федерального законодательства в 1998 году признала за собой право публичной собственности на все культурные ценности, ввезенные в Советский Союз и находящиеся на территории Российской Федерации (с учетом механизма компенсаторной реституции). Правовой режим указанных объектов рассматривается как достояние Российской Федерации, они могут находиться в федеральной собственности, собственности субъектов Российской Федерации или муниципальных образований (ст. 6 Федерального закона от 15.04.1998 № 64-ФЗ «О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации» [2]). При этом, российское законодательство гарантировало сохранение права собственности Республик Белоруссия, Молдова, Украина, Латвийской, Литовской, Эстонской Республик, на предметы культуры, которые могли оказаться в составе перемещенных культурных ценностей, но были разграблены и вывезены в период Второй мировой войны Германией и (или) ее военными союзниками не с территории РСФСР, а с территорий Белорусской, Латвийской, Литовской, Молдавской, Украинской и Эстонской и составляли национальное достояние указанных, а не других союзных республик, входивших в состав Союза ССР в границах на 1 февраля 1950 г. В рамках данного федерального закона использованы такие понятия как реституция и компенсаторная реституция. Следует отметить узкую направленность данного нормативно-правового акта, т.к. сфера его действия распространяется только на культурные ценности, перемещение которых осуществлялось в период Великой Отечественной войны и с территории определенных советских республик. В то же время неурегулированным остается вопрос о реституции и репатриации культурных ценностей бывших республик СССР, находящихся на территории Российской Федерации, но ввоз которых связан с другими временными промежутками и историческими фактами.

Например, в XXI веке правительства государств Прибалтики (Латвия, Литва, Эстония) трактуя вхож-

дение в состав СССР как «оккупацию» направляются в адрес Правительства Российской Федерации запросы о возврате культурных ценностей, вывезенных из данных стран в 1940-м году или сразу после Второй мировой войны [13].

Казахстан неоднократно поднимали вопрос о передаче республике предметов, имеющих культурно-историческое значение. В 2017 году Минкульт Казахстана сообщал, что в Эрмитаже хранятся светильники мавзолея Ходжа Ахмеда Ясави – мыслителя и поэта, а в этнографическом музее Санкт-Петербурга находятся зимний и летний чапаны отца Чокана Валиханова – казахского ученого и путешественника. В 2021 президент Казахстана на встрече с президентом Российской Федерации просил оказать содействие в поисках и возврате останков казахского хана Кенесары [16].

Таким образом, после распада СССР международные отношения между Российской Федерацией и государствами-республиками бывшего Советского Союза по проблеме реституции или репатриации культурных ценностей формируются как минимум по трем направлениям.

Первое заключается в создании действенной модели сотрудничества между странами-участницами стран Содружества независимых государств. Решение указанных споров осуществляется путем заключения двух- и многосторонних соглашений по данному вопросу с учетом нормативных актов СНГ.

Второе направление выражается в выстраивании алгоритма отношений с государствами (бывшими республиками, не вошедшими в состав СНГ (Грузия, Латвия, Литва, Эстония)), вышедшими из его состава (Украина).

Правовую основу такого сотрудничества составляют нормы международного права и заключенные межгосударственные соглашения. Проблема урегулирования притязаний в указанных случаях заключается в уклонении данных государств от взаимных переговоров по вопросу возврата объектов культурного, в отсутствие обоснованности предъявляемых требований в условиях сложной недружественной политической обстановки. Итогом разрешения споров о передаче конкретных культурных ценностей является отказ Российской Федерации в удовлетворении заявленных требований. Например, в январе 2023 г. Грузия через своего посла в России направила в Министерство иностранных дел Российской Федерации опись предметов, заявленных к возврату (знаменитую курительную трубку, китель и сапоги И.В. Сталина). Российская Федерация на начальном этапе ознакомления с данным запросом отрицательно отреагировала на предъявленные требования [14].

Третье направление связано с реализацией права на культурные ценности, ввезенные в Союз ССР и находящиеся на территории Российской Федерации, в период Великой отечественной войны. В Федеральном законе от 15.04.1998 № 64-ФЗ «О культурных ценностях, перемещенных в Союз

ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации» предусмотрены гарантии права собственности Латвии, Литвы и Эстонии, Белоруссии, Молдавии и Украины на перемещенные культурные ценности в период Второй мировой войны.

Таким образом, правовое регулирование реституции и репатриации культурных ценностей из Российской Федерации в государства-бывшие республики Советского Союза формируется по двум направлениям: «реституция, необходимость осуществления которой появляется в результате вооруженных конфликтов» и «реституция в мирное время» [12, с. 9].

Требования о возврате культурных ценностей интересны тем, что они выходят за рамки регулирования существующих конвенций, в том числе и потому что в то время, когда происходило перемещение, оно не было незаконным, так как осуществлялось в рамках единого государства СССР.

Проблема возврата культурных ценностей из Российской Федерации в бывшие республики связана, прежде всего, с особенностями правового регулирования права собственности на них в советский период. М.М. Богуславский указывает, что «не следует забывать, что в этом государстве существовало единое культурное пространство». Советский период оборота культурных ценностей характеризуется передачей их не только в центральные музеи СССР (Москвы и Ленинграда), но и в музеи советских республик, в музеи республик Средней Азии (например, Туркменской ССР) или Закавказья (Армении). Например, в 1997 году Министр культуры Армении Армен Смбатян заявил о необходимости возврата экспонатов из Эрмитажа в Армению, найденных в период проведения археологических раскопок. При этом он сказал, что надо разобраться с тем, как эти ценности оказались на берегу Невы [9, с. 189].

Вторая проблема, препятствующая созданию универсальной модели решения вопроса о возврате культурных ценностей, заключается в отсутствии на международном уровне универсального юридического алгоритма распределения культурных ценностей между государствами, образовавшимися в результате распада единой многонациональной страны. Положения международного права направлены на сохранение права собственности на культурный объект за той страны, на территории которой они входят в состав музейных и иных коллекций (вне зависимости от страны происхождения). Важно отметить, что и на уровне Совета Европы также отсутствуют региональные нормативные акты, направленные на решение вопроса о правовом режиме объектов культурного наследия государства, распавшегося на несколько новых государств на основании подписанного договора. Попытки стран Прибалтики продать принятие европейского акта, обязывающего Российскую Федерацию вернуть культурные ценности, выставленные по определенному списку, не получили поддержку на уровне Совета Европы. В связи

с выходом Российской Федерации из состава данного европейского сообщества разработка и введение европейской декларации о правовой судьбе культурных ценностей, об императивной передаче Российской Федерации государствам (бывшим республикам СССР) не имеет смысла, принятие такого акта потеряла свою актуальность.

Полагаю, что наиболее оптимальный вариант развития правового регулирования возникающих отношений по вопросу права собственности на культурные ценности заключается в принятии двух- и многосторонних договоров между государствами по вопросам возвращения или обмена конкретных культурных ценностей. Например, положениями данных соглашений можно закрепить обязательность создания специализированных межгосударственных и национальных комиссий, рассматривающих вопросы реституции и репатриации культурных ценностей, с учетом принципа обеспечения сохранности культурного наследия и целостности коллекций.

Правительство Российской Федерации и Федеральное Собрание Российской Федерации может определиться с данным механизмом на национальном уровне, приняв специализированный федеральный закон, т.к. рассматриваемая проблема и спустя тридцать лет с момента распада СССР не изжила себя и в сложных политических условиях только обостряется. Со стороны недружественных стран, бывших республик Советского Союза, постепенно увеличивается количество запросов о репатриации культурно-исторических ценностей, указывая на незаконность их изъятия и удержание. Особенно важно определиться основанием и порядком возврата культурных ценностей. Правовое регулирование общественных отношений, возникающих в процессе реституции и репатриации культурных ценностей, относится к ведению Российской Федерации. Соответственно, органы государственной власти субъектов Российской Федерации и муниципальных органов не уполномочены принимать решения в данной сфере. На необходимость принятия соответствующего закона указывал в своем постановлении и Конституционный Суд Российской Федерации [4]. В данном федеральном законе необходимо определить порядок направления запроса о принадлежности культурных ценностей с обоснованным требованием их реституции, механизм образования и функционирования специализированной комиссии по рассмотрению данной претензии, формированию мотивированного ответа и передачи его государству-заявителю.

Распад государства (подобно СССР) следует рассматривать как основание для применения реституции, характерной для мирного времени. В данном случае, государство на территории, которого находятся такие культурные объекты, не может быть признано государством-агрессором. Вопрос о праве публичной собственности на культурные ценности и их возврата по месту их нахождения (происхождения) может быть решен только

на основе переговоров путем заключения двух- или многосторонних соглашений. Если новообразованными государствами будет создан союз, содружество, то его участникам рекомендуется принять соответствующее соглашение о возвращении культурных и исторических ценностей государствам с обязательной ратификацией на территории каждого государства.

Отношения между бывшими союзными республиками, ставшими самостоятельными государствами, и Российской Федерацией по вопросам перемещенных культурных ценностей должны строиться на основании принципа взаимности.

Таким образом, важным элементом сохранения и охраны культурных ценностей Российской Федерации является комплексное решение вопроса о реституции и репатриации культурных ценностей Российской Федерацией бывшим республикам, ранее входившим в состав СССР, с учетом национальных интересов и обеспечения государственного суверенитета России.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>. – 2022. – 06.10.
2. Федеральный закон от 15.04.1998 № 64-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1998. – 20.04. – № 16. – Ст. 1799.
3. Соглашение о сотрудничестве в области культуры (Заключено в г. Ташкенте 15.05.1992) // Содружество. Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. – 1992. – N 5. – С. 51–54.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.1999 № 12-П «По делу о проверке конституционности Федерального закона от 15 апреля 1998 года «О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1999. – 26.07. – № 30. – Ст. 3989.
5. Соглашение о возвращении культурных и исторических ценностей государствам их происхождения (Заключено в г. Минске 14.02.1992) // СПС Консультант Плюс. 2023.
6. Постановление ВС РФ от 19.02.1992 № 2378–1 «О возвращении культурных и исторических ценностей государствам их происхождения» // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1992. – 12.03. – № 11. – Ст. 535.
7. Постановление ВС РФ от 20.05.1992 № 2802–1 «О соглашении государств – участников Со-

дружества Независимых Государств «О возвращении культурных и исторических ценностей государствам их происхождения» // Ведомости СНГ и ВС РФ. – 1992. – 11.06. – № 23. – Ст. 1228.

8. Баблюмян С. Реституционные забавы (от Эрмитажа требуют передать в Ереван памятники Урарту) // Известия. – 1997. – 24 мая.
9. Богуславский М.М. Культурные ценности в международном обороте: правовые аспекты: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, Инфра-М., 2012. – 416 с.
10. Король Э.Л. Проблемы реституции культурных ценностей в рамках сотрудничества стран СНГ // Журнал международного права и международных отношений. – 2008. – № 4. – С. 13–17.
11. Красинский В.В. Защита государственного суверенитета: монография. – М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2017. – 608 с.
12. Пашкевич О.В. Реституция культурных ценностей как реализация культурных прав человека // Международное гуманитарное право. – 2008. – № 4. – С. 5–12.
13. Латвия намерена добиваться от Российской Федерации возвращения художественных ценностей. URL: <https://ria.ru/20080421/105545793.html> (дата обращения: 19.12.2023).
14. МИД Грузии потребовал от России вернуть трубку, китель и сапоги Сталина URL: <https://panorama.pub/news/mid-gruzii-potreboval-ot-rossii>. (дата обращения: 20.12.2023).
15. Русские политики Эстонии требуют от России возврата культурных ценностей. URL: https://ruskline.ru/news_rl/2005/02/22/russkie_politiki_ostonii_trebuyut_ot_rossii_vozvrata_kul_turnyh_cennostej/ (дата обращения: 19.12.2023).
16. Министр культуры Казахстана назвала актуальным вопрос возврата культурных ценностей из РФ. URL: <https://tass.ru/kultura/19311763> (дата обращения: 22.01.2024).
17. Казахстан не может вернуть свои исторические ценности из других стран. URL: <https://www.caravan.kz/gazeta/kazakhstan-ne-mozhet-vernute-svoi-istoricheskie-cennosti-iz-drugikh-stran-399956/> (дата обращения: 22.01.2024).

LEGAL INSTRUMENTS FOR THE RETURN OF CULTURAL PROPERTY TO RUSSIA FROM THE FORMER REPUBLICS OF THE USSR

Karden V.A.
St. Petersburg State University

The article is devoted to the problem of the return of cultural values by the Russian Federation to the states that were previously republics within the USSR. It is noted that even thirty years after the collapse of the Soviet Union, this problem has not lost its relevance and requires further consideration and discussion at the present stage in the context of aggravation of foreign political relations. A comparative generalized analysis of three directions of development of the legal regulation of the return of cultural property by Russia to the former republics is presented. It is stated that there are no norms at the international level that determine the legal fate of cultural heritage objects belonging to a State that has ceased to function on a voluntary (contractual) basis. It is concluded that the issues of restitution and repatriation of cultural property should be resolved through ne-

gotiations of specialized authorized government commissions, the result of which is the conclusion of bilateral and multilateral agreements. It is recommended to express the legal position of the Russian Federation in a thematic federal law defining the algorithm for submitting a request for the return of cultural property, its processing, the procedure for forming a response and notifying the applicant of a reasoned decision.

Keywords: cultural values, restitution, repatriation, former republics of the USSR, request for the return of cultural values.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020). Official Internet portal of legal information <http://pravo.gov.ru>. – 2022. – 06.10.
2. Federal Law of April 15, 1998 No. 64-FZ (as amended on June 11, 2021) “On cultural values moved to the USSR as a result of the Second World War and located on the territory of the Russian Federation” // Collection of legislation of the Russian Federation. – 1998. – 20.04. – No. 16. – Art. 1799.
3. Agreement on cooperation in the field of culture (Concluded in Tashkent on May 15, 1992) // Commonwealth. Information bulletin of the Council of Heads of State and the Council of Heads of Government of the CIS. – 1992. – N 5. – P. 51–54.
4. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated July 20, 1999 No. 12-P “On the case of verifying the constitutionality of the Federal Law of April 15, 1998 “On cultural values moved to the USSR as a result of the Second World War and located on the territory of the Russian Federation” // Collection of legislation of the Russian Federation. – 1999. – 26.07. – No. 30. – Art. 3989.
5. Agreement on the return of cultural and historical values to the states of their origin (Concluded in Minsk on February 14, 1992) // SPS Consultant Plus. 2023.
6. Resolution of the Armed Forces of the Russian Federation dated February 19, 1992 No. 2378–1 “On the return of cultural and historical values to the states of their origin” // Gazette of the Council of People’s Commissars and the Armed Forces of the Russian Federation. – 1992. – 12.03. – No. 11. – Art. 535.
7. Resolution of the Armed Forces of the Russian Federation dated May 20, 1992 No. 2802–1 “On the agreement of the member states of the Commonwealth of Independent States “On the return of cultural and historical values to the states of their origin” // Vedomosti SND and the Armed Forces of the Russian Federation. – 1992. – 11.06. – No. 23. – Art. 1228.
8. Bablumyan S. Restitutional fun (the Hermitage is required to transfer Urartu monuments to Yerevan) // Izvestia. – 1997. – May 24.
9. Boguslavsky M.M. Cultural values in international circulation: legal aspects: monograph. 2nd ed., revised. and additional M.: Norma, Infra-М., 2012. – 416 p.
10. King E.L. Problems of restitution of cultural values within the framework of cooperation between CIS countries // Journal of International Law and International Relations. – 2008. – No. 4. – P. 13–17.
11. Krasinsky V.V. Protection of state sovereignty: monograph. – M.: NORMA, INFRA-M, 2017. – 608 p.
12. Pashkevich O.V. Restitution of cultural values as the realization of cultural human rights // International humanitarian law. – 2008. – No. 4. – P. 5–12.
13. Latvia intends to seek from the Russian Federation the return of artistic values. URL: <https://ria.ru/20080421/105545793.html> (access date: 12/19/2023).
14. The Georgian Foreign Ministry demanded that Russia return Stalin’s pipe, jacket and boots URL: <https://panorama.pub/news/mid-gruzii-potreboval-ot-rossii>. (access date: 12/20/2023).
15. Russian politicians in Estonia demand that Russia return cultural property. URL: https://ruskline.ru/news_rl/2005/02/22/russkie_politiki_ostonii_trebuyut_ot_rossii_vozvrata_kul_turnyh_cennostej/ (access date: 12/19/2023).
16. The Minister of Culture of Kazakhstan called the issue of returning cultural property from the Russian Federation urgent. URL: <https://tass.ru/kultura/19311763> (access date: 01/22/2024).
17. Kazakhstan cannot return its historical values from other countries. URL: <https://www.caravan.kz/gazeta/kazakhstan-ne-mozhet-vernute-svoi-istoricheskie-cennosti-iz-drugikh-stran-399956/> (access date: 01/22/2024).

Мишин Денис Александрович,

руководитель редакционно-издательского отдела
ООО «Высшая Школа Образования»
E-mail: 9651530@gmail.com

Куровский Станислав Валерьевич,

руководитель научно-исследовательского подразделения
ООО «Высшая Школа Образования»
E-mail: 8917564@gmail.com

Сижажев Аскер Хасанович,

студент бакалавриата МГЮА им О.Е. Кутафина
E-mail: aventeo@icloud.com

Отмечается отсутствие единообразия в понимании сущности юрисдикции и рассматриваются основные подходы к определению данного понятия, представленные в юридических науках, в том числе, в науке международного права. Раскрывается значение юрисдикции как конфликто разрешающей деятельности; как комплекса полномочий по разрешению правовых конфликтов; как сферы правоотношений, в рамках которой разрешаются правовые конфликты; как реализации государством его власти; как возможности государства осуществлять правовое регулирование и правоприменение, в том числе, при помощи государственного принуждения; как выражения территориального верховенства; как проявления государственного суверенитета. Исследуется проблема соотношения юрисдикции и государственного суверенитета; отражаются разные подходы к пониманию их соотношения; выделяются их сходства и различия. Обосновывается роль национальной юрисдикции как одного из проявлений государственного суверенитета. Подчеркивается территориальная ограниченность юрисдикции как одна из ключевых ее особенностей. Обосновывается свойственность международно-правовой составляющей национальной юрисдикции. Обращается внимание на условность территориальной ограниченности юрисдикции в силу принципиальной невозможности установления четких «цифровых границ» в условиях глобализирующегося мира. Делается вывод о приоритетности фактического аспекта юрисдикции и второстепенной роли юридического аспекта применительно к международному праву, а также аргументируется первичность национальной юрисдикции в сравнении с международной юрисдикцией.

Ключевые слова: международная юрисдикция, международное право, национальная юрисдикция, пределы юрисдикции, суверенитет, юрисдикция, юрисдикция в международном праве.

Введение

Юрисдикция, будучи междисциплинарной категорией, рассматривается в рамках разных юридических наук, в том числе в рамках международного права, в рамках административного права, в рамках уголовного права и пр. При этом единообразное понимание данной правовой категории как в целом, так и в контексте международного права, отсутствует. В то же время для решения многих юридически значимых вопросов как в области международного права, так и в иных областях, связанных с ним, принципиально важно понимание содержания термина «юрисдикция». При выборе того или иного права, подлежащего применению, при защите национальных интересов, также во многих иных случаях крайне важна конкретизация юрисдикции. Этим опосредуется необходимость осмысления проблематики юрисдикции и поиска ответов на ряд спорных вопросов.

Основная часть

Нет сомнений в том, что возникновение феномена юрисдикции связано с появлением государства и права, на что указывает и Е.Ю. Архипова [2, с. 14]. Поэтому рассматриваемое понятие небезосновательно можно отнести к числу базовых государственно-правовых категорий.

Рассматриваемый термин был образован от латинских слов «jus» (право) и «dico» (говорить), что означает в буквальном переводе «говорение права» и на практике обычно отражает возможность разрешения споров правового характера, в том числе, путем реализации функций правосудия [2, с. 15].

Конечно, такое понимание юрисдикции является лишь ориентировочным. И надо заметить, что за многовековую историю единого подхода к трактовке термина «юрисдикция» выработать не удалось, ввиду чего он, применяясь достаточно широко, понимается по-разному. Поэтому научный интерес представляет рассмотрение разных подходов к толкованию сущности юрисдикции.

Е.Ю. Архипова предлагает трактовать юрисдикцию в качестве деятельности, нацеленной на разрешение правовых конфликтов уполномоченными на то органами в определенной процессуальной форме и реализуемой посредством вынесения обязательного для исполнения юрисдикционного акта с обеспечением его исполнения [2, с. 17].

Думается, что такое определение вполне точно отражает один из аспектов феномен юрисдикции. Вместе с тем есть и иные подходы, в рамках которых юрисдикция рассматривается и несколько иначе, а именно:

- как комплекс полномочий, позволяющих правомерно разрешать спорные ситуации;
- как область правоотношений или спектр вопросов, которые составляют предмету ведения определенного органа, наделенного властными конфликто разрешающими полномочиями [2, с. 17].

Изложенные три подхода к пониманию сущности юрисдикции в целом вполне применимы как к национальной (внутригосударственной), так и к международной юрисдикции. Принципиальным же здесь является только вопрос о том, о каких именно конфликто разрешающих органах идет речь: о национальных либо международных.

Есть и подход, представленный, например, Н.А. Ушаковым, в рамках которого юрисдикция отождествляется с государственной властью: юрисдикция как реализация государством своих властных полномочий [11, с. 10]. Конечно, в рамках данного подхода юрисдикция характеризуется исключительно в рамках конкретного государства, то есть речь идет о сугубо национальной юрисдикции. Хотя с определенной долей условности этот подход может быть примененный и для характеристики юрисдикции в контексте международного права.

Заслуживающий внимания вариант определения понятия «юрисдикция» предложила А.Р. Каюмова. Согласно ее подходу, сущность юрисдикции заключена в наличии у государства возможности силами соответствующих органов власти осуществлять нормативно-правовое регулирование общественных отношений и обеспечивать соблюдение принимаемых норм при помощи средств государственного принуждения [5, с. 318]. То есть в рамках представленного подхода акцент сделан на двух функциях, посредством реализации которых устанавливается и обеспечивается юрисдикция конкретного государства: правотворческой и правоприменительной. Причем эти функции неотрывны друг от друга. И в этом контексте надо полагать, что правоприменение, обеспеченное силой государственного принуждения, включает в себя реализацию как исполнительной, так и судебной власти.

Кроме того, А.Р. Каюмова характеризует юрисдикцию в качестве проявления территориального верховенства [6, с. 14]. Иными словами, юрисдикция конкретного государства в пределах конкретной территории означает и юридическую, и фактическую возможность именно этого государства осуществлять там власть, и одновременно отсутствие аналогичных возможностей у других государств в отношении данной территории.

В книге Я. Броунли феномен юрисдикции предлагается трактовать в качестве составляющей суверенитета, как законотворческую, административную (исполнительную) и судебную компетенцию [3, с. 425]. В этой связи юрисдикция, рассматриваемая в контексте национального суверенитета, определенно ограничивает как иностранную юрисдикцию (юрисдикцию других государств), так

и международную юрисдикцию (юрисдикцию межгосударственных организаций).

С учётом изложенного необходимо более детально рассмотреть соотношение юрисдикции и суверенитета, так как данные правовые категории находятся друг с другом в неразрывной связи. При этом вопрос их соотношения остается спорным ввиду отсутствия общепринятого подхода к его решению среди отечественных исследователей.

В этом контексте Л.В. Терентьева указывает на наличие трех подходов, в рамках каждого взаимосвязи между понятиями «юрисдикция» и «суверенитет» неодинаково, а именно:

- как понятия, близкие друг другу по своей правовой сущности;
- как общее и частное;
- одно понятие как часть другого (юрисдикция в качестве элемента суверенитета [9, с. 126].

Л.В. Терентьева подмечает также важную закономерность: если суверенитет, как правило, исследуется в контексте международного и конституционного права, то юрисдикция рассматривается практически во всех отраслях права [9, с. 126]. Это представляется вполне закономерным, ведь суверенитет является более глобальной категорией, отражающей в целом независимость государства и затрагивает прямо или косвенно все аспекты этой независимости. Юрисдикция же, исходя из рассмотренных выше подходов, охватывает, преимущественно, лишь вопросы разрешения тех или иных споров.

То есть автор придерживается позиции, в рамках которой юрисдикция есть одно из проявлений суверенитета, причём обязательных, поскольку вряд ли уместно говорить о наличии суверенитета в том случае, когда юрисдикция в отношении соответствующей территории отсутствует.

Стоит заметить и то, что суверенитет уместно рассматривать исключительно в контексте конкретного государства, хотя данной категорией оперируют и при решении различных вопросов в сфере международного права. Что же касается юрисдикции, то она представляется более употребимой в сфере международного права, поскольку касается решения практически каждого спорного международного вопроса.

Представляется уместным поддержать Л.В. Терентьеву в оценке ее оценке юрисдикции как проявления государственного суверенитета, а также пространственного предела для реализации власти конкретного государства [9, с. 126]. Поэтому очевидной представляется невозможность рассмотрения суверенитета и юрисдикции в качестве синонимов.

Иными словами, государственный суверенитет выступает неотъемлемым условием или предпосылкой юрисдикции. То есть государство именно в силу обладания суверенитетом правомочно реализовывать, поддерживает свою юрисдикцию. И эта юрисдикция имеет не только внутригосударственное, национальное, но также и международно-

правовое значение, поскольку предполагает признание на международном уровне юрисдикции соответствующего государства именно ввиду наличия у него суверенитета.

Нельзя не отметить наличие территориальной ограниченности юрисдикции. В этой связи о строго территориальном действии юрисдикции пишет и М.К. Татаринов [8, с. 2].

Более того, как правило, юрисдикция рассматривается именно в контексте территориальных пределов реализации соответствующей власти. Это означает, в частности, невозможность для государства принятия мер принудительного характера на территории другого государства в целях исполнения своих внутренних законов, если другой государство не дало своего согласия на это [10, с. 164]. В то же время, например, нормы Уголовного кодекса РФ [1] (УК РФ), в частности, ст. 12, ставит под сомнение указанный постулат, поскольку предусматривает возможность привлечения к уголовной ответственности физических лиц, имеющих российское гражданство или вид на жительство в России, либо не имеющих никакого гражданства, но совершивших за пределами России какое-либо преступление, посягнувшее на охраняемые нормами УК РФ интересы.

Конечно, до тех пор, пока указанные субъекты находятся на за пределами России, российская юрисдикция в отношении них весьма ограничена. Вместе с тем, нет оснований для утверждения о том, что российская юрисдикция в их отношении не действует вовсе. В частности, в отношении лица, находящегося за пределами России, может быть возбуждено уголовное дело, могут быть предприняты иные меры, в частности, направлен запрос в соответствующее государство об их экстрадиции. Поэтому вопрос территориальной ограниченности юрисдикции применительно к каждому конкретному случаю в определённой мере носит условный характер.

Надо сказать, что условность границ, в пределах которых действует та или иная юрисдикция, опосредуется также наличием глобальной сети Интернет и возможностями для международной коммуникации, возможностями для осуществления разных видов деятельности вне каких-либо государственных границ, поскольку установление четких «цифровых границ» (границ в рамках сети Интернет), как отмечает Т.В. Захаров, невозможно ни технически, ни экономически [4, с. 230]. Соответственно даже при наличии юрисдикции конкретного государства в пределах определённой территории де-факто те или иные вопросы могут разрешаться на основе правил, действующих вне данной юрисдикции. Например, гражданин конкретного государства, пользуясь в интернет-пространстве услугами зарубежных интернет-сервисов, принимает обычно именно те правила, на основе которых функционируют такие сервисы. В итоге имеет место выход за пределы юрисдикции своего государства даже при фактическом нахождении в пределах своей страны. Конечно, та-

кой выход за пределы национальной юрисдикции в определенной мере тоже условен, ведь гражданин не освобождается от обязанностей, установленных в рамках национальной юрисдикции.

В контексте изложенного можно сделать вывод о том, что юрисдикция, рассматриваемая в контексте национального права, имеет неразрывные как прямые, так и косвенные связи с феноменом международной юрисдикции хотя бы ввиду ограниченности международной юрисдикции пределами национальной юрисдикции.

В статье Т.Н. Нешатаевой анализируется Решение Международного Суда ООН от 27 июня 1986 г. «Никарагуа против США» [12], на основе чего делается вывод о связанности термина «юрисдикция» не только с понятием территории, но и с понятием эффективного контроля, что отражает экстерриториальный аспект юрисдикции [7, с. 57]. То есть с позиций этого подхода наличие юрисдикции в значительной мере обуславливается наличием возможностей обеспечивать контроль соответствующей территории де-факто. Соответственно, в случае юридического признания юрисдикции за тем или иным государством в отношении определённой территории, но при отсутствии эффективного контроля, вряд ли уместно будет говорить о том, что в отношении данной территории установлена юрисдикция данного государства.

Рассматриваемая в международно-правовом аспекте юрисдикция выступает составным элементом международной правосубъектности, что позволяет также причислять юрисдикцию к свойствам государства и выделять соответствующую проблематику в базовый субинститут международного права [5, с. 321–322]. Иными словами, наличие у государства возможности поддерживать юрисдикцию в пределах определённой территории позволяет ему быть полноправным субъектом международного права (международных правоотношений), диктовать другим субъектам или, по крайней мере, активно выражать во взаимоотношениях с ними, свою волю (волю своего народа, в том числе и через представляющие интересы своего народа органы власти).

Вряд ли можно сомневаться в том, что термин «юрисдикция», рассматриваемый в международно-правовом аспекте, может быть применен не только в отношении государств, но и в отношении конкретных органов, которые имеют международный статус, в том числе, в отношении международных судов и международных организаций [5, с. 322].

Выводы

Подводя итоги проведенного анализа, можно сделать вывод о множественности подходов к трактовке понятия «юрисдикция». Вместе с тем, ключевым аспектом юрисдикции является наличие возможности осуществлять нормативно-правовое регулирование и правоприменение, обеспечивая это силой принуждения. В этой связи более приоритетным представляется фактическая составляющая

юрисдикции, нежели юридическая (в международно праве). При этом роль национальной юрисдикции представляется более значимой в сравнении с международной юрисдикцией.

В контексте международного права уместно говорить о наличии национальной юрисдикции, реализуемой конкретными государствами, а также международной юрисдикции, реализуемой международными (межгосударственными) органами. В этой связи предлагается различать понятия «международная юрисдикция» и «юрисдикция в международном праве»: первая реализуется исключительно в рамках международных организаций, вторая представляется более широкой, включающей, в том числе, и национальную юрисдикцию, но в контексте международных отношений.

Территориальная ограниченность национальной юрисдикции в определенной мере условна, хотя бы ввиду отсутствия четких границ в цифровом пространстве, а также в силу того, что те или иные нормы права зачастую действуют в отношении тех или иных субъектов вне зависимости от места их нахождения.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 мая 1996 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 5 июня 1996 г. (с изм. и доп. от 29 декабря 2022 г.) // Рос. газ. – 1996. – 18–20 июн.; 2023. – 9 янв.
2. Архипова Е.Ю. Понятие и назначение юрисдикции в юридической науке // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 2 (36). С. 13–18.
3. Броунли Я. Международное право. Кн. 1. М.: Прогресс, 1977. 538 с.
4. Захаров Т.В. Трансформации территориальной юрисдикции государств: Конституционализация глобальной цифровой экосистемы // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. – 2021. – № 4. – С. 220–230.
5. Каюмова А. Р. К вопросу о месте юрисдикции в системе международного права // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2007. Т. 149, № 6. С. 316–323.
6. Каюмова А.Р. Уголовная юрисдикция в международном праве: монография. Казань: Центр инновационных технологий, 2016. 488 с.
7. Нешатаева Т.Н. Слышать жизнь: действие актов международного суда в национальных правовых системах // Международное правосудие. 2018. № 1 (25). С. 53–66.
8. Татаринев М.К. Пространственное действие уголовной юрисдикции // Международное право. 2019. № 2. С. 1–13.
9. Терентьева Л.В. Соотношение понятий «Юрисдикция» и «Суверенитет» // Вестник Универ-

ситета имени О.Е. Кутафина. 2016. № 12 (28). С. 126–133.

10. Терентьева Л.В. Экстерриториальное проявление юрисдикции государства в условиях трансформации восприятия его пространственных границ // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 3. С. 160–180.
11. Ушаков Н.А. Юрисдикционные иммунитеты государств и их собственности. М.: Наука, 1993. 238 с.
12. International Court of Justice. Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America). Judgment of 27 June 1986, Merits // I.C.J. Reports 1986. P. 14, C. 113–115.

THE CONCEPT OF JURISDICTION IN NATIONAL AND INTERNATIONAL LEGAL ASPECTS

Mishin D.A., Kurovsky S.V., Sizhazhev A.H.

LLC “Higher School of Education”; Kutafin Moscow State Law University

The lack of uniformity in understanding the essence of jurisdiction is noted and the main approaches to the definition of this concept presented in the legal sciences, including in the science of international law, are considered. The article reveals the importance of jurisdiction as a conflict-resolving activity; as a set of powers to resolve legal conflicts; as a sphere of legal relations within which legal conflicts are resolved; as the realization by the state of its power; as the ability of the state to carry out legal regulation and law enforcement, including through state coercion; as an expression of territorial supremacy; as a manifestation of state sovereignty. The problem of the relationship between jurisdiction and state sovereignty is investigated; different approaches to understanding their relationship are reflected; their similarities and differences are highlighted. The role of national jurisdiction as one of the manifestations of state sovereignty is substantiated. The territorial limitation of jurisdiction is emphasized as one of its key features. The author substantiates the inherent nature of the international legal component of national jurisdiction. Attention is drawn to the conditionality of the territorial limitation of jurisdiction due to the fundamental impossibility of establishing clear “digital borders” in a globalizing world. The conclusion is made about the priority of the factual aspect of jurisdiction and the secondary role of the legal aspect in relation to international law, and the primacy of national jurisdiction in comparison with international jurisdiction is argued.

Keywords: international jurisdiction, international law, national jurisdiction, limits of jurisdiction, sovereignty, jurisdiction, jurisdiction in international law.

References

1. The Criminal Codex of the Russian Federation No. 63-FZ of June 13, 1996: adopted by the State Duma of the Federal Assembly. Sobr. Grew up. Federation on May 24, 1996: approved. By the Federation Council Feder. Sobr. Grew up. Federation on June 5, 1996 (with amendments and additions dated December 29, 2022) // Russian Gas. – 1996. – June 18–20.; 2023. – January 9.
2. Arkhipova E.Y. The concept and purpose of jurisdiction in legal science // Legal science and law enforcement practice. 2016. No. 2 (36). pp. 13–18.
3. Brownley Ya. International law. Book 1. M.: Progress, 1977. 538 p.
4. Zakharov T.V. Transformations of the territorial jurisdiction of states: Constitutionalization of the global digital ecosystem // Social and humanitarian sciences. Domestic and foreign literature. Series 4: State and Law. – 2021. – No. 4. – pp. 220–230.
5. Kayumova A.R. On the question of the place of jurisdiction in the system of international law // Scientific notes of Kazan State University. Series: Humanities. 2007. Vol. 149, No. 6. pp. 316–323.
6. Kayumova A.R. Criminal jurisdiction in international law: monograph. Kazan: Center for Innovative Technologies, 2016. 488 p.

7. Neshataeva T.N. To hear life: the effect of acts of the International Court of Justice in national legal systems // International justice. 2018. No.1 (25). pp. 53–66.
8. Tatarinov M.K. Spatial effect of criminal jurisdiction // International law. 2019. No. 2. pp. 1–13.
9. Terentyeva L.V. Correlation of the concepts of “Jurisdiction” and “Sovereignty” // Bulletin of the O.E. Kutafin University. 2016. No. 12 (28). pp. 126–133.
10. Terentyeva L.V. Extraterritorial manifestation of the jurisdiction of the state in the conditions of transformation of perception of its spatial boundaries // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2019. No. 3. pp. 160–180.
11. Ushakov N.A. Jurisdictional immunities of states and their property. M.: Nauka, 1993. 238 p.
12. International Court of Justice. Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America). Judgment of 27 June 1986, Merits // I.C.J. Reports 1986. P. 14, pp. 113–115.

Стрельчяня Денис Михайлович,

аспирант; кафедра международно-правовых наук, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
E-mail: 1142220780@rudn.ru

Началом эпохи освоения космоса по праву считается старт первого искусственного спутника Земли – «Спутника-1», запущенного Советским Союзом 4 октября 1957 г. Далее дорогу к звездам открыл советский космонавт Юрий Гагарин, проложив путь космической эре для человечества, в целях устойчивого развития и повышения благосостояния народов, и сохранения космического пространства для мирных целей.

В статье раскрываются проблемы в сфере милитаризации космоса, дано понятие международной ответственности за противоправную космическую деятельность.

По итогам проведенного исследования автором статьи были сделаны следующие выводы:

1. Россия всегда была и остается самым активным и последовательным сторонником принципа неприменения силы в космическом пространстве и использования космоса исключительно в мирных целях.

2. Существующая опасность милитаризации космоса вызывает озабоченность всего международного сообщества, поэтому вопросы правового регулирования деятельности человечества в космосе необходимо направить на сохранение космического пространства в том виде, которое было бы пригодным для его дальнейшего использования в мирных целях.

Также автором статьи были разработаны пути по ликвидации главных проблем, направленных на демилитаризацию космоса путем объединения усилий международного сообщества для обеспечения коллективной безопасности при использовании космического пространства.

Ключевые слова: космическая безопасность, милитаризация, международная ответственность, космос, космическое пространство, противоспутниковое оружие, международная ответственность.

Достижение мира и безопасности в космосе является гарантом обеспечения мира на всей планете Земля. Безопасные полеты в космос обеспечат спокойствие на нашей планете, но этим должен заниматься не каждый, кто летает в космос, а все человечество. И сейчас мы обладаем возможностью использовать космические ресурсы, при этом не несем никакой ответственности даже за сохранение их.

До сегодняшнего времени в результате активной эксплуатации космосу причинялся существенный ущерб. Но «международным сообществом, было осознано, что околоземное космическое пространство должно находиться в общем пользовании».[1] Появилась концепция общего достояния, в связи с чем, перед человечеством встала задача защиты такового совместными усилиями не только для нынешнего, но и для будущих поколений.

В 1967 году все государства-члены Организации объединенных наций (далее – ООН) подписали Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела (далее – Договор о космосе), который представляет собой особую веху в области международного космического права.

Договор о космосе закрепил положение, что ни одно астрономическое тело, включая Луну, не подлежит национальному присвоению, ни путем провозглашения на них суверенитета, ни путем использования или оккупации, ни любыми другими средствами» (ст. II) [2].

Идентичное положение зафиксировано в ст. 11 Соглашения о деятельности государств на Луне и других небесных телах 1979 года, в котором закреплен запрет на создание военных баз, испытание любых типов оружия и проведение военных маневров.

Среди частичных мер, ограничивающих военное использование космоса, важнейшее значение имеет обязательство государств – участников Договора по космосу: «не выводить на орбиту вокруг Земли любые объекты с ядерным оружием или любыми другими видами оружия массового уничтожения, не устанавливать такое оружие на небесных телах и не размещать такое оружие в космическом пространстве каким-либо иным образом» (статья IV Договора).

Ограничение военной деятельности в космосе предусмотрено и в других международных актах, в частности, в Договоре о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой (известен также как Московский договор), который был подписан в Москве 5 августа 1963 года правительствами СССР, Великобритании и США [4].

В 1985 году СССР выступил с инициативой создать под эгидой ООН Всемирную космическую организацию, которая бы выполняла функции международного агентства по управлению космической деятельностью государств, охране окружающей среды и предотвращению опасностей, исходящих из космоса. Однако, к сожалению, эта идея не была реализована в действительности [5].

10 сентября 1996 г. 50-й сессией Генеральной Ассамблеи ООН был принят Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, который явился «приемником» договора о запрещении испытаний ядерного оружия в трех средах (в атмосфере, в космическом пространстве и под водой), который расширил ограниченный режим запрещения испытаний ядерного оружия.

В силу положений ст. 1 указанного договора: «Каждое государство-участник обязуется не производить любой испытательный взрыв ядерного оружия и любой другой ядерный взрыв, а также запретить и предотвращать любой такой ядерный взрыв в любом месте, находящемся под его юрисдикцией и контролем» [6].

Существенное значение для реализации норм международного космического права имеет Закон Российской Федерации от 20 августа 1993 г. № 5663-1 «О космической деятельности» (далее – Закон РФ № 5663-1) [7].

Так, в соответствии с разделом VI Закона РФ № 5663-1, – Россия содействует развитию международного сотрудничества, а также поддержанию мира и международной безопасности путем использования достижений космической науки и техники. Космическая деятельность, запрещенная международными договорами РФ, не допускается.

В феврале 2008 года Китай и Россия совместно представили в ООН проект, известный как Договор о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве и применения силы или угрозы силой в отношении космических объектов. «США выступили против проекта договора из-за опасений по поводу безопасности своих космических активов несмотря на то, что договор прямо подтверждает неотъемлемое право государства на самооборону» [8].

На Генеральной Ассамблее ООН были приняты две резолюции о предотвращении гонки вооружений в космосе. Обе резолюции были приняты 4 декабря 2014.

Первая резолюция ООН декларирует все страны принять участие в мирном использовании космического пространства без гонки вооружений. Вторая резолюция гласит, что в космосе не должно быть оружия.

Далее отметим следующее. Сегодня развитие космоса находится в центре внимания экономистов, прогнозирующих большую прибыль от космических ресурсов, чем от наращивания военного потенциала. Космос привлекает частных инвесторов, которые проявляют интерес в развитии космической техники.

«В 2015 году был принят Закон США о конкурентоспособности в области космических запусков, установивший определение космических ресурсов и дающий право американцам владеть, присваивать, перевозить, использовать и продавать эти ресурсы, что вызвало оживленные международные дискуссии».[10]

«Первая конференция ООН по космическому праву и космической политике состоялась в Москве, 11–13 сентября 2018 г., в которой приняли участие более 180 ведущих специалистов государств-членов ООН».[11] На повестке дня обсуждались вопросы, связанные с использованием космического пространства, а также обеспечение мирного и безопасного использования космического пространства [11].

«В апреле 2020 года, президентом США был подписан указ, одобряющий коммерческое освоение ресурсов на Луне и планетах Солнечной системы. Согласно этому указу, у американцев должно быть право вести коммерческие исследования, добычу и использование ресурсов в космосе» [12].

Данный указ направлен на легализацию освоения участков небесных тел и ресурсов различными лицами и странами [13, с. 168]. Первые космические государства поняли преимущество размещения своего оружия в космосе. Они начали ряд военных программ по космическим вооружениям, обладающим большим радиусом действия и скоростью поражения. Но это нарушает доверие государств и приводит к напряженности в международных отношениях, усиливая риск гонки вооружений как на Земле, так и в космосе.

Решение общих глобальных проблем зависит от достижения всеобщего разоружения. Каждый шаг в этом направлении – это вклад в обеспечение мирного развития нашей планеты. Одним из типов ответственности является ответственность за незаконную деятельность в космосе.

Основаниями международной ответственности являются: космическая деятельность государства, которая причинила вред вследствие нарушения норм международного права, в том числе, стремление к захвату космических территорий в целях милитаризации космоса. Если государство совершает действия, которые посягают на основы международного правопорядка в космосе и наносят вред другим государствам своей деятельностью, то оно совершает международное космическое правонарушение.

Таким образом, под международным космическим правонарушением следует понимать деяние, посягающее на космическую международную безопасность, повлекшее существенный ущерб в результате осуществления космической деятельности, с нарушением требований общепринятых норм и принципов международного права.

Сегодняшнее положение дел в космической сфере вызывает беспокойство международного сообщества. Опасность милитаризации космоса вызывает озабоченность, поскольку дальнейшее размещение вооружений в космосе может

привести к тотальному контролю над значительными участками земной территории. Это, в свою очередь, может привести к развитию технологий космического оружия, под которым понимается система вооружения и вспомогательные космические средства, разрабатываемые для размещения и применения в космосе в военных целях. [14]

Особенно остро обозначилась проблема милитаризации космоса в период проведения Россией специальной военной операции на Украине, в связи с чем основными направлениями развития стали роботизация боевой техники, внедрение космических технологий для эффективного уничтожения войск и военного потенциала противника.

Что касается космической политики Российской Федерации – она всегда направлена на мирное сосуществование и коренное оздоровление международных отношений на основе принципов неприменения силы в космическом пространстве и использования космоса исключительно в мирных целях.

Одной из основных задач Российской Федерации в этой сфере является создание единой государственной системы информационно-аналитического обеспечения безопасности космической деятельности и системы взаимодействия соответствующих федеральных органов исполнительной власти на случай возникновения кризисных ситуаций, связанных с космической деятельностью, включая взаимодействие на международном уровне.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что существенную роль в разрешении международно-правовых проблем, по вопросам демилитаризации космоса, играет сотрудничество государств на высоком уровне, с учетом общепринятых норм международного права, а также объединение усилий для обеспечения коллективной безопасности при использовании космического пространства.

Литература

1. Международное право. Учебник для вузов. Ответственные редакторы проф. Г.В. Игнатенко и проф. О.И. Тиунов. – М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА – М, 1999. 584 с.
2. Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела // Международное публичное право. Сборник документов: в 2 ч. Ч. II. – М., 2006. – С. 1801.
3. Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах (Нью-Йорк, 18 декабря 1979 г.) (вступило в силу 11 июля 1984 г. // Действующее международное право, т. 3.
4. Договоре о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой (известен также как Московский договор), который был подписан в Мо-

ске 5 августа 1963 года правительствами СССР, Великобритании и США

5. Е.Б. Ганюшкина. Доклад на 63-ем Ежегодном Собрании Российской Ассоциации международного права «75 лет Великой Победы и развитие современного международного права»: «Международное морское и космическое право». Круглый стол «Международное морское и космическое право. Сравнительный анализ применения концепции общего наследия человечества» // – Москва. 27–29 января 2020 г. // <https://mgimo.ru/about/news/departments/63-ezhegodnoe-sobranie-rossiyskoj-assotsiatsii-mezhdunarodnogo-prava> (Дата обращения 10.01.2024).
6. Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (принят 50-й сессией Генеральной Ассамблеи ООН 10 сентября 1996 г.) // [Электронный ресурс] / URL: <https://base.garant.ru> (Дата обращения 10.01.2024).
7. Закон Российской Федерации от 20 августа 1993 г. № 5663-1 (ред. от 1.06.2023) «О космической деятельности» // Российская газета от 6 октября 1993 г.
8. РФ и Китай представили проект договора о предотвращении размещения оружия в космосе // [Электронный ресурс] / URL: <https://tass.ru/kosmos/4529409> (Дата обращения 10.01.2024).
9. Генассамблея ООН приняла три российские резолюции по предотвращению милитаризации // [Электронный ресурс] / URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7338621> (Дата обращения 10.01.2024).
10. Закон США о конкурентоспособности коммерческих космических запусков 2015 года // [Электронный ресурс] / URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (Дата обращения 24.12.2023).
11. Доклад Конференции Организации Объединенных Наций/Российской Федерации по космическому праву и космической политике (Москва, 11–13 сентября 2018 года) // [Электронный ресурс] / URL: <http://www.consultant.ru> (Дата обращения 24.12.2023).
12. Вольнская О.А. Международные политико-правовые аспекты использования космических ресурсов // Российское право
1. Реформа космического права // Актуальные проблемы российского права, –2021, – № 5. – С. 166–182.
13. Основные положения Основ государственной политики Российской Федерации в области космической деятельности на период до 2030 года и дальнейшую перспективу (утв. Президентом РФ от 19.04.2013 N Пр-906) // Текст документа официально опубликован не был // [Электронный ресурс] / URL: <http://www.consultant.ru> (Дата обращения 24.12.2023).
14. Космическое оружие // [Электронный ресурс] / URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (Дата обращения 14.01.2024).

MILITARIZATION OF OUTER SPACE AS A THREAT TO INTERNATIONAL SECURITY

Strelchenya D.M.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

The beginning of the era of space exploration is rightfully considered to be the launch of the first artificial satellite of the Earth – Sputnik 1, launched by the Soviet Union on October 4, 1957. Then Soviet cosmonaut Yuri Gagarin opened the road to the stars, paving the way for the space age for humanity, in order to sustainable development and improve the welfare of peoples, and preserve outer space for peaceful goals.

The article reveals the problems in the field of militarization of outer space, gives the concept of international responsibility for illegal space activities.

Based on the results of the study, the author of the article made the following conclusions:

1. Russia has always been and remains the most active and consistent supporter of the principles of the non-use of force in outer space and the use of outer space exclusively for peaceful purposes.

2. The existing danger of the militarization of outer space is of concern to the entire international community, therefore, the issues of legal regulation of human activities in outer space must be directed to the preservation of outer space in a form that would be suitable for its further use for peaceful purposes.

The author of the article also developed ways to eliminate the main problems aimed at demilitarization of outer space by combining the efforts of the international community to ensure collective security in the use of outer space.

Key words: space security, militarization, international responsibility, outer space, anti-satellite weapons, international responsibility.

References

1. International law. Textbook for universities. Responsible editors prof. G.V. Ignatenko and prof. O.I. Tiunov. – M.: Publishing group NORMA-INFRA – M, 1999. 584 p.
2. Treaty on the principles of activities of states in the exploration and use of outer space, including the Moon and other celestial bodies // International public law. Collection of documents: in 2 parts. Part II. – M., 2006. – P. 1801.
3. Agreement concerning the Activities of States on the Moon and Other Celestial Bodies (New York, December 18, 1979) (entered into force on July 11, 1984 // Current International Law, vol. 3.

4. The Treaty Banning Tests of Nuclear Weapons in the Atmosphere, in Outer Space and Under Water (also known as the Moscow Treaty), which was signed in Moscow on August 5, 1963 by the governments of the USSR, Great Britain and the USA
5. E.B. Ganyushkina. Report at the 63rd Annual Meeting of the Russian Association of International Law “75 years of the Great Victory and the development of modern international law”: “International maritime and space law.” Round table “International maritime and space law. Comparative analysis of the application of the concept of the common heritage of mankind” // – Moscow. January 27–29, 2020 // <https://mgimo.ru/about/news/departments/63-ezhegodnoe-sobranie-rossiyskoy-assotsiatsii-mezhdunarodnogo-prava> (Date of access: 01/10/2024).
6. Comprehensive Nuclear Test Ban Treaty (adopted by the 50th session of the UN General Assembly on September 10, 1996) // [Electronic resource] / URL: <https://base.garant.ru> (Date of access 01/10/2024).
7. Law of the Russian Federation dated August 20, 1993 No. 5663-I (as amended on June 1, 2023) “On space activities” // Russian newspaper dated October 6, 1993.
8. The Russian Federation and China presented a draft agreement on preventing the placement of weapons in space // [Electronic resource] / URL: <https://tass.ru/kosmos/4529409> (Date of access: 01/10/2024).
9. The UN General Assembly adopted three Russian resolutions on preventing militarization // [Electronic resource] / URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7338621> (Date of access: 01/10/2024).
10. US Commercial Space Launch Competitiveness Act of 2015 // [Electronic resource] / URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (Accessed 12/24/2023).
11. Report of the United Nations/Russian Federation Conference on Space Law and Space Policy (Moscow, September 11–13, 2018) // [Electronic resource] / URL: <http://www.consultant.ru> (Date of access: 12/24/2023).
12. Volynskaya O.A. International political and legal aspects of the use of space resources // Russian Law Reform of space law // Current problems of Russian law, –2021, – No. 5. – P. 166–182.
13. Basic provisions of the Fundamentals of State Policy of the Russian Federation in the field of space activities for the period until 2030 and beyond (approved by the President of the Russian Federation dated April 19, 2013 N Pr-906) // The text of the document was not officially published // [Electronic resource] / URL: <http://www.consultant.ru> (Date of access: 12/24/2023).
14. Space weapons // [Electronic resource] / URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (Access date 01/14/2024).

Институт признания недействительными несправедливых условий договора в немецком праве

Чикунов Михаил Алексеевич,

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: 89223733113@mail.ru

Статья посвящена правовым нормам немецкого законодательства; в частности, раскрытию особенностей трактовки несправедливых условий договора в немецком праве, исходя из цели исследования. Проведен анализ содержания Гражданского уложения Германии и Директивы № 93/13/СЕЕ от 05.04.1993. Рассмотрена сущность понятий добросовестности и справедливости в немецком праве, которые разграничиваются следующим образом: добросовестность – про должное поведение стороны правоотношения, справедливость – неопределенная категория, требующая соблюдения баланса прав и обязанностей сторон. Описана специфика базового регулирования несправедливых условий договора в немецком праве; акцентированы случаи признания стандартных условий договора недействительными. Новизна исследования представлена трактовкой несправедливых условий договора с опорой на принципы добросовестности и справедливости, зафиксированные в немецком законодательстве. В итоге обосновано, что немецкий правопорядок является одним из передовых в области регулирования несправедливых условий договора.

Ключевые слова: Директива 93/13/ЕЕС, немецкое законодательство, добросовестность, справедливость, договор, стандартные условия, несправедливые условия.

Введение

Институт защиты от несправедливых условий существует в большинстве стран в мире. Многие европейские страны имплементировали Директиву Европейского экономического сообщества № 93/13/СЕЕ от 05.04.1993 о несправедливых условиях договора. Например, эти положения содержатся во французском законодательстве о защите прав потребителей [10, с. 404–434]. Интересно, что судебная практика до реформы 2016 года исключала возможность судебного контроля за справедливостью условий договора; судами использовался лишь перечень недопустимых условий, установленных специальным законом [7, с. 246], – только они могли быть признаны судом обременительными. При этом специальных указаний во Французском гражданском кодексе на несправедливые условия договора до реформы не было; потребители защищались с помощью специальных норм. После реформы появилась статья 1171, посвященная несправедливым условиям договора. В ней не содержится формулировки несправедливых условий договора, а указывается значительный дисбаланс в отношении сторон (*déséquilibre significatif*) [11]. Как отмечают некоторые ученые, прямое закрепление указанных положений в Кодексе является революцией во французском праве [8, с. 536].

Многие наднациональные унификации используют терминологию *unfair terms* [12] (статьи 4:101 и 6:201 Принципов европейского договорного права (PECL), статья 83 Общеввропейского закона о продажах (CESL), статьи 9:403 и 9:407 Проекта общей системы координат европейского частного права (DCFR)). Существует единый закон о несправедливых условиях договора (UCTA [13]), который использует формулировку *unfair contract terms*. Указанный акт предоставляет возможность широкого судебного усмотрения, в связи с чем указанная формулировка в английском праве является лишь одной из многих других, которые используются для описания недопустимых условий, от которых необходимо защищать слабую сторону. В Австрии и Германии используется формулировка *unexpected terms* (*Überraschende* – удивительные, неожиданные условия договора); идентичная терминология встречается в практике ЮАР и США [9, с. 1528].

Предметом текущего исследования являются правовые нормы немецкого законодательства. Германия является одной из первых европейских стран, которая начала осуществлять контроль за содержанием договора, и первой в мире ста-

ла использовать институт несправедливых условий договора ко всем участникам оборота, широко применяя термины *добросовестность* и *справедливость*.

Цель исследования – раскрыть особенности трактовки несправедливых условий договора в немецком праве. Задачами работы являются следующие: рассмотреть сущность понятий добросовестности и справедливости в немецком праве; описать специфику базового регулирования несправедливых условий договора в немецком праве. Новизна исследования представлена трактовкой несправедливых условий договора с опорой на принципы добросовестности и справедливости, зафиксированные в немецком законодательстве.

Понятия добросовестности и справедливости в немецком праве

Ключевым положением, раскрывающим понятие добросовестности в немецком праве, является § 242 [14] Гражданского уложения Германии (BGB) (далее – ГГУ), устанавливающий, что должник обязан осуществлять исполнение добросовестно, как этого требуют обычаи оборота. Не менее важными являются способы толкования договоров, основанные на принципе добросовестности: § 157, закрепляющий положение о том, что договоры следует толковать добросовестно, принимая во внимание обычаи оборота, и § 133, повествующий о необходимости следовать действительной воле, не придерживаясь буквального смысла выражений. При этом содержащееся в § 242 словосочетание *True und Glauben*, обозначающее добросовестность, подразумевает, что добросовестность является главенствующим принципом толкования договора [4, с. 2385].

В определенных случаях добросовестность позволяет налагать дополнительные обязанности на сторону, о чем сообщается в § 241 и § 242. Такие обязанности могут носить охранительный (например, обязанность по раскрытию дополнительной информации, которая не была предусмотрена основным обязательством) или негативный характер (например, обязанность не распространять информацию о работодателе после прекращения трудовых отношений) [1, с. 472].

Добросовестность подразделяется на две категории: субъективную и объективную. В немецком праве применяются соответствующие термины: *Treu und Glauben* и *gutem Glauben*. В первом случае предполагается выяснение того, знало лицо или не должно было знать чего-либо; во втором – это требование к поведению, которое принято считать правильным в обществе. В немецком праве субъективная добросовестность отражена в следующих статьях: § § 157, 162, 242, 275, 307, 320, 815; объективная – § § 932, 932а, 933, 934, 937, 955, 957, 990, 991, 1007, 1121, 1208, 2024).

Объективная добросовестность охватывает справедливость. Действуя добросовестно, лицо не будет нарушать права других участников граж-

данского оборота, а будет учитывать их интересы. Указанные понятия не являются тождественными. Разграничение между ними видится в следующем: если добросовестность – это про должное поведение стороны правоотношения, то справедливость – неопределенная категория, требующая соблюдения баланса прав и обязанностей сторон. Например, если то или иное положение закона или договора будет нарушать баланс прав или обязанностей сторон правоотношения, оно будет признано несправедливым.

ГГУ содержит принцип справедливости во множестве статей. Например, в § 315 об определении исполнения одной из сторон; § 829 об обязанности возмещения вреда по справедливости; § 1246 об отступлении от правил по основаниям справедливости; § 2057а об обязанности уравнивания долей при особом характере услуг, оказанных потомком; § 920 о смещении границы. В этих положениях прослеживается идея распределительной справедливости, которая обеспечивает баланс прав и обязанностей. Для этого требуется, чтобы возмещение вреда или ущерба, уравнивание долей, определение размера обязанности или компенсации были эквивалентны ущербу, который был получен, или объему обязательства, или размеру причиненного вреда и пр. Например, § 1361b обеспечивает такой баланс, поскольку устанавливает, что супруг, лишенный права пользования супружеским жилищем, может требовать у другого супруга справедливой компенсации. В противном случае права супруга, у которого нет доступа к супружескому жилищу были бы ущемлены, и не был бы достигнут баланс прав и обязанностей.

Сущность несправедливых условий в немецком праве

Защита слабой стороны договора является одной из основных целей законодательства Европейского Союза [3, с. 432]. Директива № 93/13/СЕЕ целиком посвящена несправедливым условиям договора, регулирование которых относится к потребителям. Рассмотрим критерии теста, который позволяют понять, какие условия являются справедливыми (*fairness test*) [2, с. 2250]. Во-первых, в соответствии с критерием прозрачности условия должны быть сформулированы просто и понятно. Во-вторых, вопросы регулирования несправедливых условий договора зафиксированы в Директивах, которые дополняют национальные законодательства. В-третьих, в рамках оценивания конкретного условия необходимо понять, могла ли сторона ожидать, что другая сторона на него согласится. В-четвертых, перечень условий служит лишь ориентиром для судей.

Взяв за основу принцип добросовестности при анализе оговорки об ограничении ответственности, немецкая судебная практика 1956 года первая в мире выработала подходы к контролю за содержанием договора [6, с. 450]. Обратимся к § 305 ГГУ, который регулирует вопрос включения стандартных условий в контракт: 1) должна быть пря-

мая отсылка к стандартным условиям договора; 2) сторона, сформулировавшая стандартные условия, должна ознакомить другую сторону с их содержанием; 3) другая сторона должна согласиться со стандартными условиями. Но если его стандартные условия оказываются неожиданными, они не могут быть частью контракта и должны быть признаны недействительными (§ 305с), что осуществляется с помощью объективного контроля, включающего в себя оценку условия через призму среднего разумного потребителя и обычной деловой практики. При этом если имело место индивидуальное согласование неожиданных условий, то, на мой взгляд, они не должны подлежать контролю в связи с утратой ими характеристики стандартности.

В пункте 1 § 306 ГГУ устанавливается, что если стандартные условия в целом или частично не стали частью контракта или были признаны недействительными, то это не влияет на действительность контракта в оставшейся части. Однако в соответствии с п. 3 § 306 ГГУ договор становится недействительным, даже если после восполнения недействительных стандартных условий договора с помощью диспозитивных норм закона его исполнение осталось крайне обременительным для одной из сторон.

Ключевой статьей в рамках контроля за несправедливыми условиями договора является § 307 ГГУ. Недействительными признаются такие положения стандартных условий, которые вопреки требованиям добросовестности ставят контрагента в чрезвычайно невыгодное положение. Такое невыгодное положение может выражаться в том, что стандартные условия договора неясны и непонятны. Также статья устанавливает ряд опровергаемых презумпций, когда условие договора будет считаться несправедливым: 1) если условие является несовместимым с принципиальными основами законодательного регулирования; 2) если права или обязанности условием ограничиваются настолько, что достижение цели договора ставится под угрозу.

§ 307 ГГУ часто встречается на практике в рамках споров с банками. Например, было признано, что банк не вправе изменять в одностороннем порядке условия предоставления услуг без согласования с потребителем. Если такое стандартное условие о возможном одностороннем изменении договора содержится в контракте, оно будет признано недействительным. При этом суд в рамках данного дела отметил, что в таких спорах необходимо учитывать и те убытки, которые может понести банк, если он будет обязан получать мнение о предстоящем изменении договора от каждого клиента.

Встречаются в немецкой практике дела, когда суд, оценивая справедливость условия, анализирует социально-культурную цель всего договора. Так в одном споре между студентом (Истец) и организацией по предоставлению студенческих займов (Ответчик) суд отказал в удовлетворении иска,

истолковав договор целевым образом. На студенте лежали административные расходы по получению беспроцентного займа на обучение, которые студент попытался взыскать в судебном порядке, указав, что условие о перераспределении таких расходов является несправедливым, так как ставит его в обременительное положение. Суд указал, что Ответчик действует исключительно с благой целью: дать возможность Истцу получить образование в стране. Ответчик не извлекает из займа прибыли для себя, а административные расходы покрывают фактические затраты Ответчика. Данное дело отчетливо показывает, что суд в Германии при оценивании содержания договора учитывает не только буквальный текст договора, но и его цель.

В Руководстве по толкованию Директивы 93/13/СЕЕ отмечается, что признание несправедливых условий недействительными является наиболее эффективным способом защиты слабой стороны [5]. Такой способ правовой защиты как признание несправедливого условия ничтожным оказывается полезен, когда слабая сторона не желает сохранять в силе договорную конструкцию. Эта норма призвана восполнять пробелы, а не служить локомотивом для защиты слабой стороны в преобладающем числе случаев.

Таким образом, можно прийти к выводу, что в Германии существует *ex ante* и *ex post* контроль. *Ex ante* контроль предполагает, что стандартные условия могут стать частью договора только при соблюдении установленных в законе правил. *Ex post* контроль за справедливостью стандартных условий означает, что они будут подлежать контролю, если станут частью контракта. В этом выражается двуступенчатая система контроля за справедливостью условий в Германии. Такой всесторонний контроль позволяет добиться эффективной защиты слабой стороны от обременительных стандартных условий договора.

Заключение

В европейской традиции частного права немецкое законодательство является флагманом во многих институтах. Такая логика применима и к контролю за содержанием договора. На основе проделанной работы можно сделать следующие выводы. Во-первых, немецкое законодательство четко проводит границу между субъективной и объективной добросовестностью. В связи с этим такое разделение прямо оказывает влияние на построение системы по контролю за содержанием условий договора. Во-вторых, немецкое законодательство тяготеет к контролю за содержанием условий договора в отношениях В2С, при котором не учитывается субъективная добросовестность профессионала. В-третьих, немецкое законодательство использует жесткие последствия включения несправедливого условия в договор, что чаще всего приводит к ничтожности такого условия в судебной практике.

Обосновано, что немецкий правопорядок является одним из передовых в области регулирования несправедливых условий договора. В частности, это подтверждается широким спектром субъектов, которые могут использовать указанный институт. Результаты исследования применимы в немецкой судебной практике при определении и трактовке стандартных и несправедливых условий разных типов договора, а также в российском праве при юридическом оформлении договоров.

Литература

1. Нам, К.В. Принцип добросовестности. Основы теории и правоприменения в контексте немецкого правового опыта [Текст]: дис. ... доктора юрид. наук / Нам Кирилл Вадимович. – М., 2021. – 472 с.
2. Commentaries on European Contract Laws [Text] / Eds. Nils Jansen, Reinhard Zimmermann. – Oxford: Oxford University Press, 2018. – 2250 p.
3. General Principles of Law. European and Comparative Perspectives [Text] / Eds. Stefan Vogenauer, Stephen Weatherill. – Hart Publishing, 2017. – 432 p.
4. German Civil Code: Bürgerliches Gesetzbuch (BGB) [Text] / Eds. Gerhard Dannemann, Reiner Schulze. – München: C.H. Beck; Baden Baden: Nomos, 2020. – 2385 p.
5. Guidance on the interpretation and application of Council Directive 93/13/EEC of 5 April 1993 on unfair contract terms in consumer contracts [Electronic resource] // Official Journal of European Union. – 2019. – URL: [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52019XC0927\(01\)](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52019XC0927(01)) (дата обращения: 21.02.2024).
6. Kötz, H. European Contract Law [Text] / Hein Kötz. – 2nd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2017. – 450 p.
7. Nebbia, P. Unfair Contract Terms in European Law: A Study in Comparative and EC Law [Text] / Paolisa Nebbia. – London: Hart Publishing, 2007. – 246 p.
8. The Code Napoléon Rewritten French Contract Law after the 2016 Reforms [Text] / Eds. John Cartwright, Simon Whittaker. – London: Bloomsbury Publishing, 2017. – 536 p.
9. Vogenauer, S. Commentary on the UNIDROIT Principles of International Commercial Contracts (PICC) [Text] / Stefan Vogenauer. – Oxford: Oxford University Press, 2015. – 1528 p.
10. Whittaker, S. Unfair terms in commercial contracts and the two laws of competition: French law and English law contrasted [Text] / Simon Whittaker // Oxford Journal of Legal Studies. – 2019. – Vol. 39. – No. 2. – Pp. 404–434.
11. Ordonnance n° 2016–131 du 10 février 2016 portant réforme du droit des contrats, du régime général et de la preuve des obligations. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000032004939> (дата обращения: 21.02.2024).

12. Council Directive 93/13/EEC of 5 April 1993 on unfair terms in consumer contracts. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A31993L0013> (дата обращения: 21.02.2024).
13. Unfair Contract Terms Act 1977. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1977/50> (дата обращения: 21.02.2024).
14. Bürgerliches Gesetzbuch (BGB). URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/BJNR001950896.html> (дата обращения: 10.06.2022).

THE INSTITUTION OF INVALIDATION OF UNFAIR CONTRACT TERMS IN GERMAN LAW

Chikunov M.A.

Saint Petersburg State University

The article covers legal provisions of German law; in particular, it specifies interpretations of unexpected terms of a contract in German law, as the research aim states. The author analysed the content of the German Civil Code and Council Directive 93/13/CEE of 5 April 1993. The article substantiates the terms of fairness and equity in German law, which are differentiated as follows: fairness refers to proper behavior displayed by parties of legal relations, while equity is an uncertain term that requires balance of the parties' rights and duties. The author specifies standard regulation of unexpected terms in German law; there are highlighted cases of annulling standard terms of a contract. The novelty of the paper consists of using German law principles of fairness and equity to interpret unfair terms of a contract. As a result, the author stresses that German rules of law prove to be advanced, when they are associated with regulating unexpected terms of a contract.

Keywords: Directive 93/13/EEC, German law, fairness, equity, contract, standard terms, unexpected terms.

References

1. Us, K.V. The principle of good faith. Fundamentals of theory and law enforcement in the context of the German legal experience [Text]: dis. ... doctors of law. Sciences / Kirill Vadimovich Nam. – М., 2021. – 472 p.
2. Commentaries on European Contract Laws [Text] / Eds. Nils Jansen, Reinhard Zimmermann. – Oxford: Oxford University Press, 2018. – 2250 p.
3. General Principles of Law. European and Comparative Perspectives [Text] / Eds. Stefan Vogenauer, Stephen Weatherill. – Hart Publishing, 2017. – 432 p.
4. German Civil Code: Bürgerliches Gesetzbuch (BGB) [Text] / Eds. Gerhard Dannemann, Reiner Schulze. – München: C.H. Beck; Baden Baden: Nomos, 2020. – 2385 p.
5. Guidance on the interpretation and application of Council Directive 93/13/EEC of 5 April 1993 on unfair contract terms in consumer contracts [Electronic resource] // Official Journal of European Union. – 2019. – URL: [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52019XC0927\(01\)](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52019XC0927(01)) (accessed: 02/21/2024).
6. Kötz, H. European Contract Law [Text] / Hein Kötz. – 2nd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2017. – 450 p.
7. Nebbia, P. Unfair Contract Terms in European Law: A Study in Comparative and EC Law [Text] / Paolisa Nebbia. – London: Hart Publishing, 2007. – 246 p.
8. The Code Napoléon Rewritten French Contract Law after the 2016 Reforms [Text] / Eds. John Cartwright, Simon Whittaker. – London: Bloomsbury Publishing, 2017. – 536 p.
9. Vogenauer, S. Commentary on the UNIDROIT Principles of International Commercial Contracts (PICC) [Text] / Stefan Vogenauer. – Oxford: Oxford University Press, 2015. – 1528 p.
10. Whittaker, S. Unfair terms in commercial contracts and the two laws of competition: French law and English law contrasted [Text] / Simon Whittaker // Oxford Journal of Legal Studies. – 2019. – Vol. 39. – No. 2. – Pp. 404–434.
11. Ordonnance n° 2016–131 du 10 février 2016 portant réforme du droit des contrats, du régime général et de la preuve des obligations. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000032004939> (accessed 02/21/2024).

12. Council Directive 93/13/EEC of 5 April 1993 on unfair terms in consumer contracts. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A31993L0013> (accessed: 02/21/2024).

13. Unfair Contract Terms Act 1977. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1977/50> (date of application: 02/21/2024).

14. Bürgerliches Gesetzbuch (BGB). URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/BJNR001950896.html> (date of application: 06/10/2022).

Правовая характеристика заключения международного договора купли-продажи

Эйтсма Ольга Николаевна,
Юрисконсульт, «Lex Law company»
E-mail: raytsma@hotmail.com

Заключение международных договоров купли-продажи играет ключевую роль в сфере глобальной торговли, охватывая множество видов деятельности, в которых участвуют государства и предприятия. Этот сложный процесс влечет за собой множество многогранных переговоров, условий и соглашений, и все это с конечной целью установления взаимовыгодных отношений между вовлеченными сторонами. В эпоху, характеризующуюся глобализацией и расширяющимся охватом бизнеса через границы, значение международных договоров купли-продажи невозможно переоценить, поскольку они служат основой для укрепления стабильности и успеха в международных экономических отношениях. Поэтому данной работы является рассмотрение общей характеристики заключения международного договора купли- продаж. В качестве методологических основ выступили научные труды и специализированная литература, в качестве нормативных основ выступили международные акты и отечественное законодательство. Изучая общие характеристики этих соглашений, данное исследование стремится пролить свет на сложную сеть динамики международной торговли, проясняя механизмы, лежащие в основе глобального обмена товарами и услугами.

Ключевые слова: купля-продажа, международная купля-продажа, договор купли-продажи, международное право, отечественное право.

Введение

На сегодняшний день купля-продажа занимает важное положение в гражданском законодательстве. Этот вид договора становится посредником в совершении сделок по передаче собственности. Законы Российской Федерации регулируют договор купли-продажи в 30-й главе Гражданского кодекса. В статье 454 ГК РФ определено содержание договора купли-продажи, где продавец обязуется передать вещь или товар другой стороне, а покупатель – принять и оплатить его (табл. 1).

Таблица 1. Обязанность продавца и ответственность за неисполнение обязанности

Обязанности продавца	Права покупателя при нарушении обязательств продавцом
Передача товара	Возможность отказа от договора или запрос на индивидуально-специфицированный товар
Передача товара без ограничений прав третьих лиц	Запрос на снижение цены или расторжение договора
Передача прав и документов на товар	Установление разумного срока для передачи
Соблюдение количества товара	Отказ от товара или требование на передачу недостающего количества
Передача товара соответствующего ассортимента	Право на отказ от несоответствующего ассортимента
Передача товара надлежащего качества	Отказ от исполнения договора или требование замены товара

Сделка купли-продажи представляет собой договорное соглашение, которое по своей сути предполагает обмен платежами за товары или услуги. Этот процесс стал фундаментальным аспектом коммерческих сделок как между физическими, так и юридическими лицами.

В сфере деловых операций совершение таких сделок и заключение соответствующих соглашений вызывает дополнительные соображения, когда вовлеченные стороны находятся в разных странах. При таких обстоятельствах гражданские правоотношения, включая договоры купли-продажи, регулируются международным правом. Национальное законодательство каждой страны отличается друг от друга, однако оно должно учитывать положения всех соответствующих норм.

В правовой системе Российской Федерации Гражданский кодекс включает специальный раз-

дел, посвященный регулированию отношений между покупателями и продавцами на международной арене. Этот раздел применяется в отсутствие других положений гражданского законодательства в Российской Федерации и международных договоров, заключенных Россией с другими странами.

При рассмотрении международных сделок крайне важно использовать определенный набор терминов, таких как «экспорт» и «импорт». Экспортер относится к организации, которая занимается поставками товаров или услуг за рубеж и может быть как юридическим, так и физическим лицом. В контексте международного соглашения о купле-продаже экспортер выступает в качестве продавца, в то время как импортер берет на себя роль покупателя. Торговый характер сделки имеет решающее значение, независимо от национальной принадлежности контрагентов.

Ключевым документом, регулирующим вопросы международного сотрудничества, является Венская конвенция, которая включает в себя набор документов. Правоспособность и полномочия участников сделки определяются законодательством их соответствующих стран.

Международные соглашения о купле-продаже могут сильно различаться. Такие сделки подпадают под действие Конвенции Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров (КМКПТ). В этих сделках участвуют покупатели и продавцы из разных стран, что делает международные договоры купли-продажи более сложными и требует более обширной информации и документации, чем внутренние сделки купли-продажи [1].

Одной из отличительных черт Венской конвенции как правового документа является ее гибкость в отношении необходимости заключения письменных соглашений. Эта характеристика подчеркивает адаптивность конвенции и более широкий принцип свободы договора в правовой системе международной торговли.

Общая характеристика международного договора купли-продажи

Ключевым аспектом международного договора купли-продажи является конкретизация предмета договора. Важно отметить, что не все активы признаются товарами в международных сделках. Ценные бумаги, такие как акции, облигации, оборотные инструменты, наличные деньги и даже суда или электроэнергия, не квалифицируются как товары на мировом рынке. Другие условия контракта считаются несущественными.

Сроки поставки товара строго не определены. При отсутствии в контракте оговоренного срока поставки обязательство должно быть выполнено в разумные сроки, в зависимости от обстоятельств. В контексте недавних глобальных вызовов, таких как пандемия, определение более точных сроков доставки могло бы стать полезной практикой.

Несмотря на обобщающий характер Венской конвенции, в ней четко разграничиваются права сторон в случае нарушения договора [2]. В Конвенции излагаются обстоятельства, при которых сторона может быть освобождена от ответственности за неисполнение обязательства, при условии, что неисполнение было вызвано факторами, не зависящими от нее.

Нарушения условий международного договора купли-продажи или несоблюдение его положений нежелательны для обеих вовлеченных сторон. Такие нарушения негативно сказываются на международном сотрудничестве. Венская конвенция предлагает средства правовой защиты для минимизации потерь и защиты от неблагоприятных последствий. Эти средства правовой защиты кратко описаны в Конвенции, представляя собой всеобъемлющий набор мер, направленных на защиту покупателя от пагубных последствий международных сделок (табл. 2).

Таблица 2. Средства правовой защиты покупателя

Обязательства продавца	Права покупателя при нарушениях со стороны продавца
Изменение цены	Право на соразмерное уменьшение цены в случае невыполнения условий
Исполнение обязательств	Если исполнение не соответствует договорным условиям, возможно требование выполнения условий с уведомлением о новом сроке
Замена товара	Отказ от товара с недостатками и требование на его замену
Урегулирование несоответствия	Право на устранение несоответствия товара, независимо от его значимости
Установление нового срока	Установление нового срока для исполнения с сохранением прав
Уведомление о расторжении договора	В случае существенного нарушения, покупатель может требовать расторжения договора
Отказ от приемки	При отказе от приемки покупатель может самостоятельно принять меры по сохранению товара
Возврат стоимости с процентами	При возврате, процентная ставка определяется в соответствии с законодательством

Следовательно, очевидно, что как покупатели, так и продавцы наделены существенными правами, что укрепляет уверенность в заключении международных договоров купли-продажи и расширяет их деятельность по всему миру. Уникальность сделок между экономическими участниками из разных стран, учитывая законодательные нюансы каждой страны, подчеркивает критический характер не только бесперебойного выполнения договорных обязательств, но и документального аспекта, связанного с пересечением границ. Декларирование перевозимых товаров приобретает первостепенное значение.

Таможенные декларации служат документами, содержащими информацию о товарах, пересекающих международные границы, подготовленными в соответствии с правилами страны назначения. В данном контексте «товары» охватывают не только предметы, предназначенные для перепродажи, но и личные вещи, багаж, валюту, ценности и т.д.

Таможенное законодательство определяет категории товаров, требующие декларирования:

- Товары, пересекающие таможенную границу;
- Товары, подлежащие изменению таможенного режима;
- Товары, превращающиеся в отходы после применения режима таможенного оформления;
- Другие сортированные товары.

Стандартный формат таможенной декларации – это письменное заявление, содержащее подробную информацию о грузе, таможенном режиме, перевозке и т.д. Для физических лиц обычно используется форма TD-6. Если груз находится в пути без заполненной декларации, он не может пересечь границу.

Роль таможенной декларации выходит за рамки простого описания. Она служит для проверки разрешения на пересечение границы и получает одобрение таможенного органа, подтверждающее законность перемещения товаров [3] (табл. 3).

Таблица 3. Средства правовой защиты продавца

Действия покупателя	Ответственность продавца
Право требовать выполнения обязательств	Определение важности правильной квалификации спорных вопросов в договоре и применяемого права
Определение срока исполнения	При уклонении покупателя от исполнения, продавец имеет право обозначить срок для выполнения или заявить о расторжении договора
Инициатива расторжения контракта	В договоре могут быть оговорены условия, квалифицируемые как фундаментальные или несущественные для его расторжения
Компенсация расходов на хранение	При задержке исполнения со стороны покупателя, продавец должен принять разумные меры по сохранению товара
Требование возмещения убытков	Продавец имеет право заявить требование о возмещении причиненных убытков

Что касается формы договора, международная купля-продажа товаров требует заключения письменных соглашений или использования других форм, обладающих равной юридической силой, таких как сопроводительная электронная почта или телексы.

Содержание международного договора должно включать следующую информацию:

- Информацию о договаривающихся сторонах, включая название, адрес, гражданство и информацию о представителе (если это организация).

- Сведения о товаре, включая тип, количество, качество, способ и место доставки, информацию об агентстве доставки и гарантию (если предусмотрена).
- Положения, связанные с оплатой, такие как общая стоимость контракта, способ оплаты, время платежа и наказание за несвоевременный платеж.
- Другие положения, касающиеся исполнения договора, включая срок действия, права и обязанности сторон, процедуры на таможне, нарушение, урегулирование споров и применимое право.

Хотя существует основное содержание международного договора купли-продажи, договаривающиеся стороны могут заключать дополнительные соглашения, соответствующие закону [4].

Порядок заключения договора международной купли-продажи

Международные договоры купли-продажи, сродни внутренним контрактам, могут быть сформулированы с помощью различных методов. Коммерческой сфере работают несколько подходов транзакций, среди которых широко распространены по заключению договора:

- Акцепт оферты претендента;
- Составление единого документа, подписанного представителями обеих сторон;
- Использование глобальной информационной сети, Интернета и электронной почты для общения.

Акцепт предложения о заключении контракта является традиционным методом, широко используемым в настоящее время для заключения международных договоров купли-продажи. Этот метод тщательно регулируется Венской конвенцией, в частности, ее второй частью, статьями 14–24, в которой описывается процедура заключения контракта. Анализ этих положений наряду с нормами российского гражданского законодательства, регулирующими заключение договоров (статьи 432–449 Гражданского кодекса Российской Федерации), выявляет уникальные аспекты международных договоров купли-продажи в соответствии с Венской конвенцией:

- Оферта, адресованная неопределенному кругу лиц, как правило, считается не обязательным предложением, а приглашением делать оферты. Однако это правило (статья 14(2) Венской конвенции) является гибким: если оферент недвусмысленно заявляет, что оферта должна стать обязательной при акцепте какой-либо стороной, то она считается офертой;
- Венская конвенция допускает возможность отзыва оферты; предполагается, что оферта может быть отозвана оферентом в любое время до заключения соглашения. Отзыв считается законным, если уведомление об отзыве поступает адресату оферты до того, как он отправит свой акцепт. Однако оферта не может быть ото-

звана, если в ней указано, что она безотзывна, или если указан срок для акцепта. Кроме того, oferta может считаться безотзывной, если ее содержание предоставляет получателю offerты право полагаться на нее как на таковую, при условии, что их действия отражают это убеждение;

- Венская конвенция предусматривает, что offerта, в том числе безотзывная, считается аннулированной, если получатель offerты получает уведомление offerента об аннулировании до или одновременно с самой offerтой, то есть в тот же день. Поскольку offerта вступает в силу, когда она доходит до адресата offerты (статья 15(1) Венской конвенции), различие между отзывом и аннулированием заключается во времени: аннулирование может произойти только до или одновременно с получением offerты; после вступления offerты в силу отзыв возможен только в том случае, если offerта не является считается безотзывным;
- Offerта утрачивает силу после отклонения получателем offerты, тем самым отказываясь от заключения соглашения, вступающего в силу с момента получения offerентом уведомления об отклонении;
- Принятие offerентом означает его согласие на заключение договора, которое должно быть доведено до сведения offerента. Акцепт вступает в силу с момента получения offerентом настоящего уведомления;
- При определенных условиях, если это подразумевается offerтой, обычной практикой или установившимися отношениями между сторонами, получатель offerты может выразить согласие посредством таких действий, как отправка товара или осуществление платежа. В этих случаях уведомление offerента не требуется, но действия должны быть совершены в течение периода акцепта. Акцепт вступает в силу после выполнения действия, указывающего на согласие с offerтой;
- Аналогично российскому законодательству, молчание или бездействие получателя offerты не является акцептом в соответствии с Венской конвенцией (статья 18(1)), что делает это обязательное правило без исключений;
- Венская конвенция устанавливает, что ответ получателя offerты, предлагающий согласиться с договором на условиях, отличных от предложенных, представляет собой отклонение offerты и встречное предложение. Это положение подробно изложено в статье 19: существенно отличающиеся условия в ответе считаются существенными. К ним относятся условия, касающиеся цены, оплаты, качества и количества товара, места и времени доставки, ответственности сторон и методов разрешения споров. Изменения, касающиеся таких условий, представляют собой новое предложение. Если ответ содержит незначительные расхождения или новые предложения, которые не из-

меняют существенных условий offerты, например, продление срока действия соглашения не до 15 декабря, а до 31 декабря текущего года без возражений, такой ответ считается акцептом, и соглашение считается заключенным на условиях offerты с изменениями, включенными в ответ.

Соглашение считается заключенным в тот момент, когда offerент получает согласие получателя offerты в ответ на offerту.

Общие условия продажи

Общие условия продажи оказываются весьма полезными, когда стороны проводят ряд сделок купли-продажи в течение времени. В каждом конкретном случае они согласовывают цены и условия поставки, оставляя остальные условия, такие как порядок возврата товара, переход риска, оплата, соответствие товара и гарантии, под общими положениями и условиями.

В отношении всех других аспектов отдельных сделок, стороны обращаются к общим положениям и условиям продажи или покупки, в зависимости от их роли (продавец или покупатель). Эти общие условия становятся договорными условиями, дополняя каждую куплю-продажу. Для избежания сомнений и споров, общие условия продажи должны быть подписаны или приняты обеими сторонами.

Проблема, связанная с действительностью условий, может возникнуть при требовании специального одобрения или двойной подписи. Судебная практика показывает, что в международных сделках, регулируемых Конвенцией Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров (Вена, 1980 г.), применение двойной подписи по статье 1341 Гражданского кодекса исключается.

Однако, для предотвращения возможных споров, стороны могут решить поставить двойную подпись внизу своих общих условий. Общие условия продажи действуют как рабочий инструмент, обеспечивая определенные правовые рамки и минимизируя корпоративную бюрократию. Рекомендуются, чтобы юрист разработал простые общие условия, защищающие основные аспекты бизнес-рисков, чтобы облегчить их принятие со стороны партнеров.

Подтверждение принятого заказа

Подтверждение заказа представляет собой распространенный рабочий инструмент в деловой практике. Этот инструмент широко используется и иногда называется «счет-проформа», завершая переговоры и содержа в себе основные элементы счета-фактуры (информацию о сторонах, цену за единицу, общее количество продукции, условия оплаты, сроки, возврат товара и другие), облегчая взаимодействие между сторонами.

Важно использовать подтверждение заказа в правовом и защитном контексте:

- После подписания общих условий, как упомянуто выше, для урегулирования ключевых аспектов каждой отдельной продажи (цена, дата поставки).
- В случае отсутствия подписанных общих условий продаж, оно может быть использовано для защиты экономической сделки, включая специальные защитные положения. Эти положения касаются возврата товара, соответствия товара, гарантий, оплаты, риска неплатежа, сохранения правового титула, применимого законодательства и разрешения споров.
- Партнер по контракту должен явно принять подтверждение заказа, учитывая требования формы, упомянутой выше. Практическим преимуществом этого инструмента является легкость принятия со стороны партнера благодаря его ясности и простоте. В то же время, его применение требует внутренней процедуры компании для каждой продажи, включая отправку подтверждения и запрос акцепта для продолжения обработки заказа [5].

Заключение

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сказать, что заключение международных договоров купли-продажи является важным этапом в сфере международной торговли, охватывающим широкий спектр деятельности отдельных стран и компаний. Этот процесс представляет собой сложный набор переговоров, условий и соглашений, направленных на установление взаимовыгодных отношений между сторонами.

Выбор между рассматриваемыми инструментами зависит от конкретного случая в бизнесе, внутренней структуры компании, типа клиентов и уровня защиты. Предоплата или аккредитивы могут быть недостаточными для обеспечения полной защиты, поэтому использование дополнительных контрактов является обоснованным подходом.

Литература

1. Международные соглашения о купле-продаже. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://internationalawtfc.com/international-sales-and-purchase-agreements/>. – (дата обращения 18.01.2024).
2. Видищева Р. С. Договор международной купли-продажи и особенности его использования при оформлении таможенных документов // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 11–2. С. 155–160
3. Как составить международный договор купли-продажи. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://vietanlaw.com/draft-international-purchase-sale-contract/> – (дата обращения 18.01.2024).
4. Международное соглашение о купле-продаже товаров. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.qualified-pension.com/2022/05/international-purchase-sale-of-goods-agreement/>. – (дата обращения 18.01.2024).
5. Как заключить международный договор купли-продажи. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://imantelli.eu/en/how-to-conclude-an-international-sales-contract/>. – (дата обращения 18.01.2024).

LEGAL CHARACTERISTICS OF THE CONCLUSION OF AN INTERNATIONAL CONTRACT OF SALE

IJtsma O.N.

“Lex Law company”

The conclusion of international sales contracts plays a key role in the field of global trade, covering many types of activities in which States and enterprises participate. This complex process entails many multifaceted negotiations, conditions and agreements, all with the ultimate goal of establishing mutually beneficial relationships between the parties involved. In an era characterized by globalization and the expanding reach of business across borders, the importance of international sales contracts cannot be overestimated, as they serve as the basis for strengthening stability and success in international economic relations. Therefore, the purpose of this work is to consider the general characteristics of the conclusion of an international sales contract. Scientific works and specialized literature acted as methodological foundations, international acts and domestic legislation acted as normative foundations. By examining the general characteristics of these agreements, this study seeks to shed light on the complex web of international trade dynamics, clarifying the mechanisms underlying the global exchange of goods and services.

Keywords: purchase and sale, international sale and purchase, contract of sale, international law, domestic law.

References

1. International purchase and sale agreements. [Electronic resource] Access mode: <https://internationalawtfc.com/international-sales-and-purchase-agreements/>. – (accessed 18.01.2024).
2. Vedishcheva R.S. The contract of international sale and the specifics of its use in the preparation of customs documents // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2021. No. 11–2. pp. 155–160
3. How to draw up an international contract of sale. [Electronic resource] Access mode: <https://vietanlaw.com/draft-international-purchase-sale-contract/> – (updated on 01/18/2024).
4. An international agreement on the purchase and sale of goods. [Electronic resource] Access mode: <https://www.qualified-pension.com/2022/05/international-purchase-sale-of-goods-agreement/>. – (accessed 18.01.2024).
5. How to conclude an international contract of sale. [Electronic resource] Access mode: <https://imantelli.eu/en/how-to-conclude-an-international-sales-contract/>. – (accessed 18.01.2024).